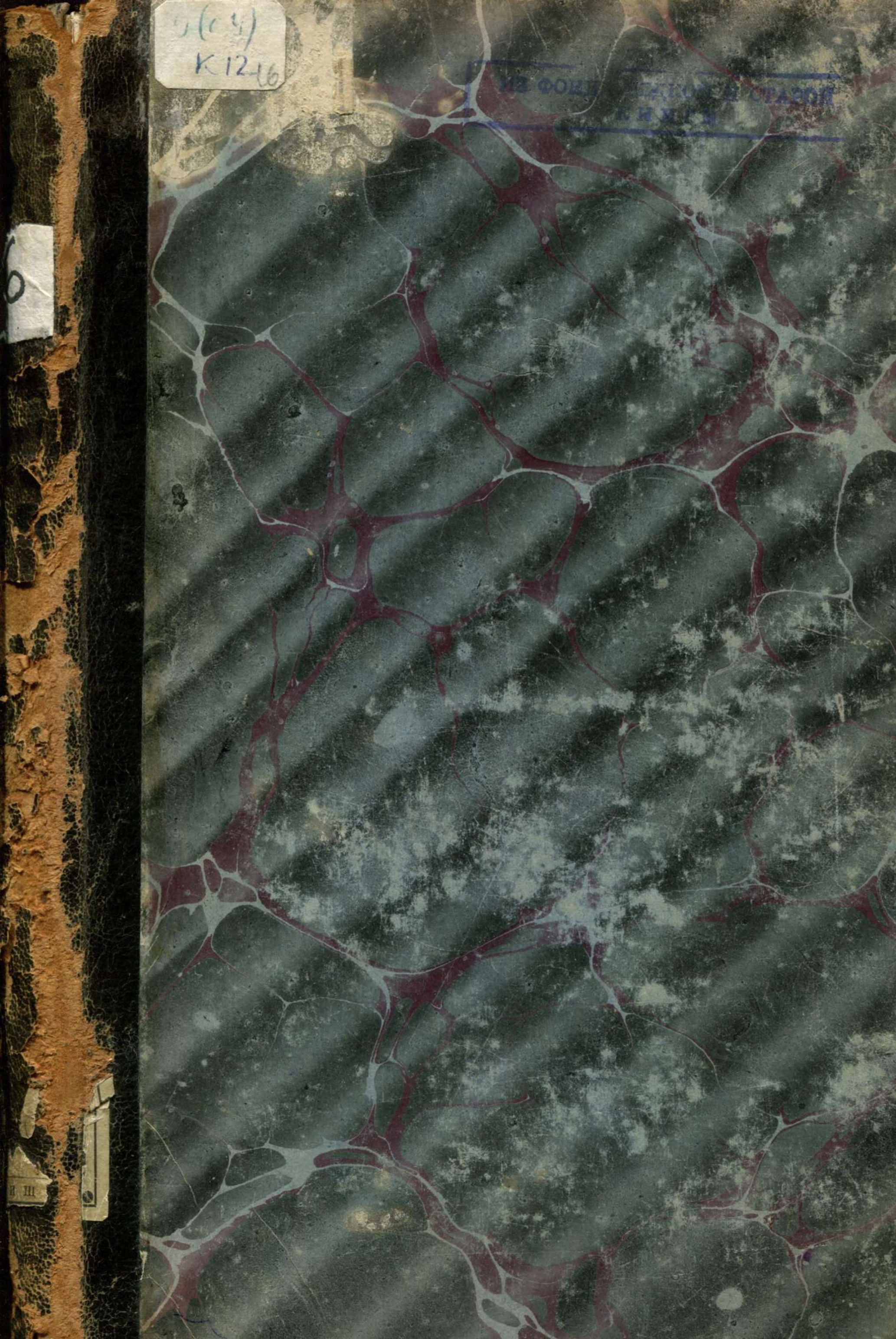

5(04)
K12-16

LIBRARY OF THE
HARVARD-YENCHING INSTITUTE
OF CHINESE STUDIES
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS

6

III

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ИЗ ОБЛАСТИ РУССКОЙ И СТАРОЙ
СЛАВЯНСКОЙ

2321

7795

7388

Эт. Чит. Зал

ЧИТАЛЬНИЙ
ЗАЛ

0.83(сч)
К-12
5(сч)
22

КАВКАЗСКІЙ

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОВЪЛЕНІЯ

ПО УКАЗАНІЮ

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

ВЪ ВѢТНОСТЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ КАВКАЗСКОЮ АРМІЕЮ.

Подъ редакціею артилеріи генераль-лейтенанта Чернявскаго.

29607

1961

ТОМЪ XVI.

13871

4388

ТИФЛИСЬ.

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, Лорисъ-Мели-
ковская улица, домъ казенный.

1895.

ТЕМИРЪ-ХАНЪ
УЧИЛИЩЕ
ПЛАНОВЕ

ШУРИНСКОЕ	
Отд.	IV
№	32
УЧИЛИЩЕ	

ТЕМИРЪ-ХАНЪ

РЕАЛЬНОЕ

1951

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Служба артилерійскаго офицера, воспитывавшагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году (продолженіе). <i>Э. В. Бриммера</i>	1
II. Имеретинская неурядица въ 1809 и 1810 годахъ (окончаніе). <i>В. Чудинова</i>	235
III. Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1846 году (продолженіе). <i>К.</i>	279
IV. Дѣйствія нашихъ войскъ въ Чечнѣ съ конца 1852 года по 1854 годъ. <i>М. Егорова</i>	352
V. Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ (продол.). <i>Ф. фонъ-Климана</i>	406

О П Е Ч А Т Ъ И.

СТР.	СТРОКИ		НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ
	СВЕРХУ	СНИЗУ		
55	—	11	врагъ	оврагъ
128	—	7	Солтавиѣ	болтовнѣ

СЛУЖБА АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА,

ВОСПИТЫВАВШАГОСЯ ВЪ I НАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ И
ВЫПУЩЕННАГО ВЪ 1815 ГОДУ.

(Продолженіе).

VII.

Занятіе Тавриза. Посѣщеніе дворца Аббасъ-Мирзы. Разочарованіе или непризнанный подвигъ. Успокоенное самолюбіе. Уничтоженіе порохового завода. Занятіе Хоя. Встрѣча Аббасъ-Мирзы. Крѣпость Хой. Разговоръ мой съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Переговоры о мирѣ. Понятія персіянъ о воинской подчиненности. За рубль—денежку. Прапорщикъ-евнухъ. Контрибуціонное золото. Болѣзнь и смерть начальника артилеріи. Житіе въ Хоѣ. Квартира. Базаръ. Бой пѣтуховъ. Бой барановъ. Русскіе бѣглецы. Нравственность Востока. Амиръ-Асланъ-ханъ хойскій. Посѣщеніе хана. Офицерскій кружокъ. Знакомство съ персидскимъ артилерійскимъ офицеромъ. Посѣщеніе мною персидскаго семейства. Предусмотрительность персидскаго воина. Еще артилерійскій офицеръ. Генераль Панкратьевъ. Пари. Переселеніе армянъ. Арестъ Амиръ-Асланъ-хана. Восточная привѣтливость. Приемъ контрибуціоннаго золота. Законъ о сердцѣ. Мой отъѣздъ изъ Персіи и прибытіе къ дѣйствующимъ войскамъ въ Турціи. Въ дорогѣ. Представляюсь начальнику артилеріи. Командую батареею № 1 ротою. Выгода командования арсеналомъ. Ужинъ въ Хоѣ.

Приближаясь къ Тавризу, мы увидѣли сплошную массу народа, стоявшаго версты на три отъ города по обѣ стороны дороги, по которой медленно подѣзжалъ къ намъ беглеръ-бей съ огромной свитой. Преклоня голову, онъ передалъ ключи города отрядному начальнику князю Эристову. Въ эту минуту, кажется, старикъ помирился съ дядьками!... Огромную, цеструю свиту беглеръ-бея трудно было свернуть въ сторону. Кавалерійскій отрядъ выѣхалъ впередъ, князь, указавъ персіянину ѣхать подлѣ себя, тронулся впередъ—и началось cere-

моніальнымъ маршемъ торжественное шествіе съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Народъ кланялся до земли, подымалъ руки то къ небу, то къ сердцу, кричалъ что-то про Аллаха и справа и слѣва, при приближеніи князя Эристова, рѣзалъ барановъ, какъ жертвоприношеніе. Чуть ли не до ста штукъ было зарѣзано на этихъ двухъ верстахъ. Пройдя мимо дворца Аббасъ-Мирзы, называемаго „Аркъ“ и окруженнаго каменною стѣною, мы расположились лагеремъ.

Отдохнувъ немного, я пошелъ съ товарищемъ въ городъ, гдѣ мы встрѣтили много офицеровъ и солдатъ, расхаживающихъ по лавкамъ и узкимъ улицамъ съ такою беззаботностью, какъ будто они были въ калужской губерніи. Проходя близъ дворца, мы вошли въ него и увидѣли тамъ князя Эристова и много генераловъ, разсматривавшихъ жилище наследника персидскаго престола. Тутъ подошелъ ко мнѣ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и, поздоровавшись, разсказалъ, что Эристовъ въ восторженномъ настроеніи отъ взятія Тавриза, считаетъ себя чуть ли не выше Цезаря и, разговаривая съ нимъ, вдругъ спросилъ:

— А что, братъ, Паскевичъ будетъ доволенъ?

— Не знаю—отвѣчалъ Грибоѣдовъ—это еще посмотримъ.

— Ничего, братъ! Тавризь взялъ, шахъ-зада прогналъ! А что, братъ, какъ ты думаешь, что скажетъ Европа?

— Э, ваше сіятельство! Европа не Катерина Авакіевна¹⁾; она мало заботится о Тавризѣ и кто его взялъ, отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

Дворецъ довольно обширный, залы двѣ просторныя, одна небольшая комната съ широкими диванами, стѣны и потолокъ зеркальные—*chambre des ébats lubriques, goût oriental*; видѣли комнату, въ которой, сидя у раствореннаго окна, Аббасъ-Мирза давалъ аудіенціи, а также судъ и расправу; окно обра-

---

¹⁾ Полковница, вдова, жившая въ Тифлисѣ съ занятія Грузіи русскими и всегда игравшая съ княземъ Эристовымъ въ бостонъ; извѣстная говорунья.

щено на четырехъ-угольный дворъ, вымощенный мраморомъ; въ срединѣ его бассейнъ. Вообще дворецъ чистенькій, внутри много цестрыхъ арабесковъ, много мрамора и воды.

Старикъ Эристовъ гулялъ по комнатѣ, точно хозяинъ, показывающій гостямъ свое родовое, имъ улучшенное имѣніе. Но, увы, разочарованіе уже слѣдило по пятамъ почтеннаго князя, и восторженное настроеніе духа должно было скоро, скоро уступить мѣсто какой-то ребяческой, чтобъ не сказать одурѣлой боязни гнѣва главнокомандующаго²⁾. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда мы вошли въ Маранду, наши начальники узнали о взятіи Эривани, 1-го октября, и рассчитывали, что генераль Паскевичъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что дѣлается по лѣвую сторону Аракса, поспѣшитъ переправиться на правый берегъ, чтобы соединиться съ отрядомъ князя Эристова и быть единымъ дѣятелемъ на военномъ поприщѣ. Заключение это было безошибочно, и потому совѣтники или, какъ называлъ ихъ старикъ въ минуту негодованія— „дядьки“—постарались уговорить князя идти поспѣшиѣе на Тавризь, опасаясь вскорѣ получить отъ главнокомандующаго повелѣніе остановиться. Дѣйствительно, пріѣхалъ курьеръ съ повелѣніемъ остановиться, но повелѣніе опоздало: Тавризь былъ взятъ, притомъ Эристовымъ, а не Паскевичемъ, который долженъ былъ удовольствоваться наименованіемъ „Эриванскаго,“ а не „Тавризкаго,“ что ему крѣпко желалось, какъ нѣкоторые утверждали. Когда Паскевичъ прочелъ донесеніе о взятіи Тавриза, онъ ужъ былъ въ Марандѣ и страшно разсердился за самовольный подвигъ. Генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ, управляющій штабомъ главнокомандующаго, рассказывалъ г.-м. Панкратьеву, что онъ никогда не видѣлъ его болѣе разгнѣваннымъ. Перейдя хребетъ горъ, главнокомандующій приказалъ г.-м. Муравьеву явиться къ нему. Муравьевъ поѣхалъ; тутъ была головомойка à la Паскевичъ, т. е. съ раздраженіемъ, не терпящая противорѣчія

---

²⁾ Все тутъ рассказанное я знаю отъ Н. Н. Муравьева и Никиты Петровича Панкратьева.

и повторяющая: „какъ вы смѣли?!“ Когда Муравьевъ, достаточно награжденный, былъ отпущенъ и сердце Ивана Θεодоровича немного улеглось, генераль Сухтеленъ, человекъ придворный и, какъ видно, разсудительный и находчивый, бросилъ главнокомандующему слѣдующую фразу: „впрочемъ, ваше высокопревосходительство, отрядъ генерала князя Эристова —вашъ авангардъ, который дѣйствуетъ по вашимъ распоряженіямъ, исполняетъ ваши повелѣнія; и если онъ воспользовался отсутствіемъ непріятеля и занялъ Тавризь, то это было только слѣдствіемъ вашихъ распоряженій.“ Главнокомандующій успокоился, но ключи и торжественность вступленія въ Тавризь Эристова, видно, все-таки лежали на сердцѣ, и потому было приказано: возвратить ключи беглеръ-бею, чтобы при торжественномъ вступленіи главнокомандующаго онъ вручилъ ихъ ему, затѣмъ, чтобы нашъ отрядъ стоялъ при проходѣ войскъ на одной сторонѣ дороги, а народъ на другой. Такъ все и было. Шествіе было великолѣпное и продолжительное; наши войска отдавали честь, музыка играла, барабаны били; а на другой сторонѣ народъ кричалъ, поднималъ руки, кланялся въ поясъ и въ землю и принесъ въ жертву уже не однихъ барановъ, но и съ десятокъ быковъ. Потомъ былъ всему войску церковный парадъ и торжественное молебствіе за взятіе Тавриза. Но князь Эристовъ, не даромъ предчувствовавшій гнѣвъ главнокомандующаго, получивъ отъ Государя орденъ Александра Невскаго, былъ скоро назначенъ начальникомъ войскъ въ Дагестанѣ и тѣмъ заключилъ свое военное поприще, а генераль Муравьевъ, кажется, съ этихъ поръ потерялъ расположеніе Ивана Θεодоровича. И самый лучший человекъ, все-таки человекъ, а человекъ имѣетъ свои слабости. А потому не будемъ ставить въ укоръ нашему счастливому полководцу, что, высокая, прямая душа его поддалась мелочному самолюбію и не забудемъ, что, принявъ начальство послѣ Алексѣя Петровича Ермолова, онъ всюду думалъ видѣть око-

ло себя интриги, и потому былъ раздражителенъ. *La part de l'homme!*

По взятіи Тавриза, г.-м. Муравьевъ поручилъ мнѣ описать и уничтожить имѣющійся тутъ пороховой заводъ. Хотя я узналъ отъ главнаго мастера и другихъ рабочихъ, что заводомъ управлялъ англичанинъ, но онъ не явился, вѣроятно потому, что нечѣмъ было похвастать, ибо порохъ былъ нехорошъ—зерна легко раздавливались пальцами; видно, работы производились не тщательно, но спѣшно. Лучшее что я нашелъ въ заводѣ, это были два огромные бѣлые лебедя, которыхъ я послалъ съ фейерверкеромъ въ Аркъ—дворецъ Аббасъ-Мирзы, въ коемъ жилъ Паскевичъ—пустить ихъ въ большой бассейнъ на мраморномъ дворѣ. Какъ только два артиллериста пустили ихъ въ бассейнъ, главнокомандующій вышелъ изъ комнатъ: „Откуда лебеди?“—Съ порохового завода, ваше высокопревосходительство. — „Хорошо, спасибо!“ и, обернувшись къ адъютанту, приказалъ дать имъ по червонцу.

Вскорѣ по прибытіи главнокомандующаго въ Тавриздъ завязались сношенія съ Аббасъ-Мирзою, который просилъ свиданія съ Паскевичемъ и предлагалъ для этого свой дворецъ въ Дейкарганѣ, невдалекѣ отъ озера Урміи. Генералъ согласился. Въ началѣ ноября, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Константина Бенкендорфа, былъ собранъ отрядъ войскъ для занятія крѣпости Хой. Отрядъ этотъ состоялъ изъ полковъ: Козловскаго и Нашебургскаго, 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи—командиръ г.-м. Панкратьевъ ³⁾—легкой № 3 роты кавказской гренадерской артилерійской бригады, четырехъ орудій 2-й легкой роты и казацкаго донскаго полка. Аббасъ-Мирза, стоявшій близъ озера Урміи, къ сторонѣ Делимана, узнавъ, что при проѣздѣ его въ Дейкарганъ, на переговоры, онъ долженъ встрѣтить войска, идущія для занятія Хоя, просилъ д. с. с. Обрѣзкова, главнаго дипломатическаго чиновника,

³⁾ Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и варшавскій генералъ-губернаторъ.

чтобъ, при встрѣчѣ съ русскими войсками, ему отдали честь и стрѣляли изъ пушекъ. Главнокомандующій тотчасъ приказалъ удовлетворить щекотливое самолюбіе наследника шахскаго престола. Между тѣмъ отрядъ г.-л. Бенкендорфа выступилъ по дорогѣ къ кр. Хою. Погода стояла прекрасная, теплое солнце гуляло по безоблачному лазоревому небу, дорога шла по ровной долинѣ до горъ Казахъ-дагъ, за хребтомъ которыхъ лежала крѣпость Хой. На другой день по выступленіи изъ Тавриза, въ д. Диза, къ г. Бенкендорфу пріѣхалъ посланный отъ Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза ѣдетъ. Войска выстроились въ одну линію; артилерія между полками, казаки на лѣвомъ флангѣ. Когда поѣздъ сталъ приближаться, артилерія снялась съ передковъ и мы сдѣлали 51 выстрѣлъ. Еще счетъ не былъ конченъ, какъ шахъ-зада подѣхалъ къ правому флангу и остановился. Артилерія замолкла, войска отдали честь, барабаны забили, музыка заиграла. Довольный принцъ, весело улыбаясь, поѣхалъ по фронту. У каждаго баталіона онъ говорилъ порусски: „здравствуйте, ребята!“ Подѣхавъ къ артилеріи, онъ остановился. Я стоялъ у банника подлѣ перваго орудія; подлѣ меня—командиръ роты подполковникъ Аристовъ, маленькій, толстый человекъ, верхомъ. Аббасъ-Мирза былъ въ двухъ шагахъ предо мною. Онъ сидѣлъ на высокой сѣрой лошади, одѣтъ былъ просто—никакихъ яркихъ цвѣтовъ въ одеждѣ, въ папахѣ; на поясѣ—кривая сабля; лѣвою рукою держалъ уздечку, въ правой—полу-аршинную серебряную палочку, сверху которой изображеніе луны; этой палочкой довольно часто чесалъ себѣ шею. Черная, длинная, окладистая борода; физіономія порядочнаго, добраго человека. Обернувшись къ г. Бенкендорфу онъ говоритъ черезъ переводчика: „у васъ артилерія очень хороша; мои персіяне никогда не будутъ хорошими артиллеристами—они горячія головы, у нихъ нѣтъ спокойствія.“ Затѣмъ, указывая палкой на подполковника Аристова—„вотъ и у васъ, какъ у меня, всѣ

командиры артилерійскихъ батарей толстые; вѣрно, имъ хорошо жить!“—и тронулся дальше.

Съ этого ночлега отрядъ нашъ раздѣлился: половина пошла въ кр. Хой, а другая заняла Делиманъ и Урмію; я съ четырьмя орудіями нашей роты пошелъ въ Хой, гдѣ была квартира отряднаго командира. Городъ оказался изрядный, съ большимъ базаромъ и множествомъ лавокъ; крѣпость въ жалкомъ состояніи. Здѣсь Аббасъ-Мирза расположилъ сформированный имъ русскій баталіонъ изъ бѣглыхъ солдатъ, переженивъ ихъ всѣхъ на армянкахъ. Генераль-маіоръ Панкратьевъ пошелъ для занятія Делимана и г. Урміи. Устроивъ тамъ все какъ слѣдовало, онъ вернулся въ Хой и, по отъѣздѣ г.-л. Бенкендорфа, принялъ начальство надъ отрядомъ. На другой день по занятіи Хоя г. Бенкендорфъ приказалъ мнѣ придти къ себѣ и, отдавъ мнѣ приказаніе осмотрѣть арсеналь и подать ему краткую записку о томъ, что тамъ находится, спросилъ меня по-нѣмецки: „Wie kommt's, dass Sie hier dienen?“—Ich diente in Petersburg und hat den Grossfürsten übergeführt zu werden nach dem Caucasischen Corps.—„Also eigener Wille Sie haben keine dummen Streiche gemacht?“

— Sehe ich danach aus, Excellenz?—„Nein, im Gegentheil, darum kommt's mir sonderbar vor, dass Sie hier dienen. Ich werde Ihnen einen guten Rath geben: nehmen Sie Urlaub, fahren Sie nach Petersburg, besuchen Sie meinen Bruder, und sagen Sie ihm, dass ich ihn bitte, Ihnen einen guten Platz in Petersburg zu geben,—er wird's thun und Sie werden es besser haben, als hier.“

— Danke Ihnen recht sehr Excellenz, aber ich will nicht in Petersburg dienen, ich will suchen mich hier im beständigen Kriege emporzuhelfen!—„Nach Ihrem Willen,“ сказалъ генераль и тѣмъ кончилъ разговоръ.

Но при отъѣздѣ его, когда мы пришли къ нему проститься, онъ, обходя съ Панкратьевымъ гг. офицеровъ, подошелъ ко

мнѣ и сказалъ: „Haben Sie überdacht von was wir sprachen? Ich werde doch an meinem Bruder schreiben?“ Я поклонился и поблагодарилъ его, но остался при своемъ, предложенія его не принялъ и, бывши послѣ турецкой кампаніи въ Петербургѣ, къ брату его не пошелъ. Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ младшій братъ шефа жандармовъ Александра Бенкендорфа. Это былъ настоящій Баярдъ—храбръ, добръ, веселъ, привѣтливъ, любимъ всеми окружающими. Рассказывали, что когда онъ, командуя въ началѣ кампаніи авангардомъ, вступилъ въ эриванское ханство, то масса персидской кавалеріи тѣснила сотни донцовъ. Онъ подъѣхалъ къ черноморцамъ и впереди ихъ, съ шикою въ рукѣ, бросился на персіянъ, смялъ ихъ, гналъ и кололъ, такъ что черноморцы говорили: „О, це якій! то изъ нашихъ; а казалы, що съ Питербурха!“ Не долго жилъ—умеръ въ турецкую кампанію.

И, вотъ, мы зажили въ Хоѣ на долгое время, зажили точно у себя дома, гуляли и ѣздили по Персіи, какъ по своей странѣ, пожалуй, чуть ли не привольнѣе.

Послѣ свиданія въ Дейкарганѣ, дипломаты сошлись въ Туркманчаѣ для трактованія о мирѣ. Между тѣмъ главнокомандующій выслалъ отрядъ по дорогѣ къ Тегерану, столицѣ шаха, въ селеніе Міаны ^{*)}, къ подошвѣ Кафланъ-куха. Еслибы генералъ Паскевичъ тотчасъ поддался настояніямъ Государя о скорѣйшемъ заключеніи мира (ибо тогда предвидѣлся уже разрывъ съ Турціею) и, въ случаѣ упорства персіянъ выплатить военныя издержки, довольствоваться присоединеніемъ къ Имперіи двухъ ханствъ—эриванскаго и нахичеванскаго, т. е. съ границею по Араксу, то не видать бы намъ персидскаго золота. Но Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, очень хорошо зная, что не легко убѣдить шаха разстаться съ накопленными сокровищами, не показывалъ большого желанія къ за-

^{*)} С. Міана извѣстно ядовитыми клопами, которые, какъ говорятъ, для туземцевъ не опасны, но иностранцы отъ укушенія такого клопа умираютъ. Рассказывали, что одинъ изъ нашихъ нижегородскихъ драгунъ умеръ отъ укушенія клопа.

ключенію скорого мира; напротивъ, въ половинѣ декабря, когда Аббасъ-Мирза уже вѣрно заупрямился, онъ приказалъ прервать переговоры и отдалъ приказъ быть готовымъ къ выступленію. Но такъ какъ снѣгъ на дорогѣ, въ горахъ, лежалъ глубокой, то приказано было дѣлать треугольники для очищенія снѣга. А когда, чрезъ нѣсколько дней, какъ отъ Тавриза, такъ и отъ Міаны дорогу на гору стали очищать, испуганные персіяне согласились на всѣ требованія, и такимъ образомъ намъ достались два ханства и 80 милліоновъ рублей за военныя издержки.

Тутъ можно встать и рассказать случай, показывающій понятія персіянъ о нашей воинской подчиненности. Наивность этихъ понятій доказываетъ между прочимъ шаткость зависимости отдаленныхъ хановъ отъ шаха. Баронъ Отто Розенъ, кавалерійскій дивизіонный генералъ, командовалъ отрядомъ въ Міанѣ. Когда стали расчищать снѣгъ по дорогѣ, то онъ для пробы, хорошо ли артилеріи и обозамъ будетъ идти, приказалъ четверемъ легкимъ орудіямъ и части обоза потянуться въ гору; съ ними пошла рота пѣхоты и нѣсколько казаковъ. Выйдя чрезъ нѣсколько времени къ лагерю и замѣтивъ, что эта команда прошла довольно въ гору, онъ своимъ обычнымъ громкимъ голосомъ и жестомъ руки приказалъ адъютанту вернуть ихъ. Тотъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ. Команда вернулась. Множество персіянъ въ разныхъ группахъ смотрѣли на все это. Что же вы думаете, какое они вывели заключеніе изъ этой пробной прогулки? Что главнокомандующій Московичъ, приказалъ войскамъ идти въ Тегеранъ, но что г. Розенъ разсердился и вернулъ ихъ. Такъ и доложили шаху. Вы думаете, вамъ рассказываютъ изъ „не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“—ошибаетесь! Когда миръ, 10-го февраля, былъ подписанъ, шахъ просилъ Паскевича прислать къ нему Розена. Иванъ Θεодоровичъ, надрываясь со смѣху, трунилъ надъ Розеномъ и, кажется, поздравивши съ новрузомъ (новый годъ

помусульмански, въ мартѣ), послалъ его къ Фетъ-Али-шаху, который принялъ его чрезвычайно радушно, благодарилъ за *приверженность къ его особѣ*, крѣико надарилъ его, по азійскому обычаю, и возложилъ на него орденъ Льва и Солнца 1 ст., такъ изукрашенный крупными брилліантами, что и орденъ Паскевича былъ менѣе цѣнный.

Къ новрузу контрибуціонное золото уже было въ дорогѣ; по послѣднему извѣстію, оно прошло уже Казвинъ и Султанію и приближалось къ Кафланъ-куху. Главнокомандующій былъ въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа, и было отчего: кампанія кончена блистательно, взято два ханства, установлена прочная граница—р. Араксъ, потеря людей не весьма значительна (12 т., изъ коихъ на полѣ битвъ менѣе одной тысячи, прочіе—отъ болѣзней, въ госпиталяхъ), и 80 милліоновъ золотомъ уже везутъ, уже приближаются къ нашимъ карманамъ. Какъ не быть въ хорошемъ расположеніи духа?

— Надо потѣшить шаха—я пошлю его поздравить съ новымъ годомъ! сказалъ Паскевичъ.

— По восточному обычаю, при поздравленіи долженъ быть подарокъ, сказалъ Обрѣзковъ.

— Что ему послать? У насъ ничего нѣтъ.

— Пошлите ему червонцевъ, тысячъ десять—это будетъ пріятно шаху.

— Хорошо—сказалъ Иванъ Θεодоровичъ улыбувшись—но десять тысячъ много, я пошлю ему пять тысячъ червонцевъ, и все новенькими.

Шахъ былъ чрезвычайно доволенъ поздравленіемъ, а болѣе подаркомъ. Онъ пересчитывалъ новенькіе голландскіе червонцы, ставилъ ихъ въ кучки, перетиралъ потускнѣвшіе и любовался ихъ отчетливою чеканкою. Однимъ словомъ, Паскевичъ, взявъ у скупого старика 20 куруровъ золотомъ, угодилъ ему 5-ю тысячами червонцевъ!

Объ удовольствіи шаха при полученіи подарка мы узна-

ли отъ его казначея, бывшаго прапорщика Троицкаго пѣхотнаго полка, взятаго въ плѣнъ при нападеніи цѣлой арміи персіянъ на баталіонъ того полка въ карабахскихъ горахъ. Котляревскій отплатилъ имъ за это подъ Асландузомъ. Плѣнныхъ привели въ Тегеранъ къ шаху; фізіономія молодого офицера понравилась шаху, онъ оставилъ его съ нѣсколькими другими во дворцѣ и, по врожденной недовѣрчивости къ своимъ, сдѣлалъ его казнодаромъ или, по нашему, своимъ казначеемъ. Чтобы совершенно привязать его къ себѣ и совсѣмъ отстранить отъ свѣта, онъ уговорилъ его оскопить себя. И сдѣлался прапорщикъ Троицкаго полка евнухомъ, казнодаромъ, значительнымъ человѣкомъ при дворѣ и частымъ собесѣдникомъ Фетъ-Али-шаха. Но когда русскіе плѣнные, согласно конвенціи, были выданы, и ему захотѣлось вернуться въ отечество. Онъ былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ нашего хойскаго отряда, и тутъ я его видѣлъ. Желто-блѣдное, впалое лицо, тусклые глаза, волоса уже съ просѣдью; иногда въ бесѣдѣ офицеровъ онъ оживлялся, но обыкновенно былъ молчаливъ. Бѣдному такъ строго оперировали орудіе жизни, что и скрывать нечего было: для малой природной нужды онъ долженъ былъ вставлять трубочку въ тѣло.

Когда контрибуціонное золото привезли—палочки въ $1\frac{1}{2}$ четверти длины все туманнаго золота, выше нашего червоннаго—и 16 куруровъ, т. е. 64 милліона были приняты, войска, въ началѣ апрѣля, выступили изъ Персіи, а для полученія остальныхъ 16-ти милліоновъ былъ оставленъ въ кр. Хой нашъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева.

По прибытіи главныхъ войскъ въ Тавризь, я пошелъ къ начальнику артилеріи, но, увы, засталъ генерала Унтилье въ жестокой лихорадкѣ, захваченной имъ въ Эривани. Онъ благодарилъ меня за хорошее исполненіе порученія и сказалъ, что главнокомандующій охотно согласился, чтобы я тотчасъ былъ представленъ къ чину капитана. Но скоро этотъ почтенный

человѣкъ слегъ совершенно, и Иванъ Θεодоровичъ уговорилъ его отправиться въ Тифлисъ. Пока онъ доѣхалъ до Эривани, болѣзнь до того усилилась, что онъ долженъ былъ тамъ остаться, и молодая супруга его (Елизавета Карловна, урожденная Петерсъ), поскакавшая съ докторомъ на перекладныхъ чрезъ два хребта горъ, пріѣхала въ Эривань, чтобы принять послѣднее прощаніе любимаго человѣка.

Припоминаю почти восьмимѣсячное житіе мое въ г. Хоѣ. Комендантъ, подполковникъ Высоцкій, помѣстился въ премиленномъ дворцѣ Хозревъ-Мирзы, любимаго сына Аббасъ-Мирзы, красавчика, который былъ посланъ въ Петербургъ извиниться въ убіеніи посла нашего Грибоѣдова въ Тегеранѣ, и такъ какъ, по размѣщеніи комендантскаго причета, оставалось еще помѣщеніе, то мнѣ предложили три комнаты съ кухнею. Въ комнатахъ кругомъ стѣнъ находились низкіе диваны, въ гладкихъ стѣнахъ зеркала и пестрые каминны, а въ одной комнатѣ съ большимъ, во всю стѣну, окномъ—бассейнъ съ бьющимъ фонтаномъ. Два прапорщика, Отрада и Михайлъ Селивановъ, помѣстились въ двухъ комнатахъ подлѣ, артиллеристы—близъ дворца; тутъ же и артилерія, и конюшни, однимъ словомъ, размѣстились на славу. Препровожденіе времени было довольно однообразное; только молодость можетъ разнообразить монотонную жизнь до того, что скука лишь издали смотрѣла на насъ своими косыми, завистливыми глазами, но приближаться къ намъ не смѣла. Утромъ, послѣ уборки лошадей, если особеннаго дѣла не было, мы ходили по городу, а болѣе по разнымъ базарамъ. Тамъ все было не по нашему, все имѣло своеобразный характеръ. Портные, сапожники, серебряныхъ дѣлъ мастера и проч., сидя съ поджатыми подъ себя ногами въ открытыхъ лавкахъ, молча заняты своею работою, не заботясь о снующемъ взадъ и впередъ народѣ. Торговцы громкимъ крикомъ залучаютъ къ себѣ покупателей; молчаливые дервиши, съ важностью духовнаго человѣка, нищенски протя-

гиваютъ руку съ чашею изъ кокосоваго орѣха за подаваніемъ — вы должны дать ему что нибудь, а даютъ ему, ужъ точно, ленту, малую толику, по русской пословицѣ: съ міру по ниткѣ — бѣдному рубаха. Взгляните, вотъ зеленщикъ далъ ему щепотку какой-то зелени; вотъ изъ другой лавки купецъ бросилъ изюменку въ его кокосъ; сосѣдъ его, торговецъ шелковыхъ матерій, оторвалъ кусокъ отъ своего лаваша ⁵⁾ и съ пренебреженіемъ бросилъ туда же; портной бросилъ нитку. Серебряникъ завтракаетъ — онъ ѣстъ со своимъ работникомъ кебабъ — кусочекъ кебаба полетѣлъ въ кокосъ; но дервишъ не отходитъ, протянутая рука не опускается, кокосъ ждетъ другого подаванія. Купецъ съ досадою бросаетъ въ него карануль (копѣйка) и дервишъ отошелъ. Вся сцена происходитъ въ молчаніи. Однако, если нищенство и милосердіе сталкиваются и расходятся въ молчаніи, то тишина вовсе не въ обычай на базарахъ; напротивъ, крики на разные голоса, съ визгомъ и бранью, утомляютъ слухъ вашъ. Снующая взадъ и впередъ толпа то уноситъ васъ съ собою, то останавливается, то толкаетъ, то придавитъ къ лавкѣ. Бойтесь носильщика съ огромною ношею хлопчатой бумаги — предъ нимъ растуцаются, сторонитесь и вы — если споткнетесь отъ толчка да, Боже упаси, упадете, могутъ и потоптать васъ. Тутъ всякій знаетъ только себя, и человѣколюбіе еще не развилось до той благости, чтобы поднять упавшаго. Но вотъ мы благополучно протолкались чрезъ лавочный базаръ и выходимъ на малый мейданъ (площадь), куда поселяне привозятъ изъ деревень разныя разности: зелень, рисъ, фрукты. Тутъ же разбиты какія-то кухонки, въ которыхъ на вертелахъ жарятъ шашлыкъ, а въ кастрюлѣ жарится кебабъ съ бараньимъ саломъ; тутъ же и пловъ, при-

---

⁵⁾ Лаваш — прѣсный хлѣбъ, тонкій какъ листъ бумаги, величиною четверти двѣ и болѣе, шириною въ одну четверть. Употребляютъ во всѣхъ порядочныхъ домахъ и у шаха за столомъ вмѣсто салфетокъ; взявъ съ блюда или съ тарелки пальцами пловъ, шашлыкъ или кебабъ, вкладываютъ въ ротъ, облизываютъ пальцы, потомъ вытираютъ ихъ лавашемъ и вымазанный жиромъ кусокъ лаваша отрываютъ и ѣдятъ.

готовленный на разные манеры; тутъ же носильщики съ ключевой водою въ бурдюкахъ; другіе съ лотками, на коихъ чурки и лавашы, прикрытые грязною тряпцею. Тутъ кричатъ, бранятся и ѣдятъ. Пойдемте дальше.

Опять толпа, но здѣсь она составила кружокъ; крикъ, смѣхъ и хохотъ. Протолкаемся—надобно же узнать, что забавляетъ персіянина. Ба! бой пѣтуховъ! да какіе здоровые! красные, на высокихъ ногахъ, до верху гребешка чуть ли не будетъ аршина или немного поменьше—это шлянскіе пѣтухи. Хозяева стоятъ сзади ихъ и поддразниваютъ. Зрители держатъ пари, кто за одного, кто за другого. Часто случается, что послѣ боя пѣтуховъ начинается потасовка между проигравшимъ и хозяиномъ побитаго пѣтуха. Чѣмъ выше было проигранное пари, тѣмъ сильнѣе потасовка. И этотъ бой тѣшитъ публику чуть ли не болѣе перваго.

Вотъ еще кружокъ; этотъ просторнѣе, а народу все много. Знакомый бекъ, бывшій начальникомъ крѣпостной артилеріи въ Аббасъ-Абадѣ, протолкалъ народъ и намъ дали дорогу. Бой барановъ! Какіе здоровые удары! Какъ лбы ихъ не разлетятся?... вотъ разошлись, уткнули внизъ головы и ждутъ, подготавливаются... бѣлый, кажись, сильнѣе, а черный хитрѣе; какъ онъ исподлобья смотритъ на противника, непременно подстережетъ минуту и возьметъ на рога.... пригнулъ! опять лбы стукнулись, черный чуть не упалъ. Хозяева то хвалятъ, то ругаютъ; бараны—хоть бараны—понимаютъ и похвалу, и подстрекательства, и крупную брань; а народъ и смѣется, и тѣшится, и убиваетъ время!

Аббасъ-Мирза составилъ изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ цѣлый баталіонъ и помѣстилъ его въ г. Хоѣ; баталіонъ хоть и не комплектный, но доходилъ до 300 человекъ. Чтобы пріохотить ихъ къ своей службѣ, онъ ихъ переженилъ на армянкахъ. Рассказывали намъ, что они крѣпко скучали, въ особенности когда подходили праздники,—тогда они съ горя на-

шивались. Я зналъ одного изъ офицеровъ этого баталіона, который разъ спросилъ у меня: „какъ же ты, топчи-капитанъ, сказалъ мнѣ, что у васъ въ полкахъ солдаты и мундиры шьютъ, и сапоги, что есть и кузнецъ, и слесарь, и всякій мастеровой, а вотъ русскіе солдаты, что къ намъ въ баталіонъ пришли—ни одинъ не умѣлъ ничего дѣлать! Только много пили араку.“

— Хорошій солдатъ не бѣжитъ — отвѣчалъ я ему — къ вамъ бѣгали негодяи, пьяницы, мошенники, а вы, съ дуру, всякаго подлеца принимали, кормили, поили, жену давали; а что выиграли, какую пользу принесли они вашему шахъ-зада, ну, скажи?

— Правду ты говоришь, топчи-капитанъ, много они пили, а какъ напьются, крѣпко женъ били!

Comme chez nous à Paris!

Распущенность нравственная въ армянскомъ населеніи доходила до невѣроятной угодливости. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Входитъ вѣстовой къ офицеру и докладываетъ, что пришла армянка.

— Зачѣмъ?

— Не можемъ знать, ваше благородіе, вѣрно съ жалобою.

— Ну, позови. Входитъ женщина въ чадрѣ, лѣтъ подъ сорокъ.

— Что тебѣ надобно?

— Я бѣдный человѣкъ—отвѣчала армянка—мой мужъ боленъ, а на квартирѣ стоитъ унтеръ-офицеръ.

— Ну, такъ чтожъ?

— У меня двѣ дочери: одна замужемъ была, теперь взялъ русскій офицеръ—очень хорошій человѣкъ; другая, такая хорошенькая, четырнадцати лѣтъ—я боюсь.

— Чего же ты боишься?

— Унтеръ-офицеръ боюсь; возьми ты, женись.

Офицеръ и ротъ разинулъ или, какъ персіянинъ бы выразился, вложилъ въ ротъ палецъ изумленія; онъ съ недоумѣ-

ніемъ посмотрѣлъ на переводчика-армянина; тотъ повторилъ фразу армянки. Офицеръ, статный молодой парень, у котораго и деньжонки водились, вскочилъ съ тахты и весело закричалъ переводчику:

— Пошелъ, приведи поца!

— Зачѣмъ поца—сказала армянка—тавъ женись!...

Чадолубивая мать боялась унтеръ-офицера, отъ котораго взятки были гладки, и предложила молоденькую дочку офицеру за нѣсколько червонцевъ, а дочь назвала перваго знакомца своимъ мужемъ. Такъ ужъ въ обычаѣ на Востокѣ.

Амиръ-Асланъ-ханъ хойскій былъ изъ каджарскаго племени, какъ и Фетъ-Али-шахъ, царствовавшій въ то время въ Персіи. По просьбѣ Аббасъ-Мирзы, генераль Паскевичъ дозволилъ ему управлять ханствомъ, но съ условіемъ исполнять всѣ требованія наши. Ханъ былъ человѣкъ веселый, гостепріимный, хлѣбосоля, любилъ чтобъ у него собирались вечеромъ играть въ шахматы, а больше въ асонасъ (карточная игра наподобіе нашей гальбецвельфъ). Средняго роста, чернѣй, съ длинной бородой клиномъ, сидить, бывало, ханъ съ картами въ рукахъ и не пошевеливаетъ ни однимъ мускуломъ, только плутовскіе черные глаза бросаютъ исподлобья взглядъ то на того, то на другого изъ играющихъ. Въ эту игру главное, чтобы никакъ не показывать другимъ играющимъ, а въ особенности оставшемуся противнику, когда другіе запасуютъ, какая у тебя игра—хорошая, дурная или и вовсе нѣтъ, а то хоть поднадуть; но когда ему удавалось надуть кого своей серьезной физиономіею—съ какою жадностью, съ какимъ удовольствіемъ и съ какою скоростью онъ придвигалъ выигранные червонцы къ своей вучкѣ. Онъ посѣщалъ изрѣдка отряднаго начальника и коменданта, всегда въ сопровожденіи большой свиты—восемь, десять бековъ и нѣсколько нукеровъ—а впереди шли два фераджа съ палками и разгоняли народъ. Въ февралѣ, на другой день послѣ того, какъ изъ Тавриза почта привезла при-

казъ о моемъ производствѣ въ капитаны, ханъ былъ у коменданта; услышавъ отъ него о моемъ производствѣ, онъ захотѣлъ поздравить топча-капитана. Усадивъ хана и бековъ на тахтѣ, я не могъ принудить сына его, двадцатитрехлѣтняго мужчину, сѣсть. Онъ все, отговариваясь, смотрѣлъ на отца, которому нукеръ подавалъ трубку; наконецъ ханъ замѣтилъ недоумѣніе сына и позволилъ ему сѣсть, кивнувъ головой. Когда я увидѣлъ, что ребята закурили трубки—ба, да такъ имъ надобно кофе подать, подумалъ я—а кофе нѣтъ! Но у меня изъ привезенныхъ мною запасовъ оставались варенье, конфеты и рижскій бальзамъ. Чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ! Черезъ переводчика я просилъ хана позволить ему поднести соку изъ травъ—питье, которое дѣлаютъ въ провинціяхъ, откуда я родомъ; сокъ этотъ очень полезенъ для желудка и пріятенъ на вкусъ. Ханъ согласился отвѣдать. Деньщикъ мой, Онисимъ, входитъ, держа въ лѣвой рукѣ подносъ съ серебряною чарочкою, довольно почтеннаго объема, но не доходившей еще до чайной чашки, а въ правой—глиняную бутылку съ бальзамомъ. Я налилъ хану полную чарку. Онъ отвѣдалъ зеленой влаги, понялъ, что это спиртъ и, обращаясь къ бекамъ, говоритъ: „точно, это сокъ изъ травъ“—и вышелъ. Затѣмъ Онисимъ наливалъ и подносилъ всѣмъ гостямъ, по очереди, и всякій, прихлебнувъ первый разъ и высушивъ чарку до дна, смотря на хана, приговаривалъ: „да, это сокъ изъ травъ!“ Кого же они обманывали, плуты? Сами они, попробовавъ, очень хорошо знали, что это спиртъ, да и подергиванье физиономіи, а у нѣкоторыхъ и слезы на глазахъ обличали ихъ во лжи; но каждый непременно считалъ необходимымъ согласиться съ ханомъ и повторить его фразу—„да, это, точно, сокъ изъ травъ.“ Когда Онисимъ поднесъ чарку ханскому сыну, тотъ опять посмотрѣлъ на отца и медлилъ. „Можешь пить—это сокъ изъ травъ!“ Но несчастный молодой человекъ, хлебнувъ неосторожно, закашлялся, а все-таки сквозь слезы, несмотря на то,

1384 328 29607

что бальзамъ жегъ ему горло, выговорилъ: „да, это сокъ изъ травъ.“ Потомъ подали варенье и конфеты, которыя они очень хвалили, потому что дѣйствительно такихъ не случалось имъ ѣсть, ибо всѣ конфеты въ Персіи дѣлаются на бараньемъ салтѣ. Долженъ признаться, что во время всего посѣщенія въ пріемахъ какъ хана, такъ и бековъ виднѣлась какая-то природная образованность, если можно такъ выразиться. Увидѣвъ, что я не хотѣлъ курить, онъ сдѣлалъ нѣсколько bouffées и отдалъ трубку нукеру; такъ сдѣлали и другіе. Брали они не болѣе одной конфеты и только ложечку варенья; но, кажется, всѣ съ сожалѣніемъ смотрѣли, когда Онисимъ уносилъ недопитый бальзамъ. Посидѣвъ съ полчаса, ханъ, назвавъ меня при прощаніи своимъ добрымъ пріателемъ (кардашъ), отправился со всей свитой во-свосяси.

Въ этотъ же день человекъ десять знакомыхъ офицеровъ собрались ко мнѣ на стаканъ чаю, чтобъ за ужиномъ поздравить меня съ производствомъ. Послѣ чая одни сѣли играть въ асонасъ, другіе, сидя на тахтѣ, болтали. Между гостями былъ артилерійскій штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, командовавшій паркомъ до прибытія назначеннаго командира, подполковника Родожницкаго. Ивановъ, изъ мѣщанъ ярославской губерніи, былъ отданъ въ рекруты еще въ царствованіе Императрицы Евкаторины. Высокаго роста, 2-хъ аршинъ и 10-ти вершковъ, съ огромной головой, бѣловолосый, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, онъ смолоду, должно быть, былъ молодецъ и потому попалъ въ гвардейскую артилерію, былъ послѣ въ ротѣ Его Высочества фельдфебелемъ и оттуда произведенъ въ подпоручики, въ полевую артилерію. Человекъ былъ хорошій, простой, но не забывалъ себя при хозяйственномъ управленіи паркомъ. Обыкновенно онъ былъ всѣмъ недоволенъ, хвалилъ прежнюю службу и иногда солдату, какъ говорили, давалъ пробовать силу своего могучаго кулачища. За разговоромъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ меня,

сколько я былъ штабсъ-капитаномъ; я отвѣтилъ—полтора года. — „А какъ вы думаете, многихъ вы обогнали?“ Услышавъ этотъ вопросъ, Ивановъ, ходившій по комнатѣ, остановился.

— Конечно, многихъ обогнали, да вотъ и меня; ну, да что — я вѣдь не нѣмецъ.

И перебилъ его:

— Такъ вы полагаете, что меня оттого произвели, что я нѣмецъ, а не за то, что я заслужилъ это?

— Ну, ужъ извините, Эдуардъ Владиміровичъ, этого я не говорилъ; такъ съ языка сорвалось, да и какой же вы нѣмецъ? отъ русскаго не отличишь; а все-таки въ экспедицію ли взять кого, поручить ли что кому, глядишь—другому не дали, а вамъ.

— Ну, послушайте, Иванъ Ивановичъ (одинъ саперъ закричалъ—„Ивановъ!“—всѣ расхохотались), вы знаете, что въ прошлую экспедицію назначилъ меня самъ Алексѣй Петровичъ, а онъ нѣмцевъ не очень жаловалъ. Порученіе же, за которое я произведенъ, исполнилъ какъ слѣдуетъ, и за то же порученіе, которое легче было исполнить, другой вѣроятно пойдетъ подъ судъ.

— Э! да то грекъ! да помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, вѣдь дѣло не о васъ.

— Какъ же не обо мнѣ? вѣдь я васъ обогналъ!

— Да оно такъ! ну, да вы въ сторонѣ; я хотѣлъ только сказать, что теперь уже служба не та, что прежде.

Всѣ засмѣялись. И рукой махнулъ, а Ивановъ пошелъ рассказывать, что прежде ужъ начальникъ, такъ былъ, точно, начальникъ, да и солдаты не то, что нынѣ. „Глядишь, бывало, въ глаза начальнику, чтобы острастку не получить; а нынѣ что? скажетъ: слушаю, ваше благородіе, да и все тутъ. Эхъ, ужъ не тѣ времена! Бывало, на ученье, что-ли, роту выведутъ; ну, вотъ вышла на плацъ-парадъ, ужъ всегда за часъ впередъ; стоятъ солдаты да охорашиваются, а за фронтомъ охапки двѣ палокъ барабанщики принесли; а начальникъ—ничего, про-

хлаждается, чай изволить кушать; рота ждетъ, бывало, часъ и болѣе—ничего. Вдругъ закричатъ: „смирно!“ и стоятъ всѣ, какъ вкопанные. Подходитъ капитанъ къ ротѣ, сталъ у праваго фланга да и смотритъ на фронтъ—хорошо ли выровненъ. А потомъ закричитъ, бывало: „широкоплечіе впередъ!“...

Всѣ невольно взглянули на широкія плечи Иванова, и взрывъ общаго, дружнаго смѣха прервалъ на мгновеніе разсказчика.

— Вамъ смѣшно, господа, а оно такъ бывало. Вышлетъ фельдфебель двухъ-трехъ посильнѣе, влѣпятъ имъ барабанщики—кому десять, кому пятнадцать въ спину—для острастки, какъ говорилось, въ задатокъ, такъ посмотрѣли бы вы, какъ рота училась (смѣхъ и одобреніе молодежи). А нынѣ, что? Придется, такъ, если когда дать солдату подзатыльника или зубочистку, глядь—и самому какъ-будто жалко. А все вы, господа, виноваты.

— Какъ же это мы виноваты, Иванъ Ивановичъ?

— Переучились, вотъ что. Вишь, говорятъ: стыдно драться. Хорошо книгамъ-то говорить, а въ службѣ безъ кулака дѣло плохое. Нѣтъ, господа, ужъ нѣмцы тамъ что ни говори, что стыдно драться, а русскій человѣкъ любитъ порядокъ.

Въ это время входитъ мой деньщикъ Онисимъ, держа чайную чашечку въ рукѣ и громко, во всеуслышаніе говорить: „ваше высокоблагородіе, ханъ прислалъ просить чарку водки, говорить—отъ головной боли.“ Опять общій взрывъ смѣха. Я вышелъ узнать въ чемъ дѣло; дѣйствительно оказалось, что ханъ прислалъ нукера съ чашечкой просить у меня соку отъ головной боли. Экій плуть, персіянинъ! Видно, бальзамъ-то понравился. Было 9 часовъ вечера, и хану захотѣлось на сонъ грядущій влукнуть. Я послалъ ему неначатый, запечатанный кувшинъ рижскаго бальзама. Конечно, веселость отъ этого эпизода не пропала. Скоро мы сѣли ужинать. Приправою къ ужину была молодость и всепоглощающій аппетитъ; рѣ-

шили, что Онисимъ отличная стряпуха, чуть ли не кордонъ-блѣ (cord·n bleu). За шашлыкомъ возникъ споръ, какое вино лучше—кахетинское или ширазское? Пробовали полными стаканами и то, и другое, прежде кахетинское, потомъ ширазское, но не могли согласиться; опять начинали пробовать, прежде ширазское, потомъ кахетинское, и наконецъ пришли всѣ къ тому заключенію, что шампанское все-таки лучше всѣхъ, но не хорошо въ немъ то, что его подали только двѣ бутылки—последнія! Шумный говоръ и смѣхъ не прекращался. Въ часъ ночи разошлись, поддерживая другъ друга.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ городъ, пришелъ ко мнѣ бекъ Н. и рекомендовался тоже артилерійскимъ офицеромъ, бывшимъ въ Аббасъ-Абадѣ начальникомъ крѣпостной артилеріи. Въ первое посѣщеніе онъ выкурилъ трубку и скоро ушелъ. Видя, что онъ человекъ разговорчивый, я поблагодарилъ его за посѣщеніе и просилъ навѣщать меня. Онъ не заставилъ долго ждать себя и дня черезъ три опять явился. Я завтракалъ; на приглашеніе мое раздѣлить завтракъ со мною, онъ отказался. Тогда я приказалъ подать бутылъ съ рижскимъ бальзамомъ и, наливъ ему чарку, просилъ отвѣдать; сокъ этотъ ему понравился, и онъ сталъ часто навѣщать меня. Переводчикъ у меня былъ подъ рукой, и потому я очень много съ нимъ разговаривалъ, конечно, только о простыхъ житейскихъ предметахъ, его окружающихъ; о другихъ же вопросахъ и помина быть не могло, потому что наивность персіянина граничила съ дикостью. Часто въ разговорахъ о житейскомъ обиходѣ я обходился и безъ переводчика. Татарскій языкъ не труденъ; въ ежедневныхъ соприкосновеніяхъ съ жителями мы настолько освоились съ нимъ, что, при помощи грамматики Н. Н. Муравьева и приличныхъ жестовъ, желающіе понять насъ—понимали. Изъ разговоровъ съ бекомъ я узналъ, что онъ житель г. Хоя, имѣетъ здѣсь свой домъ, живетъ съ матерью и сестрою, что недавно женился и прочее. Черезъ мѣсяць

или болѣе онъ спрашиваетъ меня: отчего я никогда не зайду къ нему, ему бы это было весьма пріятно. Я навѣстилъ его. Слуга ввелъ меня въ чистенькую комнату; кругомъ стѣнъ тахты, покрытыя коврами, съ подушками, зеркало, столикъ—вотъ и все. Хозяинъ принялъ меня съ веселою улыбкою. Мы сѣли, подали трубки.

— Ну—говорю я—чтожъ мы здѣсь сидимъ, пойдѣмъ къ матушкѣ, къ женѣ.

— Какъ можно! это нельзя—у насъ не обычай.

— Ну, такъ прощай.

— Постой, топчи-капитанъ, кофе, шербетъ будетъ.

— Прощай!—и ушелъ.

На другой день явился мой знакомецъ съ упреками, зачѣмъ я такъ скоро ушелъ. Я ему попросту сказалъ, что онъ неучъ: зная, что я, какъ иностранецъ, хотѣлъ посмотрѣть, какъ они живутъ въ семействѣ, что жены бы его я не съѣлъ, а когда мать его тутъ же, то ни за жену, ни за сестру ему бояться нечего; однимъ словомъ, что обычай ихъ глупъ, да и самъ онъ дуракъ.

— Ай, какой ты сердитый! Говорю тебѣ, что это у насъ обычай, что въ домъ (т. е. въ семейство) нашъ мы никого не пускаемъ. Брось это пожалуста, а вотъ лучше скажи Онисимъ, чтобы онъ подалъ соку, и ты выпей—это насъ успокоитъ.

— Ни одной чарки соку ты больше у меня не выпьешь, покуда не покажешь мнѣ жену, сестру и мать свою. Прощай, у меня дѣло есть.

— Ну, хорошо, я тебѣ мать покажу.

— Прощай!

И не солоно хлебнувъ, удрученный горемъ, вышелъ отъ меня пріятель. Въ три мѣсяца нашего знакомства онъ до того свыкъся въ моей квартирѣ, что когда я бывалъ чѣмъ занятъ, онъ сядетъ на тахту, поджавъ подъ себя ноги, закуритъ трубку и скажетъ Онисиму: „дай соку.“ Тотъ нальетъ ему

чарку; онъ смотритъ, бывало, во дворъ—кто пройдетъ, или на клубящійся дымъ изъ трубки, молчитъ себѣ и блаженствуетъ. Или господа придутъ, и онъ болтаетъ съ молодежью, а то съ переводчикомъ - армяниномъ перекидывается базарными новостями. Прошла недѣля послѣ нашей размолвки; пріятель не являлся. Въ одно утро Онисимъ докладываетъ: „бекъ пришелъ.“—Проси.

Входитъ мой неговорчивый знакомецъ, поклонился; вижу, видъ не веселый, болѣе унылый.—„Буюръ, бекъ!“—и указываю на тахту. Переводчикъ только-что вышелъ, я велѣлъ его воротить. Бекъ сѣлъ и послѣ минутнаго молчанія началъ:

— Вотъ теперь въ природѣ весна, солнце радостно смотритъ на всю природу, травка зазеленѣла, цвѣты благоухаютъ и всѣ люди веселы; только у меня и въ головѣ, и въ сердцѣ зима лежитъ, и мнѣ холодно, оттого что пріятель мой, братъ мой, разсердился на меня; его гнѣвъ мертвитъ мою душу. Я пришелъ просить его, чтобъ прежнее солнце дружелюбія возсіяло въ нашихъ отношеніяхъ.

Всю эту цвѣтистую тираду восточнаго краснорѣчія онъ высказалъ, поникнувъ головою, но при послѣднихъ словахъ, взглянулъ на меня умоляющимъ взглядомъ.

— Это отъ тебя зависитъ, бекъ, чтобъ мы были пріятелями, какъ прежде, сказалъ я.

— Я говорилъ матушкѣ, что ты очень хорошій человекъ, что ты мнѣ братъ, и она просила, чтобъ ты навѣстилъ ее.

— Поблагодари матушку.

— Когда же ты придешь? сегодня, завтра?

— Когда нибудь зайду; когда время будетъ.

Переводчикъ, которому было дѣло, подалъ беку трубку и вышелъ. За всякимъ bouffée онъ взглядывалъ на меня, какъ бы ожидая чего-то, наконецъ не вытерпѣлъ:

— Такъ какъ ты опять возвратилъ мнѣ дружбу свою, а съ нею и всѣ радости жизни, то прикажи Онисимъ дать соку.

Вотъ вамъ персіянинъ наголо, безъ всякихъ коментарій.

— Я сказалъ тебѣ, что соку выпьешь, когда я увижу твое семейство. Такъ и будетъ. Но чтобы немного утѣшить его, я сказалъ, что приду завтра.

На другой день, часовъ въ 10 утра, я пошелъ къ беку. Онъ первымъ словомъ сказалъ мнѣ, что матушкѣ его очень будетъ пріятно принять меня. Ого, подумалъ я—все матушка да матушка! Если теперь надуешь, не видать тебѣ соку. Онъ повелъ меня. На галлереѣ встрѣтилась намъ высокая женщина въ чадрѣ—только глаза и видны были. Это была его мать. — „Менъ вардашъ!“ сказалъ онъ ей. Она поклонилась и что-то пробормотала, чего я не слышалъ. Мы вошли въ длинную комнату, убранную, какъ описанная выше: тахты, покрытыя коврами, на нихъ много продолговатыхъ подушекъ, два небольшихъ зеркала; для меня былъ поставленъ въ отдаленіи отъ сидѣвшихъ женщинъ деревянный простой стулъ съ рѣзьбою на спинкѣ, каковыя я часто видѣлъ въ армянскихъ домахъ. Когда мы вошли, двѣ фигуры въ чадрахъ, сидѣвшія у окна на тахтѣ, встали и, скрестивъ на груди руки, поклонились. — „Буюръ!“ сказала мать, указывая на стулъ. Я взялъ стулъ и, поставивъ его подлѣ женщинъ, сѣлъ; бекъ—подлѣ, на тахтѣ. Ну, подумалъ я, плохо съ моимъ татарскимъ языкомъ, не много разговоришься; жаль, что не взялъ грамматики съ собою, хотя все утро изучалъ въ ней и слова, и разговоры.

— Ну, вотъ ты желалъ видѣть домъ мой—вотъ ты видишь!

— Я вижу ковры, подушки, чадры, но счастья твоего не вижу. Развѣ вы всегда сидите въ чадрахъ? обратился я къ матери съ вопросомъ.

Бекъ что-то ей сталъ нашептывать; она, не слушая его, отвѣчала:

— Нѣтъ, чадры не носятъ дома, а на улицахъ; но при чужомъ мужчинѣ нельзя показываться.

— Я думалъ, что я его братъ, а не чужой!—и, вставая

со стула, прибавилъ: „прошу васъ, снимите чадры, какъ будто меня здѣсь нѣтъ; тогда я увижу, какъ счастливъ мой пріятель.“ Опять нашептыванье бека, но мать, не слушая его, сняла чадру и сказала что-то сидѣвшимъ фигурамъ—обѣ чадры спустились. Двѣ прелестныя молоденькія женщины предстали предо мною; я закрылъ глаза и сказалъ: „я ослѣпну!“ Мать, женщина лѣтъ 50-ти, съ большими черными глазами, указывая на шестнадцатилѣтній цвѣточекъ: „вотъ эта—Гюль-зада (Розы дочь), дочь моя.“

— Оттого она такъ хороша, что она дочь розы—твоя дочь.

Она опять улыбнулась—и на Востокѣ любятъ сладкія слова. Обѣ черноокія красавицы были одѣты по домашнему, т. е. въ шелковыхъ красныхъ рубашкахъ, спереди отверстіе, въ такихъ же панталонахъ и пестрыхъ чулочкахъ—вотъ и все. Обворожителенъ былъ этотъ простой нарядъ. Мать сказала что-то дочери, та вышла и, тотчасъ же вернувшись, подала матери флакончикъ розоваго масла. Она указала на меня и сказала: „пешкешъ!“ Гюль-зада подошла ко мнѣ, одну руку держа на груди, другою подавая флаконъ, и тихо прошептала: „пешкешъ.“ Съ тѣхъ поръ, какъ мать и молодья сняли чадры, мой пріятель сидѣлъ, какъ на угольяхъ. Видя его мучительное состояніе, я только два взглянулъ на жену его, но довольно было и этого, чтобы назвать его счастливцемъ. Принявъ флакончикъ, я сказалъ, что также пришлю имъ пешкешъ, всталъ и откланялся. Опять красавицы встали на тахтѣ, сложили ручки на груди и поклонились. Мать проводила насъ на галерею. У дверей бекъ такъ сильно вздохнулъ, что я оглянулся; мать опять улыбнулась. Выходя, я говорю ему:

— Пойдемъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, я завтра приду.

Бѣдный бекъ! Это посѣщеніе, длившееся всего минутъ двадцать, до того его разстроило, что онъ забылъ и о сокѣ; но не надолго—ждать до завтра у него не хватило ни воли,

ни терпѣнія. Когда въ тотъ же вечеръ, за чаемъ, я рассказывалъ молодежи о моемъ посѣщеніи, вошелъ бекъ. Поданный ему стаканъ чаю онъ выпилъ необыкновенно скоро и, ухмыляясь, поглядывалъ на меня и на убравшаго чай Онисима. Я понялъ его и велѣлъ подать бальзама—лице его совершенно прояснилось, и въ прихлебываніяхъ слышалось счастье наслажденія. Еслибы онъ зналъ, что это мой послѣдній кувшинъ рижскаго бальзама, не видать бы мнѣ ни жены, ни сестры, ни даже веселой старушки, его матери! Я просилъ бека взять съ собою пешкешъ для его дома: двѣ коробочки конфетъ, еще фунта два въ бумажкѣ—остатокъ провизіи—и четыре палочки шоколада à la vanille, рассказавъ какъ его приготавливать. На другой день, увидѣвъ его, я сказалъ ему:

— Вчера я забылъ сказать тебѣ, бекъ, что шоколадъ, который я вчера тебѣ далъ, возбуждающее средство, ты понимаешь?—и сдѣлалъ понятный жестъ.

— Понимаю, понимаю; а я, дуракъ, отдалъ все матушкѣ; пойду сейчасъ, возьму назадъ и скажу, что это мнѣ пешкешъ ты далъ.

И скорыми шагами онъ пошелъ домой. Удалось ли ему добыть обратно этотъ талисманъ—не знаю; но до возбуждающихъ средствъ восточные жители большіе охотники.

Однажды, разговаривая съ моимъ пріятелемъ объ осадѣ Аббасъ-Абада, въ которомъ онъ былъ начальникомъ крѣпостной артилеріи, я спросилъ его: „отчего ваша артилерія такъ дурно стрѣляла? она намъ почти никакого вреда не дѣлала.“

— Что я—дуракъ, что ли? вѣдь мы всѣ знали, что вы возьмете крѣпость, а потомъ будетъ миръ и мы будемъ пріятелями. Зачѣмъ же мнѣ было убивать пріятелей? Вотъ мы такъ и стрѣляли, чтобы не поцастъ и не разсердить васъ.

Эта фраза не была пошлой, низкой уверткой неискускаго въ своемъ дѣлѣ „артилериста;“ это была правда, малодушный расчетъ *человѣка*.

— Ну, любезный—сказалъ я ему—вотъ мы съ тобою и пріятели, но если и вправду будетъ разрывъ (это было во время перерыва переговоровъ, когда Аббасъ-Мирза заупрямился) и мы опять будемъ драться, я, братъ, тебя не пощажу, и ты лучше теперь мнѣ скажи, какой зубъ тебѣ ядромъ выбить!

— Развѣ это можно? спросилъ въ испугѣ бекъ, невольно схватившись за ротъ.

Переводчикъ засмѣялся.

— Ахъ, какой ты сердитый, топчи-капитанъ!

По выздоровленіи моемъ, въ Карабабѣ, товарищи рассказывали мнѣ о дѣлѣ генерала Красовскаго при урочищѣ Аштаракѣ, проигранное имъ противъ Аббасъ-Мирзы. Почти всѣ обвиняли генерала въ дурныхъ распоряженіяхъ, въ нерѣшительности; но были и такіе, которые оправдывали его, выставляя несносный жаръ, усталость солдатъ, томившую ихъ жажду въ безводной мѣстности и прочая. Помню, что я тогда сказалъ: „господа, съ кавказскими войсками этого бы не случилось; 20-я дивизія не привычна еще. Еслибы у Красовскаго былъ одинъ капитанъ со своею ротою хоть Ширванскаго или другого изъ кавказскихъ полковъ, онъ бы прямо пошелъ на эту большую батарею—и дѣло было бы кончено; а дали оглядѣться персіянамъ—и пришлось постыдно отступать.“ Въ справедливости этихъ словъ мнѣ довелось удостовѣриться въ Хоѣ. Однажды пріятель мой, бекъ, привелъ ко мнѣ другого артиллерійскаго офицера изъ войскъ, бывшихъ противъ генерала Красовскаго. При вопросахъ моихъ, какъ происходило дѣло, онъ рассказалъ слѣдующее:

„Когда, послѣ сраженія при Джеванъ-булахѣ, мы опять собрались и слышали о взятіи Аббасъ-Абада, то у насъ въ войскѣ всѣ думали, что русскіе пойдутъ скоро на Тавризь, а мы будемъ защищать его; сражаться же съ вами послѣ Джеванъ-булаха у насъ охоты ужъ не было. Но Аббасъ-Мирза, какъ говорили, получилъ отъ шаха строгій выговоръ, что даль-

побить себя, послѣ того какъ онъ хвалился, что со вновь обученными сарбазами выгонитъ русскихъ изъ Грузіи. Вотъ шахъ-зада (сынъ шаха), услышавъ, что въ эриванскомъ ханствѣ мало русскихъ, и пошелъ къ Эривани, откуда мы, соединившись съ войсками хана, пошли впередъ. Но когда мы увидѣли русскихъ, всѣ стали бранить хана, что онъ обманулъ Аббасъ-Мирзу, сказавъ—русскихъ мало—а ихъ было очень много, и пушекъ много. Вотъ, говоримъ мы, побьютъ насъ, какъ при Ганжѣ (Елизаветполѣ) и при Джеванъ-булахѣ, и начальники боялись, что пушки у насъ отнимутъ; поэтому приказано было: какъ только русскіе пойдутъ впередъ, тотчасъ пушкамъ уходить, чтобы русскіе не взяли. Но русскіе стояли, начали изъ ружей валить, а впередъ на насъ все не идутъ. Что это значитъ, думаемъ мы, и все глядимъ—вотъ пойдутъ на насъ! а мы были совсѣмъ готовы бѣжать съ пушками. Но русскіе только изъ ружей палятъ и изъ пушекъ стали бить. Чтожъ это? Аллахъ вѣдаетъ! значитъ—русскіе трусили! И послалъ Аббасъ-Мирза курдовъ, дѣтей дьявола, и велѣлъ изъ пушекъ чаще стрѣлять. Когда же мы разглядѣли, что вправду русскихъ было мало, а насъ вдесятеро больше, приказано было идти всѣмъ впередъ, а пушкамъ чаще стрѣлять. Какъ мы впередъ—русскіе назадъ, и побѣжали къ Эчміадзину; а курды, дѣти дьявола, кричатъ имъ: „постой, Иванъ, дай голсу сниму!“

Вотъ разсказъ персіянина: идетъ на бой съ русскими неохотно, ибо увѣренъ, что побьютъ; у страха глаза велики—отрядъ генерала Красовскаго ему показался за армію; бездѣйствіе, нерѣшительность непріятеля удивляетъ его, онъ недоумѣваетъ—чтожъ это? Время идетъ—его не бьютъ.... и онъ перекидываетъ мысли въ пустой головѣ: не бьютъ меня, значитъ меня трусятъ, и онъ начинаетъ дѣйствовать глупо, но удачно. А всему виновенъ противникъ, незнакомый съ духомъ непріятеля.

Генераль Панкратьевъ былъ всегда очень привѣтливъ ко мнѣ. Смолоду онъ былъ пріятелемъ зятя моего А. К. Фриша, когда тотъ, еще молодымъ человѣкомъ, служилъ въ кавалеріи отца его, бывшаго губернаторомъ въ Кіевѣ. Онъ приглашалъ меня „чаще бывать, чаще обѣдать у него и чаще проводить съ нимъ вечера“—это были его слова. Я пользовался его привѣтливостью, не докучая, но генераль былъ недоволенъ моею сдержанностью, выговаривалъ мнѣ и учащалъ приглашенія. Расположеніе ко мнѣ осталось до конца жизни его, и передъ кончиною Никита Петровичъ прислалъ мнѣ изъ Варшавы въ Тифлисъ литографированный портретъ свой, на память. Много онъ мнѣ рассказывалъ про видѣнное и слышанное имъ; много мы разговаривали и часто спорили, не сходясь во мнѣніяхъ. Любилъ вспоминать о вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ онъ и Киселевъ были, какъ флигель-адъютанты, при Императорѣ Александрѣ. Панкратьевъ былъ образованный, свѣтскій, ловкій, совершенно придворный человѣкъ; характера веселаго, ума бойкаго, остраго; говорилъ хорошо, плавно, убѣдительно; строгихъ правилъ, кажется, не имѣлъ, на жизнь смотрѣлъ легко; въ душѣ былъ, что называется, добрый человѣкъ, а въ военномъ дѣлѣ—умный, храбрый генераль. Разъ вечеромъ, послѣ чаю, разговоръ зашелъ о современномъ состояніи политическихъ дѣлъ. Отношенія съ Турціею были крѣпко натянуты; извѣстія, приходившія къ намъ, все болѣе и болѣе заставляли ожидать скорого разрыва.

— Если правда—сказалъ я—что съ Турціею будетъ война, то это истинное несчастіе для Россіи; и какъ больно должно быть нашему Государю, только-что вступившему на престоль, вести войну за войною.

— Ну, эта война съ Турціею скоро кончится—отвѣчалъ мнѣ генераль—теперь не будутъ вести войну, какъ въ бывшія времена, не станутъ заниматься взятіемъ дунайскихъ крѣпостей; пойдутъ прямо черезъ Балканы, встрѣтятъ турецкую армію,

разобьютъ ее—Балканы не Кавказъ, они насъ задержать не могутъ—займутъ Адрианополь—это не крѣпость—и до Константинополя съ небольшимъ сто верстъ гладкой, открытой дороги.

— Какъ вы шагаете, ваше превосходительство! изъ вашихъ словъ можно заключить, что единственное препятствіе вы видите въ турецкой арміи, которую, положимъ, мы побьемъ и отбросимъ, да вѣдь въ крѣпостяхъ, которыя вы оставляете въ тылу, есть гарнизоны. Какъ они сберутся, такъ и сообщенія наши будутъ прерваны. Вѣдь по этой дорогѣ у насъ должны быть госпитали, магазины, артилерійскіе склады и прочее, а вы забыли о нашемъ Impedimento: ведя войну въ Турціи, вѣдь все надобно возить съ собою. Обозъ въ арміи будетъ на славу, одни провіантскіе транспорты на такое дальнее разстояніе, ужъ не говоря объ артилерійскихъ паркахъ, не позволятъ изъ арміи сдѣлать летучій корпусъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, пунктъ на Дунаѣ намъ необходимъ. Я не хвалю медленность прежнихъ войнъ въ Турціи, но такъ шагать, какъ вы говорите, нельзя, не упоминая уже о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ.

— Старой рутины не должно держаться. Сотысячная армія идетъ впередъ и давитъ всѣ препятствія, 50 тысячъ остаются въ тылу для наблюденія за крѣпостями и охраняютъ тылъ—и кампанія должна кончиться въ три мѣсяца. Въ три мѣсяца мы въ Константинополѣ.

— Если для насъ все пойдетъ какъ по маслу и никакихъ непредвидѣнныхъ препятствій не будетъ, то прогулка до Константинополя все-таки возьметъ полгода.

— Полгода! Не угодно ли закладъ, что чрезъ три мѣсяца мы будемъ въ Константинополѣ и заключимъ миръ?

— Я говорю, что и чрезъ полгода не будемъ въ Константинополѣ.

— Ну, хорошо, что закладъ? дюжина шампанскаго? срокъ —полгода; согласны?

спишь, завтра не доѣшь.“ А главное неудовольствіе, о котором мой добрый Онисимъ умалчивалъ, заключалось въ томъ, что ему пришлось разстаться со своею возлюбленною армянкою. Въ Аббасъ-Абадѣ, уже русскомъ городѣ, я заночевалъ. Утромъ рано пошелъ выкупаться въ Араксъ, но рѣка имѣла отвратительный запахъ: какъ только голову высунешь изъ воды, такъ мертвечиной и цвѣтъ. Дѣло въ томъ, что смертность людей и скота въ прошломъ году была велика, а за зиму много умерло больныхъ въ госпиталѣ; зарывали не глубоко, видно, мало обращали вниманія на это. Какъ Богъ спасъ отъ чумы! Но тифъ, кажется, свирѣцтовалъ. Посмотрѣлъ на пресловутую Эривань, глиняныя стѣны которой (изъ необожженаго кирпича), аки іерихонскія, могли бы, кажется, пасть отъ звука трубъ. Осмотрѣлъ прекрасную мечеть, свѣтлую и просторную. Ночевать поѣхалъ въ армянскій первопрестольный монастырь Эчміадзинъ. Монахи очень любезно приняли меня, отвели просторную комнату, предлагали ужинать, но я отказался и легъ спать. Въ 5 часовъ утра монахъ показалъ мнѣ великолѣпную церковь и мощи св. Григорія; мы заглянули даже въ нѣсколько келій. Должно быть, тамъ живетъ хорошо, ибо всѣ видѣнные мною монахи были тучные, краснощекіе ребята, аки упитанные тельцы. Верстахъ въ 25-ти отъ Эчміадзина, я проѣзжалъ по полю сраженія, неудачно окончившагося для генерала Красовскаго. Конвойный казакъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ, рассказывалъ, что зналъ и какъ умѣлъ, и показалъ гдѣ, на малой возвышенности, стояла персидская батарея. Еще говорилъ, что наша артилерія въ заднемъ авангардѣ (въ арьергардѣ) славно била персіянъ: „все пушки были большія (батарейныя); а полковникъ Гилленшмидтъ-то такой тихій, отойдетъ немного, да опять остановится—ужъ положилъ онъ ихъ тутъ! А то бы плохо было нашимъ. Да, нечего сказать, и такъ досталось хорошо! Э-эхъ, плохо было, ваше благородіе“, закончилъ казакъ. Полковникъ, котораго онъ хва-

лилъ, былъ командиръ 20-й артилерійской бригады Яковъ Яковлевичъ Гилленшмидтъ, произведенный въ генералы и назначенный, по смерти Унтилье, начальникомъ артилеріи кавказскаго корпуса.

Пріѣхавъ въ Александрополь поздно вечеромъ, я узналъ, что утромъ на другой день пойдетъ оказія въ Карсъ. Лучшаго и ожидать нельзя было. Чтобы не терять времени, я остановился у казацкаго поста, напился чаю и легъ спать въ повозку. Утромъ рано мы переправились чрезъ р. Арпачай, нашу границу съ Турціею, и поцлелись черепашимъ шагомъ по дорогѣ къ Карсу. Погода была ясная, но вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо; на полдорогѣ онъ до того усилился, что во время одного порыва лошади мои повернули повозку налѣво и остановились. Я закрылся справа и вижу: передо мною гора, отъ нея плоская возвышенность тянется къ деревнѣ, кругомъ равнина ⁶⁾. Весь транспортъ, остановившійся при порывѣ урагана, скоро поцлелся далѣе, и мы заночевали близъ армянской деревни, верстахъ въ десяти отъ лагеря. Утромъ рано почта съ коннымъ конвоемъ и я на своей тройкѣ мчались уже въ лагерь. Переодѣвшись у товарищей-артилеристовъ, очень удивленныхъ моимъ пріѣздомъ, я пошелъ къ бригадному командиру.— „По какому случаю вы пріѣхали?“ было первое слово, меня встрѣтившее.

— По вашему письму къ подполковнику Аристову.

— По письму! что онъ это выдумалъ? Развѣ письмо предписаніе? Начальникъ артилеріи будетъ недоволенъ, Аристову достанется. Впрочемъ, что вы пріѣхали, я весьма доволенъ. Ступайте проворнѣе къ начальнику артилеріи.

Прихожу къ генералу Гилленшмидту, человекъ доложилъ, захожу въ ставку, явился.— „Кто сказалъ генералу Панкратьеву, что вы переведены въ батареиную роту?“—и указываетъ

---

⁶⁾ Поле битвы при Кюрюкъ-дара въ 1854 году. Какъ будто Провидѣніе желало, чтобы я разсмотрѣлъ поле, на которомъ ровно черезъ 26 лѣтъ заслужилъ Георгія 3-й степени.

на бумагу, лежащую на столѣ. Значитъ—почта съ конвертомъ Панкратьева опередила меня. Генералъ, человекъ тихій, казался мнѣ крѣпко разсерженнымъ.— „Какъ вы могли отѣхать изъ своей роты, не получивъ предписаніе отъ своего начальства?“ Въ это время входитъ адъютантъ и говоритъ: „бригадный командиръ не давалъ предписанія объ отправленіи капитана Бриммера.“—Я имѣю предписаніе ротнаго командира,—и вынулъ его.— „Покажите сюда!“ Я подалъ ему, онъ прочелъ, пожалъ плечами: „это вы сами сочинили; не можетъ быть, чтобы онъ вздумалъ, на основаніи не сдѣланнаго еще представленія, отправить васъ къ новому назначенію.“

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ сказать одно слово: въ началѣ персидской кампаніи покойный начальникъ артилеріи далъ мнѣ трудное порученіе, отъ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, я просилъ его превосходительство меня уволить, потому что не хотѣлъ потерять кампаніи. Порученіе, данное мнѣ, я выполнилъ, но кампанію потерялъ. Теперь открылась война, вотъ уже и Карсъ взятъ, а я долженъ оставаться въ войскахъ, которыя бездѣйствуютъ. Чѣмъ же я провинился?

Генералъ выслушалъ меня и все время смотрѣлъ мнѣ въ глаза; казалось, онъ поуспокоился и ужъ не такъ сердито отвѣчалъ:

— Прочитавши отзывъ генерала Панкратьева, я приказалъ написать вамъ предписаніе отправиться обратно въ 3-ю легкую роту (адъютантъ показываетъ предписаніе, принесенное имъ для подписи), но такъ какъ вы уже пріѣхали, а штабсъ-капитанъ Лѣпницкій умеръ, то я васъ назначаю командовать крѣпостною артилеріею въ Карсъ.

— Я прошу ваше превосходительство позволить мнѣ отправиться въ 3-ю легкую роту: я не знаю за собой никакой вины; не зналъ также, что я нахожусь въ опалѣ. За то, что офицеръ просится быть въ дѣйствиіи противъ непріятеля, его не наказываютъ.

Добрый, почтенный генераль улыбнолся; видимо, гнѣвъ его уже прошелъ.

— Да вы не проситесь, вы сами пріѣхали; этакое самовольство нельзя терпѣть.

— Я имѣлъ честь показать вамъ полученное мною предписаніе.

— Ну, хорошо, Бриммеръ, на этотъ разъ вамъ сойдетъ. Затѣмъ онъ обратился къ адъютанту:

— Скажите бригадному командиру, чтобы сейчасъ сдѣлалъ представленіе о переводѣ ихъ въ 1-ю батарейную роту.

Я поклонился и поблагодарилъ.

— Но впередъ сами себѣ не пишите предписаній.

Ухъ, отлегло отъ сердца!

Когда мы вышли изъ палатки, адъютантъ сказалъ: „ну отдѣлался, счастливъ! Прочтя бумагу Панкратьева, онъ ужасно разсердился.“

— А ты хорошъ: ужъ и обратное предписаніе настроилъ!

Возвратившись къ бригадному командиру, я передалъ ему разговоръ съ начальникомъ артилеріи.— „Ну, слава Богу—сказалъ онъ—вы знаете, Эдуардъ Владиміровичъ, я раненый, не могу за всѣмъ усмотрѣть, и потому, прошу васъ, распорядитесь всѣмъ въ моей ротѣ и командуйте ею—я въ васъ совершенно увѣренъ.“

Такимъ образомъ я принялъ командованіе батарейною № 1 ротою, а настоящій командиръ ея уже ни во что не вмѣшивался, кромѣ одного раза, гдѣ самолюбіе его было затронуто; но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Кажется я упомянулъ раньше, что довольно значительный хойскій дворецъ былъ въ моемъ вѣдѣніи, за благоразумный разборъ коего, т. е. что послать въ Тифлисъ, что отдать войскамъ и что уничтожить, я получилъ благодарность. Но это была не вся выгода собственно для меня. При арсеналѣ былъ

довольно большой садъ съ фруктовыми деревьями, въ особенности съ прекрасными вишнями, большими и превкусными. Въ маѣ онѣ поспѣли. Раздавая ихъ всѣмъ и каждому и лакомясь самъ до пресыщенія, я все таки не успѣлъ покончить съ ними и потому вздумалъ приготовить изъ нихъ вишневую настойку, которая оказалась совершеннымъ нектаромъ. Этой настойки я привезъ въ Турцію съ дюжину бутылокъ, умеренное употребленіе коихъ протянулось во всю кампанію 1828 года. Видите, какую я извлекъ выгоду, командуя персидскимъ арсеналомъ!

Припомню здѣсь вечеръ, когда почта привезла намъ въ Хой извѣстіе съ объявленіемъ войны Турціи. Товарищи-артиллеристы и нѣсколько саперъ пришли ко мнѣ чай пить. Разговоръ, разумѣется, зашелъ о войнѣ. Саперная рота штабсъ-капитана Шеффлера и артилерійскій паркъ уже получили приказаніе выступить въ Александрополь къ собравшимся дѣйствующимъ войскамъ; нашей роты прапорщикъ Отрада шелъ съ паркомъ. Разумѣется мы, оставшіеся, поздравляли уходящихъ. За ужиномъ кто-то сказалъ: „вотъ насъ собралось здѣсь семь человѣкъ, а сколько-то останется послѣ кампаніи? вѣдь война съ турками—это будетъ посерьознѣе, чѣмъ съ персіанами.“

— Полноте объ этомъ говорить—сказалъ я—наше дѣло честно служить, а тамъ, что будетъ, то будетъ.

— Батюшка писалъ мнѣ—пошутилъ Отрада—что въ своемъ городишкѣ, въ Малороссіи, послѣ каждой нашей побѣды надѣваетъ мундиръ къ молебствію; я боюсь, если турецкая война будетъ также счастлива, какъ персидская, то онъ скоро износить бѣлые штаны свои.

Странно, когда господа расходились и прощались со мною, мнѣ, всегда веселому, любившему молодую кипучую бесѣду и сегодня принимавшему въ ней участіе, сдѣлалось грустно, и я каждого провожалъ съ сожалѣніемъ! Вопросъ—сколько-то оста-

нется изъ насъ—не выходилъ у меня изъ головы. Засыпая съ послѣднею мыслью—сколько-то останется?—мнѣ было жаль всю эту молодежь (только саперъ Вильде былъ уже не молодецъ), точно уже обреченную на смерть. И вотъ, какъ сбылись мои грустные предчувствія: прапорщикъ Отрада, по взятіи Карса, былъ первою жертвою чумы, кушивъ у пѣннаго турецкаго офицера шаль; прапорщикъ Селивановъ изрубленъ турками при нападении на Баязетъ (въ своемъ мѣстѣ припомню), саперный штабсъ-капитанъ Шефлеръ убитъ на моихъ глазахъ при штурмѣ Ахалцыха, укрѣпляя взятую батарею; штабсъ-капитанъ III—ъ раненъ подъ Баязетомъ; саперъ Вильде раненъ тяжело въ шею послѣ турецкой кампаніи, въ экспедиціи 1831 года за Кубанью; прапорщикъ Головачевъ умеръ во время кампаніи 1829 года.

VIII.

ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ 1828 и 1829 ГОДОВЪ. Непростительный проступокъ артилериста. Человѣкъ вмѣсто куля. Чума. Походъ къ Ахалцыху. Взятіе Ахалкалакъ. Размѣлъ мирнаго трактата съ Персією. Хертвисъ. Завтракъ съѣлъ не тотъ, для кого онъ былъ приготовленъ. Къ Ахалцыху. Сильная рекогносцировка. Батарея № 1. Ночное движеніе. Полевое сраженіе 9-го августа. Взглядъ съ возвышенности на Ахалцыхъ. Осада Ахалцыха съ 9-го по 15-е августа. Замѣщеніе начальниковъ, по солдатскому понятію. Оставленіе малыхъ укрѣпленій. Крупный разговоръ съ главнокомандующимъ. Задѣтое самолюбіе ближайшаго начальника. Передъ штурмомъ. Предчувствіе. Тишина передъ бурей. Усиленная стрѣльба. Штурмъ. „Дитя межъ ужасовъ войны.“ Сдалась и цитадель. Добродушіе русскаго солдата. Добыча стоитъ солдату дорого, а отдаетъ онъ ее дешево. Ахиллъ убитъ въ пятку. На квартирѣ. Въ Грузію. За совѣтъ—Георгія.

Припоминаю, что видѣлъ или что со мною случилось; отрывочныя замѣтки помогаютъ моей памяти. По взятіи Карса, начальникъ артилеріи назначилъ штабсъ-капитана Лѣпницкаго командиромъ крѣпостной артилеріи въ завоеванной крѣпости, съ предписаніемъ принять артилерію и всѣ запасы въ свое вѣдѣніе, привести все въ порядокъ и описать. Офи-

церъ, увидѣвъ пороховые погреба, ужаснулся: они столѣтія не провѣтривались, на каменныхъ стѣнахъ отъ сырости плѣсень, изъ незакупоренныхъ и опрокинутыхъ бочекъ порохъ вездѣ валялся разсыпаннымъ по землѣ; стѣны и воздухъ въ погребахъ были пропитаны пороховою пылью, однимъ словомъ—безпорядокъ, настоящее турецкое хозяйство! Нарядили рабочихъ, изъ артилерійскихъ ротъ назначили мастеровыхъ и закицѣла вездѣ работа. Пороховые погреба совершенно очистили, двери, окна, отдушины—все, что могло пропустить воздухъ, отворили. Стѣны и потолки мыли, скребли и опять мыли. Наконецъ пошла плотничная работа—двери, рамы, полки и прочее. Штабсъ-капитанъ Лѣпницкій ходитъ по работамъ, смотритъ и не радуется, что всѣ склады, въ особенности пороховые погреба, приняли порядочный видъ и все, взятое у турокъ, рассортируется и размѣстится какъ слѣдуетъ, еще до отхода войскъ и что онъ можетъ показать труды свои начальнику артилеріи. Въ такомъ радостномъ настроеніи разъ онъ пришелъ въ одинъ пороховой погребъ, въ которомъ четыре плотника доканчивали свои работы.—„Что, сегодня все кончите?“—Сегодня кончаемъ, отвѣчаютъ плотники.

— Ну, хорошо. Кажется, всю пороховую пыль вывѣтрили и вымели; все бы не дурно попробовать не осталось ли чего? И, обращаясь къ пришедшему съ нимъ фейерверкеру, говоритъ: „поди-ка, да принеси горсточку пороху да фитиль.“ Черезъ пять минутъ фейерверкеръ приноситъ въ мѣшочкѣ порохъ и фитиль. Штабсъ-капитанъ Лѣпницкій насыпаетъ пороху на полъ и беретъ фитиль у фейерверкера. А тотъ, подавая ему фитиль, говоритъ: „ваше благородіе, не зажигайте, ради Бога; вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Право, не зажигайте.“

— Что можетъ случиться? развѣ мы даромъ провѣтривали, да мыли стѣны?—и занесъ фитиль на порохъ. Тотъ всыхнулъ—взрывъ, весь погребъ въ пламени... Лѣпницкій и трое

мастеровыхъ на землѣ, задохнувшіеся на-смерть; фейерверкеръ успѣлъ добѣжать до открытой двери и, ушибленный, упалъ на порогъ. Четвертый мастеровой, Афанасьевъ, нашей роты, который это рассказывалъ мнѣ и работавшій у самой двери, былъ сброшенъ взрывомъ на фейерверкера.— „А голова-то моя была за дверьми, на воздухъ, такъ насъ двухъ и спасъ Богъ,“ кончилъ онъ свой рассказъ.

А вотъ еще другой случай, гдѣ тоже отличился артиллеристъ. По взятіи Карса, туда поставили гарнизономъ пѣхоту и четыре орудія легкой № 2 роты нашей бригады, подъ командою капитана Кузнецова. Казарма, гдѣ расположились артиллеристы, была въ крѣпости или, лучше сказать, въ цитадели, т. е. на самой вершинѣ обрывистой скалы, у подножья которой течетъ Карсъ-чай. На этой рѣкѣ, почти подъ казармой, была водяная мельница, гдѣ мололи пшеницу для солдатъ; потомъ муку доставляли чрезъ городъ въ цитадель. Перевозка снизу, отъ рѣки, чрезъ городъ на высокую гору, по скверной дорогѣ, конечно, утомляла лошадей. Чтобы устранить это, капитанъ Кузнецовъ придумалъ сдѣлать на скалѣ, близъ казармы, на блокахъ спускную досчатую площадку (какъ бываетъ въ двухъ-этажныхъ провіантскихъ магазинахъ), которая бы веревками на блокахъ поднимала муку вверхъ. Когда все было готово, попробовали спустить пустую машину — идетъ хорошо. Теперь надобно посмотрѣть выдержатъ ли веревки куль муки? Кажется, чего бы легче — наложить куль и поднять! Нѣтъ, Кузнецовъ выдумалъ лучше: онъ самъ сѣлъ на доску и велѣлъ себя спускать. Вначалѣ все шло хорошо; но по мѣрѣ того, какъ веревка развертывалась, спускающаяся тяжесть, т. е. Кузнецовъ, становилась все тяжелѣе, а на половинѣ горы веревки не выдержали, лопнули, доска обернулась — и несчастный полетѣлъ внизъ, ударяясь о неровности горы то одной, то другой частью тѣла. Когда я посѣтилъ его дня чрезъ три послѣ случившагося, онъ лежалъ съ обвязанною го-

ловою и жаловался, что весь разбитъ. Послѣ турецкой кампаніи онъ получилъ роту на линіи; но говорили, что отъ ушибовъ умственные способности его пострадали и, кажется, въ началѣ 30-хъ годовъ онъ умеръ.

По пріѣздѣ моемъ къ дѣйствующимъ войскамъ, чума хотя еще не прекратилась, но уже энергическими мѣрами главнокомандующаго ослабѣла до того, что паническій страхъ первыхъ дней пропалъ. Всѣ части войскъ стояли отдѣльно; нѣкоторыя, въ коихъ оказывались чумные случаи, были еще оцѣплены часовыми. Всѣ войска, съ офицерами, ходили разъ или два въ день купаться въ Карсъ-чай; гдѣ оказывался чумный случай, ту часть войскъ отдѣляли совершенно и всѣ вещи клали въ рѣку промывать. Тутъ не было пощады никакому платью, на что крѣпко жаловались командиры частей, у которыхъ на мундирахъ имѣлось красное сукно. Всѣ тогда говорили, что крѣпкая воля Паскевича, не терпѣвшая никакихъ послабленій въ мѣрахъ, принятыхъ для прекращенія заразы, была причиною малой смертности въ дѣйствующемъ отрядѣ.

Предосторожности, принимавшіяся противъ заразы и неуклонно исполняемыя начальниками частей подъ страхомъ строгой отвѣтственности, крѣпко надоѣли войску, и потому радость была общая, когда въ половинѣ іюня приказано было выступить къ Ахалцыху. Трудный переходъ! Вся дорога шла горами—то длинные, высокіе, крутые подъемы, то необдѣланные крутые спуски—и находилась въ первобытномъ состояніи до нагорнаго Чалдырскаго озера, даже почти до Ахалкалакъ, однимъ словомъ—турецкая дорога. У подошвы горы, на которой лежитъ Чалдырское озеро, мы дневали. Поднимались, чтобы полюбоваться рѣдкимъ явленіемъ огромнаго озера на высокой горѣ. Видѣли какія-то толстыя, развалившіяся стѣны, работу, кто знаетъ, какихъ вѣковъ и какихъ людей, но ужъ, конечно, не турокъ. Тотчасъ по прибытіи къ Ахалкалакамъ, ихъ обложили; на другой день батарейная рота 20-й бригады нашла себѣ

на возвышенномъ мѣстѣ позицію, съ которой въ крѣпость можно было стрѣлять безъ промаха. Потомъ капитанъ этой батареи князь Чхеидзе хвалился мѣткою стрѣльбою, тѣмъ, что ни одно ядро мимо не пошло. Еще бы! Ахалкалаки—это нѣсколько жилыхъ строеній, обнесенныхъ толстою каменною, четырехугольною стѣною, кажется, съ одними воротами. Противъ воротъ поставили пушку, пѣхота ихъ доломала, нетерпѣливые перелѣзли чрезъ стѣну. Гарнизонъ не долго держался—бросился въ другую сторону; кто успѣлъ бѣжать за стѣны, того кавалерія или била, или хватала. Говорятъ, гарнизона было тысячи полторы, плѣнныхъ взято до двухсотъ, удалось убѣжать или скрыться, можетъ быть, не больше десяти.

На другой день, послѣ молебствія съ парадомъ, была передача ратификаціоннаго мирнаго договора съ Персією, привезеннаго наканунѣ персидскимъ посломъ. Въ цвѣтистой рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ, онъ называлъ нашего Государя „могущественнѣйшимъ“, а главнокомандующаго—„величайшимъ изъ полководцевъ всѣхъ временъ,“ и кончилъ такъ: „если уже вы восторжествовали надъ войсками непобѣдимаго шаха, то и турокъ повергнете въ прахъ, потому что и мы ихъ всегда бьемъ!“ Иванъ Θεодоровичъ, которому бить персіянъ было легче, чѣмъ разговаривать съ ними, сказавъ нѣсколько словъ о дружбѣ между сосѣдями, о покорности и прочая, остановился, не кончивъ фразы. Молчаніе его пачинало ужъ насъ беспокоить, какъ вдругъ онъ поднялъ голову, грозно взглянулъ на персіянина и громко сказалъ: „да, порядокъ ведетъ къ побѣдамъ!“

На другой день гренадерская бригада, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева, своего бригаднаго командира, выступила къ Хертвису, по дорогѣ въ Ахалцыхъ. Войска стали лагеремъ на горной плоскости Хертвисъ; маленькое укрѣпленіе лежало внизу, въ ущельи, по которому протекала Кура. Ночью турки оставили укрѣпленіе.

За совершенное и скорое истребленіе чумы въ кавказской гренадерской бригадѣ Муравьевъ получилъ благодарность главнокомандующаго, но осмотръ по утрамъ всѣхъ чиновъ продолжался. Вообразите же мою досаду, когда однажды утромъ, только-что я вышелъ изъ палатки, нашъ долговязый бригадный медикъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, у васъ въ ротѣ зачумленный.“

Меня такъ и обдало холодомъ, однако я велѣлъ привести его къ себѣ. Солдатъ подходитъ, снимаетъ шинель, рубашку; точно—подъ лѣвой мышкой багровый желвакъ; впрочемъ, видъ бодрый, глаза свѣтлые.

— Откуда это у тебя? спрашиваю я его.

— Изъ деревни, ваше высокоблагородіе.

— Какъ изъ деревни?

— Точно такъ; у насъ въ деревнѣ это у всѣхъ бываетъ. Это „сучье вымя“ зовется—отъ воды, ваше высокоблагородіе.

— А по вашему это чума? обратился я къ медику.

— Точно такъ, отвѣчалъ онъ.

Нечего дѣлать, я пошелъ къ генераль-маіору Муравьеву съ медикомъ, чтобы доложить о непріятномъ случаѣ. Николай Николаевичъ вышелъ посмотреть на больного.

— Да, помилуйте, это здоровый человѣкъ! и глаза свѣтлые. Раздѣлся.

Солдатъ раздѣлся.

— Что это у тебя?

— Сучье вымя, ваше превосходительство.

— Да онъ совсѣмъ бодрый; онъ здоровъ. Аппетитъ есть у тебя?

— Не можемъ знать, ваше превосходительство.

— Ъсть хочешь? спросилъ я его.

— Какъ прикажете, ваше высокоблагородіе.

Николай Николаевичъ приказалъ подать, что было съестного—принесли курицу, хлѣба, кусокъ холодной говядины; отъ

меня принесли водки и тоже говядины. Нашъ больной сѣлъ на траву и въ присутствіи кружка любопытныхъ какъ началъ уписывать все поданное, такъ Муравьевъ рѣшилъ, что онъ здоровъ. Отходя со мною въ свою палатку, онъ сказалъ: „вашъ медикъ не геній, а солдатъ-то мой завтракъ сѣлъ!“ Это было послѣднее напоминаніе о чумѣ, болѣе мы не заботились о ней; но при главнокомандующемъ былъ докторъ, италіянецъ или грекъ, который и послѣ взятія Ахалцыха пугалъ его чумой.

Опять потянулись мы, то спускаясь въ ущелья, то круто подымаясь на высокія горы и часто останавливаясь, гдѣ надобно было хоть немного разработать дорогу, чтобы возможно было пройти. Шли все внизъ по Курѣ, обошли укрѣпленіе Аспиндзу, запиравшее ущелье и занятое турками, и наконецъ вышли на плоскость предъ Ахалцыхомъ. 3-го августа мы вышли изъ ущелья и расположились лагеремъ верстахъ въ двухъ-трехъ отъ крѣпости. 4-го пришелъ изъ Гори малый отрядъ войскъ, двигавшійся вверхъ по Курѣ, по ущелью, мимо турецкаго укрѣпленія Ацхуръ, изъ котораго сдѣлали по немъ нѣсколько выстрѣловъ. Говорили, что въ ахалцыхской крѣпости гарнизона 14 тысячъ—все лазы, горный народъ, самый бойкій изъ всего турецкаго населенія. Одинъ порядочный армянинъ, житель здѣшняго пашалыка, пришелъ къ нашему полковнику и сказалъ: „Ну, если вы возьмете Ахалцыхъ, тогда гуляйте по всей Азіи, идите въ Эрзерумъ, Багдадъ, хоть въ Индію—никто не будетъ противиться; а кто захочетъ драться, того скоро побьете; лазы самые храбрые люди.“ Былъ слухъ, что изъ Эрзерума идетъ войско на выручку Ахалцыха; у насъ же съ пришедшимъ подкрѣпленіемъ едва ли было до десяти тысячъ. А если взять въ соображеніе, что въ случаѣ неудачи у насъ на пути отступленія горы и два ущелья, въ каждомъ изъ которыхъ по турецкому укрѣпленію, то весь благородный рискъ нашего главнокомандующаго и вся непре-

дѣльная увѣренность въ предводимымъ имъ войскамъ будутъ понятны.

5-го числа Паскевичъ сдѣлалъ усиленную рекогносцировку, съ цѣлью занять гору, съ которой былъ виденъ Ахалцыхъ. Двѣ батарейныя роты кавказской гренадерской и 21-й бригады шли впереди развернутымъ фронтомъ, за ними пѣхотная гренадерская бригада, съ распущенными знаменами; кавалерія на флангахъ и позади. Главнокомандующій, пріѣхавъ, остановился впереди между батареями и самъ командовалъ: „движеніе впередъ!“ Все тронулось, знамена заколыхались, музыка заиграла. Солнце съ чистаго небосклона какъ бы улыбалось намъ. Я ѣхалъ передъ батареей. Увидѣвъ впереди у подошвы горы оврагъ, я поскакалъ, чтобъ посмотрѣть, какъ провезти орудія. Оврагъ шелъ слѣва, все углубляясь вправо, такъ что ротѣ 21-й бригады можно было идти прямо; четыре лѣвыя орудія нашей батареи, очертя голову, могли рискнуть, но прочимъ надо было взять вправо, по дорогѣ, идущей въ оврагъ, огибавшій всю крѣпость съ этой стороны. Только-что я успѣлъ прискакать къ батареѣ и сказать, чтобъ справа спускались по дорожкѣ, какъ главнокомандующій командовалъ: „рысью, маршъ!“ Батареи стройно понеслись впередъ. Батареиная рота п. Семчевскаго благополучно прошла оврагъ; правыя орудія нашей батареи взяли въ одно орудіе по дорогѣ, а шесть орудій, несмотря на крутость оврага, не уменьшили хода и рысью спустились внизъ. Два ящика разстроили порядокъ. Одинъ вскачь опередилъ орудія, и только довольно крутая гора успокоила лошадей, послѣ чего онъ повернулъ на свое мѣсто; другой, ударившись колесомъ о камень, опрокинулся; лошади упали и ѣздовой съ ними. Я подскакалъ, чтобы посмотрѣть, не сломалось ли что. Въ это время главнокомандующій со всей свитой подѣхалъ къ ящику и говоритъ: „молодцы артиллеристы!“ и, обращаясь ко мнѣ — „ступайте къ батарее, мы тутъ все поправимъ.“ Батарея ускореннымъ ша-

гомъ подвигалась по крутизнѣ на гору, но какъ только подъемъ сдѣлался отложе, мы стройно двинулись рысью впередъ. Огромная толпа конныхъ и пѣшихъ турокъ, стоявшихъ на горѣ, видя наше приближеніе, бросилась бѣжать; нѣсколько ядеръ и гранатъ скоро совершенно очистили гору.

Съ этой горы виденъ былъ весь Ахалцыхъ. Главнокомандующій тотчасъ же велѣлъ на горѣ выстроить редутъ, названный батареею № 1-й. Здѣсь оставили меня съ 4-мя единорогами, а баталіонъ занялъ гору. На этомъ мѣстѣ я простоялъ 5-е и 6-е число. Въ первую ночь турки подползали изъ крѣпости и насъ беспокоили, но, удостовѣрившись, что мы не оплошны, оставили въ покоѣ. 7-го числа пріѣхалъ на гору главнокомандующій со свитою. Увидя, что начальникъ артилеріи со мною разговариваетъ, онъ спросилъ меня, что я видѣлъ и въ кого стрѣлялъ? Я сказалъ, что вчера утромъ было большое движеніе въ этой сторонѣ и потому сдѣлалъ три выстрѣла въ проходившія толпы, а потомъ скоро все утихло. Тутъ мы узнали, что на выручку крѣпости пришелъ съ войсками Кіайя-наша, начальникъ штаба эрзерумскаго сераскира, по прозвищу Кесё-наша. Отъѣзжая, начальникъ артилеріи сказалъ, что меня тотчасъ смѣнятъ и что сюда придутъ четыре орудія 21-й бригады, чему мы всѣ очень обрадовались.

8-го числа мы получили приказаніе быть готовыми къ ночному движенію. Если въ несвѣтлую ночь вы двигаетесь съ войскомъ по торной большой дорогѣ, то возможно избѣгнуть всякаго безпорядка; но если движеніе производится безъ дороги, по неровной мѣстности и приходится переходить овраги, то надобно ожидать, что пѣхота смѣшается съ артилеріею, что при спускахъ и подъемахъ она будетъ обгонять артилерію, а на гладкомъ полѣ послѣдняя опередитъ пѣхоту; хорошо если какая нибудь кавалерійская часть не перерѣжетъ вамъ дорогу. Хотя у насъ и былъ проводникъ, но съ пѣхотою мы столкнулись. Только благодаря благоразумію гг. офицеровъ, зани-

мавшихся своими взводами, съ крутыхъ спусковъ сходили бережно, а на подъемахъ не останавливались; такимъ образомъ все прошло благополучно, хотя нашъ горячій бригадный командиръ уже началъ сильную перебранку съ какимъ-то пѣхотнымъ штабъ-офицеромъ. Сдѣлавъ около пяти верстъ, мы со свѣтомъ приблизились къ турецкимъ лагерямъ. Турки уже увидѣли наше движеніе и выстраивались, чтобы принять насъ.

Хотя я не описываю сраженія, а припоминаю только то, что меня собственно касается, но, чтобы хоть сколько нибудь быть понятнымъ, долженъ описать нашу позицію. Мы стояли на небольшой ровной плоскости, лицомъ къ тремъ пѣхотнымъ лагерямъ, имѣя крѣпость предъ собою съ лѣвой руки, въ разстояніи 2-хъ верстъ или около этого. Лагери турокъ справа примыкали къ крѣпости, въ верстѣ отъ оной; войска ихъ выдвинулись впередъ и приняли влѣво, такъ что лѣвая оконечность ихъ была противъ нашего центра. Занимаемая нами плоскость оканчивалась полукружіемъ, на которомъ были расположены наши войска; съ него былъ спускъ сажени въ двѣ, потомъ мѣстность отлого подымалась до турецкихъ лагерей; за ними—лѣсистыя горы. Вотъ взглядъ съ мѣста, гдѣ стоялъ главнокомандующій, противъ пѣхотныхъ турецкихъ лагерей. Теперь огибайте нашу позицію къ центру и къ правому флангу—и вы увидите предъ собою чистую мѣстность, отлого возвышающуюся версты на три; на высотѣ—деревня и лагерь турецкой конницы. Отъ этой деревни идетъ оврагъ, саженей 8—10 ширины, вплоть до нашего лагеря на правомъ флангѣ, гдѣ онъ сливается съ мѣстностью. Этого покуда довольно, чтобы понять начало сраженія.

Артилерія наша была расположена на оконечности полукружія противъ турокъ, а нѣсколько легкихъ орудій въ срединѣ; на правомъ флангѣ, противъ оврага, орудій вначалѣ не было. Гренадеры, въ баталіонныхъ колоннахъ, стояли внизу, имѣя предъ собою застрѣльщичьи цѣпи. Прочія войска были

въ резервѣ, сзади; полкъ казаковъ на правомъ флангѣ. За нашею батареею стоялъ главнокомандующій. Дѣйствіе открылось артилерійскимъ огнемъ, который для турокъ, казалось, былъ чувствителенъ, а ихній намъ—не очень. Всѣ полагали, что послѣ артилерійскаго огня двинуть пѣхоту на турокъ и покончатъ съ ними; но у главнокомандующаго, вѣрно, было другое на умѣ, и бездѣйствіе стало уже намъ надоѣдать, какъ вдругъ турецкая кавалерія съ высоты, гдѣ она была массирована, начала тихо спускаться по отлогой мѣстности. Начальникъ артилеріи подѣхалъ ко мнѣ и говоритъ: „главнокомандующій приказалъ поставить 4 батарейныхъ орудія на правый флангъ; возьмите дивизионъ и станьте на самой оконечности, противъ оврага.“ Едва я двинулся въ одно орудіе рысью, какъ увидѣлъ массу турецкой кавалеріи, вскачь бросившуюся на нашу пѣхоту, собственно на херсонскихъ застрѣльщиковъ, вся линія которыхъ на протяженіи, можетъ быть, двухсотъ сажень, какъ по командѣ, свернулась въ кучки и приняла турокъ сильнымъ огнемъ. Всадникамъ удавалось врѣзываться въ кучки—штыкъ, пуля и сабля работали скоро и успѣшно. Проскакавшихъ линію застрѣльщиковъ встрѣчали пули баталіоновъ. Представленіе продолжалось не долго, но картина была великолѣпная. Въ это время я успѣлъ стать на позицію противъ оврага, сняться съ передковъ и зарядить орудія. Турецкая кавалерія уже скакала назадъ, провожаемая пулями; я приказалъ навести орудія въ полгоры. Проскакавъ нѣсколько въ гору, эти тысячныя толпы турокъ уменьшили ходъ, чтобы не утомить своихъ жеребцовъ. Тутъ ушло въ толпу ядро, а вслѣдъ за нимъ полетѣли двѣ гранаты; ядро придало имъ проворства, но не отучило отъ попытокъ, несмотря на то, что всѣ снаряды легли хорошо и гранаты рвало среди толпы. Блестящій наскокъ на херсонскихъ застрѣльщиковъ былъ около 8 ч. утра.

Прошелъ часъ или полтора. Мы стояли въ совершенномъ

бездѣйствіи; только пѣхота, гдѣ былъ главнокомандующій, то перестрѣливалась, то передвигалась. Но вотъ, турецкой кавалеріи надоѣло бездѣйствіе—мы видимъ, какъ она тихо спускается въ оврагъ у самой деревни и приближается къ нашему правому флангу. Я приказалъ двѣ 12-ти фун. пушки зарядить картечью, а $\frac{1}{2}$ пуд. единороги гранатами. Что за огромная масса кавалеріи! Ужъ передніе на полдорогѣ къ намъ, а хвоста все еще не видать. Несутся вскачь!... Большое зеленое знамя впереди... Двѣ гранаты разорвало въ толпѣ—несутся ближе; картечь встрѣчаетъ ихъ. Зеленое знамя падаетъ, вѣрно, ранило байрахтара. Они такъ близко, что баталіонъ, ставшій въ оврагѣ, правѣе моихъ орудій, началъ стрѣльбу; картечь играетъ неумолчно, люди падаютъ, передніе поворачиваютъ назадъ, задніе еще несутся впередъ. Суматоха, крикъ, брань! Ушли отъ картечи; ядра и гранаты догоняютъ. Много повалило ихъ въ оврагѣ, но зеленое знамя увезли. Адъютантъ главнокомандующаго б. Ф. привезъ артилеристамъ спасибо отъ него. Вслѣдъ затѣмъ пріѣзжаетъ начальникъ артилеріи, приказываетъ сняться съ позиціи и слѣдовать за нимъ. Тутъ надо сказать слово о мѣстности, на которой будетъ рѣшительное дѣйствіе. Если вы станете спиною къ полукруглой оконечности, гдѣ стояли войска наши, или, лучше сказать, если вы пойдете теперь со мною при 4-хъ орудіяхъ, то врагъ будетъ съ лѣвой руки, а съ правой крѣпость Ахалцыхъ. Между крѣпостью и вами будетъ возвышеніе; спускъ съ него къ намъ мѣстами довольно отлогій, мѣстами крутой, а къ сторонѣ крѣпости, которую это возвышеніе почти огибаетъ, отвѣсный; между нимъ и крѣпостью—оврагъ. На возвышеніи была у турокъ построена батарея, которая безпокоила наши войска. Подлѣ этой батареи возвышенность разрывалась, а черезъ прорывъ шла дорога въ крѣпость по разработанной отлогости и по высокой насыпи въ оврагѣ, гдѣ вмѣсто воротъ стояла батарея, которую мы послѣ штурмовали. Но все это мы увидѣли послѣ.

Сказавъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ, начальникъ артилеріи поѣхалъ впередъ. За перевязочнымъ пунктомъ, на которомъ уже было, на глазъ, человекъ до ста раненыхъ, онъ поскакалъ мнѣ на встрѣчу: „поторопитесь, ужъ колонны готовы, въѣзжайте на эту возвышенность и обстрѣливайте турецкую батарею. Смотрите, чтобъ орудія не останавливались, грязно.“ — Въѣдемъ, ваше превосходительство! — и я поскакалъ наверхъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Едва я оглянулся, какъ ядро ударило въ отлогость горы. Орудія тихо въѣхали, не останавливаясь, по довольно крутому скату, живо сиялись; передки отъѣхали; насъ встрѣтили нѣсколькими безвредными ядрами, и стрѣльба въ турецкую батарею началась. Разстояніе было такъ близко для батарейныхъ орудій, что о вѣрности выстрѣловъ и говорить стыдно—все ядра и гранаты ложились у турокъ за пазухой. Двѣ баталіонныя колонны, одна за другою, двинулись на батарею. Генераль-маіоръ Корольковъ, бригадный командиръ, ѣхалъ впереди. На полдорогѣ ядромъ убиваетъ генерала. Колонна останавливается; я учащаю огонь. Непріятный моментъ недоумѣнія войскъ!..... Вдругъ сзади громкій голосъ (говорятъ, донской генераль Сергѣевъ) крикнулъ „ура!“ Донцы, пѣхота, артилерія—все, что тутъ было, подхватило это „ура.“ Остановившійся передовой баталіонъ бѣжитъ впередъ съ этимъ оживляющимъ возгласомъ, подъ градомъ пуль и картечи взбирается на гору, лѣзетъ на батарею, колетъ, что подъ рукой и преслѣдуетъ бѣгущихъ подъ гору. За нимъ двинулось все, что тутъ стояло. Я снялся съ позиціи и поставилъ свои 4 орудія на возвышеніи близъ взятой турецкой батареи. Здѣсь я долго оставался безъ всякаго прикрытія, разсматривая Ахалцыхъ и видимыя движенія нашихъ и турецкихъ войскъ. Одновременно со взятіемъ батареи на возвышеніи, главнокомандующій, послѣ сильной канонады, двинулъ войска на турецкій фронтъ. Турки не выдержали—артилерія ихъ ускакала, пѣхота рассыпалась. Въ этотъ

моментъ пѣхота и казаки, преслѣдовавшіе турокъ со взятой батареи, съ прочими войсками ворвались въ турецкіе лагери и разобрали ихъ. Кёсё-паша бросился съ частью турецкихъ войскъ въ крѣпость, остальные разбѣжались по лѣсамъ; плѣнныхъ взято не много. Турецкая кавалерія, крѣпко пострадавшая при своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, видя съ горы разгромъ пѣхоты, тоже разбѣжалась. Итакъ, результатъ прибытія 20-ти тысячъ, пришедшихъ на выручку, былъ тотъ, что самъ начальникъ и, какъ мы послѣ узнали, тысячъ пять съ нимъ бросились въ крѣпость, чтобы защищать ее.

Тотчасъ послѣ сраженія крѣпость обложили и лагерь перевели ближе. Осадныя и батарейныя орудія поставили на возвышенности, для чего саперы и пѣхота вырыли траншею съ груднымъ прикрытіемъ. Къ вечеру наша батарея заняла свое мѣсто съ лѣвой стороны дороги, спускавшейся въ крѣпость, а съ правой сталъ карабинерный полкъ. Влѣво отъ насъ поставили на хорошо отдѣланной батарее 4 орудія 20-й бригады и 4 осадныхъ орудія; далѣе по возвышенности разставили, кажется, до 40 пушекъ въ томъ же порядкѣ; въ ложбинахъ и неровностяхъ размѣстили легкія орудія.

Городъ, построенный на отлогомъ скатѣ горы и обнесенный палисадомъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ (добрая защита, которую не легко разбить снарядами), между которыми въ приличныхъ мѣстахъ поставлены брустверныя батареи—лежалъ предъ нами, какъ на ладони. Выше города была цитадель съ высокою толстою стѣною; недалеко отъ нея, въ городѣ, высокая мечеть со шпилемъ, на которомъ красовалась вызолоченная луна. Не было видно ни одной длинной, порядочной улицы—все узкія, неправильно пересѣкавшіяся и расходившіяся. Съ возвышенности, между нашею батареею и карабинерами, шла довольно крутая дорога, сажень въ 150 внизъ къ турецкой батарее; отъ мѣста, гдѣ спускъ кончался, она направлялась сажень на 50 по ровной, высокой насыпи,

сдѣланной въ оврагѣ. Насыпь эта у горы была шириною сажень 10, но, сѣуживаясь къ городской оградѣ, у турецкой батареи была не шире четырехъ сажень. На батареѣ, какъ мы послѣ увидѣли, стояло шесть орудій. Крутость насыпи, по которой шла дорога въ обѣ стороны оврага, была сажени въ четыре. Если спускаться по дорогѣ къ крѣпости, то съ лѣвой стороны, въ оврагѣ, была батарея, прикрытая брустверомъ, устроенная съ цѣлью стрѣлять по насыпи; но такъ какъ она сверху была блиндирована и огня не открывала все время осады, то и оставалась нетронутою до послѣдняго момента. Справа отъ насыпи оврагъ расширялся до мѣста сраженія, а возвышенность склонялась. Тутъ, въ палисадной оградѣ, были двѣ башни съ орудіями, которыя однако намъ мало причиняли вреда. Въ палисадѣ, а также съ лѣвой и съ правой сторонъ насыпи были потерны, но, кажется, всѣ заваленныя, кромѣ одной, лѣвой, за овражною батареею, изъ которой въ первыя ночи смѣльчаки выходили и изъ-за кустовъ стрѣляли по нашимъ. 10-го августа, придя рано утромъ на батарею, куда приказалъ принести самоваръ, я удивился измѣненію, которому подверглась мѣстность съ того момента, когда я перевелъ дивизионъ на пустую возвышенность близъ взятой турецкой батареи. Теперь вся эта возвышенность была стройно уставлена прикрытыми батареями и войсками. Въ то время, какъ мы пили чай, явился нашъ бригадный командиръ полковникъ Долгово-Сабуровъ. Прихрамывая, съ палочкой, онъ дошелъ до перваго орудія.— „Я ужъ здѣсь пристроюсь; принеси мнѣ кресло изъ палатки,“ сказалъ онъ солдату и усѣлся, промолвивъ, по обыкновенію, фразу: „а ужъ вы, Эдуардъ Владиміровичъ, пожалуста посмотрите, чтобы все было въ исправности.“ Въ 7 часовъ утра приказано было открыть артилерійскій огонь, но турки насъ предупредили. Такъ какъ непріятельская батарея, къ которой вела дорога съ возвышенія, была почти противъ нашихъ орудій, то мы и выбрали ее нашею цѣлью. Съ

земляною работою мы скоро справились, но съ палисадами, вкопанными на $2\frac{1}{2}$ аршина въ землю, бились, бились, такъ и не сбили ихъ. Щелы отъ нихъ летѣли, но бревна не падали. Кажется, и всѣ батареи выбрали себѣ постоянную цѣль для дѣйствія. Съ нашей стороны стрѣльба производилась рѣдко, съ турецкой—рѣдко и гадко, потому что батареи наши оставались цѣлы, а убитыхъ было такъ мало, что и не говорили объ нихъ. Помню, что къ намъ на батарею ядро ударило между 4-мъ и 5-мъ орудіями, контузило двухъ солдатъ и врылось въ землю; да бомбу разорвало сзади батарей между осаднымъ паркомъ и нашими ящиками. 11-го числа приказано было ровно въ 11 часовъ прекратить стрѣльбу и до 4-хъ часовъ не стрѣлять. Обыкновенно въ городѣ не видно было никакого движенія по улицамъ; но тутъ женщины выползали изъ своихъ норъ и городъ оживлялся—синія чадры такъ и шныряли изъ дому въ домъ, до перваго выстрѣла.

Разъ во время такого отдыха я шелъ мимо лагеря полковъ 20-й дивизіи и слышу разговоръ двухъ солдатъ, усердно чистившихъ разобранныя ружья. По первымъ словамъ я остановился, будто что разсматриваю.

— Ну чтожъ? убили, такъ убили,—на то воля Божія.

— Оно такъ, да къ намъ-то кого въ бригадные поставятъ?

— Небось, безъ бригаднаго не останемся—въ Петербургѣ тотчасъ кого нибудь напечатаютъ.

Они замолчали. Я пошелъ своею дорогою; но такой сухой поминъ убитаго начальника легъ мнѣ непріятно на душу: начальникъ ли въ томъ виноватъ или это огрубѣлая, ледяная нечувствительность солдата?

Такъ прошли первые три дня осады: скучно, болѣе въ разговорахъ, предположеніяхъ и, кажется, безъ особенностей; развѣ припомнить слухъ, что гарнизоны Ацхура и Аспиндзы оставили укрѣпленія и ушли.

13-го августа. Я сказалъ выше, что съ 11-ти до 4-хъ ча-

совъ орудійная стрѣльба прекращалась. Обѣ очереди людей ужъ пообѣдали и мы послѣ обѣда собрались опять на батарею. Было около 2-хъ часовъ, когда сказали, что ѣдетъ главнокомандующій. Всѣ стали по мѣстамъ. Паскевичъ, подѣхавъ къ нашей батарее, остановился противъ 5-го орудія; его окружала большая свита. Я по траншеѣ подошелъ къ нему и, отдавъ честь, остановился поблизости—не будетъ ли приказаній? Иванъ Ѳеодоровичъ минутъ 10 смотрѣлъ на городъ, потомъ началъ разговаривать съ окружающими. Видя, что мнѣ дѣлать здѣсь, я отошелъ къ полковнику, сидѣвшему на креслѣ за первымъ орудіемъ. Не успѣли мы перекинуться нѣсколькими фразами и полковникъ проговорить: „все лучше будьте тамъ, можетъ, что прикажетъ“.... какъ вдругъ—выстрѣлъ!... Я обернулся—выстрѣлило пятое орудіе. Взглянувъ на полетъ ядра, вижу, что его перенесло чрезъ батарею. Я быстро подошелъ къ орудію и спрашиваю у поручика Станкевича (бригадный казначей, которому полковникъ поручилъ 3-й взводъ во время осады, чтобы было за что къ наградѣ представить), „кто приказалъ стрѣлять? и какъ не стыдно вамъ не понасть въ батарею!“—Главнокомандующій приказалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ тихо. Вдругъ громкій голосъ сзади: „Какъ смѣть не понасть, когда я приказалъ! Какъ смѣть не понасть!“

— Поторопились исполнить приказаніе вашего сіятельства. Не прикажете ли—всѣ 8 орудій понадутъ въ одну точку, скалалъ я держа руку у фуражки.

— Я вамъ не сдѣлаю этой чести. Какъ смѣть не понасть, когда я приказалъ! Посмотрите, какъ 20-я бригада стрѣляетъ! Вы стрѣлять не умѣете, вы заряды теряете.

Я поблѣднѣлъ и громко, смотря ему въ глаза, съ поднятой головой отвѣчалъ:

— Ваше сіятельство, тѣ заряды не потеряны, которыми разбиваютъ непріятельскія батареи!—и указалъ рукою на лежавшую предъ нами внизу турецкую батарею.

— Не вы разбили!—и голосъ его былъ угрожающій.

— Нѣтъ мы, ваше сіятельство, не отнимаемъ чести!

Я дрожалъ и былъ совершенно блѣденъ. Стоявшіе сзади главнокомандующаго, изъ свиты, знакомые и незнакомые, жестомъ показывали, чтобы я молчалъ. Раздражительности главнокомандующаго всѣ боялись. вмѣсто отвѣта мнѣ, онъ приказалъ адъютанту: „чтобы орудія 20-й бригады стрѣляли въ эту батарею“ и указалъ на нашу турецкую, внизу. Батарейныя орудія 20-й бригады стояли подлѣ насъ и осадныхъ. Я отошелъ къ своимъ орудіямъ и приказалъ навести 4-е и 6-е, оба $1\frac{1}{2}$ пуд. единороги. Выстрѣлъ слѣва—ядро далеко перенесло черезъ батарею. Это былъ выстрѣлъ 20-й бригады. „Еще!“ громко сказалъ главнокомандующій, видимо съ досадою. Надобно сказать, что выстрѣла изъ моего 5-го орудія главнокомандующій за дымомъ не могъ видѣть и узналъ о промахѣ лишь по моему выговору офицеру, а выстрѣлъ батарейной роты 20-й бригады, сдѣланный слѣва, дымъ не мѣшалъ ему видѣть. Выстрѣлъ!—гранату перенесло черезъ батарею и разорвало на воздухѣ. Фейерверкеръ Абакумовъ, стоявшій у 4-го орудія, довольно громко сказалъ: „вотъ тебѣ и 20-я бригада! хваленая!“ Я обернулся къ главнокомандующему и смотрю на него. Онъ былъ будто въ раздумьи: сдѣлать ли мнѣ честь приказаніемъ? но потомъ громко сказалъ мнѣ—„стрѣлять!“ Я подошелъ къ орудію, посмотрѣлъ въ діоптръ, приказалъ его снять, наставить трубку и отошелъ въ сторону.—Бей!—Четвертая!... Выстрѣлъ!... Главнокомандующему не видать за дымомъ—онъ съ вопрошающимъ видомъ смотритъ на меня.

— Въ батареѣ! сказалъ я. Дымъ отнесло, гранату рветъ и рыхлую, уже разбитую землю выбросило къверху.

— Еще! сказалъ главнокомандующій.

Выстрѣлъ изъ 6-го орудія... Но тутъ уже многіе изъ свиты закричали: „въ батареѣ!“ И опять лопнувшая граната выбросила землю.

— Прикажете продолжать, ваше сіятельство? спросилъ я.

— Довольно, хорошо!—потомъ, чрезъ минуту времени, подозвалъ меня къ себѣ. Я подошелъ. Главнокомандующій повернулъ лошадь такъ, что онъ правымъ бокомъ стоялъ ко мнѣ, бывшему въ траншеѣ, нагнулся корпусомъ, положилъ мнѣ правую руку на плечо и сказалъ: „Хорошо! Канониръ-гренадеръ такъ и долженъ стрѣлять!“

— Мы заряды не теряемъ—отвѣчалъ я—всѣ въ одну точку попадутъ!

Рука съ моего плеча была отнята, указательнымъ пальцемъ главнокомандующій теръ ротъ, давая знать, чтобы я не дозволялъ себѣ разговоровъ; я замолчалъ.

— Когда люди поужинаютъ, ты съ двумя орудіями станешь на лѣвомъ флангѣ; мѣсто укажутъ—тамъ стоитъ рота; турки ночью беспокоятъ нашихъ. Завтра утромъ назадъ. Понялъ?

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Главнокомандующій кивнулъ мнѣ головою, улыбнулся и отъѣхалъ. Съ этой минуты, когда бы и гдѣ ни встрѣчалъ меня, Иванъ Θεодоровичъ Паскевичъ всегда имѣлъ мнѣ сказать доброе слово или хотъ простое—„здравствуй Бриммеръ,“ съ его добродушною, солдатскою улыбкою. Вечеромъ съ двумя орудіями пошелъ я на указанное мнѣ мѣсто, но, видно, турки узнали, что хотятъ ихъ дружески встрѣтить—не показывались всю ночь, и мы, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вернулись къ своимъ.

По отъѣздѣ главнокомандующаго съ батареи, когда офицеры подошли ко мнѣ, штабсъ-капитанъ Тр—въ говоритъ мнѣ: „какъ же вы, Эдуардъ Владиміровичъ, такъ утвердительно сказали главнокомандующему—всѣ восемь попадутъ въ одну точку?“

— За словомъ было бы дѣло, отвѣчалъ я.

— Ну, а какъ не поцали бы?

— Развѣ изъ вашихъ двухъ не попало бы! — вздумалъ анализировать въ горячности сказанныя слова. Мы подошли къ полковнику, сидѣвшему все время въ креслѣ.— „Какъ вы неосторожны, Эдуардъ Владиміровичъ! какъ можно такъ противорѣчить главнокомандующему? Я такъ боялся за васъ; хорошо, что все такъ кончилось; а все это длинноносый журавль (Станкевичъ) виноватъ!“

— А зачѣмъ онъ ругается? Артиллеристу вдругъ сказать, что онъ заряды теряетъ! Да еще хвалить 20-ю бригаду! А забылъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія назвалъ нашу батарею „мой неизмѣнный мечъ.“ Ну, да ничего, по крайней мѣрѣ познакомились.

14-го числа, часу въ 8-мъ вечера, пріѣзжаетъ къ намъ на батарею начальникъ артилеріи и ищетъ меня. Я всю ночь напролетъ не спалъ, а потому пошелъ было въ палатку, чтобы прилечь. Прибѣгаю и нахожу начальника артилеріи въ разговорѣ съ бригаднымъ командиромъ, который съ какою-то горячностью говоритъ: „Я самъ пойду съ дивизиономъ!“ Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ— „вы съ четырьмя орудіями спуститесь съ горы, тамъ саперы поставятъ батарею; главнокомандующій приказалъ васъ назначить; онъ скоро будетъ здѣсь.“

— Я самъ пойду, ваше превосходительство! воскликнулъ еще разъ бригадный командиръ.

— Можете идти, если угодно—и, обращаясь ко мнѣ: приготовьтесь, чтобы все было въ исправности,—и уѣхалъ.

Тогда я обратился къ п. Долгово-Сабурову съ вопросомъ: какимъ орудіямъ прикажете идти?— „Я самъ назначу,“ былъ мнѣ отвѣтъ, обернулся и ушелъ отъ меня. Ого! подумалъ я, самолюбіе затронуло; ну, распорядись самъ—и пошелъ къ сосѣду, командиру карабинернаго полка полковнику Фридрихсу попросить людей для спуска орудій съ горы. Возвращаясь оттуда минутъ черезъ десять, слышу голосъ бригаднаго командира: „да гдѣ капитанъ Бриммеръ, куда онъ ушелъ? пошелъ,

сыщи его сейчасъ. Кто позволилъ ему уйти съ батарей?“ и крикливый голосъ его раздавался во всеуслышаніе.

— Что вамъ нужно отъ капитана Бриммера? спросилъ я, подойдя близко къ нему.

— Я хотѣлъ вамъ приказанія отдать.

— Вѣдь вы сказали, что сами распорядитесь.

— Да, но надобно пѣхоту, чтобы спустить орудія съ горы.

— Я уже былъ у карабинеръ для этого; позвольте вамъ сказать: нечего было кричать— „сыщите капитана Бриммера,“ отвѣтилъ я и пошелъ отъ него.

Часовъ въ 10 пріѣхалъ главнокомандующій. Херсонскую роту съ саперами спустили съ горы, за ними потянулись орудія. Саперы поставили туры, наполнили ихъ землею—и амбразурная батарея была готова. Она находилась въ 10-ти саженьяхъ отъ подошвы горы, къ лѣвой сторонѣ, такъ что дорога справа была чиста. Саперы и карабинеры ушли; осталась рота Херсонскаго гренадерскаго полка въ прикрытіи нашего дивизиона. Полковникъ, пришедшій также съ дивизиономъ, устроился у перваго орудія. Послѣ вечерняго разговора я болѣе не подходилъ къ нему, и онъ оставлялъ меня распоряжаться, не вмѣшиваясь ни во что. Такъ ждали мы разсвѣта. Но вспыльчивый, раздражительный, самолюбивый бригадный командиръ нашъ все-таки былъ добрый человекъ. Успокоившись и видя, что я продолжаю распоряжаться, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ пожелалъ загладить неумную вспышку свою и приказалъ попросить меня къ себѣ.

— Что, все готово, Эдуардъ Владиміровичъ?

— Все готово.

— Ну, ужъ вы не сердитесь; вѣдь Богъ знаетъ, что будетъ сегодня—зачѣмъ же намъ въ размолвкѣ разставаться.

— Что я вамъ сдѣлалъ? отвѣчалъ я. За что вы разсердились и кричите: „сыскать капитана Бриммера“, будто я бѣжалъ куда.

— Ну, полноте, полноте, дайте руку; да ужъ пожалуста распорядитесь, чтобы все было въ исправности. Однако, эти саперы предурно прибавали землю въ турахъ—все высыпается.

Такъ кончилась наша размолвка.

15-е число. Въ пять часовъ послѣ обѣда назначено было штурмовать крѣпость и прежде всего идти на лежащую предъ нами и разбитую нами батарею.

Разсвѣтъ! Не даромъ мы съ любопытствомъ ожидали дня. Только-что мы открыли огонь по батарее, какъ на насъ со всѣхъ угловъ крѣпости посыпались ядра, бомбы и гранаты. Еслибы половина ихъ попала порядкомъ—мы всѣ должны были быть убитыми, а наши орудія подбитыми; но, къ нашему счастью, у турокъ было больше охоты чѣмъ умѣнья стрѣлять: всѣ снаряды ложились въ оврагъ или врывались въ отлогости горы. Эта неудачная, но шумная канонада продолжалась недолго, ибо какъ только съ возвышенія наши батареи замѣчали, откуда турки стрѣляютъ, то направляли туда свои выстрѣлы—и огонь непріятеля скоро умолкалъ; особенно удачно дѣйствовали осадныя орудія. Однимъ словомъ, чтобъ не возвращаться къ этому предмету, скажу, что во всю канонаду у насъ убило, кажется, двухъ херсонцевъ, ранило ихъ столько же и двухъ артиллеристовъ—осколками бомбъ; зато одно ядро, понавшее косвенно въ два тура, до того расшатало ихъ, что вся земля высыпалась, чему много помогли и свои выстрѣлы. Мнѣ крѣпко хотѣлось подбить и опрокинуть сваи, стоявшія предъ батареей, но, какъ мы ни ухищрялись стрѣлять, щепы отскакивали, а сваи стояли. Я приказалъ каждому орудію взять для себя три сваи, такъ что двѣнадцать свай по порядку были непрестанною цѣлью выстрѣловъ, и за всякую поваленную сваю обѣщалъ рубль серебромъ. Увы, мнѣ только пришлось заплатить три рубля! Три сваи повалились; почти всѣ были разбиты, многія до половины, ужъ всѣ, конечно, рас-

шатаны, но стояли! Мы ужъ и усиливали, и уменьшали заряды—сваи все стоятъ.

Около полудня, когда мы завтракали, приходитъ къ намъ на батарею ш.-к. Шефлеръ, саперный ротный командиръ; мы въ Персіи были съ нимъ пріятели. Онъ сказалъ, что рота его назначена идти на штурмъ съ ширванцами и что онъ пришелъ повидаться со мною, увѣренный, что его убьютъ, да и на сваи-то хотѣлось посмотрѣть— „вишь, выстрѣлами повалить не можете.“ Я попросилъ его позавтракать съ нами. „Съ большимъ удовольствіемъ—отвѣчалъ Шефлеръ—вѣдь на дорогѣ въ рай трактировъ нѣтъ.“

— Полно тебѣ все о смерти говорить; такъ, пожалуй и вправду, бѣду накличешь. Побывъ съ часъ у насъ, онъ ушелъ.

Въ 11 часовъ—часъ солдатскаго обѣда—опять наступила тишина. Артилерійскій огонь прекратился; слышенъ былъ пронзительный голосъ мулъ, кричавшихъ съ минаретовъ въ часъ полудня. Въ городѣ все шевелилось. Турки тихо проходили по улицамъ и, вѣроятно, не безъ досады поглядывали на высокій минаретъ, съ котораго сбита была выстрѣломъ позолоченная луна; чадры шныряли бѣгомъ изъ дома въ домъ. Солнце свѣтило ясно; день былъ жаркій. Въ томительномъ ожиданіи время шло тихо, минуты казались часами; у всѣхъ было одно на умѣ—какъ бы скорѣе покончить! Въ часъ наша батарея опять начала стрѣлять и, рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами, старалась сбить сваи; онѣ кололись, ломались до половины, шатались въ изрытой землѣ, но не падали, проклятыя! Только одну, третью, удалось свалить часу въ четвертомъ, за что главнокомандующій съ возвышенія прислалъ чрезъ адъютанта сказать: „хорошо!“

Около 3-хъ часовъ пріѣхалъ главнокомандующій на возвышеніе и приказалъ открыть артилерійскій огонь. Часа въ четыре начали собираться войска, составлявшія штурмовую колонну. Ровно въ пять они начали спускаться съ горы. Всѣ

орудія съ 4-хъ часовъ обратили свой огонь на батарею и окрестности ея. Въ городѣ произошло ужасное движеніе: со всѣхъ концовъ, по всѣмъ улицамъ толпы турокъ бѣжали къ батареѣ. Снаряды наши вырывали ряды; турки все бѣжали впередъ. Видно, отчаяніе руководило ими, и защита предстояла отчаянная; но порядка не было, и потому на успѣхъ намъ была добрая надежда.

5 часовъ. Штурмовая колонна спускается тихо съ горы. Артилерійскій огонь со всѣхъ батарей учащается, снаряды сыпятся за батарею, а турки со всего города, толпами и въ одиночку, бѣгутъ къ батареѣ, за сваи, къ оградѣ, къ кладбищу и къ домамъ, вблизи стоящимъ.

Колонна приближается къ нашей батареѣ. Впереди на сѣромъ конѣ ѣхалъ командиръ Ширванскаго полка полковникъ Бородинъ, храбрый офицеръ, котораго Паскевичъ еще въ 1812 году зналъ за такого и потому далъ ему боевой Ширванскій полкъ. Немного позади его—баталіонный командиръ, потомъ два знамени, около нихъ группа офицеровъ—сабли наголо, и знаменные ряды; за ними поющій хоръ пѣсенниковъ; затѣмъ первый баталіонъ во взводной колоннѣ, хоръ музыкантовъ, потомъ другой баталіонъ, рота саперъ, катившая туры, и наконецъ два орудія донской казачьей батареи Зубкова.

Когда знамена съ офицерами подошли къ нашей батареѣ, я приказалъ изъ всѣхъ орудій ударить картечью въ турокъ. Наша батарея отъ непріятельской, которую шли штурмовать, была въ 41-й сажени разстоянія ⁷⁾).

На половинной дистанціи турки встрѣтили колонну сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Полковникъ крикнулъ „ура!“... и съ этимъ могучимъ возгласомъ колонна бросилась въ схватку. Я приказалъ орудія на рукахъ выдвинуть на дорогу, чтобы быть готовымъ на всякій случай, ибо за турами ужъ дѣлать было нечего. Подпоручикъ Елютинъ, нашъ бригадный адъютантъ, быв-

⁷⁾ Потомъ смѣрено.

шій съ полковникомъ на нашей батарее, при проходѣ штурмовой колонны не выдержалъ: маленькаго роста, веселый, умный офицеръ, онъ съ саблей наголо бросился въ толпу офицеровъ, въ знаменамъ, и чрезъ полчаса, раненый въ руку, пришелъ назадъ. Только-что орудія отвезли, я всталъ на туръ и началъ смотрѣть на схватку. Помню странное чувство, овладѣвшее мною: меня какъ будто толкало что-то впередъ, и это нравственное чувство до того было сильно и ощутительно, что я невольно обернулся назадъ, посмотрѣть, кто меня толкаетъ. Расшатанные палисады, какъ по мановенію, свалились. Ширванцы взбѣжали по разсыпавшейся крутости и, встрѣченные въ упоръ выстрѣлами, саблями и ятаганами, скоро штыками прогнали внизъ турокъ. Схватка на батарее длилась минутъ до десяти, и георгиевское знамя Ширванскаго полка водрузили на парапетъ батареи. Я перекрестился. Громкое „ура!“ привѣтствовало первый успѣхъ штурма. Я обернулся, чтобы сойти съ тура, но меня невольно опять повернуло взглянуть на кипѣвшій бой. Саперы ставили туры; едва я взглянулъ туда, вижу Шеффлера: онъ быстро повернулся и ужалъ—пуля ударила въ сердце! Я соскочилъ съ тура и опять меня стало толкать впередъ. Но вотъ съ горы пріѣхалъ начальникъ артилеріи: „Бриммеръ, вотъ ваши лошади, скорѣе смѣните казакъ; у нихъ много перебито.“ Такъ вотъ почему меня все толкало впередъ—кажется, наши храбрые казацкіе артиллеристы не такъ взялись за дѣло и дали перебить себя.

Говоря о сраженіи 9-го числа, я сказалъ, что разработанная дорога спускалась съ возвышенія и потомъ шла сажень на 50 по ровной насыпи къ батарее. Когда ширванцы бросились на батарею въ схватку, то храбрый капитанъ Зубковъ поставилъ свои два орудія такъ, чтобы стрѣлять по оврагу въ турецкую блиндированную батарею, которая теперь открыла огонь, а также въ турокъ, засѣвшихъ за палисадомъ и оттуда крѣпко и мѣтко стрѣлявшихъ въ нашихъ, столпившихся у

турецкой батарее. Но стрѣлять артилеріи за палисадъ не дозволяла наша пѣхота. Отъ насыпи шли въ оврагъ скаты или отлогости; пѣхота, не имѣя возможности вся разомъ вскарабкаться на батарею, спускалась около палисада по покатостямъ въ оврагъ, ища мѣста, гдѣ бы пройти, а нѣсколько саперъ начали рубить эти палисады—оно и хорошо бы, да всѣ эти люди мѣшали донцамъ прогнать турокъ картечью изъ-за укрытія, а они оттуда строчили въ нашихъ съ дьявольскимъ успѣхомъ. Только-что донцы отвезли свои два орудія, покуда снимались наши съ передковъ, пули начали свистать въ насъ изъ-за палисада и ранили артилериста. Я подбѣжалъ къ офицеру, чтобы онъ убралъ своихъ людей, не то въ него ударю картечью.

— Куда мнѣ идти? Вонъ, раненые есть.

— Ступайте вонъ, или васъ всѣхъ здѣсь перебьютъ, отвѣчалъ я ему, и онъ приказалъ своимъ взойти около палисада на насыпь. Какъ только мѣсто очистилось—картечь разогнала турокъ. Скоро мы увидѣли ширванцевъ уже за палисадомъ, въ ручной схваткѣ подвигающихся къ кладбищу. Когда оно было твердо занято, войска наши справа и слѣва занимали уже часть города; но вездѣ, сильно защищаясь, турки дрались отчаянно. Турецкая батарея изъ оврага дала по нашимъ орудіямъ два выстрѣла, ударившихъ оба въ отлогость насыпи и не причинившихъ никому вреда; нѣсколько нашихъ выстрѣловъ заставили ее замолчать. Послѣ рассказывали, что блиндажъ былъ у нея обрушенъ, а у одного изъ двухъ стоявшихъ тамъ орудій нашли на цѣпи привязаннаго и засыпаннаго землею бѣглаго русскаго солдата: „нехай гяуръ пропадаетъ!“

Ужъ былъ восьмой часъ—битва въ городѣ все длилась; въ иныхъ мѣстахъ отпоръ былъ сильнѣе натиска. Желая покончить дѣло скорѣе; главнокомандующій приказалъ зажечь городъ. Въ это время начальникъ артилеріи приказалъ два оставшіяся орудія нашего дивизіона перевести чрезъ взятую ба-

тарю и поставить у кладбища, гдѣ стояла рота пѣхоты. Это передвиженіе съ орудіями по обдѣланному подъему и спуску дозволило мнѣ обнять однимъ взглядомъ картину еще продолжавшагося боя. Городъ горѣлъ въ разныхъ мѣстахъ, но не видно было, чтобы пожаръ крѣпко распространялся. Полный мѣсяцъ, совершенно красный, всходилъ на горизонтѣ. Справа и слѣва большая часть города уже была очищена отъ турокъ. Наши изъ-за домовъ медленно приближались къ цитадели; въ разныхъ мѣстахъ уже были видны резервы—гдѣ рота, гдѣ взводъ; порядокъ водворялся—ясный признакъ того, что бой ослабѣвалъ. Армяне съ женами, дѣтьми и имуществомъ толпами со всѣхъ улицъ шли къ батарее; откуда ихъ съ конвоемъ препровождали на гору. Солдаты выносили, послѣ ожесточеннаго боя, изъ домовъ добычу—кому что попало подъ руку.

Но вотъ бой прекратился. Изрѣдка то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ слышится выстрѣлъ; пожаръ стараются потушить, что не совсѣмъ удается. Я съ товарищемъ пошелъ посмотреть, что дѣлается около насъ. Недалеко отъ кладбища—домъ, передъ нимъ площадка до ограды; на площадкѣ лежатъ убитые два турка и одинъ солдатъ. Въ домикѣ дверь отворена, подлѣ дома—убитый турокъ, должно быть ядромъ, потому что часть тѣла оторвана. Я посмотрѣлъ въ открытую дверь: небольшая комната, много женщинъ; одна лежала въ углу на тюфякѣ, грудь обнаженная; около нея двѣ старухи—одна прикладывала что-то къ груди, другая помогала. Въ другомъ углу нѣсколько женщинъ разбирали разный хламъ, около нихъ дѣти. Раненый молодой турокъ лежалъ у противоположной стѣны, подлѣ него стояли женщины. Посреди комнаты двухлѣтній мальчикъ, въ одной рубашонкѣ, держалъ лѣвой рукой маленькаго, чернаго щенка за переднія ноги, поднявъ ихъ къверху, а правой давалъ щелчки въ брюхо щенку—и смѣялся громко. Я обернулся, чтобы уйти. Старуха съ одѣяломъ и разнымъ тряпьемъ вошла въ домъ. Мы вернулись на батарею.

Подкрѣпленія передовымъ войскамъ проходили мимо насъ. Начальникъ главнаго штаба баронъ Сакенъ тоже прошелъ впередъ. Городъ очищенъ, войска въ приличныхъ мѣстахъ стояли около цитадели. Главнокомандующій послалъ парламентаровъ къ пашѣ, чтобы сдалъ цитадель, не то—тотчасъ велитъ штурмовать и пощады никому не будетъ. Послѣ надменныхъ рѣчей и увѣреній, что никогда не сдастся, паша покорился необходимости. Къ утру цитадель была занята нашими войсками.

Не могу не припомнить добродушія русскаго солдата. Я упомянулъ, что много армянъ съ семействами и съ возможнымъ къ переноскѣ имуществомъ старались во время штурма перейти къ нашимъ войскамъ; ихъ толпами отправляли на гору, поручая отводъ одному, двумъ или тремъ солдатамъ; всѣ они проходили мимо насъ. Тутъ я видѣлъ, что эти конвойные не только добросовѣстно провожали ихъ, но многіе несли, при ружьѣ, еще тѣхъ маленькихъ дѣтей на рукахъ, которыя не могли поспѣвать. Проходя мимо нашихъ орудій по насыпи, солдатъ Ширванскаго полка велъ толпу, человекъ въ 15; видя, что женщина, несшая на одной рукѣ грудного ребенка, а въ другой тяжелую корзину, хотѣла отъ усталости присѣсть подлѣ орудій, онъ сказалъ: „Нельзя, матушка, нельзя; не приказано останавливаться. Дай корзину-то сюда, я понесу.“ Армянка что-то заговорила, но корзины не дала; тутъ подошелъ армянинъ—на каждой рукѣ по ребенку—и началъ ей говорить, но армянка корзинки не выпускала изъ рукъ; тогда солдатъ говоритъ: „Ну, неси ты корзинку, а я маленькаго понесу,“ и протянулъ къ нему руку. Мать посмотрѣла ему въ лицо и бережно посадила ему на руку малютку; и добрый русскій солдатъ, послѣ тяжкаго боя, понесъ ношу на гору.

Когда городъ взятъ съ боя, когда на улицахъ непріятель защищается и дорого продаетъ уступаемую мѣстность, то не безъ того, чтобы солдатъ не нагрѣлъ себѣ руку. Такъ и тутъ.

Въ армянскомъ кварталѣ грабежа не было; но въ турецкихъ домахъ послѣ боя таскали, что кому попало подъ руку, и все натасканное продавалось маркитантамъ, можно вообразить за какую дешевую цѣну! Раненыхъ ли проводятъ на перевязочный пунктъ, который былъ на нашей батарее, когда мы свезли оттуда орудія въ началѣ штурма, провожающіе или носильщики непременно имѣли въ рукахъ какую нибудь добычу. Одинъ солдатъ крѣпко разсмѣшилъ насъ. Онъ волочилъ цѣпь, толстую, длинную, кажется, употребляемую для запряжки воловъ, когда пашутъ, ибо на Востокѣ запрягаютъ нѣсколько паръ. Солдатъ, кажется, былъ легко задѣтъ, такъ какъ на ногѣ былъ подвязанъ платокъ. Переволочивъ цѣпь чрезъ взятую батарею и идя по насыпи мимо нашихъ орудій, онъ, несмотря на насмѣшки артиллеристовъ, волочилъ ее бодро, хотъ и останавливался отдохнуть.

— На гору пойдешь, такъ цѣпь на плечи возьми или за пазуху—легче будетъ. Дешево не отдавай духанцику (маркитанту).

— Проси двѣ чарки.

— Ей! Лучше зови его подъ гору—не доволочить!

Такъ провожали его наши, и точно, чрезъ четверть часа возвращается назадъ безъ цѣпи.

— Что продалъ? — спрашиваютъ артиллеристы — сколько взялъ?

— Чаво продалъ! усталъ, вишь, тащить; да какъ на гору-то глянулъ, такъ плюнулъ да и бросилъ тамъ.

— Ну и то дѣло, что до горы доволокъ, отвѣчали ему вслѣдъ.

Разнообразна была добыча, которую солдаты тащили на гору. Если удавалось имъ продать что нибудь офицерамъ внизу, они тотчасъ возвращались поискать еще. Кажется, цѣлый магазинъ сахару попалъ имъ подъ-руку—голова сахару продавалась въ день штурма по абазу (20 коп. сер.). Одинъ ширванскій солдатъ несъ корзину.

— Что у тебя тамъ? спрашиваютъ офицеры, которыхъ на нашей батарее, у кладбища, собралось довольно; мы пили чай.

— Да вотъ посуда, ваше благородіе! кушите, по абазу за штуку—на гору далеко идти.

Оказалось, что корзина была наполнена японскимъ фарфоромъ. Мы сказали ему, что это фарфоръ и что это дороже стоитъ.

— Маркитантъ, ваше благородіе, извѣстно, болѣе абазы за штуку не дастъ; а мнѣ куда съ посудой? Возьмите, чтобы на гору не ходить.

Я взялъ два маленькихъ кувшинчика, далъ ему по рублю серебромъ за каждый и подарилъ ихъ нашимъ двумъ раненымъ офицерамъ—Елютину и Трубникову—и вся корзина скоро была разобрана.

— Дай вамъ Богъ здоровья, ваше благородіе.

И много послѣ было разказовъ о добытомъ и проданномъ.

Штурмъ Ахалцыха стоилъ намъ дорого, потому что малѣйшая потеря храбрыхъ, надежныхъ войскъ чувствительна. Ширванскій полкъ пострадалъ. Въ самомъ началѣ штурма пуля сразила отважнаго полковника Бородина, командира полка. Когда его раздѣли, увидѣли, что онъ былъ въ панцырѣ: ясно, что предчувствіе смерти невольно заставило храбраго оберегаться отъ оной; но панцырь не спасъ его—не уйдешь отъ предопредѣленія. И объ немъ не жалѣли солдаты, говорили, что онъ былъ суровый человекъ.

16-го августа весь лагерь приведенъ былъ въ порядокъ; артилерію убрали съ горы. 17-го я встрѣтился съ начальникомъ артилеріи. Поздоровавшись со мною, онъ говоритъ:

— Вчера, говоря объ артилеріи, главнокомандующій сказалъ: „Бриммеръ хорошій офицеръ, онъ заслужилъ Георгія; представьте его за сраженіе 9-го числа.“ Поздравляю васъ!

Вообразите радость мою!...

Устроивъ все въ Ахалцахъ, мы двинулись на Ардаганъ.

Опять гористыя, неразработанныя дороги, такъ что лошадакамъ-таки доставалось. Тутъ пришло извѣстіе, что Панкратьевъ, выступивъ изъ Персіи по полученіи всей контрибуціонной суммы, взялъ Баязеть, и что ванскій паша хотя собралъ войско, но не выходитъ изъ своего пашалыка. Изъ Карса пришло донесеніе, что тамъ все благополучно и вездѣ тихо. Такъ какъ была уже половина сентября, то главнокомандующій приказалъ войскамъ двинуться на зиму въ Грузію. Въ двадцатыхъ числахъ октября наша батарея вернулась въ Гомборы, въ свое квартирное расположеніе. Бригадный командиръ остался въ Тифлисѣ, предоставивъ мнѣ полное командованіе ротою. Зима прошла тихо; турки насъ не беспокоили, только въ мартѣ мѣсяцѣ имъ вздумалось отнять у насъ Ахалцыхъ, узнавъ о незначительности оставленнаго въ немъ гарнизона. Но тамъ былъ начальникомъ г.-м. князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Онъ заперся въ цитадели и оттуда громилъ ихъ изъ орудій. Скоро высланныя изъ Тифлиса и окрестностей войска справились съ турками и опять все успокоилось. Тутъ былъ случай, что за хорошій совѣтъ представили капитана артилеріи Горячко къ Георгію 4-й степени, и онъ получилъ его. Дѣло въ томъ, что, когда турки подошли, князь Бебутовъ собралъ нѣсколько старшихъ офицеровъ и спросилъ ихъ: какъ они полагаютъ—лучше ли выйти изъ цитадели со всѣмъ гарнизономъ и побить турокъ или ждать выручки? его же мнѣніе—идти и побить турокъ. Всѣ согласились, кромѣ артилерійскаго капитана Горячко. Его мнѣніе было: ждать прихода войскъ, которыя не замедлятъ прійти, такъ какъ насъ мало, чтобы ихъ побить; а не побивъ, трудно будетъ войти въ цитадель, и тогда Ахалцыхъ потеряны! Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ согласились съ этимъ мнѣніемъ, а храбрый князь Бебутовъ впалъ въ раздумье и, неубѣжденный, согласился сидѣть въ цитадели и ждать прихода войскъ. Но войска—не птицы; надо время, чтобы прибыть, и время шло; турки вошли въ городъ,

хозяйничали; говорили, что изъ одного дома дѣлають подкопъ подъ стѣны и уже закладываютъ мину. Въ это хоть и короткое время у храбраго князя накипало на сердцѣ, онъ проклиналъ благоразуміе и всю европейскую мудрость; да и у артилерійскаго капитана не покойно было на душѣ, я полагаю: вѣдь въ началѣ-то мы могли бы побить турокъ—слава Богу, не впервые—ну, а какъ до прихода войскъ да взорвутъ стѣну, да бросятся въ цитадель—тогда плохо! Но вотъ идутъ спасители!... и турокъ не стало. За благоразумный совѣтъ артилерійскій капитанъ получилъ Георгія.

Зимою было работъ много въ штабъ-квартирѣ: конскую амуницію вычинили заново, артилерію и обозъ починили, выкрасили; людей обмундировали съ головы до ногъ; лѣсу запаснаго нарубили вдоволь; заряды пересмотрѣли и пр. и пр.

IX.

1829 ГОДЪ. Доброе расположеніе ко мнѣ гг. офицеровъ. Верховая лошадь. Устами ребенка говоритъ предопредѣленіе. Недоумѣніе. Мое мнѣніе. *La part de l'homme*. Пушкинъ. Холодно. Сраженіе при Милидюзѣ. Взятіе Эрзерума. Смерть прапорщика 3-й легкой роты кавказской гренадерской артилерійской бригады Михаила Селиванова. Посредничество при сдачѣ парка. Инстинктъ лошади. Сварено для насъ, а съѣли другіе. Отказъ. Всѣ довольны. Движеніе къ г. Байбурту. Взятіе Харта-Ага. Пчелы—союзники турокъ. Убитый мастеровой. Угнанныя дроги. Игра въ прятки передъ начальствомъ. Иногда и впору сболтнешь. Хорошая душа—Иванъ Θεодоровичъ Паскевичъ! Обратный походъ. Св. Георгія 1-й степени. Возвращеніе въ Грузію.

Около половины января курьеръ привезъ награды, утвержденныя Государемъ въ новый годъ. П. Елютинъ привозитъ изъ Тифлиса „Инвалидъ“ съ наградами, купленный, по порученію гг. офицеровъ, георгіевскій крестъ и приносить мнѣ. Радость моя была велика! И Георгій радовалъ такъ, что и высказать не могу, и привѣтливость товарищей была крѣпко по сердцу. То былъ радостный день въ службѣ моей! И, благо-

даря Господа, онъ былъ не единственный, когда я могъ радоваться доброму расположенію сослуживцевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Тифлисъ, маркитантъ, отыскивавшій по порученію моему верховую лошадь, приводитъ мнѣ прекрасную, стройную, гнѣдую отъ г.-м. Лаптева, отъѣзжавшаго въ Россію. Лошадь была кабардинская, завода Лоова. Головка маленькая, съ острыми ушами, глаза такъ дружелюбно смотрѣли, ножки—какъ точенныя; на шеѣ талисманъ съ тремя бирюзами. Я какъ взглянулъ, такъ и полюбилъ „Черкеса.“ — „Что хочетъ генералъ за лошадь?“ — „Пятьсотъ рублей.“ — „Вотъ деньги!“ Цѣна за черкесскую лошадь была хорошая. Когда ее осѣдлали и я проѣхался—будто вѣкъ на ней ѣздилъ; мы сроднились. Но вотъ маркитантъ подходитъ и, отдавая мнѣ деньги, говоритъ: „полковникъ сказалъ, что онъ заплатитъ.“ Я обернулъ армянина и вытолкалъ его вонъ изъ воротъ. Полковникъ за обѣдомъ дулся на меня, наконецъ не вытерпѣлъ:

— Вы хотите сдѣлать меня неблагодарнымъ—цѣлую зиму работали за меня, малѣйшіе хозяйскіе расчеты мнѣ представляли; вы мнѣ сдѣлали экономіи 5 тысячъ рублей—и не хотите взять отъ меня лошадь.

— Главное при экономіи, чтобы рота была исправна; а если у меня есть свои деньги, зачѣмъ вы будете мнѣ покупать лошадь, и потому перестанемъ говорить объ этомъ.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ къ намъ на Гомборы начальникъ артилеріи для инспекторскаго смотра. Рѣка Іора, которую слѣдовало переѣзжать въ бродъ у сел. Хашмы, была, какъ всѣ горныя рѣки весною, въ полномъ разгулѣ: она надулась, ревѣла, бушевала. Въ такое время деревня выставляетъ на берегъ арбы и перевозятъ людей на волахъ; верхомъ же переѣзжаютъ на свой рискъ—тогда около лошади прыгаютъ обыкновенно два грузина. Возвращаясь изъ Тифлиса, я переѣхалъ Іору на Черкесѣ, и онъ ступалъ такъ вѣрно по каменному

грунту, что ни разу не споткнулся. Полагая, что начальникъ артилеріи пріѣдетъ къ рѣкѣ въ коляскѣ, переправа которой будетъ продолжительна, я послалъ ему на ту сторону Черкеса, а на этой сторонѣ его ждали дрожки. Когда онъ подъѣхалъ къ рѣкѣ, ему перевозчики сказали, что коляска будетъ на той сторонѣ часа чрезъ два, и предложили арбу. Солдатъ подвелъ лошадь, говоря, что ее я прислалъ и что я уже переѣзжалъ на ней, а на той сторонѣ дрожки ждутъ его превосходительство. Онъ сѣлъ верхомъ, переѣхалъ благополучно и, такъ какъ дорога, 18¹ верстъ, все шла горами, не сѣлъ на дрожки, но продолжалъ ѣхать на Черкесѣ до Гомборъ, гдѣ мы ожидали его. Когда онъ подъѣхалъ къ почетному караулу и я подошелъ къ нему съ рапортомъ, онъ съ своей добродушной улыбкой сказалъ:

— Бриммеръ, я у васъ отыму лошадь.

— Не отдамъ никому, ваше превосходительство.

— Отыму, отыму! Славная лошадь; я заплачу, что вы хотите,—и пошелъ къ фронту.

— Ни за какія деньги не отдамъ, ваше превосходительство!

Осмотрѣвъ во всей подробности роту, онъ остался ею весьма доволенъ, а за обѣдомъ объявилъ, что бригадный командиръ, за раною, просилъ о назначеніи его по внутреннему артилерійскому вѣдомству—„такъ вы въ походѣ будете командовать батареею; затѣмъ я и смотрѣлъ ее въ такой подробности, чтобы удостовѣриться, хорошо ли вы ее приготовили.“ Потомъ похвалилъ меня за то, что во время похода не хочу разстаться съ хорошею верховою лошадью.

Съ отбытіемъ Алексѣя Петровича Ермолова съ Кавказа, многіе старшіе начальники оставили кавказскій корпусъ. Почтенный г.-л. Романъ Ивановичъ Ховенъ также хотѣлъ, еще въ 1827 году, выйти въ отставку, но генераль Дибичъ, бывшій тогда въ Тифлисѣ, упросилъ этого умнаго, честнаго, всѣми уважаемаго военнаго губернатора не оставлять своего поста

на нѣкоторое время. По отъѣздѣ г. Дибича, онъ подалъ въ отставку, а вмѣсто него былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ г.-л. Сицягинъ. Тогда же, послѣ персидской кампаніи, оберъ-квартирмейстеръ кавказскаго корпуса полковникъ Морицъ Астафьевичъ Коцебу былъ переведенъ въ Россію (онъ былъ женатъ на дочери Р. П. Ховена), оставивъ до времени семейство въ Грузіи, при которомъ жилъ старикъ Романъ Ивановичъ. Лѣтомъ 1828 года все семейство жило на Гомборахъ, спасаясь отъ жаровъ; а такъ какъ бригадный командиръ нашъ зиму оставался въ Тифлисѣ, то они, до отъѣзда своего изъ Грузіи, продолжали жить у насъ, что оживляло немного наши уединенныя Гомборы и было намъ очень пріятно. У супруговъ Коцебу было нѣсколько дѣтей, изъ коихъ одна, 6-ти-лѣтняя дочь, Даша, мнѣ крѣпко полюбилась, и я часто игралъ съ малюткой. Разъ, держа ее на колѣнахъ, я спрашиваю: „А что, Дашенька, пойдешь ты за меня замужъ?“—Пойду, отвѣчала малютка. И вотъ, когда обстоятельства и служба мнѣ дозволили думать о женитьбѣ, судьба свела насъ и, несмотря на мои 44 года, 18-ти-лѣтняя милая дѣвица сдержала слово—и мы тридцать лѣтъ живемъ въ мирѣ и согласіи.

Зима прошла скоро, а въ началѣ мая рота наша выступила въ походъ къ Карсу.

Прійдя съ командуемою мною ротою на сборный пунктъ войскъ у Карсъ-чая, я часто обѣдалъ у генерала Панкратьева, чтобы распить вмѣстѣ проигранную имъ мнѣ дюжину бутылокъ шампанскаго. Въ это время главнокомандующій былъ, кажется, въ недоумѣніи, какъ начать дѣйствія, и потому раза три-четыре у него собирались по утрамъ генералы. Дѣло въ томъ, что дорога въ Эрзерумъ намъ была открыта—это правда; но на соганлугскомъ хребтѣ, въ сторонѣ отъ дороги, стоялъ паша съ 25-ти-тысячнымъ войскомъ. Раздумье брало главнокомандующаго: идти ли на пашу, побить его и потомъ—въ Эрзерумъ, или оставить пашу и идти на встрѣчу Гагки-пашѣ,

вышедшему ужъ изъ Эрзерума и стоявшему у Гасанъ-кала? Предпріимчивый военачальникъ, видя, что мы оставили его въ сторонѣ, могъ спуститься съ кавалеріею, обойти Карсъ, вторгнуться въ наши предѣлы, накутить тамъ и, похозяйничавъ, уйти; а тамъ—ищи его! Вотъ объ этомъ-то и разсуждали въ ставкѣ главнокомандующаго. Надо сказать, чтобы добраться до паши, должно было бросить эрзерумскую дорогу и взять влѣво, въ горы, по неразработанной дорогѣ, а отъ большой эрзерумской дороги онъ былъ отдѣленъ глубокими оврагами, уродующими весь соганлугскій хребетъ. Идти же съ войсками и обозами по горнымъ дорогамъ, конечно—не радость, да и паша вѣдь не совсѣмъ же простъ, чтобы ждать насъ. Конечно, онъ отошелъ бы къ Меджингерту и соединился бы съ Гагкипашой, а тотъ, увидя, что мы оставили большую эрзерумскую дорогу, могъ послать по ней кавалерію и скоро добраться до нашихъ границъ. Но Паскевичъ не могъ, зная о присутствіи предъ собою непріятели, не побить его. На первый день послѣ обѣда генералъ Панкратьевъ, разсказывая мнѣ, какъ они разсуждали въ ставкѣ, сказалъ: „я прямо высказалъ свое мнѣніе, чтобъ идти на Эрзерумъ и если встрѣтимъ турокъ, то разбить ихъ; а паша не осмѣлится спуститься съ горъ. Главнокомандующій разсердился и громко опровергалъ мое мнѣніе, говоря, что это значить приглашать 25-ти-тысячное войско непріятели въ наши предѣлы. Послѣ того я остался одинъ съ моимъ мнѣніемъ.“ На другой день Никита Петровичъ, вернувшись отъ главнокомандующаго, былъ уже веселѣе и не былъ такъ встревоженъ, какъ наканунѣ.—„Кажется онъ поддается—говорилъ Панкратьевъ—хотя и утверждаетъ, что неосторожно оставлять непріятели съ боку себя.“

На третій день, идя по лагерю, я вижу генерала Панкратьева, расхаживающаго предъ своей палаткой. Я поклонился.

— Отчего вы обѣдать не пришли сегодня?

— Я не привыкъ пить всякій день шампанское; надобно съ роздыхами, ваше превосходительство!

Онъ засмѣялся.

— Кажется, сегодня оиять собирались у главнокомандующаго? Можно полюбопытствовать, чѣмъ кончились конференціи, ваше превосходительство?

— Очень просто. Когда мы вошли, Иванъ Θεодоровичъ сказалъ намъ, что *его мнѣніе*—идти на Эрзерумъ, и если Гагкипаша осмѣлится выйти на встрѣчу, то разбить его; а паша, стоящій съ 25-ю тысячами, не посмѣетъ спуститься къ намъ; впрочемъ мы будемъ наблюдать за нимъ. Мы всѣ поклонились въ знакъ совершеннаго согласія и на дняхъ выступаемъ.

Дней чрезъ десять послѣ этого разговора было сраженіе при Милидюзѣ, гдѣ мы разбили трехбунчужнаго пашу Гагкипашу и взяли его въ плѣнъ. Генераль Панкратьевъ за это дѣло получилъ Георгія 3-й степени и съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей, оставался съ Иваномъ Θεодоровичемъ Паскевичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Когда же Паскевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ царства польскаго, то просилъ о назначеніи Панкратьева генераль-губернаторомъ Варшавы.

Первый переходъ нашъ былъ къ подошвѣ Соганлуга, куда вечеромъ пріѣхалъ поэтъ А. Пушкинъ, чтобы состоять при Паскевичѣ. Онъ жилъ у Николая Николаевича Раевского, командира Нижегородскаго драгунскаго полка. На другой день мы взошли на вершину Соганлуга и простояли тамъ недѣлю. Холодъ по вечерамъ, послѣ заката солнца, былъ такъ чувствителенъ, что всякій бы радъ былъ одѣться въ шубу, еслибъ была. Влѣво отъ насъ стоялъ паша; мы отдѣлены были отъ турокъ бездоннымъ оврагомъ. Съ высшей точки мѣстности можно было видѣть турецкій лагерь. По окраинамъ оврага разѣзжались казаки и турки, перекидываясь безвредными ругательствами и выстрѣлами. Кажется, главнокомандующій выжидалъ, что

будутъ дѣлать турки, а Гагки-паша, стоявшій съ присланными изъ европейской Турціи и сообранными въ Азіи войсками, въ числѣ 50-ти тысячъ, у Гасанъ-кала, видя наше бездѣйствіе, началъ подвигаться впередъ и прошелъ Зивинъ. Когда онъ приблизился къ Милидюзу, главнокомандующій приказалъ тронуться къ нему на встрѣчу. Турки были разбиты и вся армія ихъ разсѣялась; мало возвратилось въ Эрзерумъ. Сраженіе это не напоминаетъ мнѣ никакихъ особенностей, кромѣ сильной кавалерійской атаки на нашъ фронтъ. Наша кавказская гренадерская резервная бригада стояла ближе къ правому флангу; батарейная № 1 рота была между Грузинскимъ полкомъ справа и Херсонскимъ слѣва. Турки находились предъ нами на равнинѣ и занимали лѣсъ, бывшій у нихъ съ лѣвой руки. Они стояли на эрзерумской дорогѣ. Послѣ довольно сильнаго артилерійскаго огня съ обѣихъ сторонъ, въ то время какъ главнокомандующій отъѣхалъ отъ насъ, отдавши генералу Муравьеву какія-то приказанія, мы ясно увидѣли въ массѣ турецкой кавалеріи сильное движеніе.

— А что, Эдуардъ Владиміровичъ—говоритъ мнѣ поручикъ Ш—въ, стоявшій у 4-го орудія—вѣдь это они собираются на насъ въ атаку?

— Глупо сдѣлаютъ—отвѣчалъ я—потому что ихъ отвалютъ картечью.

— Отвалютъ-то отваляемъ, а посмотрите, если они на насъ не бросятся. Эхъ, поле-то чистое, не то, что 9-го августа, гдѣ другъ друга они давили.

Я только-что успѣлъ пройти по батареѣ и сказать, чтобъ картечь была наготовѣ, какъ огромная толпа кавалеріи понеслась прямо на нашъ фронтъ. Встрѣченная при первомъ движеніи ядрами и гранатами со всѣхъ батарей, стоявшихъ на фронтѣ, потомъ картечью и батальнымъ огнемъ пѣхоты, она, не доскакавъ до фронта, повернула назадъ, конечно, съ большою потерей и безъ всякой нужды. Глупъ начальникъ,

подумалъ я. Послѣ этого мы двинулись впередъ. Грузинцы скоро очистили лѣсъ и мы заняли эрзерумскую дорогу, отбросивъ турокъ въ овраги и лѣса. На лѣвомъ флангѣ турки также не долго держались: конные всюду бѣжали по лѣсистой дорогѣ на Меджингертъ или—кому куда удобнѣе, а пѣхота вся рассыпалась. Сколько мы взяли орудій—не помню, но знаю, что мы проходили близъ брошенныхъ турецкихъ орудій. Преслѣдованіе поручено было начальнику главнаго штаба г.-л. Дмитрію Ерофеевичу барону Остенъ-Сакену. Линейскіе казаки скоро нагнали турецкаго главнокомандующаго, трехбунчужнаго Гагки-пашу, и, какъ рассказывали, ужъ хотѣли его рубнуть, какъ онъ вскричалъ: „Менъ паша!“—Тѣмъ лучше, отвѣчали линейцы,—и привезли дорогого гостя въ лагерь. Когда его привели предъ нашего главнокомандующаго, онъ съ первыхъ словъ объявилъ, что не простой паша, а трехбунчужный, и попросилъ кофею. Иванъ Θεодоровичъ разсмѣялся и велѣлъ сказать ему: „какъ обозы подойдутъ, такъ его напоятъ кофеемъ.“ На другой день, чуть свѣтъ, небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева, въ коемъ артилеріи было только командуемая мною рота, выступилъ по эрзерумской дорогѣ на Зивинъ и, не дойдя до этого города, остановился. Тутъ мы набрали сотни двѣ блуждавшихъ турецкихъ пѣхотинцевъ. Въ тотъ же день прибыли войска. Генералъ Панкратьевъ говорилъ мнѣ, что главнокомандующій очень недоволенъ барономъ Сакеномъ за слабое преслѣдованіе и тѣмъ, что только 2000 плѣнныхъ привели. 22-го іюня мы двинулись дальше по эрзерумской дорогѣ и 24-го заняли Гасанъ-кала. Подлѣ этой крѣпостцы былъ каменный, построенный римлянами мостъ, еще совершенно прочный. 25-го подошли къ Эрзеруму и, не доходя пяти верстъ, были встрѣчены турками, которыхъ скоро прогнали; остановившись тутъ лагеремъ, дневали. 26-го рано утромъ двинулись къ столицѣ турецкихъ владѣній въ Азіи. Турки занимали гору Топъ-дагъ, предъ самымъ городомъ; скоро ее очи-

стили и поставили батареи. Вокругъ всего города были выстроенны батареи, которыя открыли по насъ почти безвредный огонь. Тутъ я припоминаю немного смѣшной случай. Когда батарейная рота 21-й бригады стала на позицію и снялась съ передковъ, я со своею ротою слѣдовалъ, чтобы занять подлѣ нея мѣсто. Главнокомандующій, со штабомъ, верхомъ на сѣромъ трухменскомъ конѣ, стоялъ тутъ же; нѣсколько офицеровъ были пѣшіе; Пушкинъ стоялъ предъ главнокомандующимъ на чистомъ мѣстѣ одинъ. Вдругъ первый выстрѣлъ изъ батареи 21-й бригады. Пушкинъ вскрикиваетъ—„славно!“ Главнокомандующій спрашиваетъ: „Куда попало?“ Пушкинъ, обернувшись къ нему—„Прямо въ городъ!“ —„Гадко, а не славно,“ сказалъ Иванъ Θεодоровичъ. Скоро всѣ выстрѣлы умолкли. Сераскиръ сдалъ городъ, но все войско, бывшее въ городѣ, самовольно ушло, оставивъ своего главнаго начальника военно-плѣннымъ. Толпы армянъ высыпали изъ города на Топъ-дагъ. Они были въ какомъ-то одурѣніи, плакали, смѣялись, поминутно крестились, цѣловались съ солдатами, лобызали руки у офицеровъ. Толпа ихъ идетъ мимо батареи; двое отдѣляются, становятся предомною, творятъ крестное знаменіе и благоговѣйно прикладываются къ моему георгіевскому кресту. Отъ ногъ и стремянъ главнокомандующаго ихъ надобно было отгонять—всѣ хотѣли цѣловать ихъ. Бѣдные христіане! Они вообразили, что все занятое нами останется за нами, а они избавятся отъ гнета турокъ. Радость ихъ была кратковременная: по уходѣ нашемъ, они крѣпко заплатились за сочувствіе, оказанное гяурамъ.

По занятіи Эрзерума, войска расположились лагеремъ. Такъ мы простояли здѣсь около мѣсяца. Въ это время получено было донесеніе отъ г.-м. Попова, что турки нападали на Баязеть и были отбиты. Вскорѣ по занятіи Баязета, главнокомандующій приказалъ генералу Панкратьеву передать командованіе бригадою г.-м. Панютину, а весь отрядъ—старшему по себѣ г.-м. Попову, бывшему командиру Херсонскаго

гренадерскаго полка, и прибыть въ Карсъ, гдѣ командовать всѣми войсками, оставленными на зиму за границею.

Въ спискѣ потерь нашихъ при нападеніи турокъ на Баязетъ показанъ былъ убитымъ 3-й легкой роты прапорщикъ Селивановъ и раненымъ штабсъ-капитанъ Трубниковъ 2-й, въ руку, легко. Смерть Михаила Селиванова, молодого, года три только выпущеннаго изъ 2-го корпуса, во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго офицера, произошла, какъ мнѣ рассказывали, слѣдующимъ образомъ. Его поставили на небольшой площадкѣ надъ оврагомъ, съ двумя орудіями, чтобы отогнать турокъ, стоявшихъ за оврагомъ и вредившихъ нашимъ войскамъ. Турки отогнаны; но они ниже спустились по оврагу и полѣзли на гору. Все это дѣйствіе намъ не было видно, а увидѣли ихъ, когда они вдругъ очутились на горѣ, надъ двумя орудіями Селиванова, и оттуда начали въ артилеристовъ стрѣлять. Покуда орудія поворачивали на малой площадкѣ, чтобы ударить въ гору, нѣсколько артилеристовъ было переранено, а Селивановъ изъ первыхъ получилъ пулю въ бокъ. Раненый въ ногу артилеристъ хотѣлъ его взять и увести. „Не пойду отъ орудій!“ закричалъ молодой герой. Другая пуля ударила въ его ногу, онъ упалъ. Турки бросаются съ горы на площадку. Что дѣлать 14-ти артилеристамъ, изъ коихъ двое было убито и половина переранена? Уцѣлѣвшіе схватили офицера и раненыхъ и побѣжали по скату горы. Турки нагнали ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій и кого могли, того изрубили; шесть человекъ успѣли убѣжать къ ротѣ пѣхоты, бѣжавшей съ капитаномъ Полтининымъ на выручку артилеристовъ. Турки, при видѣ роты, бросились на гору и ушли, оставивъ на мѣстѣ нѣсколькихъ раненыхъ и нѣсколькихъ проколотыхъ штыками. Заряженные два орудія, стоя на маленькой площадкѣ, были пассивными зрителями этого минутнаго боя! Такъ погибъ 21-го года храбрый, усердный офицеръ, честный человекъ, истинно чистая русская душа;

всякій, кто зналъ, любилъ его за прямоту. Михаилъ Селивановъ былъ рязанской губерніи и имѣлъ девять братьевъ и одну сестру, Анну. Миръ праху твоему, мой молодой, добрый товарищъ!

Отрядъ, занимавшій Баязеть, былъ не великъ. Когда увидѣли, что турки подошли къ городу, всѣ больные, которые могли держаться на ногахъ, выбѣжали изъ госпиталя къ своимъ частямъ. Говорили, что распоряженія начальника были неудовлетворительны. Войска дѣлали свое дѣло превосходно.

Подполковникъ Радожитскій, назначенный командиромъ парка, вступивъ въ командованіе и осмотрѣвъ его, далъ штабсъ-капитану Иванову сдаточную вѣдомость, по которой онъ долженъ былъ приплатить ему, безъ малаго, 20 тысячъ рублей. Видимо, г. Радожитскій желалъ обогнать своего предшественника, формировавшаго паркъ. Иванъ Ивановичъ Ивановъ былъ ошеломленъ, увидя громадность требуемой съ него суммы. У него было 14 тысячъ собственныхъ въ казенномъ ящикѣ. Что дѣлать? Онъ пошелъ за совѣтомъ къ адъютанту начальника артилеріи; тотъ посоветовалъ просить посредника. Генералъ Гилленшмидтъ назначилъ меня. Это было еще на сборномъ пунктѣ у Карсъ-чая, но, за скорымъ выступленіемъ, я не приступалъ къ дѣлу. По взятіи Эрзерума, начальникъ артилеріи приказалъ кончить скорѣе. Осмотрѣвъ паркъ во всей подробности и сдѣлавъ свои замѣчанія на сдаточной вѣдомости (которую не показывалъ тяжущимся), я увидѣлъ, что Радожитскій не только многое требовалъ несправедливо, но былъ руководимъ одною предвзятою мыслью обогнать старика. По осмотрѣ парка и опросѣ людей, я сказалъ господамъ, что завтра приду къ подполковнику для окончательнаго соглашенія. На другой день, когда я шелъ въ паркъ, штабсъ-капитанъ Ивановъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, ужъ пускай беретъ 14 тысячъ, что въ ящикѣ лежатъ, а ужъ больше, право, нѣтъ у меня.“

— Если вамъ угодно, пожалуй я предложу это соглашеніе; но, по моему, вы торопитесь.

— Да ужъ Богъ съ нимъ, абы кончить скорѣе.

Мы вошли въ палатку къ подполковнику и сѣли около стола. Разложивъ предъ собой бумаги, я началъ съ того, что высказалъ желаніе Иванова покончить на 14-ти тысячахъ рубльяхъ.

— Угодно ли вамъ на это согласиться? спросилъ я подполковника Радожитскаго.

— Нѣтъ, какъ можно! У меня вѣдомость вѣрно написана— я сбавить ничего не могу.

— Въ такомъ случаѣ приступимъ къ дѣлу. И, статью за статьей, я началъ указывать ему несправедливость его требованій, которыя до того были произвольны, что даже не согласовались съ положеніями. Сначала г. Радожитскій слушалъ меня небрежно, улыбался, и, несмотря на главныя улики, говорилъ, что онъ правъ; Иванъ Ивановичъ Ивановъ сидѣлъ и молчалъ. Но когда онъ увидѣлъ, что всѣ статьи его разобраны спеціально, улыбка исчезла съ непригожаго лица и онъ заговорилъ, что это ошибка. Потомъ, обернувшись къ Иванову, говоритъ:

— Извольте, Иванъ Ивановичъ, я согласенъ—покончимте на 14-ти тысячахъ, и я выдамъ квитанцію.

Иванъ Ивановичъ подумалъ, подумалъ и, махнувъ своей широкой ладонью, воскликнулъ: „ну, ужъ сказалъ разъ, такъ пускай—я согласенъ.“ Радожитскій всталъ.—„Ну, такъ конечно!“ сказалъ онъ.

— Позвольте, господа; я имѣю предложеніе начальника артилеріи повѣрить справедливость требованій, указанныхъ въ сдаточной вѣдомости, и потому долженъ кончить дѣло, начавъ его. Еслибы вы согласились прежде, я бы доложилъ о томъ начальнику артилеріи; теперь позвольте кончить. Иванъ Ивановичъ Ивановъ молчалъ, но г. Радожитскій заговорилъ: „да

къ чему же это, когда у насъ съ Иваномъ Ивановичемъ покончено,“ и пр., пр. Но я продолжалъ свое дѣло до конца. Перебравъ всю сдаточную вѣдомость, я всталъ:

— Сегодня вечеромъ я представлю начальнику артилеріи вѣдомость. Прощайте.

— Да вы скажите, что мы ужъ покончили съ Иваномъ Ивановичемъ, поспѣшилъ сказать Радожитскій.

— Ну какъ же покончили, когда Эдуардъ Владиміровичъ долженъ подать вѣдомость начальнику артилеріи.

Кончу въ двухъ словахъ. вмѣсто 20-ти или 14-ти тысячъ Ивановъ заплатилъ за испорченныя и недостающія вещи, т. е. за все, всего 7200 рублей. Начальникъ артилеріи, разсмотрѣвъ несообразность требованій пріемщика, сдѣлалъ строгій и, для болѣе чувствительнаго офицера, обидный выговоръ подполковнику Радожитскому; а Иванъ Ивановичъ Ивановъ, получивъ при чистой квитанціи въ сдачѣ парка свои остальные 6800 руб., былъ въ совершенномъ удовольствіи и, въ кружкѣ офицеровъ рассказывая, какъ мы перебирали сдаточную вѣдомость въ палаткѣ, воскликнулъ: „Ну, ужъ нѣмецъ! Нечего сказать, хорошій человѣкъ!“ Въ 30-тыхъ годахъ Ивановъ находился при кievскомъ арсеналѣ и въ бытность Николая I въ Кіевѣ, встрѣтился съ Императоромъ. Могучая солдатская фигура офицера обратила на себя вниманіе Государя. Его Величество спросилъ, гдѣ онъ прежде служилъ; Ивановъ рассказалъ всю службу и что подъ Аустерлицомъ былъ; Государь произвелъ старика въ подполковники.

Возвращаясь однажды въ темную, облачную ночь изъ Эрзерума въ лагерь съ донскимъ казакомъ, котораго далъ мнѣ адъютантъ, чтобъ проводить прямой дорогой чрезъ гору, я чуть не поцалъ на дно каменоломни, но инстинктъ Черкеса, моей верховой лошади, спасъ насъ. Проѣхавъ нѣсколько по горѣ битую тропю, мнѣ показалось, что мы ѣдемъ не по гладкому. „По дорогѣ ли мы ѣдемъ?“ спросилъ я казака.—Какъ

же, по дорогѣ, ваше высокоблагородіе.—Но чрезъ нѣсколько шаговъ лошадь моя вдругъ остановилась; я было тронулъ ее ногой—она попятилась назадъ. Казакъ сзади наѣхалъ на меня. „Мы сбились съ дороги, лошадь не идетъ впередъ,“ сказалъ я казаку.—Должно быть сбились, ваше высокоблагородіе; дороги нѣтъ—говоритъ казакъ, уже слѣзшій съ лошади. И я слѣзъ; темно, ни зги не видать. Мнѣ хотѣлось узнать, отчего Черкесъ остановился. Я нагнулся и бережно щупаю впереди по землѣ, вдругъ камушки покатались внизъ и рука не слышитъ земли—мы были у каменоломной пропасти! Вотъ-те и прямая дорога ночью, да еще съ такимъ проводникомъ. Ощущью, мы скоро нашли тропу, увидѣли огни въ лагерѣ и благополучно пріѣхали. Ложась спать, я поблагодарилъ Бога, что купилъ моего Черкеса.

9-я артилерійская бригада, въ которой я въ 1815 году началъ службу, теперь называлась 20-ю, и съ 20-ю дивизіею пришла въ Грузію въ началѣ 1827 года, чтобы съ нами дѣлать персидскую кампанію. Командовалъ ею Гилленшмидтъ, произведенный въ генералы и назначенный, по смерти Унтилье, начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса. По какой причинѣ она не пришла на сборный пунктъ—не знаю; но по взятіи Эрзерума, недѣли чрезъ двѣ, она вмѣстѣ съ пѣхотнымъ полкомъ присоединилась къ намъ. Узнавъ, что она должна прибыть около полудня, я въ 11 часовъ, когда солдаты пошли обѣдать, вышелъ тоже къ котламъ и прежде, чѣмъ они расположились на землѣ, призвалъ всѣхъ къ себѣ; они стали въ кружокъ.

— У васъ кашица съ говядиной сегодня?

— Съ говядиной, ваше высокоблагородіе! крикнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Рота, въ которой я началъ службу, пришла въ лагерь; люди устали; мнѣ хочется угостить ее. Подарите мнѣ вашу кашу, а чрезъ два-три часа вамъ сварятъ.

— Возьмите, возьмите, ваше высокоблагородіе, мы обождемъ, рады стараться, и пр., пр.

— Ну, такъ несите же котлы къ усталымъ товарищамъ. И съ врикомъ, хохотомъ, весело всѣ побѣжали къ котламъ.

Пріѣзжалъ ко мнѣ г.-м. князь Голицынъ, спрашивалъ, не продамъ ли я свою верховую лошадь? Главнокомандующій желаетъ имѣть покойную и надежную, „а Яковъ Яковлевичъ (Гилленшмидтъ) очень хвалилъ вашу.“—Конечно, хороша, и покойна, и надежна; но я не продамъ. Онъ вѣрно настаивалъ и въ приводимыхъ причинахъ сказалъ:

— Какъ же вы главнокомандующему не хотите уступить ее?

— Порядочный офицеръ въ военное время не расстаётся съ хорошею верховою лошадью, былъ отвѣтъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Наканунѣ выступленія изъ эрзерумскаго лагеря къ Байбурту я по дѣламъ службы былъ у начальника артилеріи. Отпуская меня, онъ говоритъ улыбаясь:

— Вчера главнокомандующій спрашиваетъ меня, отчего артиллеристы въ походѣ никогда не поютъ? Идутъ около орудій, точно мыши кота хоронятъ. Что у васъ въ ротѣ есть пѣсенники?

— Право не знаю, ваше превосходительство, есть ли пѣсенники; но если ему угодно, то пѣть будутъ.

— Прошу васъ, сдѣлайте, какъ знаете, чтобъ пѣли.

Пріѣхавъ въ лагерь и вечеромъ отдавая фельдфебелю Тютюцкому приказанія на завтрашній день, я приказалъ, чтобъ 20 пѣсенниковъ шли передъ первымъ орудіемъ и при проѣздѣ главнокомандующаго какъ можно громче пѣли, какую хотятъ, пѣсню.

— Да у насъ въ ротѣ пѣсенниковъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну такъ будутъ; собери 20 крикуновъ, и чтобы пѣли, да громче; ну, ступай.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Съ каждаго взвода нарядили по 5-ти человѣкъ и почти всю ночь спѣвались молодцы. На другой день въ походномъ слѣдованіи наша гренадерская бригада была въ хвостѣ. Главнокомандующій, по обыкновенію обгонялъ войска, въ сопровожденіи всего штаба, и здоровался съ частями. Услышавъ барабанъ сзади, я поѣхалъ къ 8-му орудію. Главнокомандующій, подъѣхалъ къ ротѣ и увидалъ меня.

— Здравствуй Бриммеръ! Что, отдохнули твои?

Я поклонился и поѣхалъ за нимъ. Приближаясь къ передовымъ орудіямъ, онъ слышитъ пѣніе.

— Бриммеръ, у тебя поютъ?

— Поютъ, ваше сіятельство.

— Яковъ Яковлевичъ, у него поютъ! А что поютъ?

— Не знаю, какую-то пѣсню; приказано пѣть—и поютъ.

Главнокомандующій засмѣялся, подозвалъ адъютанта и приказалъ дать пѣсенникамъ 5 червонцевъ.

При второмъ переходѣ къ Байбурту мы вошли въ горы. Дорога по отлогости ущелья была невообразимо гадкая; слѣва крутость горы, справа крутой обрывъ въ рѣчку, вся— въ крутыхъ спускахъ и подъемахъ, каменистая; большіе камни торчали изъ земли. Къ тому же еще полковые командиры жаловались, что фуражу, въ особенности сѣна, достать не могутъ. Жалобы эти дошли до главнокомандующаго, и его сіятельство былъ крѣпко не въ духѣ. Штабные господа старались быть подальше отъ него. Въ одинъ изъ этихъ переходовъ къ Байбурту, когда войска сплотились, какъ могли, въ узкой долиинѣ на привалѣ, главнокомандующій, разсерженный болѣе обыкновеннаго докучливыми докладами о недостаткѣ сѣна и при проѣздѣ своемъ увидѣвшій самъ двѣ повозки, свалившіяся съ кручи въ оврагъ, подъѣзжаетъ къ нашей ротѣ.

Лошади ѣли ячмень; на артилеріи и на обозѣ видны были кипы сѣна; я съ офицерами завтракалъ у перваго орудія, лежа на раскинутомъ коврѣ. Кто-то закричалъ: „главнокомандующій!“ Мы вскочили и пошли передъ орудія.

— Здравствуй Бриммеръ! да у тебя, видно, есть фуражъ?

— Какъ же безъ фуражу, ваше сіятельство; лошадей кормить надо.

— Да и сѣно есть?

— И сѣно есть.

Онъ остановилъ лошадь, обернулся. Начальникъ артилеріи подѣхалъ.

— Въ артилеріи есть сѣно, Яковъ Яковлевичъ?

— Поберегають, ваше сіятельство, понемногу дають.

Главнокомандующій обратился ко мнѣ и спросилъ:

— А какова дорога?

— Шоссе, ваше сіятельство, отвѣчалъ я.

— Шоссе! воскликнулъ графъ и засмѣялся.

Привѣтливо улыбнувшись мнѣ, онъ отѣхалъ со всей свитой. И долго потомъ, проѣзжая по этой сввернѣйшей дорогѣ, въ веселомъ расположеніи духа онъ повторялъ: „Шоссе!“ Развѣ виноватъ главнокомандующій, что въ ущельи мало родилось травы; развѣ онъ виноватъ, что у турокъ необдѣланныя дороги? Къ чему же ему надоѣдать и сердить его? Яковъ Яковлевичъ, подѣхавъ на другой день ко мнѣ на походѣ, рассказывалъ, что всѣ окружающіе главнокомандующаго были очень довольны, что я развеселилъ его.

Турки не защищали Байбурта, но укрѣпились въ с. Хартѣ, куда собрались жители этихъ горъ, лазы, самый храбрый народъ въ Турціи, по сказанію самихъ турокъ. Не доходя версть двухъ, турки ожидали насъ; надобно было развернуться, чтобы очистить дорогу къ укрѣпленному селенію. Послѣ довольно упорной защиты своей позиціи, ихъ прогнали, и 1-й батарейной ротѣ кавказской гренадерской артилерійской бри-

гады, которою я командовалъ, приказано было стать на равнинѣ предъ селеніемъ съ частью пѣхоты, а главнокомандующій потянулся съ остальными войсками вправо, на горную плоскость, подъ которой лежалъ Хартъ. Генераль-адъютанту Потемкину ⁸⁾ поручено было начальство надъ оставленными внизу войсками. Онъ стоялъ на уступѣ горы, на которую потянулись войска; пѣхота выслала застрѣльщиковъ. На концѣ селенія, подъ самой горой, была мельница, изъ которой турки строчили въ застрѣльщиковъ и даже въ колонны, и многихъ ранили. Наша батарея уже нѣсколько часовъ стояла на плоскости безъ дѣла, какъ пріѣхалъ офицеръ отъ г.-м. Муравьева съ приказаніемъ дать два орудія, чтобы унять мельницу. Два орудія, стоявшія съ праваго фланга, пошли. Не прошло и получаса, какъ адъютантъ начальника артилеріи привезъ приказаніе вести батарею на гору. Едва мы взяли на передки, подъѣзжаетъ ко мнѣ г.-м. Муравьевъ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, поѣзжайте сами къ вашимъ орудіямъ—офицеръ не можетъ попасть въ мельницу; Потемкинъ сердится. Поѣдемте!“ Я велѣлъ двигаться батареѣ, а самъ поскакалъ впередъ. У орудій я соскочилъ съ лошади, бросилъ поводья, посмотрѣлъ на мельницу, велѣлъ передвинуть орудія, самъ навелъ первое, а другое фейерверкеръ. Выстрѣлъ! Огромный уголь мельницы отвалился, ядро внутри. Подойдя къ другому орудію, я похвалилъ фейерверкера. Выстрѣлъ—граната въ мельницѣ, а чрезъ мгновеніе выходявшій дымъ показалъ, что она благополучно лопнула.

— Хорошо! закричалъ генераль Потемкинъ.

Между тѣмъ рота проходила, я приказалъ этимъ двумъ орудіямъ присоединиться къ ротѣ, и мы потянулись на гору. Инженерный капитанъ Ведениктовъ рассказалъ мнѣ послѣ, что стоялъ близъ генерала, со свитою его; Потемкинъ, видя какъ

⁸⁾ Бывшій командиръ л.-гв. Семеновскаго полка; былъ присланъ Государемъ въ 1829 году къ войскамъ кавказскаго корпуса въ распоряженіе главнокомандующаго; прибылъ по взятіи Эрзерума и назначенъ командовать всею пѣхотою.

я подскакалъ къ орудіямъ и самъ сталъ наводить, сказалъ громко: „Не попадетъ и онъ“. Ведениковъ говоритъ: это хорошій офицеръ, ваше превосходительство.— „Какъ фамилія?“ — Капитанъ Бриммеръ, ваше превосходительство.— „Посмотримъ!“ Вслѣдъ затѣмъ—выстрѣлъ, отбившій уголъ мельницы. Тутъ-то онъ весело закричалъ — „хорошо!“ Послѣ этихъ двухъ выстрѣловъ, турки ужъ не стрѣляли изъ мельницы. На другой день по занятіи Харта, мы увидѣли въ мельницѣ нѣсколько труповъ. Былъ уже вечеръ, когда рота стала на позицію на горѣ. Всѣ думали, что послѣ артилерійскаго огня пошлютъ пѣхоту въ селеніе, гдѣ въ каждой саклѣ сидѣли турки, тоже въ ожиданіи рѣзни; но главнокомандующій думалъ иначе: „Незачѣмъ напрасное кровопролитіе. Турки ночью уйдутъ—я оставлю имъ дорогу въ ущелье незанятою.“ Скоро артилерія прекратила огонь, а въ полночь дали знать главнокомандующему, что турки оставляютъ селеніе.

На другой день мы прошли черезъ сел. Хартъ и остановились лагеремъ по дорогѣ на Чифтликъ; это было 29-го, а 30-го іюля былъ церковный парадъ съ благодарственнымъ молебномъ. Главнокомандующій, обходя войска и здороваясь съ ними, подошелъ къ нашей батарее; я стоялъ на правомъ флангѣ. Онъ остановился предо мною: „Здравствуй Бриммеръ!“ и, обращаясь къ шедшему подлѣ г. Потемкину, говоритъ:

— Капитанъ Бриммеръ храбрый офицеръ и хорошій артилеристъ!

— Ужъ мы вчера познакомились съ капитаномъ, когда онъ разбилъ двумя выстрѣлами мельницу, изъ которой турки крѣико беспокоили насъ.

— Ага! сказалъ Паскевичъ, улыбнулся мнѣ и пошелъ дальше.

Проходя наканунѣ черезъ сел. Хартъ, солдаты нашли тамъ множество ульевъ, наполненныхъ медомъ. Рѣдкая пожива для солдата! Разумѣется, ихъ стали разбивать; но пчелы

крѣпко защищали свое добро—и пошла битва! Но такъ какъ награда за побѣду была ужъ больно сладостна, то пѣхотинцы, несмотря на жало пчелъ, кусавшихъ ихъ въ лицо, одержали побѣду, опорожнивъ все улья. Наша взяла, хотъ рыло въ крови! Пускай бы такъ, все-таки пѣхотинецъ зналъ, за что его пчелы кусали. Но вотъ бѣда—за пѣхотою, раззорившею улья, шла артилерія, ни въ чемъ неповинная, и пчелы давай кусать артилеристовъ! Тутъ-то услышали русскую брань на все голоса. И досталось пѣхотному солдату отъ артилериста. Но брань не помогла, и много рожъ было опухшихъ. Изъ первыхъ ужаленныхъ пчелами былъ штабсъ-капитанъ Ш—ртъ, шедшій у перваго орудія; ему досталось и въ носъ, и въ щеку—все лицо раздулось. Одинъ изъ товарищей, *mauvais plaisant*, говоритъ ему въ утѣшеніе: „Ну ужъ васъ-то могли бы оставить въ покоѣ—вѣдь вы же хотѣли вчера ихъ мельницу пощадить!“

4-го августа пришли мы къ сел. Балахору. Тутъ случилось несчастное происшествіе въ нашей ротѣ. Хотя запаснаго лѣса изъ штабъ-квартиры взято было довольно, но гадкія турецкія дороги истребляли его крѣпко. Не упуская случая, гдѣ только можно было добыть дѣлового лѣса, ибо охотниковъ на него много, а его было мало—вездѣ былъ лѣсъ сосновый, въ подѣлку негодный—я въ каждую фуражировку по деревнямъ посылалъ дроги и при нихъ мастерового. 5-го числа возвратившійся съ фуражировки фейерверкеръ доложилъ мнѣ, что турки убили мастерового и угнали тройку лошадей съ дрогами. Вѣроятно, пустая деревня, въ которой они хозяйничали, была внѣ казацкой цѣпи, хотя они въ этомъ не признавались. „Мы втроемъ, и фурлейтъ тутъ же, ломали дубовую дверь, а мастеровой Афанасьевъ понесъ отысканный дѣловой лѣсъ на дроги; вдругъ слышимъ крикъ его: ай, помогите! Глянули въ окно—Афанасьевъ лежитъ, а турки, всего человекъ пять, верхами, гонять тройку съ дрогами по дорогѣ.“ Вотъ

разсказъ фейерверкера. Дѣлать нечего, бѣда стряслась! Я пошелъ доложить о томъ начальнику артилеріи. Генералъ покачалъ головою: „Главномандующій разсердится; лучше пойти предупредить его. Пойдемте со мною, можетъ, васъ спросить.“ И пошли. Гилленшмидтъ вошелъ въ ставку главнокомандующаго, а я остановился около большой столовой палатки и думаю себѣ: хоть не крѣпко бы разсердился да не ругался. Вдругъ изъ ставки выходитъ Паскевичъ. Я спрятался за уголъ палатки и—увы—слышу, къ великому прискорбію моему, что онъ гнѣвно произноситъ: „Это безпорядокъ—они поѣхали за цѣпь; я взыщу, крѣпко взыщу,“ и пошелъ впередъ по площадкѣ. Плохо, думаю; какъ бы удрать. Вдругъ слышу: „Гдѣ Бриммеръ?“—Онъ былъ здѣсь, ваше сіятельство,—и начальникъ артилеріи, отойдя отъ главнокомандующаго, увидѣлъ меня, прятавшагося за палаткой.

— Ступайте къ главнокомандующему.

— Не пойду, ваше превосходительство, разругаетъ.

— Идите проворнѣе.

— Не пойду, ваше превосходительство; дѣлайте, что хотите со мною,—а самъ смотрю изъ-за угла палатки и, увидя, что графъ обернулся къ намъ спиной, все громче и громче сердясь, я—шмыгъ между штабныхъ палатокъ, и былъ таковъ.

Когда начальникъ артилеріи сказалъ, что не нашелъ меня и что я ужъ ушелъ, главнокомандующій послалъ за полковникомъ Верзилинымъ, начальникомъ всѣхъ казаковъ. Тотъ успѣшилъ явиться съ улыбающимся лицомъ, ничего не зная о случившемся. И стряслась брань надъ неповинной головой: „казаки ничего не дѣлаютъ, дѣла своего не знаютъ; вы ничего не смотрите—турки у васъ подъ носомъ лошадей уводятъ; у васъ безпорядокъ вездѣ,“ и пр., и пр.

Мастерового Афанасьева похоронили почетно, съ видимымъ сожалѣніемъ о случившемся; гг. офицеры и почти всѣ нижніе чины роты провожали гробъ. Это былъ тотъ самый

сдѣлана. вмѣстѣ съ отправленіемъ графа Симонича съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ для занятія Гюминъ-хана, гдѣ серебряные рудники, былъ посланъ небольшой отрядъ по дорогѣ къ Трапезонту; но тамъ, въ горахъ, оказалось бездорожье, и, по возвращеніи обоихъ отрядовъ, мы начали обратный походъ въ Эрзерумъ.

Не доходя двухъ переходовъ, главнокомандующій поѣхалъ впередъ и былъ пріятно обрадованъ, встрѣтивъ курьера, привезшаго ему Георгія 1-й степени. При поздравленіи его съ этою наградой, генераль-адъютантъ Потемкинъ сказалъ, что надѣется скоро поздравить его фельдмаршаломъ.

— Этого не будетъ! возразилъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

— Побьемтесь объ закладъ, что за эту войну вы будете фельдмаршаломъ.

— Хорошо; но вы проиграете.

— Сто червонцевъ? сказалъ Потемкинъ.

— Идетъ! согласился будущій фельдмаршалъ, и проигралъ, ибо при заключеніи мира былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Возвратившись въ эрзерумскій лагерь, главнокомандующій, видя, что непріятеля нигдѣ нѣтъ, отпустилъ часть войскъ въ Грузію. Наша батарейная № 1-й рота кавказской гренадерской бригады, которою я командовалъ, получила приказаніе къ выступленію на Гомборы, въ свою штабъ-квартиру. 17-го августа мы выступили изъ Эрзерума и, чрезъ Гасанъ-кала, Карсъ, Александрополь, по избитой нами дорогѣ на Цалку и Башкичетъ, мнѣ знакомыя мѣста, потянулись домой. У нѣмецкой колоніи нагналъ насъ курьеръ, ѣхавшій отъ главнокомандующаго въ Тифлисъ, и объявилъ намъ о заключеніи мира, а покуда ему запрягали лошадей, рассказалъ, что войска еще разъ ходили къ Байбурту, гдѣ Османъ-паша, новый сераскиръ, собралъ значительное войско и, по обѣщанію, данному султану, думалъ непременно разбить насъ; но, когда это ему не удалось и все его войско, разбитое, разбѣжалось, онъ

выпустилъ задержаннаго имъ курьера, генеральнаго штаба капитана Дюгамеля, посланнаго Дибичемъ чрезъ Трапезонтъ. Какое дерзкое нахальство турецкаго паши! Изъ-за его глупой безрасчетной самонадѣянности погибли тысячи людей! Въ 20-хъ числахъ сентября мы вернулись на Гомборы. Скоро возвратились и всѣ войска.

Х.

1830 ГОДЪ. Назначеніе меня командиромъ батареи. Потеря четырехъ орудій. Колера. 1831 ГОДЪ. Отпускъ. Путешествіе до Москвы. Посѣщеніе А. П. Ермолова въ его деревнѣ. Представленіе генераль-фельдцейхмейстеру Великому Князю Михаилу. Разговоръ съ генераломъ Костенецкимъ. Представленіе Государю. Отъѣздъ Государя. Испугъ фрейлинь. Разговоръ въ гостинной. Отъѣздъ въ Ригу. Возстаніе въ виленской губерніи. Мое участіе въ подавленіи онаго. У генераль-губернатора. Формированіе орудій и выступленіе въ походъ. Встрѣчи съ мятежниками. Оригинальное, но цѣлесообразное распоряженіе. Крюковъ и Гелгудъ. Отъѣздъ мой въ Ригу. Я—начальникъ артилеріи. Отъѣздъ на Кавказъ. Переимѣна начальства. Первое представленіе новому начальнику. Начальство кавказской линіи. Служебныя занятія.

Отъ Его Высочества генераль-фельдцейхмейстера пришелъ къ начальнику артилеріи запросъ, не желаетъ ли кто изъ капитановъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса командовать новоформируемою ротою въ Сибири? Узнавъ объ этомъ и желая видѣть новую сторонку, я просилъ генерала Гилленшмидта назначить меня. Яковъ Яковлевичъ отговаривалъ меня отъ этого, сказавъ, что мнѣ и здѣсь скоро будетъ назначеніе; съ тѣмъ и отпустилъ. На другой день, призвавъ меня къ себѣ, онъ говоритъ, что фельдмаршалъ приказалъ меня назначить командиромъ легкой № 2-й роты кавказской гренадерской артилерійской бригады, командиръ которой п. Цебриковъ назначается командиромъ этой бригады, а до того, чтобы я принялъ отъ п. Долгово-Сабурова на законномъ основаніи батареиную роту. Четыре мѣсяца я командовалъ этою ротою; по-

томъ, въ началѣ іюня, сдалъ ее п. Цебрикову, а отъ него принялъ 2-ю легкую.

Во время приѣма легкой № 2-й батареей, я получилъ предписание отпратить четыре орудія въ Кахетію, гдѣ собирался отрядъ, подъ начальствомъ генераль-губернатора Стрекалова, назначеннаго на это мѣсто по смерти генераль-адъютанта Сипягина, для занятія Закаталъ и наказанія тамошнихъ лезгинъ за частые ихъ разбои въ Кахетіи. Экспедиція была неудачная; говорили—по дурнымъ распоряженіямъ начальства, и, кажется, справедливо. У самыхъ Закаталъ эти четыре орудія, поставленные на малой площадкѣ, при слабомъ прикрытіи, которое было сбито натискомъ огромной толпы лезгинъ, были взяты лезгинами и увезены въ Закаталы. Офицеръ, нѣсколько артиллеристовъ и много лошадей было переранено. Вскорѣ орудія эти, по взятіи Закаталъ, были тамъ найдены и отданы по негодности въ тифлисскій арсеналь, а рота получила новыя. Лезгины, добывъ орудія, не знали что съ ними дѣлать, ибо ни зарядовъ, ни принадлежности не было: давай рубить лафеты и сдирать оковку; хозяйничали съ радости и около самыхъ орудій, избивали ихъ камнями и какъ-то ухитрились у одного орудія сломать дельфинъ или одну изъ скобъ, что на верху орудія для подъема онаго; отбили одинъ винградъ и попортили у всѣхъ дула.

Кто зналъ ген.-ад. Стрѣкалова, отзывался о немъ, какъ о добромъ, любезномъ, очень гостепріимномъ человѣкѣ; но въ глазахъ кавказцевъ эта экспедиція въ Закаталы уронила его и его называли „Стаканъ Стакановичъ“, вмѣсто Степанъ Степановичъ, какъ онъ назывался.

Въ прошломъ году, когда мы вернулись изъ Эрзерума въ Тифлисъ, ходили слухи о какой-то заразной болѣзни, называемой холерою. Говорили, что она зародилась въ Индіи, пройдя въ Персію, много народа повалила, и не дай Богъ, чтобы пришла въ Грузію; слышалось, что Каспійскимъ моремъ

уже посѣтила Астрахань. Вездѣ на персидской границѣ учредили карантинныя, но никто не вѣрилъ, чтобы они могли удерживать холеру, ибо знали, что она въ воздухѣ и что въ Персіи валила цѣлыя селенія; вѣрили, что и отъ прикосновенія заражаются. Не припомню, чтобы для предохраненія отъ оной говорили что-нибудь о пищѣ, но держать желудокъ тепло совѣтовали и, какъ удобное къ тому средство, предлагали пить пуншъ, отчего на ромъ сдѣлался большой расходъ и, кажется, онъ немного вздорожалъ. Вообще ожиданіе этой гостии было томительно въ первой половинѣ 1830 года. И вотъ, въ іюнь она пожаловала къ намъ въ Тифлисъ; на первыхъ же порахъ начала хозяйничать, какъ у себя дома, и, надобно признаться, навела страхъ на всѣхъ. Главнокомандующаго не было въ Тифлисѣ—онъ поѣхалъ на линію, а оттуда къ отряду на Кубань; начальникъ артилеріи былъ съ нимъ; генераль-губернаторъ—въ экспедиціи у лезгинъ, въ Закаталахъ, откуда вернулся въ іюль. Изъ жителей, кто могъ, спасался въ горы. Два сенатора, гр. К—ъ и С., бывшіе въ Тифлисѣ для устройства гражданскаго управленія, отправились по добру по здорову въ Пятигорскъ на минеральныя воды, но Государь приказалъ имъ вернуться тотчасъ. Да, нечего сказать, было отъ чего и одурѣть: народъ валился, какъ снопы. Вотъ что я читаю у себя въ замѣткахъ: „Арцруни, купецъ, богатый армянинъ, каменный домъ котораго на большой улицѣ, близъ дворца главнокомандующаго, возвращаясь домой, вдругъ на улицѣ падаетъ; судороги, корчи, рвота и—духъ вонь. Такъ и пролежалъ болѣе сутокъ на улицѣ—не поднимали, ибо боялись подойти, чтобы не заразиться.“ Генераль-губернаторъ вызвалъ изъ Карабаха полковника, управлявшаго ханствомъ. Тотъ, пріѣхавъ въ Тифлисъ, является къ нему утромъ; поговоривъ съ полковникомъ, г. Стрѣкаловъ проситъ его обѣдать. Въ обѣденный часъ генераль выходитъ въ столовую залу, гдѣ ужъ собрались гости.—„Чтожъ это полковникъ заставляетъ насъ

ждать? говоритъ онъ, не видя прїѣзжаго, и, обращаясь къ адъютанту—„вы знаете его квартиру, пошлите ординарца попросить его; уже время обѣдать.“ Ординарецъ сходилъ и, возвратившись, входитъ въ залу.

— Ну что, идетъ? спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, приказали кланяться.

— Какъ приказалъ кланяться? что ты, братецъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство—ужъ на столѣ лежатъ!

Такихъ случаевъ въ азїатскомъ городѣ, со столпившимся 60-ти-тысячнымъ населеніемъ въ узкихъ, грязныхъ улицахъ, понятно, было много. Однимъ словомъ, холера хозяйничала энергично и свалила нѣсколько тысячъ, въ особенности въ сильную жару съ 10-го іюля по 20-е августа.

Мы на Гомборахъ, въ горахъ, въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса, жили беззаботно, хотя по дорогѣ къ намъ, въ с. Сартачалы—въ 30-ти верстахъ отъ Тифлиса, и въ с. Хашмы,—въ 18-ти верстахъ отъ насъ, у самой подошвы горъ, были частые холерные случаи. Но вотъ артилерійское начальство прислало къ намъ человекъ до 50-ти артилеристовъ на отдыхъ; команда составляла сборъ людей изъ всѣхъ ротъ, опроставшихъ эрзерумскій арсеналъ и привезшихъ въ Тифлисъ турецкія орудія, ружья и разныя годныя вещи. Это было въ концѣ іюля. Команда вышла изъ города здоровая, но дорогою одинъ солдатъ заболѣваетъ и на казацкомъ посту отдаетъ Богу душу. Это неприятно подѣйствовало на другихъ. Заболѣваютъ еще четверо; ихъ на арбахъ привозятъ къ намъ на Гомборы—и разыгралась у насъ холера. Бригадный командиръ, выѣхавшій въ Джелаль-оглу осматривать 3-ю легкую роту, оставилъ старшему офицеру батарейной роты инструкцію—съ появленіемъ холеры на Гомборахъ, прекратить всѣ работы. Я оставался при двухъ ротахъ старшимъ и, по совѣту медика,

отдалъ приказаніе: грибовъ, лѣсныхъ фруктовъ, сырыхъ овощей не ѣсть; пьяныхъ будутъ наказывать. Ежедневно приказалъ давать людямъ по чаркѣ водки, кашу варить съ мясомъ, но всѣ работы по устройству штабъ-квартиры и хозяйственныя—продолжать. Работы были слѣдующія: въ казармѣ работали портные и сапожники, въ лѣсу жгли уголь и обжигали кирпичи, подлѣ лѣса дѣлали кирпичи. Въ самомъ квартирномъ расположеніи строили артилерійскій сарай для помѣщенія орудій, ящиковъ и обоза, ибо старый сарай гнилъ и разваливался. Кромѣ того, былъ сѣнокосъ, на который, поденно чередуясь, высылались и портные, и сапожники, чтобы не засиживались въ казармахъ. Изъ этого распоряженія видно, что вся батарея крѣпко транспирировала, и слава Богу! Изъ 12-ти заболѣвшихъ холерою въ моей ротѣ только двое померли, и эти двое—кузнецъ и сапожникъ—были пьяницы. Въ батарейной ротѣ холера была гораздо сильнѣе и смертность гораздо болѣе.

Въ началѣ сентября болѣзнь прекратилась. Войска, шедшія чрезъ Тифлисъ на линію по военно-грузинской дорогѣ, перенесли ее съ собою чрезъ кавказскія горы—и пошла она по столбовой дорогѣ въ незнакомый ей еще край и скоро добѣжала до Москвы, а затѣмъ, въ 1831 году, ужъ поселилась въ Петербургѣ и вообще похозяйничала-таки въ Россіи; да и всей Европѣ досталось.

Въ декабрѣ я подалъ просьбу объ отпускѣ на четыре мѣсяца въ Петербургъ и Ригу, гдѣ живетъ сестра моя, Марія Фришъ. Въ январѣ я выѣхалъ чрезъ кавказскія горы верхомъ, съ однимъ вьюкомъ; въ Екатеринодарѣ сѣлъ на перекладную и поскакалъ по знакомой дорогѣ чрезъ Москву и Петербургъ. По всей дорогѣ и въ самой Москвѣ была холера. Много карантиновъ надобно было проѣзжать и на всякомъ надобно было много разговаривать: гдѣ день, гдѣ три хотятъ удержать безъ всякаго смысла. По всей дорогѣ только и рѣчи, что о холерѣ:

гдѣ радуются, что сбыли съ рукъ, гдѣ считаютъ сколькоихъ повалила, гдѣ съ боязнью ожидаютъ незваную гостью.

Въ Георгіевскѣ я узналъ, что въ Польшѣ возстаніе, хотѣли убить Великаго Князя Константина Павловича и перерѣзать всѣхъ русскихъ. Въ Москвѣ, чтобы отдохнуть отъ ѣзды на перекладныхъ телѣжкахъ, пробылъ три дня. Въ какой-то деревнѣ, не доѣзжая г. Клина, опять карантинъ! Господи, что за неурядица! Обозы, идущіе изъ Москвы, останавливаютъ, идущіе въ Москву тоже останавливаютъ. И присмотръ только по большой дорогѣ, на шоссе, а кругомъ—ходи и ѣзди сколько и куда хочешь. Такъ, сынъ хозяйскій привозилъ мнѣ изъ Клина всякую провизію, а меня не пускали. Ну, спасибо холерѣ—выказала нашу безурядицу въ полной наготѣ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ жилъ тогда въ орловской губерніи, въ купленной имъ недавно деревнѣ, недалеко отъ большой дороги. Я счелъ долгомъ заѣхать къ бывшему начальнику, который въ продолженіи слишкомъ пяти лѣтъ оказывалъ постоянное расположеніе молодому офицеру. Приѣхавъ въ Орелъ и разспросивъ о дорогѣ, я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Было крѣпко холодно, санная дорога прекрасная. Подѣхавъ къ дому, я спросилъ у вышедшаго человѣка: дома ли Алексѣй Петровичъ?—Дома; какъ прикажете доложить? Я сказалъ ему и спросилъ, нѣтъ ли какой комнаты, гдѣ бы можно почиститься.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, но можно въ кухнѣ, она просторная.

Онъ указалъ мнѣ кухню, а самъ пошелъ докладывать. Только-что я успѣлъ снять съ себя волчью шубу и сѣсть на скамью, чтобы скинуть теплые сапоги, какъ Алексѣй Петровичъ входитъ съ громкимъ возгласомъ—„гдѣ, гдѣ тевтонъ?“ обнялъ меня, поцѣловалъ и тащитъ изъ кухни.

— Пойдемъ. Онъ въ кухню зашелъ!... и проч.

— Позвольте хотя коты скинуть.

— Скинешь въ комнатѣ; пойдёмъ, пойдёмъ,—и, взявъ меня за руки, повелъ. Прийдя въ комнаты, онъ поставилъ меня за своей спиной и, обращаясь къ Роману Ивановичу Ховену, гостившему у него, говоритъ: „Отгадай, Романъ Ивановичъ, кого я привелъ!“ потомъ отстранился: „тевтонъ вѣдь прѣхалъ-таки навѣстить старика, помнитъ!“

Онъ хотѣлъ непременно, чтобы я переночевалъ у него, но, пробывъ цѣлый день, я на ночь выѣхалъ, чрезвычайно довольный, что опять увидѣлъ любимаго начальника и обрадованный его ласковымъ приѣмомъ. Онъ много говорилъ о прошломъ, вспоминалъ о разныхъ случаяхъ моей службы, какъ въ чеченскую кампанію, у с. Курчалы, я въ арьергардѣ отбивался картечью отъ чеченцевъ, и еще нѣкоторые; припомнилъ, какъ я ему, больному, во Владикавказѣ приставилъ руку къ его локтю, чтобы не скользила по столу, и какъ онъ крѣпко заснулъ: „Тутъ показалась транспирація—это былъ кризисъ болѣзни!“ Потомъ промолвилъ: „Да какъ это тебѣ дали георгиевскій крестъ? впрочемъ, ты его вырвалъ у Паскевича; вѣдь я знаю, мнѣ писали, что ты на него огрызался при осадѣ Ахалцыха.“

— Какъ я смѣлъ огрызаться съ главнокомандующимъ? Я только отвѣтилъ ему, что заряды, которыми разбиваютъ непріятельскія батареи, не потерянные; онъ и самъ увидѣлъ, что я правъ и, по взятіи крѣпости, самъ же приказалъ начальнику артилеріи представить меня къ Георгію. Онъ горячъ, ваше высокопревосходительство, распечь любитъ, накричитъ; а, впрочемъ, нашему брату, который только своимъ дѣломъ занимается, онъ не страшенъ.

— Ну, какъ бы тамъ ни было, коли онъ далъ тебѣ Георгія, значитъ заслужилъ; съ тѣмъ и поздравляю!

— Да вѣдь вы же приказали мнѣ въ Екатериноградѣ хорошо служить.

Въ такой болтовнѣ прошелъ день. Вечеромъ, когда я от-

кланялся, чтобы ѣхать, Алексѣй Петровичъ, поцѣловавъ меня, говоритъ:

— Спасибо, тевтонъ, что навѣстилъ меня; но, смотри, въ Петербургѣ не проболтайся, что ты былъ у меня—вѣдь я въ опалѣ.

— Я горжусь, ваше высокопревосходительство, добрымъ, ласковымъ расположеніемъ вашимъ, а вы хотите, чтобы я пряталъ его въ карманъ.

— Ну, еще разъ спасибо! Прощай, мой добрый нѣмецъ!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ, что гвардія уже выступила въ походъ въ Польшу, но что командиръ гвардейскаго корпуса, Великій Князь Михаилъ, еще въ Петербургѣ, ожидая разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини—не подаритъ ли его „барабанщикомъ,“ какъ онъ разъ выразился, говоря объ ожидаемомъ сынѣ,—но тщетно. На другой день по пріѣздѣ я представлялся Великому Князю. Поздравивъ меня съ георгіевскимъ крестомъ, Его Высочество спросилъ:

— Это вѣдь вашей роты лезгины взяли четыре орудія?

— Точно такъ, Ваше Высочество.

— Правда ли, какъ мнѣ донесли, что они совершенно испортили орудія и дельфины отбили?

— Правда, Ваше Высочество, я самъ видѣлъ въ арсеналѣ испорченныя орудія.

— Да какъ они дельфины-то отбили? Это невѣроятно!

— Сила соломѣ ломить, Ваше Высочество.

— Ну вотъ и рѣшилъ недоумѣніе, усмѣхнувшись сказалъ Его Высочество, и отошелъ далѣе.

На другой день я былъ въ артилерійскомъ училищѣ у капитана КLIBера. Вдругъ говорятъ, что пріѣхалъ Великій Князь. Мы пошли въ зданіе училища. Увидавъ меня, Его Высочество сказалъ: „Здравствуй, Бриммеръ!—и, указывая на георгіевскій крестъ—Каковы наши! Посмотри-ка, какъ мы теперь живемъ—устроились порядкомъ; это не то, что въ твое время.“

Въ комендантской канцеляріи мнѣ сказали, что въ воскресенье, на разводѣ, я буду представляться Государю Императору. До прибытія къ разводу Государя, когда я стоялъ на линіи представляющихся и разговаривалъ со знакомымъ артилерійскимъ офицеромъ, ко мнѣ подходитъ артилерійскій генералъ, высокаго роста, брюнетъ съ крѣпкою просѣдью.

— Вы съ Кавказа?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Все деретесь, все бьете горцевъ?

— Бьемъ, кто подъ руку попадется: и горцевъ, и персіянъ, и турокъ.

— Вотъ это хорошо; и безъ маневровъ бьете?

— Какія тамъ маневры съ этими народами! прежде картечь, а потомъ штыкъ—и конецъ дѣлу.

— Хорошо! Штыкъ и картечь! Очень хорошо! Вѣрно, хорошо служили вы, г. офицеръ, что имѣете георгіевскій крестъ?

Мнѣ разговоръ этотъ начиналъ надоѣдать и я отвѣчалъ: —Георгія даромъ не даютъ.

— А какъ ваша фамилія, г. офицеръ?

— Бриммеръ.

Генералъ отвернулся и ушелъ.

— Кто этотъ чудакъ? спросилъ я артилериста, съ которымъ прежде разговаривалъ.

— Это генералъ Костенецкій.

— Тотъ, что подъ Аустерлицомъ правиломъ отбивался отъ французскихъ кирасиръ, наскакавшихъ на его батарею?

— Тотъ самый, сказалъ офицеръ.

Возвратившись съ развода домой, я записалъ разговоръ съ знаменитымъ чудакомъ, храбрымъ Костенецкимъ.

Когда Государь подѣхалъ верхомъ къ представлявшимся офицерамъ и комендантъ сказалъ, что я пріѣхалъ въ отпускъ, Его Величество изволилъ поздороваться со мною и спросить:

— Ты георгіевскій крестъ получилъ за Ахалцыхъ?

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Поздравляю тебя, ты служилъ хорошо. Спасибо тебѣ!

Я такъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ „спасибо,“ что не могъ оторвать глазъ отъ колоссальной фигуры Царя.

И послѣ, въ 1840 году, когда я былъ командиромъ 7-й артилерійской бригады, на смотре Государь сказалъ мнѣ при прохожденіи войскъ:

— Бриммеръ, у тебя бригада въ исправности; я доволенъ тобою, спасибо тебѣ!

Но это *спасибо*, даже въ совокупности съ другимъ милостивымъ вниманіемъ Государя (объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ), не произвело на меня такого радостнаго впечатлѣнія, какъ *спасибо* за добрую боевую службу.

Въ то время былъ въ Петербургѣ новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ съ женою (моя двоюродная сестра, Елизавета Адольфовна, урожденная Бриммеръ). Въ четвергъ на той недѣлѣ, когда я представлялся Государю, графъ, возвратившись изъ дворца часу въ одиннадцатомъ вечера, увидя меня, говоритъ:

— L'Empereur a parlé de vous, mon cousin (такъ онъ называлъ всегда меня), il m'a dit: „Votre cousin est un brave officier, il a bien servi.“ Je lui dis: que la croix de St. George que vous avez obtenue, vous recommande comme un tel. „Il l'a bien mérité“—m'a répondu l'Empereur. „Ma foi, mon cousin, je vous en félicite; ce n'est pas peu, ma foi, quand l'Empereur se rappelle d'un officier. Bonne chance pour l'avenir.“

Въ тотъ день, какъ графъ долженъ былъ ѣхать во дворецъ къ Государю, сестра предложила мнѣ навѣстить m-lle Пуцину, фрейлину Императрицы, жившую въ Зимнемъ дворцѣ. Старушка была сестрою генерала Пуцина, женившагося на Генриеттѣ (старшей сестрѣ графини), оставшейся вдовою по смерти перваго мужа, Аркудинскаго. Не успѣлъ я выпить чашку чаю, какъ горничная входитъ въ гостиную и говоритъ громко:

„Фельдъегеръ пріѣхалъ отъ дежурнаго генерала и требуетъ тотчасъ капитана Бриммера.“ Надобно сказать, что въ это время въ Петербургѣ забирали много личностей по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ поляками, что, конечно, было извѣстно и Фрейлинамъ во дворцѣ. Можно вообразить ужасъ, выразившійся на всѣхъ лицахъ, при зловѣщихъ словахъ горничной: „за капитаномъ Бриммеромъ присланъ фельдъегеръ отъ дежурнаго генерала?“ Старушка Пущина и сестра поблѣднѣли; прочія четыре или пять молодыхъ Фрейлинъ, тутъ же бывшихъ, начали перешептываться. Выходя въ переднюю, чтобы спросить фельдъегеря, не ошибся ли онъ и не знаетъ ли, зачѣмъ меня требуютъ, я замѣтилъ, какъ Пущина на ухо что-то говорила сестрѣ. Возвратившись въ комнату, я подошелъ къ Пущиной: къ сожалѣнію, надобно оставить васъ—и подалъ ей руку; она дрожала.—„*Revenez vite, si c'est possible,*“ слышалось мнѣ. Я поклонился молодымъ, смотрѣвшимъ на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ, и, подойдя къ сестрѣ, взялъ ее руку; она повернула меня въ сторону и тихо спросила: „скажи, Эдуардъ, не замѣшанъ ли ты въ какомъ заговорѣ? Будь откровененъ со мною.“ Я разразился такимъ громкимъ гомерическимъ смѣхомъ, что опустился на стулъ и продолжалъ хохотать. Въ это время фельдъегеръ растворилъ немного дверь и взглянулъ въ комнату, но, увидя меня, опять спрятался.

Я вышелъ съ фельдъегеремъ, но, спустившись до второй лѣстницы, увидѣлъ, что забылъ перчатки и говорю фельдъегерю: „вы обождите здѣсь, я сбѣгаю за перчатками,“—и побѣжалъ назадъ; фельдъегеръ за мною. Почти у дверей горничная, тоже бѣгомъ, подаетъ мнѣ перчатки. Обернувшись и увидя фельдъегеря, я спросилъ его: „зачѣмъ вы тамъ не дожидались, или думали, что я убѣгу?“ Онъ молчалъ. На казенной тройкѣ мы прискакали черезъ дворцовую площадь въ строеніе главнаго штаба. Адъютантъ провелъ меня тотчасъ въ кабинетъ дежурнаго генерала.

— Гдѣ вы это были? ужъ я жду, не дождусь васъ?

— Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ, у Фрейлины Пущиной въ гостяхъ.

— Вотъ посмотрите, вѣрно ли все? Государь приказалъ тотчасъ прислать Ему вашъ краткій послужной списокъ.

— Все вѣрно, только въ наградахъ не проставлена Анна 2-й степени, полученная мною за сраженіе при Миллюзѣ.

— Проставьте ее. Да тутъ не означено, за какое отличіе по службѣ вы произведены въ капитаны. И развѣ вы Георгія получили прежде Владиміра?

— Прежде. А въ капитаны произведенъ за приводъ ремонта на всю артилерію кавказскаго корпуса въ короткое время, и ни одна лошадь не была забракована.

Дежурный генераль отмѣтилъ и далъ мнѣ прочесть, потомъ отпустилъ меня.

Проходя дежурную комнату, я говорю адъютанту: „будьте такъ добры, прикажите, чтобы фельдъегерская тройка свезла меня опять во дворецъ, а то тутъ, на площади, не достанешь извозчиковъ.“ Онъ приказалъ исполнить просьбу мою, и тотъ же фельдъегеръ пошелъ со мною къ санямъ.

— Ну слава Богу, что васъ отпустили.

— Ну, а вы что же думали? спросилъ я его.

— Да вѣдь, Богъ вѣсть, неровень случай; вонъ третьяго дня также привезъ сюда офицера, да отсюда-то прямо въ крѣпость сердечнаго.

— То-то вы съ меня глазъ не спускали.

— А наше дѣло такое—велятъ привезти, такъ и привези непременно. Былъ у васъ на квартирѣ, сказали у графа, тамъ сказали—во дворецъ. Я сѣлъ въ сани и поскакалъ во дворецъ.

Было часовъ около десяти, когда я вошелъ къ испуганнымъ дамамъ.

— Enfin!—закричала хозяйка—racontez donc qu'est ce qu'il y avait!

Я рассказалъ, зачѣмъ меня спрашивалъ дежурный генералъ, и всѣ успокоились.

— Oh, j'étais sûre qu'il n'y avait rien de mauvais, сказала еще не совсѣмъ твердымъ отъ страха голосомъ Пущина, и солгала старушка, по привычкѣ къ свѣтскому обращенію.

Когда возвращались домой, сестра пересмѣивала всѣхъ Фрейлинъ. „Онѣ испугались не за тебя, что вотъ можешь ты быть несчастнымъ — имъ что до этого! Mais imaginez vous ce scandal, on prend un conspirateur dans ma chambre, que dira l'Impératrice!

— Chère cousine, il fallait leur dire le proverbe français: dis moi qui tu hantes, je te dirai ce que tu es. Вотъ бы испугались, бѣдненькія.

Скоро возвратился и графъ, много смѣялся испугу Фрейлинъ и тутъ же передалъ рассказанный выше отзывъ Государя.

Пришло въ Петербургъ извѣстіе о гроховскомъ дѣлѣ. Многіе обвиняли фельдмаршала Дибича, что онъ не воспользовался геройской атакой кирасиръ Мейендорфа, гнавшихъ непріятеля чрезъ мостъ до самыхъ воротъ Варшавы, и что не двинулъ всѣ войска впередъ на изумленнаго непріятеля. Говорили, что, по всей вѣроятности, оттѣснивъ непріятеля, можно было съ нимъ вмѣстѣ ворваться въ городъ.

Прійдя обѣдать къ графу Ланжерону, я засталъ у него нѣсколько большихъ господъ и дамъ, разсуждавшихъ объ этой неполной побѣдѣ. Дамы были все молодыя и утверждали, что надобно было идти впередъ, что тутъ и риску не было и что фельдмаршалъ Дибичъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Господа, бывшіе всѣ во фракахъ, высказывались и pro, и contra, особенно одинъ, почтенной наружности, говорилъ, что высокій берегъ Вислы (лѣвый) былъ унизанъ артилеріею и что эта артилерія разгромила бы на мосту наши войска. Тутъ одинъ старикъ говоритъ:

— Dites nous votre opinion m-r Brummer? Qu'en pensez vous de notre discussion, vous êtes artilleur?

— „Tel que vous me voyez, je suis de l'avis des dames, mais il faut être juste—c'était risquant, mais pourtant il fallait aller en avant. Qui ne risque rien—ne gagne rien. Mais pour être juge compétent il fallait se trouver dans le moment sur la place, sinon, on peut accuser à tort ceux qu'on juge.

— Ma foi, mon cousin, il me paraît que vous avez raison.

Гости разошлись, мы пошли обѣдать. Графъ далъ мнѣ свое кресло въ 1-мъ ряду во французскомъ театрѣ и просилъ, чтобы послѣ театра я заѣхалъ къ нимъ ужинать и рассказалъ о пьесѣ. Знакомыхъ въ Петербургѣ было много, время я проводилъ весело, а въ концѣ февраля отправился въ Ригу, къ сестрѣ.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ догонялъ гвардейскій корпусъ, коимъ онъ командовалъ и который только-что прошелъ виленскую губернію и вступилъ въ царство польское. Его Высочество за день или за два до моего приѣзда проѣхалъ Ригу.

Въ Ригѣ я нашелъ все семейство здоровымъ и въ пріятномъ душевномъ настроеніи по случаю ожидаемаго завтра 10-ти-лѣтняго юбилея замужества сестры. И мужъ, и жена, проживъ счастливо все это время, хотѣли отпраздновать завтрашній день и потому пригласили родныхъ и добрыхъ знакомыхъ къ обѣду. Урочный часъ обѣда пробилъ, всѣ гости собрались, нѣтъ одного г.-м. Ширмана, дивизионнаго начальника войскъ, стоявшихъ въ Ригѣ и Динабургѣ. Наконецъ приѣхалъ и Ширманъ и извинился, что опоздалъ, бывъ задержанъ генералъ-губернаторомъ, который только-что получилъ не-пріятное извѣстіе: какъ только гвардія прошла и во всей виленской губерніи не осталось войскъ, кромѣ нѣсколькихъ запасныхъ кавалерійскихъ эскадроновъ, подъ командою генерала Безобразова, вся губернія возстала, а въ г. Россіены одурѣвшіе бунтовщики чуть было на почтѣ не задержали проѣзжав-

шаго Великаго Князя Михаила, котораго станціонный смотритель провелъ незамѣтно къ коляскѣ во время шума и спора въ сосѣдней комнатѣ.

— Здѣшніе два полка выступаютъ завтра въ Митаву; изъ Динабурга тоже приказано выступать двумъ полкамъ моей дивизіи, но ни артилеріи, ни кавалеріи у насъ нѣтъ. Генераль-губернаторъ ѣдетъ самъ, беретъ всѣхъ жандармовъ и хочетъ предложить обитателямъ Риги сформировать эскадронъ волонтеровъ—это будетъ наша кавалерія; но въ артилеріи нѣтъ ни одной пушки.

За обѣдомъ только и было разговоровъ о возстаніи и выходѣ войскъ; я мало принималъ участія, но все думалъ, какъ бы добыть артилерію, и выдумалъ. Только-что встали изъ-за стола, я подхожу къ генералу и прошу его позволить мнѣ сказать ему слова два. Устранившись отъ гостей, я спросилъ его:

— Развѣ полевой артилеріи вовсе нѣтъ по близости?

— Во все нѣтъ.

— Такъ вы можете сформировать въ два-три дня шесть орудій и болѣе здѣсь, въ Ригѣ. Въ рижскомъ арсеналѣ, вѣроятно, есть легкія орудія, лафеты, ящики и вся принадлежность, а въ артилерійскомъ гарнизонѣ всегда есть конская сбруя; выѣзженныхъ лошадей можно искупить на базарѣ; для прислуги при орудіяхъ есть гарнизонная артилерійская рота, а командовать этою частью я предлагаю капитана Бриммера.

— Это прекрасно, это отлично прекрасно! воскликнулъ Ширманъ съ своимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Поѣдьте сейчасъ къ генераль-губернатору, вы ему все расскажите. Моя коляска ждетъ меня здѣсь.

— Поѣдьте!

Пріѣхавъ къ барону Матвѣю Ивановичу Палену, коему я утромъ представлялся, Ширманъ спрашиваетъ меня:

— Дѣйствительно ли возможно такъ скоро сформировать орудія для похода?

— Вѣдь я, ваше превосходительство, сказалъ, какъ все сдѣлать.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но приходъ генераль-губернатора остановилъ его.

— Честь имѣю представить: капитанъ Бриммеръ.

— Ужъ мы знакомы—онъ былъ утромъ у меня.

Потомъ генераль Ширманъ рассказалъ о моемъ предложеніи, а когда, на вопросы Палена, я объяснилъ ему обстоятельно, что все для сформированія имѣется у него подъ рукой и что только за деньгами для покупки лошадей можетъ быть затрудненіе со стороны начальства, генераль-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ:

— Все сформированіе я поручаю вамъ; деньги тотчасъ вамъ будутъ отпущены—примѣрная сумма; прошу васъ только скорѣе кончить.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать мое мнѣніе, ваше превосходительство. Дайте сейчасъ полковнику Левису (начальникъ рижскаго гарнизоннаго артилерійскаго округа) предписаніе о сформированіи четырехъ легкихъ орудій; пошлите ему деньги на покупку лошадей, если у него ихъ нѣтъ, ибо я не желаю имѣть дѣла съ артилерійскимъ департаментомъ; а мнѣ позвольте командовать этими орудіями; по хозяйственной же части полковникъ Левисъ будетъ знать, кому поручить ее. Я здѣсь въ отпуску и связывать себя хозяйственными отчетами мнѣ не приходится.

— Хорошо, пускай такъ будетъ, какъ вы желаете; только вы торопите Левиса.

И, горячо поблагодаривъ меня за добрую мысль и мою готовность быть полезнымъ, онъ прибавилъ: „сегодня же донесу Государю о вашемъ усердіи къ службѣ Его Величества.“

Съ тѣмъ и отпустилъ насъ.

Я поѣхалъ тотчасъ къ п. Левису, распросилъ у него, все ли есть въ гарнизонѣ, что надобно; оказалось—все, какъ я до-

кладывалъ генералъ-губернатору; тутъ же сказалъ ему, что онъ сегодня же получить предписаніе о сформированіи 4-хъ легкихъ орудій, двухъ 4-хъ-пудовыхъ единороговъ и двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, причемъ просилъ его, чтобы при каждомъ орудіи былъ двойной комплектъ картечей взамѣнъ гранатъ и ядеръ.

На третій день послѣ разговора съ Паленомъ четыре орудія выступили въ походъ на сборный пунктъ, въ г. Митаву. Стоило-таки мнѣ труда въ первые дни водворить порядокъ въ этой командѣ; но умѣстная строгость скоро вразумила и капитана (у котораго была на рукахъ хозяйственная часть), и солдатъ въ томъ, что, вышедши въ походъ, надо быть солдатами и не таскать съ собою женъ, которыя и воротились изъ Митавы назадъ въ Ригу. Скоро прибыло въ Митаву, кажется, доста человѣкъ конныхъ волонтеровъ. Ожидать было некого, а потому мы выступили изъ Курляндіи; и пора была—бунтовщики, предводимые шляхтой, переходили границу и пытались грабить деревни.

Первая встрѣча у насъ произошла въ с. Янишки. Тутъ было ихъ нѣсколько тысячъ всякаго сброда, и, разумѣется, ихъ порядкомъ поколотили. Оттуда пошли въ Шавли, по пятамъ бѣгущихъ очистили этотъ городъ отъ сволочи и направились въ Россіены. Передъ этимъ городомъ мы встрѣтили уже толпы гораздо многочисленнѣе, ожидавшія насъ съ застрѣльщиками впереди. Право, жаль было стрѣлять въ этихъ барановъ; но не гладить же ихъ по головкѣ, когда они начали строчить въ насъ пулями. Я хотѣлъ подѣхвать на картечный выстрѣлъ и тѣмъ покончить съ ними, но баронъ Паленъ приказалъ пугнуть ихъ прежде ядрами и гранатами. Толпы зашевелились, но стоятъ; справа огромная толпа даже подвигается впередъ. Два орудія подѣхали на картечь, ударили мѣтко; баталіонъ закричалъ „ура“ и бросился въ штыки. Куда тамъ—не догонишь! Вотъ и вся линія отходить, сначала въ порядкѣ, крѣпи-

ко строча въ насъ пулями; но когда орудія подъѣхали на картечь и вся наша линія тронулась, да двѣ-три гранаты лопнули въ огромной толпѣ, стоявшей въ резервѣ у лѣса, тогда за нею весь ихъ неустроенный строй разстроился совершенно и—давай Богъ ноги! Все побѣжало.....

Въ Россіенахъ было арестовано нѣсколько личностей и отправлено въ Шавли съ Невскимъ полкомъ ⁹⁾, которымъ командовалъ п. Крюковъ, получившій порученіе занять Шавли; ему даны были два орудія и, кажется, часть рижскихъ волонтеровъ, коихъ, по минованіи надобности, дозволено было отпустить домой.

Послѣ того какъ панамъ и возмущенному ими народу добрымъ порядкомъ почесали затылки при встрѣчѣ съ ними въ Россіенахъ, они уже не собирались массами. Всѣ крестьяне разошлись по домамъ, проклиная помѣщиковъ; только иногда слышно было, что малыя партіи шатаются по лѣсамъ, и тѣ рѣдко уходили отъ нечаянныхъ нападеній. Плѣнныхъ приводили много.

Баронъ Матвѣй Ивановичъ Паленъ примѣнялъ къ плѣннымъ довольно оригинальную и, какъ впоследствии оказалось, весьма цѣлесообразную мѣру. Чтобы плѣнныхъ не держать у насъ, что одинаково было тягостно и для насъ, и для нихъ, онъ ставилъ ихъ въ строй и приказывалъ полковымъ цырюльникамъ обривать имъ половину головы; послѣ этого имъ объявляли, что кто съ бритой головой попадетъ между мятежниками, тотъ будетъ крѣпко высѣченъ и сосланъ въ Сибирь. Когда, послѣ дѣла у с. Янишекъ, сдѣлали надъ плѣнными первый разъ эту операцію, они всѣ закричали, что въ Сибирь надобно пановъ сослать, тогда въ краѣ будетъ смирно. Однако, несмотря на то, что крестьяне всю вину слагали на пановъ,

---

⁹⁾ Полки этой дивизіи были однопаталіонные. Командиры полковъ, Невскаго п. Крюковъ и Софійскаго—Ахлестышевъ, рассказывали мнѣ, что послѣ турецкой кампаніи перешли обратно за Дунай численностью немного свыше 100 чел. въ полку.

человѣка три бритыхъ попались опять въ плѣнъ и между ними дворецкій или комиссаръ какого-то пана; ну и высѣкли всѣхъ, а чиновника крѣпче другихъ.

Въ то время отрядъ нашъ увеличился соединившимися съ нами гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ, подъ командою п. Бартоломея, четырьмя орудіями 5-й бригады и двумя конно-казачьими. Отрядный генералъ получилъ извѣстіе, что резервная армія, подъ начальствомъ графа П. А. Толстого, идетъ въ г. Вильно.

Утвердивъ порядокъ въ Россіенахъ, мы двинулись на Таурогенъ, Новое-Място, вдоль прусской границы до Палангена, водворяя вездѣ порядокъ. Изъ Палангена г. Паленъ уѣхалъ въ Ригу къ своему посту, оставивъ командованіе отрядомъ генералъ-маіору Ширману, такъ какъ получено было извѣстіе, что резервная армія вступила въ Вильно и очистила окрестности, причемъ фельдъегерь разсказалъ о молодецкой стойкости полковника Крюкова въ Шавляхъ. Гелгудъ одинъ изъ мятежныхъ начальниковъ, вторгшійся съ регулярными войсками и съ толпою повстанцевъ въ виленскую губернію при приближеніи резервной арміи къ Вильно и, вѣроятно, увѣдомленный, что нашъ отрядъ, очистивъ эту мѣстность, потянулся къ Палангену,—пошелъ на Шавли. Прійдя къ городу и узнавъ о малочисленности въ немъ нашихъ войскъ, Гелгудъ послалъ къ п. Крюкову парламентаря, требуя сдачи. Крюковъ разругалъ порусски парламентаря и его начальника и сказалъ ему: „если еще разъ прійдетъ съ такимъ предложеніемъ, то велить его повѣсить; но если мятежники раскаются и сложатъ оружіе, то онъ, именемъ Государя, обѣщаетъ прощеніе.“ Крюковъ занялъ позицію въ городѣ, на возвышенности, за стѣною монастыря или тюремнаго замка; Гелгудъ занялъ городъ, поставилъ батарею изъ 8-ми орудій и началъ стрѣлять. Наши два орудія ему отвѣчали. Наступившая ночь прервала огонь. Въ ожиданіи какого либо ночного сюрприза,

никто изъ нашихъ за оградою не смыкалъ глазъ—всѣ были насторожѣ. Съ разсвѣтомъ видно было какое-то волненіе между поляками, артилерія запрягала лошадей. Скоро Гелгудъ со своими покинулъ Шавли и пошелъ на Россіены. Вскорѣ увидѣли наши войска, идущія изъ Поневѣжа—отрядъ резервной арміи, преслѣдующій Гелгуда, который однако, какъ было слышно, успѣлъ уйти въ Царство. Полковникъ Крюковъ получилъ за это георгіевскій крестъ.

Пробывъ въ Палангенѣ нѣсколько дней, отрядъ нашъ пошелъ чрезъ Тельши въ Шавли. Съ прогнаніемъ Гелгуда, весь край успокоился. Баталіоны размѣстили въ приличныхъ мѣстахъ, гв. конно-піонеры пошли въ дѣйствующую армію, а я, видя, что болѣе нечего дѣлать, отправился въ Ригу пользоваться своимъ отпускомъ.

При слѣдованіи нашемъ изъ г. Шавли къ Россіенамъ, въ началѣ кампаніи, прибылъ къ барону Палену флигель-адъютантъ графъ Опшерманъ, посланный Государемъ съ какими-то особенными приказаніями. Время было предобѣденное, и мы всѣ были у генерала. Увидѣвъ меня, Опшерманъ поздоровался со мною, какъ съ кавказскимъ знакомцемъ (онъ былъ адъютантомъ фельдмаршала Паскевича), и говоритъ Палену, что Государь, отправляя его, сказалъ:

— „Ты тамъ найдешь стараго знакомца.“

— „Кого это, Ваше Величество?“

— „Капитана Бриммера; онъ тамъ начальникъ артилеріи!“

Это мнѣ было очень пріятно. Пробывъ мѣсяць въ Ригѣ, въ кругу родныхъ, гдѣ время прошло довольно весело, я отправился обратно на Кавказъ чрезъ Динабургъ, Витебскъ, Смоленскъ, Москву, Харьковъ и т. д. Выѣзжая изъ Тифлиса, я ѣхалъ до самой Москвы мѣстностью, въ коей свирѣпствовала холера. Покуда я былъ въ отрядѣ, она посѣтила Петербургъ, гдѣ крѣпко хозяйничала. Между многочисленными жертвами ея былъ и графъ Ланжеронъ, такъ что прекрасная ку-

зина моя осталась вдовою. Изъ Петербурга нигдѣ и никѣмъ не прошенная гостыя пришла въ остзейскія губерніи и къ намъ въ отрядъ. Возвратясь въ Ригу, я нашелъ тамъ холеру въ полномъ развитіи. При отъѣздѣ моемъ изъ Риги она стала ослабѣвать, но въ Динабургѣ, Витебскѣ и даже за Смоленскомъ еще не совсѣмъ отъ нея отдѣлались. Въ Витебскѣ тогда лежалъ больной Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Пробывъ въ Москвѣ недѣлю и отдыхая въ большихъ городахъ, я, въ началѣ августа, возвратился въ Тифлисъ. Здѣсь я нашелъ все начальство перемѣнившимся. Главнокомандующій былъ вызванъ въ Петербургъ. Принявъ командованіе арміею послѣ Дибича, онъ вызвалъ къ себѣ много лицъ въ Польшу, между прочимъ и начальника артилеріи, который взялъ себѣ въ адъютанты пріятеля моего Дейтриха. Генералу Панкратьеву поручено было временное командованіе войсками и всѣмъ краемъ. Вскорѣ по окончаніи польской кампаніи былъ назначенъ на Кавказъ корпуснымъ командиромъ и управляющимъ гражданскою частью генералъ-адъютантъ Григорій Владиміровичъ баронъ Розенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ начальникъ артилеріи генералъ-маіоръ Жуковскій, исправлявшій въ послѣднее время должность начальника штаба при Паскевичѣ и назначенный на новый постъ по его представленію. Хотя за обѣдомъ у себя онъ и сказалъ, что очень радъ видѣть себя въ своей артилерійской семьѣ, но семья не крѣпко ему обрадовалась. Не пробывъ и двухъ лѣтъ, онъ былъ смѣненъ, по представленію корпуснаго командира.

Въ декабрѣ бывъ по дѣламъ въ Тифлисѣ, я пошелъ въ урочный часъ утромъ представиться корпусному командиру, какъ это всегда водилось. Баронъ Розенъ подошелъ ко мнѣ и, по докладу дежурнаго адъютанта—кто я, спросилъ меня:

— Гдѣ ваша рота расположена?

— На Гомборахъ, ваше высокопревосходительство.

— Это здѣсь, близъ Тифлиса?

— 50 верстъ отъ города.

— Отчего же я васъ еще не видѣлъ?

— Занятый службою, я бываю въ Тифлисѣ только по дѣламъ, и потому не имѣлъ еще чести представиться вашему высокопревосходительству.

— Такъ вы не считаете дѣломъ познакомиться съ новымъ начальникомъ?

Я промолчалъ, генералъ отошелъ.

Ну, подумалъ я про себя, для первой встрѣчи не совсѣмъ радостно.

Въ концѣ этого года, вскорѣ по назначеніи барона Розена, вмѣсто смертельно раненаго генерала Емануеля былъ назначенъ командующимъ на кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывший при Ермоловѣ начальникомъ корпуснаго штаба. Когда въ 1824 или 1825 году вмѣсто генералъ-маіора Сталя назначили на этотъ постъ Емануеля, то Алексѣй Петровичъ выразился объ немъ такъ: „Это одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ нашей храброй арміи, но на этотъ постъ не годится!“ И точно, неудержимая отвага была причиною, что въ экспедиціи этого года онъ былъ раненъ. Въ 1814 году Великій Князь Константинъ Павловичъ, встрѣтивъ Емануеля въ Парижѣ, воскликнулъ:

— Comment, ce gaillard—il n'a pas encore la croix de St. George au cou?

— Monseigneur! j'ai mieux que ça—j'ai sept blessures sur le corps, отвѣтилъ Емануель. Но онъ уже былъ представленъ къ Георгію 3-й степени и получилъ его.

Въ ротѣ своей я нашелъ много дѣла, а потому съ обычнымъ усердіемъ принялся ставить всѣ части оной на исправную ногу. По передѣлкѣ зарядовъ, посадилъ лаборатористовъ за фейерверки, до коихъ я былъ большой охотникъ, и почти каждый вечеръ, спуская нѣсколько штукъ, тѣшилъ наше захоlustье.

XI.

1832 ГОДЪ. Развлеченія для солдатъ. Горная экспедиція въ Чечню и Ичкерію. Дождливая погода. Сидѣнье на-смерть или бѣлыя рубашки на чеченцахъ. Послѣ дѣла. Удачный набѣгъ Кази-муллы—разбитіе гребенцовъ и отнятіе двухъ орудій. Волжинскій. Рѣшеніе начальства. Не хочу оставаться въ вагенбургѣ. Не пренебрегай доброю рекомендаціею—она пригодится. Легкій отрядъ. Контрабандный ящикъ. Шестипалый казакъ. Дежурный по отряду. Расположеніе бивачной стоянки. Плѣнь и казнь невиннаго. Корову-то поймали, а отъ насмѣшекъ не поздоровилось. Еще былъ для лагернаго смѣха. Переходы до Беноя. Очищеніе дороги артилерійскимъ огнемъ. Сомнѣніе. Артилерія и тутъ помогла. Нетерпѣніе. Разговоры ожидающихъ. Опять очищать дорогу. Возвращеніе родныхъ. Пригодился контрабандный ящикъ. По другой дорогѣ назадъ. Все хорошо въ перемежку.

Мюридизмъ распространился на Кавказѣ. Кази-мулла фанатически проповѣдывалъ новое ученіе, которое, совпадая съ наклонностями горцевъ, было ими принимаемо съ вѣрою. Чеченцы, ичкерійцы, жители нагорнаго Дагестана и Аваріи волновались. Кази-мулла дѣлалъ сильныя набѣги на плоскость, на наши станицы, доходилъ до Кизляра. Пора была унять безповойныхъ. Прошлогодня экспедиція генерала Емануеля доказала, что надобно принять сильныя мѣры. Розень рѣшилъ идти самому съ болѣе сильнымъ отрядомъ, чтобы дѣйствовать энергично, а Вельяминовъ получилъ приказаніе собрать отрядъ и лично участвовать съ нимъ. Въ числѣ войскъ, въ Грузіи расположенныхъ, и моя рота была назначена въ походъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ я въ другой разъ перешелъ Кавказъ съ артилеріею по военно-грузинской дорогѣ. Корпусный командиръ съ пѣхотою, казаками и двумя горными единорогами сдѣлалъ экспедицію въ горы, посѣтилъ галгаевцевъ, кистовъ и ингушей, очень удивившихся, увидя у себя незванныхъ гостей. Такъ какъ я не былъ въ этой горной прогулкѣ, то и скажу только, что слышалъ. По голымъ, скалистымъ тропамъ взлѣзали на вершины и спускались въ бездны; результатомъ этой утомительной прогулки было устрашеніе и успокоеніе всѣхъ нагорныхъ обществъ этой мѣстности. Потомъ всѣ вой-

ска, какъ грузинскія, такъ и линейскія, сосредоточились при крѣпости Грозной, въ половинѣ августа.

Я взялъ изъ квартирнаго расположенія въ походъ двѣ повозки ракетъ и разныхъ фейерверочныхъ штукъ, уложенныхъ въ ящики, чтобы иногда веселить отрядъ. Въ лагерѣ близъ Грозной я приказалъ спустить между повѣсткой и вечернею зарей нѣсколько ракетъ. Увы! бывшіе дожди испортили ихъ — онѣ отсырѣли и лопались; это произвело громкій смѣхъ, насмѣшки, шумъ и говоръ, т. е. развлеченіе—ergo—цѣль все-таки достигнута. Но зато на каждой стоянкѣ мы съ лаборатористами принимались дружно работать.

Всѣ горныя экспедиціи, предпринимаемыя для наказанія горцевъ, сходны между собою: утомительные переходы, незначительныя перестрѣлки, встрѣча непріятели за завалами, взятіе съ бою деревень, неминуемыя арьергардныя дѣла при отходѣ и т. д. Разница бываетъ въ степени трудностей, кои должно преодолѣть въ борьбѣ съ природою или съ людьми. Постоявъ нѣсколько дней въ Грозной, отрядъ двинулся черезъ гойтинскій лѣсъ къ с. Шали, лежавшему на открытой полянѣ. Никогда русскія войска не проходили гойтинскій лѣсъ безъ драки и безъ потерь. Въ 1826 году мы вырубили въ немъ широкую дорогу, такъ что справа и слѣва отъ оной на ружейный выстрѣлъ не было деревца. Ермоловъ сказалъ тогда: „Ну, теперь въ Чечню ходить будетъ гулянье.“ Но, увы! въ 6 лѣтъ все вырубленное пространство заросло частымъ кустарникомъ. Чеченцы, по обыкновенію, такъ любили драться въ гойтинскомъ лѣсу, что и теперь при проходѣ отряда была перестрѣлка, а когда медленная переправа чрезъ р. Валерикъ утомила войска, чеченцы, прорвавъ цѣпь, изрубили нѣсколькихъ фурлейтовъ. Полагаю, что при этомъ было не безъ оплошности цѣпи вокругъ обоза. Ауль Герменчукъ, пощаженный генераломъ Ермоловымъ въ 1826 году за его покорность, былъ первый наказанъ за разбой, производимые его жителями. Они

засѣли въ аулѣ и защищались на-смерть. Припомню одинъ эпизодъ. По прекращеніи артилерійскаго огня, когда пѣхота пошла въ аулъ и послѣ ожесточеннаго боя, казалось, очистила его, генераль Вельяминовъ приказалъ моей ротѣ слѣдовать черезъ аулъ и „остановиться на полянѣ близъ аула, или дѣйствовать, гдѣ нужда будетъ.“ Иду я съ ротою черезъ очищенный уже аулъ и нигдѣ не вижу чеченцевъ; вдругъ мы слышимъ вблизи, передъ нами, выстрѣлы; нѣсколько пуль просвистѣло, одна ударила въ хомутъ подручной лошади 1-го орудія. Я ѣду впередъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и въ нѣсколькихъ шагахъ встрѣчаю пѣхотнаго офицера: „Полковникъ, ударьте въ саклю: засѣли, канальи, строчатъ оттуда, ужъ нѣсколькихъ убили.“

Подѣхавъ къ мѣсту, гдѣ разыгривалась послѣдняя сцена трагедіи, я увидѣлъ большую саклю, огороженную плетневымъ заборомъ; между саклей и заборомъ—пространный дворъ почти кругомъ; сзади же сакли—кучи навоза и примыкавшій почти вплотную лѣсъ. За плетнемъ сидѣли наши застрѣльщики; кучка солдатъ стояла за близлежащимъ домомъ, при ней капитанъ. Я подѣхалъ къ нему и спросилъ, что тутъ дѣлается?

— Нашъ баталіонъ послѣдній очищаль деревню; я съ ротою былъ назади. Только-что мы вышли совсѣмъ изъ деревни, какъ изъ этой сакли въ насъ пустили нѣсколько пуль; одна ранила въ руку солдата. Я взялъ взводъ и вернулся, но тутъ еще трехъ ранили; хотѣлъ поджечь, да намъ строго наказано не жечь. А что съ ними, бездѣльниками, подѣлаешь? Наконецъ увидѣли, что и вы за нами идете.

Дѣйствительно, нѣсколько пуль просвистѣло изъ сакли и изъ сидѣвшихъ за плетнемъ еще ранило одного. Я приказалъ поставить орудіе такъ, чтобы пронизать ядромъ всю саклю—авось выйдутъ. Приѣхалъ начальникъ штаба генераль-маіоръ Вольховскій съ офицерами. Выстрѣлъ! Въ отвѣтъ—изъ разныхъ дыръ нѣсколько пуль, но никто не вышелъ. Я сказалъ

начальнику штаба, что прикажу бросить гранату въ трубу. Приказавъ орудіе отвезти на свое мѣсто, я пошелъ за нимъ и спрашиваю своихъ артилеристовъ: „ребята, не сыщется ли между вами охотника бросить гранату въ трубу сакли?“ Вся прислуга закричала—„позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе.“

— Надо одного, а не всѣхъ! ну, № 2-й, ступай ты, коли охота есть.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе.

Давъ ему наставленіе, какъ и въ какомъ мѣстѣ слѣдовало переползти, чтобы не убили, передъ саклей, а потомъ съ навозной кучи на крышу, гдѣ уже срѣзать и распудрить гранату, я подошелъ къ капитану и сказалъ ему, чтобъ люди направили выстрѣлы на дверь, ибо, вѣроятно, лопнувшая граната выживетъ изъ сакли оставшихся въ живыхъ. Артилеристъ Чернышевъ поползъ съ гранатой въ рукѣ. Миновавъ уголъ дома, онъ всталъ и скоро, по навозной кучѣ, былъ на крышѣ сакли, приготовилъ гранату, зажегъ трубку и, не торопясь, спустилъ ее въ трубу. Вслѣдъ затѣмъ слышенъ былъ разрывъ гранаты. Дверь сакли растворилась. Чеченецъ въ бѣлой чалмѣ, съ кинжаломъ въ лѣвой, пистолетомъ въ правой рукѣ, выбѣгаетъ на дворъ, даетъ выстрѣлъ и тотчасъ падаетъ самъ, убитый пятью пулями.

Солдаты бросились къ саклѣ—еще чеченскій выстрѣлъ... мимо! Штыкъ покончилъ. Въ саклѣ нашли одного убитого, двухъ раненыхъ и одного нетронутаго. Выстрѣлилъ въ дверь раненый гранатою; подлѣ лежалъ его пистолетъ.

Итакъ, пять человѣкъ засѣли въ послѣдней саклѣ и разыграли послѣднюю сцену трагедіи. Я спрашивалъ капитана, какъ они, проходя мимо, не заглянули—есть ли кто? Онъ отвѣчалъ, что тутъ драки и ручной схватки не было, мѣсто просторное, видное, и войска ужъ проходили его въ порядкѣ. Я оставилъ молодцовъ и поспѣшилъ со своими 8-ю орудіями къ передовымъ баталіонамъ, гдѣ слышалась еще перепалка, кончившаяся скоро по прибытіи артилеріи.

Покончивъ съ Герменчукомъ, считавшимся въ Чечнѣ самымъ сильнымъ ауломъ, отъ котораго въ 1807 году генералъ Булгаковъ отошелъ съ большою потерею, не взявъ его, и котораго милостивая пощада генераломъ Ермоловымъ сдѣлала еще дерзновеннѣе,—мы простояли на этой мѣстности восемь дней.

Горцы, эти дѣти природы, какъ и всѣ глупые и немыслящіе люди, принимаютъ всегда доброту за слабость; съ ними надобно быть справедливымъ и крѣпко держаться своего слова—тогда они будутъ и уважать, и бояться васъ.

Погода сдѣлалась дождливая, не проходило дня безъ сильнаго дождя; и семь дней, съ ранняго утра, выходили войска малыми отрядами жечь аулы чеченцевъ. Обыкновенно эти отряды состояли изъ 2-хъ, 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ или 6-ти орудій и сотень двухъ казаковъ. Къ вечеру возвращались въ лагерь, промокшіе до костей, сжегши два-три аула и нѣсколько хуторовъ. Рѣдко случалось находить аулы, оставленные безъ обороны, и то развѣ лежавшіе на открытой полянѣ, но обыкновенно всѣ сильно защищались.

Подойдя однажды къ аулу, лежавшему совершенно въ лѣсу у одного изъ отроговъ Кавказа, мы видимъ за плетнемъ чеченцевъ, всѣхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ. Спрашиваемъ у проводника-чеченца, почему всѣ въ бѣлыхъ рубашкахъ?

— Охъ, не хорошо! отвѣчалъ онъ. Говорилъ я генералу Вельяминову бросить этотъ аулъ, не ходить сюда; вотъ дратся будутъ, смерти хотятъ! о-охъ, не хорошо!

— Какъ смерти хотятъ? Что это значитъ?

— Будутъ дратся, не уйдутъ; всѣхъ убьютъ! О-охъ, не хорошо! Все мулла виноватъ!

Полковникъ Пирятинскій, командиръ Бутырскаго полка, человекъ спокойный, разсудительный, слыша эти „охъ, не хорошо!“ не долго думалъ. Подозвавъ меня, онъ сказалъ: „оставьте орудія, какъ знаете, и начинайте, а я пошлю охотниковъ поджечь аулъ сзади; авось выживемъ и уйдутъ.“

Оглядѣвъ взглядомъ мѣстность, я оставилъ четыре орудія передъ ауломъ, а съ двумя взялъ влѣво, въ лѣсъ, и, снявъ съ передковъ, на рукахъ притащилъ ихъ къ мѣсту между деревьями, откуда они могли дѣйствовать продольно по плетню, за которымъ сидѣли бѣлыя рубашки. Съ открытіемъ артиллерійскаго огня, въ аулѣ все зашевелилось; изъ саклей выбѣгали чеченцы къ плетневому забору и къ заваламъ ¹⁰⁾, подѣланнымъ въ нѣкоторыхъ узкихъ мѣстахъ; бывшіе у плетня бѣжали отъ него къ саклямъ отъ продольныхъ выстрѣловъ. Народъ сталкивался между собою, видна была суматоха. Такъ продолжалось съ полчаса; гранаты зажгли середину аула. Между тѣмъ охотники проползли незамѣтно къ задамъ и зажгли сѣно и сакли. Когда полковникъ увидѣлъ, что и сзади аулъ загорѣлся, онъ пустилъ пѣхоту, съ двухъ сторонъ по баталіону; съ каждой стороны двѣ роты бросились впередъ, а по двѣ шли въ резервъ; артилерія участвовала огонь. Плетень въ минуту былъ очищенъ; орудія смолкли. Въ двухъ-трехъ завалахъ завязалась штыковая работа, другіе были брошены; но и въ нѣсколькихъ сакляхъ, изъ которыхъ стрѣляли, надо было ломать двери и колоть защитниковъ. Аулъ горѣлъ. Чеченцы, всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ, дрались на-смерть. Очень мало ушло, какъ мы послѣ узнали, и почти всѣ полегли на мѣстѣ. Черезъ часъ все было кончено. Убитыхъ и раненыхъ нашихъ вынесли изъ аула. Первыхъ было 6, вторыхъ 31, въ томъ числѣ два офицера. Сдѣлали носилки и одноротцы понесли своихъ. Для прикрытія отхода полковникъ послалъ двѣ свѣжихъ роты за аулъ, которыя должны были служить арьергардомъ. Я послалъ къ нимъ двѣ пушки, но полковникъ сказалъ мнѣ, что это напрасно, что горцевъ всѣхъ прикололи и что мы отойдемъ спокойно, да притомъ отходить черезъ горѣвшій аулъ съ орудіями опасно—можетъ чтонибудь случиться.

¹⁰⁾ Заваль—бревна, наложенныя другъ на друга, иногда пересыпанныя землею; грудная защита стрѣлкамъ.

— Проводы у насъ будутъ крѣпкіе, повѣрьте мнѣ, я ихъ знаю; теперь они въ лѣсу ожидаютъ, чтобъ мы тронулись; а съ орудіями ничего не случится, я самъ тамъ буду; ящики не пойдутъ.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете.

Я приказалъ орудія зарядить картечью, взять по картечи въ двѣ сумы къ каждому орудію, и пошелъ съ ними по горѣвшему аулу къ двумъ ротамъ, попрося полковника, чтобы онъ прислалъ намъ сказать, когда послѣдніе въ отрядѣ отойдутъ.

На мѣстѣ орудія снялись съ передковъ, застрѣльщики густою цѣпью стали за деревьями. Все было тихо. Бутырцы, впервые бывшіе въ горной кавказской экспедиціи, думали, что мы спокойно отойдемъ.

— А вотъ вы увидите, какіе проводы будутъ—сказалъ я ротному командиру—держите ухо востро и не торопко отступайте.

Вскорѣ пріѣхалъ офицеръ съ приказаніемъ отходить. Оставивъ застрѣльщиковъ и при нихъ резервы, я приказалъ одной пѣхотной ротѣ отходить. Орудія стояли на чистомъ мѣстѣ, недалекѣ отъ застрѣльщиковъ, которымъ приказано было при отходѣ равняться съ орудіями. Едва застрѣльщицья цѣпь стала выходить изъ лѣса, какъ раздался знакомый свистъ пуль; двое ранено. Всѣ деревья будто ожили, сотни чеченцевъ перебѣгали къ окраинѣ лѣса. Впереди поставленные солдаты, отбѣжавъ въ сторону, открыли орудія; два картечныхъ выстрѣла огорошили чеченцевъ—и все спряталось за деревья. Одно орудіе взяло на передокъ и съ ротою, скоро пройдя чрезъ аулъ, встало на позиціи, чтобы принять провожающихъ насъ; изъ передковъ взяты въ сумы картечи, взамѣнъ выпущенныхъ. Другая рота стала тихо отходить къ аулу; при орудіи она оставила 20 человекъ въ прикрытіи, у передка, стоявшаго шагахъ въ десяти за орудіемъ. Застрѣльщицьею цѣпи дано знать, что если че-

чеченцы послѣ картечнаго выстрѣла выбѣгутъ изъ опушки впередъ, то принять ихъ мѣткой стрѣльбой всей цѣпи; впередъ на „ура“ не бросаться, а отходить, равняясь съ орудіемъ. Какъ только другая рота вошла въ горѣвшій аулъ, я приказалъ выстрѣлить... Вдругъ, послѣ выстрѣла, чеченцы выскочили изъ опушки лѣса и бросились на цѣпь и на орудіе. Сильный ружейный огонь повернулъ ихъ назадъ, но не всѣхъ..... нѣсколько бѣлыхъ рубахъ, шашки наголо, добѣжали до цѣпи и были приколоты, одинъ—близъ самого орудія.

Еще картечный выстрѣлъ... Орудіе на рукахъ двинули назадъ, надѣли на передокъ, и все двинулось черезъ горящій аулъ, подъ свистомъ пуль. Выйдя изъ аула, я подбѣжалъ къ стоявшему на позиціи орудію и сказалъ офицеру не стрѣлять безъ моего приказанія, боясь, чтобы чеченцы и наши не вышли вмѣстѣ; но при отходѣ ручной схватки не было. Весь этотъ отходъ, здѣсь длинно рассказанный, продолжался минутъ двадцать; все же время, какъ мы стояли за ауломъ, ружейная стрѣльба чеченцевъ изъ-за деревьевъ не прекращалась, и мы имѣли четырехъ раненыхъ. Когда аріергардъ соединился съ отрядомъ, проводы ружейными выстрѣлами продолжались до самой шалинской поляны, гдѣ наши стояли лагеремъ и куда мы вернулись промокшими.

Въ столовой палаткѣ моей, гдѣ мы обѣдали съ господами, былъ уже столъ накрытъ и самоваръ готовъ. Во время чая я обыкновенно настаивалъ, чтобы промокшіе пили съ ромомъ, чему самъ подавалъ примѣръ. Потомъ мы сѣли обѣдать и за добрымъ кахетинскимъ виномъ, въ веселой болтавнѣ съ молодежью, убивали вечеръ. Солдаты же моей роты, возвращаясь изъ мокрыхъ экспедицій, всегда находили готовый обѣдъ съ говядиной, а предъ обѣдомъ чарку водки.

Въ эту стоянку нашу на шалинской полянѣ, мы получили весьма непріятное извѣстіе, что Кази-Магометъ или, какъ его обыкновенно называли, Кази-мулла, убравшись изъ Гер-

менчука подобру-поздорову еще прежде разгрома его, сдѣлалъ удачный набѣгъ на кумыкскую плоскость, крѣпко побилъ гребенскихъ казаковъ и отнялъ два конныхъ орудія. Это произвело во всемъ отрядѣ сильное негодованіе и желаніе хорошенько отомстить имъ. Говорили, что несчастіе произошло отъ необдуманной опрометчивости полковника Волжинскаго, командира Гребенскаго казачьяго полка, пошлатившагося за нее жизнью. Кази-мулла, съ малымъ числомъ конныхъ, подошелъ къ Тереку противъ Червленной станицы и началъ грабить мирные аулы кумыковъ. Волжинскій взялъ сколько было подъ рукою—сотни три гребенцевъ и два орудія, переправился черезъ Терекъ и погнался за разбойниками. Тѣ, будто въ испугѣ, давай Богъ ноги, бѣгутъ отъ него, и павели преслѣдователей на сильную засаду, встрѣтившую ихъ частымъ огнемъ. Ошеломленные неожиданностью, казаки едва снялись съ передковъ, какъ тысячи чеченцевъ, шашки наголо, бросились на казаковъ и на орудія. Схватка скоро была кончена. Половина казаковъ легла на мѣстѣ, кто могъ—ускакалъ, а съ ними и передки орудій, взятыхъ чеченцами. Изъ первыхъ убитыхъ пулями, былъ полковой командиръ.

Я знавалъ полковника Волжинскаго въ экспедиціяхъ 1822 и 1826 годовъ, тогда еще баталіоннаго командира Ширванскаго пѣхотнаго полка. Безгранично храбрый, въ этомъ славномъ полку, гдѣ храбрость ужъ не считалась достоинствомъ личностей, но какъ бы принадлежностью мундира, Волжинскій сумѣлъ такъ служить, что неустрашимость его значительно выдѣлялась и въ этой средѣ. Онъ былъ средняго роста, плотной, чисто русской фигуры, добрый и простой человекъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ объ немъ говорилъ— „славный баталіонный командиръ, но дальше впередъ пускать не надо,“ опредѣляя этимъ умственные способности необразованнаго человека, несоотвѣтствующія его неустрашимости.

Вслѣдъ за этимъ печальнымъ извѣстіемъ лазутчики увѣ-

домили, что орудія отвезены Кази-муллою въ с. Беной, въ Ичкерію, въ гористую и весьма лѣсистую мѣстность, граничащую съ Андіей. Начальство рѣшило отыскать и взять орудія.

Отрядъ въ с. Автуры раздѣлился надвое. Для облегченія горной экспедиціи требовалось оставить весь обозъ и транспорты. Въ ожиданіи чая, въ кружкѣ офицеровъ мы разбирали дѣло Волжинскаго; кто осуждалъ его неосмотрительность, кто оправдывалъ его, говоря, что бѣда надъ всякимъ можетъ стрястись. Въ это время подходитъ къ намъ одинъ изъ штабныхъ офицеровъ и говоритъ, что онъ сейчасъ слышалъ, что изъ моей роты въ горную экспедицію назначено только два орудія, въ шесть лошадей каждое.

— Такъ я буду въ вагенбургѣ? воскликнулъ я невольно, и пошелъ къ генералу Вельяминову, который всеѣмъ распоряжался.

— Ваше превосходительство, позвольте идти всей ротѣ съ вами.

— Нельзя, дражайшій! надобно усиленную упряжь.

— Такъ 4 орудія могутъ идти съ усиленною упряжью, ваше превосходительство.

— Нельзя, дражайшій; ужъ такъ разъ приказано—такъ и будетъ.

— Такъ я при 6-ти орудіяхъ долженъ въ вагенбургѣ оставаться?

— Чтожъ дѣлать, дражайшій; впрочемъ сходи къ Вольховскому и скажи, что вмѣсто двухъ горныхъ можно взять еще два легкихъ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство.

Тутъ умѣстно сказать, что Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ былъ очень добръ ко мнѣ съ самаго пріѣзда моего на службу въ кавказскій корпусъ, въ 1822 году. Первоначальный, привѣтливый пріемъ его былъ, кажется, вслѣдствіе письма къ нему полковника Винспера (потерявшаго руку, кажется,

при Краонѣ), съ коимъ онъ вмѣстѣ служилъ въ гвардейской артилеріи въ 1812 году и всегда оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Полковникъ Винсперъ, человѣкъ очень умный и всѣми уважаемый, состоялъ при графѣ Михаилѣ Семеновичѣ Вороцовѣ во французскомъ отдѣльномъ корпусѣ; когда я былъ прикомандированъ къ свитѣ и жилъ въ Мобежѣ, онъ видѣлъ меня часто у *Θ. Θ. Шуберта*, нашего оберъ-квартирмейстера, и всегда былъ привѣтливъ къ молодому офицеру. Встрѣтившись со мною въ Петербургѣ въ началѣ 1822 года и узнавъ, что я прошусь на Кавказъ, онъ сказалъ мнѣ, что у него тамъ есть пріятель, начальникъ штаба Вельяминовъ. Когда же я въ Екатериноградѣ явился генералу Вельяминову, онъ спросилъ меня о Винсперѣ. И потому очень можетъ быть, что Винсперъ, хотя безъ моей просьбы, писалъ обо мнѣ Вельяминову, котораго расположеніе я заслужилъ уже послѣ, могу прямо сказать, моею усердною службою.

Нашъ *impedimento*, подъ прикрытіемъ оставшихся войскъ, выступилъ на линію и ждалъ нашего возвращенія на кумыкской плоскости въ Герзель-аулѣ; а мы, съ легкимъ отрядомъ, кажется, въ 7 баталіоновъ пѣхоты, сотни казаковъ, 4-хъ легкихъ и 2-хъ горныхъ орудій, пошли на с. Маюртунъ, лежащее на качкалыковскомъ хребтѣ, чтобы, раззоривъ это гнѣздо разбойниковъ, потянуться въ лѣсистую нагорную Ичкерію на поискъ за пропавшими орудіями.

На первомъ же переходѣ, когда артилерія стройно поднималась по крутой горѣ, генералъ баронъ Розенъ съ генераломъ Вельяминовымъ, въ сопровожденіи штаба, начали обгонять войска; подѣхавъ къ 1-му орудію, Вельяминовъ говоритъ мнѣ:

— А у тебя, дражайшій, контрабандный ящикъ?

— Точно такъ; но если онъ хоть на одну минуту задержитъ слѣдованіе, я сброшу его въ кручу.

— Ну, надѣюсь, до этого не дойдетъ—возразилъ корпус-

ный командиръ—лошади хоть и рыжія, но также хороши, какъ и во всей батарее.

Они проѣхали дальше. Дѣло въ томъ, что у меня былъ собственный зарядный ящикъ, разумѣется, безъ гнѣздъ внутри, который я употреблялъ вмѣсто фургона и вьюковъ. Въ ротѣ были гнѣдыя лошади, а мои собственные—рыжія.

С. Маюртупъ, лежащее въ лѣсистой котловинѣ, мы нашли оставленнымъ. Видно, погромъ Герменчука научилъ жителей не пускаться въ неравный бой. Пройдя аулъ, стали занимать лѣсъ, по которому чеченцы гнали свой скотъ. Пошла перестрѣлка. Наши крѣпко нацѣляютъ за скотомъ; чеченцы, отстрѣливаясь, уходятъ, что есть силъ. Застрѣльщики, прибѣжавшіе къ оставленному пепелищу, слышатъ крикъ—„господа егеря, развяжите!“—и видятъ привязаннаго къ дереву человека въ рубашкѣ и исподнихъ, безъ сапогъ. Развязали. Оказалось, что это былъ плѣнный казакъ Червленной станицы, котораго, видно второпяхъ, забыли. Можно вообразить радость этого несчастнаго, но также и изумленіе нашихъ солдатъ, когда увидѣли, что у казака по шести пальцевъ и на рукахъ, и на ногахъ.

Въ прежнее время артилерійскихъ штабъ-офицеровъ не наряжали дежурными по отряду, но въ нынѣшнюю экспедицію генераль Вельяминовъ приказалъ и насъ наряжать въ очередь съ пѣхотными. Обязанности дежурнаго по отряду довольно многосложны, и день такого дежурства не есть день покоя и отдыха. Согласно приказа, за стройнымъ выступленіемъ авангарда и всѣхъ частей и за движеніемъ отряда обыкновенно наблюдаютъ офицеры генеральнаго штаба; но за порядокъ въ арьергардѣ отвѣчаетъ дежурный по отряду; беспорядочное шествіе застрѣльщичьихъ цѣпей, замедленіе по горнымъ дорогамъ—все съ него спрашиваютъ и, разумѣется, съ частныхъ начальниковъ. Пришелъ отрядъ на привалъ или на ночлегъ, дежурный по отряду осматриваетъ всю мѣстность во-

кругъ лагеря, предоставляя частнымъ начальникамъ ставить цѣпь съ полевыми караулами, назначать, гдѣ быть секретамъ и какъ сильны они должны быть. Все это дѣлаютъ дежурные по полкамъ, а онъ осматриваетъ и, что надобно, поправляетъ. Съ его позволенія впускаютъ въ лагерь, онъ смотритъ за общимъ порядкомъ и обо всемъ необыкновенномъ доноситъ начальнику отряда или тотчасъ, или при вечернемъ и утреннемъ рапортѣ; при долгихъ стоянкахъ на одномъ и томъ же мѣстѣ строго смотритъ за чистотою въ лагерь и пр., и пр.

Несмотря на мое громкое званіе начальника артилеріи въ этомъ легкомъ отрядѣ, я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду въ день выступленія къ Маюртупу. Когда мы заняли это селеніе и прогнали чеченцевъ, отрядъ расположился около аула, у котораго съ двухъ сторонъ возвышались два продолговатыхъ холма, въ разстояніи 100—150-ти сажень отъ аула. Вся мѣстность, кромѣ поляны около селенія и этихъ холмовъ, покрыта была сплошнымъ лѣсомъ. Гребень холмовъ былъ занятъ густою, непрерывною цѣпью застрѣльщиковъ отъ баталіоновъ, стоявшихъ внизу, близъ оныхъ; у одного холма стояли карабинеры, у другого московскіе баталіоны. Обѣхавъ лагерь и исполнивъ свою обязанность, я вернулся къ своимъ и, въ ожиданіи ужина, пилъ чай съ гг. офицерами. Завечерѣло; ударили зарю. Принявъ рапорты отъ дежурныхъ, я пошелъ къ корпусному командиру, а отъ него къ г. Вельяминову; отъ обоихъ получилъ обычное: „прошу быть осторожнымъ.“ Я вернулся къ себѣ и думаю: все покойно, поужинаю и отдохну немного—усталъ, весь день былъ, какъ угорѣлый. Не тутъ-то было! Только-что мы сѣли за ужинъ, какъ слышимъ выстрѣлы, все чаще и чаще, наконецъ непрерывная стрѣльба... Не успѣлъ кончить и тарелки супа, вскочилъ, набросилъ шашку и побѣжалъ, приказавъ казакамъ привести лошадь на выстрѣлы.

Стрѣльба была у московцевъ съ холма. Встрѣчаю бата-

ліоннаго командира: „Что у васъ?“—Вѣрно, чеченцы подкрадываются. Взошли съ нимъ на гребень длиннаго холма, усѣяннаго лежащими солдатами. Стрѣльба трещитъ по всей линіи. Я схватываю одного унтеръ-офицера:

— Что вы, ребята, съ ума спятили! Въ кого вы стрѣляете?

— Въ чеченцевъ, ваше высокоблагородіе; все подползаютъ.

— Вишь, какая темень—гдѣ ты видишь чеченцевъ?... Перестать стрѣлять! Пошелъ по фронту, чтобъ не стрѣляли!

— Это они подкрадываются къ правому флангу; оттуда начали стрѣлять.

Пошли мы къ правому флангу. И я, и баталіонный командиръ, и два офицера унимали стрѣльбу—и не могли унять; при насъ не стрѣляютъ, но только-что мы отойдемъ, сзади насъ подымается трескотня, точно весь строй одурѣлъ. На правомъ флангѣ дѣйствительно что-то шевелилось внизу, въ оврагѣ. Я опять схватилъ унтеръ-офицера:

— Чего ты смотришь? Перестать стрѣлять!

— Чеченцы все подкрадываются.

— Врешь, ни одного чеченскаго выстрѣла не слышно.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Тутъ уняли стрѣльбу, но на пройденномъ нами пространствѣ выстрѣлы продолжались, хотя менѣе, чѣмъ прежде. Я спросилъ фамилію двухъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и громко, нарочно, чтобы солдаты слышали, сказалъ: „завтра генералъ Вельяминовъ взыщетъ съ васъ за эту безурядицу.“ Баталіоннаго командира, конечно, успокоилъ, сказавъ, что фамиліи спросилъ только для острастки, чтобы строже за людьми смотрѣли. Но не скоро еще успокоились наши ребята—долго еще видны были огоньки и, несмотря на приказаніе, стрѣльба, хотя и рѣдкая, не умолкала всю ночь. А на другомъ холмѣ, гдѣ стояли карабинеры, и во всемъ лагерѣ было тихо.

Я поѣхалъ къ себѣ. Деньщикъ говоритъ, что часъ тому назадъ приходилъ ординарецъ отъ генерала Вельяминова, звать къ нему. Поѣхалъ я въ темную ночь къ генералу; онъ сидѣлъ на барабанѣ передъ костромъ.

— Что это, дражайшій, тебя сыскать нельзя?

— Я былъ на холмѣ у московскаго баталіона, гдѣ стрѣляли. Ничего и никого нѣтъ, стрѣляютъ наобумъ; все говорятъ, что чеченцы подползаютъ; насилу унялъ.

— А кто баталіонный командиръ?

— Не знаю, какъ зовутъ, но я засталъ его на холмѣ въ цѣпи, съ офицерами, которые все унимали солдатъ. Но на тѣхъ какая-то дурь нашла.

— А у карабинеръ тихо?

— Ни одного выстрѣла.

— Ну, прощай, дражайшій; а завтра разспроси, отчего стрѣляли.

И, утомленный усталостью, голодный, я поѣхалъ къ себѣ, въ первомъ часу ночи пообѣдалъ и, бросившись на бурку, заснулъ часа на два, а со свѣтомъ отправился къ московскому баталіону.

Чтожъ бы вы думали было причиною этой безсознательной стрѣльбы?... Корова, вѣроятно отставшая отъ угнаннаго стада, преспокойно пасшаяся въ оврагѣ и ходившая кое-гдѣ по хворосту! Несмотря на тысячи пуль, свиставшихъ ей въ уши и пролетавшихъ надъ головою, утромъ она, петропугая, расхаживала по оврагу, чмокая значную травку; я видѣлъ этотъ *corpus delecti* еще живою. Съ первымъ мерцаніемъ свѣта люди, увидѣвшия корову въ оврагѣ, спустились съ холма, взяли ее въ плѣнъ, и за проступокъ солдатъ—смертная казнь была ей удѣломъ. Когда при утреннемъ рапортѣ я доложилъ о причинѣ стрѣльбы генералу Вельяминову, онъ только сказалъ: „всякое бываетъ на свѣтѣ.“

Можно вообразить, какъ подсмѣивались солдаты другихъ

баталіоновъ надъ московцами, когда узнали, что корова держала насторожѣ длинный рядъ густой цѣпи застрѣльщиковъ, особенно, когда узнали, что карабинеры, занимавшіе другой холмъ, поймали корову съ теленкомъ еще съ вечера, безъ выстрѣла. Дѣло въ томъ, что московцамъ приказано было занять холмъ—они и заняли его; карабинеры, получивъ приказаніе занять другой холмъ, также заняли его. Но такъ какъ ужъ вечерѣло, то капитанъ послалъ унтеръ-офицера и 10 человекъ осмотрѣть внизу мѣстность и чиста ли опушка близлежащаго лѣса. Патруль этотъ, найдя на опушкѣ засаду изъ коровы и теленка, привелъ ихъ къ себѣ—и всю ночь пролежали тихо на холмѣ, не тревожа лагеря. Это показываетъ навыкъ кавказскихъ войскъ къ боевой жизни во время горныхъ экспедицій и непривычку къ тому гостей нашихъ 14-й дивизіи.

Такія *intermezzo* случаются въ экспедиціяхъ чаще, чѣмъ въ мирной жизни городскихъ обывателей, и, какого бы свойства они ни были, служатъ развлеченіемъ лагерной жизни. Припомню случившееся въ Герменчукѣ. При баталіонахъ, двинувшихся въ аулъ, были и медики для немедленной помощи и устройства перевязочныхъ пунктовъ. Какого-то сибирскаго баталіона медикъ попалъ въ свалку близъ рукопашной, штыковой и кинжальной работы. Въ одной улицѣ, испугавшись натиска чеченцевъ, свиста пуль, крика, визга, стона падающихъ и крѣпкихъ ударовъ штыка, онъ совсѣмъ растерялся, началъ махать фуражкой и кричать, что онъ мирный, чтобъ его не трогали, наконецъ упалъ и лежалъ, какъ убитый. Черезъ нѣсколько минутъ начальникъ штаба, со свитою проѣзжая аулъ, натывается на лежащаго медика. Шевелится, бормочетъ—значитъ живъ; хотятъ поднять, кричатъ—„я мирный, не убивайте!“... но его осилили, тутъ же бросили ему кровь и отравили въ лазаретъ, какъ больного горячкой. На другой день утромъ ищутъ медика—пропадъ, нѣтъ нигдѣ, какъ въ воду канулъ. Тогда только спохватились, не рехнулся ли онъ, не

надобно ли было приставить къ нему особаго служителя? Мы, русскіе, вѣдь говорятъ, заднимъ умомъ крѣпки. День-другой поискали, поговорили и рѣшили, что пропаль... значитъ — и конецъ дѣлу, и забыть пора. Вдругъ дня чрезъ три къ лагерной цѣпи чеченцы приводятъ процавшаго медика, въ томъ же костюмѣ. Послали за переводчикомъ — что и какъ? и узнали, что онъ въ одинъ прекрасный день, т. е. въ очень дождливый, приходитъ къ нимъ въ ауль, садится у очага и требуетъ ѣсть; когда его хотѣли связать, онъ сказалъ, что онъ лекарь и мирный. Изъ собравшихся около него кто-то понялъ, что онъ дохтуръ, акимъ, а такъ какъ у нихъ медики въ большомъ уваженіи, то они накормили его, но вмѣстѣ и признали его за сумашедшаго, т. е. божьяго человѣка, почему уваженіе къ нему усугубилось. Но какъ божій человѣкъ ничѣмъ не былъ доволенъ, несмотря на оказываемое ему уваженіе, приходилъ въ раздраженіе и началъ своеручно бить ихъ, то, потерпѣвъ дня два, они порѣшили, чтобы не было бѣды, отвезть и сдать его на руки русскимъ. Что съ нимъ было послѣ — не знаю.

Разъ вдавшись въ ичкеринскіе лѣса, мы уже не покидали ихъ, покуда не вышли на кумывскую плоскость. Дорога на Центури и Беной шла почти сплошнымъ лѣсомъ съ небольшими полянами, крутыми подъемами на горы и крутыми спусками съ оныхъ. Лѣсъ былъ до того густой въ иныхъ мѣстахъ, что застрѣльщичьей цѣпи трудно было проходить между разросшимися кустами, а цѣпь не смѣла разрываться, не смѣла и близко подходить къ войскамъ, идущимъ по дорогѣ; за эти промахи строго бы взыскали съ офицеровъ и частныхъ начальниковъ. Благоразумная строгость сдерживаетъ порядокъ, и потому прогулка по Ичкеріи съ увеселительными перестрѣлками была довольно благополучна. То тамъ, то тутъ кого ранятъ, кого убьютъ въ нашей семьѣ, а мы жжемъ ихъ аулы, топчемъ хлѣба, бьемъ ихъ и пулями, и ядрами, колемъ русскимъ безпардоннымъ штыкомъ... валятся они и десятками,

и сотнями... Не разбойничай! Ну и вышло по пословицѣ: гдѣ дрова рубятъ—тамъ щепки летятъ.

На другой день по выступленіи изъ Маюртуна, мы къ вечеру пришли въ Белгатой; тутъ отрядъ раздѣлился. Начальникъ штаба генераль-маіоръ Вольховскій съ половиною отряда долженъ былъ идти впередъ и занять переправу чрезъ рѣку. Когда люди пообѣдали и отдохнули, онъ поздно вечеромъ двинулся. Отбросивъ отъ рѣки чеченцевъ послѣ жаркаго дѣла, онъ со свѣтомъ пошелъ по дорогѣ къ Беною; другая половина отряда пошла за нимъ, а къ 10-ти часамъ весь отрядъ стянулся на горѣ, внизу которой, въ узкомъ оврагѣ, течетъ рѣка Аксай, здѣсь, въ верховьяхъ своихъ, вездѣ проходима въ бродѣ. На правой сторонѣ Аксая мѣстность гористая, вся покрытая вѣковымъ лѣсомъ; по ней дорога, то крутая, то отлогая, извиваясь, вела къ с. Беной, куда орудія, взятые у Волжинскаго, были свезены чеченцами. Послѣ отдыха и осмотра мѣстности начальствомъ, генераль Вольховскій съ тремя баталіонами и сотнею линейскихъ казаковъ началъ спускаться съ горы къ р. Аксаю. Тутъ я былъ призванъ къ Григорію Владиміровичу Розену. Онъ, генераль Вельяминовъ и отклавившійся Вольховскій стояли у самаго обрыва.

— Поставь, братъ, всю свою артилерію вотъ здѣсь, у самаго обрыва, и очищай дорогу, сказалъ мнѣ Вельяминовъ.

— Но осторожнѣе стрѣляйте, любезный Бриммеръ, чтобы своихъ не задѣть, прибавилъ Розенъ.

Г. Вольховскій раскланялся и ушелъ. Орудія тотчасъ были придвинуты къ кручѣ. Ихъ было: три 6-ти-фун. пушки, одинъ $\frac{1}{4}$ пуд. единорогъ и два горныхъ единорога. Три единорога открыли стрѣльбу по опушкѣ лѣса, находившейся внизу у самой переправы, откуда чеченцы уже стрѣляли по спускавшимся войскамъ; но скоро ружейный огонь съ нашей стороны и лопающіяся въ опушкѣ гранаты прогнали ихъ отъ рѣки, и наши, переходя ее, начали подниматься въ гору. Тогда единороги замол-

кли, а пушки начали очищать путь ядрами, сообразуя поднятіе прицѣла съ восходомъ головныхъ людей въ гору; частые завалы по дорогѣ, изъ которыхъ чеченцы крѣпко стрѣляли въ нашихъ, были цѣлью, куда направлялись пушечные выстрѣлы. Картина была, дѣйствительно, занимательная: длинной ниткой двигался рядъ штыковъ по извилистой дорогѣ; по бокамъ, въ лѣсу, густыя цѣпи застрѣльщиковъ; огонь чеченцевъ изъ завала, частый отвѣтный нашихъ солдатъ, рѣдкіе огоньки застрѣльщиковъ въ лѣсу и ядра, падающія въ завалы, предъ носомъ нашей колонны. Когда штыками выгоняли горцевъ изъ заваловъ, ядра гнали ихъ далѣе, укладывая того-другого на мѣстѣ. Генералы стояли подлѣ орудій и слѣдили за каждымъ выстрѣломъ. Розенъ часто хвалилъ. Но когда изъ наведеннаго мною орудія ядро ударило въ третій завалъ, и Вельяминовъ (самъ артилеристъ) сказалъ— „хорошо, дражайшій; какъ-разъ въ завалъ!“—признаюсь, мнѣ было очень пріятно. Такъ артилерія, стрѣляя надъ головою движущейся колонны, очищала ей путь; но всему есть предѣлъ—и вѣрнымъ выстрѣламъ легкихъ орудій, къ сожалѣнію, не очень дальнимъ. Уже раза два корпусный командиръ говорилъ: „хорошо, очень хорошо! но будьте осторожныѣ.“ Наконецъ голова войскъ, движущихся въ гору, отошла ужъ довольно высоко; я обратился къ Алексѣю Александровичу: „боюсь своихъ задѣтъ, ваше превосходительство.“—Пора перестать! сказалъ онъ—и артилерійскіе выстрѣлы замолкли. Скоро голова колонны скрылась, но еще видна была нить штыковъ... наконецъ—одинъ арьергардъ... скрылся и тотъ...

Слава Богу! кончилась эта азартная стрѣльба! Ну, еслибы своихъ задѣли? И точно, намъ съ дальняго разстоянія казалось, что нѣкоторыя ядра ложились въ нашихъ рядахъ, особенно, когда подходили къ заваламъ—а это-то были лучшіе выстрѣлы, прямо въ завалы или въ толпы горцевъ, какъ завтра объяснилъ Вольховскій. Но до завтра еще далеко, и не-

вольное сомнѣніе, какъ бы спросъ у совѣсти—не пошалъ ли въ своего?—мимолетно пробѣгало въ мысляхъ до ночи, когда вѣстовой разбудилъ меня, сказавъ: „генераль требуетъ ваше высокоблагородіе.“ Въ мигъ надѣлъ сапоги, сюртукъ, накинулъ шашку и былъ у Вельяминаова.

— Вольховскій прислалъ людей. Орудія дѣйствительно найдены, но чеченцы бросили ихъ въ глубокой оврагъ; онъ проситъ канатовъ—есть у тебя?

— Какъ же, ваше превосходительство, есть оттяжной канатъ и коновязный.

— Такъ пошли, дражайшій, проворнѣе. Люди съ проводникомъ здѣсь; да посмотри, чтобъ они, не мѣшкая, отправлялись. Ну, поторопись!

Я ушелъ. Разбудили фельдфебеля Лонгинова, собрали канатъ, положили на дрючки—и посланные отправились обратно. Между тѣмъ я успѣлъ спросить, не тронули ли своихъ наши ядра?

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, своихъ не трогали, а чеченцевъ-таки побили, особенно въ завалахъ.

Отлегло на сердцѣ у Эдуарда Владиміровича; пошелъ я къ себѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ часа на два.

Утромъ смѣнили людей, занимавшихъ переправу чрезъ Аксай, заняли лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дороги и начали ожидать возвращенія отряда.

Генералы опять были близъ батарей. Вся окраина оврага усѣялась любопытными—все смотрѣли на лѣсистую вершину противоположной горы, на ту точку, откуда была видима спускающаяся дорога. Корпусный командиръ начиналъ выказывать нетерпѣніе.

— Ужъ девять часовъ! можно бы все кончить и выступить.

Алексѣй Александровичъ, подозвавъ меня, спрашиваетъ, скоро ли я далъ канаты и отправилъ людей.

— Какъ вышелъ отъ васъ, такъ, много, чрезъ полчаса команда съ проводникомъ спускалась уже къ Аксаю.

— Ну, такъ засвѣтло пришли и скоро покажутся.

— Чего бы съ ними не случилось, промолвилъ Григорій Владиміровичъ.

Еще прошло полчаса.

— Да теперь бы имъ пора справиться, сказалъ Алексѣй Александровичъ, котораго не столько безпокойство, сколько скучное нетерпѣніе всѣхъ окружающихъ тоже начинало шевелить. Только-что онъ сказалъ эти слова, какъ одинъ изъ офицеровъ, смотрѣвшихъ въ зрительную трубу, закричалъ: „идутъ, штыки блестятъ!“ И дѣйствительно, отрядъ генерала Вольховскаго показался, спускаясь съ горы. Вся масса народа, стоявшая на высотѣ, зашевелилась и заговорила.

— А что пушки притащатъ?

— А то, какъ? вѣстимо, притащатъ.

— А кто его знаетъ! можетъ, проклятые бусурманы ихъ дальше увезли.

— Куда дальше-то! вѣдь не въ снѣговья же?

— Да, вишь ты, у нихъ труппа-ать сколько.

— Да вы развѣ не слышали, что ночью присылалъ штабначальникъ за веревками и что отъ нашихъ пушекъ всѣ постройки забрали? Знать, у насъ въ рукахъ ужъ. Ну, вотъ, перевяжутъ и притащатъ. Глядь-ка вонъ какъ онѣ спускаются, и выстрѣловъ не слышно.

— Небось, безъ проводовъ не обойдется: народецъ великатный, учливый, всегда гостей провожаетъ. Вотъ дай только задамъ показаться, такъ увидишь проводы.

Между тѣмъ, какъ наши ребята толковали, разсуждали и глазѣли на спускающійся отрядъ, генералъ Вельяминовъ говоритъ мнѣ: „А ты, дражайшій, по вчерашнему—какъ будутъ насѣдять, такъ черезъ головы нашихъ.“

И было все по вчерашнему; только прицѣль, вчера все

подымавшійся, сегодня все опускался; били ядра мѣтко и крѣпко, не своихъ, а чеченцевъ. На поворотѣ дороги, въ полугорѣ, горцы бросились въ шашки на аріергардную цѣпь, но резервнымъ взводомъ к. Пикалова были отброшены. Два выстрѣла, одинъ за другимъ, были сдѣланы славно—оба ядра уцали какъ-разъ въ толпу отбѣгавшихъ чеченцевъ. Вельяминовъ громко похвалилъ: „хорошо, спасибо, г. офицеръ!“ Рѣдко бывало, чтобъ Алексѣй Александровичъ похвалилъ кого; оттого его „спасибо“ было прямою наградою, какъ и привѣтливыя слова Алексѣя Петровича Ермолова. Въ данномъ случаѣ—*хорошо* и *спасибо*—у него, кажется, вырвались невольно, какъ у артилериста.

Но вотъ проводы все слабѣютъ, только частые выстрѣлы изъ-за деревьевъ стараются вредить намъ и не оставляютъ насъ въ покоѣ, продолжая слѣдить за нами. Ужъ головной баталіонъ спустился къ рѣкѣ и перетаскиваетъ черезъ нее орудія, а перестрѣлка съ неотвязчивыми горцами все продолжается въ аріергардѣ; даже выстрѣлы ихъ участились. Вотъ опять кучи ихъ подбѣгаютъ къ аріергардной цѣпи, но наши орудія молчатъ. Вдругъ справа и слѣва отъ дороги открывается частый огонь въ ихъ толпы; съ крикомъ „ура,“ обѣ засады выскакиваютъ и колятъ, и гонятъ, и топчутъ...

Перестрѣлка кончилась. Тихо спускаются остальные войска къ рѣкѣ, а съ нашей стороны вся масса солдатъ, стоявшая на горѣ и глазѣвшая на возвращеніе отряда, бросилась къ рѣкѣ.

— Побѣжимъ, ребята! потащимъ родныхъ въ гору-то! закричалъ кто-то изъ толпы.

И побѣжали всѣ, и съ крикомъ, смѣхомъ, хохотомъ втащили на гору двѣ 6-ти-фунтовыя пушки, отнятыя обратно у горцевъ.

Артилеристы положили ихъ на запасныя лафеты, взятые съ собою, сдали опять гребенцамъ, и раздраженные орудія, на

новыхъ лафетахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ въ послѣдствіи мстили чеченцамъ за свой кратковременный плѣнъ.

Стоя у орудій, мы смотрѣли на пеструю картину происходившаго вокругъ насъ и вели немудренныя рѣчи. Видимъ, Вольховскій подходитъ къ Розену и Вельяминову, стоявшимъ невдалекѣ отъ батареи, доносить о благополучномъ возвращеніи отряда и объ исполненіи даннаго ему порученія. Его поздравляютъ. Баронъ видимо доволенъ, что его начальнику штаба посчастливилось; и Алексѣй Александровичъ доволенъ, что орудія возвращены, ибо по его мысли пошли въ Беной искать ихъ. Мы отправились обѣдать. Когда всѣ улеглись на буркахъ, Павелъ Бестужевъ и Вороновъ, молодые, веселые товарищи, говорятъ: „а, право, Эдуардъ Владиміровичъ, не дурно бы выпить шампанскаго за здоровье возвращенныхъ орудій.“ Серьезный Пикаловъ присоединился къ ихъ мнѣнію. Нечего было дѣлать, надобно было согласиться, и такъ какъ деньщикъ Афанасій объявилъ, что въ ящикѣ имѣется шампанское, то я приказалъ подать.

— Прежде чѣмъ сами выпьемъ, господа, пойдѣмъ да поздравимъ начальниковъ!

— Вишь, они все стоятъ у орудій и разговариваютъ, будто предчувствуютъ шампанское, смѣясь сказалъ Бестужевъ.

Сняли проволоку, отрѣзали снурокъ; придерживая пробку, я пошелъ къ кружку генераловъ, неся бутылку, а Афанасій — на подносѣ три стакана.

— Какъ артиллеристу, позвольте поздравить васъ съ возвращеніемъ орудій изъ плѣна.

— Откуда это у васъ шампанское, Бриммеръ? спросилъ Розенъ.

— Изъ контрабанднаго ящика, отвѣтилъ Вельяминовъ.

Я налилъ три стакана и поднесъ по старшинству. Вельяминовъ, взявъ свой стаканъ, обратился къ Вольховскому: „Поздравляю васъ съ возвращеніемъ намъ орудій!“ Розенъ, по-

здравивъ также, говоритъ: „налейте же и себѣ, Бриммеръ,“ что я и исполнилъ, поздравивъ ихъ всѣхъ. Тогда Григорій Владиміровичъ промолвилъ: „конечно, здѣсь въ горахъ пьютъ въ первый разъ шампанское.“

На другой день рано утромъ отрядъ двинулся въ обратный путь. До Белгатая мы шли тою же дорогою; проходя Дарго, впоследствии резиденцію Шамиля, генераль Вельяминовъ приказалъ разорить его, что не обошлось безъ сильной перестрѣлки. По извѣстіямъ отъ лазутчиковъ, чеченцы, воображая, что мы пойдемъ старою дорогою, совершенно испортили оную и вездѣ подѣлали завалы; но мы изъ Белгатая повернули направо и пошли по лѣвому берегу р. Аксая, по теченію ея, и на другой день поздно вышли на кумыкскую плоскость у Герзель-аула. Это обратное слѣдованіе было менѣе безпкойно, хотя трескотня перестрѣлокъ слышалась не только въ арьергардѣ, но и въ боковыхъ цѣпяхъ. Все тотъ же густой, разросшійся лѣсъ съ прогалинами и рѣдкими полянами, все тѣ же крутые и высокіе подъемы и спуски съ горъ. На половинѣ дороги, у аула, собравшіеся чеченцы крѣпко понасѣли на насъ, выбравъ мѣстность, гдѣ дорога поднималась на довольно крутую, лѣсистую гору. Во время движенія два легкихъ орудія Бестужева шли при головномъ баталіонѣ, а два легкихъ Пикалова и два горныхъ Воронова—при арьергардномъ баталіонѣ. Я былъ всегда при арьергардной цѣпи, гдѣ удерживалъ то тѣ, то другія два орудія на ровныхъ мѣстахъ, отходя съ цѣпью; другія же два отходили съ баталіономъ, занимали удобную позицію, снимались съ передковъ и ожидали, а бывшія съ цѣпью проходили мимо и опять сзади занимали позицію. Такъ было и тутъ. Когда мы стали приближаться къ горѣ, постоянно провожаемые все увеличивавшимися толпами чеченцевъ, и прошли довольно широкую поляну, то чтобы не напирать на арбы, тянувшіяся въ гору съ ранеными, баталіонный командиръ приказалъ остановиться у подъ-

ема. Цѣпь застрѣльщиковъ прилегла на полянѣ; резервы ея и четыре орудія стали въ лѣсу, прикрываясь кустарникомъ. Я приказалъ сняться съ передковъ и зарядить картечью. Сзади насъ находился баталіонъ; у подошвы горы, напротивъ, на той сторонѣ поляны, въ лѣсу, остановились толпы чеченцевъ. Ширина поляны была сажень въ полтора; цѣпь лежала передъ нами саженьхъ въ пятидесяти. Такъ простояли мы съ полчаса. Когда дорога сзади насъ очистилась и баталіонный командиръ приказалъ двигаться, я просилъ его, чтобы цѣпь быстро отбѣжала въ лѣсъ, увѣренный, что чеченцы бросятся за нами въ шашки. Такъ и случилось. Едва только наша цѣпь поднялась и побѣжала къ лѣсу, какъ чеченцы съ гикомъ и дикимъ визгомъ, шашки наголо, выбѣжали на поляну. Пышало нѣсколько выстрѣловъ. Я далъ имъ выбѣжать на середину—картечь изъ легкаго орудія ударила, за нею другая. Они остановились—въ нихъ полетѣла картечь изъ горнаго единорога. Нѣсколько отвѣтныхъ выстрѣловъ.... Пикалова ранило въ руку. Чеченцы бросились назадъ, нѣкоторыхъ утащили съ собою, многихъ оставили на мѣстѣ.

Легкія орудія, каждое послѣ своего выстрѣла, брали на передки и отходили, съ приказаніемъ въ возможномъ мѣстѣ занять позицію. Несмотря на полученный урокъ, горцы не оставили еще насъ въ покоѣ; хорошо, что по крайней мѣрѣ безъ потерь мы прошли по дорогѣ почти съ версту, гдѣ два легкихъ орудія стояли уже на позиціи. Но только-что цѣпь дошла до орудій, какъ опять должна была обернуться, и опять перестрѣлка возобновилась. Горныя орудія уже прошли мимо легкихъ, продолжая съ ротою пѣхоты тянуться въ гору, какъ генералъ Вельяминовъ, направляясь къ арьергарду, приказалъ имъ вернуться. Дѣло не легкое—въ лѣсу, по едва проложенной тропѣ, идущей въ гору, обернуть орудія съ выносомъ; особенно это досадно, если напрасно. Услышавъ пушечные выстрѣлы, генералы вообразили, что баталія въ самомъ разгарѣ.

Подъѣхавъ къ легкимъ орудіямъ и видя, что идетъ только обыкновенная перестрѣлка, Вельяминовъ спрашиваетъ меня, зачѣмъ стрѣляли такъ часто изъ орудій? Я рассказалъ и прибавилъ: „теперь угомонились, можно слѣдовать.“ Вельяминовъ, молча смотрѣлъ въ лѣсъ; ясно было, что онъ желалъ увидѣть гдѣ нибудь толпу, чтобы недаромъ пріѣхать, но только толпы нигдѣ не было. Онъ постоялъ еще немного, потомъ велѣлъ ударить въ лѣсъ картечью и отходить. Будетъ ли понятна моя досада, когда генералъ вернулъ орудія? Каюсь, я обидѣлся. Я видѣлъ въ этомъ вмѣшательствѣ признакъ недовѣрія: онъ зналъ и баталіоннаго командира, и баталіонъ, и артиллеристовъ, и меня; зналъ, что мы всѣ сдѣлаемъ свое дѣло—и сдѣлали его. Еслибы генералъ остановилъ горныя орудія и, пріѣхавъ въ арьергардъ, распросилъ и разсмотрѣлъ, что дѣлается—было бы очень пріятно; но вернуть орудія?... признакъ недовѣрія къ моему распоряженію.... И напрасно! Я былъ не въ духѣ, каюсь!

На другой день чеченцы провожали насъ стрѣльбою изъ чащи лѣса, стрѣляли и съ деревьевъ; случались мелкіе натиски, но крѣпкихъ схватокъ не было; раненыхъ же было вдоволь. Такъ пришли мы въ Герзель-аулъ. Проходя вечеромъ мимо кибитки Вельяминова, предъ которою онъ сидѣлъ на барабанѣ и грѣлъ руки у разложеннаго костра, я поклонился ему.

— Здравствуй, дражайшій!

Я подошелъ.

— Имѣю тебѣ объявить пріятное извѣстіе: получено свѣденіе, что вчера въ арьергардѣ горцы имѣли большую потерю—33 убитыхъ и много раненыхъ, все отъ картечи.

Видите вы эту чистую, прямую, умную душу нашего славнаго Вельяминова? Онъ, подмѣтивъ, что я былъ не въ духѣ вчера, хотѣлъ мнѣ сообщить пріятное извѣстіе. Какъ не уважать, какъ не любить такихъ начальниковъ?

Тутъ мы нашли нашъ вагенбургъ, т. е. всѣ удобства лагерной жизни: спали въ палаткахъ, обѣдали и ужинали въ свое время и могли выспаться. Когда же отсюда отправили на линію раненыхъ, мы, дня три отдохнувши, уже начали скучать, что не слышимъ свиста чеченскихъ пуль. Правду говорятъ, что все въ свое время хорошо. Въ Ичкеріи этотъ вѣчный, днемъ и ночью, свистъ пуль, это безпрестанное безпокойство, особенно на комъ лежитъ отвѣтственность, утомляли человѣка, и, какъ ни любили мы ходить по горамъ, эта напряженность силъ наскучала.

ХІІ.

Горная экспедиція въ Салатавію и Гимры. Старые знакомые. Кумыкское семейство. Салатавцы покорены. Пешкешъ. Гимры. Каранайскій спускъ. Отдыхъ. Начальство между собою. Поѣздка черезъ каранайскій хребетъ. Своеобычность твердаго характера или хоть и безъ нужды, да сдѣлай. Еще разговоръ. Медикъ. Прогулка за цѣпь. Обратное шествіе. Молодежь. Совѣщаніе. Глазь-на-глазь съ корпуснымъ командиромъ. А невзгода по пятамъ. Объясненіе. Взятіе завала и селенія Гимры. Еще разговоръ. Фейерверкъ. Обратный походъ въ Грузію. Тифлисскія бани. Заговоръ. Дерись и трудись.

Движеніе наше въ Салатавію было уже прогулкою. Ни вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ, ни высокихъ горъ, ни свиста пуль. Въ Андреевой деревнѣ жители встрѣтили корпуснаго командира съ покорностью. Онъ осматривалъ Внезапную крѣпость, офицеры и солдаты ходили по базарамъ, пили одуряющую бузу, лакомились лавашами и фруктами, и всѣ были довольны и веселы. Я также пошелъ пошататься по знакомому аулу и хотѣлъ навѣстить знакомую семью, гдѣ двѣ сестрицы сшили мнѣ канаусовый голубой архалукъ въ 1825 году. Прошло семь лѣтъ—найду ли я ихъ? узнаютъ ли меня? Войдя во дворъ, я встрѣтилъ хозяина, отца моихъ маленькихъ швей. Кумыкъ поклонился, но не узналъ меня. Когда я поздоровался

съ нимъ и назвалъ его по имени, онъ пристально посмотрѣлъ на меня, вдругъ подошелъ близко, взялъ меня за руку, повеселѣлъ и, крикнувъ— „кунакъ, кардашъ!“—повелъ меня въ саклю. Мать и одна дочь, сидѣвшія на тахтѣ, поклонились, сказавъ съ веселою улыбкою: „топчи-офицеръ.“ Кумыкъ, вѣроятно, чтобы удостовѣрить меня, что онъ помнитъ время нашего знакомства, спросилъ: „а гдѣ Ермолу?“—онъ говорилъ немного порусски. Я отвѣтилъ ему, что генералъ Ермоловъ живетъ въ Москвѣ и здоровъ. „О! человекъ былъ Ермолу! Видѣлъ Розенъ—хорошъ человекъ, но не Ермолу!...“ Я спросилъ, гдѣ младшая дочь.—„Мужъ взялъ.“ Посмотрѣвъ на старшую дочь, которая немного поблекла—ей теперь было 26 лѣтъ—и сказавъ имъ дружеское привѣтствіе, я распрощался съ добрымъ кумыкскимъ семействомъ. Кумыкъ проводилъ меня, погулялъ со мною по базару и мы простились. 17 лѣтъ спустя, когда я былъ начальникомъ артилеріи кавказскаго отдѣльнаго корпуса, въ первый объѣздъ мой, имѣя порученіе главнокомандующаго осмотрѣть и гарнизонную артилерію, я былъ опять во Внезапной и опять пожелалъ видѣть моихъ знакомыхъ. Въ сомнѣніи, найду ли ихъ саклю, я взялъ съ собою переводчика, кумыка изъ Андреевой деревни, а комендантъ упробилъ взять и казака. Въ саклѣ нашли мы старика, лѣтъ за 60 слишкомъ, женщину лѣтъ около 40-ка, парня лѣтъ 18-ти и очень красивую дѣвушку, лѣтъ 16-ти, какъ распутившійся розанчикъ.

— Ты не туда привелъ меня—я никого здѣсь не знаю, хотя дворъ и сакля мнѣ знакомы.

— Нѣтъ, генералъ, это твой кумыкъ, это его дочь, а это ея дѣти,—и началъ говорить покумыкски съ хозяиномъ.

Всматриваясь въ этого дряхлаго, худого старика, я съ трудомъ узналъ въ немъ моего стараго знакома. И онъ въ пріѣздѣ генералѣ не узналъ молодого, веселаго топчи-офицера... Вотъ что мнѣ рассказали. Жена его и старшая дочь

померли лѣтъ пять тому назадъ; это погнуло старика и онъ сталъ хилѣть. Видя одиночество отца, младшая дочь перешла съ семействомъ жить къ нему, но вскорѣ потеряла мужа, и теперь вдова съ двумя дѣтьми и старикъ-дѣдъ составляютъ всю семью. Я напомнилъ матери, что 24 года тому назадъ она шила съ сестрой архалукъ молодому топчи-офицеру. Она засмѣялась и сказала, что помнитъ и что ей было жаль, что не видѣла меня, когда я приходилъ навѣстить ихъ.

— Теперь у тебя дочь такъ же хороша, какъ ты была, когда я въ первый разъ познакомился съ вами.

— О, она дитя еще!

Мать забыла, что въ лѣта дочери своей она не считала себя, да и не была ужъ ребенкомъ.... Уходя изъ этого дома, мнѣ немного сгрустнулось, видя какъ одно поколѣніе замѣняетъ другое, какъ молодые вытѣсняють старшихъ!

Кумычки выходя изъ дома, надѣваютъ чадры (синія съ полосками покрывала, закрывающія женщину отъ головы до пятокъ, съ дырками, прорѣзанными для глазъ), но дома не стѣсняются, показываются и чужому человѣку. Онѣ статны, какъ и всѣ горянки, и очень хороши собою. Вообще кумыки народъ добрый, не то что сосѣди ихъ, ауховцы и чеченцы.

Изъ Андреевой деревни мы пошли въ Салатавію; всѣ ожидали и тамъ встрѣчь съ горцами, полагали, что знакомство съ этою мѣстностью не пройдетъ безъ схватокъ. Но салатавцы, хотъ всегда поразбойничать не прочь, видя жестокое наказаніе чеченцевъ и ичкерійцевъ, благоразумно порѣшили преклонить покорныя головы предъ русскими штыками, чтобы не накликать на себя картечныхъ выстрѣловъ и раззоренія своей, Аллахомъ благословенной страны, полной сочныхъ виноградныхъ гроздьевъ. Прійдя къ с. Міатлы (гдѣ лучшій виноградъ), на р. Сулакѣ, мы нашли уже тамъ всѣхъ старшинъ, прибывшихъ къ корпусному командиру изъявить свою совершенную покорность, просить помилованія и забвенія всѣхъ

прошлыхъ прегрѣшеній. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.... Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ сказалъ имъ, что на этотъ разъ прощаетъ, но если впередъ хоть одинъ салатавецъ будетъ съ Кази-муллою, то генераль Вельяминовъ ихъ строго накажетъ и раззоритъ всю страну. Старшины невольно посмотрѣли на Алексѣя Александровича, давно имъ знакомаго, еще съ ермоловскихъ временъ, и холодно-спокойное лицо его убѣдило ихъ въ правдѣ словъ Розена. Все это привелось мнѣ видѣть и слышать, потому что моя рота въ лагерномъ расположеніи всегда становилась въ серединѣ первой линіи, а въ серединѣ второй располагался штабъ корпуснаго командира, и его палатка разбивалась всегда за моею, въ приличномъ отдаленіи; правѣе становился Вельяминовъ со своимъ штабомъ, лѣвѣе палатки корпуснаго командира, также въ приличномъ разстояніи—начальникъ штаба со своимъ причтомъ, а подлѣ него, пріѣхавшій въ отрядъ начальникъ артилеріи, г. Жуковскій, котораго мы застали въ Герзель-аулѣ. Старшины, услышавъ милостивое слово, просили принять отъ нихъ пешкешъ (подарокъ), состоявшій изъ нѣсколькихъ аробъ винограда, уложеннаго въ корзины. Надобно сказать, что не принять отъ горца пешкешъ, значитъ его обидѣть. Въ с. Міатлахъ лучшій виноградъ. Баронъ Розенъ приказалъ раздать виноградъ въ войска гг. офицерамъ и, увидѣвъ меня, прибавилъ: „И артилерію не забудьте. Ну, да вотъ, Бриммеръ, прикажите взять одну арбу въ вашу роту,“ и засмѣялся. Арбу въ мигъ оттащили къ ротѣ. Мы для себя наложили тарелки двѣ, по корзинѣ отдали въ каждый взводъ, а прочее послали къ другимъ артилеристамъ. Удивительно сочный виноградъ, большой, тяжелый, формы кувшина, очень вкусный, но для винодѣлія негодный.

Съѣвши міатлинскій виноградъ, отрядъ потянулся въ бывшія владѣнія шамхала и остановился лагеремъ на р. Озенѣ, невдалекѣ отъ вновь строящейся штабъ-квартиры пѣхотнаго полка на урочищѣ Темиръ-ханъ-Шура. Отсюда Григорій Вла-

диміровичъ Розенъ хотѣлъ посѣтить койсубулинцевъ и отыскать Кази-муллу въ его притонѣ, въ с. Гимры. Селеніе это лежитъ по ту сторону каранайскаго хребта, въ верховьяхъ р. Аварскаго-Койсу, которая на плоскости принимаетъ названіе Сулакъ. Въ немъ жилъ пророкъ мюридизма, руководитель, совѣтникъ и глава возставшихъ горцевъ, стяжавшій уже между ними славу счастливаго въ набѣгахъ вождя. Къ этому притону вела тропа черезъ высокій каранайскій хребетъ. По сѣверному склону отъ насъ подъемъ шелъ верстъ на пять, изъ коихъ большая половина вела круто въ гору и выходила на горную поляну, гдѣ впоследствии стоялъ Московскій полкъ; отсюда извилистая тропа чрезвычайно круто спускалась верстъ шесть на неровную, холмистую площадь, на которой потомъ генералъ Вельяминовъ расположилъ свой отрядъ. Затѣмъ дорога шла, все спускаясь, но уже отложе, версты двѣ до поворота направо, гдѣ былъ горцами сдѣланъ завалъ; отъ завала, съ версту или немного болѣе, она шла вправо, къ с. Гимры, лежащему при подошвѣ отвѣсной скалы, на вершинѣ которой была поляна, гдѣ стоялъ отрядъ Вельяминова. Прежде чѣмъ спуститься съ отрядомъ въ такую трущобу, надобно было разработать дорогу, почему и было рѣшено—генералу Вельяминову, съ пѣхотою, спуститься на площадь и оттуда начать разработку, по мѣрѣ возможности. Погода стояла прекрасная, какъ всегда осенью на Востокѣ; но все-таки времени терять было нельзя, и чрезъ два дня рабочій отрядъ отправился на каранайскій хребетъ.

Во время отдыха я съ офицерами ѣздилъ смотрѣть на строящуюся штабъ-квартиру. Много играли въ шахматы и славно спали. Разъ Григорій Владиміровичъ, прохаживаясь передъ своею кибиткою, заглянулъ ко мнѣ въ окно и, увидя, что мы играемъ въ шахматы, вошелъ въ палатку посмотрѣть на игру. Каждый вечеръ, по пробитіи повѣстки, спускали передъ батарею или три ракеты, или лусткугели, или жаво-

ронковъ, но оканчивалось всегда ракетой, по которой били вечернюю зарю. И всякій разъ за каждой штукой смѣхъ, говоръ и шумъ солдатъ всего лагеря показывали удовольствіе ихъ, за что Григорій Владиміровичъ часто благодарилъ меня. Дѣлу не мѣшало бездѣлье, а бездѣлье это оказывалось выгоднымъ для всѣхъ: артиллеристы мои были заняты, начальство довольно, солдаты всякій вечеръ забавлялись и смѣху было вдоволь, особенно когда жаворонки, вертясь съ громкимъ жужжаньемъ, подымались высоко; я же радовался, что могъ сдѣлать пріятное нашей военной семьѣ.

Объ отношеніяхъ нашихъ трехъ дѣятелей между собою скажу слова два, какъ я ихъ понималъ, и, кажется, безошибочно. Баронъ Григорій Владиміровичъ Розень, заслуженный генералъ, всѣми уважаемый, храбрый, какъ нѣмцы выражаются—ein Degenknopf—честный, умный, принявъ начальство совсѣмъ не зная Кавказа, конечно желалъ найти человѣка, который бы могъ быть ему полезенъ, и счастье послужило его желанію, давъ сотрудника въ генералѣ Вельяминовѣ. Алексѣй Александровичъ, человѣкъ высокаго ума, честный въ полномъ смыслѣ этого слова, хладнокровный до ничѣмъ невозмутимаго спокойствія, бывшій начальникъ штаба Ермолова, не только сотрудникъ, но другъ его, дѣлавшій съ нимъ и отдѣльно поручаемыя ему экспедиціи, занимавшійся съ Алексѣемъ Петровичемъ и гражданскими дѣлами, знавшій край, какъ свои пять пальцевъ,—конечно могъ быть полезнымъ помощникомъ Розену. Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, воспитанникъ царско-сельскаго лицея, образованный, честный, умный, бывшій оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ Розена во время польской кампаніи 1831 года, пользовался полною его довѣренностью. Оберегая эту довѣренность, какъ свою собственность, онъ ревниво глядѣлъ на всѣхъ приближенныхъ къ корпусному командиру, опасаясь, чтобы расположеніе къ другому лицу не умалило его значенія. Вольховскій былъ умный честолюбецъ. Каза-

лось бы, между такими людьми никогда не пробѣжить черная кошка, а все-таки гармонія нарушалась, невидимо для всѣхъ, не въ ущербъ государственнаго дѣла—нѣтъ! что надобно было дѣлать, то дѣлалось, и дѣлалось дѣльно и хорошо—но нарушавшаяся гармонія вредила душевному расположенію, привѣтливимъ отношеніямъ и, можетъ быть, подчиненнымъ. По приѣздѣ въ отрядъ, баронъ Розенъ отдалъ въ приказѣ, что генералъ Вельяминовъ командуетъ всѣми войсками отряда. Никакое предпріятіе, никакое движеніе не было сдѣлано безъ совѣта Алексѣя Александровича. Розенъ былъ къ нему чрезвычайно внимателенъ. Вельяминовъ умѣлъ цѣнить это и, сколько могъ, сдерживалъ сродную его характеру своеобразность; а своеобразенъ, оригиналенъ былъ онъ во многомъ. Эта сторона характера иногда невольно задѣвала старшаго начальника, но у такихъ благородныхъ людей эти минутныя неудовольствія никогда не разрастались значительно, въ особенности, когда окружающіе генерала Розена старались ихъ тушить. Расскажу ничтожный случай, который, по моей къ нему прикосновенности, могъ лично замѣтить. Когда мы обложили с. Герменчукъ, генералъ Вельяминовъ приказалъ артилеріи открыть огонь по аулу, чтобы, подготовивъ атаку огнемъ, двинуть пѣхоту. Невдалекѣ отъ моей батареи онъ сѣлъ на барабанъ, велѣлъ подать завтракъ и смотрѣлъ на направленіе выстрѣловъ. Стрѣльба продолжалась минутъ 20. Штабъ Вельяминова завтракалъ. Розенъ, стоявшій въ отдаленіи отъ Алексѣя Александровича и не ожидавшій такой продолжительной бомбардировки, началъ терять терпѣніе и послалъ генерала Вольховскаго спросить Вельяминова, не пора ли двинуть пѣхоту? Тотъ отвѣчалъ, что рано, и послалъ, въ свою очередь, ко мнѣ офицера, чтобы я направилъ выстрѣлы въ другую часть аула... а самъ продолжаетъ завтракать. Въ это самое время знакомый мнѣ офицеръ изъ корпуснаго штаба, проѣзжая мимо моей батареи, спрашиваетъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, да скоро ли вы пе-

рестанете стрѣлять? Баронъ ужъ начинаетъ сердиться.“ Когда начальникъ штаба вернулся къ корпусному командиру съ лаконическимъ отвѣтомъ— „еще рано“—и прибавилъ, что Алексѣй Александровичъ завтракаетъ, то, конечно, это не могло быть пріятно Розену. А между тѣмъ стрѣльба, продолжавшаяся, правда, съ полчаса, была рѣдкая, хорошо и дѣльно направляема и по возможности выгоняла изъ аула чеченцевъ, облегчая пѣхотѣ штыковую работу. Такіе случаи во время экспедиціи могли встрѣчаться часто, ибо генералъ Вельяминовъ распоряжался самостоятельно. Генералу же Вольховскому, какъ начальнику штаба, приближенному и довѣренному лицу, не могло быть пріятно постоянное уваженіе, оказываемое Розеномъ къ словамъ и предложеніямъ Вельяминова. И вотъ почему между умными и благородными людьми тоже пробѣгаетъ черная кошка. Какъ человекъ ни умно мыслить и рассуждаетъ, но дѣйствуетъ почти всегда по характеру.

Уже нѣсколько дней, какъ рабочій отрядъ ушелъ для обработки каранайскаго спуска, а отъ Вельяминова не было никакихъ извѣстій. Опять своеобразность: напишу-дескать, когда будетъ готово. Но неполученіе извѣстій породило нетерпѣніе, и начальникъ штаба предложилъ съѣздить посмотреть, что тамъ дѣлается? Корпусный командиръ согласился. Утромъ рано Вольховскій, выходя отъ Розена, видитъ меня, прохаживающагося предъ палаткой съ трубкой во рту и прихлебывающаго чай, стоящій на барабанѣ; онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Я сейчасъ ѣду въ отрядъ Алексѣя Александровича посмотреть дорогу; не хотите ли со мною проѣхать?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

Осѣдлали Лоова и мы поѣхали. На вершинѣ каранайскаго хребта мы нашли баталіоны Московскаго пѣхотнаго полка, у командира котораго, п. Щеголева, легко позавтракали и отдохнули. Помню его горячіе, вкусные пирожки съ бараниной, лукомъ и перцомъ, и съ благодарностью вспоминаю стаканъ

горячаго чая, ибо на горѣ былъ морозъ, костры горѣли день и ночь, часовыхъ смѣняли каждые полчаса. При разставаніи онъ снабдилъ каждого изъ насъ посошками, заостренными съ одного конца, такъ какъ спускаться къ отряду, верстъ пять, надо было пѣшкомъ. Съ Вольховскимъ было два штабныхъ офицера и 10 казаковъ. Труденъ былъ путь. Крутая тропа съ каранайскаго хребта шла, спускаясь большею частью около обрыва; въ началѣ спуска рѣдкій лѣсъ слѣва становился все гуще и гуще; уширяя эту тропу, надо было обрубать шиферную гору. На высотѣ горы работа шла скоро, ибо крутизна была незначительна, но тамъ, гдѣ склонъ горы былъ отложе, при соединеніи съ скалистымъ обрывомъ, тамъ приходилось обрубать значительный уголъ, чтобы уширить дорогу, а это было слишкомъ версты четыре. Отбитый такимъ образомъ шиферъ оставался на дорогѣ, уравнивая оную; ширина же продѣланной дороги была меньше сажени. Не вездѣ дорога шла возлѣ обрыва, но очень часто приближалась къ нему совершенно и шла сажень до 20-ти и болѣе близъ онаго, спускаясь чрезвычайно круто. Мы скользили по шиферу и, несмотря на то, что у всякаго была палка для упора, нерѣдко падали. Лошади также скользили и, часто садясь на зады, роняли казаковъ. Слишкомъ два часа ходьбы употребили мы, чтобы спуститься къ отряду.

Когда мы пріѣхали къ Алексѣю Александровичу, онъ, поговоривъ съ генераломъ Вольховскимъ, обращается ко мнѣ:

— Здравствуй, дражайшій; мнѣ пріятно, что ты пріѣхалъ — я для твоей батареи мѣстечко отвелъ, откуда ей дѣйствовать.

— Благодарю, ваше превосходительство.

— Ольшевскій, пошли когонибудь съ Бриммеромъ, чтобъ указали мѣсто его батареи.

Полковникъ Ольшевскій, довѣренное лицо генерала, далъ мнѣ офицера и мы пошли. Чтожъ я вижу? Привелъ меня

офицеръ къ скалѣ, у которой лопатой проведенная борозда означала мѣсто батареи, и говоритъ: „здѣсь внизу Гимры; вѣроятно, будете стрѣлять въ селеніе.“ Гимры, лежащее вплоть подъ скалою, возвышающеюся надъ нею сажень до 50-ти, было частью видно. Я изумился, но, не сказавъ ни одного слова, пошелъ назадъ; мы разстались. Что же это, думаю я про себя, смѣется что ли Алексѣй Александровичъ надо мною? Для того ли спускать съ такихъ горъ по шиферу батарею, почти съ увѣренностью, что нѣсколько орудій упадутъ въ пропасть, чтобы съ отвѣсной скалы стрѣлять въ селеніе? Да это непонятно.... Однако, возвращаясь тихо въ лагерь, мысли мои мало-по-малу выпутывались отъ обуявшаго меня изумленія и я положительно сказалъ себѣ, что должно быть тутъ играетъ роль своеобразность Вельяминова. Генераль Панкратьевъ, дѣлавшій въ прошломъ году экспедицію въ нагорный Дагестанъ для наказанія разбойническихъ набѣговъ Кази-муллы, не пошелъ въ Гимры, по невозможности провезти артилерію. И вотъ Вельяминовъ думаетъ: „я же имъ докажу, что можно взять Гимры, и провезти артилерію можно!“ Гимры—продолжалъ я разсуждать про себя—пожалуй, можно взять, но артилерію-то спускать по шиферу, наваленному чуть не въ аршинъ толщины на дорогѣ—это другое дѣло; да потомъ ее вѣдь надо и втащить на горы по этому грунту. Нѣтъ, это не хорошо, это значитъ затруднить все дѣло... и все затѣмъ, чтобъ съ высокой скалы стрѣлять въ ея подножье. Нѣтъ, это не дѣло!.... Таковъ былъ ходъ мыслей моихъ при возвращеніи въ лагерь. Кончилъ тѣмъ, что надумалъ пойти къ Алексѣю Александровичу. Вельяминова я нашелъ одного, лежащимъ на кровати на спинѣ, обѣ руки подъ головой.

— Ну что, видѣлъ мѣсто для батареи?

— Видѣлъ ваше превосходительство; да въ кого же я стрѣлять буду съ этой отвѣсной скалы?

— Въ Гимры.

— Да вѣдь Гимры у подножья скалы, оно вѣ выстрѣловъ. Туда лучше просто бросать гранаты.

— Это твое дѣло, дражайшій; какъ знаешь, такъ и дѣлай.

— Если такъ, ваше превосходительство, то можно въ зарядныхъ сумахъ гранаты принести.

— А гдѣ ты столько зарядныхъ сумъ найдешь?

— Около пятидесяти можно собрать въ артилеріи.

Входитъ медикъ.

— Ну, ступай обѣдать.

У генерала Вельяминова отъ ходьбы со спуска болѣли тогда ноги и медикъ натиралъ ихъ муравьинымъ спиртомъ. Этотъ сухой, долговязый, черный эскулапъ отличался необыкновенною неловкостью какъ въ движеніяхъ и приемахъ, такъ и въ разговорахъ. Рассказывали, что, натирая генералу ноги, онъ полагалъ необходимымъ занимать его разговорами, и потому во время натиранія, всегда что нибудь болталъ. Холодный, молчаливый Вельяминовъ упретъ свои стеклянные глаза вверхъ кибитки и молчитъ, предоставляя ему разглагольствовать. Вотъ, разъ онъ хотѣлъ рассказать что-то о Наполеонѣ и началъ такъ свою фразу:

— Вы слышали, ваше превосходительство, что Наполеонъ былъ въ Россіи...

— Слышалъ, братецъ! оборвалъ его Вельяминовъ.

Во время обѣда у меня все вертѣлась въ головѣ позиція моей батареи. Только-что мы встали, я пошелъ по дорогѣ искать, нѣтъ ли другого мѣста и вообще посмотрѣть мѣстность впереди. На дорогѣ стоялъ полевой караулъ; я попросилъ офицера позволить мнѣ пройти немного за цѣпь; онъ далъ мнѣ двухъ солдатъ въ конвой и мы прошли сажень 200 за цѣпь. Тутъ одинъ изъ солдатъ сказалъ: „а вонъ тамъ, съ версту отсюда, заворотъ къ ихъ завалу.“ По всему протяженію не видно было ровнаго мѣста, гдѣ бы можно было поставить два орудія, а дорожка все спускалась до самаго поворота. Я вернулся. Ужъ

лошади были осѣдланы, и мы предприняли обратное путешествіе.

Когда мы ѣхали въ отрядъ и спускались по мелкому шиферу, поминутно скользя и падая, г. Вольховскій сказалъ, что съ такихъ горъ артилерію спускать невозможно. Я соглашался охотно относительно трудности спуска... но теперь, возвращаясь и увидавъ мѣстность, онъ положительно утверждалъ, что артилеріи браться не слѣдуетъ. „Видѣли вы, Эдуардъ Владиміровичъ, мѣсто, которое Алексѣй Александровичъ выбралъ для вашей батареи? Въ кого вы тамъ стрѣлять будете?“ — такъ велъ онъ разговоръ. Видя, что это ужъ ведетъ къ совершенному разнорѣчію съ Вельяминовымъ и зная теперь, что дѣло идетъ собственно о моей батарее, я считалъ неловкимъ для себя подтверждать замѣчанія, хотя бы и справедливыя, начальника штаба, а потому, соглашаясь въ трудности спуска, говорилъ, что, можетъ быть, впереди есть мѣста для позицій.

— Никакихъ нѣтъ, негдѣ поставить двухъ орудій. Когда вы пошли смотрѣть мѣсто для вашей батареи, я также пошелъ за цѣпь оглядѣть мѣстность впереди.

Итакъ, онъ сдѣлалъ прежде то, что я сдѣлалъ послѣ; но я смолчалъ. Вернувшись въ лагерь, я долженъ былъ рассказать все, что видѣлъ, офицерамъ. За чаемъ молодежь разсуждала и вкось, и впрямь; всѣмъ хотѣлось участвовать въ дѣлѣ, но всѣ вѣрили словамъ моимъ. Молодой Павелъ Бестужевъ болѣе всѣхъ ораторствовалъ и острилъ. Онъ предлагалъ посадить на дорогу весь отрядъ и такимъ образомъ спуститься прямо къ завалу; упавшіе, по неосторожности или изъ любопытства, въ пропасть составятъ особый обходный отрядъ, который вверхъ по Койсу зайдетъ въ тылъ завала и поставитъ лезгинъ между двухъ огней. Или: поставить передъ заваломъ демонстраціонный небольшой отрядъ; солдаты держать ружья на руку, офицеры впереди, сабли на голо, чтобы лезгины думали, что вотъ тотчасъ пойдутъ въ штыки; а между тѣмъ всему отряду

съ мѣста, гдѣ назначено быть нашей батареей, спрыгнуть съ отвѣсной скалы прямо въ Гимры, занять ее, учредить правленіе и потомъ идти въ тылъ завала. Въ это время демонстраціонному отряду, державшему ружья наготовѣ идти въ штыки, поставить ихъ къ ногѣмъ и, по командѣ, высовывать языки лезгинамъ. Волей-неволей они должны будутъ положить палецъ изумленія въ ротъ и сдаться. Во время такой болтовни у палатки показывается ординарецъ: „ваше высокоблагородіе, извольте идти къ корпусному командиру.“

Накинувъ шашку, я вышелъ изъ палатки, а шалунъ Бестужевъ мнѣ вслѣдъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, предложите мои проекты!“

Войдя въ ставку корпуснаго командира, я увидѣлъ его сидящимъ у столика; предъ нимъ сидѣлъ начальникъ артилеріи, Жуковскій; начальникъ штаба стоялъ. Я поклонился.

— Вы ѣздили съ Владиміромъ Дмитріевичемъ къ генералу Вельяминову?

— Ыздилъ, ваше высокопревосходительство.

— Какова дорога, то есть спускъ?

— Спускъ сдѣланъ и, кажется, дорога готова.

— Да, это я слышалъ; но артилерію спустить можно?

— Прикажутъ, такъ буду спускать, ваше высокопревосходительство.

— Это я знаю; да я спрашиваю васъ, можно ли артилерію спустить?

— Ваше высокопревосходительство, я другого отвѣта дать не могу.

Баронъ Розенъ, недовольный, посмотрѣлъ на меня; я глядѣлъ ему прямо въ лицо. Въ это время начальникъ артилеріи сказалъ:

— Отчего не спустить? на это есть канаты, люди поддерживать; надо только больше людей!

— Вы слышали, Степанъ Степановичъ, что на крутой

дорогѣ наваленъ шиферъ, по которому и просто идти людямъ трудно; когда же они будутъ удерживать скользящую тяжесть, не имѣя другого упора, какъ свои ноги на сыпучемъ шиферѣ, то съ орудіемъ полетятъ внизъ, а удержать его будутъ не въ силахъ безъ упора. Все это уже мы высказали; я только желалъ узнать мнѣніе подполковника, такъ какъ онъ видѣлъ дорогу и самъ артилеристъ.

Я поклонился.

— Подполковникъ Бриммеръ соглашался со мною, что артилерію спустить почти невозможно, замѣтилъ генералъ Вольховскій.

Корпусный командиръ вопросительно взглянулъ на меня.

— Дѣйствительно, спускъ съ горы труденъ, отвѣтилъ я.

Тутъ начальникъ артилеріи началъ говорить: „Есть разные средства для спуска артилеріи; можно....“

Я не могу, не хватаетъ духу передавать предложенія моего начальника-артилериста—до того они были непрактичны, чтобы не употребить болѣе рѣзкаго выраженія; я опустилъ глаза, чтобы не видѣть говорящаго, но не могъ не слышать. Вдругъ громкій голосъ корпуснаго командира прервалъ эту бессмыслицу: „Перестаньте, ваше превосходительство; все, что вы говорите, не идетъ къ дѣлу!“ и, посмотрѣвъ на меня, наклонилъ голову. Я поклонился и вышелъ. Офицеры, видя мою серьезную мину, не спрашивали, а ждали, не расскажу ли я самъ чего. Я сбросилъ шашку и сталъ набивать трубку. Бестужевъ не утерпѣлъ: „А что, Эдуардъ Владиміровичъ, приняли мои проекты?“ Офицеры захохотали. „Очень понравились, отвѣчалъ я шалуну, но корпусный командиръ желаетъ, чтобы вы показали на дѣлѣ, какъ, сидя, спускаться съ горы и какъ прыгать со скалы; я же вамъ совѣтую, сядясь на шиферъ, снять штаны, чтобы поберечь ихъ.“

Когда я раздѣвался, ложась спать, писарь, списывавшій ежедневно приказы въ корпусномъ штабѣ, принесъ мнѣ при-

казъ, въ коемъ я вычиталъ, что завтра отрядъ выступаетъ и съ нимъ идутъ только два горныхъ орудія, прикомандированныя къ моей батарее, коими завѣдывалъ п. Вороновъ. Долго не могъ я заснуть, перебирая въ головѣ все случившееся въ этотъ день съ ранняго утра до поздняго вечера, и результатомъ всѣхъ размышленій было то, что я навлекъ на себя неудовольствіе всѣхъ своихъ высшихъ начальниковъ. Кажется, было бы чѣмъ огорчиться, но я былъ спокоенъ, ибо дѣйствовалъ, какъ честный офицеръ. Генералу Вельяминову я высказалъ правду, что артилерію спустить почти невозможно безъ несчастныхъ случаевъ (онъ тогда не видѣлъ разработанной дороги съ наваленнымъ на нее шиферомъ), что для дѣйствія ея нѣтъ мѣста и что на обратномъ движеніи она, съ затрудненіемъ вытаскиваемая по такому крутому пятиверстному подъему, замедлитъ ходъ отряда; мнѣніе же генерала Вольховскаго о невозможности спустить артилерію не подтвердилъ предъ корпуснымъ командиромъ потому, что моею ротѣ предстояло идти. Кромѣ того я не хотѣлъ говорить противъ уважаемаго мною Алексѣя Александровича и показаться ищущимъ въ начальникѣ штаба.

Въ 7 часовъ утра было назначено выступленіе отряда. Вставъ, по обыкновенію, въ 6-мъ часу, я мылся, когда камердинеръ Григорія Владиміровича, не отворяя палатки, спросилъ:

— Можно войти?

— Войди.

— Баронъ проситъ, чтобы вы сейчасъ пришли къ нему.

Недомышлись, я утерся, надѣлъ галстукъ, сюртукъ, шашку, и черезъ минуту вхожу въ ставку корпуснаго командира.

— Здравствуйте, Бриммеръ. Вчера я видѣлъ, что вы не хотѣли высказать своего мнѣнія; я понялъ причину (онъ улыбнулся): надобно было говорить противъ себя, ибо ваша батарея назначалась къ походу. Но я желаю знать ваше мнѣніе — надобно ли брать артилерію? Безъ артилеріи....

— Ваше высокопревосходительство ужъ рѣшили вопросъ, приказавъ идти только двумъ горнымъ орудіямъ.

Онъ съ видимымъ неудовольствіемъ повернулъ голову.

— *Ecoutez colonel, je vous sais pour un honnête et brave officier; vous avez vû la route, ce n'est pas la première expédition que vous faites dans les montagnes, donc je vous demande: y a-t-il chance de succès sans artillerie? Nous sommes seul, parlez-moi franchement.*

— *Excellence! Vous me faites trop d'honneur, en me demandant mon opinion. Mais vous ordonnez et je vous le dirai franchement, comme vous me le demandez. Спускъ чрезвычайно труденъ, на всей дорогѣ наваленъ шиферъ; не думаю, чтобы обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Но, спустивъ артилерію, вамъ негдѣ будетъ ее употребить, развѣ, можетъ быть, передъ самымъ заваломъ одно или два орудія (поднявъ голову, я смотрѣлъ прямо въ глаза генералу). Развѣ для успѣха ужъ непременно необходима артилерія? Еще штыкъ не ослабѣлъ въ рукахъ кавказскаго солдата.*

Григорій Владиміровичъ перебилъ меня:

— *Благодарю васъ, Бриммеръ, благодарю; vous êtes un brave officier.*

— *Позвольте еще два слова, ваше высокопревосходительство. Взявъ артилерію, вамъ труднѣе будетъ поднять ее обратно на гору, чѣмъ взять Гимры. Что же касается до успѣха безъ артилеріи, какъ вы изволили спросить меня, то я напередъ имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство со взятіемъ Гимръ.*

Григорій Владиміровичъ улыбнулся, подалъ мнѣ руку и сказалъ — „благодарю васъ!“ съ такимъ веселымъ лицомъ, какъ будто Гимры ужъ были въ карманѣ.

Я вышелъ.

Увы! Когда я выходилъ изъ кибитки корпуснаго командира, г. Вольховскій выходилъ изъ своей палатки, чтобы ид-

ти къ нему. Онъ увидѣлъ откуда я иду и спросилъ: „вы отъ Григорія Владиміровича?“ я отвѣчалъ — „онъ ждетъ ваше превосходительство.“

Мое посѣщеніе корпуснаго командира въ такое раннее время показалось ему, ревнивому къ довѣренности барона, преступленіемъ противъ дисциплины, можетъ быть святотатствомъ, а главное—преступленіемъ de lèze Majesté противу его особы. Дойти до особы корпуснаго командира мимо него?... Не слыхано!

Тутъ можно сказать, что всякій человекъ судить другого по своимъ понятіямъ, вытекающимъ изъ его собственнаго характера. Вольховскій былъ благородный, честный, образованный генералъ, но когда онъ принесъ къ подписи корпуснаго командира представленіе о наградахъ и Григорій Владиміровичъ противъ меня хотѣлъ написать—къ слѣдующему чину, т. е. въ полковники, начальникъ штаба взялъ на себя сказать, что я еще молодъ и что это будетъ обидно артилеристамъ, коихъ я обгону. Молодъ! а я по службѣ былъ на два года старше его—я съ 1815, онъ съ 1817 года.

— Mais c'est un excellent officier, il faut l'avancer.

— Государю очень будетъ пріятно, если за военныя дѣла будутъ представлять къ Станиславу.

Въ 1832 году польскіе ордена Бѣлаго Орла и Станислава были присоединены къ императорскимъ россійскимъ орденамъ. Благородный Григорій Владиміровичъ имѣлъ несчастную въ начальникѣ слабость поддаваться настойчивымъ совѣтамъ ближнихъ, за что впоследствии и пострадалъ. Я, имѣвшій уже орденъ св. Анны 2-й ст., получилъ Станислава 3-й степени.

Нижеслѣдующія строки вполнѣ пояснятъ, почему Розень желалъ имѣть подтвердительное мнѣніе кавказскаго офицера—можетъ ли быть успѣхъ съ горцами безъ артилеріи, особенно въ такой трущобѣ какъ Гимры? Ему было непріятно идти противъ мнѣнія Вельяминова, котораго очень уважалъ, а потому,

уступивъ представленіямъ начальника штаба, онъ все-таки, какъ бы въ угоду Алексѣю Александровичу, приказалъ взять два горныхъ орудія.

Вотъ, что я слышалъ впоследствии. По утвержденіи Государемъ экспедиціи 1832 года, Розену слегка было написано, что предшественникъ его, г. Панкратьевъ, находитъ экспедицію въ Гимры невозможною, потому что нельзя взять съ собою артилеріи. Когда же, послѣ ичкеринскаго похода, курьеръ привезъ извѣстіе, что отрядъ идетъ въ Гимры, раззорить это разбойничье гнѣздо, Государь пожелалъ слышать еще разъ миѣніе г. Панкратьева, который будто бы сказалъ, что Розенъ пропадетъ, если пойдетъ въ Гимры, въ чемъ онъ впрочемъ сомнѣвается. Весьма вѣроятно, что барона Розена кто нибудь изъ Петербурга увѣдомилъ объ этомъ письмомъ, и онъ, въ сомнительномъ настроеніи духа, пожелалъ знать миѣніе кавказскаго офицера, видѣвшаго дорогу. Но не прошло и мѣсяца, какъ курьеръ привозитъ извѣстіе, что Гимры взяты и Казимулла, пророкъ и предводитель, убитъ. Государь, вѣзжая верхомъ на разводъ въ манежѣ, поздравилъ строй съ побѣдою и взятіемъ Гимръ; подѣхавъ же къ своему мѣсту и увидѣвъ между генераль-адъютантами Панкратьева, громко сказалъ ему: „Не сомнѣвайтесь болѣе—Гимры взяты, раззорены, и съ малою потерею.“

Соединенные отряды подошли къ завалу. Два горныхъ орудія, съ большими трудами спущенныя съ горы, начали стрѣльбу; потомъ бросили на заваль пѣхоту—пошла штыковая работа, крѣпкая, жестокая по отпору, но кончившаяся скоро. Горцы бѣжали, оставивъ убитыхъ, и между ними Казимуллу, пораженнаго гранатою; ихъ преслѣдовали по ровному мѣсту до Гимръ. Селеніе раззорили и войска возвратились въ лагерь. Только-что пришло извѣстіе въ лагерь, что Гимры взяты, много офицеровъ поѣхали туда.

Въ день возвращенія войскъ я былъ дежурнымъ по от-

ряду. Когда корпусный командиръ сходилъ съ коня передъ своею кибиткою, я отрапортовалъ о благосостояніи оставшихся войскъ и поздравилъ его съ побѣдою.

— Здравствуйте, Бриммеръ; ужъ вы меня поздравляли—сказалъ онъ, улыбнувшись—а зачѣмъ вы не пріѣхали въ Гимры? Знаю, знаю—оттого, что сами не участвовали.

Онъ посмотрѣлъ на меня и покачалъ головою. Я поклонился, потомъ пошелъ къ Вельяминову, который возвратился немного позже. Онъ принялъ рапортъ и не сказалъ ни слова.

Вечеромъ, послѣ зари, я пошелъ опять съ рапортомъ къ г. Вельяминову. Онъ былъ одинъ и, по своему обыкновенію, сидѣлъ на барабанѣ предъ разложеннымъ костромъ. Послѣ рапорта я спросилъ его:

— Ваше превосходительство, позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?

— Говори, дражайшій.

— Гимры взяты, дѣло кончено. Надобно ли было брать легкую артилерію или хорошо, что ее не взяли?

Онъ посмотрѣлъ на меня своими свѣтлыми, какъ бы стеклянными глазами. Мнѣ показалось, что неудовольствіе было написано на лицѣ его.

— Ваше превосходительство, не сердитесь на меня за этотъ вопросъ. Мнѣніе ваше все мы привыкли уважать, какъ непреложную правду; я не спрашиваю изъ любопытства—вѣдь моя же батарея была вами назначена идти.... и голосъ мой при послѣднихъ словахъ дрогнулъ.

Алексѣй Александровичъ посмотрѣлъ на меня. Лицо его приняло опять обычное спокойное выраженіе и мнѣ показалось, что едва замѣтная привѣтливая улыбка мелькнула на губахъ.

— Видишь ли, дражайшій: хорошо бы было имѣть два легкихъ орудія передъ заваломъ; можетъ быть, скорѣе покончили бы; но какъ безъ нихъ дѣло обошлось—то и такъ хорошо.

— Ну, отлегло отъ души, ваше превосходительство, сказалъ я, переводя духъ.

Привѣтливая улыбка ясне мелькнула на губахъ. Прийдя въ палатку, я и этотъ разговоръ набросилъ на бумагу. При холодномъ, ледяномъ характерѣ, генераль Вельяминовъ былъ все-таки добрый человекъ.

Надо же сказать два слова и о фейерверкѣ, который сжегъ я въ этомъ лагерѣ и который усугубилъ неудовольствіе на меня нашего начальника артилеріи. Трудно жить на свѣтѣ! Сдѣлаешь пріятное одному—разсердишь другого. Лабораторія моя на этой продолжительной стоянкѣ была въ полномъ ходу. Какъ я уже упомянулъ выше, ежедневно предъ зарею спускалось нѣсколько штукъ. Ракеты со звѣздками, лусткугели и жаворонки рѣшительно полюбились солдатамъ, и корпусный командиръ часто благодарилъ меня за веселый шумъ и хохотъ въ лагерѣ. Разъ приходитъ ко мнѣ баронъ Врангель, адъютантъ корпуснаго командира, и говоритъ, что они хотятъ устроить праздникъ въ день рожденія Григорія Владиміровича и просятъ—нельзя ли сдѣлать фейерверкъ.

— Ну, два дня сроку—времени не много; впрочемъ, что можно, то сдѣлаемъ; прошу только не быть взыскательнымъ.

И закипѣла работа.

На другой день передъ обѣдомъ прохаживавшійся передъ своею вибиткою генераль Вельяминовъ, увидѣвъ меня, зоветъ къ себѣ.

— Послушай, дражайшій, я слышалъ, ты затѣвасяшь фейерверкъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство! Господа просили; говорятъ, Григорія Владиміровича рожденіе хотятъ отпраздновать.

— Дѣло, братъ. А гдѣ же спускать будутъ? Я мѣста здѣсь не вижу.

— У рѣки, передъ батареею; орудія и ящики сдвину на-

право и налѣво, чтобы было больше простора. А ракеты будутъ спускать за рѣкой, и небольшой павильонъ тамъ же.

— Бураки будутъ?

— Будутъ, ваше превосходительство.

— А какъ сильны?

— Посредственные—въ 250 швермановъ и столько же звѣздокъ.

— Ну, дражайшій, сдѣлай-ка въ 1000 швермановъ и въ 1000 звѣздокъ. Только, видишь ли, чтобы быть увѣрену, что дѣйствительно столько будетъ, ты самъ сосчитай.

— Будьте увѣрены, что ровно по 1000 будетъ; спуцу за рѣкой послѣ павильона.

Только-что я сѣлъ обѣдать съ господами, какъ отъ начальника артилеріи приходитъ ординарецъ.

— Ваше высокоблагородіе, извольте къ начальнику артилеріи идти.

Озабоченный видъ угрюмага, некрасиваго человѣка съ толстыми, мясистыми и необыкновенно большими ушами не обѣщаль пріятнаго разговора.

— Вы на рожденіе корпуснаго командира хотите фейерверкъ спустить?

— Господа офицеры просили меня.

— А гдѣ будете спускать?

Я рассказалъ, что говорилъ Алексѣю Александровичу.

— Этого нельзя, можетъ взорвать ящикъ. Нельзя!

— Какъ же можетъ взорвать? Они закрыты, и притомъ я приму всѣ предосторожности.

— На батареѣ нельзя спускать фейерверка.

— Ракеты и бураки будутъ на той сторонѣ рѣки.

— Нѣтъ, нельзя!

— Въ такомъ случаѣ я скажу корпусному командиру и генералу Вельяминову, что ваше превосходительство находите это непозволительнымъ.

— Я вамъ позволенія не даю, а если что случится, вы будете отвѣчать и съ васъ строго взыщется.

Въ этомъ я былъ увѣренъ.... Я вышелъ.

Если на этомъ долженъ былъ кончиться разговоръ, то, кажется, лучше было бы вовсе и не разговаривать со мною.

За рѣкою очистили кустарникъ, вырубилъ пять-шесть деревьевъ и сдѣлали порядочную площадку. Спуски для павильонныхъ и одиночныхъ ракетъ устроили немного наклонно отъ батареи, такъ что всѣ хвосты падали въ лѣсъ. У подвижного провiантскаго магазина мои господа выпросили рогожные кули; ихъ расшили передъ спускомъ фейерверка, намочили и поврыли ими зарядные и передковые ящики; всѣ баклаги были съ водою, люди—насторожѣ. На той сторонѣ—маленькій павильонъ изъ 150-ти ракетъ и одиночныя для антрактовъ, кругъ изъ 7-ми малыхъ бураковъ, каждый въ 75 швермановъ и столько же звѣздокъ, а въ срединѣ круга—большой въ 1000 швермановъ и 1000 звѣздъ. Это былъ финалъ. На этой сторонѣ—лусткугели, жаворонки, помфейеры со звѣздками, а между орудiями—вертящееся колесо, сажень въ діаметрѣ, и около него двѣ вертящiяся пирамиды.

Григорій Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ и всѣ зрители стояли передъ кибиткою корпуснаго командира. Генералъ Вельяминовъ спросилъ меня: „ты самъ считалъ швермана?“, а начальникъ штаба—„а что, ничего не можетъ случиться? Степанъ Степановичъ ¹¹⁾ такъ озабоченъ, что жаль смотрѣть на него.“

Маленькій фейерверкъ удался совершенно, потому что гг. офицеры моей батареи, славная молодежь (Пикаловъ, Вороновъ и Бестужевъ), разобрали его для присмотра по частямъ. Григорій Владиміровичъ благодарилъ меня, Алексѣй Александровичъ, уходя, сказалъ: „а буракъ-то хорошъ былъ!“

Экспедиція кончилась, отрядъ распускался.

---

¹¹⁾ Г. Жуковскій.

Такъ какъ упавшій лѣтомъ завалъ на военно-грузинской дорогѣ еще не былъ совершенно очищенъ, то меня съ батареею и двумя баталіонами отправили черезъ Дагестанъ, Ширванъ, Елизаветполь на свои квартиры, въ Гомборы. Походъ былъ довольно трудный: переправа черезъ Самуръ, крайній недостатокъ сѣна по всему Дагестану, въ особенности въ бакинской провинціи, гдѣ его совсѣмъ не было возможности купить; потомъ приходилось колоть ледъ по дорогѣ отъ наступившихъ морозовъ, а частая ненастная погода заставляла непрестанно имѣть въ виду сбереженіе людей, поведеніемъ коихъ за всю кампанію я не могъ нахвалиться. Но всякій день щи съ бараниной, гдѣ можно было достать—тамъ съ говядиной, а при ненасти всегда чарка водки, сохранили моихъ молодцовъ. Одинъ крѣпко заболѣвшій, котораго я хотѣлъ оставить въ Шемахѣ, Христомъ-Богомъ просилъ не бросать его въ госпиталѣ, гдѣ, онъ думалъ, что непременно умретъ; поддался на просьбу, и лекарь позволилъ—взялъ съ собой; посадили въ крытую повозку, поили чаемъ—поправился.

Въ Шемахѣ К. Из. Вл—ло, командовавшій парочною батареею ротою, принялъ насъ попріятельски.

Дорога отъ ст. Коды въ Тифлисъ идетъ между р. Курою и горами, но съ версту отъ города есть площадка. Поставивъ кое-какъ артилерію съ обозомъ, поѣхалъ къ начальнику артилеріи, отъ него—прямо въ бани.

Какое наслажденіе, послѣ 7-ми-мѣсячной экспедиціи, лежать и протягиваться въ теплой мраморной ваннѣ! Когда ловкій грузинъ начинаетъ ломать размягченное тѣло—всѣ суставы хрустятъ; потомъ шерстяной тряпичею третъ тебѣ все тѣло—и вся нечистота осколками выходитъ наружу; окатить разъ-другой водою, и мыльною пѣною оканчиваетъ свою работу. Опять въ ванну! Всѣ движенія легче, и мысли веселѣе, и выходишь изъ бани, какъ оживленный. Но пора, надо торопиться—молодежь ждетъ, и она хочетъ наслаждаться.

Тутъ, въ Тифлисѣ, мы узнали о какомъ-то заговорѣ между грузинъ. Грузины заговорщики! Непонятно! Многихъ взяли, и между прочими г.-м. князя А. Чавчавадзе. Ну, если князя глупятъ, то добрый грузинскій народъ, право, не виновать.

На другой день, т. е. 15-го декабря, мы были у себя дома, въ ур. Гомборы. Оставшійся дивизионъ накопилъ сѣна и трудился по прочему хозяйству, но поправить ветхія мазанки, служившія казармами, былъ не силахъ. Итакъ, съ труднаго похода да за тяжелую работу! Къ счастью, погода стояла хорошая. Тутъ я положилъ себѣ непременно выстроить казармы, изъ сруба, чтобы послѣ похода солдатъ могъ усноковаться.

ХІІІ.

1833 ГОДЪ. Непріятности по службѣ. Штабъ-квартиры. Раздумье командира. Собственный взглядъ на службу, по характеру командировъ. Постройки. Жизнь въ Гомборахъ. Хозяйство. Собаки, козочки, журавль. Пчельникъ. Первое представленіе новому начальнику артилеріи. **1834 ГОДЪ.** Переформированіе артилеріи. Я—командиръ батареіной № 2 батареи. Сдача легкой батареи. Предсказаніе, исполнившееся прежде срока. Трудно командовать батареєю. И до сихъ поръ не разгадано. Баронъ съ семействомъ въ гостяхъ на Бѣломъ-Ключѣ. Еще фейерверкъ. Поплатился. Разговоръ съ начальникомъ артилеріи.

1833 годъ памятенъ мнѣ безпрестанными неприяностями по службѣ. Неудовольствіе начальника артилеріи, что генералъ Розенъ, при изложеніи имъ проекта о спускѣ артилеріи съ каранайскаго хребта, прервалъ его словами: „перестаньте, ваше превосходительство...“ пало на меня. Потомъ фейерверкъ на батареѣ, потомъ привѣтливость ко мнѣ корпуснаго командира и генерала Вельяминова, наконецъ мнѣніе мое о діоптрѣ г.-м. Шущерина, который Его Высочествомъ былъ присланъ ко мнѣ для испытанія во время экспедиціи и вот-

раго всё невыгоды я изложилъ, предложивъ исправить кабановскій діоптръ инымъ способомъ ¹²⁾). Можетъ быть, генералу Жуковскому не понравилось то, что подполковникъ смѣетъ разбирать и опровергать выдуманное генераломъ..... Однимъ словомъ вотъ всё причины къ неудовольствію на меня—другихъ за собою не знаю. Но такъ какъ въ нашей службѣ, особенно въ то время, начальникъ всегда придратся можетъ даже къ самому усердному офицеру, то и ко мнѣ придрались. Бригадный командиръ, видя, что онъ можетъ угодить начальнику, вмѣсто того, чтобы отстаивать подчиненнаго, старался мнѣ вредить. Однимъ словомъ, чтобы не марать воспоминаній моихъ длиннымъ изложеніемъ этихъ дразгъ, скажу коротко, что начальникъ артилеріи нашелъ три преступленія, за которыя меня должно было отдать подъ военный судъ, о чемъ и представилъ Генераль-Фельдцейхмейстеру, приложивъ и рапортъ мой къ бригадному командиру, въ коемъ я, излагая одно изъ взведенныхъ на меня дѣлъ, прибавилъ: „примѣнять же къ честному и достойному во всѣхъ отношеніяхъ артилерійскому офицеру постыдный артикуль воинскаго устава—непозволительно.“ Вотъ по какому случаю былъ написанъ этотъ рапортъ. Штабсъ-капитанъ П—тъ на ученьи своего взвода выговаривалъ за что-то солдату; тотъ оправдывался; П—въ ударилъ его въ плечо, сказавъ: „какъ ты смѣешь говорить во фронтѣ?“ Солдатъ въ отвѣтъ нагрубилъ ему. Узнавъ объ этомъ, я собралъ роту, сдѣлалъ офицеру строгій выговоръ, а Андреева тутъ же, передъ ротою, наказалъ 150-ю ударами розогъ. Такъ и кончилось это дѣло. Но на инспекторскомъ смотру бригадный командиръ, опрашивая претензіи, остановился передъ Андреевымъ и спрашиваетъ его: „ты жалобы никакой не имѣешь? если есть жалоба, говори!“ Тотъ молчитъ и думаетъ. Полковникъ стоитъ предъ нимъ и ждетъ. Наконецъ солдатъ

---

¹²⁾ Впоследствии принятый у насъ въ артилеріи и названный Бестужевскимъ. Все это изложено выше.

говорить, что его во фронтѣ офицеръ ударилъ. Послѣдовалъ рапортъ къ начальнику артилеріи. Приказано сдѣлать строжайшее слѣдствіе. Пошли таскать солдатъ командами и порознь къ бригадному командиру. Измучились солдаты, наскучило имъ это тасканье, взялись они за Андреева—кто пинка ему, кто зуботычину, кто въ рожу плюнетъ. Плачетъ, горемыка, самъ не радъ, что кашу заварилъ. По окончаніи слѣдствія мнѣ былъ выговоръ за безпорядки въ батареѣ и въ предписаніи этомъ сказано, что: „если впередъ ш.-к. П—въ дозволить себѣ ударить солдата, то будетъ отданъ подъ судъ, съ примѣненіемъ къ нему артикула воинскаго устава.“ Я рапортомъ протестовалъ.

Былъ октябрь мѣсяцъ. Я сказался больнымъ и, въ ожиданіи, чѣмъ все это кончится, подалъ въ отставку. Григорій Владиміровичъ приказалъ начальнику штаба узнать, зачѣмъ я выхожу въ отставку. Узнавъ отъ штабсъ-капитана П—ва, котораго онъ хорошо зналъ, въ чемъ дѣло, и что незаслуженныя непріятности, которымъ я подвергаюсь, нестерпимы, начальникъ штаба доложилъ о томъ корпусному командиру, который приказалъ отставку пріостановить до моего выздоровленія.

Между тѣмъ Его Высочество, получивъ рапортъ начальника артилеріи, препроводилъ его со всѣми приложеніями къ корпусному командиру, прибавивъ въ отзывѣ: „какъ этотъ штабъ-офицеръ лично мнѣ извѣстенъ, то прошу васъ удостовѣриться въ справедливости донесенія и если онъ дѣйствительно виноватъ, то строго взыскать съ него.“ Въ половинѣ ноября я получаю изъ Тифлиса съ нарочнымъ письмо, въ которомъ говорилось, что вслѣдъ за симъ получитъ предписаніе о выступленіи обѣихъ ротъ въ Тифлисъ для смотра корпуснаго командира. На другой день, точно, предписаніе было получено и въ немъ сказано: „выступить, съ полученіемъ сего.“ Обѣ роты немедленно пришли въ Тифлисъ. Я остался въ Гомборахъ, какъ больной;

а штабсъ-капитанъ П—въ представилъ роту. Корпусный командиръ былъ доволенъ исправностью и нашелъ, что лошади легкой роты (моей) въ лучшихъ тѣлахъ, чѣмъ батарейной (бригаднаго командира); вызывалъ людей, спрашивалъ не обижаютъ ли ихъ, все ли получаютъ, не отягощаютъ ли работами?—„Всѣмъ довольны“—былъ одинъ громкій крикъ. Потомъ онъ благодарилъ солдатъ за ихъ хорошую службу въ экспедиціи прошлаго года, остался весьма доволенъ исправностью роты и здоровымъ, веселымъ видомъ солдатъ; въ заключеніе же спросилъ штабсъ-капитана П—ва о моемъ здоровьи и прибавилъ: „скажите подполковнику Бриммеру, чтобы проворнѣе выздоравливалъ.“ Послѣ смотра корпусный командиръ донесъ Его Высочеству, что, вытребовавъ неожиданно объ роты въ зимнее время въ Тифлисъ, онъ нашелъ ихъ въ исправности; что, по изслѣдованіи имъ обвиненій на подполковника Бриммера, находить его во всемъ совершенно невиноватымъ, развѣ-что въ наказаніи солдата могъ быть менѣе строгъ, но наказаніе это солдатъ заслужилъ. Потомъ, упомянувъ о всей предыдущей службѣ моей, доносилъ, что если генераль Жуковскій останется на этомъ мѣстѣ, то несправедливостями и грубымъ обращеніемъ своимъ скоро разгонитъ всѣхъ хорошихъ офицеровъ, а потому просилъ о смѣнѣ его и о назначеніи другого начальника артилеріи.

Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи генераль-маіоръ Козляниновъ.

Отправивъ такую бумагу къ его Высочеству, баронъ Розенъ въ короткомъ письмѣ приказалъ возвратитъ мнѣ отставку, а начальникъ штаба, возвращая мою просьбу на высочайшее имя объ отставкѣ, просилъ пріѣхать въ Тифлисъ. У корпуснаго командира, которому я представлялся, онъ мнѣ сказалъ: „очень пріятно, что вы выздоровѣли и что мы будемъ продолжать служить вмѣстѣ.“ Тутъ въ пору сказать пословицу: Господь не выдастъ—свинья не съѣстъ.

Весь 1833 годъ прошелъ въ улучшеніи штабъ-квартиры новыми постройками казармъ, парка, офицерскаго дома, въ занятіяхъ хозяйственныхъ и служебныхъ; а непріятности по службѣ служили какъ бы развлеченіемъ, о коемъ заботилось уже артилерійское начальство. Не знаю какъ теперь, но въ мое время въ штабъ-квартирахъ полковъ и батарей командиры должны были жить собственнымъ обширнымъ хозяйствомъ, ибо, чтобы имѣть что нибудь, надобно было самому завести, а то добыть и за деньги было негдѣ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, устраивая штабъ-квартиры для войскъ, берегъ государственную копѣйку и употреблялъ кавказскихъ солдатъ, какъ римляне—и дерись, и трудись, и трудись, и дерись. Люди были довольны и обожали его; здоровье солдатъ крѣпло, въ госпиталяхъ было мало; что строй терпѣль—не спорю, но ужъ, конечно, не военный духъ, ибо кто сроднился съ кавказскимъ солдатомъ, тотъ знаетъ, что для такого закала людей надобна была добрая школа.

Хотите знать, какъ устраивались штабъ-квартиры? Возьмемъ въ примѣръ хоть Гомборы, гдѣ расположены были батареинная и легкая роты кавказской, гренадерской артилерійской бригады. Когда, кажется въ 1821 году, Государь, по представленію генерала Ермолова, переименовалъ грузинскій въ кавказскій отдѣльный корпусъ, тогда при пѣхотной гренадерской бригадѣ сформировали и артилерію. Ее надобно было расположить около Тифлиса. Поискали..... и нашли котловину въ горахъ; есть вода, лѣсъ и трава, 50 верстъ отъ Тифлиса—значить годно, и порѣшили поставить на этомъ урочищѣ двѣ артилерійскія роты. Роты пришли. Оглядываются—ни кола, ни двора, ни одной живой души. Голыя горы, испещренныя цвѣтами среди сочной травы; лѣсистыя горы съ вѣковыми лѣсами, въ коихъ если и былъ слышенъ стукъ топора, то, конечно, ужъ въ давніе годы. Горная рѣчка, вытекающая изъ ущелья, въ ненастное время бурно шумитъ и обрываетъ бе-

рега свои; въ тихую погоду привѣтливо, весело журчитъ по камешкамъ и оживляетъ всю мѣстность. Дикія козы, чекалки, журавли живутъ здѣсь какъ у себя дома; почасту слышенъ и вой волковъ. Оглянувшись, не долго думали: послали въ городъ за желѣзомъ, топорами, лопатами, косами и прочимъ. Нарубили кольевъ, бревенъ, вѣтвей, поставили плетни; накосили камышу и высокой старой травы; кто мажетъ стѣны, кто кроетъ крышу, кто занятъ другимъ чѣмъ. Работа кипитъ, всѣ за дѣломъ. Это въ виду, на глазахъ у васъ; но пойдѣмъ въ лѣсъ. Тутъ валятъ огромныя деревья и пилятъ доски; тутъ жгутъ известь; вотъ угольныя ямы, здѣсь кирпичный сарай. Носилками таскаютъ вязкую глину; босые молодцы мнутъ ее въ хитрыхъ самодѣльныхъ станкахъ; сидя важно на скамейкахъ верхомъ, мастера даютъ ей форму кирпича и, смотря на свое произведеніе, самодовольно улыбаются. А вотъ и кирпичная печь, куда здоровый, но простой парень бросаетъ длинныя обрубки, чтобы кирпичи хорошо обжигались. Но вернемся. Бараки готовы, все подъ крышей. Теперь пойдетъ внутренняя работа: полы, потолки, койки, разныя полки для амуниціи. Мастеръ-печникъ, ухмыляясь, ставитъ въ кухнѣ русскія печи и совѣтуетъ въ казармахъ поставить голландскія, ибо лучше держатъ тепло и, прибавляетъ онъ, какъ знатокъ своего дѣла, онѣ и покрасивѣе. Эти начальныя работы, въ которыхъ видимая необходимость, чтобы все было какъ можно скорѣе подъ крышей, не позволяютъ задумываться русскому человѣку, а тѣмъ болѣе привычному къ трудамъ кавказскому солдату. Но когда командиръ приютилъ солдатъ въ мазанкахъ, артилерію поставилъ въ сарай, лошадей въ конюшни, когда въ мастерскихъ работаютъ подъ крышей, наконецъ когда онъ самъ роскошно возлегаетъ на сѣнномъ тюфякѣ въ русской избенкѣ о двухъ горенкахъ—въ одной онъ, въ другой кухня и люди, а раздѣляютъ ихъ неширокія сѣни—тогда, въ часы отдохновенія, мысли его принимаютъ экономическій обо-

ротъ. Онъ начинаетъ рассчитывать, во что все эти постройки ему обошлись? „Вѣдь вотъ, поставилъ цѣлую штабъ-квартиру, а казна ничего не отпустила—все изъ своихъ (экономическія онъ считалъ своими); этакъ, пожалуй, и безъ гроша останешься...“ Это мысли справедливыя—не будемъ обвинять ихъ; но тутъ ходъ мыслей раздѣляется по свойствамъ характера и усердію къ служебнымъ обязанностямъ мыслителя. Офицеръ усердный къ службѣ и старающійся исполнять свои обязанности не ради страха отвѣтственности, а по долгу чести, этотъ командиръ послѣ словъ—„пожалуй, будешь безъ гроша,“ тотчасъ прибавитъ: „Ну, чтожъ?—деньги дѣло наживное! А дѣло въ томъ, чтобы устроиться порядочно; мазанки на первое время... вишь, сквозь сѣнную крышу такъ и течетъ въ казармѣ; не жить же людямъ въ грязи, и амуниція попортится, и пр., пр.“ И вслѣдъ за этимъ ходомъ мыслей—зимой рубятъ лѣсъ, готовятъ все матеріалы и возводится прочная штабъ-квартира. Офицеръ, въ понятіяхъ котораго служба стоитъ на второмъ планѣ, а передъ нею и выше ея—собственное благосостояніе, тотъ, испугавшись, что онъ будетъ безъ гроша, если дастъ просторъ своему усердію къ службѣ, построивъ первое помещеніе, махнетъ рукой и скажетъ: „пускай-ка другой раскошеливается; съ меня довольно!“

Моими предмѣстниками были: первый приведшій роту на Гомборы, подполковникъ Ф—ъ. Человѣкъ, должно быть, былъ когда-то порядочный; я засталъ его еще въ 1822 году, но, вѣроятно, со скуки спился и померъ въ Тифлисѣ на дрожкахъ, когда, по приказанію начальника артилеріи, его везли въ госпиталь. Садясь на дрожки, еле живой, онъ сказалъ: „рому!“ Это было послѣднее его слово. Ему дали чайную ложечку для подкрѣпленія, но въ госпиталь привезли бездыханнаго. Принявшій послѣ него роту подполковникъ П—скій былъ человѣкъ порядочный, предъ начальствомъ молчалъ, или же одобрительно улыбался его пошлымъ островамъ, и потому поль-

зовался его благорасположеніемъ. Принявъ роту, этотъ порядочный, притомъ холостой человѣкъ тотчасъ принялся строить себѣ порядочный домъ и зажилъ въ немъ со всѣми возможными удобствами. А казармы, гдѣ живутъ солдаты, а ротныя строенія? Ну, тѣ поправляли, чинили. Когда, во время турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ, часть войскъ возвращалась на свои квартиры, можно вообразить, сколько было работы солдату... Третій, мой теперешній бригадный командиръ, полковникъ Ц—ъ, принявъ отъ него роту и поселившись въ командирскомъ домѣ, въ три года своего командованія не вбилъ ни одного кола въ землю; когда же въ разговорахъ я спрашивалъ его, отчего онъ не выстроитъ казармъ, потому что людямъ жить скверно, онъ отвѣчалъ мнѣ, своему подчиненному:

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, съ какой стати я изъ своихъ денегъ буду строить казармы.

— Стройте изъ экономическихъ—отъ фуража остается порядочная сумма, это деньги казенныя.

— Какъ же, казенныя, когда я (упирая на это я) сдѣлалъ экономію!

Какъ вамъ покажется такой цинизмъ, такая отвратительная откровенность, хотя и въ частномъ разговорѣ, начальника передъ подчиненнымъ? Считать всю такъ называемую благо-разумную экономію своею собственностью, а не употреблять оную, какъ слѣдуетъ, въ пользу ввѣренной его управленію части!

Пришлось мнѣ строить и устраиваться. И закипѣла работа, когда солдаты увидѣли, что о нихъ заботятся. Часто, разговаривая съ ними о томъ и другомъ, я выслушивалъ совѣты мастеровъ своего дѣла; и какъ цѣнить нашъ русскій солдатъ каждое привѣтливое слово начальника! Крѣпкія бревенчатыя казармы, покрытыя тесомъ, чистыя, свѣтлыя, радовали солдата. Просторный сарай, чистый и опрятный, сохранялъ артилерію, обозъ и прочее.

Но постройки не были единственнымъ занятіемъ. Лабораторія тоже была въ ходу, и частые спуски съ разныхъ возвышенностей то тѣхъ, то другихъ штукъ веселили народонаселеніе Гомборъ. Обмундированіе людей и не утомительно производящіяся ученія занимали все время дня. Въ 12 часовъ собирались къ обѣду. Въ 6 обыкновенно пили чай на галереѣ, придѣланной къ дому въ видѣ длиннаго балкона. После чая господа офицеры составляли концертъ: были двѣ скрипки, віолончель и флейта; хорошо ли, дурно ли, но играли. Составлялось и пѣніе, да не удалось. А я игралъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ шахматы. Въ 9 часовъ ужинали, а въ 10 расходились. Прогулки наши были всегда по работамъ; ѣздили и верхомъ по горамъ. Иногда съ навѣщавшими насъ гостями ѣздили на перевалъ (высокій хребетъ горы, отдѣляющій насъ отъ Кахетіи), съ котораго открывался очаровательный видъ: внизу Кахетія, какъ длинный виноградный садъ съ широкою рѣкою Алазань и со множествомъ деревень, надъ нею отроги Кавказа, а за ними высокій снѣговой хребетъ. Дня на два, на три ѣздили въ Тифлисъ, чтобы немного размяться.

Я упомянулъ выше о домашнемъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, оно было полное. Кромѣ верховой и четверки упряжныхъ лошадей, двѣ дойныя коровы; куры, гуси, утки дружно расхаживали на просторномъ дворѣ. Двѣ дворовыя собаки стерегли дворъ, третья, избалованный Приблудъ, была въ комнатахъ. Всѣ три собаки родились въ моемъ дворѣ, въ 1829 и 1830 году. Бѣлка, прозванная солдатами „Лошадь“, была собака большая, бѣлая, съ широкою грудью, дерзкая, неласковая съ чужими, немного самонадѣянная, ибо гналась за стадомъ дикихъ козъ во время похода въ кубинскомъ ханствѣ, но умная и добрая со своими. Привязана была ко мнѣ до фанатизма. Околѣла на 14-мъ году отъ роду въ Курляндіи, въ г. Якобштадтѣ. Другая собака, Полканъ, прозванный солдатами „Ду-

ракъ,“ братъ Приблуда, сѣрый въ яблокахъ, былъ добрымъ сторожемъ, и я позволялъ солдатамъ брать его на покось, откуда онъ почасту прибѣгалъ во дворъ посмотрѣть—все ли благополучно, а потомъ опять отправлялся на сѣнокосный станъ. Третья, Приблудъ, высокая, стройная, также сѣрая въ яблокахъ, ласковая, любопытная, вездѣ шныряющая, все обнюхивающая, была во время похода въ 1832 году часто ласкаема Алексѣемъ Александровичемъ Вельяминовымъ, который любилъ собакъ. Однажды онъ, глядя эту собаку, которая, обѣгавъ лагерь, прибѣжала къ намъ, говоритъ мнѣ:

— Ты, дражайшій, долженъ все знать, что въ лагерѣ дѣлается: Приблудъ всякій день обѣгаетъ весь лагерь—все ли онъ тебѣ рассказываетъ, что видитъ и слышитъ?

— Рассказывать-то рассказываетъ, да понять его трудно, отвѣчалъ я.

Во время похода Приблудъ, большой пріятель моего Лоова (верховая), былъ всегда при мнѣ, Полканъ при моемъ обозѣ—отъ моего провіантскаго ящика его, бывало, не отгонишь, и не хорошо было чужому приближаться къ нему; Бѣлка же всегда въ походѣ шла у перваго орудія, съ правой стороны подручной лошади, а какъ придуть на мѣсто и поставятъ лагерь, ложилась обыкновенно передъ серединою орудій, и ужъ никто не смѣй идти чрезъ паркъ. Разъ шамхаль тарковскій съ большой свитой ѣхалъ къ генералу Розену. Проѣзжая по фронту лагеря къ ставкѣ корпуснаго командира, которая была за моей ротой, и не зная, что черезъ паркъ ни ѣздить, ни ходить не позволяется, онъ завернулъ, чтобы проѣхать между орудій. Вдругъ Бѣлка бросается спереди на его лошадь; та—надыбы, Шамхаль чуть усидѣлъ, вынулъ саблю, но, къ счастью, много было глазѣвшихъ на пестрый поѣздъ, люди подбѣжали, попросили шамхала объѣхать артилерію; Бѣлку же солдаты увели, и все кончилось благополучно. Она не любила горской одежды (по инстинкту), а такъ какъ наши линейскіе казаки

одѣты подобно горцамъ, то у ней часто бывали схватки съ ними. Случалось, что послѣ налета на казака она отходила порядочно оцарапанная и въ крови. Однажды на походѣ линейскій казакъ, ведя лошадь въ поводу, подходит съ боку къ первому орудію; Бѣлка бросается на него, тотъ, не долго думая, вынимаетъ кинжалъ и хватъ ее по рѣпицѣ—хвостъ повисъ. Солдаты, увидя на Бѣлкѣ кровь, бросаются на казака, давай колотить его чѣмъ попало—кто кулакомъ, кто пальникомъ—повалили наземь, топтали ногами и еслибъ не офицеръ, то врядъ бы встать самому казаку, добрымъ порядкомъ избитому. Кромѣ ранъ, полученныхъ въ сраженіи Бѣлкою и казакъ, оказался поломаннымъ пальникъ.

У меня было четыре деньщика: два въ комнатахъ, кучеръ и поваръ; кромѣ того жилъ во дворѣ раненый солдатъ, не желавшій быть переведеннымъ въ артилерійскій гарнизонъ. Такъ какъ онъ по хромотѣ былъ къ фронту не годенъ, а поведенія хорошаго и женатъ, то я и помѣстилъ его у себя, сдѣлавъ его смотрителемъ командирскаго дома и близлежащихъ построекъ, т. е. канцеляріи и офицерскаго дома. Этотъ бомбардиръ Кузмицкій смотрѣлъ и за надворнымъ хозяйствомъ, а жена его за коровами и птицами. Разъ солдаты принесли съ покоса маленькую дикую козочку. Я вскормилъ ее въ комнатахъ, а когда всѣ собаки къ ней привыкли и такъ полюбили ее, что хлебали молоко изъ одной съ нею чаши, пустилъ ее на дворъ. Приблудъ любилъ рѣзвиться съ нею, но Бѣлка, какъ бы охраняя ее, часто ворчала на Приблуда. Другой разъ, тоже съ покоса, принесли солдаты журавля. И этого выкормили въ комнатахъ, а когда собаки съ нимъ освоились, пустили на дворъ. Зашагалъ длинноносый по широкому двору, подружился со всей птицей и, покуда былъ молодъ да сытъ, съ любопытствомъ посматривалъ на маленькихъ гусенятъ, цыплятъ и уточекъ. Но въ 1833 году, почти двухгодовалый, несмотря на достаточный кормъ и дружественныя

отношенія къ своимъ пернатымъ товарищамъ, въ немъ пробудился плотоядный инстинктъ. Какъ-то мнѣ показалось будто цыплята всѣхъ родовъ немного убавляются. Я передалъ свое замѣчаніе Кузмицкому, тотъ отвѣчаетъ, что и ему такъ кажется, и что, вѣроятно, это чекалки ихъ таскаютъ; но на другой день онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что не чекалки, а Петька, журавль, носомъ бьетъ цыплятъ, и что сегодня утромъ онъ нашелъ двухъ съ окровавленными головками. Я разсердился на разбойника и приказалъ свернуть ему шею. Надо сказать, что утромъ и подъ вечеръ гуси и утки, всѣ гурьбой, ходили на рѣчку, а потомъ, пощипывая траву, сами возвращались домой. Обыкновенно и журавль ходилъ съ ними. На другой день вечеромъ, послѣ отданнаго мною приказанія насчетъ Петьки-журавля, я съ офицерами сидѣлъ на галлерей; мы пили чай и перебрасывались веселыми рѣчами. Вдругъ одинъ изъ господъ закричалъ: „Посмотрите, Эдуардъ Владиміровичъ, Петька гусей гонитъ.“ И точно, съ рѣчки на горку возвращались гуси и утки домой, а журавль то сзади подгонитъ отстававшихъ, то побѣжитъ вправо къ отдѣлившейся съ своимъ семействомъ уткѣ, растопыритъ крыло и подобьетъ ихъ въ кучку, то бросится влево и, несмотря на протянутую къ нему шею гуся, съ ожесточеніемъ ударяетъ его крыломъ и приводитъ все въ порядокъ; и чѣмъ ближе подходили къ двору, тѣмъ живѣе, настоятельнѣе была его заботливость. Люди, стоя у воротъ, хохотали до упаду. Я позвалъ Кузмицкаго.

— Отчего ты не исполнилъ моего приказанія?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе; всѣмъ намъ жаль стало Петьку, вотъ мы и порѣшили, чтобы кучеръ его въ горы снесъ, да и бросилъ. Вчера, какъ вы приказали, онъ тутъ же утромъ и снесъ за покосныя горы, да въ лѣсу въ оврагѣ и бросилъ, а онъ, вишь, каналья, вернулся да еще гусей загоняетъ—молъ, заслужить хочетъ.

Ну и остался Петька во дворѣ, только на ночь запирали его одного въ особую келью.

Былъ у насъ пчельникъ—десятка два ульевъ—заведенный еще порядочнымъ командиромъ, что домъ выстроилъ себѣ; смотрѣлъ за нимъ сибирякъ, нестроевой солдатъ, поступившій въ 1812 году, на 38-мъ году отъ рожденія, въ рекруты. Въ 1833 году, на шестидесятомъ году отроду, онъ только и говорилъ, что лѣтъ черезъ пять выйдетъ въ чистую (отставку), пойдетъ куда-то на родину, въ Сибирь, женится и заживетъ домкомъ, припѣваючи. Маленькій, худой, плюгавый старичишка былъ большой балагуръ и рассказчикъ; говорили, что онъ солдатскихъ женъ, особенно молоденькихъ, часто медомъ потчуетъ. У него на пчельникѣ было ружье, чтобъ бить птицу, убивавшую и пожиравшую пчелъ; птица была ростомъ съ добраго скворца, налетала во множествѣ на пчельникъ, кружилась надъ нимъ и не пускала пчелъ вылетать, била и ѣла ихъ, что схватить могла. Старикъ удавалось убивать ихъ. Одну, съ набитымъ животомъ, мы распотрошили и нашли въ ней 11 пчелъ. Какъ зовутъ птицу—не знаю.

Нашъ новый начальникъ артилеріи, проѣзжая изъ Петербурга чрезъ Ставрополь, спрашиваетъ у бригаднаго командира: „какой это у васъ тутъ подполковникъ Бриммеръ, изъ-за котораго смѣняютъ начальниковъ артилеріи?“ Что тотъ ему отвѣчалъ—мнѣ не передали, но вопросъ, на мой взглядъ, долженъ былъ служить мнѣ предостереженіемъ. И—увы—какъ я ни желалъ усердіемъ къ службѣ и исполненіемъ своихъ обязанностей не навлекать на себя нерасположеніе своего ближняго начальства, но это удавалось мнѣ только съ одними дѣльными начальниками. Такъ и теперь. Узнавъ о пріѣздѣ начальника артилеріи, я поѣхалъ въ Тифлисъ представиться ему, помня сказанное мнѣ генераломъ барономъ Розеномъ. Пріѣзжаю въ урочный часъ въ артилерійскій домъ, адъютантъ говоритъ мнѣ:

— Только-что уѣхалъ къ начальнику штаба.

— Скоро вернется?

— Полагаю, черезъ часъ.

— Въ такомъ случаѣ успѣю явиться корпусному командиру.

— Конечно, успѣете.

Я поѣхалъ къ корпусному командиру. Вхожу въ приемную, тамъ только дежурный адъютантъ.

— Я опоздалъ? спрашиваю его.

— Баронъ только-что вошелъ въ кабинетъ, я доложу.

Вернувшись, онъ сказалъ:

— Корпусный командиръ просить.

Вхожу въ кабинетъ. Г. Розенъ разговариваетъ съ незнакомымъ мнѣ артилерійскимъ генераломъ, очень маленькаго роста.

— *Bonjour, mon cher Brummer!* и прекрасно, что приѣхали. Прошу ваше превосходительство полюбить — отличный офицеръ. Я увѣренъ, что вы будете довольны его службою. Только одно не хорошо — очень рѣдко къ намъ приѣзжаютъ.

Потомъ еще слова два, я поклонился и вышелъ.

— Что вы мнѣ не сказали, что начальникъ артилеріи у барона — я бы не пошелъ къ нему, сказалъ я дежурному адъютанту.

Сѣлъ въ коляску и думаю: явлюсь къ начальнику штаба, мимоходомъ. Тотъ принялъ въ кабинетѣ, за бумагами.

Послѣ пары-двухъ привѣтливыхъ фразъ я откланялся. Въ двери кабинета вошелъ человекъ и докладываетъ: „начальникъ артилеріи.“

— Вотъ и прекрасно: я васъ познакомлю, и, обращаясь къ входящему генералу, поздоровался, а потомъ: „подполковникъ Бриммеръ, всѣми уважаемый офицеръ; конечно, ваше превосходительство будете довольны имъ.“ Я поклонился и вышелъ,

затѣмъ поѣхалъ въ артилерійскій домъ. Черезъ полчаса возвращается начальникъ артилеріи, генераль-маіоръ Григорій Ѳеодоровичъ Козляниновъ. Человѣкъ малаго роста, чистенькій, гладенькій, опрятненькій, любившій во всемъ чистую отдѣлку. На Бѣломъ-Ключѣ, глядя на мою мебель, сдѣланную ротнымъ мастеровымъ, онъ говоритъ: „вы, Эдуардъ Владиміровичъ, должно быть, порядочный человѣкъ, если у васъ въ батареѣ такъ чисто работаютъ.“

— Да мастеровой этотъ былъ мебельнымъ мастеромъ, такъ долженъ хорошо работать.

— Оно такъ, да хорошо работать еще не есть чистая, аккуратная отдѣлка; тутъ наблюдалъ глазъ хозяина. Посмотрите — не усмотришь, гдѣ доски сходятся.... Тщательная отдѣлка! кончилъ онъ, съ видимымъ удовольствіемъ разсматривая то ту, то другую вещь. Воспитывался, кажется, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ былыя времена на изученіе иностранныхъ языковъ не обращали должнаго вниманія, а потому говорилъ только порусски, но говорилъ много и красно, за словомъ въ карманъ не лазилъ. Служилъ Григорій Ѳеодоровичъ во 2-й гвардейской бригадѣ, въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, какъ аккуратный человѣкъ, былъ выбранъ въ казначеи и въ этой должности пробылъ, кажется, болѣе трехлѣтія. Когда его представили по старшинству на вакансію въ ротные командиры, то Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, увидя его во дворцѣ, спрашиваетъ:

— Какъ же ты, Козляниновъ, будешь ротой командовать — вѣдь ты все казначеемъ былъ, отъ фронта отсталъ?

— Ничего, Ваше Высочество, выучусь, припомню; дѣло не мудреное — вѣдь не боги же горшки лѣпятъ.

Его Высочество, любившій самъ поострить, далъ ему роту и такъ какъ онъ дѣйствительно командовалъ, не отставая отъ другихъ, то впоследствии былъ назначенъ командиромъ 2-й гвардейской артилерійской бригады, а въ чинѣ генерала

получилъ мѣсто начальника артилеріи въ кавказскомъ корпусѣ. Человѣкъ былъ добрый, привѣтливый, словоохотный, но позволялъ себѣ иногда несправедливости, что я въ началѣ его командованія и на себѣ испыталъ. Но вернемся въ залъ артилерійскаго дома, гдѣ стройный (2 арш. 9 $\frac{1}{2}$ вер. роста) штабъ-офицеръ ожидаетъ начальника. Только-что онъ вошелъ, я явился съ самою точною формальностью.

— Насъ уже познакомили и корпусный командиръ, и начальникъ штаба.

— Я имѣлъ честь быть у вашего превосходительства, но такъ какъ адъютантъ сказалъ мнѣ, что вы поѣхали къ начальнику штаба и не вернетесь раньше часа, то я поѣхалъ къ корпусному командиру, не полагая застать тамъ ваше превосходительство.

— Мнѣ очень пріятно было слышать хорошіе отзывы о васъ. Долго вы пробудете въ Тифлисѣ?

— Я сейчасъ возвращаюсь на Гомборы.

— Не торопитесь. Вы слышали, какъ барону пріятно, чтобы вы чаще бывали здѣсь.

— Я очень благодаренъ за вниманіе ко мнѣ его высокопревосходительства, но безъ нужды отъ роты не отлучаюсь, и теперь пріѣхалъ, чтобы представиться вашему превосходительству.

Мы поклонились другъ другу, кажется вмѣстѣ, и я, выйдя, тотчасъ отправился на Гомборы.

Легко понять, что привѣтливая рекомендація высшаго начальства, у котораго я такъ не въ пору столкнулся со своимъ новымъ, еще невидѣннымъ начальникомъ, только повредила мнѣ во мнѣніи его. Такъ и было вначалѣ, но послѣ, когда онъ узналъ меня покороче, кажется, я заслужилъ лучшее о себѣ мнѣніе.

Въ началѣ 1834 года было переформированіе всей артилеріи. У бригадныхъ командировъ отняли командованіе бата-

рейными ротами, артилерійскія роты стали называть батареями, въ каждой бригадѣ вмѣсто одной батарейной батареи приказано имѣть двѣ батарейныя и двѣ легкія батареи. При этомъ преобразованіи артилеріи я былъ назначенъ командиромъ вновь формируемой батарейной № 2-й батареи кавказской гренадерской бригады, а такъ какъ всѣ батареи изъ 12-ти-орудійнаго состава переформированы были въ 8-ми-орудійный, то мнѣ пришлось принять дивизионъ отъ своего бригаднаго командира. Людей, лошадей и матеріальную часть я взялъ отъ своего дивизиона, затѣмъ принялъ остальное недостающее изъ легкой № 2-й батареи нашей же бригады, а четыре орудія получилъ изъ арсенала. Такъ изъ разныхъ частей, не подходящихъ другъ къ другу, я долженъ былъ образовать стройное цѣлое. Изъ своей батареи я взялъ цѣликомъ 3-й дивизионъ, но бригадный командиръ въ дивизионъ, который онъ долженъ былъ сдать мнѣ, постарался сбыть все худшее, чтобы остальные два дивизиона сдать легче вновь назначенному командиру батарейной № 1-й батареи. Это понятно, и спорить съ ближнимъ начальствомъ трудно, хотя мнѣ отъ этого было не легко, но тутъ я скоро покончилъ. Командиръ легкой № 2-й батареи, отъ котораго мнѣ надобно было принять людей, лошадей, амуницію и прочее, былъ мой товарищъ, раненый, женатый, безалаберный, всегда безъ гроша; тутъ нечего было и задумываться: что принялъ, въ томъ выдалъ чистую квитанцію, а въ какомъ видѣ что взялъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Вы видите, что мой пріемъ отъ бригаднаго командира и отъ товарища былъ сдѣланъ, какъ говорится, зажмуря глаза; но сдача моихъ 8-ми орудій вновь назначенному командиру была дѣломъ потруднѣе. При переформированіи назначеніе командировъ батарей дѣлалось въ Петербургѣ, и, конечно, штабсъ-капитанъ С—чъ никогда бы своимъ начальникомъ не былъ представленъ въ командиры батареи. Это былъ человѣкъ не-

уважаемый и нелюбимый товарищами, что довольно обрисовывает и умъ, и воспитаніе, и характеръ его, а потому болѣе объ этомъ ничего не скажу; прибавлю только, что, не зная службы, онъ видѣлъ въ ней только средство къ наживѣ. Я его совсѣмъ не зналъ, ибо онъ служилъ въ другой бригадѣ, но офицеры предупреждали меня, что сдача батареи такому господину, какъ бы исправна она ни была, не пройдетъ безъ неприятностей. Такъ и случилось. Когда полученъ былъ приказъ начальника артилеріи о переформированіи батарей въ 8-ми орудійный составъ, по назначеніи меня командиромъ вновь формируемой батареей № 2-й батареей, я занялся отдѣленіемъ всего того, что должно было остаться въ легкой батареѣ и что поступить въ батареиную, равно и приѣмомъ дивизіона отъ бригаднаго командира. Какъ-то въ послѣобѣденное время входитъ ко мнѣ въ комнату офицеръ, въ сюртукѣ, безъ эполетъ, безъ шапки, фуражка въ рукахъ, видимо, только-что слѣзшій съ повозки; съ легкимъ наклоненіемъ головы онъ говоритъ: „штабсъ-капитанъ С—ичъ, прибылъ принять отъ васъ легкую батарею.“ Такая безцеремонность, такое пренебреженіе основными порядками службы удивили меня.

— Какъ же вы дозволили себѣ, г. штабсъ-капитанъ, явиться къ старшему по дѣламъ службы въ такомъ видѣ? Явитесь, какъ слѣдуетъ—въ мундирѣ, при шарфѣ; тогда и начнете приѣмъ.

И я поклонился ему.

Теперь была его очередь удивляться: сдатчикъ принимаетъ такъ приѣмщика! Черезъ полчаса онъ явился во всей формѣ.

— Были вы у бригаднаго командира?

— Теперь пойду.

— Когда будетъ приказъ по бригадѣ о вступленіи вашемъ въ командованіе батареєю, тогда старшій офицеръ представитъ вамъ гг. офицеровъ, и вы дадите ему приказанія о порядкѣ приѣма; а мнѣ подайте, по окончаніи, сдаточную вѣдомость.

Черезъ два дня, утромъ, г. С—ичъ приноситъ мнѣ вѣдо-

мость, съ поправками, съ зачеркнутымъ итогомъ, а вмѣсто онаго—проставленную круглую сумму; къ довершенію курье-за—вѣдомость безъ подписи. Взглянувъ на поданную мнѣ бумагу, я улыбнулся—до того мнѣ все это показалось смѣшно.

— Могли бы подать мнѣ почище сдаточную вѣдомость; отчего же вы не подписали ее?

— Зачѣмъ же подписывать, вѣдь это дѣло домашнее, между нами.

— Ошибаетесь; въ службѣ ничего нѣтъ домашняго; вы, при приѣмѣ, находите недостатки или неисправности—я вношу деньги, чтобъ исправить все. Домашняго тутъ ничего нѣтъ. Не угодно ли подписать вѣдомость?

— Я не вижу надобности ее подписывать, когда я подалъ вамъ лично.

— Какъ угодно; я разсмотрю вѣдомость.

Я повлонился, онъ вышелъ. Я приказалъ запречь коляску и чрезъ часъ ѣхалъ уже въ Тифлисъ. Прийдя къ начальнику артилеріи, я просилъ его назначить комиссію для приѣма моей батареи, потому что вновь формируемая мною 2-я батарейная заставляетъ меня ѣхать на Джелалъ-оглу и у меня нѣтъ времени для спора съ г. С—чемъ.

— Развѣ вамъ трудно сдать батарею? спросилъ начальникъ артилеріи, и въ голосѣ его отзывалось чувство, которое нѣмцы называютъ *schadenfroh*.

— Порядочному офицеру я бы скоро сдать. Не угодно ли посмотрѣть вашему превосходительству на поданную мнѣ сдаточную вѣдомость?

Я показалъ ее. Онъ пожалъ плечами.

— Не подписана, перемарана, и что за сумма! Да значить ваша рота въ совершенной неисправности?

— Я прошу нарядить комиссію для приѣма.

— Кого же вамъ угодно, чтобъ я нарядилъ?—и назвалъ полковника С—го, капитана и штабсъ-капитана.

— Будете вы довольны этою комиссіею?

— Кого ваше превосходительство назначите, я буду доволенъ.

На другой день вечеромъ комиссія приѣзжаетъ на Гомборы; въ слѣдующее утро она осмотрѣла батарею, а послѣ обѣда собралась въ квартирѣ полковника для разсужденій по сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Когда господа усѣлись, я вошелъ въ комнату. Г. С—чъ былъ тутъ же. Обращаясь къ полковнику С—му, я сказалъ:

— Господа, я прошу извинить меня, что, по моей просьбѣ, васъ побеспокоили. Въ сознаніи вашей справедливости, я прошу объ одномъ—быть строгимъ ко мнѣ, не щадить меня, за найденные недостатки или неисправности назначить самую высшую сумму.

Когда комиссія кончила работу и показала г. С—чу что она назначила, оказалось, что сумма была меньше трети, имъ спрошенной. Онъ не согласился и просилъ прибавить на лошадей. Попросили меня въ комиссію. Разсказавъ дѣло, полковникъ прибавилъ:

— Начальнику артилеріи будетъ непріятно, если мы не кончимъ дѣла.

— Кажется, оно кончено, отвѣчалъ я; но если вы находите требованіе пріемщика справедливымъ, то вносите его въ сдаточную вѣдомость; я не прекословлю ни въ чемъ.

— То-то и есть, что оно несправедливо.

— На какомъ же основаніи я внесу деньги?

Комиссія въ тотъ же день уѣхала, а я на другой день съ частями формируемой батареи выступилъ чрезъ Тифлисъ на уроч. Бѣлый-Ключъ. Начальникъ артилеріи, осмотрѣвъ части, остался доволенъ и послѣ смотра приказалъ мнѣ зайти къ себѣ.

— Мнѣ сказалъ полковникъ С—ій, что вы не покончили съ ш.-в. С—чемъ?

— Мнѣ нечего было кончать, ваше превосходительство;

что комиссія положила за исправленіе, на то я согласился, и вотъ деньги, которыя прошу ваше превосходительство приказать принять отъ меня и выдать мнѣ квитанцію въ сдачѣ батареи.

— Да, но пріемщикъ не согласенъ.

— Требованія его безразсудны, и, зная исправность во всѣхъ частяхъ моей батареи, я просилъ комиссію не стѣсняться, чтобы проворнѣе кончить; самъ полковникъ С—ій сказалъ, что они и такъ назначили за все болѣе, чѣмъ должно.

— Что же дѣлать теперь? Батарею сдать надобно.

— Что прикажете, ваше превосходительство, то и исполню; только позвольте сказать вамъ, что не пройдетъ и года, какъ вы отнимете батарею у г. С—ча.

— Ну, ужъ вы вѣрнѣе на него сердиты; я посмотрю, какъ это кончить.

Съ тѣмъ я и отправился на Бѣлый-Ключъ, оставивъ, по приказанію начальника артилеріи, деньги подъ расписку старшаго адъютанта.

Черезъ недѣлю я получаю отъ него письмо, въ коемъ онъ пишетъ, что начальникъ артилеріи, „потребовавъ объясненіе отъ ш.-к. Ст—ча, находитъ *справедливымъ* его требованія, а потому для полученія чистой квитанціи въ сдачѣ батареи его превосходительство находитъ нужнымъ, чтобы вы внесли деньги, требуемая ш.-к. С—чемъ.“ Гдѣ тутъ *справедливость*? Мнѣнія пріемныхъ комиссій считаются безапелляціонными: комиссія была назначена самимъ начальникомъ артилеріи; я просилъ ее быть ко мнѣ строгою, она объявила начальнику артилеріи, что назначала за все болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и.... послѣ всего этого находятъ *справедливыми* своекорыстныя требованія пріемщика. Что мнѣ было дѣлать? Я послалъ свои послѣднія деньги, мнѣ выслали чистую квитанцію. Это было въ мартѣ.

Въ іюнѣ начальникъ артилеріи, спрашивая на инспектор-

скомъ смотру претензіи у людей легкой батареи ш.-к. Ст—ча, до того былъ тронуть и сладостно обворожень отличнымъ командованіемъ батареею, что тутъ же, во фронтѣ, отрѣшилъ его отъ командованія и приказалъ принять ее старшему офицеру.

Все это я изложилъ здѣсь съ неинтересными для другихъ подробностями для того, чтобы показать, что и хорошій человекъ, какъ Г. Ѳ. Козляниновъ, пріѣхавшій съ предвзятою мыслью погнуть подполковника Бриммера, былъ несправедливъ ко мнѣ, какъ я сказалъ выше.

Въ прежнее время держать въ исправности артиллерійскую батарею можно было не иначе, какъ расходуя благоразумно экономическія деньги, добываемыя командиромъ отъ фуражнаго продовольствія лошадей, давая имъ меньшую дачу ячменя, на который отпускались деньги по подряднымъ цѣнамъ, объявляемымъ въ приказѣ по корпусу. Командиры батарей брали продовольствіе лошадей на свою отвѣтственность. На сѣно отпускали всегда одну цѣну—8 коп. за пудъ, и его косили солдаты на привольной или на отведенной землѣ, получая во время покоса $\frac{1}{2}$ фун. мяса и 1 фун. хлѣба отъ командира; овощи батарея имѣла вдоволь изъ своихъ огородовъ. Артиллерійскій ремонтъ былъ недостаточенъ. Окраска артиллеріи обходилась дороже отпускаемаго ремонта. Постромки, пролонжи, коновязный канатъ—все веревочное—рвалось въ походахъ, а добыть было неоткуда, пока, ужъ въ 30-хъ или 40-хъ годахъ, не стали отпускать изъ артиллерійскихъ гарнизоновъ. Расходы по постройкамъ были значительны, а правительство не отпускало на оныя ни гроша, слѣдовательно изворачиваться надобно было, дѣлая экономію изъ ячменнаго довольствія лошадей, что можно было только во время стоянки въ штабъ-квартирахъ, ибо на походѣ лошадямъ надо было давать полную дачу. Легко представить себѣ неудовольствіе командира, если, по какимъ нибудь соображеніямъ, корпусный

штабъ назначить ячменное довольствіе лошадей въ батарею натурою, т. е. предпишетъ принимать ячмень изъ магазина.

Вотъ въ такомъ непріятномъ положеніи находился я съ новосформированною мною батареею. Отославъ послѣднія мои деньги для полученія квитанціи въ сдачѣ легкой батареи, я рѣшительно остался безъ гроша; а тутъ, въ маѣ, получаю приказъ отправить два орудія въ отрядъ, собираемый для наказанія абхазцевъ. Какъ я изворачивался все это время, чтобы ежеминутные, предвидѣнные и непредвидѣнные расходы уравновѣсить съ ничтожными приѣмами казенныхъ суммъ—трудно понять; но единое помышленіе мое въ то время было, чтобы батарею мою привести въ возможной скорости къ единообразію и въ благоустроенный видъ.

Выступая изъ Гомборъ съ новою батареею, чтобы слѣдовать на ур. Бѣлый-Ключъ, я, по просьбѣ солдатъ легкой батареи, оставилъ имъ моего Полкана, ходившаго съ ними всегда на покось. Въ то же время Бѣлка, объявившая войну собакамъ маркитанта, была ими такъ искусана, что не могла ходить, почему я ее при выступленіи не могъ взять съ собою, а просилъ фельдфебеля Логвинова при случаѣ переслать ее ко мнѣ на Бѣлый-Ключъ, что онъ и обѣщалъ. Итакъ, съ нами на новыя квартиры пошелъ одинъ Приблудъ. Такъ какъ солдаты моей прежней батареи крѣпко любили Бѣлку и разстаться съ нею имъ было жаль, то въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ посылаемые почти еженедѣльно вѣстовые въ бригадный штабъ на Гомборы, съ почтою, не могли увезти Бѣлки. Сначала показывали, что у нея нога болитъ, а потомъ прятали ее отъ прїѣзжавшихъ. Въ маѣ, мѣсяца черезъ два по водвореніи нашемъ на Бѣломъ-Ключѣ, проснувшись утромъ, я позвонилъ человѣка; онъ отворилъ дверь спальни и только-что хотѣлъ ее притворить, какъ въ спальню врывается Бѣлка и, громко нюхая, бросается то туда, то сюда. Я закричалъ: „Бѣлка!“ Она бросилась къ постели, обнюхала,

прыгъ на нее и ну лизать мнѣ лицо, а кривымъ хвостомъ машетъ во всѣ стороны, насилу сбросилъ ее съ постели. Она сѣла на полъ, хвостъ такъ и бьетъ полъ, и все смотритъ мнѣ въ глаза. Деньщикъ тоже разинулъ ротъ и смотритъ на нее во всѣ глаза.

— Кто привезъ Бѣлку?

— Не знаю, ваше высокоблагородіе. Мы сидѣли въ кухнѣ, ея не было; когда вы зазвонили, я изъ кухни черезъ сѣни пошелъ къ вамъ, а Бѣлки не видалъ.

— Можетъ, кто изъ батареи ѣздилъ на Гомборы?

— Не знаю.

— Пошли вѣстового.

— Сходи къ фельдфебелю и скажи ему, чтобъ узналъ, не пріѣхалъ ли кто съ Гомборъ, и у женатыхъ чтобъ разспросилъ.

Вѣстовой, слушая мое приказаніе, съ такимъ удивленіемъ глядѣлъ на Бѣлку, что и безъ вопроса можно было убѣдиться, что онъ ее видитъ чрезъ два мѣсяца совсѣмъ неожиданно. По всѣмъ разспросамъ, сдѣланнымъ въ батареѣ и у женатыхъ нижнихъ чиновъ, оказалось, что не только на Гомборы, но даже въ Тифлисъ никто три дня не ѣздилъ. Такъ и осталось неразгаданнымъ, какимъ образомъ собака могла найти хозяина за 100 верстъ: изъ Гомборъ 18 верстъ до Хашмы, горами, потомъ вилавъ чрезъ р. Юру, потомъ холмистою плоскостью со множествомъ развѣтвляющихся дорогъ 36 верстъ до Тифлиса, чрезъ Куру по мосту, чрезъ большой многолюдный городъ, потомъ плоскостью, опять со множествомъ расходящихся дорогъ, до нѣмецкой колоніи 40 верстъ и оттуда до уроч. Бѣлаго-Ключа, все въ гору, 12 верстъ, и наконецъ на Бѣломъ-Ключѣ между расположеніемъ полка и батареи найти мою спальню? Долго, долго мы разспрашивали всѣхъ, и добились одного отвѣта: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.

На Бѣломъ-Ключѣ былъ расположенъ 41-й егерскій полкъ.

Командиръ полка п. Кр—скій, бывшій передъ тѣмъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, былъ женатъ и бездѣтенъ. Тифлисскіе знакомые часто съѣзжались къ нему. Добродушіе хозяина, привѣтливость хозяйки дѣлали домъ ихъ приятнымъ; между служебными занятіями и вечернею болтовнею, иногда и танцами, время шло скоро. Около половины августа полковница К—ская, возвратившись изъ Тифлиса, привезла извѣстіе, что баронъ со всѣмъ семействомъ желаетъ провести день именинъ баронессы (Елизавета Дмитриевна была урожденная Зубова), 5-го сентября, на Бѣломъ-Ключѣ. Все населеніе расшевелилось, а у хозяевъ начались разсужденія о приѣмѣ дорогихъ гостей и какъ бы пребываніе ихъ сдѣлать веселѣе.

— Утромъ—прогулки въ экипажахъ, верхомъ, пѣшкомъ; обѣдъ; вечеромъ—танцы... все это такъ обыкновенно! Ничего не выдумаешь, такая досада! сказала полковница.

— Ну, для разнообразія я сдѣлаю фейерверкъ—скажаль я—угодно вамъ?

— Вотъ это мило, Эдуардъ Владиміровичъ; только пожалуста не однѣ ракеты, а выдумайте что нибудь повеселѣе.

Повеселѣе? Легко сказать! Чтожъ въ фейерверкъ можно выдумать веселаго? хоть бы что нибудь не совсѣмъ обыкновенное?....

Такъ какъ фейерверкъ долженъ былъ спускаться около дома полкового командира, въ коемъ остановится баронъ, то припомнимъ положеніе окрестностей дома. Онъ былъ расположенъ на широкомъ уступѣ горы, у каменнаго обрыва, гдѣ внизу протекалъ родникъ прекрасной, здоровой воды, отъ котораго мѣстность и получила названіе. Вода изъ него вливалась въ небольшой прудъ. Съ противоположной стороны дома была гора, на вершинѣ только покрытая лѣсомъ, а затѣмъ всюду до верха голая; съ третьей стороны были службы, а слѣва, по отлогой покатости горы до самаго низу, былъ садъ, оканчивавшійся у дороги, которая была между садомъ и прудомъ и

вела къ роднику. По этой дорогѣ скотъ ходилъ на водоюй къ источнику.

Времени было довольно—слишкомъ двѣ недѣли; вотъ я и выдумалъ: на пруду поставить корабль, убравъ его свѣчами съ буквою *S*, и зажечь его проводомъ изъ сада. На горѣ помфейеръ со звѣздками, въ ружейныхъ стволахъ, представляющій также букву *S*, около которой вертящееся колесо наверху, а по сторонамъ пирамиды; потомъ жаворонки, лусткугели, бураки, павильонъ—все на голомъ мѣстѣ вершины горы, и тамъ же, какъ финаль, буракъ въ 1000 швермановъ и 1000 звѣздокъ. Распредѣленіе фейерверка было очень красивое и при зажженіи понравилось; но добыть 150 стволовъ для помфейера стоило мнѣ не малаго труда. Тутъ г. полковникъ показалъ себя дежурнымъ штабъ-офицеромъ, т. е. скрибомъ, а не солдатомъ: „ну какъ испортятся?“ Однако мы уломали добраго старика. Пробы всѣхъ работъ были удовлетворительны; ударная ракета шла плавно по проволоцѣ и зажгла хорошо.

3-го сентября пріѣхалъ баронъ съ семействомъ: старшая дочь, ужъ 16-ти-лѣтняя красавица, вышедшая вскорѣ за командира карабинернаго полка полковника князя Дадіани; другія двѣ еще подростали. Во время пребыванія на Бѣломъ-Ключѣ гости были въ веселомъ расположеніи духа, со всѣми привѣтливости и мило, и время шло скоро.

5-го, предъ вечернимъ чаемъ, всѣ сошли въ садъ, чтобы посмотрѣть на спускъ фейерверка. Начать, по обыкновенію, должно было съ нѣсколькихъ ракетъ, потомъ зажечь корабль—родъ плота съ досчатыми стѣнками и мачтами. Я поднесъ выточенный изъ пальмоваго дерева фитиль, обвитый цвѣтами, Елизаветѣ Дмитріевнѣ и просилъ ее зажечь проводную ракету. Баронесса отговаривалась немного, говоря, что боится, но баронъ сказалъ: „allons, un peu de courage!“—и Елизавета Дмитріевна, подойдя съ боку къ ракетѣ, зажгла, по указанію моему, стоцинь... Вообразите ужасъ мой: ракета брызжетъ огнемъ

и ни съ мѣста! Ну какъ лопнетъ на мѣстѣ и зажжетъ огромный чепецъ или платье!... Заслонивъ тучную даму собою, я успѣлъ отвести ее за дерево, сказавъ только: „отойдите, отойдите, отойдите!“ Ракета лопнула, не причинивъ никому вреда. Въ ту минуту зажгли корабль и баронесса, увидѣвъ свой вѣзель, привѣтливо улыбнулась мнѣ.

Артиллеристу, приставленному къ кораблю, дано было приказаніе, если ракета лопнетъ въ саду, тотчасъ зажечь фитилемъ стопинь. Увидѣвъ лопнувшую въ саду ракету, онъ живо сбросилъ съ себя все, въ одной рубахѣ пошелъ въ воду, влѣзъ на плотъ и зажегъ проводный стопинь. Корабль вспыхнулъ въ огнѣ, и публика на мгновеніе увидѣла бомбардира въ одной рубахѣ. Острякъ Пот—скій, офицеръ по особымъ порученіямъ при корпусномъ командирѣ, говорилъ потомъ, что рубашки у артиллеристовъ очень коротки, „mais que l'homme était bien bâti, il avait le droit de se montrer, que c'était un plaisir à le regarder et qu'au bout du compte, le tableau était charmant et les dames devaient être contentes.“ Этотъ артиллеристъ, стоя у воды, прозябнулъ и пошелъ выпить водки, чтобы согрѣться; въ это время запоздалая корова, направляясь къ водопою, оборвала проволоку. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, увидя проволоку на землѣ, взялъ бывшихъ тутъ лаборатористовъ и, не сказавъ мнѣ ничего—я былъ въ комнатахъ у барона—давай поправлять, да второцяхъ и не примѣтилъ несчастной вѣтки отъ дерева, прилегшей къ проводной проволокѣ и задержавшей ракету. Это и было причиною неудачи.

Во время фейерверка, который до самаго конца шелъ весьма хорошо и въ порядкѣ, Григорій Владиміровичъ Розень напомнилъ мнѣ о фейерверкѣ на кумыкской плоскости, прибавивъ: „а буракъ былъ великолѣпный, и Алексѣю Александровичу очень понравился.“

— Это онъ и просилъ меня сдѣлать тысячный, да чтобы я самъ сосчиталъ и швермана, и звѣздки.

— Онъ все необыкновенное любить.

— И теперь будетъ для финала такой же, ваше высокопревосходительство.

Баронъ, обернувшись къ Елизаветѣ Дмитриевнѣ, началъ ей рассказывать, какъ во время кампаніи 1832 года я ежедневно веселилъ лагерь спускомъ разныхъ фейерверочныхъ штукъ.

6-го уѣхалъ баронъ, а на другой день уѣхала баронесса съ дочерьми. Вечеромъ, въ чайное время, я былъ у нихъ и между разговорами просилъ позволенія проводить съ горъ на плоскость, до колоніи. Елизавета Дмитриевна сказала: „только прошу быть въ сюртукахъ, а не такъ какъ сегодня, въ мундирахъ; непременно въ сюртукахъ.“ Въ сюртукахъ! Этакую гордую даму, жену нашего высшаго начальника, да при ней еще такія миленькія дочки, и провожать въ сюртукахъ! Нѣтъ, *m-me la baronne, née Zouboff*, этого нельзя. На другой день погода была сырая; на нашей гористой мѣстности лежалъ небольшой туманъ, и холодъ былъ чувствителенъ намъ, въ мундирахъ провожавшихъ нашихъ дорогихъ гостей. Подъ гору съ каретами ѣхали бережно, тихо, иногда тормозили, а, возвращаясь въ гору, не разскачешься, и потому эти 24 версты, до колоніи и обратно, мы порядкомъ прозябли. Молодежи сошло съ рукъ, а я схватилъ осеннюю лихорадку, возвращавшуюся ежегодно въ это время и не покидавшую меня въ продолженіи 9-ти лѣтъ. Весною и лѣтомъ здоровъ, особенно въ походахъ, на воздухѣ; какъ осень—такъ треплетъ. Только перемѣна мѣста, благорастворенный воздухъ Варшавы и благоразумные, энергическіе совѣты доктора В., совѣтовавшаго мнѣ, несмотря ни на какую погоду, стараться всегда быть на воздухѣ, излечили меня.

Въ октябрѣ пріѣхалъ начальникъ артилеріи, строго инспектировалъ батарею, остался доволенъ; былъ очень привѣтливъ, хвалилъ работы въ мастерскихъ и въ особенности то, что ни отъ кого не слышалъ ни одной претензіи. „Что это онъ такъ

привѣтливъ, такъ ласковъ," думалъ я себѣ, и скоро узналъ причину. Наканунѣ выѣзда, когда послѣ ужина господа разошлись и мы остались вдвоемъ, начальникъ артилеріи говорить мнѣ:

— Вы слышали, что командиръ 20-й бригады полковникъ В—ло уходитъ; я хочу представить васъ на его мѣсто.

— Старше меня есть двое въ кавказской артилеріи, и даже одинъ полковникъ.

— Ну, да вы знаете, что имъ нельзя поручить бригады, и потому ужъ это мое дѣло.

— Ваше превосходительство, вы знаете, какъ я сдалъ только-что легкую роту, вамъ извѣстно тоже, какъ я формировалъ эту батареиную батарею. Я ничего не получилъ ни съ бригадныхъ командировъ, ни съ несчастнаго товарища, котораго хотѣли отдать подъ судъ за растрату казенныхъ суммъ. Мнѣ нечѣмъ сдать батарею.

— На ваше мѣсто назначается капитанъ Л—нъ, зять начальника штаба. Онъ ему прикажетъ быть снисходительнымъ при приѣмѣ.

— Я до сихъ поръ снисхожденія по службѣ не просилъ; ваше превосходительство ставите меня въ положеніе потерять репутацію хорошаго офицера. У меня всего 100 червонцевъ, взятыхъ мною у подрядчика за недоданный ячмень. Вотъ все, что я имѣю.

— У васъ батарея въ порядкѣ; его дѣло будетъ изъ экономическихъ денегъ привести ее въ совершенную исправность. Итакъ, это дѣло кончено.

— Я по службѣ не смѣю возражать, а потому повинуюсь. Тѣмъ разговоръ и кончился; мы разошлись. Спалъ я плохо. Уѣзжая, начальникъ артилеріи говоритъ: „черезъ мѣсяць, полагаю, ваше назначеніе выйдеть.“ Но оно длилось болѣе двухъ мѣсяцевъ, ибо изъ Петербурга былъ запросъ: отчего чазначаютъ младшаго въ бригадные командиры, и должно бы-

ло донести, что подполковникъ Бриммеръ назначается, какъ отличный офицеръ, для исправленія 20-й бригады.

XIV.

1835 ГОДЪ. Сдача батарейной батареи. Курьезное состояніе бригады. Первый осмотръ ся. Въ службѣ казна не дойная корова. Миночка. Одна статья кончена. Чудакъ, вмѣсто того, чтобы служить осматривается! Калмыцкая степь. Прачка. Безпорядочное распоряженіе начальства. Приведено въ порядокъ. И вдова получила квитанцію для пенсіи. Соправительница выѣхала. Исправная батарея. Заслужилъ благодарность. Гвардейцы. Старый товарищъ. Осенняя лихорадка. Экспедиція 1835 ГОДА. Лягушки. Impedimento. Г. Малиновскій. Первое отдѣльное начальство. Рана князя А. И. Барятинскаго. Житіе въ Ставрополѣ. Экспедиція 1836 ГОДА. Горячій начальникъ. Отводъ арьергарда подъ моимъ начальствомъ. Прогулка по болоту. Die wilde Jagd. Вотъ котлеты, такъ котлеты! Опять фейерверкъ, на этотъ разъ съ бѣдой. Не отвязная! И заночевали въ гостяхъ. Гдѣ же выигрышь?

Въ началѣ января пріѣзжаетъ къ намъ пріемщикъ, капитанъ Л—нъ. Когда онъ явился ко мнѣ, я просилъ его расположиться у меня въ домѣ, а старшему офицеру приказалъ представить ему офицеровъ. По пріемамъ его и сдержанности въ разговорѣ я увидѣлъ, что и съ нимъ безъ разсужденій дѣло не обойдется, и потому въ тотъ же вечеръ объяснился съ нимъ безъ обиняковъ.

— Завтра вы осмотрите батарею и положите ваше мнѣніе о ней. Мнѣ, прошу васъ, сдаточной вѣдомости не подавать и вообще о недостаткахъ въ батареѣ не говорить. Я предупредилъ начальника артилеріи, что для сдачи батареи у меня только 100 червонцевъ, о чемъ и вамъ подтверждаю. Слѣдственно, если вы, осмотрѣвъ батарею, этимъ не удовольствуетесь, то скажите мнѣ и донесите о томъ начальнику артилеріи.

— Начальникъ артилеріи говорилъ мнѣ, что батарея въ исправности.

— Въ исправности—да; но не все ново, какъ пріемщики требуютъ. Бездѣлицы, что я получилъ при формированіи ея,

я вамъ передамъ, и къ тому еще 100 червонцевъ; болѣе я по этому предмету не буду разговаривать.

— Послѣ осмотра батареи я скажу вамъ мое мнѣніе.

Съ тѣмъ мы и пошли спать. Назавтра я сталъ собираться въ дорогу и занялся разборомъ и укладкою вещей; въ этихъ занятіяхъ нашелъ меня капитанъ.

— Ну что, осмотрѣли батарею? спросилъ я его.

— Осмотрѣлъ, но, Эдуардъ Владиміровичъ, я не могу согласиться....

— Такъ со мной и говорить нечего; напишите начальнику артилеріи, что вы принять батареи не можете, и баста.

— Зачѣмъ же мнѣ доносить начальнику артилеріи? Позвольте вамъ только объяснить мое мнѣніе, вы сами увидите, что я не могу согласиться....

— М. г., я вамъ вчера объяснилъ мое положеніе, болѣе я ничего сказать не могу и считаю излишнимъ разговаривать, перебилъ я его и поклонился.

Онъ вышелъ. Ну—подумалъ я, укладывая вещи—что-то будетъ? Только-что пріѣхавшему въ Грузію капитану даютъ батарейную батарею, которыми вездѣ командуютъ штабъ-офицеры, я бы не долго думалъ, а принялъ бы. Входитъ деньщикъ:

— Господа пришли; прикажете подавать на столъ?

— Подавай!

За обѣдомъ господа поглядывали на меня, я старался быть разговорчивъ. Капитанъ говорилъ немного, болѣе помалкивалъ. Только-что вышли изъ-за стола, я сказалъ, что пойду укладываться, просилъ извинить и пошелъ въ спальню. Капитанъ за мною.

— Я все обдумалъ, Эдуардъ Владиміровичъ, и согласенъ принять батарею; теперь же прикажу написать квитанцію.

— И прекрасно; слава Богу, что не долго думали.

Вечеромъ, когда онъ принесъ мнѣ квитанцію, я передалъ ему всѣ суммы, а, по окончаніи всего служебнаго, подалъ ему

пару серебряныхъ штабъ-офицерскихъ эполетъ (тогда мишурныя только-что входили въ употребленіе, и мы какъ бы стыдился носить ихъ), сказавъ: „прошу васъ принять эту пару эполетъ, только-что мнѣ присланныхъ изъ Петербурга; увѣренъ, что вы ихъ скоро надѣнете, чего искренно желаю.“

На другой день я выѣхалъ въ Тифлисъ. За сдачу и приемъ въ однѣ сутки батареи мы оба получили благодарность Генералъ-Фельдцейхмейстера, что было тогда въ обычаѣ. Начальникъ артилеріи и начальникъ штаба были очень довольны, что у насъ кончилось все полюбовно. Я пробылъ недѣлю въ Тифлисѣ, затѣмъ, взявъ изъ комиссіи третное жалованье впередъ, чтобъ было съ чѣмъ выѣхать, откланялся начальству и въ концѣ января выѣхалъ въ Ставрополь.

Наканунѣ моего отъѣзда, когда я откланивался начальнику артилеріи, онъ просилъ меня прійти къ нему вечеромъ пить чай: „я изложу вамъ состояніе бригады, которою вы будете командовать, и что именно надо скоро привести въ порядокъ.“ Вечеромъ я не засталъ никого у генерала Козлянинова; мы были одни въ кабинетѣ. Прихлебывая чай, онъ началъ мнѣ излагать состояніе бригады, разбросанной по всему кавказскому краю: на Кумѣ, на Терекѣ, близъ Ставрополя, на Кубани и въ Черноморіи.

— Извольте видѣть, Эдуардъ Владиміровичъ, въ этой бригадѣ шесть батарей. При переформированіи артилеріи былъ назначенъ командиромъ батарейной батареи подполковникъ Г—й; онъ принялъ отъ бригаднаго командира батарею, но квитанціи ему не далъ, потому что тотъ за неисправности не можетъ внести денегъ. Теперь бригадный командиръ уѣзжаетъ— это надо кончить.

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Въ одной легкой батареѣ только-что назначенный командиръ, капитанъ К—фъ, померъ; теперь ею командуетъ подполковникъ М—о. Онъ вдовѣ покойнаго не выдаетъ квитанціи,

потому что всѣмъ извѣстно, что послѣ покойнаго денегъ его не осталось, но казенныя суммы всѣ налицо. Безъ квитанціи бѣдная вдова, оставшаяся съ дѣтьми, не можетъ получить пенсіи.

— Кажется, и это уладить можно.

— Другая легкая батарея, что расположена на Терекѣ въ ст. Старогладковской, теперь безъ командира. Ею командовалъ вашей роты офицеръ штабсъ-капитанъ Пикаловъ. Говорятъ, хорошій былъ офицеръ, но недавно померъ. При описи казеннаго имущества и денежныхъ суммъ, все оказалось въ наличности. Я послалъ командовать батареею штабсъ-капитана С—го, ему слѣдовало по старшинству; но вотъ мѣсяць, а объ немъ и слуха нѣтъ.

— Приѣхавши, я посмотрю, что онъ тамъ дѣлаетъ.

— Третья легкая батарея въ Черноморіи. Тамъ командиръ капитанъ Ш—тъ; объ этой я ничего не имѣю сказать; вы мнѣ напишите, какъ найдете ее.

— Я его знаю—офицеръ хорошій.

— Резервная батарейная батарея тоже въ Черноморіи; командуетъ подполковникъ М—й. О батарееѣ ничего не знаю; вы мнѣ напишите, въ исправности ли она? Но тамъ другого рода несообразность: у командира живетъ его сестра, пожилая дѣвица, и, кажется, управляетъ не только его хозяйствомъ, но и батареею. Молодую жену брата она выпроводила изъ дома; та уѣхала къ родителямъ. Надняхъ старшій адъютантъ, М—й, получилъ отъ товарища изъ батареи письмо, въ коемъ тотъ пишетъ, что эта сестра, призвавъ фельдфебеля, приказала принести розогъ и въ своемъ присутствіи, за ширмою, приказала высѣчь вѣстового....

Я разразился такимъ неудержимымъ, такимъ искреннимъ смѣхомъ, что маленькій генералъ заразился имъ, опрокинулся на стулъ и тоже захохоталъ; но вскорѣ, опомнившись, что онъ со мною не въ пріятельской бесѣдѣ, продолжалъ:

— Вы согласитесь, что этого терпѣть нельзя, и потому я буду просить васъ выпроводить изъ батареи эту м....

— Ваше превосходительство, выпроводить обоихъ будетъ легче и справедливѣе.

— Оно такъ; но, можетъ, онъ только слабаго характера, офицеръ хорошій. Я его не знаю.

— Выпроводить сестру отъ брата не легко; надобно будетъ изслѣдовать справедливость до васъ дошедшихъ слуховъ, что еще болѣе уронить командира въ глазахъ солдатъ, а этого надобно избѣгать... Посмотрю, какъ взяться за это. У него жена молодая, хорошенькая; какъ это она успѣла ее выжить изъ дома?

— Надобно, чтобъ эта выѣхала.

— Теперь послѣдняя—парочная батарея, которой командуетъ бывшей вашей роты капитанъ Р—нъ. Какъ этотъ господинъ служить—не знаю, но до меня дошло, что онъ у фейерверкера отнялъ жену и живетъ съ нею. Прошу васъ сказать ему, что это непристойно и чтобы тотчасъ возвратилъ жену мужу.

— Онъ всегда больше занимался юбками, чѣмъ службою; тутъ жена виновата; но это я улажу.

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Прошу васъ, послѣ объѣзда бригады, кромѣ донесенія, написать письмо о чемъ найдете нужнымъ; я буду стараться исполнять все, что можно.

Тѣмъ и кончилась наша конференція, изъ коей я вынесъ убѣжденіе, что мнѣ предстоитъ много непріятностей. Откланиваясь генералу, я спросилъ его, можно ли мнѣ, именемъ его, быть немного настойчивѣе въ моихъ требованіяхъ, въ особенности у трехъ господъ, командующихъ батареями безъ выдачи квитанцій?

— То есть, какъ же настойчивѣе? Я какъ-то не понимаю, спросилъ начальникъ артилеріи.

— Очень просто, ваше превосходительство: если заупрямятся выдать тотчасъ квитанціи, то я скажу, что, по представленію моему, будутъ вашимъ превосходительствомъ отрѣшены отъ командованія батареею.

Начальникъ артилеріи подумалъ немного, потомъ, какъ бы нѣхотя, сказалъ:

— Пожалуй; но вы употребите это средство, какъ последнее убѣжденіе.

Я видѣлъ, что полной его довѣренности еще не имѣю, но подумалъ, что на первый случай и этого довольно, а тамъ—увидимъ.

По пріѣздѣ въ Ставрополь, мнѣ было весьма пріятно услышать, что генераль-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ. Устроившись въ небольшой, уютной квартирѣ, въ домѣ у небогатаго, бездѣтнаго купца, я, не мѣшкая, поѣхалъ по батареямъ, начавъ съ ближайшей батарейной батареи, командиръ которой не выдавалъ квитанціи отъѣзжающему бригадному командиру. Осмотрѣвъ батарею, я убѣдился, что подполковникъ Г—ій службы вовсе не знаетъ, что въ хозяйственной части онъ о батареѣ не думаетъ, а полагаетъ, что хозяйство состоитъ въ томъ, чтобъ елико возможно болѣе сколотить себѣ въ карманъ. Съ такимъ человѣкомъ справиться легко: я приказалъ подать сдаточную вѣдомость, указалъ за что онъ требуетъ много, причемъ напомнилъ ему, что, командуя батареею почти годъ и получая ремонты, онъ ничего не исправилъ; высчиталъ ему по пальцамъ сколько въ продолженіи этого времени онъ могъ имѣть экономіи отъ фуража, а какъ лошади въ батареѣ въ дурныхъ тѣлахъ, значитъ онъ имѣлъ гораздо болѣе экономіи; но въ службѣ казна—не дойная корова, и потому, оставивъ незначительную сумму для спроса съ сдатчика, настоятельно потребовалъ тотчасъ квитанціи. Лѣтами старше меня, вышущенный изъ Дворянскаго полка въ артилерію, въ 1813 году,

этотъ мужиковатый господинъ думалъ найти во мнѣ товарища, а не начальника—слушалъ меня, улыбаясь. Я увидѣлъ, что тутъ учтивая рѣчь неумѣстна, и потому кончилъ, сказавъ ему, что если онъ будетъ только улыбаться мнѣ, то я прикажу собрать батарею и спрошу, сколько въ какое время давали фуража лошадямъ, и прикажу ему оставшіяся деньги представить на улучшение батареи. Улыбка исчезла съ некрасивой физиономіи и тонъ его тотчасъ перемѣнился.

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, да Константинъ Из—чъ (сдатчикъ) и этихъ денегъ не даетъ, у него гроша нѣтъ. Вотъ еслибъ вы поручились за него, я тотчасъ далъ бы квитанцію.

Каковъ господинъ! Я поручусь за сдатчика, когда у меня у самого гроша лишняго нѣтъ!

— Безъ всякой поруки напишите чистую квитанцію, поѣзжайте завтра въ Ставрополь; Константинъ Из—чъ вамъ отдастъ деньги, и дѣло съ концомъ. По службѣ я не шучу—что сказалъ, то и сдѣлаю.

Я уѣхалъ домой и тотчасъ поспѣшилъ къ п. В—ло, котораго просилъ отдать назначенную мною сумму пріемщику, чтобы получить чистую квитанцію. Онъ и жена его были очень обрадованы этимъ добрымъ извѣстіемъ, а она объявила мнѣ, что припрятала небольшую сумму для сдачи батареи.

Полковникъ В—ло женился послѣ персидской кампаніи 1827 года. Жена его, когда я ее зналъ дѣвицею, была 16-ти-лѣтнее премилое созданіе, маленькая, хотя худенькая, но статная, хорошо образованная, умная и веселая. Мужъ всегда звалъ ее Миночкой. Въ 1832 году, проходя съ батареею г. Шемаху, я видѣлъ ее, и, не оскорбляя ни взора, ни слуха, ни чувства приличія, полненькую барыньку эту все еще можно было дразнить Миночкой. Но, по пріѣздѣ въ Ставрополь, прійдя къ старому товарищу, который, поздоровавшись, кричитъ въ радости сердечной: „Миночка, выходи проворнѣе, Эдуардъ прі-

ѣхалъ!“—я остолбенѣлъ отъ удивленія и не вѣрилъ глазамъ своимъ, что это Миночка. Въ отворенныя обѣ половинки двери входитъ жирная, толстая, всюду до исполинскихъ размѣровъ округленная дама, съ привѣтливымъ, улыбающимся личикомъ. Когда мужъ, отгадывая мое удивленіе, сказалъ: „а что, вѣдь хорошо откормилъ Миночку?“—я безсознательно потерялъ приличіе и захохоталъ самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ужъ какъ я его прошу, чтобъ не звалъ Миночкой, онъ все свое, сказала весело умная барыня.

— Не могу, братецъ—привычка.

Ну, тутъ привычка смѣшная, живи съ нею, любезный товарищъ! но что люди отъ дурныхъ привычекъ не отстаютъ.... вотъ это не хорошо.

Назавтра пріѣхалъ подполковникъ Г—ій, получилъ деньги, отдалъ квитанцію В—ло, мнѣ представилъ кошю, и эта статья была кончена.

Около 20-го февраля, предъ выѣздомъ на лѣвый флангъ линіи, я пошелъ къ генералу Вельяминову. Онъ сказалъ мнѣ какія орудія назначаются въ отрядъ и просилъ осмотрѣть, въ исправности ли паркъ, который онъ тоже беретъ за Кубань. „Въ концѣ апрѣля отрядъ собирается у Ольгинскаго укрѣпленія, слѣдственно паркъ изъ д. Солдатской надо скоро выступить,“ кончилъ генералъ.

Я поѣхалъ на Терекъ, въ ст. Старогладковскую, чтобы оттуда направиться на Куму—въ Солдатскую и въ Георгіевскъ.

Пріѣхавъ въ легкую батарею, которою командовалъ покойный штабсъ-капитанъ Пикаловъ и которую теперь долженъ былъ принять капитанъ С—скій, я былъ не мало удивленъ, что съ рапортомъ меня ожидалъ офицеръ, командовавшій батареею по смерти Пикалова.

— А капитанъ С—скій боленъ? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, онъ дома.

— Отчего же не онъ подаетъ рапорта?

— Капитанъ не вступалъ въ командованіе батареею.

Чтобы удовлетворить возраставшее мое удивленіе, я, отпустивъ господъ, просилъ старшаго офицера войти въ комнату. Здѣсь онъ мнѣ и разсказалъ слѣдующую служебную несообразность г. капитана:

— Когда полученъ былъ приказъ, что капитанъ С—ій назначается командующимъ батареею, мы старались все держать въ исправности и надосугѣ написали разные вѣдомости, съ показаніемъ недостатковъ, впрочемъ очень незначительныхъ, думая этимъ облегчить капитану пріемъ. Онъ пріѣхалъ, но приказа о вступленіи въ командованіе не отдалъ; ходилъ на чистку лошадей, смотрѣлъ ихъ, смотрѣлъ цейхаузъ, но батареи не собиралъ. Я нѣсколько разъ просилъ, чтобы онъ вступилъ въ командованіе, но онъ все откладываетъ.

— Да какая же причина?

— Говоритъ, что „успѣю.“

— Денежныя суммы сполна?

— Всѣ казенныя денежныя суммы налицо; кромѣ того за эти два мѣсяца есть экономія отъ фуража—я слѣдовалъ тому, какъ командовалъ покойный.

Въ это время входитъ капитанъ С—ій и является. Я отпустилъ офицера, давъ ему приказанія о порядкѣ смотра.

— Вы ужъ давно здѣсь? спросилъ я капитана.

— Скоро будетъ мѣсяць.

— Отчего же вы не вступили въ командованіе батареею?

— Я осматривался—былъ его буквальный отвѣтъ.

Я оглядѣлъ его съ головы до ногъ, но, видя, что онъ не улыбается, а говоритъ серьезно, еще разъ всмотрѣлся въ него: высокій, стройный, съ виду порядочный человѣкъ, должно быть, въ своемъ умѣ.

— Позвольте вамъ сказать два слова, м. г. Если офицера начальство назначаетъ командовать батареею и онъ, пріѣхавъ

на мѣсто, здоровый, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ не исполняетъ служебныхъ обязанностей, значитъ онъ не хочетъ командовать батареею.

— Я думалъ, что мнѣ въ Грузіи дадутъ батарею.

— Въ этомъ я сомнѣваюсь; но такъ какъ вы не желаете командовать батареею на линіи, то я буду просить о назначеніи другого. Вы получите отъ меня предписаніе.

Я поклонился; чудакомъ вышелъ.

Я спрашивалъ господъ, чѣмъ онъ занимается въ продолженіи дня? Старшій офицеръ говоритъ, что онъ, бывая изрѣдка у него, почти всегда заставлялъ его за русскими книгами или просто лежащимъ на койкѣ; а то гуляетъ, болтаетъ съ казаками, ходитъ на чистку лошадей; „со мною иногда заговариваетъ о европейской политикѣ и о томъ, что здѣсь на Терекѣ климатъ нездоровъ, а о батарее — никогда ни слова.“

— Не пьетъ ли онъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, Эдуардъ Владиміровичъ, онъ очень порядочный человекъ и, кажется, начитанный, а такъ, съ придурью; а главное его пугаетъ, что два командира здѣсь другъ за другомъ померли.

Осмотрѣвъ батарею, я опредѣлилъ по вѣдомости сколько за недостатки и неисправности должно уплатить при приѣмѣ батареи; а такъ какъ денежныя суммы были въ наличности и претензій никакихъ не было, то сумма была незначительна, а принадлежащія покойному Пикалову деньги съ экономическими покрывали съ излишкомъ то, что слѣдовало приплатить. На другой день я получилъ отъ капитана С—го рапортъ, что онъ боленъ. Вѣроятно, ясная опредѣлительность моего разговора съ нимъ побудила его къ тому. Донеся обо всемъ тутъ же начальнику артилеріи, я просилъ о присылкѣ другого командира, а въ письмѣ, изложивъ подробности, просилъ вызвать въ Тифлисъ капитана С—го, что и было исполнено тотчасъ. Онъ получилъ предписаніе начальника артилеріи, съ по-

дорожною и прогонами, и возвратился къ батарее, гдѣ прежде служилъ. Куда онъ дѣвался послѣ—не знаю.

Покончивъ въ четыре дня съ этою батареею, я степью поѣхалъ прямо на р. Куму, въ Солдатскую, гдѣ была расположена царочная батарея. Эти 260 верстъ я сдѣлалъ въ два дня, переночевавъ разъ на станціи. Болѣе скучной, утомительной ѣзды, какъ по калмыкскимъ степямъ, я не знаю: голая, безводная равнина, на ней ковыль, солончакъ. На станціяхъ широко-рожіе калмыки, нечистота, блохи и прочее; только и слышишь: „бачка, пулковникъ!“ Медленность въ запряжкѣ, безпутная гонка, то одно порвется, то другое, безпрестанныя остановки, а пріѣхалъ на станцію—глупо-безстыдная увѣренность, что отлично сдѣлалъ свое дѣло, и потому неотвязчивая просьба на водку.

Пріѣхавъ въ Солдатскую, я съ командиромъ тотчасъ заговорилъ напрямикъ объ отнятой имъ у фейерверкера женѣ.

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, да это прачка у меня живетъ; вѣдь я ее не приневоливаю.

Но такъ какъ я зналъ хорошо капитана Р—на въ бытность его у меня въ батарее, то я съ нимъ не долго разговаривалъ, а просилъ, чтобы онъ тотчасъ отпустилъ жену къ мужу; если же будетъ фейерверкеромъ принесена жалоба, то я пущу ее въ ходъ, и тогда онъ не оберется неприятностей. Это подѣйствовало: онъ въ тотъ же вечеръ отправилъ бабенку къ мужу. Передъ выѣздомъ, я приказалъ фельдфебелю привести ко мнѣ мужа и жену и далъ имъ обоимъ добрую гонку, сказавъ послѣдней, что если она еще разъ осмѣлится бросить мужа, то прикажу ее крѣпко выдрать и переведу мужа въ другую батарею. Такъ возстановилъ я понаружности миръ и согласіе. Связь, какъ я слышалъ, продолжалась, но мужъ былъ доволенъ тѣмъ, что жена живетъ дома и ночуетъ съ нимъ, закрывая глаза на долгія отлучки, подъ предлогомъ мытья бѣлья. *Et sempre bene!*

Это было дѣло стороннее, но служебное дѣло оказалось въ

большомъ разстройствѣ. Послѣ турецкой кампаніи занасный паркъ отправили на линію въ сел. Солдатское. Бывшіе при немъ фуры и ящики сданы были въ георгіевскій арсеналъ, а лошади остались въ паркѣ; ремонта однако не отпускали ни на лошадей, ни на фуры. Такъ все и оставалось до переформирования въ 1834 году, когда дали парку составъ батарейной батареи и причислили къ 20-й бригадѣ. Тѣмъ распоряженія о паркѣ и кончились. Ящики остались въ арсеналѣ, а лошадей оставили, какъ есть, и ремонтовъ не отпускали. Командиръ, видя такое нерадѣніе о паркѣ, пустилъ лошадей на подножный кормъ. Они были худы, ихъ много попадало, но павшіе по описи не исключались, ибо фуражъ получался на наличное число. Ясно, что новое начальство не обратило на это никакого вниманія, а правительство кормило слишкомъ сто негодныхъ лошадей безъ пользы для службы. Это надобно было привести въ порядокъ. Покончивъ тутъ, я поѣхалъ въ Георгіевскъ. Начальникъ кавказскаго гарнизоннаго артилерійскаго округа г.-м. Ладыженскій сказалъ мнѣ, что парковые ящики не сданы въ арсеналъ, а, по неимѣнію помѣщенія въ с. Солдатскомъ, приказано ихъ поставить въ паркѣ. Осмотрѣвъ ихъ, я нашелъ, что всѣ они не только въ деревѣ, но и въ желѣзѣ требуютъ значительной починки, и что нынѣшній годъ паркъ въ экспедицію идти не можетъ. Говоря съ генераломъ Ладыженскимъ, я сказалъ ему, что, рассматривая вѣдомости о неисправностяхъ артилеріи, представленныя въ артилерійскій департаментъ, нашелъ, что одно орудіе въ резервной батарее, которая назначена въ экспедицію, за негодностью должно быть перемѣнено; кромѣ того, много затравокъ съ сильными разстрѣлами, на мѣсто коихъ требуется вставить розетки, и пр., пр., и просилъ его ускорить исправленіе артилеріи.

— Еще разрѣшенія артилерійскаго департамента нѣтъ и вѣдомостей отъ него не получалъ; это тянется долго—покуда тамъ рассматриваютъ, иногда и годъ пройдетъ.

— Знаю, знаю — отвѣчалъ я—но здѣсь медлить нельзя: всякій годъ въ походъ ходятъ. Я объ этомъ скажу генералу Вельяминову и буду просить, чтобы онъ далъ вамъ предписание о немедленномъ исправленіи.

— Ну, вотъ и прекрасно. Какъ командующій войсками напишетъ, я тотчасъ распоряжусь.

Пріѣхавъ въ Ставрополь, я на другое утро пошелъ къ Алексѣю Александровичу.

— Здравствуй, дражайшій! ну, что ты видѣлъ?

— Плохо, ваше превосходительство; парка вовсе не существуетъ.

Генералъ поднялся съ канапе, на которомъ сидѣлъ, и посмотрѣлъ пристально на меня своими свѣтло-голубыми глазами.

— Какъ не существуетъ?

Надобно сказать, что, испрашивая разрѣшеніе на экспедицію, всегда доносятъ сколько и какія войска предполагаютъ взять, и потому не удивительно, что мое: „парка не существуетъ!“ озадачило генерала.

Я рассказалъ ему о состояніи парка, потомъ о неполученіи разрѣшенія артилерійскаго департамента перемѣнить и исправить негодную артилерію, и что въ такомъ видѣ нельзя брать части въ экспедицію.

— Подай рапортъ о всемъ, что ты мнѣ сказалъ.

Я тутъ же подалъ ему двѣ докладныя записки: одну, въ которой проставилъ, что сейчасъ же надо перемѣнить и исправить въ артилеріи (выбралъ изъ представленныхъ въ артилерійскій департаментъ вѣдомостей); другую—о состояніи парка, упомянувъ въ ней, что правительству вмѣсто того, чтобы кормить безъ пользы негодныхъ лошадей, лучше ихъ продать, а ящики сдать въ арсеналь. Прочитавъ со вниманіемъ обѣ записки, онъ приказалъ позвать полковника Ольшевскаго, который правилъ канцелярію и былъ его довѣренный офицеръ.

— Однако въ экспедицію паркъ надобенъ.

— Если позволите мнѣ сказать слово, ваше превосходительство, то можно взять вторые ящики отъ остающихся орудій; но я полагаю, что и одного комплекта будетъ довольно; а чтобы заряды понапрасну не теряли, то позвольте и мнѣ быть въ экспедиціи—ужь я посмотрю за этимъ.

— Хорошо, дражайшій, иди! но бригадные командиры не ходили въ экспедиціи.

— Благодарю, ваше превосходительство, что мнѣ дозволяете идти.

Вошелъ Ольшевскій.

— Объ этомъ—подавая ему записку—напиши Ладыженскому, чтобы распорядился перемѣнить и исправить артилерію тотчасъ, не ожидая разрѣшенія артилерійскаго департамента; а эту записку препроводи къ начальнику артилеріи и упомяни, что съ мнѣніемъ бригаднаго командира я согласенъ.

— Еще, ваше превосходительство, позвольте сказать слово?

— Говори, дражайшій!

Тогда я рассказалъ ему все, что видѣлъ и сдѣлалъ въ легкой батарее, а также о томъ, что я просилъ начальника артилеріи туда же прислать другого командира.

— Все хорошо; но кого же ты просилъ прислать?

— Просилъ капитана М—на, я его знаю; но пришлетъ ли его начальникъ артилеріи—неизвѣстно.

— А если знаешь его, такъ напиши еще разъ отсюда.

Испросивъ въ дежурствѣ летучую карту, я тотчасъ написалъ командиру резервной батареи, чтобы негодные одно орудіе и одинъ лафетъ послалъ на артилерійскихъ лошадяхъ въ георгіевскій арсеналь для перемѣны, а генералъ-маіора Ладыженскаго просилъ выслать мастера въ батарею, расположенную на правомъ флангѣ линіи, для замѣны розетокъ вмѣсто испорченныхъ затравокъ.

Отписавшись въ канцеляріи и отдохнувъ немного, я дня черезъ три поѣхалъ на правый флангъ, на Кубань. Легкая ба-

тарей, къ которой я пріѣхалъ, была подполковника Ми—ко. Здѣсь я ожидалъ непріятныхъ столкновеній и приготовился къ нимъ, принявъ совершенно начальнической тонъ съ перваго слова. Подполковникъ М—ко былъ на 4 года старше меня въ службѣ, слѣдственно служилъ уже 24 года, но только въ прошломъ году былъ назначенъ командиромъ батареи. Долго служилъ въ литовскомъ корпусѣ и, спознавшись съ панами, принялъ много польскихъ сноровокъ; въ сущности же былъ пустой, необразованный бахваль. Привыкнувъ видѣть въ литовскомъ корпусѣ войска, содержимыя въ отличной исправности и наружной чистотѣ, онъ, принявъ батарею, потребовалъ отъ вдовы значительную сумму за неисправности, чего, конечно, та не имѣла, и вотъ 8 мѣсяцевъ заставляеть бѣдную жить при батарее, не выдавая ей квитанцію. При осмотрѣ я нашелъ все въ совершенной исправности по всѣмъ частямъ, а, разговаривая то съ офицеромъ, то съ фейерверкерами и солдатами во время смотра, узналъ, что хотя она и приведена въ нынѣшнее состояніе стараніями М—ко, но что онъ на это не истратилъ много денегъ. Этого мнѣ было довольно. Передъ выѣздомъ я попросилъ его къ себѣ. Поблагодаривъ его за исправное состояніе батареи, что онъ принялъ, какъ должную признательность къ его отличной службѣ, я спросилъ его, отчего онъ не выдаетъ вдовѣ покойнаго командира квитанціи въ пріемъ батареи?

Черноволосый, вряжистый, подслѣповатый господинъ смотритъ на меня съ удивленнымъ видомъ.

— Какъ отчего? оттого, что денегъ не отдаетъ, которыя мнѣ слѣдуютъ за неисправности, найденныя мною при пріемѣ батареи, отвѣчалъ онъ мнѣ почти съ нахальнымъ видомъ, переминаясь съ одной ноги на другую.

— Прошу васъ выслушать меня—я расскажу вамъ въ какомъ вы положеніи. Когда вы вступили въ командованіе батареею и при пріемѣ оной за недостатки и неисправности по-

требовали отъ вдовы денегъ, и она вамъ ихъ не дала, вы тотчасъ должны были донести о томъ и просить о назначеніи комиссіи посредниковъ. Вы этого не сдѣлали, но продолжали командовать ею на законномъ основаніи и исправили ее такъ, что батарея въ очень хорошемъ состояніи...

— Я исправилъ ее на свой счетъ, перебилъ меня подполковникъ М—ко.

— Я васъ просилъ выслушать меня—сказалъ я настойчиво—но, чтобы вывести васъ изъ заблужденія, я вамъ отвѣчу на ваше возраженіе. На какія суммы вы дѣлали исправленія? Истратили привезенные капиталы, продали деревню вашу (не терпѣніе слушателя высказывается повертываніемъ головы и переминаніемъ ногъ)? Вы исправили все на экономическія деньги отъ фуражнаго довольствія. Вы распорядились, какъ хороший хозяинъ, но не дѣлали исправленій на свой счетъ, какъ вы выразились. Пожалуй, деньги эти вы бы могли назвать своими, еслибы вы выдали квитанцію. Но безъ квитанціи въ приѣмъ вы командовать батареєю не можете. Я совѣтую и прошу васъ не угнетать вдовы съ малолѣтнимъ ребенкомъ и выдать ей чистую квитанцію. Я чрезъ недѣлю возвращусь изъ Черноморіи; если найду квитанцію здѣсь на столѣ, мнѣ будетъ пріятно донести начальнику артилеріи о вашей готовности исполнять ожиданія его; если нѣтъ—донесеніе мое будетъ другого рода.

Я поклонился и взялся за фуражку.

— Но, позвольте, Эдуардъ Владиміровичъ, какъ же я...

— Больше объ этомъ говорить нечего. Прощайте.

Я вышелъ. Запряженная коляска стояла у крылечка; тутъ же были гг. офицеры, фельдфебель, ординарецъ и вѣстовой. Садясь въ коляску, я еще разъ поблагодарилъ подполковника и гг. офицеровъ за исправность батареи. Конечно, и на лицѣ его было видно, что онъ деньги предпочелъ бы благодарности, но я не обратилъ вниманія на недовольную фізіономію. При возвращеніи изъ Черноморіи, вмѣстѣ съ рапортомъ о благо-

состояніи батареи онъ подалъ мнѣ квитанцію. Вдовушка пришла благодарить меня. Et de deux...

Съ командиромъ резервной батареи, у котораго сестра была соправительницею, я предположилъ себѣ быть строгимъ до мелочности и игнорировать, что жену выпроводили. Этотъ господинъ, также старше меня въ службѣ, имѣлъ правиломъ угодливостью предъ начальствомъ прикрывать всѣ свои служебные промахи. До сихъ поръ это ему удавалось. На смотре люди показали претензіи въ разныхъ недопускахъ; обмундированіе шло вяло; въ паркѣ, какъ мы называемъ сарай, гдѣ хранится артилерія, былъ безпорядокъ, а главное—послѣ экспедиціи прошлаго года заряды не были передѣланы и лошади не были въ хорошемъ состояніи. Я по всѣмъ частямъ былъ строгъ, взыскателенъ и упомянулъ, что такъ батареею, у которой 12 легкихъ орудій (вмѣсто 8-ми батарейныхъ) и которая ежегодно ходитъ въ экспедиціи, командовать нецозвоительно. Послѣ смотра я сдѣлалъ ему визитъ, и въ передней еще спросилъ: здорова ли супруга его?

— Ее здѣсь нѣтъ, она у родителей.

— Здѣсь нѣтъ? А какъ же я видѣлъ женскую прислугу?

— Моя сестра живетъ со мною.

— Сестра-а-а?

Я вошелъ въ комнату. Небольшого роста, тщедушная, крѣпко разряженная, при цвѣтныхъ лентахъ женщина встала съ каначе и подошла ко мнѣ. Непокойный взоръ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, тонкія безкровныя губы, окаймляющія некрасивый ротъ, позволяли предполагать хитрый природный умъ и недоброе сердце.

— Сестра моя, сказалъ подполковникъ М—скій.

— Очень радъ познакомиться; я слышалъ, вы уѣзжаете въ Россію. Удивляюсь, право, какъ вы могли жить въ этой скучной сторонѣ! Но вамъ надобно торопиться, а то наступитъ такая распутица, что изъ грязи не выльзешь.

Въ самомъ началѣ сестрица разѣвала ротъ, чтобы мнѣ возражать, но я, не останавливаясь, высказался.

— Я въ этотъ годъ еще не думала выѣзжать.

— Навѣрное слышалъ, что вы хотите выѣхать въ Россію. Погостили у брата—и довольно. Поторонитесь, а то грязь ужасная.

И на эту тему разговоръ продолжался съ четверть часа; потомъ я всталъ и распрощался. Въ передней довольно громко еще разъ посоветовалъ скорѣе отправить сестрицу. Обѣдать не остался; сегодня обѣдалъ у атамана, а на другой день у казачьяго бригаднаго командира полковника Са—ва, гдѣ о соправительницѣ услышалъ еще нѣкоторыя курьозныя подробности, вынудившія меня сказать братцу, что я получилъ жалобу, о которой не говорилъ съ нимъ, чтобы не огорчить его и сестрицу, но которую, съ выѣздомъ ея, постараюсь замять. Эти разговоры подѣйствовали благотѣтельно для службы. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ г. Ставрополь, я получилъ письмо, что соправительница выѣхала и что въ батареѣ закипѣла работа. Это извѣстіе мнѣ было очень пріятно.

Изъ Екатеринодара я поѣхалъ въ Медвѣдскую, гдѣ стояла легкая батарея капитана Ш—та, того самаго, котораго въ 1829 году пчелы искусали въ сел. Хартъ. Батарея была въ исправности и часть ея, назначенная къ выступленію, была готова.

Начальникъ артилеріи, получивъ мои донесенія и подробное письмо, былъ очень доволенъ и высказался въ письмѣ о первомъ осмотрѣ бригады съ большою благодарностью. И было за что: присланный вмѣсто капитана С—го капитанъ М—нъ принялъ легкую батарею и, по сдѣланной мною вѣдомости, тотчасъ представилъ квитанцію; еще три квитанціи; жена, возвращенная мужу; изгнанная соправительница. И все это въ первый объѣздъ! Было за что благодарить. Видя такое доброе начало, начальникъ артилеріи представилъ меня къ

утвержденію бригаднымъ командиромъ, и я былъ утвержденъ имъ въ чинъ подполковника.

Въ нынѣшнемъ году были присланы изъ гвардіи офицеры для участія въ экспедиціи противъ горцевъ праваго фланга, такъ какъ правительство рѣшило поставить на восточномъ берегу Чернаго моря нѣсколько укрѣпленій для воспрепятствованія сношеній турокъ съ горцами. Изъ этихъ молодыхъ офицеровъ нѣкоторые выдвинулись на высшія ступени государственной службы; припомню нѣкоторыхъ: корнетъ, кажется, кирасирскаго Ея Величества полка князь Александръ Ивановичъ Барятинскій ¹³⁾, артилеристы—адъютантъ военнаго министра графъ Штакельбергъ ¹⁴⁾, Баранцевъ ¹⁵⁾, П. Масальскій ¹⁶⁾ и другіе.

Въ Ставрополѣ я нашелъ изъ старыхъ знакомыхъ моихъ полковника Горскаго, оберъ-квартирмейстера при командующемъ войсками на линіи. Онъ служилъ артилерійскимъ офицеромъ, въ 12-й бригадѣ, во французскомъ корпусѣ графа Воронцова, былъ, какъ и я, прикомандированъ къ свитѣ (нынѣ генеральный штабъ), а потомъ переведенъ въ этотъ родъ службы. Намъ обоимъ было пріятно встрѣтиться. Онъ былъ женатъ и имѣлъ уже двухъ малютокъ.

По возвращеніи моемъ въ Ставрополь, я не долго пробылъ въ городѣ. Удивительно, что лихорадка, не беспокоившая меня въ дорогѣ, только-что я успокоился отъ оной на своей квартирѣ, опять дала себя знать. Малѣйшая неосторожность—и она бросала меня въ постель, а послѣ транспираціи я, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ на ногахъ до первой незначительной простуды. Эта неотвязчивость осенней лихорадки крѣпко наскучаетъ. Странно, что хина мнѣ не въ прокъ—производитъ рвоту.

---

¹³⁾ Нынѣ фельдмаршалъ.

¹⁴⁾ Посоль при вѣнскомъ, потомъ при французскомъ дворахъ.

¹⁵⁾ Помощникъ Генераль-Фельдцейхмейстера.

¹⁶⁾ Начальникъ артилеріи гвардейскаго корпуса, утвержденный недавно въ княжескомъ титулѣ, по предкамъ.

Въ апрѣлѣ войска стали стягиваться къ Ольгинскому укрѣпленію, противъ Черноморіи, на лѣвомъ берегу р. Кубани. Я уже сказалъ, что всѣ горныя экспедиціи похожи одна на другую, а потому не стану описывать подробности ихъ дѣйствій; упомяну только особенности, какія случаются, и что собственно касается меня.

Прибывъ въ отрядъ, я осмотрѣлъ артилерію и нашелъ ее въ полной исправности; что надо было перемѣнить—было перемѣнено, что исправить—исправлено. По донесеніи о семъ генералу Вельяминову, онъ благодарилъ генерала Ладыженскаго.

Мы простояли лагеремъ около Ольгинскаго до половины мая. За нѣсколько дней до выступленія странность одного явленія природы встревожила весь лагерь. Съ разсвѣтомъ входитъ въ мою палатку деньщикъ, будить меня и говоритъ: „ваше высокоблагородіе, вставайте проворнѣе, чудо какое-то—лягушки нахлынули на лагерь, все идутъ тучею; такая напасть! Посмотрите.“ Я всталъ, накинулъ шинель и вышелъ изъ палатки, которая была недалеко отъ наружнаго рва укрѣпленія. Вижу: сплотившіяся толпы солдатъ и офицеровъ стоятъ на огромномъ пространствѣ; въ срединѣ ихъ идетъ какъ бы дорога, сажени въ двѣ, отъ рва до передовой цѣпи; на этомъ пространствѣ, передъ угломъ бастіона, лагерь, огибая укрѣпленіе, какъ бы раздѣлялся. Шумный говоръ, хохотъ.... Я пробился чрезъ толпу и вышелъ впередъ, недалеко отъ рва. По окаймленному толпою людей пространству идетъ, ползетъ и прыгаетъ какая-то движущаяся сплошная масса—все лягушки, одна на другой, темно-коричневая, до полувершка росту; дойдя до рва, падаютъ въ него. Милліарды ихъ захватили уголь и милліарды ползутъ по рву далѣе. Было надъ чѣмъ похохотать, было о чемъ и потолковать. Откуда эти незванные гости? Съ вечера была гроза въ горахъ и сильный дождь, но въ лагерѣ дождикъ былъ не великъ. Отъ подошвы горъ почти до Кубани тянутся тлахо-фиштскія болота. Между разными своеобраз-

ными предположеніями установилось одно, что лягушки упали вмѣстѣ съ дождемъ въ болото. Accordez? Зачѣмъ же лягушкамъ не остаться въ болотѣ, кажется, ихъ стихія, ихъ царство? Солдаты порѣшили, что это вспомогательное войско пришло къ горцамъ. Смѣялись много надъ секретомъ, который, услышавъ приближающійся глухой шумъ, прежде свиснулъ, потомъ выстрѣлилъ, но когда лягушки полѣзли на него въ рукопашную, началъ отряхиваться и, не выдержавъ натиска, бѣжалъ.

У насъ, кромѣ полковыхъ обозовъ, былъ огромный транспортъ съ лѣсомъ, который мы везли для карауленъ и жилыхъ домовъ. Когда все было готово, мы выступили и съ нашимъ огромнымъ обозомъ потянулись черепашымъ шагомъ по плоскости, по отдѣланной дорогѣ, въ Абинскому укрѣпленію, построенному еще въ прошломъ году. Справа и слѣва—огромныя болота. Кромѣ авангарда и арьергарда, весь отрядъ шелъ съ боку нашего нескончаемаго обоза, со стороны горъ, служа резервомъ густой застрѣльщицъей цѣпи, отъ коей, далѣе въ поле, линейскіе казаки со своими резервными сотнями фланкировали все шествіе. По дорогѣ шла артилерія и обозъ. Горцы издали съ любопытствомъ слѣдили за нашимъ шествіемъ.

Тотчасъ по прибытіи на мѣсто занялись складомъ матеріаловъ и разбитіемъ укрѣпленія. Простора не было. Ущелье здѣсь хотя было довольно широко, образуя площадь, въ серединѣ которой протекала рѣчка, но со всѣхъ сторонъ было окружено лѣсистыми горами.

Въ отрядѣ находился начальникъ 20-й дивизіи генералъ-лейтенантъ Малиновскій. Полякъ, человекъ добрый, привѣтливый, большой говорунъ, и былъ ужъ старъ. Бывъ въ одномъ чинѣ съ командующимъ войсками, онъ думалъ, что имѣетъ право разсуждать о распоряженіяхъ начальника. Генералъ Вельяминовъ его не долюбивалъ и не особенно уважалъ.

Оставивъ здѣсь, при складѣ, два баталіона, 8 орудій моей

бригады и сотню линейскихъ казаковъ, подъ моимъ начальствомъ, генералъ Вельяминовъ взялъ весь опроставшійся транспортъ для отправленія на линію и выступилъ съ отрядомъ къ Абинскому укрѣпленію. Отправивъ оттуда транспортъ въ Ольгинское и сдѣлавъ нужныя распоряженія, онъ чрезъ недѣлю вернулся къ намъ.

Первое отдѣльное, самостоятельное порученіе, данное мнѣ начальствомъ въ военное время, удивило не меня одного, но и многихъ. Въ первую ночь по отбытіи отряда я не спалъ вовсе; не говорю уже, что съ вечера объѣздилъ всѣ посты и самъ въ приличныхъ мѣстахъ поставилъ секреты. Ночь прошла спокойно. Но когда на другой день солдаты изъ секрета сказали мнѣ, что видѣли на холмѣ, выше въ ущельи, горцевъ, наблюдавшихъ за лагеремъ, я приказалъ очистить холмъ отъ лѣса и, сдѣлавъ тамъ крѣпкій заваль изъ бревенъ, поставилъ роту, которую смѣнялъ ежедневно. Днемъ на нѣсколько часовъ я раздѣвался, но ночью ложился одѣтый; лошадь ночью была всегда осѣдлана. Какъ начнетъ смеркаться, начиналась перестрѣлка съ подползавшими горцами, но, къ счастью, безвредная—раненыхъ не было. Когда, на восьмой день, генералъ Вельяминовъ вернулся съ войсками и я, выѣхавъ ему на встрѣчу, отпортовалъ о благосостояніи отряда, онъ, послѣ обычнаго—„здравствуй, дражайшій,“ спросилъ: „а гости были?“

— Всякій вечеръ жаловали—помѣняются выстрѣлами и отойдутъ; раненыхъ нѣтъ.

Узнавъ же, что я всѣ приказанія его исполнилъ, онъ былъ доволенъ. И я былъ очень доволенъ, что мое начальствованіе кончилось благополучно.

Начали строить укрѣпленіе, казармы для одной роты, командирскій домъ, офицерскій, караульню и прочая; ходили на фуражировки, вступали въ перестрѣлки, имѣли раненыхъ и убитыхъ, т. е. все, какъ слѣдуетъ. Особенностей въ этой экспедиціи—никакихъ. Выстроивъ укрѣпленіе, мы, въ октябрѣ,

вернулись на линію. За эту экспедицію я былъ произведенъ въ полковники.

Припоминаю, какъ послѣ одной изъ нашихъ прогулокъ въ шацугскіе аулы привезли въ лагерь раненымъ молодого князя Барятинскаго. Бывая у полковника Безобразова (командовавшаго всей кавалеріей отряда), съ которымъ онъ жилъ, я познакомился съ молодымъ и блестящимъ представителемъ нашей аристократіи. Всѣ, знавшіе его, искренно жалѣли о немъ. Говорили, что рана смертельная. На другой день я пошелъ его провѣдать. Вхожу въ палатку: священникъ во всемъ облаченіи, нѣсколько офицеровъ; слугителя князя цѣлуютъ руки и прощаются съ нимъ. Видя сомнительныя мины медиковъ и услышавъ слово „смертельная,“ князь пожелалъ исполнить послѣдній долгъ христіанина. Я подошелъ къ постели, онъ слабо пожалъ мнѣ руку. Видя на смертномъ одрѣ молодого человѣка, только-что начавшаго жить, котораго природа одарила и тѣлесною красотою, и знатностью, и богатствомъ, я невольно прослезился. По выходѣ изъ палатки, грусть напала на сердце, и томительныя мысли о несообразныхъ дѣйствіяхъ неминуемой судьбы не оставляли меня, покуда я не сбросилъ гнетъ этихъ безсильныхъ попытокъ человѣческаго самонадѣяннаго ума, сказавъ: „да будетъ воля Твоя, Господи!“ Но скоро утѣшительныя извѣстія обрадовали принимавшихъ участіе въ положеніи князя Барятинскаго: крѣпкая натура, сильное, здоровое тѣлосложеніе пересилили опасную болѣзнь. Черезъ 19 лѣтъ мы вмѣстѣ били турокъ, а потомъ онъ былъ намѣстникомъ кавказскимъ, побѣдителемъ Шамиля, фельдмаршаломъ....

Удивительно, что все лѣто, проведенное на чистомъ воздухѣ, лихорадка не беспокоила меня, а только-что попалъ подъ крышу—опять принялась трепать, наскучила, неотвязчивая! Доктора говорятъ: чтобы избавиться отъ осенней лихорадки, надобно перемѣнить мѣсто жительства. Оно, можетъ, и такъ, да кавказскую службу мнѣ оставлять не хочется.

Въ Ставрополѣ всѣ вечера въ недѣлѣ были разобраны. Напьются чаю, задымятъ трубки, засядутъ въ карты и бьются до часа и двухъ за полночь. Я въ карты не игралъ, въ шахматы не было охотниковъ; посидишь, поболтаешь съ дамами о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, и въ 10 часовъ домой. Я пересталъ ужинать—кусочекъ чернаго хлѣба съ солью и стаканъ холодной воды, потомъ побалагуришь съ Приблудомъ, закуришь трубку, а тамъ—я на постель, а онъ—на коверъ подлѣ печки, и оба въ 6 часовъ были ужъ на ногахъ. Дурная привычка въ постели читать; но, придетъ время, отвыкну. Послѣ чая приходятъ адъютантъ, казначей; займешься бумагами, дѣлъ не много. Возьмешься за журналы, хорошо если попадется военная или историческая статейка, а то, прости Господи, дрянъ да болтовня! Да и артилерійскій журналъ—возьмешь въ руки, думаешь, вотъ научить чему, перелистываешь да и бросишь. Ну, изъ своей избы сору выносить не надобно.... Передъ обѣдомъ пойдешь гулять, зайдешь куда или верхомъ проѣздишь съ часокъ, къ обѣду—домой, свои господа ждутъ; удалось залучить еще кого—хорошо! Уйдутъ господа, сядешь читать или пишешь что нибудь до чая. Такъ день за днемъ, съ малымъ разнообразіемъ. Два-три раза въ мѣсяцъ пойдешь обѣдать къ Алексѣю Александровичу Вельяминову и его разговоромъ какъ будто освѣжишься. Своеобычный человѣкъ былъ. Самъ ѣлъ такъ мало, что и трехлѣтній ребенокъ бы остался голоденъ при такой діетѣ, а любилъ, чтобы у него было ежедневно человѣкъ двадцать за столомъ, чтобы огромные ростбифы, затѣйливыя блюда и разныя поварскія ухищренія подавались къ его столу. Самъ ихъ не ѣлъ, довольствуясь иногда молочнымъ супомъ, иногда бульономъ и кусочкомъ говядины; но когда увидитъ, что кто изъ сидящихъ за столомъ понимаетъ поданное блюдо и съ знаніемъ дѣла принимается уписывать его за обѣ щеки, глаза амфитріона проясняются, улыбка удовольствія появляется на холодной физиономіи, и сердце его радуется, что

онъ нашелъ человѣка, умѣющаго ѣсть со вкусомъ и понимающаго, что онъ ѣсть. Благороднѣйшій человѣкъ! Много спускалъ онъ молодости, если видѣлъ, что въ проступкѣ только молодость виновата; всегда радъ былъ дѣлать добро, радовался, когда дѣлали добро другіе, но низостей не прощалъ.

Такъ прошла зима; съ весною — опять въ объѣздъ по бригадѣ, а въ апрѣлѣ опять на сборный пунктъ къ Ольгинскому укрѣпленію, въ экспедицію противъ горцевъ.

Въ эту экспедицію мы выстроили укрѣпленіе Кабардинское у устья р. Дообъ, впадающей въ Черное море, и на отвѣсной скалѣ, вдоль всего залива, продолжали дорогу къ Геленджикю. Дорога эта доказываетъ опять своеобычность Вельяминова: ужъ дѣлать, такъ дѣлать хорошо! И сдѣлали чудное шоссе, какъ въ Финляндіи! А, кажется, можно было удовольствоваться и менѣе великолѣпною дорогою.

Вмѣсто генераль-лейтенанта Малиновскаго былъ весною назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи генераль-майоръ Фезе, швейцарецъ, человѣкъ храбрый, служившій подъ начальствомъ барона Розена въ литовскомъ корпусѣ.

На фуражировку посылались малые отряды всѣхъ родовъ войскъ, подъ начальствомъ пѣхотныхъ полковниковъ, обыкновенно полковыхъ командировъ; производились онѣ чрезъ день, иногда чрезъ два дня. Если вмѣстѣ съ фуражировкой надобно было наказывать какія нибудь племена, то отрядъ увеличивался и генераль Вельяминовъ посылалъ генерала Фезе, а иногда и самъ ходилъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда генералу Фезе приказано было непременно сжечь притонъ разбойниковъ, я тоже пошелъ прогуляться. Отошедши верстъ 5 или 6 отъ лагеря, мы пошли по холмистой мѣстности, почти безлѣсной. Толпы горцевъ провожали насъ слѣва, идя по невысокому вряжу, далѣе ружейнаго выстрѣла; я и нѣсколько офицеровъ ѣхали при генералѣ. Увидѣвъ провожавшихъ насъ горцевъ, онъ закричалъ: „надобно прогнать ихъ; какъ они смѣютъ!“

Онъ былъ человѣкъ горячій, антиподъ генерала Вельяминова.

— А развѣ они намъ мѣшаютъ, ваше превосходительство? пускай ихъ смотрятъ—вѣдь не стрѣляютъ; они знаютъ, что ружье не хватить, сказалъ я.

— Прикажите, чтобы пушки стрѣляли!

— Ваше превосходительство, мы отсюда ихъ прогонимъ, они пойдутъ на другой холмъ; напрасно солдаты будутъ за ними бѣгать и утомляться.

— Прикажите стрѣлять! сказалъ онъ мнѣ и обратился къ адъютанту: чтобъ цѣпь шла на холмъ и рота въ резервъ.

Горцы, видя, что орудіе снимается съ передка и цѣпь взяла съ ротою направленіе на холмъ, спустились съ него и ушли. Орудіе, сдѣлавъ выстрѣлъ ядромъ, стало на свое мѣсто, цѣпь и рота заняли холмъ, оставленный горцами. Генералъ поскакалъ туда—видитъ, что горцы стоятъ на другомъ холмѣ и смотрятъ на его продѣлки. Генералъ, разсердившись, приказалъ ротѣ и цѣпи идти на свое мѣсто. Я ужъ не подѣзжалъ къ этому горячему человѣку, но полковникъ Пирятинскій, командиръ Кабардинскаго полка, говоритъ мнѣ:

— Да этакъ онъ солдатъ уморить безъ дѣла.

— Скажите ему объ этомъ, а мнѣ надоѣло говорить съ нимъ.

Сдѣлавъ еще версты 3—4, мы подошли къ аулу, который приказано сжечь. Мы спустились на поляну; передъ нами—рѣчка въ неглубокомъ оврагѣ, за рѣчкой, въ полуверстѣ, ущелье между лѣсистыхъ горъ, въ коемъ аулъ; ширина ущелья сажень до 250-ти, длина съ версту. Въ аулѣ множество деревьевъ толщины необычайной, видно, что сплошной лѣсъ вырубленъ, чтобы поставить аулъ. По выходѣ изъ ущелья—холмистая поляна съ оврагами. Войдя въ ущелье, мы увидѣли, что аулъ оставленъ, пусть. Двѣ роты съ четырьмя орудіями прошли аулъ, цѣпь справа и слѣва, по горамъ, соединила авангардъ съ

прочими войсками, не входившими въ аулъ. Поставивъ по два орудія на отлогихъ холмахъ—съ одного изъ нихъ видны были изгибы овраговъ—я расположился здѣсь позавтракать съ господами взводными командирами. Одна рота стояла совсѣмъ влѣво, другая, въ прикрытіи орудій, направо. Приѣхалъ генералъ, посмотрѣлъ на расположеніе войскъ, на мѣстность. Все тихо, ни одного выстрѣла. „Никого нѣтъ; не осмѣлятся!“ сказалъ онъ, отъѣзжая. Я не противорѣчилъ ему, хотя былъ увѣренъ, что при отходѣ отъ аула намъ будутъ проводы. Вскорѣ аулъ запылалъ. Мы преспокойно завтракали, но, прохладаясь и болтая, въ оба посматривали на окрестность. Вскорѣ мы углядели, что въ оврагахъ, перерѣзывающихъ мѣстность, и за холмами началось движеніе, которое убѣдило, что шацуги собираются съ честью проводить насъ. Часа чрезъ полтора генералъ опять приѣхалъ къ намъ. Весь аулъ пылалъ; отдѣльныя сакли, разбросанныя въ ущельи между огромными деревьями, всѣ занялись; дымъ изъ ущелья валилъ къ намъ. Подъѣхавъ ко мнѣ на холмикъ, генералъ Фезе сказалъ:

— Тутъ никого нѣтъ; я прошу васъ, примите команду надъ арьергардомъ, и когда я пришлю вамъ сказать, то отведите роты отсюда. Я поѣду къ войскамъ.

— Очень хорошо, ваше превосходительство; прошу васъ послать адъютанта, чтобы пѣхота слушалась моихъ приказаній. Вамъ кажется, что здѣсь нѣтъ никого, между тѣмъ какъ всѣ овраги полны горцами, ихъ тысячи, и только-что мы тронемся—будутъ крѣпкіе проводы.

Генералъ Фезе недовѣрчиво улыбнулся и уѣхалъ.

Орудія были заряжены картечью. Желая, чтобы два орудія отступали въ линіи застрѣльщиковъ, я приказалъ взять отъ другихъ двухъ орудій запасныя сумы, и всѣ сумы наполнить картечными снарядами. Два орудія и четыре ящика (по одному на орудіе) должны были слѣдовать первыми чрезъ аулъ. Пѣхотнымъ ротнымъ командирамъ я сказалъ, чтобы, от-

дѣливъ по 15-ти человекъ къ каждому изъ двухъ орудій, которыя будутъ въ арьергардной цѣпи, остальныхъ людей выслали бы впередъ въ цѣпь, связывая боковыя цѣпи, стоящія на отлогостяхъ горы, и чтобы застрѣльщики равнялись по орудіямъ или по моей бѣлой фуражкѣ—все равно. Получивъ приказаніе отходить, я послалъ фейерверкера посмотреть, какъ пожаръ около дороги? Онъ принесъ извѣстіе, что нѣсколько домовъ еще горятъ, но почти вся деревня уже сгорѣла. Я приказалъ быстро отходить ящикамъ, и когда пѣхота стала, какъ приказано было, орудія спустили съ холма; два другія стояли отдѣльно, впереди пѣхоты шаговъ на 50. Только-что начали спускаться съ холма орудія, вдругъ изъ всѣхъ овраговъ выскочили горцы, но увидя, что мы стоимъ, начали стрѣлять. Картечь съ одного орудія... и, живо наложивъ назадъ на передокъ, отъѣхало. Другой выстрѣлъ—и другое отъѣхало... Тутъ горцы съ дикимъ крикомъ и визгомъ бросились впередъ, но были встрѣчены сильною ружейною пальбою и картечью изъ другихъ двухъ орудій. Толпы ихъ разсѣялись, какъ бы ошеломленные. Тутъ ихъ много повалило, многихъ оттаскивали, много валялось. Мы стали отходить. Вначалѣ орудія пошли на пролонжахъ, но, войдя въ деревню, гдѣ изгибалась дорога и были наброшены полѣнья, пролонжи были брошены; дальше пошли на лямкахъ. Каждая 20—30 сажень заднее орудіе останавливалось, переднее проходило мимо его; цѣпь останавливалась у стоящаго орудія. Толпы горцевъ, вбѣжавъ въ горящій аулъ, изъ-за оградъ, изъ-за деревьевъ стрѣляли въ нашихъ, иногда съ дикимъ гикомъ, шашки обнаживъ, бросались на цѣпь; цѣпь отстрѣливалась, картечь гуляла, резервы подбѣгали съ крикомъ „ура!“ Горцы оттаскивали своихъ раненыхъ, прятались за деревья; мы тихо отходили къ сзади стоявшему орудію и опять останавливались, пока орудіе не занимало позади мѣста. Къ серединѣ ущелья деревья были чаще; горцы подбѣгали на 5—10 шаговъ къ цѣпи и изъ-за толстыхъ деревьевъ стрѣляли навѣрняка. Во вре-

мя всего отхода я былъ возлѣ орудій, пославъ въ началѣ его пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ къ боковымъ цѣпямъ съ приказаніемъ, чтобы 10 солдатъ всегда держались впереди фронтальной цѣпи. Любо смотрѣть было въ какомъ порядкѣ офицеры держали отходящія цѣпи и резервы; всѣ они, шашки наголо, были при резервныхъ кучкахъ: при сильныхъ и частыхъ натискахъ горцевъ малѣйшій безпорядокъ могъ быть гибельнымъ.

Половина аула была уже пройдена. Только-что выстрѣлившее орудіе зарядили и я приказалъ ему отходить, какъ артиллеристъ № 1, обернувъ банникъ, упалъ къ моимъ ногамъ. Орудіе ужъ двигалось назадъ. Я взялъ артиллериста за плечо, чтобы оттащить, но горецъ съ кинжаломъ въ рукѣ бросился ко мнѣ. Офицеръ ударилъ его шашкой, два штыка покончили съ нимъ. Нѣсколько горскихъ выстрѣловъ... резервъ съ крикомъ „ура!“ бѣжитъ впередъ. Я, съ помощью одного солдата, оттаскиваю раненаго артиллериста за орудіе... Резервъ отходить назадъ; тѣло убитаго горца ужъ утащили свои. Ранившій артиллериста горецъ былъ за толстымъ деревомъ, шагахъ въ 8-ми отъ орудія. Офицеръ и солдаты, обернувшись на выстрѣлъ и увидѣвъ подбѣгающаго горца, бросились ко мнѣ въ пору. Другая половина аула, уже выгорѣвшая и съ рѣдкими деревьями, доставляла намъ болѣе простора—и горцы оставили насъ. Благодаря порядку, въ которомъ гг. кабардинскіе офицеры сдерживали цѣпь, и резервамъ, которые, не увлекаясь погонею за горцами, тотчасъ возвращались къ цѣпи, ранены при отходѣ изъ ущелья 1 артиллеристъ и 11 пѣхотныхъ солдатъ. Когда мы вернулись на поляну, я приказалъ орудіямъ идти на свои мѣста, а самъ пошелъ къ генералу съ рапортомъ.

— Что вы долго шли? Ужъ очень медленно!... спросилъ онъ меня.

— Отходили въ порядкѣ.

— Ужъ очень мѣшкотно.

— Оттого, что мѣшкотно отходили—сказалъ я съ досадою—и раненыхъ мало.

— Да что у васъ тамъ было?

— По выстрѣламъ и по тому, что мы слишкомъ часъ шли какую нибудь версту, ваше превосходительство можете заключить, что проводы горцевъ были хороши.

При этомъ разговорѣ было нѣсколько офицеровъ. Всѣ подробности нашего дѣла и прогулки быстро разнеслись по лагерю. Вечеромъ пріятель мой полковникъ Полтининъ, храбрый командиръ Навагинскаго полка, пришелъ ко мнѣ и, спрашивая, что и какъ было, говоритъ:

— Эхъ, братъ, послѣ картечи ты бы всей лиціей на нихъ—такъ бы ихъ отдѣлалъ!...

— Для того, чтобы, увлекшись погоней, разстроиться, прійти въ беспорядокъ? Нѣтъ, родимый, и тебѣ этого не совѣтую. А сколько при свалкѣ было бы раненыхъ, да ихъ оттаскивать, а ну какъ въ суматохѣ оставишь кого? а орудія сзади одни... Нѣтъ, любезный, я беспорядка не люблю. Мы ихъ отпотчивали добрымъ порядкомъ; у насъ тронутыхъ мало—значить хорошо.

Полтининъ былъ вмѣстѣ со мною офицеромъ съ 1815 года и выпущенъ изъ корпуса въ пѣхоту. Мы познакомились еще во Франціи, находясь оба въ корпусѣ генерала Воронцова. Человѣкъ добрый, веселый, офицеръ храбрый, прямая русская душа. Слушалъ онъ меня со вниманіемъ, кажется, убѣдился, но—увы—совѣта моего никогда не могъ примѣнить къ дѣлу. Такія „ура“ для штыкового дѣла хороши, когда сильные резервы поддерживаютъ натискъ и сзади все въ порядкѣ.

На другой день, возвращаясь къ себѣ послѣ купанья въ морѣ, я увидѣлъ генерала Вельяминова на берегу. Я подошелъ, поклонился.

— Здравствуй, дражайшій; а что твоего артилериста крѣпко ранили вчера?

— Будетъ здоровъ, ваше превосходительство—въ ногу выше колѣна.

Этотъ вопросъ былъ мнѣ наградою, потому что Вельяминовъ никогда бы не спросилъ меня о раненомъ, еслибы не былъ увѣренъ, что вопросомъ этимъ сдѣлаетъ мнѣ пріятное. Правда, холодный, но добрый, высокой честности и свѣтлаго ума человекъ былъ Алексѣй Александровичъ!

Окончивъ Кабардинское укрѣпленіе со всѣми его постройками, снабдивъ его фуражемъ и нарубивъ для гарнизона дровъ на зиму, мы, въ октябрѣ, пошли въ обратный путь для распущенія отряда. На одномъ изъ переходовъ, когда надобно было переходить густой лѣсъ, лазутчикъ привезъ извѣстіе, что въ очень дурномъ мѣстѣ горцы сдѣлали засаду и что ихъ собралось много изъ всѣхъ селеній. Генераль Вельяминовъ, у котораго не было въ расчетѣ безъ нужды терять людей, спрашиваетъ лазутчика:

— Нельзя ли обойти мѣсто, гдѣ горцы насъ ждутъ?

— Можно; но дороги нѣтъ—все болото, много камышъ, много кабанъ.

— Пройти можно, не завязнемъ?

— Зачѣмъ завязнуть? пройти можно.

И пошли влѣво, чрезъ лѣсъ, оставивъ горцевъ ждать насъ. Скоро вышли на поляну; предъ нами другой лѣсъ—болотный камышъ: казакъ верхомъ съ пикой дѣлался невидимъ, только копыцею пики видать поверхъ камыша, и толщина его пальца въ два. Генераль приказалъ полусотнѣ казаковъ стать въ одну линію, а остальнымъ казакамъ ѣхать за нею, чтобы смять камышъ и прочимъ войскамъ и обозу сдѣлать дорогу. Стройно вошли казаки въ болото, которое, къ счастью, отъ знойнаго лѣта и хорошей осенней погоды не было особенно вязко. Баталіона два пѣхоты, четыре орудія вошли въ камышъ. Вязковато, кочковато, но, ничего—идти можно; утаптываемый камышъ помогаль шествию. Генераль со свитою поѣхаль за

орудіями; я былъ при немъ. За нами шелъ весь обозъ; съ правой стороны его—роты пѣхоты въ рядахъ, съ лѣвой—необозримое болото. Всѣ прочія войска—за обозомъ. Съ каждымъ шагомъ мы отдалялись отъ лѣса, лежавшаго справа, и входили все болѣе въ болото. Вдругъ пѣхота впереди остановилась. Крикъ, шумъ непонятный; впереди ѣхавшіе казаки разсыпались, скачутъ во всѣ стороны, гикаютъ; въ пѣхотѣ шумъ увеличивается. Общій переполохъ... Офицеры изъ свиты генерала поскакали впередъ, чтобы узнать причину суматохи, и попадаютъ... въ тылъ охоты на кабановъ! Генераль строго приказалъ, чтобы сотня казаковъ ѣхала впереди и топтала камышъ, а пѣхота не останавливалась; со стороны болота, по протяженію обоза и артилеріи, велѣно идти ротамъ пѣхоты въ рядахъ. Какъ только вѣсть о кабаняхъ дошла до казаковъ, ѣхавшихъ сзади, они понеслись впередъ, много офицеровъ за ними. Всѣ разсыпались по камышамъ, справа и слѣва отряда. Стадо кабановъ, исполошенное казаками, бросилось, какъ угорѣлое, во всѣ стороны. Охотники, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, кто съ шашкой наголо, гнались за ними. Разъяренныя животныя бросались на нихъ, бросались и въ ряды солдатъ, но вездѣ находили смерть то отъ штыковъ, то отъ мѣтвой пули, то отъ сильнаго удара пика. *Das war eine wilde Jagd!* Хорошо что и съ лѣвой стороны, со стороны болота, приказано было идти пѣхотнымъ ротамъ въ рядахъ, а то обозу и артилеріи пришлось бы недосчитаться нѣсколькихъ лошадей. Впрочемъ, главная охота была впереди отряда, и продолжалась версты три въ самой чащѣ густого камыша. Сдѣлавъ 5—6 верстъ по болоту, мы вошли опять на дорогу въ рѣдкомъ лѣсу и сдѣлали привалъ. Я сидѣлъ съ господами подлѣ саперной роты и мы много смѣялись разнымъ случайностямъ этой экспромтной охоты; вдругъ кабанъ бѣжитъ передъ фронтомъ роты. Одинъ саперъ схватилъ ружье и, когда кабанъ поровнялся съ нимъ, пырнулъ его шты-

комъ. Кабанъ бѣжитъ, солдатъ, держа ружье, бѣжитъ съ нимъ, но не могъ выдернуть штыка и упалъ, все держа ружье. Кабанъ волочитъ его, онъ выпускаетъ ружье. Взрывъ на-смѣшекъ встрѣтилъ его, когда онъ вернулся къ ротѣ безъ ружья. Къ счастью, кабана скоро убили и возвратили ружье пристыженному солдату.

Das war eine wilde Jagd! Но веселье не прошло безъ плача: кажется, двѣ лошади были распороты клыками, а упавшаго съ лошадыю казака чуть не поднялъ на острый клыкъ разъяренный звѣрь, но товарищъ успѣлъ спасти несчастнаго, вонзивъ пику въ кабана. Такъ какъ всѣ собаки отряда принимали участіе въ охотѣ, то и ихъ недосчитались. Зная задоръ Бѣлки, я крѣпко боялся за нее, но она благополучно вернулась къ артилеристамъ. Приблудъ, какъ благоразумное животное, не отходилъ отъ моего Черкеса (верховая лошадь); съ усиленнымъ виляніемъ хвоста, онъ болѣе обыкновеннаго ласкался ко всѣмъ знакомымъ въ свитѣ генерала, прикрывая тихимъ, будто веселымъ лаемъ свою природную... трусость. Фу! насилу проговорилъ—такое гадкое слово.

На другой день въ отрядѣ, кажется, не было котла, въ которомъ бы не варились кабанина, и не было костра, гдѣ бы не жарился шашлыкъ.

Прійдя къ Ольгинскому укрѣпленію, я приказалъ тотчасъ освидѣтельствовать артилерію. Утромъ, когда я шелъ къ батареямъ, чтобы повѣрить освидѣтельствованіе, мнѣ встрѣчается адъютантъ генерала Вельяминова, завѣдывавшій во время похода хозяйственною частью.

— Что вы, Эдуардъ Владиміровичъ, ужъ такъ давно у насъ не обѣдали? Приходите сегодня, у насъ кабани котлеты будутъ очень нѣжныя—всю ночь были въ землѣ зарыты.

— Въ землѣ зарыты? спросилъ я—это зачѣмъ?

— А чтобъ нѣжныѣ были.

— Хорошо, прійду.

Освидѣтельствованіе артилеріи взяло время, и я только къ 12-ти часамъ (часъ обѣда генерала Вельяминова) успѣлъ кончить его. Черезъ четверть часа я былъ ужъ у кибитки Алексѣя Александровича, спрашиваю деньщика: „ужъ обѣдаютъ?“ — Никакъ нѣтъ-съ, васъ поджидаютъ. — Вхожу.

— Здравствуй, дражайшій; а мы тебя поджидали!

— Извините, ваше превосходительство, что опоздалъ.

— Ничего, братъ; ты за дѣломъ былъ, мы и обождали; Х—ъ сказалъ, что ты кабаньихъ котлетъ отвѣдать хочешь, и дѣло.

Когда я ѣлъ эти, правда, превкусно изготовленные котлеты, Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на меня, какъ будто самъ наслаждался и глазами спрашивалъ: „что, каковы?“ а между тѣмъ онъ только для вида съѣлъ кусочка два. Воздержень былъ во всемъ, но своеобразенъ—любилъ видѣть удовольствіе другихъ и доставлять его.

Въ эту экспедицію на насъ, артилеристовъ, стряслась бѣда. Алексѣй Александровичъ получилъ бриліанты на Александра Невскаго. Рѣшили отпраздновать обѣдомъ, пришли просить меня сдѣлать фейерверкъ; согласились. Командиръ резервной батареи подполковникъ М—скій взялся дѣлать его при своей батарее. Я просилъ его назначить непременно офицера. „Я самъ буду смотрѣть, я охотникъ, будьте покойны“—былъ отвѣтъ. Я бывалъ у него въ палаткахъ, гдѣ работали—все въ порядкѣ. Въ обѣденное время, только-что лаборанты пошли обѣдать, видитъ подполковникъ, что въ одной палаткѣ солдатъ треть смѣшанный составъ; онъ приказываетъ ему прекратить и идти обѣдать.

— Сейчасъ, ваше высокоблагородіе—вотъ кончу.

— Ступай, ступай! говоритъ подполковникъ, но, не выпроводивъ солдата, уходитъ самъ обѣдать. Едва онъ съѣлъ съ господами за столъ, какъ раздался взрывъ. Въ этой палаткѣ было полбоченка пороха, на двухъ столахъ лежали расти-

раемые составы и нѣсколько уже набитыхъ ракетъ. Эти несчастныя ракеты и поранили нѣсколько солдатъ. Къ счастью, другія палатки остались цѣлы; но еслибы зажглась палатка, въ которой были уже готовыя штуки и ракеты съ привязанными хвостами—Боже упаси отъ такой бѣды!

Въ прошломъ 1835 году былъ приказъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, чтобы при батареяхъ фейерверковъ не дѣлать; а тутъ какъ-разъ, по приказанію бригаднаго командира, ну хоть по согласію его, предъ его глазами—несоблюденіе приказа! Я донесъ рапортомъ начальнику артилеріи о случившемся, онъ—въ Петербургъ, и я ждалъ, что будетъ строгое взысканіе. Ничего, ни одного слова: донесеніе начальника артилеріи осталось безъ отвѣта. Милость неожиданная Великаго Князя Михаила Павловича!

Опять привязалась лихорадка. Какъ подъ крышу—такъ и она тутъ. На улицѣ нельзя шапки снять, чтобы поклониться кому, какъ она тряхнетъ; и все крѣиче пароксизмы, и жаръ большой, и транспирація сильнѣе. Наскучило глотать эту латинскую кухню безъ толку!

Въ Ставрополѣ домъ командующаго войсками со штабомъ и съ пристройками находится на горѣ; онъ одноэтажный. 24-го ноября, въ день св. Екатерины, мы были на вечерѣ у дежурнаго штабъ-офицера полковника Л—ва. Домъ, имъ занимаемый, стоялъ фасадомъ на площадь, а съ площади—ворота во дворъ. Снѣгъ ужъ лежалъ большой, особенно на горѣ. Общество собралось большое, много танцевали, было весело. Послѣ ужина я вышелъ, чтобъ сказать подавать сани. „Еще не пріѣзжали,“ отвѣчаетъ деньщикъ. Ворота заперты, страшная метель. Оказалось, что изъ дома нѣтъ выхода—домъ занесло снѣгомъ по крышу и снѣгъ мететъ уже черезъ ворота. Волей-неволей должны были остаться до поздняго утра. Хозяйка увела дамъ въ спальню и въ уборную, и тамъ, какъ были, такъ и размѣстились на ночь на постеляхъ, на диванахъ и на мягкихъ

стульяхъ. Часть господъ сѣла играть въ карты, многіе улеглись на диванахъ и стульяхъ въ гостиной и въ залѣ. Полковникъ баронъ К—ъ, недавно прибывшій, предлинный, сухой, поставилъ пять стульевъ и, улегшись на нихъ, заснулъ. Какой-то проказникъ придвинулъ еще 5, на случай если сонъ потянется. Наутро выслали роту, снѣгъ отгребли отъ воротъ и со всѣхъ концовъ города прибывшіе экипажи развезли запоздалыхъ гостей.

Всякій вечеръ гдѣ нибудь собиралось общество. Играли въ карты, а их *petits jeux*, болтали, проводили время, какъ и вездѣ. Общество было небольшое, и потому партіи въ карты составлялись часто изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, что сегодня, то завтра. Играли по небольшой, кажется, болѣе въ преферансъ. Вотъ, въ началѣ зимы, на одномъ столикѣ, около котораго собирались все обычные игроки, было сдѣлано предложеніе, всякому записывать ежедневный выигрышъ и проигрышъ, чтобы узнать, кому за зиму повезетъ счастье. Дали другъ другу честное слово записывать вѣрно. Въ половинѣ марта, когда кончались вечера, всѣ принесли записки и считали: оказалось, что всѣ проиграли. Спрашивается, кому? Людямъ за карты.

(Продолженіе будетъ).

ИМЕРЕТИНСКАЯ НЕУРЯДИЦА ВЪ 1809 И 1810 ГОДАХЪ.

(Окончаніе).

III.

Поголовное возстаніе имеретинъ. Мѣры, принятыя генераломъ Тормасовымъ для прекращенія безпорядковъ. Движеніе отряда князя Орбеліани въ Имеретію. Дѣйствія Тихоцкаго въ альскомъ ущельи. Тяжелое положеніе его колонны съ 8-го по 11-е іюля близъ ур. Дампаль. Преслѣдованіе мятежниковъ 12-го числа. Неудовольствіе главнокомандующаго на распоряженія князя Орбеліани. Дѣло 16-го іюля въ семи верстахъ отъ Сурама. Переправа черезъ р. Малиту. Разсѣянiе скопищъ, блокировавшихъ крѣпостку Чхери. Назначеніе генераль-лейтенанта барона Розена вмѣсто князя Орбеліани. Попытки имеретинъ задержать отрядъ Розена на пути въ Кутаисъ. Открытіе военныхъ дѣйствій противъ Соломона. Бой близъ сел. Ріони 5-го и 6-го августа. Неудавшаяся уловка Соломона. Преслѣдованіе его нашими отрядами. Атака укрѣпленной позиціи въ хонійскомъ ущельи. Вторичная присяга населенія. Передача Розеномъ командованія войсками въ Имеретіи генералу Симоновичу. Бѣгство Соломона въ Ахалцыхъ. Устройство внутренняго управленія Имеретіею. Потери. Приготовленія къ экспедиціи въ ахалцыхскій пашалыкъ. Дислокація войскъ.

Вслѣдъ за первымъ столкновеніемъ мятежниковъ съ войсками, къ Соломону, проживавшему въ Ахалцыхъ, явилось два священника и нѣсколько имеретинскихъ князей съ вѣстью о волненіяхъ, начинающихся въ Имеретіи, населеніе которой, по ихъ словамъ, готово было исполнить всѣ его приказанія. Князья Кайхосро и Семень Церетели воспользовались подобнымъ настроеніемъ народа и, прокравшись по „скрытымъ воровскимъ дорогамъ“ въ Имеретію, стали подго-

товлять ее къ возстанію. Ослѣпленный и легковѣрный народъ, обманутый слухами о движеніи въ Имеретію нѣсколькихъ тысячъ турецкихъ, лезгинскихъ и персидскихъ войскъ, подъ начальствомъ самого царя, началъ большими массами переходить на сторону мятежниковъ и собираться въ отдѣльныя скопища; вступленіе же въ имеретинскіе предѣлы Соломона съ лезгинскими и турецкими войсками окончательно вскружило головы высшаго сословія: истинно преданныхъ намъ князей или дворянъ не оказалось; даже Зурабъ Церетели вмѣсто того, чтобы своимъ вліяніемъ на народъ быть намъ полезнымъ, оставался равнодушнымъ зрителемъ мятежа. Шерифъ-паша, опасаясь вторженія нашихъ отрядовъ въ ахалцыхскій пашалыкъ, долго не рѣшался оказать существенную помощь бѣглому царю, но затѣмъ, поддавшись убѣжденіямъ его и узнавъ о беспорядкахъ, начавшихся въ Имеретіи, далъ ему до 1000 турецкихъ солдатъ. Въ началѣ іюня Соломонъ, въ знакъ своей особой признательности, отправилъ Шерифу нѣсколько головъ отъ убитыхъ русскихъ солдатъ, а паша, принявъ ихъ, просилъ царя, котораго величалъ отцомъ, прислать еще такой же подарокъ для поднесенія султану ¹⁾).

Узнавъ о возмущеніи жителей зекарскихъ, лосіатхевскихъ, чхерскихъ и храмскихъ шемамаваловъ, а также о томъ, что они съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчаютъ наши войска, хватаютъ курьеровъ и пытаются не пропустить въ Кутаисъ колонны маіора Княжевича, главнокомандующій повелѣлъ Симоничу принять слѣдующія мѣры для подавленія возстанія имеретинъ: въ случаѣ надобности, вызвать въ Имеретію мингрельскія и гурійскія войска, которымъ разрѣшить грабить бунтовщиковъ въ наказаніе и страхъ другимъ; крестьянъ бунтующихъ князей и дворянъ объявлять государственными, съ тѣмъ одна-

---

¹⁾ Репортъ полковника Печерскаго генералу Торماسову отъ 12-го іюня 1810 г. и репортъ полковника Симонича генералу Тормасову отъ 3-го іюля 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 года № 59.

ко условіемъ, чтобы они не признавали надъ собою власти помѣщиковъ, нарушившихъ присягу; взявшихся за оружіе подвергать наказанію, а имѣнія ихъ передавать мирнымъ жителямъ; главныхъ же бунтовщиковъ переловить и наказать съ примѣрною строгостью.

„Справедливая строгость въ семъ случаѣ—закончилъ свое предписаніе генераль Тормасовъ—весьма нужна, и примѣръ ея приведетъ все въ порядокъ, чего неизмѣнно ожидаю отъ вашего усердія и вашей отличной дѣятельности“²⁾.

Одновременно съ этимъ онъ потребовалъ отъ владѣтельныхъ князей Мингреліи и Гуріи, чтобы они выступили въ Имеретію со своими войсками по первому увѣдомленію Симоновича и усмирили бунтовщиковъ, поступая съ ними безъ всякой пощады. Распоряженія эти Тормасовъ отправилъ съ маіоромъ Прибыловскимъ, приказавъ ему еще 26-го іюня передать командованіе резервными войсками въ Карталиніи капитану Герману до прибытія маіора Херсонскаго полка Бухвостова, а съ двумя ротами 9-го егерскаго полка выступить непременно 29-го іюня по ваханской дорогѣ въ Имеретію. Съ присоединеніемъ въ Зедувани двухъ ротъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, Прибыловскому предписывалось пройти въ Марилисы, а если нужно, то въ Легвани и далѣе по лосіатхевской дорогѣ, склонять народъ къ повиновенію кроткими мѣрами или силою оружія, смотря по обстоятельствамъ, принять подъ свое покровительство вѣрныхъ намъ князей, обласкать ихъ и поручить имъ временное управленіе имѣніями бунтовщиковъ; затѣмъ, по прибытіи въ Имеретію, войти въ связь съ войсками полковника Симоновича, обезпечить сообщеніе съ нимъ и состоять подъ его командою. Увѣренный во всегдашнемъ усердіи Прибыловскаго, Тормасовъ выразилъ надежду, что

„сія порученность исполнена имъ будетъ со всею точностью,

²⁾ Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 26-го іюня 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

жители будутъ приведены въ спокойствіе и повиновеніе, а зачинщики возмущенія будутъ наказаны, какъ заслуживаютъ за ихъ вѣроломство“³⁾).

27-го іюня главнокомандующій получилъ отъ полковника Симоновича, Зураба Церетели и поручика Могилянскаго, стоявшаго съ ротою Бѣлевскаго мушкетерскаго полка въ мѣстечкѣ Сачхери, извѣстія, что въ Имеретіи открылся повсемѣстный бунтъ, а царь Соломонъ съ турецкими и лезгинскими войсками расположился въ окрестностяхъ с. Берадзеби, близъ квирильскаго поста. Въ виду такихъ обстоятельствъ генераль Тормасовъ нашелъ нужнымъ отложить до времени экспедицію противъ персіянъ, чтобы лучше слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Имеретіи и держать ее въ страхѣ, а войсками, собранными на Соганлугѣ, угрожать вторженіемъ во владѣнія Шерифа-паши, еслибы онъ двинулся въ Имеретію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшительнымъ и сильнымъ ударомъ съ двухъ сторонъ поразить бунтовщиковъ, разбить Соломона и переловить главнѣйшихъ зачинщиковъ возстанія, онъ рѣшилъ послѣшно командировать въ Имеретію, въ подкрѣпленіе находившимся тамъ войскамъ, генераль-маіора князя Орбеліани съ двумя баталіонами мушкетеръ и баталіономъ егерей, снабдивъ его подробною инструкціею для дѣйствій. Движеніемъ столь значительной части войскъ главнокомандующій рассчитывалъ устрашить мятежниковъ и водворить полное спокойствіе въ краѣ.

29-го іюня 1810 года князь Орбеліани выступилъ изъ лагеря подъ Соганлугомъ съ двумя баталіонами Кабардинскаго мушкетерскаго полка и 3-го іюля, послѣ четырехдневнаго форсированнаго марша, достигъ кр. Сурама, гдѣ пробылъ 4-е число, принимая провіантъ и приводя въ порядокъ все необходимое въ походѣ. Здѣсь онъ узналъ, что скопища мятежни-

---

³⁾ Предписаніе генерала Тормасова маіору Прибыловскому 26-го іюня 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

ковъ, къ которымъ присоединилось до 1000 человекъ ацхурскихъ татаръ и лезгинъ, заняли дороги, ведущія въ Имеретію, съ намѣреніемъ не пропускать туда русскія войска. Предполагая открыть военныя дѣйствія противъ мятежниковъ главнымъ образомъ въ лосіатхевской волости и въ то же время стараясь не допустить отдѣльныя партіи бунтовщиковъ сосредоточиться и укрѣпиться въ одномъ какомъ либо пунктѣ, князь Орбеліани призналъ полезнымъ вступить въ Имеретію двумя колоннами, одною изъ коихъ зайти бунтовщикамъ во флангъ. Ожидая встрѣтить главныя скопища мятежниковъ въ ваханскомъ ущельи, онъ съ гренадерскимъ баталіономъ выступилъ 5-го іюля въ Зедуванъ, а маіору Тихоцкому съ мушкетерскимъ баталіономъ и двумя орудіями приказалъ пройти въ лосіатхевскую волость альскимъ ущельемъ, черезъ Кортхти и Чалуани. При выступленіи изъ Сурама баталіоны могли взять съ собою только восьмидневный запасъ провіанта, вслѣдствіе несвоевременной доставки вьючныхъ обывательскихъ лошадей исправлявшимъ должность горійскаго окружнаго начальника маіоромъ Реньеромъ.

8-го числа князь Орбеліани достигъ урочища Эльзнаури, гдѣ засталъ двѣ роты Бѣлевскаго мушкетерскаго полка капитана Цурикова, а также маіора Прибыловскаго, ожидавшаго его прибытія съ двумя ротами 9-го егерскаго полка. На дорогѣ изъ Сурама въ урочище Эльзнаури Орбеліани получилъ письма отъ князя Григорія Церетели и брата его епископа Давида, убѣдительно просившихъ занять войсками ихъ владѣнія, въ предупрежденіе бунта, и обѣщавшихъ содѣйствовать его отряду. По устройствѣ гренадерами лагеря, въ окрестностяхъ с. Легвани была произведена фуражировка, подъ прикрытіемъ ста нижнихъ чиновъ и одного 3-хъ-фунтоваго орудія. Отбросивъ сторожевые посты имеретинъ, скрывавшіеся въ легванскомъ лѣсу, и собравъ достаточное количество неснятаго еще хлѣба и сухого фуража, фуражиры благополучно верну-

лись назадъ, потерявъ въ перестрѣлкѣ съ мятежниками раненымъ одного рядового Бѣлевскаго полка.

Извѣстіе о сборѣ значительнаго скопища мятежниковъ въ с. Марилисы побуждало Орбеліани двинуться туда, но рапортъ Тихоцкаго, полученный 9-го числа, о томъ, что онъ,

„преслѣдуемый сильнымъ огнемъ имеретинскихъ и осетинскихъ войскъ, съ большимъ усиленіемъ пробился сквозь толпы бунтовщиковъ до урочища Кортхти, гдѣ и остановился, не имѣя болѣе силъ бороться съ мятежниками, окружившими и атаковавшими отрядъ,“ —

заставилъ поспѣшить на выручку обходной колонны. Пославъ предписаніе ротѣ егерей и ротѣ Херсонскаго гренадерскаго полка, стоявшимъ въ селеніи Карели, оказать помощь атакованному отряду, онъ выступилъ въ Имеретію черезъ альское ущелье съ тремя ротами Кабардинскаго мушкетерскаго полка, двумя ротами егерей и съ однимъ 3-хъ-фунтовымъ орудіемъ. Излишній провіантъ, артилерія и тяжести сложены были въ д. Зедувани, подъ прикрытіемъ роты Кабардинскаго и двухъ ротъ Бѣлевскаго полковъ, при маіорѣ Спичарномъ ⁴⁾.

На разсвѣтѣ 5-го іюля маіоръ Тихоцкій оставилъ Сурамъ и, проведя ночь въ с. Али, двинулся съ мушкетерскимъ баталіономъ Кабардинскаго полка вверхъ по ущелью, имѣя справа и слѣва команды фланкеровъ, каждую изъ 50-ти нижнихъ чиновъ (лѣвая, подъ командою подпоручика Орлова, а правая—поручика Кашинцева). Близъ урочища Питахты, находящагося въ 7-ми верстахъ отъ с. Али, колонна его была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ передовыхъ имеретинскихъ карауловъ, но фланкеры, двигавшіеся по хребту горъ, заставили непріятеля, несмотря на численное превосходство его, очистить занимаемые имъ завалы и отступить къ питахтскимъ садамъ. Сады и прилегающія къ нимъ высоты были сильно укрѣплены мятежниками, собравшимися здѣсь въ числѣ

---

⁴⁾ Рапорты генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 9-го іюля 1810 г. №№ 7, 125 и 130. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

2000 человекъ. Усиливъ команды фланкеро́въ, отрядъ сталъ приближаться къ непріятельскимъ позиціямъ. Авангардъ, бывшій подъ командою поручика Воробьева, подошелъ къ заваламъ на дорогѣ, откуда мятежники открыли непрерывный ружейный огонь. Не отвѣчая на этотъ огонь, Воробьевъ бросился въ штыки и, поддержанный съ фронта 25-ю нижними чинами подпоручика Судовскаго, началъ брать завалъ за заваломъ; въ то же время вновь усиленные команды фланкеро́въ тѣснили мятежниковъ съ фланговъ. Въ теченіе часа мушкетеры, работая преимущественно штыкомъ, овладѣли всѣми питахтскими высотами и выбили мятежниковъ изъ садовъ. Имеретины, подкрѣпляемые постоянно новыми партіями, отступали шагъ за шагомъ, не прекращая ружейнаго огня. Тихоцкій, усиливъ авангардъ еще 50-ю нижними чинами, приказалъ начальнику его удерживать натиски непріятеля до тѣхъ поръ, пока онъ съ остальными войсками расчиститъ дорогу для проѣзда артилеріи. На протяженіи восьми верстъ отрядъ, окруженный огромными толпами имеретинъ, къ которымъ присоединилось много осетинъ, съ „неизъяснимымъ“ трудомъ подвигался впередъ, прокладывая себѣ путь топоромъ и штыкомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мушкетеры, прорубая въ лѣсу просѣки для провоза орудій, подвергались нападеніямъ мятежниковъ, которыхъ отражали ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ. Съ наступленіемъ сумерокъ войска поднялись къ Куртохти, гдѣ изнуреннымъ и усталымъ солдатамъ, послѣ тяжкаго и продолжительнаго боя съ многочисленнымъ непріателемъ, былъ данъ отдыхъ. Непріятель, перестрѣливаясь съ сторожевыми постами, цѣлую ночь безпокоилъ бивакъ, разбитый на небольшой полянѣ близъ урочища. Съ разсвѣтомъ 7-го іюля колонна двинулась далѣе. Дорога, сильно испорченная мятежниками, пролежала среди густого дѣвственнаго лѣса, перевитаго колючими растеніями, вслѣдствіе чего фланкеры шли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сомкнутыхъ частей. При такомъ порядкѣ

легко было окружить отрядъ, что и сдѣлали мятежники. Пользуясь численнымъ превосходствомъ, они неоднократно бросались на фланкеровъ поручика Кашинцева и подпоручика Орлова, насѣдали на арьергардъ, бывшій подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дмитріева, и безпрестанно останавливали авангардъ поручика Воробьева, въ помощь которому вскорѣ были высланы 30 рядовыхъ при прапорщикѣ Коноплинѣ. Встрѣчая атаки непріятеля штыками, ружейнымъ и картечнымъ огнемъ и продолжая выбивать его изъ лѣсу и заваловъ, колонна медленно подвигалась впередъ, задерживаемая не только непріателемъ, но и работами по расчисткѣ пути, становившимся съ каждымъ шагомъ непроходимѣе. Когда поручикъ Воробьевъ и прапорщикъ Коноплинъ, одушевлявшіе нижнихъ чиновъ своею храбростью, были убиты, а подпоручикъ Орловъ вслѣдствіе потерь началъ нуждаться въ подкрѣпленіи, Тихоцкій приказалъ капитану Волкову принять авангардъ подъ свое начальство, а штабсъ-капитану Михайлову поддержать Орлова. Имѣя много раненыхъ и видя, что скопища мятежниковъ постоянно увеличиваются новыми толпами, начальникъ отряда рѣшилъ остановиться въ урочищѣ Дампалѣ, на небольшой площадкѣ, съ двухъ сторонъ окаймленной глубокимъ оврагомъ. Едва непріятель замѣтилъ, что колонна стягивается къ Дампалу, какъ всею своею массою насѣлъ на арьергардъ; но мушкетеры, руководимые Дмитріевымъ и прапорщикомъ Горбуною, съ успѣхомъ отстояли всѣ тяжести обоза, за исключеніемъ одного вьюка съ шинелями и ранцами, сваливагося въ кручу вмѣстѣ съ подстрѣленной лошадью. Собравшись на Дампалѣ и прикрывшись выдвинутыми впередъ авангардомъ и фланкерами, разсыпавшимися вдоль яра, отрядъ до наступленія ночи не прекращалъ ружейнаго и картечнаго огня. Мятежники окружили его, начавъ укрѣпляться на новыхъ позиціяхъ. Въ теченіе четырехъ дней, съ 8-го по 11-е іюля включительно, съ ранняго утра до поздняго вечера они вели без-

прерывную перестрѣлку и неоднократно бросались въ рукопашную на лагерь, также укрѣпленный, но мушкетеры, несмотря на сильное изнуреніе отъ жажды, отбрасывали ихъ съ значительнымъ урономъ. Положеніе отряда было тяжелое. Со дня выстуцленія изъ Кортхти никто изъ чиновъ, включая сюда и раненыхъ, не имѣлъ во рту ни капли воды; артилерійскія и вьючныя лошади, кромѣ того, вмѣсто сухого фуража или травы получали древесные листья. Только на пятый день дворянину Бакрадзе, сопровождавшему баталіонъ, удалось отыскать въ яру небольшой ручей, для занятія котораго немедленно было отряжено 80 нижнихъ чиновъ при подпоручикѣ Орловѣ. Спустившись въ оврагъ, Орловъ очистилъ отъ мятежниковъ ближайшую къ ручью часть лѣса, но потерялъ при этомъ 2-хъ нижнихъ чиновъ убитыми и 4-хъ ранеными.

8-го іюля Тихоцкій, пославъ донесеніе генераль-маіору князю Орбеліани, обратился къ начальнику резервныхъ войскъ Карталинні маіору Бухвостову съ просьбою оказать посильную помощь. Линейнаго казачьяго Потапова полка казакъ Чуприковъ, посланный съ этими бумагами, счастливо проползъ мимо имеретинскихъ постовъ и заваловъ и явился сначала къ Бухвостову, а затѣмъ къ князю Орбеліани. Бухвостовъ, узнавъ о безпомощномъ положеніи и сильныхъ потеряхъ баталіона Тихоцкаго (число убитыхъ и раненыхъ доходило до 100 человекъ), немедленно командировалъ въ альское ущелье роту Херсонскаго гренадерскаго полка съ 3 фун. единорогомъ и роту 9-го егерскаго полка, первую изъ боржомскаго, вторую изъ карельскаго ущелій ⁵⁾. 11-го числа роты эти прибыли въ урочище Дампалъ вмѣстѣ съ 50-ю казаками, присоединившимися по дорогѣ; вслѣдъ за ними подошелъ съ остатками конницы

---

⁵⁾ Командированныя роты прикрывали границы Карталинні отъ набѣговъ лезгинъ, которые, по извѣстіямъ, доставленнымъ горійскимъ комендантомъ маіоромъ Рейнеромъ, въ числѣ 500 человекъ, подъ предводительствомъ Нури-Мамеда, стояли близъ Ахалцыха. По уходѣ этихъ ротъ, въ боржомскомъ ущельи расположился эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка, а въ карельскомъ ущельи остался самъ Бухвостовъ съ ротою гренадеръ.

маіоръ князь Амираджиби. Собравъ по собственному побужденію достаточное количество конныхъ людей, онъ посѣщилъ на выручку баталіона, но большая часть всадниковъ, не рискуя пробиться сквозь толпы мятежниковъ, оставила предприимчиваго князя.

Между тѣмъ генераль-маіоръ Орбеліани, выступивъ 9-го іюля изъ урочища Эльзнаури и достигнувъ на другой день с. Али, 11-го числа, послѣ восьмичасового форсированнаго марша прибылъ въ Дампаль. Проходя по альскому ущелью, онъ видѣлъ въ густомъ лѣсу, перевитомъ ползучими растеніями, огромные завалы и засѣки, изъ которыхъ стрѣлки Тихоцкаго въ предшествующіе дни выбили мятежниковъ. Соединившись съ баталіономъ Тихоцкаго, князь Орбеліани смѣнилъ изнуренную цѣпь мушкетеръ вновь прибывшими частями и очистилъ отъ мятежниковъ лѣсъ вдоль обоихъ яровъ. Непрiятель, отступивъ къ высотамъ, лежащимъ на пути дальнѣйшаго движенія войскъ, сталъ готовиться къ оборонѣ. Это побудило Орбеліани атаковать бунтовщиковъ безотлагательно, на зарѣ слѣдующаго же дня. Раздѣливъ отрядъ на три колонны, онъ приказалъ: маіору Тыртову съ 300-ми нижними чинами Кабардинскаго мушкетерскаго полка броситься съ фронта; маіору Прибыловскому съ 170-ю егерями, обойдя мятежниковъ слѣва, атаковать ихъ правый флангъ и тылъ; капитану Жоржи съ 100 нижними чинами Кабардинскаго мушкетерскаго полка, охвативъ лѣвый флангъ, сбить имеретинъ съ занимаемыхъ ими позицій. На разсвѣтъ 12-го іюля войска двинулись, согласно диспозиціи. Мятежники, замѣтивъ движеніе обходныхъ колоннъ, начали оставлять передовой завалъ, перебѣгая въ тыловые. Тыртовъ тотчасъ же погнался за отступавшими; въ свою очередь обходныя колонны надбавили шагу, а Орбеліани, выславъ команды фланкеровъ⁶⁾, тронулся съ остальными частями вслѣдъ за атакующими, что-

---

⁶⁾ При командахъ фланкеровъ находились маіоръ Амираджиби, Ревазъ Баратовъ, Семешъ Абашидзе, дворянинъ Бакрадзе и мирза Байрахтаровъ.

бы своевременно поддержать частныхъ начальниковъ и не дать времени непріятелю устроиться. Несмотря на сильный, непрерывный огонь мятежниковъ и множество засѣкъ, мушкетеры и егеря безостановочно преслѣдовали непріятеля на разстояніи восьми верстъ, до спуска къ рѣчкѣ Дзерулѣ, работая преимущественно штыкомъ. Увидя съ горы, что дальнѣйшая дорога грязна и преграждена новыми завалами и засѣками, князь Орбеліани повернулъ назадъ, имѣя въ виду проникнуть въ Имеретію черезъ ваханское ущелье, не раздѣляя болѣе отряда. Въ этотъ день мы потеряли убитыми 5 нижнихъ чиновъ и ранеными 2-хъ унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ; кромѣ того, погибло 6 артилерійскихъ и подъемныхъ лошадей. За время же съ 6-го по 12-е іюля потеря наша состояла: убиты—Кабардинскаго мушкетерскаго полка поручикъ Воробьевъ, подпоручикъ Судовскій, прапорщикъ Коноплинъ и 29 рядовыхъ; 15-го егерскаго полка 1 рядовой; ранены—Кабардинскаго мушкетерскаго полка 2 унтеръ-офицера, 2 музыканта, 68 рядовыхъ и 3 нестроевыхъ; Херсонскаго гренадерскаго полка 1 рядовой; 15-го егерскаго полка 1 унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ; 20-й артилерійской бригады 2 фейерверкера и 1 канониръ. Всего выбыло изъ строя 117 человекъ; убито и ранено 14 артилерійскихъ и полковыхъ лошадей ⁷⁾.

Число убитыхъ и раненыхъ мятежниковъ въ теченіе пятидневной перестрѣлки невозможно опредѣлить точно, но, судя по числу увезенныхъ труповъ, Тихоцкій полагалъ, что бунтовщики потеряли до 250-ти человекъ; во время же отступленія 12-го числа у нихъ выбыло одними убитыми до 60-ти человекъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, дворянинъ Годобралидзе. Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства: мятежники, задержавшіе баталіонъ въ аль-

---

⁷⁾ За это же время выпущено патроновъ: Кабардинскимъ мушкетерскимъ полкомъ 19663, 15-мъ егерскимъ полкомъ 2000 и Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ 854; ядеръ—62, картечи 21. Скоропалительныхъ трубокъ израсходовано 115.

скомъ ущельи, въ числѣ 3000 крестьянъ и дворянъ изъ четырехъ имеретинскихъ провинцій, подъ предводительствомъ князей Малхаза Андроникова, Ростома и Семена Церетели, сражались всегда въ пьяномъ видѣ.

О дѣйствіяхъ баталіона Тихоцкаго князь Орбеліани доносилъ главнокомандующему:

„Мужество, съ коимъ сражались офицеры и нижніе чины, достойны одобренія. Будучи очевидцемъ, какія трудности преодолены отрядомъ маіора Тихоцкаго, какіе понесены труды всѣми чинами, какая храбрость требовалась въ преодоленіи всего, въ чемъ виновникъ былъ болѣе маіоръ Тихоцкій, съ какою дѣятельною рѣшительностію сражались офицеры и солдаты, я непремѣнною обязанностію поставляю покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи всѣмъ, здѣсь упомянутымъ, достойной монаршей награды, какъ къ поощренію ихъ и впредь къ примѣрной храбрости, такъ и въ воздаяніе достойныхъ отличностей. Примѣрная храбрость маіора Тихоцкаго и прекрасныя его распоряженія, при всѣхъ неизяснимыхъ трудностяхъ, убѣждаютъ меня просить ваше высокопревосходительство о ходатайствованіи ему высокомонаршаго награжденія“⁸⁾.

Съ своей стороны предводители бунтовщиковъ въ одномъ изъ писемъ къ Соломону такъ описывали свои подвиги⁹⁾:

„Предъ симъ мы докладывали вамъ письмомъ и изустно черезъ Григорія объ истребленіи русскихъ; оставшіеся изъ нихъ были весьма стѣснены и разстроены, но на этой недѣлѣ къ нимъ подоспѣла на помощь одна пушка съ артилеристами. Мы и противъ нихъ открыли стрѣльбу и облили имъ головы грязью. Дай Богъ тебѣ столько побѣдъ, сколько мы ихъ при этомъ истребили. Прежде прибывшихъ солдатъ было 440; за исключеніемъ изъ нихъ 160-ти человекъ, всѣхъ уни-

---

⁸⁾ Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Торماسову, 15-го іюля 1810 г. № 160. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

Рапортъ маіора Бухвостова генераль-маіору Ахвердову, 9-го іюля 1810 г. № 19; письмо маіора князя Амираджиби къ горійскому уѣздному начальнику, 8-го іюля 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59. Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру, 25-го іюля 1810 г. № 117. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 207.

⁹⁾ Письмо Андроникова и Ростома Церетели къ Соломону отъ 13-го іюля 1810 года (переводъ съ грузинскаго). Акты арх. ком. т. IV.

чтожили. Въ поведѣльникѣ явился самъ генераль Орбеліани съ 500-ми человекъ; мы это не знали, но послѣ оказалось, что онъ прибылъ на помощь и для взятія уцѣлѣвшаго отряда, стѣспеннаго нами. Тутъ мы немного отступили и, давъ имъ тронуться, заградили дорогу до досчатаго моста, а впереди сдѣлали засаду. Во вторникъ передъ разсвѣтомъ генераль отрядилъ противъ насъ впередъ 260 человекъ, а самъ снялся и съ пушками воротился къ сторонѣ Карталиніи. Эти 260 человекъ наткнулись на насъ, и какъ мы встрѣтили ихъ, такъ да поразить Богъ своимъ гнѣвомъ каждаго твоего супостата. Убивъ большую ихъ часть, мы обратили въ бѣгство еще другихъ 30 человекъ русскихъ и, преслѣдуя ихъ, заставили перейти черезъ Кортохти и Бнелатхеви до самаго Али. Поздравляемъ васъ съ побѣдой и счастьемъ, государь нашъ!“

Генераль Тормасовъ, получивъ извѣстіе отъ маіора князя Амираджиби, что мятежники въ превосходныхъ силахъ задержали отрядъ маіора Тихоцоваго близъ урочища Кортохти, хотя и сомнѣвался, чтобы баталіонъ, состоявшій изъ 500 рядовыхъ, не могъ пробиться черезъ толпу мужиковъ, тѣмъ не менѣе приказалъ маіору Реуту немедленно двинуться на выручку задержаннаго отряда съ ротою Херсонскаго гренадерскаго полка, сотнею или сколько можно набрать егерей, однимъ орудіемъ и 120-ю иѣшими казаками ¹⁰⁾. Чтобы появленіе этой колонны имѣло еще болѣе успѣха, онъ поручилъ генераль-маіору Ахвердову собрать милицію изъ тушинъ, шавовъ и хевсуръ, по крайней мѣрѣ въ 1000 человекъ, которую и направить въ отрядъ Орбеліани для грабежа селеній возмущившихся жителей. вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій подтвердилъ князю Орбеліани—выслать въ Тифлисъ главныхъ виновниковъ мятежа для ссылки ихъ впоследствии въ Сибирь, не раздроблять отряда, скорѣе возстановить порядокъ и благоустройство въ Имеретіи и быть всегда въ силѣ предупредить и уничтожить всякія ихъ намѣренія. Особенно

---

¹⁰⁾ Предписаніе генерала Тормасова маіору Реуту, 10-го мая 1810 г. № 1095. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

рекомендовалъ онъ князю Орбеліани избѣгать медленности въ дѣйствіяхъ и не давать времени сосредоточиваться мятежникамъ въ какомъ либо мѣстѣ, а тѣмъ болѣе предпринимать что либо противъ нашихъ войскъ; зачинщиковъ мятежа стараться переловить, жилища ихъ раззорить или истребить огнемъ, не щадя никого; простой народъ, который будетъ покоренъ, обезоруживать и оставлять свободнымъ ¹¹⁾. Затѣмъ, узнавъ о событіяхъ съ 9-го по 12-е іюля, главнокомандующій выразилъ генераль-маіору Орбеліани полное неудовольствіе за раздѣленіе отряда на двѣ колонны, съ подчиненіемъ одной изъ нихъ маіору Тихоцкому, и за движеніе отряда ваханскимъ и альскимъ ущельями.

„Цѣль моя—доносилъ князь Орбеліани въ отвѣтъ на замѣчанія генерала Торماسова ¹²⁾—была та, чтобы развлечь мятежниковъ, не дать имъ укрѣпиться въ одномъ мѣстѣ и удерживать одинъ пунктъ; но когда вся Имеретія обратилась на защиту альской дороги, преградивши оную безчисленными завалами, засѣлками и засадами, то тогда уже не было возможности пройти всѣ преграды и препятствія. Я долженъ былъ, по преодолѣніи неизъяснимыхъ трудностей, остановиться на мѣстѣ и ожидать секурса. Притомъ, можно ли узнать настоящую цѣль такого непріятеля, который въ одинъ день перемѣняетъ свои намѣренія и стремится къ другимъ видамъ. Я ожидалъ главнаго сопротивленія по ваханской, какъ трудной дорогѣ, а оно вышло на альской. Ежелибы путь маіора Тихоцкаго былъ совершенно благополучно, то тогда была бы изъ того для насъ большая польза. Во-вторыхъ, замѣчаете ваше высокопревосходительство, что маіоръ Тихоцкій, человекъ молодой и неопытный, не долженъ бы посылаться въ такое мѣсто. Я смѣю увѣрить, что баталіонъ, бывшій въ командѣ его, такія преодолѣлъ трудности, которыя надобно приписать одной чрезвычайной храбрости и дѣятельному распоряженію. Онъ не одно мѣсто взялъ грудью и штыками, но цѣлыя 15 верстъ очи-

---

¹¹⁾ Предписаніе генерала Торماسова князю Орбеліани, 10-го іюля 1810 г. № 1099. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

¹²⁾ Рапортъ князя Орбеліани генералу Тормасову, 18-го іюля 1810 г. № 174. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

щаль себѣ путь неустрашимую храбростію, бралъ стремительностію завалы, вытѣснялъ изъ оныхъ непріятеля, оставлялъ вездѣ его трупы и занималъ самыя высоты горъ, защищаемыя упорно мятежниками. Когда же, потерявши нѣсколько лошадей подъ орудіями и подъ вьюками и обременивши себя ранеными, онъ встрѣтилъ ежечасно увеличивающіяся трудности умноженіемъ заваловъ и въ усиленіи непріятеля, то ему оставалось одно и послѣднее средство—остановясь на мѣстѣ, ожидать себѣ помощи. Я предаюсь на личное вашего высокопревосходительства о семъ разсужденіе и снова смѣю увѣрить, что ежелибы ваше высокопревосходительство были зритель, какія трудности преодолѣны маіоромъ Тихоцкимъ, какая храбрость предшествовала къ перенесенію оныхъ, то не имя неопытности тогда заслужилъ бы сей храбрый офицеръ.“

Главными причинами, заставившими князя Орбеліани проникнуть въ лосіатхевскую волость ваханскимъ ущельемъ, вернувшись въ Сурамъ, были: значительное число раненыхъ и больныхъ, малое количество провіанта и патроновъ, потеря нѣсколькихъ артилерійскихъ лошадей и необходимость разработать восьмиверстный участокъ дороги, направляясь отъ Дамнала къ р. Дзерулѣ съ орудіями, на что требовалось не менѣе недѣли. Отправивъ въ Сурамъ больныхъ и раненыхъ, подъ прикрытіемъ роты Херсонскаго гренадерскаго и роты 9-го егерскаго полковъ, онъ въ тотъ же день, т. е. 12-го іюля, перешелъ въ сел. Али, гдѣ сдѣлалъ дневку ¹³⁾. Отсюда Орбеліани просилъ главнокомандующаго командировать возможно скорѣе въ устье альскаго ущелья часть нашихъ войскъ, съ тѣмъ, чтобы, угрожая новымъ наступленіемъ съ этой стороны, задержать толпы мятежниковъ близъ укр. Кортохти и не дать имъ сосредоточиться въ ваханскомъ ущельи до вступленія его во внутрь Имеретіи. 14-го числа отрядъ прибылъ въ Сурамъ. Весь слѣдующій день части его были заняты приемою провіанта и приготовленіями къ дальнѣйшему походу, а

¹³⁾ Рапортъ г.-м. кн. Орбеліани генералу Торماسову, 12-го іюля 1810 г. № 140. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

16-го іюля Орбеліани выступилъ въ Имеретію по ваханской дорогѣ. Отрядъ двигался, имѣя въ авангардѣ, подъ начальствомъ маіора Прибыловскаго, двѣ роты 9-го и команду 15-го егерскихъ полковъ при капитанѣ Жоржи, одинъ 3-хъ-фунтовый единорогъ и 80 линейныхъ казаковъ при есаулѣ Золотаревѣ; отъ авангарда были посланы вправо и влѣво команды фланкеро-ровъ. Остальная войска и до 200 вьюковъ съ тяжестями (изъ нихъ 143 вьюка съ десятидневнымъ запасомъ провіанта) составляли колонну главныхъ силъ: гренадерскій баталіонъ маіора Тыртова и половина вьюковъ охранялись командами фланкеро-ровъ, слѣва—ротою штабсъ-капитана Пономарева, справа—ротою штабсъ-капитана Ковалева; другая половина вьюковъ и мушкетерскій баталіонъ маіора Тихоцкаго шли подъ прикрытіемъ, справа—команды изъ 80-ти нижнихъ чиновъ при штабсъ-капитанѣ Михайловѣ, слѣва—такой же команды при поручикѣ Кашинцевѣ ¹⁴⁾). Выступая изъ Сурама, князь Орбеліани просилъ распоряженія генерала Торماسова о доставкѣ въ Зодуванъ провіанта, такъ какъ, вслѣдствіе нежеланія жителей горійскаго уѣзда поставить отряду вьючныхъ лошадей, онъ принужденъ былъ взять съ собою продовольствія только на десять дней.

Двигаясь въ вышеуказанномъ порядкѣ, отрядъ перевалилъ черезъ гору Казарахты. Въ 7-ми верстахъ отъ Сурама, при входѣ въ дефиле Санчи, онъ встрѣченъ былъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ мятежниковъ, укѣпившихся по обѣ стороны дороги, вправо—на крутыхъ склонахъ возвышенности, покрытой густымъ лѣсомъ, влѣво—на утесахъ каменистыхъ горъ; сама дорога пересѣкалась заваломъ изъ толстыхъ бревенъ. Есаулъ Золотаревъ съ 40 линейными казаками, правою командою фланкеро-ровъ авангарда и пятью грузинскими князьями ¹⁵⁾, выбивъ мятежниковъ ружейнымъ огнемъ изъ двухъ засадъ, уда-

¹⁴⁾ Такой порядокъ движенія соблюдался и во всѣ послѣдующіе дни.

¹⁵⁾ Капитанъ Баратовъ, прапорщикъ Палавандовъ, Соломонъ Эристовъ, Ревазъ и Вахтангъ Баратовы.

рилъ съ подоспѣвшею ротою фланкероу Ковалева одновременно на два укрѣпленія и вытѣснилъ оттуда непріятеля, оставивъ позади себя передній завалъ, преграждавшій дорогу. Затѣмъ онъ занялъ еще нѣсколько засѣкъ и заваловъ, но принужденный остановиться, укрѣпился на занятыхъ мѣстахъ. Въ это время Прибыловскій, усиливъ авангардъ ротою гренадеръ Пономарева и выдвинувъ къ скаламъ хорунжаго Дикого съ 40 линейными казаками и 5-ю грузинскими охотниками, повелъ атаку на завалъ, устроенный на дорогѣ. Поддержанный продольнымъ огнемъ фланкероу, авангардъ съ такою быстротою овладѣлъ заваломъ, что мятежники не успѣли забрать тѣла пяти убитыхъ товарищей и понесли тутъ большія потери ¹⁶⁾. Миновавъ скалистую возвышенность, Пономаревъ сталъ подыматься на крутизны влѣво отъ дороги, куда по мятежникамъ, бѣжавшимъ на встрѣчу гренадеръ, перенесъ свой огонь хорунжій Дикой, залегшій въ засадѣ, изъ которой былъ выбитъ передъ тѣмъ непріятель. Остальныя части авангарда бросились въ завалу, возведенному на берегу небольшой рѣчки, штыками выбили бунтовщиковъ и овладѣли еще двумя слѣдующими завалами. Здѣсь Прибыловскій получилъ приказаніе остановиться, въ виду необходимости расчистить путь для проѣзда орудій и вьюковъ, которые растяннулись по узкой дорогѣ почти на двѣ версты. Посланнымъ съ этимъ приказаніемъ хорунжій донскаго казачьяго Ежова 1-го полка Масловъ, понавъ подъ сильный огонь мятежниковъ, схватившихся съ лѣвыми фланкерами, былъ раненъ въ ногу и вернулся назадъ; приказаніе же было передано отряднымъ адъютантомъ поручикомъ Грековымъ 3-мъ, пробившимся сквозь толщю непріятеля съ восемью рядовыми.

Мятежники, воспользовавшись остановкой отряда, стали сильнѣе тѣснить фланкероу, нападать на транспортъ и бата-

---

¹⁶⁾ Въ атакѣ этой участвовали капитанъ Жоржи, прапорщикъ Масляниковъ, поручикъ Сенкевичъ и подпоручикъ Матвѣенковъ.

ліонъ мушкетеръ, шедшій въ хвостѣ колонны. Для лучшаго прикрытія вьючнаго обоза князь Орбеліани усилилъ правую команду фланкеровъ 60-ю гренадерами при подпоручикѣ князѣ Севарсамидзе, а лѣвую—60-ю мушкетерами при подпоручикѣ Поповѣ. Какъ только путь былъ расчищенъ, отрядъ двинулся далѣе, тѣснимый непріателемъ со всѣхъ сторонъ. Пройдя около четырехъ верстъ съ боемъ, войска снова встрѣтили завалы. Генераль Орбеліани приказалъ Прибыловскому штыками выбить мятежниковъ изъ ближайшаго завала и остановиться въ немъ, чтобы дать время фланкерамъ выйти въ тылъ слѣдующимъ заваламъ, а отряду исправить дорогу для артилеріи. Но Прибыловскій, раздѣливъ авангардъ на двѣ части и выбивъ непріателя изъ перваго завала, одновременной атакой съ фланговъ на плечахъ его занялъ еще три завала. Мятежники быстро отступили, а егеря и подошедшій баталіонъ гренадеръ приступили къ уничтоженію искусственныхъ препятствій, возведенныхъ имеретинами на дорогѣ. Потерпѣвъ неудачу съ фронта, бунтовщики устремились на команды фланкеровъ и арьергардныя роты. Тогда Орбеліани, видя, что штабсъ-капитанъ Михайловъ и поручикъ Кашинцевъ съ трудомъ отбиваются отъ непріателя, послалъ имъ въ помощь 60 рядовыхъ при поручикѣ Коноплинѣ, вызвавшемся на эту командировку изъ желанія отомстить мятежникамъ за смерть своего брата. Сбивъ имеретинъ съ крутой горы, откуда они сильно беспокоили фланкеровъ Михайлова, Коноплинъ усилилъ команду послѣдняго, а также и людей Кашинцева. Въ то же время начальникъ арьергарда штабсъ-капитанъ Дмитріевъ, поручикъ Поповъ и князь Севарсамидзе, несмотря на численное превосходство непріателя, отражали всѣ его нападенія и, вытѣсняя съ позицій, подвигались впередъ.

Между тѣмъ авангардъ, срывъ завалъ, двинулся далѣе и, съ боя овладѣвая почти каждымъ шагомъ, достигъ селенія Небозири; за нимъ стали подходить части гренадерскаго бата-

ліона, расчищавшаго дорогу подъ прикрытіемъ командъ фланкеревъ. Бунтовщики, испытавъ вездѣ неудачу, всею своею массою обрушились на мушкетерскій баталіонъ, не успѣвшій еще выйти изъ дефиле. Маіоръ Тихоцкій, дважды отразивъ нападеніе мятежниковъ, при содѣйствіи фланкеревъ гренадерскаго баталіона и казаковъ, высланныхъ княземъ Орбеліани съ есауломъ Золотаревымъ, пробился сквозь толпы имеретинъ и благополучно присоединился къ отряду, остановившемуся въ Небозири на ночлегъ. Въ теченіе этого дня отрядъ потерялъ убитыми 4-хъ рядовыхъ и музыканта и ранеными—оберъ-офицера, унтеръ-офицера, 13 нижнихъ чиновъ и 3-хъ казаковъ. Мятежники, численность которыхъ превышала 2000 человекъ, лишились, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, около 50-ти человекъ одними убитыми, изъ которыхъ 31 тѣло было найдено на мѣстѣ боя. Толпами мятежниковъ руководили князья Леванъ и Дмитрій Абашидзе и дворяне Кикнадзе, которые, „понуждали ихъ къ дракѣ“ и во все время боя трубили въ рога, давая знать окрестнымъ селеніямъ о встрѣчѣ съ русскими войсками. Жители со всѣхъ сторонъ стекались на помощь своимъ товарищамъ, но не въ состояніи были остановить движенія нашихъ войскъ.

Вслѣдствіе проливного дождя и встрѣтившейся надобности въ починкѣ орудій и патронныхъ ящиковъ, въ Небозири была сдѣлана дневка. Предвидя, что медленная доставка провіанта въ Зедуванъ пріостановитъ движеніе отряда въ глубь страны, Орбеліани вторично просилъ главнокомандующаго о подвозѣ провіанта въ означенное селеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ о необходимости пополнить порохъ и свинецъ въ виду значительнаго расхода ружейныхъ патроновъ.

Въ 6 часовъ утра 18-го іюля, принявъ провіантъ отъ роты Бѣлевскаго полка, отрядъ двинулся далѣе и безпрепятственно подошелъ къ р. Малитѣ. Мостъ черезъ эту рѣчку былъ сломанъ, а противоположныя высоты и гора Вабисери укрѣплены

и заняты мятежниками. Выдвинувъ два горныхъ единорога къ спуску высокаго берега Малиты, Орбеліани приказалъ Прибыловскому овладѣть переправой и выбить имеретинъ съ позицій. Подъ покровительствомъ артилерійскаго огня, команды фланкеровъ (правая—поручика Семенова, лѣвая—штабс-капитана Ковалева и подпоручика князя Севарсамидзе), перешли рѣчку и стали обходить фланги непріятельской позиціи, а Прибыловскій, оттѣснивъ мятежниковъ отъ переправы, повелъ рѣшительную атаку на ихъ укрѣпленія. Поддержанный гренадерскимъ баталіономъ Тыртова, онъ овладѣлъ всѣми позиціями бунтовщиковъ, а затѣмъ, получивъ приказаніе преслѣдовать ихъ, съ авангардомъ двинулся за ними въ сс. Квеби и Баби, вытѣснилъ непріятели изъ садовъ и саклей и предалъ названные селенія огню. Къ вечеру весь отрядъ сосредоточился въ с. Зедувань, потерявъ при переправѣ черезъ рѣчку Малиту и во время преслѣдованія одного рядового убитымъ и одного оберъ-офицера, 3-хъ нижнихъ чиновъ и одного казака ранеными. Здѣсь князь Орбеліани получилъ приказаніе генерала Тормасова ждать въ Сурамѣ прибытія генераль-лейтенанта барона Розена, назначеннаго командующимъ войсками, собранными для подавленія возстанія имеретинъ, и выслать ему въ прикрытіе 50 линейныхъ казаковъ. Лишенный всякой возможности исполнить первое приказаніе, онъ нашелъ также немыслимымъ въ виду непріятели командировать въ Сурамѣ казаковъ, „самовольно взятыхъ имъ, какъ людей привыкшихъ лазить по лѣсу.“ Затѣмъ, основываясь на одномъ изъ предписаній Тормасова „идти стремительно,“ рѣшилъ двинуться форсированнымъ маршемъ на соединеніе съ отрядомъ полковника Симоновича, котораго передъ тѣмъ увѣдомилъ, что торопится приступить съ нимъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ.

Оставивъ въ Зедувани роты Бѣлевскаго мушкетерскаго полка для прикрытія коммуникаціонной линіи, Орбеліани перешелъ 19-го іюля въ с. Марилисы, а 20-го прибылъ въ с.

Легвани. Всю дорогу отъ мѣста ночлега на р. Бжоли до названнаго селенія мятежники безокоили отрядъ ружейнымъ огнемъ и неоднократно бросались на команды фланкеровъ, но безъ всякаго успѣха. У насъ былъ раненъ одинъ нижній чинъ. Велѣдствіе проливнаго дождя отрядъ простоялъ въ Легвани 21-е число. Въ этотъ день князю Орбеліани лазутчики дали знать, что команда, стоявшая въ Чхери, находится въ безпомощномъ положеніи.

Дѣйствительно, имеретинская крѣпостца Чхери, занятая командою Бѣлевскаго мушкетерскаго полка (1 унтеръ-офицеръ, 25 рядовыхъ и 1 барабанщикъ) при подпоручикѣ Шеншинѣ 2-мъ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца находилась въ полной блокадѣ. Гарнизонъ терпѣлъ недостатокъ въ провіантѣ и водѣ. Когда послѣдняя изсякла, Шеншинъ приказалъ унтеръ-офицеру Чеботареву съ двѣнадцатью рядовыми снабдить за-ночь крѣпостцу водою. Мятежники, узнавъ объ этомъ намѣреніи, рѣшили отрѣзать команду, но Чеботаревъ пробился сквозь толпы ихъ и, потерявъ двухъ человѣкъ ранеными, успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ виду сравнительно большаго числа больныхъ Шеншинъ нашелъ необходимымъ увѣдомить о своемъ положеніи ближайшую воинскую команду. Двое рядовыхъ, Иванъ Терещенко и Андрианъ Никифоровъ, посланные съ этимъ донесеніемъ, пробрались незамѣченными мимо бунтовщиковъ и, доставивъ извѣстіе о положеніи команды, вернулись обратно.

Въ шесть часовъ утра 22-го іюля отрядъ князя Орбеліани двинулся на выручку чхерскаго гарнизона. Прослѣдовавъ с. Легвани, жители котораго оказали незначительное сопротивление, онъ приблизился къ урочищу Цитель-Кодили. Здѣсь толпы мятежниковъ, подъ предводительствомъ князей Левана и Дмитрія Абашидзе, Давида Габуашвили и дворянъ Кикнадзе, укрѣпились, занявъ сосѣднюю высокую гору Цхолярисы и дорогу, ведущую въ крѣпостцу. Орбеліани прика-

залъ поручику Сенкевичу ¹⁷⁾ съ 80-ю гренадерами при поручикѣ Коноплинѣ произвести рекогносцировку лѣса и дороги до Цхолярисы. Сенкевичъ осмотрѣлъ мѣстность, отгѣснивъ передовые имеретинскіе караулы въ ихъ заваламъ, къ которымъ, „по звуку оружія,“ тотчасъ же бросились массы бунтовщиковъ. По окончаніи рекогносцировки, Орбеліани отдалъ словесную диспозицію для атаки непріятельской позиціи: маіору Прибыловскому съ двумя ротами егерей, двумя ротами гренадеръ, линейными казаками, съ грузинскими князьями и дворянами, при одномъ орудіи, обойти завалы, устроенные изъ толстыхъ деревьевъ и камня, и занять лѣвую сторону горы, предварительно сбивъ съ нея мятежниковъ; маіору Тыртову съ двумя ротами — капитана Скугаревскаго и поручика Семёнова — атаковать укрѣпленія непріятели съ фронта; маіору Тихоцкому съ двумя ротами мушкетеръ при одномъ орудіи отражать нападеніе мятежниковъ на арьергардъ; маіору Спижарному открыть частый артилерійскій огонь изъ двухъ орудій, какъ только Прибыловскій, занявъ лѣвый холмъ горы, начнетъ тѣснить оттуда бунтовщиковъ; двумъ ротамъ мушкетеръ прикрывать транспортъ отряда. „Дѣйствіе сіе началось въ повелѣнное время, и непріятель увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ вдругъ утѣсняемымъ.“ Въ то время, когда Прибыловскій обходилъ правый флангъ имеретинъ, Тыртовъ съ двумя ротами овладѣлъ крѣпкимъ заваломъ, пересѣкавшимъ дорогу, и, двигаясь далѣе, сталъ преграждать путь отступленія на правую сторону дороги мятежникамъ, которыхъ Прибыловскій выбивалъ изъ всѣхъ засадъ, устроенныхъ на горѣ Цхолярисы. Послѣ часового боя Прибыловскій сбилъ непріятели съ горы, причемъ есаулъ Золотаревъ съ казаками, поддерживаемый ротою штабсъ-капитана Ковалева, занялъ самую вершину горы, а капитанъ Жоржи и штабсъ-капитанъ Пономаревъ — проходъ у подошвы горы. Защитники Цхолярисы по-

---

¹⁷⁾ Офицеръ Тифлискаго мушкетерскаго полка.

спѣшили присоединиться къ толпамъ, занимавшимъ лѣсъ, мимо котораго пролегалъ путь слѣдованія отряда, но и отсюда они вскорѣ были выбиты маіоромъ Тихоцкимъ, вступившимъ въ чащу лѣса съ двумя ротами мушкетеръ ¹⁸⁾. Занятіе Цхолярисы и дѣйствія Тихоцкаго облегчили дефилированіе отряда на поляну, отдѣляющуюся отъ крѣпостцы густымъ лѣсомъ. Такъ какъ въ это время бунтовщики стали сосредоточиваться въ Чхери, то Орбеліани приказалъ ротамъ Прибыловскаго спуститься съ горы прямо въ это селеніе, а казакамъ есаула Золотарева сбить мятежниковъ, засѣвшихъ влѣво отъ деревни; самъ Орбеліани съ остальными частями двинулся черезъ чхерскій лѣсъ. Засѣвъ въ крайнихъ сакляхъ селенія и въ укрѣпленіяхъ, имеретины старались преградить путь въ крѣпостцу, но, несмотря на упорное сопротивленіе въ продолженіи двухъ часовъ, были разбиты на всѣхъ пунктахъ и отброшены отъ стѣнъ крѣпостцы, истощенный гарнизонъ которой, „безъ провіанта и воды, ожидая себѣ неминуемой гибели, вдругъ увидѣлъ спасеніе.“ По вступленіи отряда въ деревню, половина ея въ наказаніе за безразсудное упорство жителей была предана огню. Потеря наша въ бою 22-го іюля у горы Цхолярисы заключалась въ 2-хъ рядовыхъ и 1 казакѣ убитыми и въ 2-хъ унтеръ-офицерахъ, 1 рядовомъ и 1 казакѣ ранеными. Убитъ рачинскій дворянинъ Иванъ Бакрадзе. Потеря мятежниковъ, которыхъ было около 3000 человѣкъ, доходила до 30-ти человѣкъ убитыми; о числѣ раненыхъ не было никакихъ извѣстій.

Со дня выступленія изъ Сурама по день прибытія въ крѣпостцу Чхери отрядъ потерялъ: убитыми—Кабардинскаго мушкетерскаго полка 4-хъ рядовыхъ, 9-го егерскаго полка 1 музыканта и 2-хъ рядовыхъ, 15-го егерскаго полка 1 рядового и казачьяго линейнаго полка 1 казака; ранеными—Кабардинскаго

---

¹⁸⁾ Въ колоннѣ маіора Тихоцкаго были штабсъ-капитанъ Дмитріевъ, подпоручикъ Корсунъ, прапорщики Рейхъ и Шидловскій.

мушкетерскаго полка 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 10 рядовыхъ, 9-го егерскаго полка 1 оберъ-офицера (подпоручика Масляникова) и 2-хъ рядовыхъ, донскаго казачьяго Ежова 1-го полка 1 оберъ-офицера (хорунжаго Маслова) и казачьяго линейнаго полка 5 казаковъ ¹⁹⁾.

Сопротивленіе, оказанное мятежниками, и медленность дѣйствій генераль-маіора князя Орбеліани съ самаго начала экспедиціи побудили главнокомандующаго назначить генераль-лейтенанта барона Розена общимъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, а также командированныхъ для содѣйствія отряду полковника Симоновича. Ему приказано было наказать бунтовщиковъ, возстановить какъ можно скорѣе спокойствіе въ Имеретіи и ввести въ ней управленіе, руководствуясь инструкціями, данными генераль-маіору князю Орбеліани.

Прибывъ въ Сурамъ, баронъ Розенъ послалъ предписаніе генералу Орбеліани остановиться и ждать его прибытія. Последній, предупредивъ Розена, что „пуститься въ столь бурный путь“ безъ конвоя опасно, доложилъ, что отпустить казаковъ, назначенныхъ ему въ конвой, не можетъ, и, какъ мы уже видѣли, не сталъ ожидать его прибытія. Взявъ съ собою въ конвой роту 15-го егерскаго полка, баронъ Розенъ выѣхалъ изъ Сурама въ 4 часа пополуночи 21-го іюля. На дорогѣ къ нему явились отъ князя Орбеліани изъ селенія Марилисы два брата Кишіани, обязавшіеся отвѣчать за „шалости“ имеретинъ между Сурамомъ и Зедуванью. Одного изъ нихъ онъ тотчасъ же отправилъ въ Сурамъ для исправнаго доставленія всѣхъ бумагъ, направляемыхъ въ Имеретію, пославъ съ нимъ пред-

---

¹⁹⁾ За это время вылучено патроновъ: Кабардинскимъ мушкетерскимъ полкомъ 6138, 9-мъ егерскимъ полкомъ 2784, 15-мъ егерскимъ полкомъ 2235, командами донскаго казачьяго Ежова 1-го полка 148 и казачьяго линейнаго полка 284; ядеръ 13, гранатъ 14 и картечей 5; разстрѣлено зарядовъ 12-ти-фунтовыхъ 8, 3-хъ-фунтовыхъ 14 и пушечныхъ 10. Рапорты князя Орбеліани генералу Торماسову 17-го іюля № 169, 18-го іюля № 174 и 4-го августа № 214 1810 года. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59. Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру, 16-го октября 1810 г. № 166. Дѣло арх. окружн. шт. 1810 г. № 207.

писаніе подполковнику Ковалеву доставить продовольствіе въ Зедувань ротамъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, начавшимъ расходовать экономическій провіантъ. Въ с. Небозири Розенъ узналъ, что Орбеліани продолжаетъ медленно подвигаться впередъ и что толпы бунтовщиковъ собрались близъ селеній Цитель-Кодили и Иванисъ-гелеши ²⁰⁾. На разсвѣтѣ 23-го іюля онъ прибылъ въ Чхери, причемъ конвой его въ перестрѣлкахъ съ мятежниками потерялъ одного фурлейта и трехъ лошадей. Подъѣзжая къ биваку отряда князя Орбеліани, генералъ Розенъ замѣтилъ, что, несмотря на близость скопищъ бунтовщиковъ, укрывавшихся въ окрестныхъ горахъ, передовые пикеты, выставленные отъ войскъ, почти всѣ были въ безпорядкѣ, а люди не только безъ оружія, но и раздѣты. Вечеромъ Орбеліани подалъ рапортъ о болѣзни.

Такъ какъ въ отрядѣ оставалось провіанта всего на три дня, а пополнить его можно было только доставкой изъ Зедувани подъ сильнымъ прикрытіемъ, то, приказавъ уменьшить суточную дачу хлѣба наполовину, баронъ Розенъ рѣшилъ пробиться къ Кутаеу и, принявъ провіантъ изъ кутаисскаго магазина, продолжать военныя дѣйствія противъ бунтовщиковъ. Приобрѣсти же провіантъ покупкою у жителей не было возможности, потому что населеніе со всѣмъ своимъ имуществомъ заблаговременно укрылось въ лѣсахъ ²¹⁾.

Оставивъ въ крѣпостцѣ Чхери прежній гарнизонъ и снабдивъ его полумѣсячнымъ запасомъ провіанта, солью и водою, отрядъ выступилъ въ походъ, имѣя въ авангардѣ 50 егерей при легкомъ 3 фунт. единорогѣ и сто человѣкъ рабочихъ отъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка; справа и слѣва шли команды фланкеровъ изъ двухъ ротъ егерей и сотни казаковъ; въ главныхъ силахъ находился баталіонъ Кабардинскаго муш-

²⁰⁾ Рапортъ генераль-лейтенанта барона Розена генералу Торماسову, 21-го іюля 1810 г. № 5. Дѣло арх. окружн. шт. 1810 года № 59.

²¹⁾ Рапортъ генераль-лейтенанта барона Розена генералу Тормасову, 23-го іюля 1810 года. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

кетерскаго полка и व्यюки, подъ прикрытіемъ 200 рядовыхъ; въ аріергардѣ—рота егерей и часть рядовыхъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, подъ командою маіора Тихоцкаго. Переправившись въ бродъ черезъ рѣчку Чхеремелу подъ слабымъ ружейнымъ огнемъ мятежниковъ, занимавшихъ возвышенности противоположнаго берега, и пройдя около двухъ верстъ, авангардъ открылъ скопище, въ числѣ 5000 человекъ укрѣпившееся въ узкихъ мѣстахъ лѣсной дороги. Баронъ Розентъ приказалъ маіору Спизарному ²²⁾ сдѣлать по мятежникамъ нѣсколько гранатныхъ выстрѣловъ. Удачное дѣйствіе артилеріи позволило лѣвой командѣ фланкеровъ подползти къ заваламъ на весьма близкое разстояніе и штыками выбить непріятеля изъ укрѣпленій, а правой—овладѣть возвышенностями. Послѣ трехчасоваго упорнаго боя мятежники, разбитые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы отрядомъ на разстояніи восьми верстъ, до с. Градо. Тутъ преслѣдованіе прекратилось, такъ какъ расчистка дороги, сильно изрытой завалами, забросанной камнями и срубленнымъ лѣсомъ, потребовала много времени и труда. Пройдя еще около шести верстъ, отрядъ расположился близъ урочища Базалетисъ-чали, у р. Чхеремелы. Мятежники потеряли въ этой схваткѣ до 70-ти человекъ убитыми. Поспѣшно отступаая, они не захватили съ собою тѣла главнаго бунтовщика—Дмитрія Абашидзе, руководившаго ими въ этотъ день. Въ одеждѣ его нашли бумаги отъ Соломона, царицы и другихъ лицъ, заключавшія въ себѣ замыслы противъ нашихъ войскъ.

Утромъ 25-го числа отрядъ въ томъ же порядкѣ продолжалъ свой маршъ. Мятежники не препятствовали его движенію и только изрѣдка перестрѣливались съ аріергардомъ. Вслѣдствіе весьма плохой дороги и усталости артилерійскихъ лошадей, отрядъ остановился у рѣчки Борилисы, вблизи греческаго монастыря. Многія селенія, черезъ которыя прослѣдо-

---

²²⁾ Спизарный служилъ въ артилеріи.

валъ Розенъ, оказались пустыми. 26-го числа войска двинулись далѣе. Едва они отошли отъ мѣста ночлега, какъ толпы мятежниковъ, скрывавшіяся на возвышенностяхъ вблизи монастыря, спустились съ горъ и напали на арьергардъ. Подъ прикрытіемъ фланкеровъ, вытѣснившихъ непріятеля съ возвышенностей, авангардъ вышелъ изъ лѣсу на небольшую поляну у раззоренной церкви с. Црацхаро. Здѣсь, завязавъ довольно сильную перестрѣлку, онъ далъ время подойти остальнымъ частямъ отряда, растянувшимся по узкой лѣсной дорогѣ вслѣдствіе значительнаго числа вьюковъ. Считая достаточнымъ оставить для удержанія поляны роту егерей при орудіи, Розенъ спустился на другую поляну, находившуюся вблизи рѣчки Квирилы, гдѣ и расположился лагеремъ. Мятежники обратили все свое вниманіе на оставленную роту и вскорѣ заняли раззоренную церковь, несмотря на жестоко поражавшую ихъ картечь, но унтеръ-офицеръ 17-го егерскаго полка Павелъ Лаврентьевъ съ нѣсколькими егерями бросился къ церкви, и, овладѣвъ ею, перекололъ всѣхъ ея защитниковъ, въ томъ числѣ и начальника ихъ князя Кайхосро Абашидзе. Наступившая темнота прекратила бой.

Получивъ извѣстіе, что мятежники заняли главную дорогу, ведущую къ переправѣ, завалили ее камнями, подѣлали засѣки и по сторонамъ устроили каменные завалы, баронъ Розенъ приказалъ подпоручику Коноплину съ 80-ю рядовыми Кабардинскаго мушкетерскаго полка осмотрѣть берега рѣчки Квирилы и найти на ней другой бродъ. Этою рекогносцировкой было обнаружено присутствіе незначительныхъ конныхъ и пѣшихъ партій мятежниковъ на противоположной сторонѣ рѣчки. Утромъ 27-го іюля отрядъ направился къ броду, отысканному Коноплинымъ, и, перейдя рѣку подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ цѣпей, достигъ селенія Симонети, расположеннаго на рѣчкѣ Чалабури. Въ продолженіи марша толпы имеретинъ, въ числѣ 4000 человекъ, подъ предводительствомъ князя Кай-

хосро Церетели, слѣдую за войсками, ограничивались одною лишь перестрѣлкою съ арьергардомъ. На слѣдующій день утромъ войска со всѣми предосторожностями двинулись далѣе по ровной лѣсной дорогѣ. Мятежники нѣсколько разъ нападали на правую команду фланкеровъ и на арьергардъ, но были отбрасываемы съ большимъ урономъ. Около 4-хъ часовъ пополудни отрядъ вышелъ изъ симонетскаго лѣса на поляну, находившуюся въ восьми верстахъ отъ Кутаиса. Отсюда ему предстояло пройти черезъ узкое ущелье, съ обѣихъ сторонъ котораго возвышались утесы и крутые склоны, покрытые густымъ лѣсомъ. Скопище имеретинъ, турокъ и лезгинъ, въ числѣ 7000 человекъ, подъ начальствомъ сердаря Кайхосро Церетели и другихъ князей, заняло и укрѣпило высоты по обѣ стороны этого дефиле, а дорогу возлѣ самой рѣчки Чисуры завалило лѣсомъ и камнями. Баронъ Розенъ приказалъ командамъ фланкеровъ сбить мятежниковъ съ высотъ, что и было сдѣлано стрѣлками, за которыми двинулся авангардъ. Маіоръ Прибыловскій и адъютантъ Розена штабсъ-капитанъ Павленковъ, посланные съ авангардомъ для осмотра дороги, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ возвышенностей праваго берега рѣки. Быстро перейдя ее, они рѣшительно атаковали каменные завалы съ обоихъ фланговъ—маіоръ Прибыловскій справа, штабсъ-капитанъ Павленковъ слѣва,—пробились сквозь наваленный по дорогѣ лѣсъ, штыками выбили мятежниковъ изъ засѣкъ и заваловъ, и быстро заняли высоты. Непрiятель, въ теченіе четырехъ часовъ отчаянно оборонявшій свои позиціи, всѣми способами старался не пропустить отрядъ въ Кутаисъ, но, видя себя на всѣхъ пунктахъ выбитымъ, разсѣялся по лѣсу. Только небольшая часть имеретинъ отправилась къ Соломону, который, по слухамъ, находился въ селеніи Маглакахъ. Мятежники въ этотъ день потеряли до 200 человекъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ начальникъ турецкихъ войскъ Сулейманъ-

бей, вскорѣ умершій отъ раны. Въ занятыхъ нами укрѣпленіяхъ была найдена масса съѣстныхъ припасовъ и разной посуды.

29-го іюля, проведя ночь на рѣчкѣ Цители-цхали (Красная ²³), генераль Розенъ вступилъ въ Кутаисъ, разсѣявъ предварительно скопище мятежниковъ, окружавшихъ городъ. Съ 24-го по 29-е іюля отрядъ его потерялъ: убитыми—Кабардинскаго мушкетерскаго полка 4-хъ рядовыхъ, 9-го егерскаго полка 1 рядового, 15-го егерскаго полка 1 рядового и линейнаго казачьяго полка 1 казака; ранеными—Кабардинскаго мушкетерскаго полка 2-хъ оберъ-офицеровъ, 1 унтеръ-офицера и 13 рядовыхъ, 9-го егерскаго полка 1 оберъ-офицера, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 7 рядовыхъ, 15-го егерскаго полка 8 рядовыхъ, линейнаго казачьяго полка 4-хъ казаковъ и 20-й артилерійской бригады 2-хъ рядовыхъ; безъ вѣсти пропавшими—Кабардинскаго мушкетерскаго полка 6-хъ и 9-го егерскаго полка 2-хъ рядовыхъ ²⁴).

Пока войска, посланная главнокомандующимъ для подавленія возстанія въ Имеретіи, двигались изъ Грузіи въ Кутаисъ, генераль-маіоръ Симоновичъ ²⁵) въ теченіе почти двухъ недѣль, съ 11-го по 27-е іюля, ничего не предпринималъ противъ бѣглаго имеретинскаго царя. Только 27-го іюля, оставивъ въ Кутаисѣ достаточный гарнизонъ, онъ выступилъ съ небольшимъ отрядомъ на помощь маіору Ушакову, окруженному многочисленнымъ непріателемъ. Успѣхъ въ полной мѣрѣ увѣнчалъ его предпріятіе. Разбивъ нѣсколько скопищъ во время марша и разсѣявъ главныя силы бунтовщиковъ,

---

²³) Въ 3-хъ верстахъ отъ Кутаиса.

²⁴) За это время выпущено патроновъ: Кабардинскимъ мушкетерскимъ полкомъ 15416, 9-мъ егерскимъ полкомъ 5705, 15-мъ егерскимъ полкомъ 5578 и линейнымъ казачьимъ полкомъ 2348; гранатъ 21, ядеръ 15 и картечей 12. Рапортъ генераль-лейтенанта барона Розена генералу Торماسову, 5-го августа 1810 г. № 32. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

²⁵) Высочайшій приказъ о производствѣ Симоновича въ генераль-маіоры и о назначеніи его бригаднымъ начальникомъ войскъ, въ Имеретіи расположенныхъ, былъ объявленъ по войскамъ кавказской арміи 26-го іюля. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

окружавшія Ушакова, онъ соединился съ его отрядомъ. Тѣмъ временемъ генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ, снабдивъ войска провіантомъ, приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Соломона, который со дня своего возвращенія въ Имеретію безпрестанно переѣзжалъ изъ одного селенія въ другое, не оставаясь въ одномъ мѣстѣ больше сутокъ и выбирая для ночлеговъ наиболѣе неприступныя мѣста. Направивъ генераль-маіора Симоновича съ сильнымъ отрядомъ на правую сторону р. Ріона, онъ двинулъ Прибыловскаго съ пятью ротами и 50-ю линейными казаками къ гелатскому монастырю. Симоновичъ выгналъ Соломона изъ селенія Маглаки, привелъ въ повиновеніе волости вакинскую и пицискацкую, кромѣ крѣпостцы Ткачиры, принадлежавшей князьямъ Агіашвили, упорно въ ней сопротивлявшимся, взялъ отъ жителей аманатовъ и 8-го августа вернулся въ Кутаисъ. Маіоръ Прибыловскій, подчинивъ нашей власти нѣкоторыя селенія, лежавшія по дорогѣ къ гелатскому монастырю и въ его окрестностяхъ, 4-го августа подошелъ къ селенію Ріони. Тутъ собралось большое скопище мятежниковъ, съ которыми онъ вступилъ на слѣдующій день въ упорный и продолжительный бой. Пересѣченная мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ, не позволила употребить въ дѣло артилеріи, отчего войска однимъ только ружейнымъ огнемъ и штыковыми контръ-атаками отражали нападенія бунтовщиковъ, отчаянно дравшихся, благодаря присутствію Соломона. Съ наступленіемъ темноты мятежники расположились на ближайшей горѣ, черезъ которую пролегала дорога изъ Гелатъ въ с. Ріони, и за ночь укрѣпили ее завалами и засѣками. Баронъ Розенъ, узнавъ, что Прибыловскій встрѣтился съ значительными скопищами, немедленно командировалъ въ его отрядъ двѣ роты Кабардинскаго мушкетерскаго полка при капитанѣ Куликовѣ.

Желая напасть на мятежниковъ врасплохъ, Прибыловскій поднялъ отрядъ часа за два до разсвѣта. Шелъ проливной дождь

и было еще довольно темно, когда войска съ ротами капитана Куликова, присоединившагося ночью, стали подыматься на гору, занятую непріателемъ. Въ полной тишинѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, они штыками выбили имеретинъ изъ заваловъ и обратили ихъ въ бѣгство. Продолжая движеніе, отрядъ рано утромъ достигъ урочища Эдзери, гдѣ и разбилъ свой бивакъ. Здѣсь стало извѣстно, что сѣшившія съ двухъ сторонъ къ скопищамъ толпы имеретинъ, подъ предводительствомъ князей Кайхосро и Семена Церетели, увидѣвъ бѣгущихъ, сами обратились въ бѣгство. Князьямъ едва удалось удержать при себѣ незначительное число мятежниковъ, съ которыми они и присоединились къ царю, въ с. Агареви. Потеря наша въ оба дня состояла изъ 3-хъ оберъ-офицеровъ, 1 унтеръ-офицера и 11-ти рядовыхъ убитыми и 45-ти рядовыхъ ранеными. Мятежники потеряли до 200 человекъ ²⁶⁾).

Узнавъ о мѣстонахожденіи царя, генераль Розенъ приказалъ Симоновичу обойти лѣвый флангъ его со стороны дефиле Чишури, а маіору Прибыловскому наступать противъ праваго фланга мятежниковъ; еслибы въ Нагореви ихъ не оказалось, то двинуться обоимъ въ рачинскую и охрибскую волости для подчиненія и наказанія жителей ²⁷⁾).

9-го августа Симоновичъ съ сильнымъ отрядомъ подошелъ къ с. Нагореви, занятому имеретинскими и отчасти лезгинскими войсками, подъ личнымъ начальствомъ Соломона. Селеніе было расположено по обѣимъ сторонамъ рѣки Чишури, окружено непроходимыми лѣсами, болотами, высокими и крутыми горами и укрѣплено искусственными препятствіями. Для атаки деревни Симоновичъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: маіору Тыртову приказалъ выбить мятежниковъ, укрѣ-

---

²⁶⁾ Репортъ барона Розена, 22-го августа 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 года № 59. Въ отношеніи генерала Торماسова военному министру, 12-го октября 1810 года № 196 (Ак. арх. ком. т. IV стр. 326), потеря мятежниковъ опредѣлена—„слишкомъ 300 человекъ убитыми.“

²⁷⁾ Репорты барона Розена генералу Тормасову 22-го августа № 76 и 16-го сентября № 176. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

пившихся, подъ начальствомъ князя Агіашвили, на высотахъ вблизи гелатскаго монастыря, а самъ двинулся противъ войскъ, руководимыхъ царемъ. Занявъ одну изъ высотъ, командовавшихъ позиціею, Симоновичъ открылъ мѣткій огонь изъ единороговъ. Непрiятель, несмотря на свою численность, простиравшуюся до 2000 человекъ, не выдержалъ артилерійской канонады: понесъ значительный уронъ, онъ очистилъ засады и укрѣпленія и обратился въ бѣгство. Толпы, предводимыя княземъ Агіашвили, замѣтивъ отступление войскъ Соломона, безъ боя оставили свои укрѣпленія, которыя вслѣдъ затѣмъ были заняты Тыртовымъ. Соломонъ бѣжалъ сначала въ селеніе Цуцхати, охрибской волости, а потомъ перѣхалъ въ с. Гохси, весьма крѣпкое по своему мѣстоположенію. Отсюда онъ послалъ Симоновичу митрополита Давида съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ, что если Государь Императоръ удостоитъ его прощенія за всѣ его поступки и назначитъ ему мѣсто въ Имеретіи, гдѣ бы онъ спокойно окончилъ свои дни, то онъ письменнымъ обязательствомъ откажется навсегда отъ имеретинскаго царства, обяжется не вмѣшиваться ни въ какія внутреннія и политическія дѣла и вѣрною службою своею Государю противъ турокъ будетъ стараться загладить всѣ прежнія свои дѣянія. Впоследствии оказалось, что Соломонъ никогда не имѣлъ въ виду исполнить свои обѣщанія, что эта была „со стороны его одна хитрость,“ способъ держать своихъ сторонниковъ посредствомъ начатыхъ переговоровъ въ страхъ и послушаніи. Но расчетъ былъ вѣренъ: мятежники, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ царя по дарованіи ему прежняго значенія и власти, должны были волею-неволею повиноваться. Достигая такимъ образомъ своей цѣли, Соломонъ

„черезъ переговоры, тщательно имъ поддерживаемые, коимъ однако же не было даваемо никакой вѣры, старался держать въ сихъ мысляхъ народъ, тѣмъ больше, что видѣлъ уже многія важныя фамиліи и цѣлыя

селенія, начавшія отъ него отставать и искать помилованіе отъ русскаго начальства“²⁸⁾.

10-го августа Симоновичъ приказалъ Прибыловскому, накануне вошедшему въ составъ его отряда, усмирить населеніе охрибской волости и уничтожить домъ князя Агіашвили. Въ тотъ же день онъ занялъ селеніе Симонети, жители котораго съ имуществомъ и скотомъ скрывались въ глубинѣ своихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Благодаря увѣщаніямъ посланныхъ къ нимъ имеретинъ, черезъ три дня они вернулись въ свои жилища, выдали аманатовъ и вторично принесли присягу. Въ это же время Прибыловскому изъявили покорность жители Охрибы и Гелаты. 17-го августа Симоновичъ, нигдѣ не останавливаясь, настигъ бывшаго царя въ малодоступномъ ущельи Гоги, куда послѣдній кинулся со всеми своими единомышленниками, числомъ до 3000 слишкомъ человекъ. Послѣ упорнаго боя отрядъ, благодаря разумнымъ распоряженіямъ Симоновича и безпредѣльной храбрости нашихъ войскъ, вытѣснилъ имеретинъ изъ всѣхъ засѣкъ и заваловъ, во множествѣ и въ нѣскольکو ярусовъ возведенныхъ по склонамъ горъ. Преслѣдуя отступающихъ, Симоновичъ разсѣялъ скопище, обложившее крѣпостцу Мухури, которую съ примѣрнымъ мужествомъ защищала команда изъ 15 человекъ²⁹⁾, испытывая долгое время недостатокъ въ провіантѣ. Бунтовщики, узнавъ о приближеніи нашего отряда, тотчасъ же сняли блокаду и бѣжали въ лѣса, откуда потайными тропами присоединились къ царю, укрывшемуся въ ущелье Таваза. Гарнизонъ крѣпостцы былъ усиленъ и снабженъ двухмѣсячнымъ запасомъ продовольствія.

Вскорѣ Соломонъ, вытѣсненный изъ тавазскаго ущелья, бѣжалъ въ с. большое Сазано. Отсюда, преслѣдуемый войсками, онъ удалился сначала въ сакарскую волость, но, узнавъ, что отрядъ маіора Прибыловскаго вступилъ въ волость Сазано для

²⁸⁾ Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру, 12-го октября 1810 г. № 196.

²⁹⁾ 1 унтеръ-офицеръ и 12 рядовыхъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка съ двумя казаками.

приведенія жителей къ присягѣ, вернулся съ своими толпами обратно, рассчитывая на присутствіе турецкихъ и персидскихъ войскъ у границъ Карталиніи. 25-го августа онъ неоднократно и съ ожесточеніемъ нападалъ на отрядъ Прибыловскаго, но, потерпѣвъ вездѣ неудачу, сопровождавшуюся значительнымъ урономъ людей, отступилъ въ урочище Лежавасаули (верхнее Сакаро), принадлежавшее князю Кайхосро Абашидзе и служившее мятежникамъ сборнымъ мѣстомъ. Тогда Симоновичъ рѣшилъ присоединить къ своимъ войскамъ отрядъ Прибыловскаго и общими силами атаковать верхнее Сакаро, вблизи котораго собралось до 3000 мятежниковъ, подъ начальствомъ наиболѣе преданныхъ царю князей и дворянъ. Занявъ тѣсныя проходы и укрѣпивъ естественныя твердыни всевозможными препятствіями, бунтовщики дружно встрѣтили соединенные отряды, приблизившіеся къ Сакаро 26-го августа. Несмотря на численное превосходство непріятеля, на мѣстность, благопріятствовавшую обороняющемуся, и на огромныя засѣки, Симоновичъ атаковалъ Соломона „открытою силою,“ раздѣливъ предварительно отрядъ на три колонны. Послѣ боя, продолжавшагося около двухъ часовъ, бунтовщики, выбитые изъ всѣхъ засадъ пулями, штыками и гранатами, обратились въ безпорядочное бѣгство, во время котораго были отбиты наши илѣнные (1 унтеръ-офицеръ, 6 рядовыхъ и 11 казаковъ), захваченные имеретинами разновременно и въ одиночку на лѣсныхъ дорогахъ. Въ сраженіи мятежники потеряли убитыми Хахула Абашидзе—старшаго сына „наизлѣйшаго врага Россіи“ князя Кайхосро Абашидзе,—князя Георгія Цулукидзе, 12 дворянъ и болѣе 200 крестьянъ. Соломонъ бѣжалъ съ пятьюстами конныхъ имеретинъ въ с. Квалети, лосіатхевской волости, а жители сс. Свири, Сазано и волостей сакарской и аргустской изъявили покорность. Безъ отдыха преслѣдуя царя, Симоновичъ прошелъ черезъ с. Квалети сначала къ монастырю Вардзія, а затѣмъ къ

чхерскому селенію Харети, куда укрылся Соломонъ, въ ожиданіи присоединенія къ нему турецкихъ и лезгинскихъ войскъ. Чтобы не дать послѣднимъ проникнуть въ глубь Имеретіи, Симоновичъ передвинулъ отрядъ маіора Бѣлевскаго мушкетерскаго полка Щелкачева изъ багдадской волости въ с. Нергати, Прибыловскому приказалъ занять с. Кикнавалети, лежащее въ зегамскомъ ущельи, а самъ, оставшись у Вардзіи, приступилъ къ усмиренію жителей лосіатхевской волости.

Одновременно съ Симоновичемъ дѣйствовалъ противъ главнаго скопища мятежниковъ маіоръ Княжевичъ. Получивъ извѣстіе, что жители лѣвобережныхъ селеній р. Квирилы готовы отложиться отъ Соломона и вступить въ подданство Россіи, баронъ Розенъ командировалъ туда Княжевича съ двумя ротами егерей (200 человѣкъ) при одномъ орудіи, поручивъ ему привести жителей къ присягѣ, взять отъ нихъ аманатовъ и, занявъ Багдадъ, прервать или затруднить сообщеніе бѣглаго царя съ Ахалцыхомъ. Прибывши въ селеніе Рокоти, раскинутое у рѣчки Ханисъ-цхали, маіоръ Княжевичъ съ помощью преданныхъ намъ имеретинскихъ князей привелъ къ присягѣ жителей окрестныхъ селеній и, взявъ отъ нихъ аманатовъ, 17-го августа двинулся въ Багдадъ. Селеніе это и ближайшія высоты ханійскаго ущелья были заняты толпами мятежниковъ и турецкими войсками, спустившимися со стороны Ахалцыха въ числѣ 2000 человѣкъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, во время которой мы потеряли двухъ рядовыхъ убитыми и столько же ранеными, Княжевичъ занялъ Багдадъ и остановился тамъ, устроивъ лагерь на выгодной позиціи. Непрiятель тотчасъ же окружилъ его и, укрѣпившись въ багдадскомъ дефилѣ, началъ производить частыя нападенія, стараясь отрѣзать отъ воды, которую и безъ того приходилось добывать послѣ штыковыхъ схватокъ. Въ помощь Княжевичу баронъ Розенъ командировалъ маіора Щелкачева съ тремя ротами (300 человѣкъ) при двухъ орудіяхъ и съ 600-ми имере-

тинами, бывшими подъ предводительствомъ преданныхъ намъ князей, которому приказалъ немедленно разсѣять мятежниковъ³⁰). Соединясь съ Княжевичемъ и принявъ команду надъ отрядами, Щелкачевъ рѣшилъ атаковать противника въ его укрѣпленіяхъ. 23-го августа онъ приказалъ имеретинамъ обойти фланги непріятельской позиціи, а остальные войска повелъ лично тремя колоннами на непріятельскіе засѣки и завалы съ фронта. Приблизившись къ противнику на орудійный выстрѣлъ и обстрѣлявъ пушечнымъ огнемъ его укрѣпленія, колонны двинулись на штурмъ, выбили имеретинъ и турокъ изъ засѣкъ, на плечахъ отступающихъ ворвались въ завалы и, работая штыкомъ, обратили ихъ въ полное бѣгство. Въ это время на флангахъ появились имеретинскіе князья и, бросившись съ своими подвластными на бѣгущихъ, произвели въ нихъ сильное кровопролитіе. Турки безостановочно бѣжали въ Ахалцыхъ. Въ бою мы потеряли только двухъ имеретинъ— одного убитымъ и одного раненымъ; мятежники лишились трехъ главныхъ предводителей убитыми и трехъ ранеными; крестьянъ осталось на мѣстѣ боя человекъ до 95-ти. Больше всего пострадали турки, уронъ которыхъ доходилъ до 400 человекъ.

Послѣ пораженія главныхъ скопищъ мятежниковъ, дѣло усмиренія Имеретіи пошло болѣе успѣшно. Такъ, къ 8-му сентября Симоновичъ, успокоивъ жителей лосіатхевской волости и селеній, лежавшихъ въ зегамскомъ и берадзскомъ ущельяхъ, подчинилъ нашей власти двѣ важныя и сильныя волости— чхерскую и храмскую—привелъ жителей ихъ къ присягѣ и взялъ отъ нихъ аманатовъ³¹); Щелкачевъ возстановилъ по-

---

³⁰) Въ отношенія генерала Тормасова къ военному министру, 12-го октября 1810 года № 196, число имеретинъ, посланныхъ Розеномъ въ Багдадъ къ Княжевичу, опредѣлено въ 700 человекъ. Ак. арх. ком. т. IV стр. 326. Крестьяне, вооружившіеся противъ мятежниковъ, принадлежали князьямъ Вахушту Чичевадзе, Давиду Эристову, Кайхосро Чхендзеву и Иесею Яшвили.

³¹) Рапортъ г.-л. барона Розена къ генералу Тормасову, 16-го сентября 1810 г. № 136. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

рядомъ въ багдадской волости, а войска, посланныя въ Рачу, вторично овладѣли крѣпостцами Тола, Патара-они и Лачкаши. Большая часть населенія Имеретіи сложила оружіе. Соломонъ, потерявъ довѣріе къ своимъ приверженцамъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Ахалцыха, пробрался съ небольшимъ числомъ сообщниковъ изъ с. Харети въ ханійское ущелье. Но оставаться въ этомъ, хотя и малодоступномъ, ущельи продолжительное время, не имѣя никакихъ продовольственныхъ запасовъ, было невозможно: царю предстояло или сдаться, или бѣжать въ ахалцыхскій пашалыкъ.

Баронъ Розенъ, считая удаление Соломона изъ Имеретіи залогомъ прочной покорности жителей, находилъ также необходимымъ въ теченіе зимы переловить всѣхъ важнѣйшихъ князей и дворянъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, дабы предотвратить дальнѣйшія попытки царя вернуться въ край и возбудить новые безпорядки ³²⁾. Взглядъ Розена раздѣлялъ и главнокомандующій.

„Разсѣяніе бунтовщиковъ—указывалъ онъ Симоновичу—и приводъ жителей къ присягѣ, конечно, были хороши; однако же бунтовщики могутъ сами собою разбѣжаться, а жители даже будутъ просить присяги, если только самый корень происшедшаго зла будетъ истребленъ. Видя силу, имеретинцы будутъ казаться покорными и принимать присягу, но измѣнятъ при первомъ случаѣ, если бѣглый царь будетъ оставаться въ Имеретіи.“

Весь вопросъ сводился къ тому, чтобы „непремѣнно поймать царя, или истребить его какимъ бы то ни было образомъ, или выгнать его совершенно изъ имеретинской земли.“

Такъ какъ въ началѣ сентября Розенъ былъ отозванъ въ Тифлисъ, а Орбеліани, вступившій послѣ него въ командованіе войсками, выѣзжалъ туда же по болѣзни, то генералъ Тормасовъ 9-го сентября 1810 г. приказалъ Симоновичу принять

---

³²⁾ Репортъ барона Розена генералу Тормасову, 16-го сентября 1810 г. № 136. Дѣло арх. окурж. шр. 1810 г. № 59.

главное начальство надъ войсками, расположенными въ Имеретіи и Мингреліи, и обратить все вниманіе свое на Соломона ³³). Исполняя повелѣніе главнокомандующаго „о чиненіи строгихъ поисковъ“ за бывшимъ царемъ, Симоновичъ рѣшилъ проникнуть въ ханійское ущелье, гдѣ заперся Соломонъ съ 1500-ми ливанскихъ и ахалцыхскихъ турокъ, снова явившихся къ нему на помощь, и съ 500-ми имеретинъ, остававшихся ему вѣрными. Путь къ ханійскому ущелью пролегалъ въ полугорѣ, надъ ужасною бездною; во многихъ мѣстахъ его пересѣкали глубокіе овраги съ крутыми скатами, а иногда онъ шелъ у подошвы высокихъ утесовъ и былъ настолько узокъ, что два цѣпшихъ съ трудомъ могли идти рядомъ. Густой лѣсъ, покрывавшій склоны горъ, давалъ непріятелю возможность безнаказанно и на выборъ поражать проходившихъ по дорогѣ. Входъ въ ущелье и подступы къ нему были укрѣплены нѣсколькими рядами параллельныхъ заваловъ и засѣкъ, а на утесахъ заготовлены груды камней и обрубленные деревья для скатыванія на войска; сама дорога завалена была бревнами и въ нѣкоторыхъ пунктахъ совершенно скрыта. Несмотря на все это, храбрый Симоновичъ не отступилъ отъ задуманнаго плана. 23-го октября онъ образовалъ три колонны, назначивъ двѣ изъ нихъ для обхода фланговъ непріятельской позиціи, а третью для атаки съ фронта, и приготовился къ атакѣ. На другой день маіоръ Ушаковъ, поднявшись съ послѣднею изъ этихъ колоннъ зегамскимъ ущельемъ, рѣшительно атаковалъ засѣки, устроенныя на дорогѣ, приступомъ овладѣлъ ими и сталъ приближаться къ утесамъ, „самымъ опаснымъ мѣстамъ,“ гдѣ были приготовлены деревья и камни ³⁴). Утромъ слѣдующаго дня обходныя колонны, выйдя во флангъ непріятеля, привели его въ крайнее замѣшательство. Соломонъ поспѣшилъ съ

---

³³) Предписаніе генерала Торماسова генераль-маіору Симоновичу отъ 3-го сентября 1810 г.

³⁴) При атакѣ засѣкъ маіоръ Ушаковъ въ этотъ день потерялъ Кавказскаго гренадерскаго полка 1 рядового убитымъ и 2-хъ ранеными и линейнаго казачьяго полка 1 казака раненымъ.

частью турецкихъ войскъ бѣжать въ Ахалцыхъ, а остальные, какъ турки, оставшіеся въ укрѣпленіяхъ, такъ и имеретины, послѣ незначительнаго сопротивленія обратились въ безпорядочное бѣгство. Пересѣченная мѣстность и густой лѣсъ не позволили Симоновичу преслѣдовать царя, за которымъ бѣжало около 17-ти князей (Церетели, Эристовы, Абашидзе, Цулукидзе и другіе) съ своими семействами, 8 дворянъ, священникъ Николай Тевдоріани—одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, и до 150-ти крестьянъ. 26-го сентября, благодаря содѣйствію преданныхъ намъ имеретинскихъ князей, многіе изъ бунтовщиковъ были переловлены ³⁵).

Съ удаленіемъ Соломона изъ Имеретіи военныя дѣйствія прекратились, а жители были вновь приведены къ присягѣ.

Возстановивъ спокойствіе, Симоновичъ приступилъ къ устройству внутренняго управленія краемъ, принявъ предварительныя мѣры къ обезпеченію его на будущее время отъ всякихъ новыхъ покушеній со стороны Соломона. Съ этою цѣлью онъ взялъ аманатовъ отъ всѣхъ сильныхъ и важныхъ фамилій и содержалъ ихъ подъ строгимъ надзоромъ въ разныхъ мѣстахъ. Но, чтобы навсегда покончить съ имеретинскими безпорядками, главнокомандующій рѣшилъ отправить царицу Марію въ Петербургъ, куда еще 31-го іюля былъ высланъ царевичъ Константинъ ³⁶), главныхъ бунтовщиковъ сослать въ Сибирь, а тѣхъ, кто „по вліянію своему можетъ быть вреденъ или ненадежнаго расположенія къ Россіи—удалить подъ разными благовидными предлогами изъ Имеретіи.“

Общая потеря наша за все время военныхъ дѣйствій, несмотря на вспомогательныя турецкія и лезгинскія войска, дѣйствовавшія соединенно съ мятежниками, а также на труднодоступную мѣстность, была не велика въ сравненіи съ

---

³⁵) Репортъ г.-м. Симоновича генералу Торماسову, 30-го сентября 1810 г. Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру, 12-го октября 1810 г.

³⁶) Мать царевича Константина, царица Анна Матвѣевна, еще въ началѣ 1809 г. выѣхала изъ Тифлиса въ Петербургъ. Дѣло окруж. шт. 1809 г. № 318.

урономъ непріятеля, а именно: Кавказскій гренадерскій полкъ потерялъ убитыми 1 штабъ-офицера, 1 унтеръ-офицера, 1 музыканта и 19 рядовыхъ, ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ, 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 1 музыканта, 44-хъ рядовыхъ и 1 нестроевого; Херсонскій гренадерскій полкъ—раненымъ 1 рядового и безъ вѣсти пропавшимъ 1 рядового; Кабардинскій мушкетерскій полкъ—убитыми 3-хъ оберъ-офицеровъ, 1 унтеръ-офицера и 48 рядовыхъ, ранеными 3-хъ оберъ-офицеровъ, 8-хъ унтеръ-офицеровъ, 2-хъ музыкантовъ, 91-го рядового и 4-хъ нестроевыхъ; Бѣлевскій мушкетерскій полкъ—раненымъ 1 рядового; 9-й егерскій полкъ—убитыми 1 оберъ-офицера, 2-хъ музыкантовъ и 10 рядовыхъ, ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 31-го рядового, безъ вѣсти пропавшимъ 1 рядового; 15-й егерскій полкъ—убитыми 2-хъ оберъ-офицеровъ и 16 рядовыхъ, ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ, 6-хъ унтеръ-офицеровъ и 54 рядовыхъ; 20-я артилерійская бригада—убитымъ 1 канонира, ранеными 1 оберъ-офицера, 4-хъ фейерверкеровъ, 12 канонировъ и 3-хъ готлангеровъ; донской казачій Ежова 1-го полкъ—убитыми 1 оберъ-офицера и 2-хъ казаковъ, ранеными 1 оберъ-офицера и 2-хъ казаковъ и линейный казачій полкъ—убитыми 3-хъ и ранеными 14 казаковъ. Всего выбыло изъ строя: убитыми—1 штабъ-офицеръ, 9 оберъ-офицеровъ и 106 нижнихъ чиновъ, ранеными—9 оберъ-офицеровъ и 286 нижнихъ чиновъ ³⁷⁾. Число нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ противъ имеретинскихъ бунтовщиковъ, было: въ 2-хъ баталіонахъ Кавказскаго гренадерскаго полка 1044, въ 2-хъ баталіонахъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка 1013, въ 6-ти ротахъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка 793, въ 2-хъ ротахъ 9-го егерскаго полка 171, въ 3-хъ ротахъ 15-го егерскаго полка 326, въ 3-хъ ротахъ ³⁸⁾ 20-й артилерійской бригады 143, донскаго казачьяго Ежова 1-го

³⁷⁾ Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру, 12-го октября 1810 г.

³⁸⁾ Роты подполковника Вреде, маіора Спичарнаго и маіора Букова.

полка 107, донского казачьяго Данилова полка 43 и линейнаго казачьяго полка 100. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ имеретинской экспедиціи, приказомъ отъ 20-го ноября 1810 г. всемилостивѣйше пожаловано по 1 рублю на человѣка ³⁹⁾. Кромѣ того, Государь, узнавъ о подвигахъ командъ Бѣлевскаго полка, защищавшихъ крѣпостцы Чхери и Мухури, повелѣлъ:

„подпоручика Бѣлевскаго мушкетерскаго полка Шеншина произвестъ въ поручики. Унтеръ-офицерамъ того же полка Яковлеву и Чеботареву дать знаки отличія военнаго ордена, производить имъ въ пенсіонъ по смерти жалованье гвардейскихъ фельдфебелей и единовременно по 50-ти рублей каждому; рядовыхъ Терещенко и Никифорова произвестъ въ унтеръ-офицеры, дать имъ знаки отличія военнаго ордена и единовременно по 25-ти рублей каждому; прочимъ же нижнимъ чинамъ, бывшимъ при оборонѣ оныхъ крѣпостей, сорока одному человѣку—по 25-ти рублей каждому“ ⁴⁰⁾.

Вслѣдъ за изгнаніемъ Соломона изъ Имеретіи, Симоновичъ получилъ отъ главнокомандующаго предписаніе задержать въ Имеретіи, въ виду предстоявшей экспедиціи въ ахалцыхскій пашалыкъ, два баталіона Кабардинскаго мушкетерскаго полка, слѣдовавшіе въ Тифлисъ для занятія карауловъ. Баталіоны были остановлены на маршѣ между селеніями Марилисы и Зедувани. Цѣль экспедиціи въ Ахалцыхъ состояла главнымъ образомъ въ возстановленіи владѣтельныхъ правъ на ахалцыхскій пашалыкъ Селима-паши, подъ покровительствомъ и въ подданствѣ Россіи, что повело бы за собою уничтоженіе вредныхъ замысловъ Соломона и прекратило бы набѣги лезгинъ со стороны Ахалцыха въ Карталинію. По плану генерала Торماسова, Симоновичъ съ войсками, расположенными въ Имеретіи, долженъ былъ подступить къ Ахалцыху со стороны Кутаиса.

³⁹⁾ Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру, 18-го марта 1811 г. № 63. Дѣло арх. окруж. шт. 1811 г. № 217.

⁴⁰⁾ Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 222, № бумаги 325. Предписаніе генерала Торماسова генераль-маіору Симоновичу, 20-го февраля 1811 года.

Хотя Симоновичъ и не допускалъ, чтобы имеретины послѣ раззоренія во время бунта и въ особенности съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ взяли за оружіе, тѣмъ не менѣе, въ виду неустановившагося положенія дѣлъ въ Имеретіи, просилъ главнокомандующаго оставить тамъ два баталіона Кабардинскаго и пять ротъ Бѣлевскаго мушкетерскихъ полковъ, а команды казаковъ довести до численности полка; если же въ экспедиціи нельзя было обойтись безъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, то оставить однѣ роты Бѣлевскаго, сверхъ двухъ ротъ, стоявшихъ въ Рачѣ и Сацеретело ⁴¹⁾).

8-го октября генералъ Тормасовъ приказалъ командировать въ Кутаисъ сотню линейныхъ казаковъ и 50 человекъ донскаго казачьяго Денисова полка, выразивъ при этомъ желаніе замѣнить казаковъ нѣкоторымъ числомъ имеретинскихъ князей и дворянъ съ ихъ крѣпостными, по крайней мѣрѣ для посылокъ и для сообщенія между постами. Главнокомандующій полагалъ, что въ послѣдствіи ими можно будетъ замѣнить легкую конницу ⁴²⁾. Затѣмъ, 16-го числа, онъ послалъ Симоновичу приказаніе подойти къ Ахалцыху съ двумя баталіонами гренадеръ, пятью ротами егерей съ ихъ артилеріею, достаточнымъ числомъ казаковъ и съ имеретинскими, мингрельскими и гурійскими охотниками, а войска, расположенныя въ Имеретіи, поручить полковнику Мерлини; что же касается баталіоновъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, то одному изъ нихъ приказано было идти въ Сурамъ и приготовиться къ новому походу, а другому остаться въ деревнѣ Зедувани ⁴³⁾).

1-го ноября 1810 года генералъ-маіоръ Симоновичъ вы-

---

⁴¹⁾ Рапорты г.-м. Симоновича генералу Тормасову, 7-го октября 1810 г. № 1056 (дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59) и 30-го сентября 1810 г. № 1008 (дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59). Предписаніе генерала Тормасова г.-м. Симоновичу, 8-го октября 1810 г. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

⁴²⁾ Предписаніе генерала Тормасова генералу Симоновичу, 9-го октября 1810 г. № 1512. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 209.

⁴³⁾ Предписаніе генерала Тормасова г.-м. Симоновичу, 16-го октября 1810 года № 1587. Тамъ же.

ступилъ изъ Кутаиса черезъ Багдадъ въ ахалцыхскій пашалыкъ съ двумя баталіонами Кавказскаго гренадерскаго полка съ пятью ротами 9-го и 15-го егерскихъ полковъ при 2-хъ трехфунтовыхъ и одномъ 12-ти-фунтовомъ единорогахъ и съ командами казачьихъ полковъ Денисова, Данилова, Ежова и линейнаго, а въ Имеретіи оставилъ 11 ротъ, 4 единорога, 5 пушекъ и 84 казака. Части эти заняли слѣдующіе пункты. Двѣ роты Кабардинскаго полка при 3 фун. единорогѣ и 8-ми казакахъ—деревню Зедувань; 2 роты того же полка при 3 фун. единорогѣ и 10-ти казакахъ—д. Сакарокеди (Сакарикидзе), съ обязанностью высылать команду въ крѣпостцу Чхери; части Бѣлевскаго полка: рота при 6 фун. пушкѣ и 8-ми казакахъ—у квирильской переправы, съ командою, занимавшею крѣпостцу Мухури; рота при 6 фун. пушкѣ Кавказскаго полка и 8-ми казакахъ—Багдадъ; рота при 8-ми казакахъ—Сацеретело; рота при 4-хъ казакахъ—Рачу; рота при 7-ми казакахъ—д. Марани, высылая команду въ крѣпостцу Ткачиры, гдѣ находились четыре крѣпостныхъ пушки; двѣ роты при двухъ 6 фун. пушкахъ, одномъ единорогѣ Кавказскаго гренадерскаго полка, одномъ 3 фун. единорогѣ и 20-ти казакахъ—Кутаисъ, откуда высылалась команда при офицерѣ, 6-ти-фунтовой пушкѣ Кавказскаго полка и 4-хъ казакахъ въ крѣпостцу Варцихе; и въ д. Анари—казачій постъ изъ 7-ми человекъ. Начальство надъ этими войсками принялъ полковникъ Мерлини. Кромѣ того, каждый изъ шести округовъ (чхерскій, багдадскій, сачхерскій, рачинскій, кутаисскій и вакинскій), на которые была раздѣлена Имеретія, былъ подчиненъ вѣдѣнію особаго военнаго начальника ⁴⁴⁾. Чтобы упрочить наше положеніе въ покоренной землѣ и обезпечить на будущее время войска отъ разныхъ случайностей, Симоновичъ находилъ необходимымъ построить въ Имеретіи двѣ крѣпости, такъ какъ уцѣлѣвшія отъ разруше-

⁴⁴⁾ Репортъ г.-м. Симоновича генералу Торماسову, 1-го ноябра 1810 г. № 1248. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

нія могли держать въ страхѣ и повиновеніи жителей только нѣкоторыхъ областей. Онъ полагалъ на первое время достаточнымъ укрѣпить Кутаисъ и Шароцанъ, возобновивъ ихъ старыя стѣны съ зубцами и башнями ⁴⁵⁾. Мнѣніе его было одобрено главнокомандующимъ, но, во избѣжаніе лишнихъ издержекъ, приказано замѣнить постройку новыхъ крѣпостей исправленіемъ существовавшихъ.

В. Чудиновъ.

---

⁴⁵⁾ Турки удерживали въ своей власти Имеретію, благодаря четыремъ крѣпостямъ: Кутаису, Шаропани, Цуцхати (Цицхвати) и Багдаду. Первая изъ нихъ, какъ центральная, была главной; вторая и третья удерживали въ повиновеніи провинціи Чхери, Лосіатхеви, Сацеретело, Аргуэти (Аргвети), Охрибу и отчасти Рачу; наконецъ четвертая находилась на дорогѣ въ Ахалцыхъ. Въ первую войну съ турками русскія войска, покоривъ эти крѣпости, заставили турокъ очистить Имеретію (въ 1770 году графъ Тотлебенъ), но, по выходѣ нашемъ изъ Имеретіи, Соломонъ I, опасаясь новаго нашествія турокъ и ихъ владычества, разрушилъ гсѣ эти крѣпости до основанія. Репортъ г.-м. Симоновича генералу Тормасову, 17-го декабря 1810 года № 1367. Дѣло арх. окруж. шт. 1810 г. № 59.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ ВЪ 1846 ГОДУ.

(Продолженіе).

IV.

Набѣги горцевъ на терскую линію въ февралѣ 1846 года. Катастрофа въ колоннѣ подполковника Кульмана. Нападеніе чеченцевъ на укрѣпленіе Заканъ-юртъ. Новая бѣда 17-го марта въ гойтинскомъ лѣсу. Нападеніе на воздвиженскую колонну. Общее тревожное состояніе на лѣвомъ флангѣ. Отвлеченіе чеченцевъ къ центру. Мелкія происшествія въ маѣ мѣсяцѣ. Подвигъ казака Докторава. Нападеніе на линейный № 11 баталіонъ. Заложеніе и постройка Ачхоевской крѣпости. Дѣйствія нанбовъ на правомъ флангѣ малой Чечни. Письма Шамиля къ нанбамъ. Роспускъ чеченскаго отряда на зимнія квартиры. Сборы къ походу. Истребленіе алдинскихъ хуторовъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на чеченцевъ.

Войскамъ лѣваго фланга кавказской линіи никогда долго не приходилось почивать на лаврахъ: едва успѣетъ кончиться экспедиція, какъ начинаются тревоги, если не въ окрестностяхъ Грозной или Воздвиженскаго, то на лѣвомъ берегу Терека, между богатыми станицами Гребенскаго, Моздовскаго и Кизлярскаго линейныхъ казачьихъ полковъ. 4-го февраля партія хищниковъ, не менѣе 70-ти человѣкъ, переправившись на нашъ берегъ ниже станицы Старогладковской, захватила пасшійся въ степи и принадлежавшій разнымъ лицамъ табунъ лошадей въ 500 головъ. Ободренная успѣхомъ и безнаказанностью, вмѣсто того, чтобы укрыться съ богатой добычей въ лѣсу или въ камышахъ и тамъ дожидаться ночи, партія понеслась открыто, днемъ, по линіи вдоль лѣваго берега Терека къ щедринской переправѣ. Когда она поровнялась съ Сухимъ

постомъ, оттуда сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, поднявшихъ тревогу по всѣмъ станицамъ Гребенского казачьяго полка. Начальникъ Щедринской станицы хорунжій Арнаутовъ поскакалъ съ резервной командой казаковъ въ ближайшій лѣсъ, откуда ему удобно было высмотрѣть, какого направленія держится партія, а квартировавшій въ этой станицѣ съ 3-мъ баталіономъ князя Воронцова полка подполковникъ Костырко скрытно расположилъ роты по Тереку, занявъ всѣ сколько нибудь удобопроходимые броды. Хорунжій Хивинъ съ десятью казаками притаился въ ближайшемъ къ дорогѣ перелѣскѣ, и какъ только хищники приблизились къ нему, далъ по нимъ залпъ; чеченцы повернули назадъ, къ другой переправѣ, находившейся въ 4-хъ верстахъ ниже щедринской, но тамъ, въ лѣсу, ихъ ожидала резервная команда хорунжаго Арнаутова, а у самой переправы лежала 8-я егерская рота князя Воронцова полка. Едва партія спустилась къ берегу, какъ егеря открыли по ней сильный ружейный огонь, а казаки изъ лѣсу прямо ударили въ шашки. Добыча была отбита и хищники опрокинуты въ Терекъ. Несмотря на то, что бродъ былъ довольно глубокъ, а въ началѣ февраля рѣка сохраняетъ зимнюю температуру, егеря и казаки бросились въ воду и вступили въ рукопашный бой. Чеченцы дрались отчаянно, и только нѣкоторые изъ нихъ, уклонившись отъ встрѣчи, потянулись по правому берегу. Къ этому времени подоспѣли на тревогу резервныя команды изъ ближайшихъ станицъ; тогда бой прекратился, партія посиѣшно начала переправляться черезъ Терекъ, а казаки, бросившись за нею въ погоню, преслѣдовали вплоть до Умаханъ-юрта. Въ дѣлѣ мы потеряли семь человекъ убитыми (трехъ егерей и четырехъ казаковъ) и одного раненымъ; лошадей убито шесть, ранено двѣ.

Были на Терекѣ и другія тревоги въ февралѣ, не выходящія изъ ряда обыкновенныхъ происшествій, но чтобы дать

понятіе о непостижимой оплошности казаковъ на такой бой-кой мѣстности, какъ терская линія, гдѣ тревоги почти не превращались, слѣдуетъ упомянуть объ одной, случившейся въ первыхъ числахъ мѣсяца. 31-го января, ночью, 40 человекъ хищниковъ переправились на лѣвый берегъ Терека около поста андреевскаго и, не доходя поста джепскаго, раздѣлились на двѣ партіи: одна отправилась на поиски внизъ по Тереку, другая повернула въ степь. Пользуясь благопріятными условіями мѣстности, преимущественно камышами, три дня скрывались онѣ на нашей сторонѣ, рыская по ночамъ за добычею. Въ ночь на 4-е февраля вторая партія напала врасплохъ на казаковъ, ѣхавшихъ на четырехъ подводахъ изъ станицы Александровской въ Кизляръ; двухъ казаковъ хищники убили, одного ранили и, кромѣ того, увели 9 лошадей. Партія, потянувшаяся къ рыболовамъ и выдавшая себя за казачій разъѣздъ, неожиданно бросилась на нихъ, четырехъ убила, одного ранила и одного взяла въ плѣнъ.

Слѣдственные дѣла по всѣмъ подобнаго рода происшествіямъ тянулись мѣсяцы, даже годы, и оканчивались тѣмъ, что, за неотысканіемъ виновныхъ, предавались волѣ Божьей, затѣмъ, тщательно пронумерованныя и прошнурованныя, сдавались въ станичный архивъ, а казаки попрежнему позволяли нападать на себя врасплохъ и по дорогамъ, и на берегу Терека, въ холодныя ночи даже разводили огни, какъ бы для того, чтобы привлекать вниманіе хищниковъ. Несоблюденіе строгой предосторожности казаками во время полевыхъ и другихъ работъ по хозяйству могло найти оправданіе отчасти въ томъ, что трудно, при множествѣ другихъ заботъ, день и ночь быть насторожѣ, думать о своей личной безопасности. Такимъ образомъ бдительность ослабѣвала, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда казаки могли надѣяться на то, что за нихъ бодрствуютъ другіе, что переправы черезъ рѣки охраняются секретами, по всей линіи стоятъ наблюдательные посты и пикеты, а

по дорогамъ то и дѣло снуютъ разъѣзды. Не всегда соблюдали должную осторожность и регулярныя войска, отчего бывали катастрофы, вродѣ слѣдующихъ.

2-го марта, утромъ, выступили изъ Грозной четыре роты егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка при двухъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Кульмана, съ транспортомъ, слѣдовавшимъ въ Воздвиженское. Подполковникъ Кульманъ долженъ былъ, между прочимъ, нарубить дровъ въ ханкальскомъ ущельи для войскъ грозненскаго гарнизона. Вступивъ въ ущелье, онъ занялъ правую его сторону—покатость высокой, покрытой лѣсомъ горы, 2-мя ротами—14-ю и 15-ю егерскими; туда же направлены были и повозки. Роты выслали отъ себя цѣпи, подъ командою прапорщика Гавриловича, причемъ 5-я рота находилась въ лѣвой цѣпи, а подпоручикъ Желтухинъ съ 12-й ротой оставленъ былъ прикрывать обозъ и артилерію. День былъ холодный, густой туманъ стоялъ надъ ущельемъ. Бывшіе въ резервѣ правой цѣпи люди, въ числѣ 12-ти человекъ, забывъ всякую осторожность, составили ружья и въ сторонѣ отъ нихъ развели огонь, вокругъ котораго расположились грѣться. Около полудня рубка дровъ была окончена. Подполковникъ Кульманъ, замѣтивъ, что дровяныя повозки начинаютъ стягиваться къ остальному обозу, отправился въ лѣвую цѣпь, чтобы ударить сборъ. Но вдругъ, съ первымъ ударомъ барабана, около 300 человекъ чеченцевъ, притаившихся въ лѣсной труппѣ, безъ выстрѣла бросились прямо въ шашки на людей, расположившихся у огня. Прапорщикъ Гавриловичъ увидѣлъ ихъ, когда они были всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ резерва; онъ только успѣлъ крикнуть — „въ ружье,“ но было уже поздно: и самъ онъ, и люди его резерва, прежде чѣмъ добѣжали до своихъ ружей, были изрублены! Отъ правой цѣпи чеченцы бросились къ обозу, но прикрывавшій его и артилерію подпоручикъ Желтухинъ успѣлъ развернуть свою роту и, благодаря своему присутствію духа и

неустрасимости, не только отстоялъ орудія и предназначавшійся въ Воздвиженское транспортъ, но, бросившись въ штыки, успѣлъ выхватить изъ-подъ кинжаловъ еще 10 человѣкъ, которымъ предстояла участь резерва. Унтеръ-офицеръ Лисицкій штыкомъ закололъ сына одного изъ чеченскихъ наивовъ, Атабая, а горнистъ Макеевъ, успѣвшій подобрать ружье одного раненаго солдата, закололъ другого чеченца. Партія бѣжала, бросивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ. Въ то же мгновеніе противъ лѣвой цѣпи гикнула другая партія, но тамъ нападеніе не могло имѣть такихъ послѣдствій: люди были приготовлены къ нему и, отбросивъ непріятеля, въ порядкѣ отступили къ обозу. Это утро 2-го марта стоило намъ, кромѣ несчастнаго офицера, поплатившагося жизнью за свою непостижимую оплошность, еще 12-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыхъ, 10-ти раненыхъ и 1 безъ вѣсти пропавшаго. Одинъ ли прапорщикъ Гавриловичъ виноватъ въ постигшемъ колонну несчастьи? Можетъ быть, онъ по своей неопытности и не подозрѣвалъ, какъ мало можно довѣряться безмолвнымъ трущобамъ, окружавшимъ его цѣпь? Резервъ его стоялъ на полугорѣ и виденъ былъ снизу, гдѣ находился колонный начальникъ; виденъ былъ, стало быть, и костеръ, и весь безпорядокъ, допущенный офицеромъ, командовавшимъ цѣпью. Почему же не были приняты мѣры къ предупрежденію катастрофы, и не должна ли отвѣтственность за нее пасть на колоннаго начальника? Но подполковникъ Кульманъ сумѣлъ завоевать себѣ репутацію дѣльнаго, боевого штабъ-офицера, хотя никогда имъ и не былъ. Генералъ Нестеровъ, однако, разгадалъ его впослѣдствіи, когда вступилъ въ командованіе войсками лѣваго фланга, и на одномъ изъ донесеній его о необыкновенныхъ сборахъ непріятельскихъ въ ханкальскомъ ущельи, написалъ карандашемъ: „у Кульмана глаза велики“¹⁾.

---

¹⁾ Анекдотъ этотъ записанъ мною со словъ адъютанта генерала Нестерова, поручика Романуса.

Въ мартѣ мѣсяцѣ непріятель огромными партіями, иногда даже съ артилеріей, предпринималъ набѣги на наши владѣнія. Самонадѣянность горцевъ заходила такъ далеко, что 17-го на разсвѣтѣ, пользуясь густымъ туманомъ, они переправились на лѣвый, т. е. на нашъ берегъ Сунжи, подъ выстрѣлами Заканъ-юрта, и открыли по немъ канонаду изъ двухъ орудій, расположившихся за курганами. Въ то время какъ они не безъ успѣха бомбардировали укрѣпленіе, разрушивъ часть крѣпостного вала, непріятельская пѣхота лѣвымъ берегомъ рѣки подползла на ружейный выстрѣлъ къ веркамъ, но картечь крѣпостной артилеріи заставила ее на нѣкоторое время скрыться за крутымъ берегомъ Сунжи; затѣмъ она снова появилась на такомъ же разстояніи отъ крѣпостного вала, и этотъ маневръ повторяла нѣсколько разъ. Повидимому, непріятель имѣлъ намѣреніе овладѣть Заканъ-юртомъ, пользуясь его изолированнымъ положеніемъ и благопріятствовавшею горцамъ пасмурною погодою. Весь гарнизонъ укрѣпленія состоялъ въ то время изъ двухъ ротъ пѣхоты, а чеченская передовая линія существовала еще только въ проектѣ. Между большой русской дорогой и правымъ берегомъ Сунжи широкой полосой тянулись лѣса, густо населенные враждебными намъ горцами, слѣдовательно положеніе крѣпости было опасно и изъ опаснаго легко могло перейти въ критическое. Къ счастью для нея, канонада, начавшаяся въ 7 часовъ утра, была услышана въ Грозной, и уже въ четверть восьмого оттуда выступилъ, по распоряженію начальника лѣваго фланга, 4-й баталіонъ князя Воронцова полка. Какъ только у кургана Трехъ братьевъ (Учь-тюбе) показалась быстро двигавшаяся въ туманѣ черная масса колонны, непріятель, опасаясь за свою артилерію, поспѣшно отвелъ ее назадъ и, переправившись черезъ Сунжу, скрылся въ лѣсахъ праваго ея берега и больше уже во весь день не показывался въ окрестностяхъ Заканъ-юрта.

Черезъ двѣ недѣли послѣ катастрофы въ ханвальскомъ ущельи надъ егерскимъ князя Воронцова полкомъ разразилась новая бѣда. 17-го марта въ 11 часовъ утра, по распоряженію временно-командовавшего войсками въ крѣпости Воздвиженской, стараго, заслуженнаго подполковника Триха, выступила за дровами въ гойтинскій лѣсъ колонна, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ 2-го егерскаго князя Воронцова полка и линейнаго № 9 баталіона при двухъ орудіяхъ донской казачьей артилеріи, подъ общей командой капитана Жабокрицкаго. Въ тотъ же часъ и въ ту же сторону, къ Черной полянѣ, направилась еще одна колонна, изъ 2-хъ ротъ пѣхоты, подъ командой капитана Дулудаки, для выжиганія травы и бурьяна на полковыхъ покосахъ. Гойтинскій наибъ Дуба, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сподвижниковъ Шамиля въ Чечнѣ, не могъ спокойно смотрѣть на слишкомъ частое появленіе русскихъ колоннъ въ лѣсахъ, укрывавшихъ его собственный аулъ и охранявшихъ доступы къ его округу. Давно собирался онъ сорвать сердце на войскахъ Воздвиженскаго укрѣпленія, распоряжавшихся въ его владѣніяхъ, какъ въ завоеванной странѣ, и доказать барону Меллеру-Закомельскому, что гойтинскій лѣсъ стоитъ пока еще на его землѣ. Онъ только ожидалъ случая, и случай, къ несчастью для егерей, представился скорѣе, чѣмъ могъ кто нибудь предвидѣть. Нѣсколько разъ Дуба выходилъ съ партией изъ глубины лѣса и, выбирая удобное мѣсто для засады, подстерегалъ наши колонны, но всякій разъ лазутчики вовремя предупреждали командующаго войсками, и колонны или вовсе не выступали изъ Воздвиженскаго, или направлялись въ другую сторону, противоположную той, гдѣ ихъ ожидала засада. Чтобы имѣть постоянно подъ рукой сильную позицію, мстительный наибъ выпросилъ у Шамиля позволеніе перерыть гойтинскую поляну, начинавшуюся за сѣверной опушкой лѣса, канавами и вывести на ней земляные завалы съ одеждой изъ плетенаго орѣшника. Весь день

и всю ночь 16-го числа провели чеченцы въ работѣ подъ его личнымъ надзоромъ, такъ что къ утру вся внутренняя часть гойтинской поляны усѣяна была завалами и перерыта канавами. На этотъ разъ лазутчики не дали знать въ Воздвиженское объ этихъ приготовленіяхъ, можетъ быть потому, что ожидали отъ засады полного успѣха, такъ какъ настоящаго командующаго войсками, барона Меллера-Закомельскаго, въ это время не было въ Воздвиженскомъ. 16-го Дуба устроилъ себѣ ночлегъ на Гойтѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ колонны имѣли обыкновеніе останавливаться для рубки дровъ. Въ 2 часа пополудни 17-го такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемая войска наши вступили въ лѣсъ и разбрелись по его тущобамъ, едва прикрываясь слабыми цѣпями. Ихъ, однако, не тронули чеченцы: потревоживъ рабочихъ съ топорами, они слишкомъ рано обнаружили бы свое присутствіе. Подъ стукъ топоровъ и шумъ голосовъ, незамѣтно подкравшись къ колоннѣ канавами и чащами, они разомъ гикнули на правый передній уголъ ея. Нападеніе было такъ неожиданно, оцлошность съ нашей стороны такъ велика, авангардная и правая цѣпи такъ слабы, что непріятелю не трудно было добраться до самой середины колонны и до обозовъ. Офицеры съ резервами бросились на помощь къ атакованному углу, но чеченцы, захвативъ съ собою 14 лошадей и 5 паръ быковъ, успѣли скрыться въ глубинѣ лѣса. Офицеры застали въ правомъ углу колонны 35 нижнихъ чиновъ, убитыхъ холоднымъ оружіемъ, и 32 тѣла, изрубленные кинжалами и шашками. Въ то же время другая партія чеченцевъ, замѣтивъ, что въ прикрытіи нашей артилеріи осталось не болѣе 50-ти человѣкъ, бросилась къ орудіямъ донской казачьей артилеріи. Офицера, какъ видно, не было ни при взводѣ, ни у его прикрытія. Къ счастью, въ эту критическую минуту между нижними чинами нашелся одинъ, не потерявшій присутствія духа. Это былъ унтеръ-офицеръ егерскаго князя Воронцова полка Ромашкинъ. Высо-

ко поднявъ ружье надъ головой, онъ крикнулъ солдатамъ— „за мной братцы!“—и первыхъ двухъ чеченцевъ, ухватившихся за орудіе, закололъ штыкомъ. Но болѣе всего артилерія обязана была спасеніемъ своевременному прибытію двухъ ротъ капитана Лулудаки, занимавшихся на Черной полянѣ, между колонной и укрѣпленіемъ, выжиганіемъ сорныхъ травъ и очень скоро прибѣжавшихъ на мѣсто катастрофы. Итакъ, менѣе нежели въ 5 минутъ въ 8-ми ротахъ выбыло изъ строя 67 человекъ. Главнокомандующій, получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, командировалъ на слѣдствіе состоявшаго при немъ по особымъ порученіямъ генераль-маіора Бѣлявскаго, а командующій войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генераль-лейтенантъ Завадовскій предписалъ начальнику лѣваго фланга отправиться въ укрѣпленіе Воздвиженское и лично произвести строжайшее дознаніе. Изъ нѣсколькихъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ объясненій подполковника Триха выяснилось, что изъ чащи лѣса, гдѣ невозможно было примѣтить неприятели, мгновенно на цѣпь, безъ выстрѣла, бросилась съ двухъ сторонъ партія хищниковъ. При сильномъ натискѣ многочисленной толпы, цѣпь, оказавъ самое мужественное сопротивленіе, не могла устоять, и часть хищниковъ, прорвавшись въ середину обоза, изрубила нѣсколькихъ рабочихъ и лошадей; но солдаты, не теряя присутствія духа, принудили горцевъ отступить съ значительною потерею. На запросъ—по какому случаю 17-го марта на Гойтѣ двумя баталіонами командовалъ капитанъ, а не штабъ-офицеръ, подполковникъ Трихъ объяснилъ, что въ Воздвиженскомъ налицо состояло 4 штабъ-офицера, но одинъ изъ нихъ по болѣзни не могъ находиться при своей части, а другому были поручены разныя слѣдственные дѣла; оставалось такимъ образомъ только двое; а такъ какъ изъ Воздвиженскаго каждый день выступали колонны, то въ помощь этимъ двумъ назначался капитанъ Жабоврицкій, офицеръ опытный и распорядительный. Генераль-лейтенантъ

Завадовскій, сообразивъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ заключенію, что огромный уронъ въ колоннѣ капитана Ябобрицкаго въ гойтинскомъ лѣсу произошелъ отъ нераспорядительности и безпечности частныхъ начальниковъ, а потому предписалъ начальнику лѣваго фланга устранить подполковника Триха отъ должности командующаго войсками въ крѣпости Воздвиженской, какъ не имѣющаго къ тому ни достаточной опытности, ни способностей. Но главнокомандующій, оставаясь при убѣжденіи, что во время рубки лѣса должный порядокъ не былъ соблюденъ, иначе не могло быть подобной потери, рѣшилъ, принимая во вниманіе долговременную и хорошую службу подполковника Триха, не давать дѣлу дальнѣйшаго хода. Настоящая причина трагическаго эпизода 17-го марта, которую добивались узнать дознаніями и слѣдствіями, извѣстна, однако же, была всему воздвиженскому гарнизону. Въ отсутствіе командовавшаго войсками барона Меллера-Закомельскаго, въ колоннахъ, выступавшихъ въ оказіи для принятія транспортовъ, слѣдовавшихъ изъ Грозной и въ особенности въ лѣсъ за дровами, штабъ-офицеры считали обременительнымъ для себя находиться при своихъ частяхъ, такъ какъ никакихъ дѣлъ, а слѣдовательно и случаевъ къ отличію не предвидѣлось. Та же незначительная привилегія была присвоена себѣ и ротными командирами, особенно старыми, заслуженными, которымъ ближайшіе начальники стѣснялись ставить на видъ ихъ уклоненіе отъ службы, потому что сами подавали дурной примѣръ. Въ силу этого въ упомянутой выше двухбаталіонной колоннѣ, выступившей подъ начальствомъ одного изъ ротныхъ командировъ, налицо было всего 7 оберъ-офицеровъ, большею частью молодыхъ, для которыхъ еще не настало время пренебрегать будничными нарядами на службу. Что же касается до экспедицій, набѣговъ и тревогъ, то роты тогда переполнялись офицерами; такъ было всегда и вездѣ, не въ одномъ привилегированномъ князя Воронцова полку.

Успѣхъ, увѣнчавшій засады чеченцевъ 2-го и 17-го марта, сильно воодушевилъ ихъ и они становились день ото дня предприимчивѣе. 24-го марта партія въ 200 человекъ выѣхала изъ ханкальскаго ущелья и приблизилась къ Грозной почти на пушечный выстрѣлъ. Противъ нихъ, по тревогѣ, выступили 3 роты князя Воронцова полка; чеченцы тогда раздѣлились на двѣ партіи—одна повернула назадъ къ ханкальскому ущелью, другая потянулась на западъ отъ Грозной, правымъ берегомъ Сунжи, къ алдинскому оврагу. Огонь нашихъ батарей, направленный въ обѣ стороны, заставилъ непріятеля разсѣяться по лѣсамъ Аргуна и Сунжи. Но это былъ лишь предварительный маневръ къ другому, болѣе отважному предпріятію. Черезъ два дня, 26-го марта, изъ Грозной высланы были шесть ротъ егерскаго князя Воронцова полка, подъ командой подполковника Кульмана, на встрѣчу транспорту, который долженъ былъ выступить изъ Воздвиженскаго. Въ 9 часовъ утра колонна у входа въ ханкальское дефиле остановилась, ожидая прибытія встрѣчной колонны. До часу пополудни въ ущельи было тихо и никакихъ признаковъ присутствія живого человека нигдѣ не замѣчалось. Ровно въ часъ съ правой, т. е. съ западной стороны ущелья раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ въ той же сторонѣ взвился бѣловатый клубъ дыма—и надъ колонной Кульмана прошипѣло ядро. Въ этотъ самый моментъ по ту сторону темнаго ущелья, на озаренной солнцемъ равнинѣ, показалась русская колонна—транспортъ, который ожидался изъ Воздвиженскаго. Непрiатель, давши ему приблизиться на пушечный выстрѣлъ, перенесъ огонь своего орудія на конвоировавшія войска. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ западной высоты, чеченцы открыли огонь изъ другого орудія, съ восточной стороны, но снаряды его не всѣ долетали по назначенію. Воздвиженская колонна состояла изъ 6-ти ротъ Воронцова полка и 2-хъ линейныхъ ротъ при 2-хъ донскихъ орудіяхъ, подъ общей командой капитана

Жабокрицкаго; при этой колоннѣ слѣдовалъ самъ начальникъ лѣваго фланга. Выступивъ изъ укрѣпленія также въ 9 часовъ утра, она сначала шла обыкновеннымъ шагомъ оказій (четыре версты въ часъ), но, услышавъ канонаду въ ханкальскомъ ущельи, прибавила шагу. Тогда-то непріятель и повернулъ свои орудія въ ея сторону. Подполковникъ Кульманъ какъ только замѣтилъ приближеніе транспорта, быстро двинулся впередъ черезъ ущелье и, занявъ при выходѣ изъ него ермоловскій курганъ, поставилъ на немъ три орудія, изъ которыхъ открылъ огонь по непріятельской батарее. Тѣмъ временемъ подошла воздвиженская колонна и, сдавая транспортъ, также завязала съ батареей горцевъ перестрѣлку изъ своихъ двухъ орудій. Дѣйствіе нашей артилеріи было настолько удачно, что непріятель два раза въ продолженіи четверти часа передвигалъ свои орудія на новыя позиціи. Окончивъ передачу транспорта, колонны разошлись; прибывшая изъ Грозной прошла ханкальское ущелье и возвратилась въ крѣпость безъ выстрѣла, не потерявъ въ этотъ день ни одного человѣка, но не то было съ колонной, возвращавшейся въ Воздвиженское. Какъ только она осталась одна, на обоихъ склонахъ ханкальскаго ущелья показалась въ большихъ массахъ непріятельская пѣхота, скрывавшаяся до того времени въ кустахъ, и завела перестрѣлку съ арьергардомъ, а когда баталіоны отошли на пушечный выстрѣлъ отъ ермоловскаго кургана—изъ лѣсистыхъ балокъ, идущихъ параллельно дорогѣ, по обѣ ея стороны, высыпали новыя толпы чеченцевъ, и въ одно мгновеніе колонна была окружена съ трехъ сторонъ; въ то же время и впереди алдинской поляны показалась конная партія, скакавшая прямо къ нашей правой цѣпи. Число значковъ указывало, что въ нападеніи принимали участіе всѣ наибы Большой и Малой Чечни. Непріятель дѣйствовалъ въ этотъ день нѣсколькими отдѣльными партіями, причемъ ровная и едва прикрытая мелкимъ кустарникомъ мѣстность на разстояніи нѣсколькихъ верстъ

отъ ханкальскаго ущелья не могла остановить его. Нѣсколько разъ оба орудія горцевъ такъ близко подскакивали къ колоннѣ, что осыпали ее перекрестнымъ картечнымъ огнемъ. Пѣхота въ дерзости не отставала отъ артилеріи: она такъ близко подбѣгала къ боковымъ цѣпямъ и арьергарду, что только сильный ружейный огонь и грозно глядѣвшіе изъ за цѣпей штыки резервовъ не допускали ея броситься въ шашки. Артилерія наша, слѣдовавшая въ арьергардѣ, едва успѣвала заряжать картечью свои орудія, все время двигавшіяся на отвозахъ. Только на пятой верстѣ непріятель отсталъ, убѣдившись въ томъ, что въ открытомъ бою не совладаетъ онъ съ русскими солдатами. Въ дѣлѣ 26-го марта въ воздвиженской колоннѣ раненъ линейнаго № 9 баталіона подпоручикъ Пятковскій и контуженъ егерскаго полка капитанъ Темирязовъ; нижнихъ чиновъ ранено 28.

Со второй половины марта до конца мѣсяца сборы непріятельскіе не расходились. Одни лазутчики видѣли ихъ въ ауховскомъ владѣніи, другіе въ Большой Чечнѣ, около огромнаго аула Шали, или въ Малой—на Сунжѣ. На усиленіе ихъ прибыли конныя партіи изъ Ичкеріи. Со всѣхъ пунктовъ лѣваго фланга генераль Фрейтагъ получалъ донесенія о вторженіи непріятельскихъ скопищъ въ наши предѣлы. 10-го марта онъ долженъ былъ прекратить инспекторскій смотръ на кумыкской плоскости и поспѣшно возвратиться въ Грозную, вслѣдствіе слуховъ о появленіи всей непріятельской кавалеріи на лѣвомъ берегу Аргуна. Для того, чтобы оцѣнить всю важность этого новаго осложненія, слѣдуетъ припомнить, что на Аргунѣ стояло въ то время одно только укрѣпленіе—Воздвиженское, у самаго выхода рѣки изъ ущелья, къ западу отъ Воздвиженскаго простиралась лѣсистая равнина Малой Чечни, уходившая въ самыя неприступныя дебри карабулахъ-галашевскаго округа, верхне-сунженская линія была только въ зачаткѣ, а нижняя Сунжа, густо населенная мирными аулами,

ничѣмъ не была прикрыта съ юга. Нападеніе на Заканъ-юртъ, произведенное одними только чеченцами, было для начальника лѣваго фланга предостереженіемъ, надъ которымъ ему нельзя было не призадуматься. Такъ какъ въ Воздвиженскомъ получено было извѣстіе, что чеченцы не намѣрены отнынѣ пропускать безпрепятственно ни одной колонны черезъ ханкальское ущелье, то баронъ Меллеръ-Закомельскій 30-го марта выслалъ прикрытіе къ отправляемымъ тяжестямъ въ усиленномъ составѣ—9 ротъ егерскаго князя Воронцова полка и 2-хъ ротъ линейнаго № 9 баталіона съ 80-ю казаками при 3-хъ орудіяхъ. Изъ Грозной встрѣчная колонна хотя и выступила въ прежнемъ составѣ пѣхоты, т. е. изъ 6-ти ротъ, но при 3-хъ орудіяхъ, вмѣсто обычныхъ двухъ, и съ 60-ю казаками. Когда воздвиженская колонна стала подходить къ ханкальскому ущелью, со стороны Аргуна поднялось облако пыли, быстро подвигавшееся къ ущелью. Это мчалась непріятельская кавалерія. Почти одновременно съ ея появленіемъ на плоскости показалась и пѣхота. Забѣжавъ въ кусты, она открыла по колоннѣ сильный ружейный огонь, а кавалерія, доскакавъ до ермоловскаго кургана, заняла его прежде, нежели наши войска поровнялись съ нимъ. Тогда обѣ колонны быстро двинулись на встрѣчу одна другой съ тѣмъ, чтобы размѣняться тяжестями въ самомъ ущельи и въ крайности подать другъ другу руку помощи. Чеченцы разбѣжались и, засѣвъ въ оврагахъ и кустарникахъ, слабо поддерживали перестрѣлку. Размѣнявшись транспортами, войска начали расходиться. Колонну, прибывшую изъ Грозной, горцы не тревожили, какъ и 26-го числа, и она спокойно вернулась въ крѣпость; зато, едва воздвиженская колонна показалась у выхода изъ ущелья—чеченцы всею массою хлынули на нее. Колоннымъ начальникомъ въ этотъ день былъ недавно переведенный на Кавказъ молодой маіоръ Берсенева, офицеръ, „подающій большія надежды,“ какъ выражался объ немъ начальникъ лѣваго фланга. Нѣсколько разъ

конныя партіи, сомкнувшись въ густую лаву, намѣревались броситься на цѣпь, но колонна останавливалась, резервы придвигались къ цѣпи, и этого было достаточно, чтобы непріятельская кавалерія снова разбивалась на мелкія части. Когда же войска вышли на совершенно открытую и гладкую, какъ скатерть, равнину, раскинувшуюся между лѣвымъ берегомъ Аргуна и правымъ Гойты, наибы, пользуясь громаднымъ численнымъ превосходствомъ своей конницы, стали въ карьеръ подвозить на картечный выстрѣлъ орудія къ нашему арьергарду. И опять съ тѣмъ же спокойствіемъ колонна останавливалась, два орудія, слѣдовавшія въ арьергардѣ на отвозахъ, обдавали непріятеля картечью, и затѣмъ движеніе возобновлялось въ стройномъ порядкѣ, пока на одиннадцатой верстѣ отъ ханкальскаго ущелья преслѣдованіе не прекратилось. Съ нашей стороны въ этотъ день былъ раненъ егерскаго полка прапорщикъ Анастасьевъ; нижнихъ же чиновъ убито 3, ранено 35, контужено 33. Лошадей ранено четыре—двѣ казачьихъ и двѣ артилерійскихъ. Несмотря на торжественное обѣщаніе чеченцевъ не пропускать черезъ ханкальское ущелье ни одной русской колонны, войска изъ Грозной въ Воздвиженское прошли 2-го апрѣля безъ выстрѣла, а на обратномъ пути даже останавливались въ ущельи и набрали дровъ. Обстоятельство это очень скоро объяснилось событіями, которыхъ ни мы, ни непріятель не могли предвидѣть. Вообще апрѣль прошелъ здѣсь безъ шума; мало того, мы застаемъ въ этомъ мѣсяцѣ лѣвый флангъ, охранявшій наши владѣнія со стороны Чечни, почти обнаженнымъ, такъ какъ войска его, вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ генералъ-лейтенантомъ Фрейтагомъ, отвлечены были къ центру, которому угрожала одна изъ величайшихъ опасностей, какая когда либо могла предвидѣться нашимъ владѣніямъ на Кавказѣ—вторженіе Шамиля въ Кабарду ²⁾

Въ маѣ мѣсяцѣ дѣйствія на лѣвомъ флангѣ снова пере-

---

²⁾ См. „Кавказскій Сборникъ,“ томъ XIV.

носятся на кумыкскую плоскость, отчего остальные отдѣлы лѣваго фланга—Терекъ, Аргунъ и Сунжа—пользуются сравнительнымъ спокойствіемъ до 20-хъ чиселъ. Мелкія тревоги были неизбѣжны, но онѣ не имѣли вліянія на общій ходъ военныхъ событій и не препятствовали войскамъ нашимъ приводить въ исполненіе намѣченныя главнокомандующимъ и высочайше утвержденныя предположенія: Воздвиженская крѣпость продолжала достраиваться, двѣ новыя станицы на Сунжѣ выросли, окрѣпили и въ скоромъ времени должны были занять видное мѣсто въ ряду оборонительныхъ пунктовъ сунженской линіи. Изъ мелкихъ происшествій, внесенныхъ въ хронику событій лѣваго фланга, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ, довольно характерномъ и обратившимъ на себя вниманіе главнокомандующаго. 15-го мая въ 10 часовъ утра изъ станицы Новогладковской отправился за двѣ версты въ свой виноградникъ на работу одинъ казакъ; съ нимъ была и его жена. Въ саду на него напали хищники, въ числѣ 8-ми человекъ, ранили его выстрѣлами изъ ружья и взяли въ плѣнъ; жена также не избѣгла плѣна; увели и пару упряжныхъ воловъ. Въ полуверстѣ отъ его сада работалъ въ своемъ саду другой казакъ той же станицы, Василій Докторовъ. Услыхавъ выстрѣлъ, онъ тотчасъ же бросилъ работу и поспѣшилъ на мѣсто происшествія, но тамъ не засталъ ни товарища, ни его жены, ни быковъ, но слѣды отчетливо отпечатались на мягкомъ грунтѣ и привели его прямо къ лѣсу. Пробираясь лѣсомъ почти бѣгомъ, онъ все время кричалъ разными голосами, чтобъ заставить хищниковъ думать, что ихъ преслѣдуютъ нѣсколько человекъ. Больше версты бѣжалъ Докторовъ, пока не настигъ чеченцевъ на берегу Терека; тутъ онъ остановился за деревомъ, сдѣлалъ выстрѣлъ и, выхвативъ шашку, смѣло бросился въ воду. Убѣжденные, что ихъ преслѣдуетъ цѣлая команда, хищники оставили добычу и разсѣялись по лѣсу за Терекомъ.

На лѣвомъ берегу Сунжи, къ западу отъ Заванъ-юрта, въ небольшомъ укрѣпленіи Казахъ-кичу расположенъ былъ кавказскій линейный № 11 баталіонъ, назначенный на укомплектованіе вновь формировавшагося въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ Дагестанскаго пѣхотнаго полка и уже переименованный въ 5-й баталіонъ этого полка. Такъ какъ, на основаніи высочайше утвержденнаго распредѣленія, Дагестанскій пѣхотный полкъ, вмѣстѣ съ Ашшеронскимъ, составлялъ 1-ю бригаду 20-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшую къ войскамъ сѣвернаго Дагестана, то командующій войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенантъ Завадовскій не считалъ себя въ правѣ дѣлать какія либо распоряженія относительно части, выбывшей изъ состава ввѣренныхъ ему войскъ³⁾, и въ то время какъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ со дня на день ожидали прибытія баталіона, онъ даже не получалъ предписанія о выступленіи. О немъ вспомнили только въ 20-хъ числахъ мая, вслѣдствіе предписанія начальника главнаго штаба⁴⁾. 26-го онъ выступилъ подъ начальствомъ своего баталіоннаго командира, стараго, заслуженнаго ветерана подполковника Костырко; при немъ было одно орудіе № 8 роты 12-й гарнизонной артилерійской бригады и довольно большой, тяжело-нагруженный обозъ. О его выступленіи дано было знать въ Чечню. Отъ Казахъ-кичу до Заванъ-юрта баталіонъ прошелъ безпрепятственно, но на другой день, 27-го мая, когда колонна направилась къ Грозной, подполковникъ Костырко замѣтилъ около садовъ разореннаго Алханъ-юрта конную партію, которая бросилась къ Заванъ-юрту черезъ сунженскій хребетъ съ намѣреніемъ, вѣроятно, переградить дорогу баталіону, потому что тотчасъ же скрылась, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Пока колонна поднималась на гору, нигдѣ

---

³⁾ Рапортъ начальника штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи начальнику главнаго штаба, 16-го мая 1846 года № 10398.

⁴⁾ 10-го мая 1846 года № 132.

не было видно ни одного человѣка; когда же она перешла на противоположную покатость и осторожно начала спускаться съ хребта на равнину, изъ придорожныхъ овраговъ бросились на нее пѣшіе и конные чеченцы; въ то же время непріятель открылъ по колоннѣ картечный огонь изъ 2-хъ своихъ орудій, стоявшихъ на командующихъ высотахъ вправо и влѣво отъ дороги. Баталіонъ выдержалъ первый натискъ и отбросилъ непріятели. Слѣдовавшая въ авангардѣ 5-я гренадерская рота, впереди которой шелъ самъ неустрашимый подполковникъ Костырко, штыками прокладывала себѣ дорогу и продолжала медленно подаваться впередъ. Чеченцы, замѣтивъ, что голова колонны приближается къ открытой мѣстности, обратили всѣ свои усилія противъ цѣпей и арьергарда. Между тѣмъ оврагъ влѣво отъ дороги съ каждымъ шагомъ становился обрывистѣе и неприступнѣе, такъ что непріятель принужденъ былъ отстать и отъ лѣвой цѣпи; зато всею массою налегъ онъ на арьергардъ и правую цѣпь. Пять разъ чеченцы обнажали шашки и пять разъ резервы выходили къ нимъ на встрѣчу, подставляя штыки. Подполковникъ Костырко, раненый пулей, раздробившей ему плечевую кость правой руки, и сильно контуженный другою въ правое бедро, не покидалъ своего поста, переходилъ, хромя, отъ цѣпи къ арьергарду и обратно, отдавалъ приказанія, ободрялъ своихъ большею частью молодыхъ и еще неопытныхъ подчиненныхъ. Потерявъ много убитыми и ранеными, чеченцы отказались наконецъ отъ намѣренія завладѣть обозами баталіона, но изъ орудій стрѣляли до тѣхъ поръ, пока по дорогѣ изъ Грозной не увидѣли два большихъ столба пыли, быстро приближавшіеся къ ущелью—это неслись изъ Грозной казаки, а за ними бѣжали роты... Тогда непріятель скрылся съ орудіями за Сунжу, и колонна безпрепятственно продолжала путь далѣе. Бой длился ровно 2 часа. Мѣсто для нападенія было выбрано чеченцами очень удачно—глухая, уединенная дорога, извивавшаяся по ущелью

между глубокими оврагами. Хотя отъ перевала до ближайшаго укрѣпленнаго пункта нашего было не особенно далеко, но горы, плотною стѣною обступавшія ущелье, не позволяли выстрѣламъ доноситься до линіи. Несмотря на это, а также на численное превосходство непріятеля, вмѣсто добычи, на которую онъ рассчитывалъ, ему пришлось развозить по ауламъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны б было убито, 37 ранено и 20 контужено ⁵⁾. Кромѣ того, изъ строя выбылъ прапорщикъ Бобровскій, раненый пулею въ лѣвое плечо. Подполковникъ Костырко хотя былъ и раненъ, но все время оставался въ строю и, до прибытія на мѣсто другого, не покидалъ своего баталіона.

2-го іюня начальникъ лѣваго фланга получилъ свѣдѣніе, что наибы Талгикъ и Саибдулла собираютъ конныя партіи въ Шали, а въ Аухъ стоятъ гумбетовцы и салатавцы. Вслѣдствіе этого онъ 3-го іюня въ 2 часа пополудни выступилъ изъ Грозной съ 3-мя баталіонами пѣхоты черезъ Новый-юртъ къ Умаханъ-юрту, куда приказалъ прибыть и подполковнику Суслову съ гребенскими казаками и двумя орудіями. Не доходя до Умаханъ-юрта, онъ узналъ, что въ Аухъ нѣтъ никакихъ сборовъ, что Шамиль дѣйствительно имѣлъ намѣреніе дѣйствовать противъ отряда генерала Козловскаго, стоявшаго на Ярыкъ-су, но, когда ему сказали, что мѣстность вокругъ лагеря на Ярыкъ-су расчищена, онъ оставилъ свое намѣреніе и объявилъ, что будетъ препятствовать заложенію крѣпости на Буртунаѣ; въ виду же того, что сборы были уже назначены, онъ послалъ Джелалъ-Эдина (тесть и воспитатель Шамиля) въ Аухъ, на Мичикъ и въ Шали опросить претензіи у жителей и всѣ справедливыя жалобы удовлетворить на мѣстѣ.

Завѣтная мысль главнокомандующаго—поставить новую крѣпость въ Малой Чечнѣ и тѣмъ положить основаніе чеченской передовой линіи—должна была осуществиться въ іюнь

---

⁵⁾ Донесеніе начальника лѣваго фланга кавказской линіи, 29-го мая 1846 г. № 238.

мѣсяцѣ. Крѣпость эту предполагалось возвести на ачхосвской полянѣ, недалеко отъ впаденія рѣки Фортанги въ Сунжу; на противоположномъ же лѣвомъ флангѣ этой новой линіи, на р. Аргунѣ, уже стояла съ 1844 года крѣпость Воздвиженская. Изъ войскъ, назначенныхъ въ составъ чеченскаго отряда, 15-го іюня прибыли въ станицу Сунженскую четыре баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, стрѣлковая и саперная роты, команда съ крѣпостными ружьями, вся артилерія и вся кавалерія; вечеромъ въ станицу прибылъ со свитой и самъ главнокомандующій. 18-го числа, оставивъ всѣ тяжести на Сунжѣ, войска двинулись къ р. Ассѣ, гдѣ къ нимъ присоединились и остальные части чеченскаго отряда, находившіяся на работахъ по устройству новой Сунженской станицы. На Ассѣ отрядъ переночевалъ, а 19-го въ 9 часовъ утра выступилъ къ Фортангѣ, въ составѣ 9½ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми сотень казачьихъ, 16-ти орудій, 16-ти крѣпостныхъ ружей, 20-ти парковыхъ ящиковъ и 2-хъ транспортовъ ⁶⁾. Правый берегъ Фортанги занятъ былъ небольшою партіей чеченцевъ, которая открыла по авангарду ружейный огонь, но быстрымъ движеніемъ кавалеріи была отброшена къ лѣсу, причемъ съ нашей стороны ранены 1 урядникъ и 1 милиціонеръ и убиты двѣ лошади. Разсыпавшись по лѣсу, чеченцы продолжали стрѣлять по колоннѣ. Начальникъ отряда генераль-лейтенантъ Лабинцевъ приказалъ одной ротѣ Эриванскаго карабинернаго полка переправиться черезъ Фортангу на лошадяхъ Волгскаго

⁶⁾ Грузинскаго гренадерскаго полка 1-й и 2-й баталіоны, Эриванскаго карабинернаго 2-й баталіонъ, Тенгинскаго пѣхотнаго первые четыре баталіона, егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка 1-й и 2-й баталіоны, рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, рота 3-го резервнаго сапернаго баталіона, команда съ 16-ю крѣпостными ружьями кавказской гренадерской резервной бригады, Горскаго и Волгскаго линейныхъ казачьихъ полковъ по двѣ сотни отъ cadaго, сборныя конныя милиціи—осетинская, кабардинская, дигорская, тагаурская и на-зрановская,—всего четыре сотни; сводная батарейная батарея—8 батарейныхъ орудій, горная № 4 батарея—4 орудія, и конно-казачья № 14 батарея—4 орудія, летучій паркъ въ 20 ящиковъ 20-й полевой артилерійской бригады; полубригада конно-подвижнаго магазина и транспортъ передовой чеченской линіи въ числѣ 417-ти подводъ. Начальникъ отряда генераль-лейтенантъ Лабинцевъ, начальникъ пѣхоты чеченскаго отряда генераль-маіоръ Полтининъ, начальникъ кавалеріи генераль-маіоръ князь Голицынъ.

казачьяго полка и занять опушку лѣса, что и было исполнено безъ потерь. Перестрѣлка прекратилась и чеченцы скрылись. 20-го войска вырубилъ лѣсъ противъ праваго и лѣваго фасовъ лагеря; на лѣвомъ флангѣ изрѣдка завязывалась перестрѣлка безъ всякой потери для насъ. 21-го главнокомандующій выбралъ мѣсто для крѣпости на правомъ берегу Фортанги и, послѣ молебствія, самъ положилъ первый камень для угловой башни; затѣмъ онъ оставилъ отрядъ и, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и 4-хъ сотень кавалеріи при 4-хъ орудіяхъ, возвратился во Владикавказъ. 24-го непріятель сдѣлалъ по лагерю три выстрѣла изъ орудія, а 26-го наибы Саибдулла и Атабай открыли противъ лѣваго фаса стрѣльбу изъ 3-хъ орудій. Несмотря на то, что исходящій уголъ нашей позиціи отстоялъ отъ лѣса почти на 650 сажень, непріятельскіе снаряды, рикошетируя, залетали въ лагерь; ими былъ раненъ 1 фельдшеръ и убиты двѣ лошади. Послѣ 12-ти выстрѣловъ наибы увезли свои орудія въ глубину лѣса. 30-го іюня въ 2 часа пополудни стрѣльба возобновилась, и мы опять потеряли 1 нижняго чина раненымъ и 2-хъ лошадей убитыми. Эти незначительныя канонады были единственнымъ протестомъ со стороны непріятеля противъ занятія русскими ачхоевской поляны и заложенія крѣпости на Фортангѣ. Изрѣдка на фуражировкахъ раздавались изъ лѣсной чащи одиночныя ружейныя выстрѣлы, совершенно безвредныя или причинявшіе намъ самыя ничтожныя потери. Сколько разъ колонны выступали изъ лагеря въ Волынское укрѣпленіе за провіантомъ, въ Назранъ за строевымъ лѣсомъ, въ упраздненное Константиновское укрѣпленіе за строительными матеріалами отъ разобранныхъ построекъ—никогда онѣ не слышали ни одного выстрѣла. 20-го іюля предпринималась даже рекогносцировка за 8 верстъ отъ лагеря къ верховьямъ Фортанги, гдѣ, по словамъ лазутчиковъ, находились развалины старыхъ каменныхъ башенъ, прикрывавшихъ когда-то входъ

въ ущелье. Генералъ Лабинцевъ думалъ извлечь пользу изъ матеріала отъ этихъ развалинъ, но кромѣ булыжника, слегка обтесаннаго снаружи и связаннаго окрѣпшимъ отъ времени цементомъ, ничего въ нихъ не оказалось; поэтому колонна возвратилась назадъ. Около развалинъ къ отряду вышелъ русскій солдатъ, томившійся въ плѣну съ 1843 года.

Причины бездѣйствія горцевъ, какъ писалъ 29-го іюня полковникъ Бруннеръ генералу Нестерову, заключались въ томъ, что въ Гехи, центральномъ аулѣ Малой Чечни, Шамилемъ собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ положено не предпринимать никакихъ дѣйствій собственно противъ отряда, стоявшаго на Фортангѣ, а для отвлеченія его оттуда броситься всѣми силами на лѣвый флангъ, къ Старому-юрту, или во владикавказскій округъ, къ назрановскому обществу.

Мѣстность для новаго укрѣпленія была выбрана главнокомандующимъ дѣйствительно очень удачно. Обширная ачхоевская поляна простиралась къ западу и востоку отъ Фортанги такъ далеко, какъ только глазъ могъ видѣть, а къ югу и сѣверу усѣяна небольшими перелѣсками на такомъ разстояніи отъ лагеря, что непріятель, напримѣръ 26-го и 30-го іюня производя по нашимъ войскамъ канонаду, долженъ былъ давать своимъ орудіямъ чудовищные углы возвышенія. Войска чеченскаго отряда расположены были по обоимъ берегамъ рѣки. 30-го іюня, для сообщенія одного берега съ другимъ, устроенъ былъ мостъ на козлахъ; 2-го іюля его снесло сильнымъ теченіемъ воды, чрезвычайно поднявшейся вслѣдствіе проливного дождя, но 4-го іюля сообщеніе было возстановлено устройствомъ висячаго моста на канатахъ, а черезъ мѣсяць, 31-го іюля, на Фортангѣ былъ готовъ постоянный мостъ. Долго не показывался непріятель въ окрестностяхъ Ачхоя; наконецъ въ 10 часовъ утра 11-го августа верстахъ въ 6-ти отъ лагеря замѣчена была конная партія, которая тянулась поодиночкѣ вдоль опушки лѣса, покрывающаго берега Нетхоя. 12-го ут-

ромъ надъ ауломъ Шауданъ-Шари видно было зарево пожара, а въ 6 часовъ пополудни та же партія, также поодиночкѣ, возвращалась къ Нетхою. Генераль Лабинцевъ насчиталъ 10 значковъ въ зрительную трубу. Вечеромъ лазутчики доставили ему свѣдѣніе, что наибъ Атабай съ партіей изъ тысячи доброконныхъ истребилъ огнемъ аулъ Шауданъ-Шари, расселивъ жителей его по разнымъ ауламъ. Этотъ эпизодъ принадлежалъ къ числу немногихъ развлеченій чеченскаго отряда на скучной ачхоевской полянѣ.

14-го сентября къ отряду прибылъ главнокомандующій. Три мѣсяца тому назадъ онъ положилъ первый камень въ основаніе угловой башни праваго фаса; теперь же передъ нимъ стояла крѣпость, вооруженная 13-ю орудіями, обстроена вънутри прочными и красивыми зданіями для помѣщенія гарнизона въ полтора и даже два баталіона. Войска наши работали очень усердно не потому, что работа имъ особенно нравилась, но для того, чтобы скорѣе выступить въ поле. За все лѣто 1846 года Шамиль не предоставилъ имъ ни одного случая помѣриться силами: онъ только собиралъ и распускалъ свои партіи, точно дѣлалъ репетиціи передъ какимъ-то важнымъ предпріятіемъ. Послѣ рамазана, въ половинѣ сентября, имъ назначено было повсемѣстное поголовное вооруженіе, что заставило быть насторожѣ и войска лѣваго фланга. Крѣпость была почти готова, оставалась внутренняя отдѣлка нѣкоторыхъ строеній, которая могла быть окончена самимъ гарнизономъ безъ содѣйствія постороннихъ войскъ. Чеченскій отрядъ былъ свободенъ, и 10-го октября главнокомандующій передвинулъ его съ Фортанги на Сунжу, а 18-го, получивъ самыя благопріятныя извѣстія изъ сѣвернаго Дагестана, приказалъ развести войска по зимнимъ квартирамъ. Съ 15-го іюня до своего роспуска отрядъ потерялъ одного нижняго чина убитымъ и 20 ранеными; убиты 4 лошади въ милиціи, одна казачья и одна подъ орудіемъ.

Въ то время какъ на западѣ Малой Чечни возводилась новая крѣпость, открывавшая прямое сообщеніе лѣваго фланга кавказской линіи съ владикавказскимъ военнымъ округомъ, чеченскіе наибы перенесли свою дѣятельность на противоположную окраину Малой Чечни, маневрируя, иногда съ артилеріей, — на пространствѣ между Сунжей, Гойтой и Аргуномъ происходили болшею частью мелкія дѣла, не имѣвшія особаго значенія. 24-го іюля въ 10 часовъ утра Саибдулла подвезъ къ Грозной орудіе и изъ-за кургана сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по форштату и военному поселенію. Изъ крѣпости выступила въ этотъ день колонна въ ханкальское ущелье на встрѣчу транспорту, слѣдовавшему изъ Воздвиженскаго, отчего по тревогѣ выбѣжала только учебная команда егерскаго полка, въ числѣ не болѣе 80-ти человекъ; но и этого было достаточно, чтобы чеченцы немедленно сняли съ позиціи свое орудіе и ускакали по дорогѣ къ алдинскому оврагу. На другой день тотъ же Саибдулла подвезъ орудіе къ правому берегу Сунжи, подъ прикрытіемъ 35-ти всадниковъ, и сдѣлалъ три выстрѣла по колоннѣ, слѣдовавшей безъ кавалеріи изъ Грозной къ Завантъ-юрту. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ убитъ рядовой. 1-го августа начальникъ лѣваго фланга съ конвоемъ изъ 15-ти казаковъ отдѣлился отъ колонны, слѣдовавшей изъ Грозной къ Старому-юрту. Едва успѣлъ онъ спуститься съ горы къ Горячеводскому укрѣпленію, какъ услышалъ выстрѣлы по направленію къ Нефтянкѣ; онъ тотчасъ съ тѣмъ же конвоемъ вернулся назадъ. Оказалось, что сильная непріятельская партія съ однимъ орудіемъ, переправившись черезъ Сунжу противъ Нефтянки, атаковала оказію, состоявшую изъ 300 аробъ ногайскаго транспорта. Колонный начальникъ штабсъ-капитанъ Тихомировъ стянулъ обозъ и, прикрывъ его 2-мя ротами, обдалъ непріятеля ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, чѣмъ и приостановилъ нападеніе. Талгикъ, предводительствовавшій партіей, отступилъ къ кургану, съ котораго сдѣлалъ

по колоннѣ два выстрѣла, а появленіе генерала Фрейтага съ казаками изъ Горячеводска заставило наиба переправиться съ орудіемъ обратно за Сунжу. Въ колоннѣ были ранены 3 рядовыхъ и 2 ногайца. 22-го августа лазутчики дали знать начальнику лѣваго фланга, что Шамиль смѣнилъ наиба гехинскаго округа Атабая и назначилъ на его мѣсто бѣжавшаго отъ насъ въ горы кабардинскаго князя Магомедъ-мирзу Анзорова.

28-го августа непріятель открылъ по Воздвиженскому канонаду изъ 3-хъ орудій съ намѣреніемъ зажечь сѣно, заготовленное гарнизономъ; ему отвѣтили также артилерійскимъ огнемъ съ фаса, обращеннаго къ рѣкѣ. Одновременно съ этимъ колонна изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты и 2-хъ сотень казаковъ при 2-хъ орудіяхъ переправилась черезъ Аргунъ и бросилась прямо на непріятельскую батарею. Партія бѣжала съ орудіями, не достигнувъ цѣли, но причинивъ войскамъ, косившимъ траву, уронъ, заключающійся въ одномъ контуженномъ оберъ-офицерѣ, 2-хъ убитыхъ, 6-ти раненыхъ и 2-хъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ. 7-го сентября изъ укрѣпленія Воздвиженскаго выслана была въ гойтинскій лѣсъ колонна изъ 3-го баталіона князя Воронцова полка, линейнаго № 10 баталіона и двухъ сотень Донскаго № 26 полка при 3-хъ орудіяхъ донской конно-артилерійской № 1 батареи, подъ командой подполковника Триха. Колонна вступила въ лѣсъ, а казаки остались на полянѣ фуражировать. Часа черезъ два они замѣтили конную партію, которая неслась прямо на нихъ; въ то же время въ лѣсу раздались выстрѣлы: это наибъ Дуба атаковалъ авангардъ. Казаки бросили вьюки и, взявъ цики на перевѣсъ, помчались впередъ на встрѣчу партіи; за ними бѣжали съ однимъ орудіемъ, подъ командой штабсъ-капитана Тихонова, двѣ роты князя Воронцова полка. Чеченцы не выдержали контръ-атаки и повернули къ лѣсу; тогда Тихоновъ бросился выручать правую цѣпь, противъ которой непріятель

направилъ главныя усилія. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, по первымъ выстрѣламъ подхвативъ роту линейнаго № 9 баталіона, выступилъ изъ крѣпости къ лѣсу, гдѣ еще гремѣла артилерія. Тамъ онъ нашелъ образцовый порядокъ: въ правой цѣпи, которой непріятель угрожалъ холоднымъ оружіемъ, онъ засталъ подпоручика Греченевскаго, толково распорядившагося; внутри колонны, въ самомъ обозѣ, куда начинали уже стягиваться нагруженные сѣномъ повозки, также не было замѣтно никакой суеты. Этимъ и объясняется ничтожная потеря, состоявшая изъ 2-хъ убитыхъ и 12-ти раненыхъ. При отступленіи непріятель завязалъ съ аріергардомъ дѣло, но залпъ изъ 3-хъ орудій картечью разомъ прекратилъ бой.

9-го октября, когда начальникъ лѣваго фланга находился въ Воздвиженскомъ, осматривая крѣпостныя работы, ему доставлены были лазутчиками два письма Шамиля къ наибамъ Талгику и Дубѣ. Первому изъ нихъ онъ писалъ: „Ты знаешь, что я, по приглашенію старшинъ и жителей, отпраздновалъ въ Чиркатъ (въ Салатавіи), и здѣсь мнѣ сказали, какъ и въ Кабардѣ, что я опоздалъ.“ Далѣе онъ настаивалъ въ обоихъ письмахъ на необходимости какъ можно чаще беспокоить русскихъ, въ особенности въ Грозной и Воздвиженскомъ, чаще вывозить орудія и всѣмъ чеченцамъ, отъ перваго до послѣдняго, находиться въ сборѣ. Письма эти отправлены были наибамъ наканунѣ вторженія непріятеля въ даргинскій округъ. Дѣйствительно, 14-го октября генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ получилъ офиціальное увѣдомленіе о занятіи мюридами Цудахара и объ отторженіи всей Акуши; но уже 17-го числа по всему лѣвому флангу пронеслась вѣсть о пораженіи Шамиля и объ изгнаніи его изъ даргинскихъ владѣній. Пораженіемъ этимъ надолго обезпечивалось спокойствіе всего восточаго Кавказа, вслѣдствіе чего главнокомандующій, стоявшій въ то время съ ачхоевскимъ или чеченскимъ отрядомъ на Сунжѣ, приказалъ отправить войска на зимнія квартиры.

Въ 1846 году, когда суровый декабрь перебросилъ черезъ Терекъ свои опасные ледяные мосты, по которымъ хищники не рѣшались пускаться на свой рискованный промыселъ, и линія отдыхала, войска лѣваго фланга готовились къ походу. Секретнымъ отзывомъ начальника главнаго штаба предписывалось генераль-маіору Фрейтагу отъ имени главнокомандующаго приступить къ истребленію алдинскихъ хуторовъ, гнѣзда хищниковъ, откуда непріятель постоянно устремлялся на наши сообщенія и населенные пункты; тамъ собирались наибы для совѣщаній, туда направлялись партіи передъ нападеными, оттуда же подвозились орудія къ нашимъ колоннамъ и укрѣпленіямъ. Къ западу отъ Грозной простиралась широкая поляна, которая носила названіе алдинской; за нею, у праваго берега Сунжи, начинался лѣсъ, изобиловавший темными чащами и труднодоступными трупцами. Русскія колонны не заходили въ него, и онъ считался какъ бы заповѣднымъ для насъ; тамъ-то и скрывались хутора, извѣстные подъ именемъ алдинскихъ и заключавшіе въ себѣ болѣе 3-хъ тысячъ дымовъ, разсѣянныхъ на протяженіи 6-ти верстъ. Генераль Фрейтагъ зналъ, съ какими потерями сопряжено будетъ движеніе отряда въ этихъ лѣсахъ и при переправѣ черезъ Гойту, если только чеченцы успѣютъ занять ее прежде насъ, не говоря уже о завалахъ, которыми они несомнѣнно преграждаютъ всѣ лѣсныя тропинки. Скрытныя приготовленія къ походу могли, конечно, значительно облегчить наши первые шаги въ Малой Чечнѣ, но это было очень трудно сдѣлать. Самое сосредоточеніе войскъ въ Грозной, т. е. движеніе 5-ти баталіоновъ пѣхоты съ 5-ю орудіями изъ владикавказскаго округа, не могло остаться незамѣченнымъ противникомъ, зорко слѣдившимъ за всякимъ нашимъ движеніемъ, особенно въ описываемое время, когда мы „грозно бездѣйствовали.“ Поэтому намъ оставалось прибѣгнуть къ диверсіи, чтобы не дать возможности непріятелю приготовиться и вообще отвлечь его

вниманіе отъ Малой Чечни. Генералу Фрейтагу подобныя хитрости почти всегда удавались, и на этотъ разъ онъ распустилъ слухъ, что идетъ за Аргунъ, въ Большую Чечню, прорубать просѣку къ шалинской полянѣ. Это была угроза, которой Шамиль не могъ не повѣрить: огромный аулъ Шали былъ для него въ Большой Чечнѣ тѣмъ же, чѣмъ для насъ была Грозная на лѣвомъ флангѣ—сборнымъ пунктомъ скопищъ, которыми онъ лично предводительствовалъ. Съ продолженіемъ просѣки къ Шали, аулъ утрачивалъ свое стратегическое значеніе, и жителямъ его предстояло выселиться въ болѣе безопасныя мѣста—къ верховьямъ рѣки, отъ которой онъ получилъ свое названіе, или къ западу отъ шалинской поляны въ глубь Чечни, поближе къ Хулхулау. Какъ только Шамиль узналъ о намѣреніи Фрейтага вторгнуться въ Большую Чечню, онъ тотчасъ же началъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ нашего отряда у самаго входа въ нее. Огромныя партіи съ артилеріей были собраны въ аулахъ Белгатой, Шали, Саидъ-юртъ и въ Черныхъ горахъ у мезоинскихъ хуторовъ.

12-го декабря войска, вытребованныя изъ владикавказскаго военнаго округа, прибыли въ Грозную, а въ ночь съ 13-го на 14-е всѣ прикрытыя лѣсомъ мѣстности праваго берега Аргуна заняты были непріателемъ. 14-го декабря съ разсвѣтомъ, послѣ напутственнаго молебствія, отрядъ, въ составѣ 7-ми баталіоновъ пѣхоты и 3-хъ сотень кавалеріи при 10-ти орудіяхъ, выступилъ изъ Грозной прямо къ алдинской полянѣ ¹⁾). Въ Воздвиженское барону Меллеру-Закомельскому послано было приказаніе идти на соединеніе съ отрядомъ изъ 2-хъ баталіо-

---

¹⁾ Изъ войскъ, квартировавшихъ въ Грозной, въ составъ отряда вошли: 2-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго и 4-й егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полковъ, 120 казаковъ Донскаго № 26 и полторы сотни Гребенскаго полковъ, 3 батарейныхъ орудія съ прислугой 1-й и 2-й ротъ гарнизонной артилеріи и 2 орудія линейной казачьей № 15 батарек. Изъ владикавказскаго округа на усиленіе отряда прибыли: 2-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго, 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго и 2-й и 4-й Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ съ 5-ю орудіями 1-й и 2-й ротъ 12-й артилерійской бригады (гарнизонной).

новъ пѣхоты и 2-хъ сотень казаковъ при 2-хъ орудіяхъ ⁸⁾. Стоявшіе на пикетахъ чеченцы тотчасъ же поскакали за Аргунъ дать знать о движеніи нашего отряда къ западу, въ сторону противоположную шалинской полянѣ. Жители праваго берега Сунжи до такой степени привыкли считать себя въ безопасности въ своихъ темныхъ и труднодоступныхъ дебряхъ, что не подумали ограждать себя отъ нечаянныхъ нападеній завалами. Когда наши войска показались на алдинской полянѣ, вмѣсто того, чтобы спасти свои семейства, убрать скотъ и вывезти имущество, они приготовились провожать колонну опушкой лѣса до Гойты и далѣе до Урусъ-Мартана, полагая, что войска направляются къ новой крѣпости на Фортангѣ и все время будутъ двигаться мимо лѣсовъ, параллельно большой русской дорогѣ. Когда же отрядъ миновалъ поляну и, переправившись черезъ глубокой алдинскій оврагъ, прямо и смѣло вступилъ въ лѣсъ, тогда только чеченцы поняли, что были недостаточно прозорливы и начали поспѣшно выводить свои семьи. Неожиданность нашего появленія въ алдинскомъ лѣсу не мало облегчила начало предпріятія. Первый шагъ былъ сдѣланъ: ближайшіе въ Грозной хутора заняты и раззорены съ самою для насъ незначительною потерею, а не успѣвшіе укрыться отъ преслѣдованія казаковъ 37 душъ обоего пола и разныхъ возрастовъ взяты въ плѣнъ; кромѣ того, войскамъ удалось захватить на мѣстѣ болѣе 50-ти головъ рогатаго скота. Не задерживаясь въ лѣсу, гдѣ горцы, опомнившись отъ перваго удара, могли собраться и при отступленіи горячо преслѣдовать насъ, генераль Фрейтагъ вышелъ на большую русскую дорогу и оттуда продолжалъ движеніе на западъ. Такъ какъ вода въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Малой Чечни въ суровыя зимы вымерзаетъ, то онъ избралъ для лагерной стоянки бе-

---

⁸⁾ 3-й баталіонъ и сводный изъ ротъ 1-го и 2-го баталіоновъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, 140 казаковъ Донскаго № 26 полка и 2 орудія Донской казачьей № 1 батарееи.

рега быстро Урусъ-Мартана. Около 2-хъ часовъ пополудни колонна была обнаружена непріателемъ. По тревогѣ, поднятой его пикетами, изъ-за Аргуна прискакала чеченская кавалерія, тотчасъ же завязавшая перестрѣлку съ арьергардомъ, а Саибдулла сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія. Но это не задержало насъ, и передъ вечеромъ войска остановились лагеремъ на правомъ берегу Урусъ-Мартана.

Въ ночь на 15-е декабря въ Малую Чечню прибыло непріательское скопище, поджидавшее нашъ отрядъ за Аргуномъ. По добытымъ свѣдѣніямъ, въ немъ находились, кромѣ мѣстныхъ наивовъ—Баты, Дубы, Талгика, Магомедъ-мирзы Анзорова и Саибдуллы, еще бывший элисуйскій султанъ Даниельбекъ и Нуръ-Али-мулла съ дагестанскими горцами. Несмотря на это, утромъ 15-го изъ лагеря выступила колонна въ 4-хъ-баталіонномъ составѣ съ 3-мя сотнями казаковъ при 6-ти легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника барона Вревскаго. Она должна была пройти по той самой дорогѣ, по которой наканунѣ двигался отрядъ, занять тѣ же хутора и, забравъ съ собой фуражъ и продовольственные запасы, все остальное предать огню. Баронъ Вревскій встрѣтилъ нѣкоторое сопротивленіе: засѣвшіе въ сакляхъ чеченцы открыли по колоннѣ ружейный огонь, но скоро были вытѣснены штыками грузинскихъ гренадеръ. Въ часъ пополудни колонна возвратилась въ лагерь съ тяжелонагруженными повозками. Чтобы не дать жителямъ опомниться, тотчасъ же по прибытіи второй колонны выслана была изъ урусъ-мартанскаго лагеря третья, въ такомъ же численномъ составѣ, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго. Противъ нея на лѣвомъ берегу рѣки показалась сильная конная партія съ четырьмя значками, которая, однако, нашею артилеріею была разсѣяна; затѣмъ истребленіе хуторовъ сопровождалось незначительной перестрѣлкой. 16-го декабря нападеніе произведено было на ближайшіе къ Урусъ-Мартану хутора. Колонна,

выступившая изъ лагеря въ 8 часовъ утра, подъ командою полковника Кишенскаго, возвратилась въ полдень безъ выстрѣла; другая же колонна, направленная въ часъ пополудни внизъ по теченію рѣки, вслѣдствіе густого тумана получила приказаніе вернуться. Девять дней продолжались поиски генералъ-лейтенанта Фрейтага въ лѣсахъ Малой Чечни между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ, причемъ два раза колоннами въ усиленномъ составѣ предпринимались экскурсіи на лѣвый берегъ послѣдней рѣки, къ лѣвому притоку ея Рошнѣ. Иногда при истребленіи хуторовъ чеченцы завязывали съ нашими войсками перестрѣлки; иногда же колонны возвращались назадъ, не встрѣтивъ ни одного человѣка. 22-го декабря было окончено истребленіе алдинскихъ селеній или, лучше сказать, тѣхъ изъ нихъ, которыя удалось разыскать среди лабиринта лѣсныхъ трущобъ; взамѣнъ не отысканныхъ пострадали нѣкоторые хутора по Урусъ-Мартану и Рошнѣ. 23-го генералъ Фрейтагъ предпринялъ обратное движеніе въ Грозную, но уже не по большой русской дорогѣ, гдѣ могъ встрѣтить сильное сопротивленіе, а лѣвымъ берегомъ Сунжи. На слѣдующій день баталіоны владикавказскаго округа возвратились за Терекъ, а 25-го и всѣ остальные войска разошлись по зимнимъ квартирамъ. За время военныхъ дѣйствій въ Малой Чечнѣ, съ 14-го по 22-е декабря, изъ строя въ отрядѣ генерала Фрейтага выбыло: убитыми 5 человѣкъ нижнихъ чиновъ, ранеными 3 оберъ-офицера ⁹⁾, 66 нижнихъ чиновъ, контуженными 1 оберъ-офицеръ и 21 нижній чинъ; лошадей 30 убито и 11 ранено.

„Уничтоженіе алдинскихъ и другихъ хуторовъ—писалъ генералъ Фрейтагъ въ своемъ донесеніи—взволновало всю Чечню. Я не узналъ чеченцевъ: какой-то паническій страхъ овладѣлъ всѣми, и въ послѣднее время пребыванія моего въ Чечнѣ можно было утвердительно сказать, что на разстояніи 18-ти верстъ отъ лагеря нигдѣ не осталось ни одной

---

⁹⁾ Тенгянскаго иѣхотнаго полка штабъ-капитанъ Меркуловъ, егерскаго князя Воронцова полка подпоручикъ Руденко и Гребенскаго линейнаго казачьяго полка сотникъ Ивановъ.

осѣдлой души. Не знаю, какое вліяніе произведетъ это движеніе на остальныхъ чеченцевъ, поселившихся хуторами по Сунжѣ, но можно быть увѣреннымъ, что жители раззоренныхъ хуторовъ не возвратятся на свои мѣста.“

Они, однако, возвратились и даже очень скоро. Въ слѣдующемъ же 1847 году они первые высыпали генералу Фрейтагу на встрѣчу изъ раззоренныхъ имъ алдинскихъ хуторовъ, когда онъ съ отрядомъ переправлялся черезъ Гойту.

Десятидневнымъ походомъ чеченскаго отряда къ лѣсамъ праваго берега Сунжи заканчивается для лѣваго фланга богатый событіями разнаго рода 1846-й годъ.

У.

Центръ кавказской линіи и владикавказскій военный округъ. Состояніе Кабарды въ 1846 году. Грандіозный замыселъ Шамиля. Первые тревожныя извѣстія. Предохранительныя мѣры съ нашей стороны. Тревога на военно-грузинской дорогѣ. Донесеніе генерала Нестерова и письмо г.-л. Гурко. Дальнѣйшія мѣры обезпеченія. Различныя донесенія о положеніи края. Умѣстное вмѣшательство г.-л. Гурко и его распоряженія. Отступление Нурь-Али и его новый планъ дѣйствій. Возстановленіе спокойствія на военно-грузинской дорогѣ.

Между бассейнами рѣкъ Кубани и Терека лежитъ возвышенная кабардинская плоскость, которую Терекъ дѣлитъ на двѣ неравныя части—Большую и Малую Кабарду. Обѣ онѣ вмѣстѣ имѣютъ около 233-хъ квадратныхъ географическихъ миль пространства. Большая Кабарда—въ семь разъ больше Малой—орошается лѣвыми притоками Терека: Змѣйкой, Урухомъ, Лезгеномъ, Аргубаномъ и Малкой. Послѣдняя беретъ начало у ледниковъ Эльборуса и течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, принимая съ правой стороны Черекъ, Урвань, Баксанъ и Черную, которыя въ свою очередь образуются изъ

слиянiя множества другихъ побочныхъ рѣкъ, берущихъ начало въ глубокихъ ущельяхъ, нерѣдко покрытыхъ густыми лѣсами. Прекрасному орошенiю Большая Кабарда обязана своимъ необыкновеннымъ плодородiемъ. На обширныхъ луговыхъ пространствахъ ея пасутся несмѣтныя стада овецъ, крупнаго рогатаго скота и огромныхъ табуновъ лошадей, которыя, впрочемъ, по красотѣ далеко стоятъ ниже карабахскихъ и персидскихъ, но рѣзвѣе, сильнѣе и гораздо выносливѣе. Рѣзко отличается относительно орошенiя Малая Кабарда. По срединѣ ея бѣжитъ только одна р. Курца, правый притокъ Терека; на всемъ же остальномъ протяженiи своемъ она представляется страной безводной и безлѣсной, хотя по плодородiю своему немногимъ уступаетъ Большой Кабардѣ; тучныя пастбища ея перемежаются полями, дающими болѣе чѣмъ удовлетворительные урожаи.

До 1846 года жители Большой Кабарды никогда не подавали повода сомнѣваться въ ихъ благонамѣренности и зависимою своею отъ насъ нисколько, повидимому, не тяготились. Нельзя было того же сказать про жителей Малой Кабарды. Открытое нерасположенiе къ намъ они пока не имѣли случая выказать, но преданность ихъ отчасти напоминала преданность нѣкоторыхъ покорныхъ намъ обществъ южнаго Дагестана. Можетъ быть, на отношенiя ихъ къ намъ имѣло влiяние близкое сосѣдство Малой Чечни, отъ которой Малая Кабарда отдѣлялась полупокорными и непокойными обществами—карабулакскимъ и галашевскимъ. Но вотъ, въ 1846 году, кабардинская плоскость, охраняемая и удерживаемая до сихъ поръ въ повиновенiи войсками центра кавказской линiи, неожиданно становится театромъ дѣйствiй одного изъ кровопролитныхъ эпизодовъ кавказской войны. До этого же событiя, начиная съ января мѣсяца, мирное теченiе жизни ея трудолюбиваго населенiя не было нарушено ни однимъ происшествiемъ военнаго характера.

Къ описываемому времени составъ войскъ кавказскаго корпуса нѣсколько измѣнился. Изъ новороссійскаго края, начиная съ 1843 года, разновременно прибывали на Кавказъ войска 5-го пѣхотнаго корпуса, изъ которыхъ къ 1-му января 1846 года 13-я дивизія расположена была на правомъ флангѣ кавказской линіи, 14-я въ Дагестанѣ и 15-я на лѣвомъ флангѣ. По высочайшему повелѣнію, вторые и третьи баталіоны полковъ означенныхъ дивизій должны были поступить на укомплектованіе вновь формировавшихся на Кавказѣ частей, а первые баталіоны съ полковыми штабами и обозами должны были возвратиться въ свои штабъ-квартиры въ новороссійскій край, къ своимъ 4-мъ и 5-мъ баталіонамъ. Шамиль, знавшій подробно все, что происходило въ нашихъ владѣніяхъ, зналъ также о выступленіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 5-го пѣхотнаго корпуса въ Россію. Въ его головѣ тотчасъ же созрѣлъ планъ небывалаго по своимъ грандіознымъ размѣрамъ предпріятія. Частныя нападенія, тревоги на линіи, хищническіе набѣги на кумыкской плоскости—все было на время остановлено. Имамъ сосредоточилъ все вниманіе на гигантскомъ замыслѣ, котораго онъ даже не открывалъ никому изъ своихъ приближенныхъ, давая имъ понять только, что онъ задумалъ нѣчто необыкновенное и что успѣхъ задуманнаго имъ всецѣло будетъ зависѣть отъ ихъ слѣпонаго повиновенія. Вотъ почему колонны проходили, никѣмъ не тревожимыя, даже черезъ опасное ханкальское ущелье. Такое затишье послѣ безпокойнаго марта, въ самую лучшую для предпріятій пору весны, должно было казаться подозрительнымъ. Собиралась буря, всѣ это чувствовали, но гдѣ она разразится—никто не зналъ, и всѣ дѣятельно готовились встрѣтить ее.

9-го апрѣля подулъ первый вѣтерокъ. Вечеромъ этого дня начальникъ лѣваго фланга генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ получилъ достовѣрное свѣдѣніе отъ лазутчиковъ, что Шамиль отдалъ приказаніе всѣмъ горскимъ народамъ сѣвернаго и юж-

наго Дагестана быть готовыми къ выступленію въ походъ. Такое же приказаніе было послано и къ чеченскимъ наибамъ, которые должны были, по прибытіи въ Чечню самого Шамиля или довѣреннаго отъ него лица, присоединиться къ дагестанскому скопищу. Въ полночь свѣдѣнія эти подтвердились. Одинъ изъ мюридовъ Шамиля, тайно преданный русскимъ, привезъ начальнику лѣваго фланга письмо имама къ наибамъ Батѣ и Талгику слѣдующаго содержанія:

„Отъ князя всѣхъ мусульманскихъ народовъ и султана тѣхъ, кто признаетъ единого Бога, братьямъ моимъ Батѣ и Талгику. Да хранитъ васъ Всемогущій Богъ отъ невѣрныхъ и ихъ злонамѣренныхъ козней! Я приказалъ всѣмъ наибамъ собрать вѣренныя имъ части войскъ въ будущую субботу (13-го апрѣля) прежде полудня. То же самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначаю сборнымъ пунктомъ, куда и самъ прибуду съ нѣсколькими орудіями въ назначенное время. Орудія я хочу поставить возлѣ самой непріятельской дороги. Прошу хранить это втайнѣ отъ жителей.“

Даже такимъ довѣреннымъ лицамъ, какъ Батѣ и Талгику, Шамиль не рѣшался открыть свои настоящія намѣренія. Генераль Фрейтагъ приказалъ снять копію съ письма Шамиля, а подлинникъ возвратилъ мюриду для доставленія по адресу, и тотчасъ же приступилъ къ составленію плана обороны вѣреннаго ему края. 10-го апрѣля получены были новыя свѣдѣнія о непріятелѣ. Даніель-бекъ съ андалальцами и Лабазанъ съ андійцами прибыли въ новую резиденцію имама—Веденъ; Желаль-Эдинъ съ кавалеріей выступилъ къ Шали, а Нуръ-Али-мулла съ пѣхотою потянулся аргунскимъ ущельемъ къ Шатою. Утромъ того же числа начальникъ лѣваго фланга отправилъ нарочнаго въ Моздокъ къ начальнику 15-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанту Гасфорту¹⁰⁾, котораго просилъ приостановить выступленіе первыхъ баталіоновъ полковъ вѣренной ему дивизіи. Это поставило Гасфорта въ крайне затруд-

¹⁰⁾ Отъ 10-го апрѣля 1846 года № 110.

нительное положеніе: съ одной стороны высочайшая воля, объявленная ему въ предписаніи его прямого начальника, командующаго 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, на основаніи чего полки должны были начать выступленіе въ Россію, съ другой—тревожныя обстоятельства края, который нельзя было обнажать, не подвергая нашихъ владѣній угрожавшей имъ серьезной опасности. Для выигрыша времени, онъ прямо отъ себя донесъ намѣстнику кавказскому ¹¹⁾, что 1-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка уже выступилъ 12-го апрѣля, въ самый день полученія отзыва генералъ-лейтенанта Фрейтага, а такъ какъ линію нельзя оставить беззащитной, то имъ дано предписаніе командирамъ трехъ, еще не выступившихъ, полковъ сосредоточить свои первые баталіоны на мѣстахъ, которыя будутъ указаны начальникомъ лѣваго фланга; баталіона же Люблинскаго егерскаго полка онъ не останавливалъ, въ ожиданіи распоряженія по этому предмету командующаго 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Въ то же время г.-л. Гасфортъ съ подобнымъ же извѣстіемъ отправилъ курьера къ г.-л. Соболевскому, временно командовавшему, за болѣзнию Лидерса, 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Начальникъ 15 пѣхотной дивизіи заявлялъ что, на основаніи даннаго ему предписанія командующаго 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, самъ онъ не считаетъ себя въ правѣ ни остановить выступившій уже баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка, ни отмѣнить распоряженія о выступленіи первыхъ баталіоновъ остальныхъ полковъ, изъ которыхъ, по препровожденному къ нему маршруту, баталіонъ Модлинскаго пѣхотнаго полка долженъ выступить 17-го апрѣля, а баталіоны остальныхъ двухъ полковъ, Прагскаго и Замосцскаго, въ одинъ день, 19-го; но что онъ далъ предписаніе командирамъ полковъ, оставаясь на занимаемыхъ ими въ настоящее время пунктахъ, во всемъ подчиняться распоряженіямъ начальника.

---

¹¹⁾ Рапортъ 12-го апрѣля 1846 года № 2150; полученъ въ главномъ штабѣ кавказскаго отдѣльнаго корпуса 16-го апрѣля.

лѣваго фланга. Что же касается охраны линіи по дистанціи Гребенскаго казачьяго полка, то генераль Гасфортъ предлагалъ задержать отправленные имъ изъ станицы Щедринской и Амиръ-Аджи-юрта маршевые баталіоны вновь формируемыхъ Дагестанскаго и Самурскаго полковъ, причемъ просилъ оставить ихъ на лѣвомъ берегу Терека, т. е. на линіи, въ силу того, что баталіоны его дивизіи совершенно уже приготовились къ выступленію въ походъ.

Въ отзывѣ г.-л. Гасфорта начальнику лѣваго фланга между прочимъ было сказано: „впрочемъ, полки исполняютъ, какъ и до сего исполняли, прямо и мимо меня всѣ ваши распоряженія.“ Въ этой припискѣ, особенно въ словахъ „мимо меня,“ отчасти высказываются обостренныя отношенія, установившіяся между начальниками частей 5-го пѣхотнаго корпуса и кавказскими генералами. Не входя въ дальнѣйшую переписку, только тормозившую дѣло, г.-л. Фрейтагъ передвинулъ по баталіону отъ Модлинскаго и Прагскаго пѣхотныхъ полковъ въ станицы Николаевскую и Щедринскую; Люблинскому, если онъ вернется, назначено было стоять въ Калиновской, а Замосцскому послано приказаніе не выступать изъ Кизляра впредь до новаго распоряженія.

Тревога, охватившая весь обширный раіонъ лѣваго фланга, быстро сообщилась и владикавказскому военному округу, откуда она неизбежно должна была перейти на верхнюю военно-грузинскую дорогу, сѣверная оконечность которой, до станицы Коби, составляла часть округа. Последняя слабо охранялась въ то время отъ непокойныхъ, хотя по наружности и покорныхъ намъ чеченскихъ обществъ, стоявшимъ въ Ларсѣ наблюдательнымъ отрядомъ, въ которомъ было всего двѣ роты съ двумя горными орудіями, не считая разсѣянныхъ по всему тракту командъ и пяти военно-рабочихъ ротъ, расположенныхъ для производства дорожныхъ работъ въ гудамакарскомъ ущельи, около Пасанаура. 14-го апрѣля плацъ-маіоръ владикавказской

крѣпости, за отсутствіемъ коменданта генераль-маіора Нестерова, далъ знать наблюдательному отряду, что въ акинскомъ обществѣ собираются непріятельскія партіи, которыя, по всей вѣроятности, намѣрены проникнуть черезъ селеніе Цори въ галгаевское общество и въ джераховское ущелье. Наблюдательнымъ отрядомъ въ Ларсѣ, за болѣзнью настоящаго его начальника полковника Золотарева, временно командовалъ капитанъ Кременецъ, который, получивъ предостереженіе отъ владикавказскаго комендантскаго управленія, немедленно занялъ двумя ротами и высланною изъ Владикавказа милиціею джераховское ущелье, о чемъ 15-го апрѣля донесъ рапортомъ полковнику Золотареву, находившемуся въ то время въ Анапурѣ. Рапортъ полученъ былъ въ первомъ часу ночи. Въ часъ пополудни полковникъ Золотаревъ отправилъ нарочнаго въ Тифлисъ къ помощнику начальника главнаго штаба генераль-маіору Норденстаму съ донесеніемъ, въ которомъ описывалъ положеніе ввѣренной его охранѣ дистанціи и просилъ объ усиленіи наблюдательнаго отряда 5-ю ротами инженернаго вѣдомства, расположенными въ гудамакарскомъ ущельи, считая двѣ роты слишкомъ недостаточными для занятія галгаевскаго общества и удержанія въ повиновеніи ауловъ, населяющихъ горные проходы и верховья рѣкъ сѣверной оконечности военно-грузинской дороги. Генераль Норденстамъ хотя и отнесся съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ поднятой въ Ларсѣ тревогѣ, тѣмъ не менѣе далъ предписаніе командующему 2-мъ баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка выступить на другой же день, 18-го, изъ Тифлиса на военно-грузинскую дорогу съ однимъ вьючнымъ обозомъ и, не останавливаясь для дневокъ, 23-го прибыть въ Ларсѣ. Еслибы слухъ о намѣреніи непріятеля занять военно-грузинскую дорогу подтвердился, то баталіонъ изъ Ларса долженъ былъ идти на соединеніе съ наблюдательнымъ отрядомъ въ джераховское ущелье „съ возможною поспѣшностью;“ если же партіи непріятельскія разойдутся или слухи

объ ихъ намѣреніяхъ окажутся преувеличенными, то продолжать движеніе на Сунжу, въ сборному пункту чеченскаго отряда, съ дневками, не изнуряя людей и лошадей.

17-го числа помощникъ начальника штаба отправилъ къ полковнику Золотареву предписаніе ¹²⁾, въ которомъ прямо высказывалъ свое недовѣріе къ слухамъ о намѣреніяхъ непріятели, такъ какъ до настоящаго времени онъ не получалъ о нихъ донесенія отъ начальника владикавказскаго округа г.-м. Нестерова, на обязанности котораго лежало охраненіе этой части военно-грузинской дороги; напротивъ того, изъ двухъ донесеній генерала Нестерова и начальника лѣваго фланга видно, что непріятель готовится напасть на новыя станицы сунженской линіи со стороны Терека; о сборахъ же въ акинскомъ обществѣ ни тотъ, ни другой не упоминалъ. Съ другой стороны трудно предположить, чтобы плацъ-маіоръ владикавказской крѣпости имѣлъ свѣдѣнія, которыхъ не имѣетъ комендантъ той же крѣпости, и чтобы генералъ Нестеровъ, имѣя эти свѣдѣнія, не сдѣлалъ никакого распоряженія для обороны военно-грузинской дороги. Всѣ эти слухи помощникъ начальника штаба считалъ „не совсѣмъ основательными и преувеличенными.“

16-го апрѣля полковникъ Золотаревъ, все еще остававшийся по болѣзни въ Ананурѣ, получилъ отъ капитана Кременца копіи съ двухъ рапортовъ его къ владикавказскому коменданту генералъ-маіору Нестерову. Въ первомъ говорилось, что сильная непріятельская пѣшая партія, подъ предводительствомъ главныхъ наибовъ Шамиля, двинулась къ селенію Цори съ намѣреніемъ поднять противъ насъ галгаевское и кистинское общества и, прорвавшись черезъ джераховское ущелье, занять военно-грузинскую дорогу. Старшины, явившіеся въ Пемать съ этимъ извѣстіемъ и съ просьбой о помощи отъ имени галгаевскаго общества, добавляли, что никогда

---

¹²⁾ № 469.

прежде въ горахъ не было такихъ сборовъ. Во второмъ рапортѣ капитанъ Кременецъ доносилъ генералу Нестерову, что девять набовъ съ огромнымъ скопищемъ вступили 15-го вечеромъ въ селеніе Гуль, акинскаго общества, и что цоринцы и галгаевцы просятъ его посѣшить къ нимъ на помощь. Въ силу этого, управленіе владикавказскаго коменданта 16-го апрѣля разослало экстренныхъ нарочныхъ съ „открытымъ извѣстіемъ“¹³⁾, которымъ предписывалось воинскимъ и постовымъ начальникамъ отъ Владикавказа до Коби принять всѣ мѣры предосторожности и быть каждую минуту готовыми къ отраженію непріятели. Копіи съ рапортовъ капитана Кременца и открытаго извѣстія¹⁴⁾ полковникъ Золотаревъ препроводилъ къ помощнику начальника главнаго штаба. Генераль-майоръ Норденстамъ, все еще не достаточно убѣжденный, находилъ, что всѣ распоряженія его объ усиленіи ларскаго отряда будутъ „несвоевременны“: во-первыхъ непріятели не могутъ долго оставаться въ сборѣ, такъ какъ акинское общество не имѣетъ средствъ продовольствовать такую многочисленную партію; во-вторыхъ, если непріятели дѣйствительно имѣютъ намѣреніе прорваться на военно-грузинскую дорогу, то онъ приведетъ его въ исполненіе прежде, нежели мы успѣемъ принять какія нибудь оборонительныя мѣры; наконецъ дорога въ настоящее время непроходима для обозовъ. Несмотря на все это, онъ отдалъ вторичное приказаніе 2-му баталіону Эриванскаго карабинернаго полка слѣдовать безостановочно въ Ларсъ, а подполковнику Платану—выдѣлить изъ военно-рабочаго баталіона, расположеннаго въ гудамакарскомъ ущельи, одну и никакъ не болѣе двухъ ротъ, и то на самое короткое время, для занятія всѣхъ постовъ отъ Кайшаура до Ларса; команды же, разсѣянныя по этимъ постамъ, стянуть къ ларскому отряду. Для окончательнаго разъясненія своихъ сомнѣній генераль

¹³⁾ Отъ 16-го апрѣля 1846 года № 498.

¹⁴⁾ Отъ 17-го апрѣля 1846 года № 305.

Норденстамъ командировалъ на военно-грузинскую дорогу генеральнаго штаба штабсъ-капитана Марка, выѣхавшаго 18-го въ Анапуръ съ тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ полковникомъ Золотаревымъ въ Ларсъ и во Владикавказъ и тамъ провѣрить тревожные слухи. Въ тотъ же день изъ донесенія начальника назрановскаго отряда генераль-маіора Нестерова ¹⁵⁾ помощникъ начальника главнаго штаба узналъ, что вслѣдствіе необыкновенныхъ непріятельскихъ сборовъ въ Чечнѣ, г.-м. Нестеровъ сосредоточилъ 15-го апрѣля всѣ ввѣренныя ему войска на передовой линіи владикавказскаго округа въ крѣпости Назранъ, а генераль Фрейтагъ со своимъ отрядомъ занялъ позицію на Сунжѣ у Казахъ-кичу.

15-го апрѣля съ наступленіемъ ночи Шамиль, подъ прикрытіемъ конныхъ партій, скрытно переправилъ черезъ Сунжу сначала пѣхоту съ артилеріей, состоявшей изъ 10-ти орудій, а затѣмъ уже и остальную кавалерію, которая все время шла въ арьергардѣ, чтобъ затапывать слѣды отъ пушекъ. Какъ только казаки, высланные въ разѣздъ, вернулись съ извѣстіемъ о движеніи непріятеля, генераль Фрейтагъ тотчасъ же усилилъ свой отрядъ однимъ баталіономъ пѣхоты, расположеннымъ на Сунжѣ, 4-мя сотнями казаковъ и 2-мя орудіями и выступилъ по слѣдамъ непріятеля; генералу же Нестерову приказано было оставаться на передовой линіи для прикрытія Назрана и Сунжи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Шамиль направлялся въ Большую Кабарду; съ 16-го на 17-е онъ ночевалъ на р. Курпѣ, около Ахлова аула, въ самомъ сердцѣ Малой Кабарды.

Движеніе непріятеля въ Кабарду генераль Нестеровъ считалъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно предпринято было съ вѣдома и по приглашенію самихъ жителей; съ возстаніемъ же Кабарды сообщенія могли быть прерваны и подвозъ продовольствія для передовыхъ войскъ могъ прекратиться. Такимъ обра-

---

¹⁵⁾ Донесеніе безъ числа, № 211.

зомъ дѣйствія Шамиля носили характеръ стратегической важности.

Кромѣ сборища, преслѣдуемаго генераломъ Фрейтагомъ, другая огромная партія пѣшихъ горцевъ угрожала военно-грузинской дорогѣ со стороны галгаевского общества. Генераль-маіоръ Нестеровъ просилъ помощника начальника штаба посрѣдствовать отправленіемъ войскъ для усиленія владикавказскаго гарнизона, такъ какъ и его средства, и средства генерала Фрейтага совершенно были истощены и нигдѣ не оставалось ни одного резерва. Въ заключеніе онъ просилъ также озаботиться относительно направленія изъ Грузіи транспорта съ провіантомъ, въ количествѣ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ четвертей, до возстановленія правильныхъ сообщеній. Вмѣстѣ съ донесеніемъ генерала Нестерова получено было на имя главнокомандующаго письмо отъ генераль-лейтенанта Гурко, только-что оставившаго свой постъ начальника главнаго штаба войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ (отдѣльнаго кавказскаго и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ), и выѣхавшаго 15-го апрѣля изъ Тифлиса по военно-грузинской дорогѣ во Владикавказъ. Письмо помѣчено 17-мъ апрѣля и изъ предосторожности написано на французскомъ языкѣ:

„По всей дорогѣ большой переполохъ. Ворота Владикавказа я нашелъ запертыми, а войска подъ ружьемъ. Всѣ были очень удивлены, когда увидѣли меня прибывшимъ съ конвоемъ изъ 5-ти казаковъ—это было все, чего я могъ добиться въ Ларсѣ. Для Владикавказа пѣтъ, конечно, никакой опасности—онъ охраняется гарнизономъ въ 1300 человекъ—но опасность велика для селеній военно-грузинской дороги. Къ счастью, 1-й баталіонъ Виленскаго полка ¹⁶⁾, который успѣлъ уже выступить въ Россію, былъ задержанъ въ Николаевской станицѣ и расположенъ въ Александровской. Здѣсь также извѣстно, что баталіонъ Тенгинскаго полка три дня тому назадъ прибылъ въ Екатериноградъ,

---

¹⁶⁾ Не Виленскаго, принадлежавшаго къ 13-й пѣхотной дивизіи, а Люблинскаго, который при самомъ началѣ тревоги выступилъ въ новороссійскій край.

такъ что съ этой стороны линія достаточно охраняется. Скопище Шамиля съ 5-ю орудіями должно было переправиться или переправилось уже сегодня черезъ Терекъ подлѣ станицы Котляревской, но я надѣюсь, что Фрейтагъ настигнетъ его у переправы, и если Кабарда не заодно съ непріателемъ, то онъ долженъ будетъ оставить свое предпріятіе. Здѣсь нѣтъ никакихъ извѣстій о Голицынѣ. Нестеровъ усилилъ Джераховскій (ларсскій) отрядъ двумя ротами, которыя придутъ туда завтра, такъ что тамъ будутъ четыре роты и два орудія. Мнѣ кажется, Нестеровъ держитъ слишкомъ много войскъ у себя въ Назранѣ. Я надѣюсь, что Завадовскій приостановитъ четыре баталіона 5-го корпуса (13-й дивизіи), которыя возвращаются въ Россію. Я не знаю, когда буду имѣть возможность выѣхать отсюда, потому что всякое сообщеніе прервано. Завадовскому слѣдовало бы находиться въ Екатериноградѣ или, лучше, при какомъ нибудь отрядѣ для того, чтобы въ дѣйствіяхъ отрядовъ было больше единства. Я ему посоветую это, какъ только увижусь съ нимъ. Говорятъ, что Кази-Магомедъ Дударовъ перешелъ на сторону Шамиля. Вообще положеніе некрасиво (*La position n'est pas belle*). Все будетъ зависѣть отъ кабардинцевъ и отъ быстроты движенія Фрейтага. Войскамъ, которыя слѣдуютъ изъ Грузіи, не мѣшало бы идти форсированнымъ маршемъ. Но нужно остерегаться того, чтобы не слишкомъ обнажать край. Это возстаніе можетъ распространиться и на мусульманскія провинціи.“

Только по прочтеніи донесенія Нестерова и письма Гурко, доставленныхъ въ Тифлисъ съ курьеромъ, г.-м. Норденстаму стало понятнымъ „настоящее положеніе дѣла,“ какъ онъ выражается въ донесеніи своемъ главнокомандующему, находившемуся въ то время съ начальникомъ штаба въ Шемахѣ.

Затѣмъ послѣдовали дальнѣйшія мѣры обезпеченія. Командующему 2-мъ баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка приказано было поспѣшнѣе слѣдовать въ Ларсъ; командиру того же полка полковнику Бельгардту предписано имѣть подъ рукой въ совершенной готовности еще одинъ баталіонъ; такое же предписаніе дано полковнику Грекулову относительно 5-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка. Два баталіона

Грузинскаго гренадерскаго полка, назначенные въ составъ чеченскаго отряда для занятія ачхоевской поляны, выступили: 2-й баталіонъ—19-го на разсвѣтъ, а 1-й—на другой день, съ 2-мя горными орудіями, вытребованными экстренно изъ горной № 2-й батареи, расположенной въ урочищахъ Мухровани и Гомборахъ. Кромѣ того, помощникъ начальника штаба просилъ собрать милицію, которая немедленно должна была направиться въ Ларсъ, и сдѣлалъ распоряженіе о пополненіи провіантскихъ магазиновъ владикавказскаго военнаго округа.

20-го апрѣля генералъ Норденстамъ получилъ письмо отъ генералъ-лейтенанта Гурко, которымъ бывшій начальникъ главнаго штаба увѣдомляетъ, что Шамиль вступилъ уже въ Большую Кабарду, жители которой передались ему, что во Владикавказѣ осталось всего 6 ротъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, двѣ линейнаго баталіона, 35 художонныхъ казаковъ и ни одного подвижнаго орудія, и что всего этого едва достаточно для обороны крѣпости, имѣющей 8 верстъ въ окружности. „Я надѣюсь—писалъ онъ—что Завадовскій остановилъ первые баталіоны 13-й дивизіи и, собравъ отрядъ, будетъ дѣйствовать со стороны Пятигорска.“

Болѣе наглядно обрисовывается положеніе края въ началѣ второй половины апрѣля мѣсяца въ донесеніи помощника начальника главнаго штаба главнокомандующему ¹⁷⁾. Матеріаломъ этому донесенію послужили свѣдѣнія, собранныя офицеромъ Навагинскаго полка, привезшимъ донесеніе генерала Нестерова, и письма генерала Гурко. Владикавказъ спокоенъ; жители его ожидаютъ развязки, какую будетъ имѣть преслѣдованіе Шамиля отрядомъ генерала Фрейтага; изъ крѣпости никого не выпускаютъ; скотъ пасется подъ сильнымъ прикрытіемъ на самомъ близкомъ разстояніи отъ крѣпостной ограды. Между Владикавказомъ и Екатериноградомъ сообщеній нѣтъ. Казачьи посты выставляются только днемъ; на ночь снима-

¹⁷⁾ 20-го апрѣля 1846 года № 61.

ются. Осетинскіе аулы отъ Владикавказа до минаретскаго поста брошены; жители ихъ съ семействами, имуществомъ и стадами укрылись въ ближайшихъ горахъ; остались только способные носить оружіе. По Камбилеевкѣ и правому берегу Терека селенія также покинуты: жители удалились въ лѣсистыя горы между Константиновскимъ укрѣпленіемъ и долиной рѣки Назрана. Про аулъ Кази-Магомеда Дударова, одного изъ вліятельнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ Кабарды, нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; одни говорятъ, что онъ со всѣмъ ауломъ своимъ передался Шамилю, другіе — что его аулъ ушелъ въ кабардинскія горы. Всѣ жители Малой Кабарды передалась Шамилю и, по слухамъ, уже переселились въ Чечню; остались только нѣкоторые, имѣющіе офицерскіе чины; послѣдніе перекочевали въ Большую Кабарду. Жители аула князя Бековича перебрались въ Моздокъ, а самый аулъ сожженъ. О скопищѣ Шамиля ходятъ преувеличенные слухи: говорятъ, что численность его простирается до 20-ти и даже до 25-ти тысячъ человекъ пѣшихъ и конныхъ. Хаджи-Муратъ съ 4-мя тысячами стоитъ противъ Моздока. Назранъ охраняется 10-ю ротами пѣхоты. Въ распоряженіи генераловъ Фрейтага и Нестерова и полковника Левковича имѣется 11 или 12 баталіоновъ пѣхоты и болѣе 1000 человекъ кавалеріи; но сколько артилеріи — не извѣстно. О томъ, что дѣлается въ Джераховскомъ ущельи нѣтъ никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что командиръ 2-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка получилъ изъ ларскаго отряда записку, въ которой полковникъ Золотаревъ просилъ посѣшить съ баталіономъ въ Ларсъ. Пробѣлъ этотъ пополненъ слѣдующими, полученными въ главномъ штабѣ обстоятельными свѣдѣніями, изложенными въ рапортѣ штабсъ-капитана Марка къ генералу Норденстаму¹⁸⁾: 1) главный наибъ Шамиля Нуръ-Али-мулла и 9 другихъ наибовъ съ партіей около 8-ми тысячъ человекъ до 20-го апрѣ-

¹⁸⁾ Отъ 22-го апрѣля 1846 г. № 7.

ля стояли у верховьевъ Ассы, между селеніями Исмаиловымъ и Хайрыхомъ, около мечети Тхаба-ерды. У галгаевцевъ Нуръ-Али взялъ аманатовъ и старался произвести возстаніе въ кистинскомъ обществѣ и въ аулахъ джераховскаго ущелья. Отсюда онъ намѣренъ былъ выступить къ Пемату, гдѣ стоялъ на позиціи ларсскаго наблюдательный отрядъ, и уже изъ Пемата двинуться на военно-грузинскую дорогу. 2) 20-го апрѣля Нуръ-Али снялся съ позиціи у верховьевъ Ассы и направился двумя отрядами—къ рѣкѣ Тарку и къ джераховскому ущелью. 3) Генералъ-лейтенантъ Гурко, котораго не выпускали изъ Владикавказа, несмотря на его чинъ и высокое положеніе, еще такъ недавно занимаемое имъ въ кавказской арміи, не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ разразившейся надъ краемъ бури. Какъ только до него дошло послѣднее извѣстіе, онъ тотчасъ же взялъ въ свои руки общее командованіе и, подъ своею отвѣтственностью, энергически приступилъ къ обезпеченію военно-грузинской дороги. Къ ларсскому отряду, состоявшему изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 6-ти горныхъ орудій и 500 всадниковъ милиціи, онъ притянулъ изъ селенія Казбекъ находившуюся тамъ на работѣ 8-ю роту Мингрельскаго егерскаго полка; одну военно-рабочую роту приказалъ расположить по постамъ между Пасанауромъ и Казбекомъ на смѣну командѣ Грузинскаго линейнаго № 17 баталіона, которыя немедленно должны были выступить въ Ларсъ на усиленіе наблюдательнаго отряда; другая военно-рабочая рота должна была составить гарнизонъ Ларсскаго укрѣпленія и занять Дарьялъ; полковника Казбека генералъ Гурко просилъ прибыть съ милиціей къ отряду не позже 21-го апрѣля. Но 20-го Нуръ-Али совершенно неожиданно измѣнилъ свой планъ. Въмѣсто того, чтобы прорваться черезъ джераховское ущелье на военно-грузинскую дорогу, онъ снялся съ позиціи у минарета Тхаба-ерды и 21-го остановился въ тарскаго долины у верховьевъ Камбилеевки, имѣя въ виду спуститься съ горъ около Балты или

реданта. Узнавъ о передвиженіи непріятели на новую позицію, полковникъ Золотаревъ тотчасъ же расположился у аула Балты съ 3-мя ротами при 4-хъ орудіяхъ, 60-ю всадниками осетинской милиціи и 15-ю казаками, оставивъ въ Ларсѣ, до прибытія на смѣну военно-рабочей роты, 8-ю роту Мингрельскаго егерскаго полка, которая также должна была войти въ составъ отряда, стоявшаго на позиціи у селенія Балты. Двѣ роты Навагинскаго пѣхотнаго полка при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и пѣшая осетинская милиція занимали попрежнему Пемать для наблюденія за джераховскимъ ущельемъ. Между тѣмъ, покорныя намъ общества владикавказскаго округа и у военно-грузинской дороги продолжали волноваться, и слухъ о намѣреніи ихъ передаться Шамилю со дня на день подтверждался. Понимая, что появленіе русскихъ войскъ вблизи позиціи Нуръ-Али могло успокоительно подѣйствовать на умы колебавшагося населенія и не подозрѣвая, что противъ самой тарской долины стоитъ назрановскій отрядъ, Золотаревъ просилъ генерала Нестерова разрѣшить ему двинуться съ своими 4-мя ротами къ непріятельскому стану. Но прежде нежели отъ начальника назрановскаго отряда полученъ былъ отвѣтъ, Нуръ-Али, въ полдень 22-го апрѣля, по неизвѣстнымъ причинамъ покинулъ эту позицію и потянулся горами въ Малую Чечню. На Ассѣ, близь аула Алкунъ, онъ остановился, разграбивъ по дорогѣ нѣсколько селеній покорныхъ намъ обществъ, предавъ огню Цори-юртъ и взявъ аманатовъ отъ галгаевскаго племени. Этимъ исчерпывались свѣдѣнія о владикавказскомъ округѣ и военно-грузинской дорогѣ, доставленныя преимущественно штабсъ-капитаномъ Маркомъ.

Нуръ-Али больше не показывался въ окрестностяхъ верхней военно-грузинской дороги, и тамъ водворилось полное спокойствіе, нарушаемое лишь грохотомъ безпрестанно падавшихъ заваловъ, задерживавшихъ спѣшившіе на помощь наблюдательному отряду баталіоны. Предписаніе командирамъ полковъ,

расположенныхъ въ Грузіи, имѣть въ совершенной готовности къ выступленію въ походъ по одному баталіону было отмѣнено; войска, направленные изъ Тифлиса на усиленіе ларскаго наблюдательнаго отряда, прошли прямо во Владикавказъ; военно-рабочія роты возвратились въ гудомакарское ущелье, а команды, стянутыя къ Ларсу, разошлись по своимъ постамъ. Туча, висѣвшая надъ этимъ предестнымъ уголкомъ Кавказа, пронеслась мимо!

Что же спасло военно-грузинскую дорогу отъ вторженія и погрома? Письмо генераль-лейтенанта Гурко—клочекъ бумаги. Безъ этого клочка помощникъ начальника штаба генералъ Норденстамъ продолжалъ бы на донесеніе о враждебныхъ намѣреніяхъ непріятеля отвѣчать кабинетными разсужденіями, построенными частью на догадкахъ, частью на самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о характерѣ и обычаяхъ горскихъ народовъ, а Нуръ-Али тѣмъ временемъ успѣлъ бы занять дарьяльскій проходъ, и тогда генералъ Норденстамъ вовсе пересталъ бы получать донесенія. Но быстрое занятіе джераховскаго ущелья и угрожающее положеніе двухъ отрядовъ противъ верховьевъ Камбилеевки, въ виду таресской долины, заставили Нуръ-Али поспѣшно отступить въ горы и отказаться отъ намѣренія прервать сообщенія между Тифлисомъ и сѣвернымъ Кавказомъ, намѣренія далеко не безразсуднаго, если принять во вниманіе силы непріятеля, измѣнническій образъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ покорныхъ намъ обществъ и недостаточность обороны края съ нашей стороны. Не мало содѣйствовало удаленію непріятельскаго скопища послѣдовательное появленіе на военно-грузинской дорогѣ баталіоновъ кавказской гренадерской бригады: 18-го апрѣля показался на ней 2-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка, 19-го—2-й Грузинскаго гренадерскаго, 20-го—того же полка 1-й баталіонъ съ 2-мя горными орудіями. Пылкому воображенію горцевъ, слѣдившихъ за каждымъ шагомъ нашимъ на военно-грузинской

дорогѣ, могло представиться, что этому періодическому прибытію все новыхъ и новыхъ частей на разстояніи одного дня пути и конца не будетъ. Нуръ-Али-мулла, имѣвшій лазутчиковъ во всѣхъ безъ исключенія такъ называемыхъ покорныхъ намъ обществахъ, не могъ не знать о надвигавшихся на него грозныхъ силахъ и предпочелъ, съ награбленной въ мирныхъ аулахъ добычей, до прибытія ихъ удалиться въ болѣе безопасныя мѣста.

VI.

Первые слухи на линіи о сборахъ непріятеля. Сосредоточеніе войскъ въ Грозной. Начало преслѣдованія Шамиля генераломъ Фрейтагомъ. Планъ Фрейтага. Дѣйствія полковника Левковича. Бой у Минарета. Выясненіе плана Шамиля; его операціонный базисъ. Движеніе Нестерова на соединеніе съ Фрейтагомъ. Отступленіе Шамиля. Трудное положеніе нашихъ войскъ. Письмо Шамиля въ Кабарду. Продолженіе преслѣдованія. Ошибка Меллера-Закомельскаго. Удаленіе Шамиля за Сунжу. Временное затишье и новые сборы.

О сборѣ непріятельскихъ партій прежде всѣхъ узналъ начальникъ лѣваго фланга генераль-лейтенантъ Фрейтагъ. 11-го апрѣля онъ послалъ нарочнаго въ г. Моздокъ къ генераль-лейтенанту Гасфорту съ просьбою пріостановить выступленіе въ новороссійскій край первыхъ баталіоновъ ввѣренной ему дивизіи и направить ихъ въ Николаевскую станицу, за исключеніемъ баталіона Замосцскаго егерскаго полка, который до времени долженъ былъ оставаться въ Кизлярѣ, такъ какъ о настоящихъ намѣреніяхъ непріятеля не получено было еще никакихъ свѣдѣній. 12-го апрѣля ему дали знать, что въ Шали находится самъ Шамиль. Онъ вторично послалъ нарочнаго въ Моздокъ съ запиской къ генералу Гасфорту, въ которой просилъ приказать баталіонамъ Модлинскаго пѣхотнаго и Люблинскаго егерскаго полковъ форсированнымъ маршемъ идти къ Николаевской переправѣ, а командирамъ Моздовскаго линей-

наго казачьяго полка полковнику Аминову и Гребенского подполковнику Суслову предписалъ приготовить казаковъ къ выступленію по первому востребованію. 13-го вся чеченская кавалерія начала стягиваться къ шалинской полянѣ, а въ дальнихъ аулахъ Большой Чечни и у Мичика уже сосредоточилась непріятельская пѣхота. Вечеромъ все скопище Шамиля переправилось черезъ Аргунъ и потянулось къ гойтинскому лѣсу. Узнавъ объ этомъ, генералъ Фрейтагъ предписалъ немедленно направить всѣ войска, расположенныя на линіи, въ Грозную, полковнику же Аминову выступить съ моздокскими казаками прямо изъ Наура къ Заканъ-юрту; затѣмъ 14-го, притянувъ изъ Воздвиженскаго 1-й баталіонъ князя Воронцова полка и три роты 3-го баталіона, онъ оставался въ Грозной, ожидая прибытія другихъ войскъ съ линіи. Такъ какъ къ 7-ми часамъ вечера успѣлъ подойти къ сборному пункту только одинъ маршевый баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка, а между тѣмъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи было невозможно, то Фрейтагъ, давъ 3-хъ-часовой отдыхъ этому баталіону, въ 10 часовъ вечера выступилъ изъ Грозной съ 17-ю ротами пѣхоты и сотней казаковъ при 8-ми орудіяхъ ¹⁹⁾. 15-го апрѣля передъ разсвѣтомъ войска подошли къ Заканъ-юрту, присоединивъ къ себѣ на походѣ три сотни Гребенского казачьяго полка, подъ командой подполковника Суслова. Люди маршеваго баталіона, сдѣлавшіе накануне усиленный переходъ съ линіи, подбились, вслѣдствіе чего 300 слабосильныхъ этого баталіона оставлены были въ Заканъ-юртѣ и замѣнены двумя свѣжими ротами Кавказскаго линейнаго № 11 баталіона. Изъ Заканъ-юрта въ 7 часовъ утра отрядъ выступилъ вверхъ по Сунжѣ къ Казахъ-кичу, куда прибылъ въ 11 часовъ. Шамиль стоялъ въ это время на Фор-

¹⁹⁾ Егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка 1-й и 4-й баталіоны въ полномъ составѣ, 3-го баталіона три роты, 5-го двѣ роты, маршевый баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка, сотня казаковъ Донскаго № 26 полка, два орудія Донской казачьей № 1 батареи, 4 орудія Грозненской гарнизонной артилеріи и взводъ линейной казачьей № 15 батареи.

тангѣ, недалеко отъ ачхоевской поляны. Генералъ Фрейтагъ, все еще ничего не зная объ его намѣреніяхъ и опасаясь, чтобы онъ не предпринялъ нападенія на лѣвый флангъ, который былъ теперь совершенно обнаженъ, не пошелъ дальше Казахъ-кичу, а войскамъ, направлявшимся съ линіи на соединеніе съ его отрядомъ, послалъ предписаніе остановиться въ Заканъ-юртѣ. Въ 2 часа пополудни Шамиль выступилъ съ Фортанги и, повернувъ на западъ, сталъ подходить къ Ассѣ, т. е. подаваться къ владикавказскому обругу, гдѣ въ это время, у сѣвернаго края военно-грузинской дороги, маневрировалъ Нуръ-Али съ девятью наибами. Фрейтагъ приготовился уже двинуться по Сунжѣ, въ которую впадаетъ Асса, но непріятель неожиданно повернулъ назадъ, на прежнюю позицію. Посланный изъ отряда лазутчикъ въ полночь возвратился въ лагерь съ извѣстіемъ, что все скопище потянулось вверхъ по Сунжѣ къ одному изъ ея правыхъ притоковъ, Индыркѣ. Въ 2 часа полночи отрядъ выступилъ изъ Казахъ-кичу, оставивъ въ укрѣпленіи 170 человекъ усталыхъ нижнихъ чиновъ на смѣну вошедшей въ составъ отряда роты Кавказскаго линейнаго № 11 баталіона, переименованнаго, какъ уже сказано, въ 5-й баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Въ то же время и войска, прибывшія съ линіи, выступили изъ Заканъ-юрта, а полковнику Аминову послано приказаніе какъ можно скорѣе присоединиться къ колоннѣ въ станицѣ Сунженской. Между тѣмъ пришло извѣстіе отъ начальника назрановскаго отряда генерала Нестерова, что Шамиль съ главными силами остался на правомъ берегу Сунжи, переправивъ на лѣвую сторону часть кавалеріи, отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человекъ. Такъ какъ непріятель, конечно, не для того выступилъ въ поле съ огромнымъ скопищемъ, чтобы бросить за Сунжу для поисковъ небольшую часть кавалеріи, то Фрейтагъ, угадавъ въ этомъ лишь диверсію, приказалъ одному изъ старшинъ Сунженскаго аула отправиться вверхъ по

теченію рѣки на поиски слѣдовъ. Старшина, отъѣхавъ около 10-ти верстъ отъ аула, напалъ на слѣды артилеріи, которые ранѣе того мѣста затоптаны были кавалеріей. Такимъ образомъ стало понятно, что самъ Шамиль не переправлялся еще черезъ Сунжу. Въ полдень отрядъ нашъ выступилъ изъ станицы Сунженской, въ составѣ 5-ти съ половиною баталіоновъ пѣхоты съ 10-ю орудіями и 7-ю сотнями кавалеріи ²⁰⁾, причемъ для большей подвижности обозъ и тяжести были отправлены въ станицу, а съ собой велѣно было взять лишь по двѣ повозки на каждый баталіонъ для больныхъ и раненыхъ. Черезъ нѣсколько времени полковникъ Аминовъ присоединился съ казаками къ отряду и доложилъ генералу Фрейтагу, что изъ Заканъ-юрта уже выступили прибывшіе съ линіи 1-й баталіонъ Прагскаго пѣхотнаго полка и маршевый Дагестанскаго. Но дожидаться ихъ было некогда. Фрейтагъ оставилъ ихъ въ распоряженіи генерала Нестерова, а вмѣстѣ взялъ войска изъ Сунженской станицы. Въ 8 часовъ вечера отрядъ подошелъ къ рѣкѣ Ачалуку (къ сѣверо-западу отъ поворота Сунжи съ юга на востокъ). Здѣсь начальникъ отряда получилъ новое свѣдѣніе отъ генерала Нестерова, что Шамиль въ 5 часовъ вечера прошелъ мимо Константиновскаго укрѣпленія и тѣмъ явно обнаружилъ свое намѣреніе вторгнуться въ Малую Кабарду, о чемъ начальникъ назрановскаго отряда написалъ къ генералъ-маіору Норденстаму, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ донести о положеніи дѣлъ главнокомандующему и командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанту Завадовскому. Въ виду спѣшности дѣла, начальнику лѣваго фланга было не до формальностей; онъ не

---

²⁰⁾ Навагинскаго пѣхотнаго полка 3-й баталіонъ, 5-го баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка (бывшій Кавказскій линейный № 11) три роты, князь Воронцова полка 1-й и 4-й баталіоны, 3 роты 3-го баталіона, двѣ 5-го, маршеваго баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка двѣ роты, Донской казачьей № 1 батареи два взвода, линейной казачьей № 15 батареи 1 взводъ, Грозненской гарнизонной артилеріи 2 взвода, Донскаго казачьяго № 19 полка двѣ сотни, того же войска № 26 полка одна сотня, Гребенскаго линейнаго казачьяго полка 3 сотни и Сунженскаго одна сотня.

могъ даже знать сколько дней простоятъ на мѣстѣ и куда тронется черезъ часъ.

Строгого плана у него не было и не могло быть, но онъ рѣшилъ сосредоточиться въ возможно большемъ числѣ и, не теряя изъ виду непріятеля, преслѣдовать его настойчиво, не утомимо, не давая возможности ему развить операціи въ Кабардѣ. Въ виду полученія новыхъ свѣдѣній, 17-го апрѣля въ 2 часа пополудни Фрейтагъ снялся съ позиціи на Ачалукѣ, двинулся по слѣдамъ Шамиля мимо Константиновскаго укрѣпленія и недалеко отъ него, на рѣкѣ Малой Псидахе, правомъ притока Курпы, остановился на привалѣ. Здѣсь онъ узналъ, что Шамиль ночевалъ на р. Курпѣ, откуда, получивъ свѣдѣнія о настойчивомъ преслѣдованіи его сильнымъ отрядомъ, рѣшился вернуться назадъ; сюда же пришло извѣстіе, что аулъ князя Бековича взятъ и что всѣ жители Малой Кабарды выселяются и слѣдуютъ за непріятелемъ. Въ подтвержденіе послѣднихъ слуховъ со стороны Моздова дѣйствительно были слышны пушечные выстрѣлы. Однако, не вполне довѣряя показаніямъ жителей, которые съ умысломъ могли вводить насъ въ заблужденіе, въ надеждѣ заставить отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, генералъ Фрейтагъ направилъ къ Тереку колонну, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, чтобы узнать о происходящемъ тамъ и точно ли Шамиль предпринялъ обратное движеніе. Съ тою же цѣлью послано было къ рѣкѣ Курпѣ нѣсколько человекъ изъ находившихся при отрядѣ чеченскихъ милиціонеровъ. Эти послѣдніе должны были употребить всѣ старанія, чтобы отыскать слѣды главнаго скопища. Извѣстія, доставленные въ отрядъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ и посланными на развѣдки чеченцами, были тревожны и далеко не согласовались съ успокоительными показаніями жителей: Шамиль не только не думалъ возвращаться по Тереку назадъ, но, напротивъ, двинулъ съ послѣдняго ночлега на Курпѣ наибова Саибдуллу, Дубу и Ата-

бая выселять жителей Малой Кабарды изъ ауловъ, а самъ съ главными силами потянулся къ Большой Кабардѣ. Отрядъ нашъ немедленно выступилъ съ привала. По приближеніи войскъ къ р. Курпѣ, на встрѣчу генералу Фрейтагу выѣхали старшины и офицеры Малой Кабарды, объявившіе что, узнавъ о приближеніи русскихъ, они тотчасъ же возвратили изъ ущелій и лѣсовъ свои арбы съ имуществомъ, и въ заключеніе спрашивавшіе, что имъ теперь дѣлать?—„Оставаться на своихъ мѣстахъ,“ отвѣчалъ имъ лаконически генералъ. Послѣ ночлега, на другой день, на переходѣ отъ рѣки Курпы къ Тереку генерала Фрейтага встрѣтилъ князь Астемиръ, аулъ котораго стоялъ у одного изъ истоковъ Курпы. Онъ также успѣлъ до прихода Шамиля укрыть въ лѣсу, въ безопасномъ мѣстѣ, семейство и все свое имущество. Этотъ князь подтвердилъ, что вся Кабарда уже возстала и только ожидаетъ прибытія Шамиля, чтобы присоединиться къ его скопищу.

— Скажите съ этимъ извѣстіемъ въ Нальчикъ къ начальнику центра князю Голицыну—сказалъ ген. Фрейтагъ Астемиру—и передайте ему отъ меня, что я подхожу съ отрядомъ къ Тереку.

Войска между тѣмъ продолжали подвигаться къ Тереку. Верстахъ въ 6-ти отъ аула Эльхотова (противъ Змѣйской станицы) начальникъ отряда замѣтилъ необыкновенное движеніе и суету—по всѣмъ направленіямъ тянулись арбы и скакали всадники—а въ 10 часовъ утра отрядъ подошелъ къ рѣкѣ, которая была буквально запружена горскимъ обозомъ, рогатымъ скотомъ и лошадьми. Самъ Шамиль стоялъ на противоположномъ берегу Терека. Замѣтивъ приближеніе Фрейтага, онъ тотчасъ же снялся съ позиціи и повернулъ къ Минарету, бросивъ кабардинцевъ со всѣми ихъ тяжестями и оставивъ лишь нѣсколькихъ мюридовъ наблюдать за ихъ переправой. Въ свою очередь, наибы Саибдулла, Дуба и Атабай, выслан-

ные съ ночлега въ Малую Кабарду, догадавшись, что движеніе ихъ внизъ по Тереку нисколько не отвлекло нашего отряда, поспѣшили назадъ на соединеніе съ главными своими силами и ровно въ 10 часовъ утра подошли къ тому мѣсту, куда только-что прибылъ съ отрядомъ Фрейтагъ. Здѣсь произошло между нашими войсками и скопищемъ наибовъ столкновеніе. „Опрокинуть его было дѣломъ одной минуты“, говоритъ Фрейтагъ въ своемъ донесеніи ²¹⁾. Наибы ушли за Терекъ, но пока переправлялись, ихъ громила съ берега 10-тиорудійная батарея. Такъ же, какъ ихъ повелитель, они бросили на произволь судьбы кабардинцевъ, переселенію которыхъ посланы были оказать содѣйствіе, и войскамъ нашимъ досталась богатая добыча: болѣе 500 аробъ, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ, и 2500 головъ крупнаго рогатаго скота, не считая 50-ти плѣнныхъ обоюга пола и различнаго возраста, которыхъ генералъ Фрейтагъ тотчасъ же и отпустилъ, такъ какъ всѣ они оказались жителями Малой Кабарды. Это былъ полууспѣхъ; онъ немогъ удовлетворить начальника отряда, который задался мыслью нанести пораженіе главнымъ силамъ противника. Шамиль, между тѣмъ, переправившись черезъ Терекъ, расположился лагеремъ подлѣ Минарета.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о положеніи края, не зная еще вся ли Кабарда отложила отъ насъ, приняты ли какія нибудь мѣры съ нашей стороны противъ поголовнаго возстанія и стянуты ли войска въ Кабарду, генералъ Фрейтагъ заботился только объ одномъ—не пропустить Шамиля обратно за Терекъ, и потому, двинувшись вверхъ по теченію рѣки, остановился съ отрядомъ противъ непріятельской позиціи. Въ это время къ нему прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ объ отступленіи небольшого отряда полковника Левковича послѣ неудачнаго боя у Минарета.

Канонада, слышанная въ отрядѣ генерала Фрейтага нака-

---

²¹⁾ Отъ 22-го апрѣля 1846 г. № 138.

нунѣ со стороны Моздока, слышна была и въ Екатериноградѣ, куда за 5 дней передъ тѣмъ, 12-го апрѣля, прибылъ съ четвертымъ баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Левковичъ. Получая три дня сряду свѣдѣнія о приближеніи большихъ непріятельскихъ скопищъ къ нашимъ границамъ, этотъ штабъ-офицеръ присоединилъ къ своему баталіону расположенныя въ Екатериноградѣ 3 роты Кубанскаго егерскаго полка, назначенную въ тотъ же полкъ маршевую роту Виленскаго егерскаго полка, два орудія и сотню Горскаго линейнаго казачьяго полка и держалъ этотъ маленькій отрядъ въ постоянной готовности къ выступленію по тревогѣ. Услышавъ 17-го утромъ канонаду со стороны Моздока и полагая, что непріятель подступилъ къ самому городу, или въ его окрестностяхъ наткнулась на скопище какая нибудь часть войскъ, находившихся въ безпрерывныхъ передвиженіяхъ, онъ выступилъ изъ Екатеринограда по дорогѣ къ Моздоку и въ 14-ти верстахъ отъ станицы остановился, чтобы увѣдомить начальника войскъ, расположенныхъ въ Моздокѣ, о своемъ движеніи. Но не успѣлъ онъ отправить нарочнаго, какъ къ нему прискакалъ курьеръ изъ станицы Александровской отъ командира Владикавказскаго линейнаго казачьяго полка полковника Ильинскаго съ извѣстіемъ, что непріятель, переправившись на лѣвый берегъ Терека, намѣренъ проникнуть въ Большую Кабарду, вслѣдствіе чего станицамъ нижней военно-грузинской дороги угрожаетъ опасность. Левковичъ поспѣшилъ вернуться въ станицу Екатериноградскую, изъ которой форсированнымъ маршемъ продолжалъ движеніе на югъ, къ станицѣ Александровской, куда послѣ 60-ти-верстнаго перехода и прибылъ въ половинѣ 11-го вечера. Здѣсь онъ переночевалъ, а 18-го утромъ опять услышалъ канонаду на Терекѣ. То была салютаціонная пальба въ лагерьъ Шамиля, возвѣщавшая всему окрестному кабардинскому населенію о побѣдоносномъ вступленіи его въ наши владѣнія; канонада же 18-го бы-

ла въ отрядѣ генерала Фрейтага, громившаго съ праваго берега Терекъ бѣжавшихъ изъ Малой Кабарды наибова Саибдулу, Дубу и Атабая. Усиливъ отрядъ сотнею Владикавказскаго линейнаго казачьяго полка, Левковичъ двинулся по направленію выстрѣловъ, къ минаретскому ущелью. Подходя къ Урухской станицѣ, онъ увидѣлъ впереди зарево двухъ пожаровъ — это пылали змѣйскій и минаретскій посты, сожженные непріателемъ. Значить, Шамиль былъ близко. Миновавъ минаретскій постъ, Левковичъ занялъ своимъ отрядомъ довольно крѣпкую позицію вправо отъ аула Хату Анзорова, откуда наконецъ увидѣлъ непріателя, расположившагося на высотахъ, прикрывавшихъ переправу черезъ Терекъ. Онъ рѣшилъ предпринять атаку, и съ этою цѣлью приблизился къ Тереку на пушечный выстрѣлъ, но непріатель самъ перешелъ въ наступленіе скопищемъ изъ 5-ти тысячъ человѣкъ при 3-хъ орудіяхъ. Завязался ожесточенный бой, длившійся около 5-ти часовъ, то ослабѣвая, то усиливаясь, но не прекращаясь ни на минуту. Непріатель нѣсколько разъ бросался въ шашки и подвозилъ свои орудія на картечный выстрѣлъ. Отрядъ, выстроившись въ каре, встрѣчалъ атакующихъ штыками, ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе нашихъ войскъ, въ особенности 4-го баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, выказавшаго въ этотъ день необыкновенную стойкость, много самоотверженія и присутствія духа, Левковичъ былъ отброшенъ сначала на прежнюю позицію въ 4-хъ верстахъ отъ Урухской станицы, а затѣмъ и къ самой станицѣ. Поле битвы и переправа черезъ Терекъ остались за непріателемъ. Потеря, понесенная въ этомъ дѣлѣ маленькимъ отрядомъ ²²⁾ полковника Левковича, свидѣтельствуешь объ упорствѣ боя и геройскомъ поведеніи участвовавшихъ въ немъ: выбыло изъ строя убитыми 17, ранеными и контуженны-

---

²²⁾ Въ колоннѣ полковника Левковича было всего 1590 штыковъ.

ми 142 ²³⁾. Обоза при отрядѣ не было никакого, отчего убитыхъ и раненыхъ пришлось нести на рукахъ, что еще болѣе увеличило убыль въ войскахъ.

Узнавъ о неудачномъ дѣлѣ у Минарета, генераль Фрейтагъ выдѣлилъ туда колонну изъ 3-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій и 5-ти сотень казаковъ Моздокскаго полка, подъ начальствомъ барона Меллера-Закомельскаго. Движеніе этой колонны спасло малочисленный отрядъ Левковича, такъ какъ Шамиль, въ виду приближенія свѣжихъ войскъ, не рѣшился ее преслѣдовать.

Около Минарета, недалеко отъ змѣйскаго поста, къ нижней военно-грузинской дорогѣ подходитъ высокій, покрытый лѣсомъ хребетъ горъ. Нѣкоторыя покатости у самой подошвы его обнажены и изрѣзаны глубокими оврагами по всѣмъ направленіямъ. На гребнѣ этого хребта Шамиль расположилъ свой лагерь. Отсюда ему видна была вся возвышенная кабардинская плоскость, и ни одно движеніе самыхъ малыхъ частей нашихъ войскъ не могло укрыться отъ его глазъ; отсюда же онъ видѣлъ и приближеніе колонны барона Меллера-Закомельскаго. Узнавъ о направленіи отряда генерала Фрейтага къ Ачалуку, онъ сильно былъ встревоженъ и нѣсколько разъ повторилъ: „Только бы мнѣ добраться до Минарета—и я спасенъ.“ Когда слова эти переданы были Фрейтагу, тогда только онъ понялъ настоящій смыслъ одного мѣста въ писемѣ Шамя къ наибамъ Талгику и Батѣ: „орудія я хочу поставить возлѣ самой непріятельской дороги.“ Слѣдовательно еще до выступленія съ войсками изъ Ичкеріи Шамиль мечталъ о позиціи у Минарета, какъ о стратегическомъ базисѣ всѣхъ своихъ боевыхъ операцій, откуда онъ могъ вліять на Кабар-

---

²³⁾ Убиты: Кубанскаго егерскаго полка капитанъ Трелицкій, нижнихъ чиновъ 16; ранены: Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Якоби и подпоручикъ Горчаковъ, нижнихъ чиновъ 85; контужены: командиръ 4-го баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка и начальникъ екатериноградскаго отряда полковникъ Левковичъ, ядромъ въ правую ногу, Кубанскаго егерскаго полка капитанъ Старцевъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Цальчинскій и прапорщикъ Перозіо, нижнихъ чиновъ 53. Больше всего пострадали войска отъ артилерійскихъ снарядовъ.

ду, смежную съ ней Осетию и дѣйствовать на сообщенія сѣвернаго Кавказа съ Грузіей, едва не прерванныя смѣлымъ маневромъ Нуръ-Али-муллы.

Позиція Шамиля была сильна, почти неприступна. Несмотря на это, генераль Фрейтагъ рѣшилъ атаковать ее, притянувъ къ себѣ отрядъ генерала Нестерова. Онъ наскоро, карандашемъ, написалъ ему записку, въ которой просилъ присоединиться къ нему съ войсками владикавказскаго округа:

„Въ 10 или 11 часовъ я прибылъ въ деревню Элшотово (Эльхотово), гдѣ захватилъ до 500 аробъ и болѣе 2-хъ тысячъ штукъ рогатаго скота. Партія бѣжала и расположилась на лѣвомъ берегу Терека, на второмъ уступѣ горъ. Полковникъ Левковичъ съ двумя баталіонами прибылъ въ Урухъ. Чтобы не пропустить Шамиля за Терекъ я двинулся вверхъ по правому берегу, приказалъ Левковичу также подаваться впередъ. Шамиль сильно атаковалъ Левковича. Я послалъ къ нему Меллера съ тремя баталіонами пѣхоты, тремя сотнями казаковъ при 4-хъ орудіяхъ. Меллеръ прогналъ партію и, кажется, подается впередъ. Вотъ положеніе, въ которомъ находятся дѣла. Привези моему отряду хлѣба и соли, а то люди переболѣютъ. Если у тебя все спокойно и ты можешь отлучиться на два дня, то я полагаю бы тебя притянуть къ себѣ, чтобы атаковать Шамиля. Голицынъ ничего не дѣлаетъ, а кабардинскія арбы понемногу все подтягиваются къ лагерю Шамиля. Ради Бога, привези хлѣба, а еще лучше—еслибы ты привезъ сухарей; четвертей 70 или 80 станетъ мнѣ.“

До этого времени генераль Нестеровъ не трогался съ передовой линіи, прикрывая Сунжу и назрановскіе аулы. 17-го апрѣля его увѣдомили, что Фрейтагъ настигаетъ Шамиля между Терекомъ и Курпою, а изъ Ларса онъ получилъ спѣшное донесеніе, что значительное непріятельское скопище показывается на границѣ галгаевскаго общества. Въ помощь ларскому отряду онъ отдѣлилъ отъ назрановскаго двѣ роты 1-го баталіона Навагинскаго пѣхотнаго полка съ 4-мя горными орудіями, подъ командой маіора князя Лукомскаго. Передъ ве-

черомъ прибыли на Сунжу вытребованные Фрейтагомъ съ линіи 1-й баталіонъ Прагскаго пѣхотнаго полка и маршевый Дагестанскаго. Такое значительное подкрѣпленіе дало возможность Нестерову усилить гарнизонъ назрановскаго укрѣпленія маршевымъ баталіономъ, а самому выступить изъ Назрана съ 4-мъ баталіономъ Навагинскаго, 1-мъ Прагскаго пѣхотнаго и 1-мъ Кубанскаго егерскаго полковъ при 6-ти орудіяхъ и съ 5-ю сотнями линейныхъ казаковъ, чтобы занять на ночь позицію въ 20-ти верстахъ отъ Назрана, на рѣкѣ Камбилеевкѣ, откуда можно было слѣдить за непріятелемъ и его дальнѣйшимъ отступленіемъ. Такъ какъ до разсвѣта не пришло никакихъ свѣдѣній, то Нестеровъ направился съ ночлега внизъ по Тереку, между этой рѣкой и Камбилеевкой, имѣя въ виду придвинуться къ операціонной линіи Фрейтага. 18-го его встрѣтилъ за упраздненнымъ елизаветинскимъ постомъ нарочный съ запиской отъ Фрейтага, въ которой начальникъ отряда увѣдомлялъ, что идетъ по слѣдамъ Шамиля и въ полдень будетъ переправляться черезъ Терекъ при впаденіи въ него Ардона. Нестеровъ поспѣшилъ къ Тереку, перешелъ на лѣвый берегъ, ночью прибылъ къ Ардону и тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Фрейтагомъ. Получивъ отъ него новое свѣдѣніе, что Шамиль занимаетъ крѣпкую позицію у минаретскаго поста и что 19-го на разсвѣтѣ Фрейтагъ намѣренъ предпринять атаку вмѣстѣ съ назрановскими войсками, Нестеровъ двинулся послѣ кратковременнаго отдыха на соединеніе съ его отрядомъ. Дорогою, въ селеніи Николаевскомъ, онъ узналъ, что непріятель съ величайшею поспѣшностью бросилъ позицію у Минарета и потянулся на западъ. Извѣстіе это принесено было лазутчикомъ изъ лагеря Шамиля въ 2 часа пополудни. Сначала думали, что имамъ двинулся въ Чечню, и потому сдѣланы были распоряженія для преслѣдованія его въ этомъ направленіи, но посланный на разсвѣтѣ къ Минарету подполковникъ Слѣпцовъ прислалъ сказать генералу Фрейтагу,

что все скопище ушло въ глубь Большой Кабарды и онъ идетъ по его слѣдамъ къ аулу Магомедъ-мирзы Анзорова; Шамиль же не просто снялся, а бѣжалъ съ позиціи, такъ какъ въ лагерѣ его осталось болѣе 1000 чугунныхъ котловъ, запасы муки и проса и множество другихъ предметовъ; даже убитыхъ наканунѣ не успѣли предать землѣ. Опасаясь за Назранъ и Сунжу, оставшихся не прикрытыми вслѣдствіе выступления съ передовой линіи отряда, притомъ въ такое время, когда въ горахъ около верхней военно-грузинской дороги собирались значительные отряды непріятельской пѣхоты, генералъ Фрейтагъ самъ пошелъ на встрѣчу Нестерову. У переправы черезъ Терекъ его нагнали осетины, сообщившіе, что Шамиль, спустившись внизъ по рѣкѣ Уруху, перешелъ обратно Терекъ. Въ то же время стъ командира Владикавказскаго линейнаго казачьяго полка полковника Ильинскаго прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что открыты слѣды огромной непріятельской партіи по Тереку, недалеко отъ станицы Александровской. Какъ ни невѣроятно было это новое свѣдѣніе, тѣмъ не менѣе оно заставило Фрейтага поспѣшить въ Николаевское на соединеніе съ Нестеровымъ. Оба отряда прибыли туда одновременно—одинъ изъ окрестностей Минарета, другой изъ Ардона. Изъ селенія Николаевскаго были посланы мелкіе разъѣзды для отысканія слѣдовъ, о которыхъ извѣщалъ полковникъ Ильинскій, и отправленъ нарочный въ станицу Урухскую съ предписаніемъ полковнику Левковичу непременно открыть слѣды непріятели и, если окажется, что онъ дѣйствительно перешелъ обратно черезъ Терекъ, настойчиво преслѣдовать его. Эти свѣдѣнія имѣли большую важность для Фрейтага: безъ нихъ ему трудно было ориентироваться въ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній и сообразить дальнѣйшія свои операціи.

Принявъ въ соображеніе, что преслѣдованіемъ непріятели съ какою бы то ни было быстротою трудно достигнуть

цѣли, но легко изнурить войска, Фрейтагъ цѣлый день провелъ въ бездѣйствіи въ селеніи Николаевскомъ ²⁵⁾, ожидая положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Помощь генерала Нестерова теперь была не нужна, и онъ получилъ приказаніе вернуться обратно въ Назранъ, чтобы принять Шамиля около Индыра на Сунжѣ, еслибы послѣдній вздумалъ вернуться въ Чечню по той же дорогѣ, по которой вышелъ въ Кабарду. Цѣлый день прошелъ въ ожиданіи. Только къ 10-ти часамъ вечера прибыли къ генералу Фрейтагу два назрановца, изъ числа посланныхъ утромъ за Терекъ на развѣдки о непріятелѣ, и сообщили, что Шамиль направился къ верховьямъ Уруха, гдѣ долженъ ночевать у какого-то эфенди. Имамъ отправилъ трехъ человѣкъ въ Георгіевскъ для переговоровъ съ крещеными кабардинцами, которые также имѣли намѣреніе передаться ему, а за Кубань послалъ нарочныхъ къ черкесскимъ племенамъ, ожидавшимъ его прибытія съ полною готовностью исполнить всѣ его требованія. Положеніе такимъ образомъ становилось довольно серьезнымъ. Грозящую опасность можно было предотвратить только быстрыми и рѣшительными мѣрами. Къ полковнику Левковичу на Урухъ поскакалъ нарочный съ предписаніемъ немедленно выступить въ Нальчикъ, а въ Тифлисъ полетѣла просьба—возможно скорѣе направить войска изъ Закавказья. 20-го апрѣля въ 2 часа пополуночи Фрейтагъ выступилъ изъ с. Николаевскаго и, прослѣдовавъ черезъ аулъ Магомедъ-мирзы Анзорова, прибылъ въ 6 часовъ вечера къ Череку, одному изъ правыхъ притоковъ Терека, гдѣ уже засталъ отрядъ полковника Левковича. Проходя мимо прежней позиціи Шамиля у минаретскаго поста, генералъ внимательно осмотрѣлъ ее—она дѣйствительно была крѣпка и надежна, но, при всей своей силѣ съ фронта, не имѣла пути отсту-

---

²⁵⁾ Станица на Бѣлой рѣкѣ, впадающей въ Терекъ съ правой стороны, къ сѣверо-западу отъ Ардона. Почти во всѣхъ донесеніяхъ ее называютъ селеніемъ, въ отличіе отъ другой станицы того же имени, расположенной на самомъ Терекѣ, у переправы между Червленной и Грозной.

пленія, что и вынудило, вѣроятно, Шамиля удалиться такъ поспѣшно. Совершенно незнакомый съ топографіей края и не имѣя ни свѣдущихъ проводниковъ, ни плановъ подъ рукой, генераль Фрейтагъ обратился къ начальнику центра генераль-маіору князю Голицыну за нѣкоторыми свѣдѣніями, въ которыхъ въ настоящую минуту болѣе всего нуждался. Онъ спрашивалъ его, гдѣ находился Шамиль, какіе аулы оставались на своихъ мѣстахъ, есть ли какая нибудь возможность остановить выселеніе кабардинцевъ, гдѣ расположены войска центра кавказской линіи, какія части направлены въ Кабарду для возстановленія спокойствія и какія имѣются средства для продовольствія войскъ? Въ ожиданіи же отвѣта на запросные пункты начальникъ отряда предписалъ полковнику Ильинскому озаботиться заготовленіемъ сухарей во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, и донести ему, въ какомъ состояніи находятся продовольственные магазины по военно-грузинской дорогѣ. Отъ князя Голицына скоро получены были свѣдѣнія: Шамиль находился въ аулѣ князя Казіева, въ 6-ти верстахъ отъ Черека; за исключеніемъ слабыхъ гарнизоновъ по укрѣпленіямъ, никакихъ войскъ въ центрѣ кавказской линіи не было, вслѣдствіе чего притянуть въ Нальчикъ, гдѣ находился Голицынъ, баталіонъ пѣхоты съ 3-мя сотнями казаковъ, подъ командой полковника Беклемишева, который долженъ прибыть 21-го апрѣля; кромѣ того, генераль-лейтенантъ Гасфортъ съ баталіономъ пѣхоты, 3-мя сотнями казаковъ и 2-мя орудіями, переправившись черезъ Малку у станицы Прохладной, двигался къ Нальчику. Далѣе сообщалось, что продовольствія вообще очень мало, а относительно Кабарды было достоверно извѣстно, что тамъ не только ни одного аула, но даже ни одного человѣка не осталось на мѣстѣ ²⁶).

---

²⁶) Князь Голицынъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, когда къ нему вѣжалъ ординарецъ, весь блѣдный, и, заикаясь, проговорилъ: „Ваше сіятельство, Шамиль въ Кабардѣ!“ У генерала ложка выпала изъ рукъ и онъ не могъ слова произнести, оставаясь нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Въ письмѣ своемъ къ Норденстаму отъ 19-го апрѣля генераль Гурко го-

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла въ Кабардѣ къ 20-му апрѣля. Фактически мы владѣли только укрѣпленіями и станицами, расположенными по нижней военно-грузинской дорогѣ; правильныя сообщенія были прерваны. Дальнѣйшую погоню за скопищемъ Шамиля генераль Фрейтагъ считалъ бесполезной и утомительной. Шамиль постоянно имѣлъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о расположеніи и передвиженіяхъ нашихъ отрядовъ и потому всегда имѣлъ возможность избѣгать встрѣчи съ ними, или же, отвлекая ихъ въ одну сторону, дѣлать неожиданно нападенія на какіе нибудь пункты въ другой, противоположной сторонѣ. Начальнику отряда оставалось теперь одно—сохранить то, чѣмъ мы владѣли, и возстановить наши сообщенія. Онъ просилъ генераль-маіора князя Голицына, по присоединеніи къ нему отряда полковника Беклемишева, наблюдать за дорогой между Нальчикомъ и Извѣстнымъ бродомъ и давать ему знать о всѣхъ движеніяхъ Шамиля; самъ же онъ намѣренъ былъ оставаться въ Черекскомъ укрѣпленіи, какъ центральномъ пунктѣ, и тамъ ожидать прибытія войскъ, направленныхъ изъ Грузіи на усиленіе его отряда. Для обезпеченія нижней военно-грузинской дороги онъ выслалъ въ 7 часовъ утра 21-го апрѣля колонну, подъ начальствомъ барона Меллера-Закомельскаго, изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и 5-ти сотень казаковъ при 6-ти орудіяхъ, приказавъ ему слѣдовать въ станицу Урухскую, откуда доставить двѣ экстра-почты въ станицу Николаевскую и возвратиться затѣмъ въ лагерь. Этимъ движеніемъ отчасти прикрывалась Малая Кабарда и нижняя военно-грузинская дорога.

Однако войска, прибывшія съ генераломъ Фрейтагомъ въ Черекское укрѣпленіе, не могли долго тамъ оставаться. Они выступили изъ Грозной безъ тяжестей и то немногое, что взяли съ собою, бросили въ станицѣ Сунженской; сверхъ то-

---

ворить между прочимъ: „О князь Голицынъ съ милиціей и не слышать; онъ, какъ полагають, заперся въ Нальчикѣ.“

го, по разнымъ станицамъ и укрѣпленіямъ разбросаны были отсталые нижніе чины, взамѣнъ которыхъ изъ тѣхъ же станицъ и укрѣпленій взяты другіе; тѣхъ и другихъ нужно было возвратить къ своимъ частямъ. Лѣвый флангъ также немало озабочивалъ генерала Фрейтага. Возстаніе въ Кабардѣ могло распространиться на кумыкское владѣніе, жители котораго, какъ и всѣхъ вообще мусульманскихъ провинцій, не отличались непоколебимой преданностью русскому престолу и очень легко могли увлечься примѣромъ сосѣднихъ народовъ. Но главное—линія была обнажена и на лѣвомъ флангѣ не было ни войскъ, ни начальника ²⁷⁾. Положеніе было очень трудное. 22-го апрѣля еще не имѣлось никакихъ положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, почему Фрейтагъ продолжалъ занимать позицію на Черекѣ, прикрывая всю низменную полосу Кабарды и сохраняя возможность поспѣть къ центру, на помощь кн. Голицыну, въ случаѣ движенія Шамиля къ Нальчику, о чемъ уже носились слухи. Для обезпеченія же своихъ сообщеній съ лѣвымъ флангомъ онъ приказалъ барону Меллеру-Закомельскому расположиться въ станицѣ Урухской, возложивъ на него отвѣтственность за безопасность нижней военно-грузинской дороги. Продовольствія въ отрядѣ оставалось только на два дня, а тутъ, къ довершенію всего, Ильинскій донесъ, что въ магазинахъ военно-грузинской дороги нѣтъ никакихъ запасовъ. Тогда Фрейтагъ обратился къ князю Голицыну съ просьбой выслать ему изъ Нальчика 100 четвертей сухарей, а генералъ-лейтенанта Гасфорта, стоявшаго съ отрядомъ на Малкѣ, просилъ доставить въ Нальчикъ какими бы то ни было средствами провіантъ, подъ прикрытіемъ тѣхъ войскъ, какія имѣются у него подъ рукою.

На разсвѣтѣ 23-го апрѣля Шамиль снялся съ позиціи на Урухѣ, выславъ къ бывшему Урванскому укрѣпленію свою кавалерію, которая и расположилась здѣсь лагеремъ на сооб-

---

²⁷⁾ Генералъ Фрейтагъ не зналъ о прибытіи ген. Козловскаго въ Грозную.

щеніи Нальчика съ Черекскимъ укрѣпленіемъ, точно Шамиль зналъ о бѣдственномъ положеніи отряда и объ ожидавшемся транспортѣ съ продовольствіемъ изъ Нальчика. Чтобы отвратить этотъ маневръ Фрейтагъ выступилъ изъ Черекскаго укрѣпленія въ 7 часовъ утра къ Урвани, но непріятель, несмотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не принявъ боя, началъ поспѣшно отступать къ ущелью рѣки Черекъ. Подполковникъ Слѣпцовъ со своими сунженскими казаками и сотнею Гребенского полка, поддерживаемый остальною кавалеріей, бывшею подъ начальствомъ подполковника Сулова, бросился по слѣдамъ непріятеля и настигъ его у входа въ ущелье. Здѣсь произошла схватка, послѣ которой непріятель оставилъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; съ нашей же стороны ранены Гребенского казачьяго полка хорунжій Семенкинъ и 3 сунженскихъ казака. Такъ какъ позиція при упраздненномъ Урванскомъ укрѣпленіи обезпечивала сообщенія съ Нальчикомъ, откуда только и можно было получать въ данное время нѣкоторыя свѣдѣнія и продовольствіе, то Фрейтагъ расположилъ кавалерію на возвышенности впереди Урвани, а пѣхоту оставилъ внизу у самой рѣки. Въ полдень новая позиція Шамиля, на высотѣ между рѣками Лезгеномъ и Сукимомъ, была открыта нашими разъѣздами, а вечеромъ пришло отъ полковника барона Меллера-Закомельскаго донесеніе о перестрѣлкѣ, происходившей между моздокскими казаками, высланными осматривать лѣвый берегъ Терека, и переселявшимися въ горы кабардинцами. Казаки отбили скотъ у кабардинцевъ, двухъ изъ нихъ убили и двухъ взяли въ плѣнъ. Въ тотъ же день генераль-майоръ кн. Голицынъ препроводилъ къ Фрейтагу переводъ съ письма Шамиля къ старшему князю Большой Кабарды подполковнику Атажукину:

„Отъ князя всѣхъ мусульманскихъ народовъ Шамиля къ братьямъ моимъ Хаджи-Мисоусту Атажукину и прочимъ узденямъ. Желаю вамъ полнаго благополучія. Увѣдомляю васъ, что я съ моимъ войскомъ, всегда

хранимымъ Богомъ, прибылъ на рѣку Сукимъ-су, имѣя у себя нѣсколько пушекъ и достаточно пороху. Прибылъ я на помощь тѣмъ, кто признаетъ единого Бога, къ вамъ, мои единовѣрцы, и на погибель невѣрныхъ и тѣхъ изъ мусульманъ, которые пристанутъ къ русскимъ. Если вы любите Бога и желаете быть счастливыми въ этомъ мѣрѣ и въ будущемъ, вы должны какъ можно скорѣе прибыть ко мнѣ для совѣщаній объ общей нашей пользѣ, или же написать, что вы найдете для себя полезнымъ. Подумайте о будущемъ и знайте, что я не приму отъ васъ никакихъ оправданій.“

Кабарда, призвавшая Шамиля къ себѣ, обѣщала возстать поголовно и соединиться съ нимъ для дѣйствій противъ русскихъ; на такое же содѣйствіе онъ могъ рассчитывать и со стороны закубанскихъ племенъ, гдѣ еще ранней весной приверженцы его собирались для тайныхъ совѣщаній. Шамиль съ своей стороны далъ торжественное обѣщаніе снести всѣ станицы и укрѣпленія по Тереку и впадающимъ въ него рѣкамъ. Однако ни та, ни другая сторона не исполнила пока своихъ обѣщаній. Кабардинцы хотя и отстали отъ русскихъ, но еще не рѣшались открыто поднять оружіе противъ насъ; они говорили Шамилю — „сдержи ты свое слово, тогда и мы сдержимъ свое.“ На это Шамиль отвѣтилъ: „дайте мнѣ прежде съ каждаго дома по одному всаднику, и тогда увидите —останется ли хоть одинъ русскій въ цѣлой Кабардѣ.“ Между тѣмъ аулы по рѣкамъ Чегему, Баксану и Малкѣ, видя, что Шамиль не трогается съ мѣста и что наши отряды находятся въ непрерывныхъ передвиженіяхъ между ними и его скопищемъ, не смѣли открыто высказаться за ту или другую сторону. Не отрываясь отъ полевыхъ работъ, они ожидали развязки разыгрывающейся драмы.

Въ ночь на 24-е апрѣля начальникъ центра уведомилъ генерала Фрейтага, что можетъ удѣлить его отряду 100 четвертей сухарей, вслѣдствіе чего съ разсвѣтомъ выслана была къ Нальчику подвижная колонна, подъ командой подполков-

ника Кульмана. Къ вечеру она возвратилась на Урвань, но привезла, вмѣсто обѣщанныхъ ста, 52 четверти и ни одного снаряда, о которыхъ также просилъ Фрейтагъ. Тогда начальникъ отряда вторично отправилъ нарочнаго на Малку съ запискою о скорѣйшемъ направленіи въ Нальчикъ транспорта съ провіантомъ и снарядами. 25-го числа генералъ Нестеровъ увѣдомилъ Фрейтага, что изъ Грузіи начинаютъ подходить войска къ Владикавказу, но отъ этого положеніе отряда становилось не лучше: конечно, онъ нуждался въ сильныхъ подкрѣпленіяхъ, но чѣмъ больше прибудетъ войскъ, тѣмъ труднѣе будетъ ихъ продовольствовать. Фрейтагъ приказалъ беречь высланный изъ Нальчика провіантъ на случай передвиженій и довольствоваться пока мѣстными средствами, т. е. запасами, найденными въ кабардинскихъ аулахъ.

25-го апрѣля на непріятельской позиціи не было замѣчено обычнаго движенія и суеты, точно лагерь Шамиля вдругъ опустѣлъ. Это показалось Фрейтагу подозрительнымъ и онъ тотчасъ же выслалъ къ сторонѣ Сукимъ-су на развѣдки сильный кавалерійскій отрядъ. Рекогносцирующие вернулись въ сумерки съ извѣстіемъ, что шалаши и палатки стоятъ на своихъ мѣстахъ, но въ нихъ никого нѣтъ; все же скопище Шамиля спустилось въ глубокую лощину, гдѣ и притаилось. 26-го, въ седьмомъ часу утра, со стороны Терека была услышана сильная канонада. Хотя густой туманъ, нависшій надъ плоскостью, и частый дождь не позволяли различать предметовъ даже на близкомъ разстояніи, но не подлежало сомнѣнію, что Шамиль скрытно ночью снялся съ позиціи и потянулся къ Тереку. Генералъ Фрейтагъ немедленно двинулся по направленію выстрѣловъ, но они прекратились, когда онъ сталъ подходить къ Черекскому укрѣпленію. Получивъ здѣсь увѣдомленіе отъ князя Голицына, что Шамиль предпринялъ диверсію къ сторонѣ Терека, чтобы отвлечь нашъ главный отрядъ, а самъ шелъ на Баксанъ возмутить остальную Кабарду,

Фрейтагъ остановился у Черекскаго укрѣпленія, ожидая подтвержденія свѣдѣній съ Терека, куда для этой цѣли отправилъ на развѣдки лазутчиковъ. Въ полдень къ нему прискакалъ нарочный съ донесеніемъ отъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, что Шамиль переправился черезъ Терекъ у Минарета, а онъ, усиливъ свою колонну тремя сотнями линейныхъ казаковъ Моздокскаго полка, идетъ по его слѣдамъ. Фрейтагъ, не теряя ни минуты, собралъ всю кавалерію, какая была у него въ отрядѣ, присоединилъ къ ней изъ Черекскаго укрѣпленія еще одну сотню Донскаго № 11 полка и двинулся къ станицѣ Урухской; пѣхота получила приказаніе слѣдовать туда же. Генераль-маіору Нестерову онъ отправилъ предписаніе слѣдовать со всѣми войсками назрановскаго отряда вдоль Сунжи, стараясь преградить Шамилю обратный путь въ Чечню. Затѣмъ, прибывъ въ станицу Урухскую, онъ приказалъ полковнику Левковичу оставаться съ 4-мъ баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка и 2-мъ Кубанскаго егерскаго въ этой станицѣ, а подполковнику Кульману выступить съ остальною пѣхотою въ Назрань, откуда слѣдовать, по Сунжѣ, размѣнявъ предварительно войска, взятые изъ укрѣпленій, и захвативъ съ собою тяжести изъ Сунженской станицы. Въ 4 часа пополудни Фрейтагъ уже переправился черезъ Терекъ. Слѣдуя далѣе такими же усиленными переходами по лѣвому берегу Терека днемъ и ночью, почти безъ отдыха, онъ на другой день, 27-го апрѣля, въ 8 часовъ вечера прибылъ въ Казахъ-кичу. Но какъ ни быстро двигался его отрядъ, ему не удалось настигнуть Шамиля.

Слышанная наканунѣ въ 6 часовъ утра канонада происходила между колонной барона Меллера-Закомельскаго и главными силами Шамиля. Ожидая непріятеля у Минарета, баронъ занялъ неприступную позицію, съ которой 18-го апрѣля Шамиль нанесъ пораженіе отряду полковника Левковича, но вмѣсто того, чтобы держаться на ней и не допустить непріятеля къ

переправѣ, онъ спустился съ высотъ и пошелъ на встрѣчу имаму. Это была крупнѣйшая ошибка, которой Шамиль тотчасъ же и воспользовался. Быстрымъ движеніемъ онъ занялъ опрометчиво покинутую нашими войсками позицію и, опираясь на нее, началъ переправлять свое скопище. Хотя баронъ Меллеръ-Закомельскій и атаковалъ непріятеля при переправѣ, но было уже поздно, чтобы помѣшать этой операціи и задержать его у рѣки, поставивъ между двухъ огней. Однако непріятель понесъ значительный уронъ, съ нашей же стороны убыль состояла изъ одного убитаго, 21-го раненаго и 2-хъ контуженныхъ. Вслѣдъ за непріятелемъ переправился черезъ Терекъ и Меллеръ-Закомельскій, увѣдомивъ запиской генерала Фрейтага, что преслѣдуетъ Шамиля „по пятамъ, не давая ему останавливаться.“ Это было похоже на иронію. Шамиль, узнавъ, что генералъ Нестеровъ идетъ ему наперерѣзъ къ рѣкѣ Ачалуку, и видя, что Меллеръ-Закомельскій не отстаетъ отъ него, избралъ путь на Самашки—къ двумъ раззореннымъ ауламъ Малой Чечни на лѣвомъ берегу Сунжи, отдѣленнымъ отъ Терека почти стоверстнымъ безводнымъ пространствомъ Малой Кабарды. Баронъ Меллеръ-Закомельскій не рѣшился идти туда, имѣя у себя войска, утомленные форсированными переходами и изнуренные лишеніями послѣднихъ дней. Онъ повернулъ на Ачалукъ и въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Сунженскую станицу.

Генералъ Нестеровъ, согласно полученной имъ отъ начальника главнаго отряда инструкціи, направилъ вдоль Сунжи къ Казахъ-кичу 3 роты Навагинскаго пѣхотнаго полка, роту Кубанскаго егерскаго, двѣ сотни линейныхъ казаковъ Горскаго и сотню Донскаго № 26 полковъ, подъ командой маіора барона Розена. Войска эти прибыли въ Казахъ-кичу въ 3 часа пополудни. Между тѣмъ непріятель послѣ изумительнаго полуторасуточного перехода, нигдѣ не останавливаясь отъ самой переправы черезъ Терекъ, утромъ 27-го апрѣля показалъ

ся на гребнѣ сунженскаго хребта, въ 7-ми верстахъ отъ Казахъ-кичу. На безводномъ пространствѣ, куда баронъ Меллеръ-Закомельскій не отважился идти за нимъ, онъ потерялъ 8 человекъ умершими отъ жажды. Спустившись съ сунженскаго хребта, Шамиль началъ поспѣшно переправлять свое скопище и прежде всего артилерію. Гарнизонъ Казахъ-кичу состоялъ въ это время изъ 400 человекъ пѣхоты. Военскій начальникъ укрѣпленія подполковникъ Костырко не рѣшился бросить его и выступить съ ничтожной горстью гарнизона противъ непріятеля, густыми массами покрывавшаго весь берегъ у переправы. Въ 3 часа пополудни подошелъ къ нему майоръ баронъ Розень съ своей маленькой колонной. Усиливъ эту колонну 2-мя ротами маршевыхъ баталіоновъ Дагестанскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ и оставивъ въ укрѣпленіи всего 150 человекъ, подполковникъ Костырко двинулся на встрѣчу непріятелю съ цѣлью помѣшать его переправѣ, но засталъ на лѣвомъ берегу Сунжи только хвостъ огромнаго скопища. Онъ поставилъ въ рядъ 4 орудія и открылъ изъ нихъ огонь по арьергарду. Шамиль отвѣчалъ ему изъ своихъ 5-ти орудій, стоявшихъ уже на позиціи за правымъ берегомъ Сунжи. Такъ какъ канонада могла окончиться для насъ значительнымъ урономъ, и настоящая цѣль, для которой войска выступили изъ Казахъ-кичу—не дать непріятелю безнаказанно переправиться черезъ Сунжу—все-таки не была бы достигнута, то Костырко поспѣшилъ уйти изъ-подъ выстрѣловъ вправо и, придвинувъ орудія къ самой Сунжѣ, началъ громить картечью переправлявшихся. Въ свою очередь и Шамиль, чтобы болѣе обезпечить безопасность переправы своего арьергарда, передвинулъ два орудія къ Казахъ-кичу и открылъ огонь по форштату. Диверсія увѣчалась желаемымъ успѣхомъ: подполковникъ Костырко, бросивъ переправу, поспѣшилъ назадъ въ укрѣпленіе. Отъ Сунжи Шамиль потянулся къ аулу Гехи и расположился на рѣкѣ то-

го же имени, въ самомъ центрѣ Малой Чечни. Чеченцы были тотчасъ же распущены, а прибывшія изъ Дагестана партіи оставались въ сборѣ въ аулѣ Бача-юртѣ, неподалеку отъ Гехи. Генераль Фрейтагъ прибылъ въ Казахъ-кичу въ 8 часовъ вечера, когда все уже было кончено и на лѣвомъ берегу Сунжи не оставалось ни одного человѣка изъ того громаднаго скопища, которое онъ такъ неутомимо и такъ безуспѣшно преслѣдовалъ. Непрiятель ускользнулъ, но дѣйствiя могли возобновиться вновь, и потому Фрейтагъ просилъ начальника назрановскаго отряда оставить всѣ войска въ мѣстахъ ихъ настоящаго расположенiя; войска же, входившія въ составъ его собственнаго отряда, онъ направилъ въ Грозную, а для возстановленiя сообщенiй по нижней военно-грузинской дорогѣ возвратилъ въ свои штабъ-квартиры три сотни Владикавказскаго линейнаго и одну Донскаго казачьяго № 11 полковъ.

28-го апрѣля Фрейтагъ вернулся съ конвоемъ изъ 3-хъ сотень Гребенскаго и одной сотни Донскаго № 11 полковъ въ Грозную, гдѣ получилъ свѣдѣніе, что Шамиль готовится къ новому походу. Говорили, что онъ имѣетъ намѣренiе двинуться къ Старому-юрту, жители котораго въ отсутствiе начальника лѣваго фланга приглашали имама къ себѣ. Лазутчики сообщили даже, что онъ собирается молиться Богу въ пятницу въ старо-юртовской мечети. Слѣдовало быть наготовѣ, а потому Фрейтагъ приказалъ генералу Нестерову какъ можно скорѣе передвинуть къ нему въ Грозную свой отрядъ; командирамъ же Моздокскаго и Гребенскаго казачьихъ полковъ предписано было подбившихся лошадей по возможности замѣнить свѣжими и по первому востребованiю быть въ полной готовности къ выступленiю.

Обратной переправой черезъ Сунжу завершилась интересная и поучительная эпопея, извѣстная подъ именемъ вторженiя Шамиля въ Кабарду. Двѣ недѣли держала она всѣ войска въ тревогѣ, а жителей въ возбужденномъ состоянiи. Двѣ

недѣли на всѣхъ концахъ линіи, и даже далеко за предѣлами ея, повторялся одинъ и тотъ же томительный вопросъ: „чѣмъ все это кончится?“ Долго носились извѣстные значки Шамиля надъ равнинами Кабарды, возбуждивъ въ жителяхъ несбыточные надежды, слишкомъ скоро разбившіяся о горькую дѣйствительность, раззоривъ многихъ изъ нихъ и подорвавъ довѣріе нашего правительства къ остальнымъ.

К.

(Окончаніе будетъ).

ДѢЙСТВІЯ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ЧЕЧНѢ СЪ КОНЦА 1852 ГОДА ПО 1854 ГОДЪ.

I.

Предположенія о запятіяхъ войскъ въ концѣ 1852 г. и въ 1853 году. Составъ и численность ихъ. Зимнія дѣйствія въ Малой Чечнѣ въ 1852 году. Движенія по нетхойскому ущелью и по Фортангѣ. Диверсія генерала Вревскаго. Взятіе аула Гандыль-Басъ. Устройство просѣки и дороги. Роспускъ войскъ. Зимнія дѣйствія въ Малой Чечнѣ въ 1853 году. Мѣры Шамиля противъ переселенія горцевъ. Дѣло 8-го марта. Усиленіе главнаго отряда. Работы съ 25-го по 31-е марта. Предварительныя распоряженія къ походу на Каре-Ламъ. Новая операціонная линія. Неудачная атака горцевъ 4-го апрѣля. Демонстрація Шамиля. Разработка дороги. Обратное движеніе отряда. Дѣйствія съ 13-го по 16-е апрѣля. Результаты.

Главнѣйшія изъ высочайше одобренныхъ на 1852 годъ предпріятій въ Большой и Малой Чечнѣ къ концу года были благополучно совершены или приводились къ окончанію, упрочивая наше положеніе на передовыхъ линіяхъ и все болѣе и болѣе стѣсняя непокорныхъ горцевъ. Устройствомъ просѣкъ и переселеніемъ жителей горныхъ магаловъ на плоскость, Чечня стала со всѣхъ сторонъ открытою даже небольшимъ нашимъ отрядамъ. Вырубивъ въ Малой Чечнѣ значительныя полосы лѣсовъ по ущельямъ Гехи, Рошни, Валерика и Ассы, мы подвинулись далѣе въ горы, принудивъ непріятеля покинуть вновь устроенныя имъ здѣсь жилища и удалиться въ долины между главнымъ хребтомъ и Черными горами, гдѣ онъ, впрочемъ, не долго оставался въ покоѣ. Въ Большой Чечнѣ запасы сѣна и засѣянные поля немирныхъ жителей ме-

жду рр. Басомъ и Аргуномъ, были уничтожены нашими отрядами, что убѣдило горцевъ въ безвозвратной потерѣ богатой равнины, не только кормившей чеченцевъ, но доставлявшей и лезгинамъ значительное количество хлѣба. Укрѣпленіе, возведенное на Фортангѣ, въ бумутскомъ ущельи, не только обезпечивало входъ въ земли галашевцевъ, но и прикрывало часть равнины между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ, давая возможность со временемъ водворить тамъ мирное населеніе. Непрiятель, кромѣ поражений, испытанныхъ имъ во время зимнихъ дѣйствій, былъ неоднократно наказываемъ въ ущельяхъ и лѣсахъ, въ которыхъ онъ искалъ убѣжища, а построенный черезъ Сунжу мостъ у Заканъ-юрта облегчалъ намъ внезапныя движенія въ Малую Чечню. Сверхъ того, утомленіе горцевъ отъ продолжительной борьбы и требованія Шамиля безпре-
станныхъ сборовъ замѣтно ослабляли власть имама, что выражалось многочисленными переселеніями нешкорныхъ жителей въ наши предѣлы и переходомъ къ намъ многихъ изъ его набовъ. При такихъ обстоятельствахъ не оставалось ничего болѣе, какъ твердо и неуклонно продолжать и въ 1853 году начатыя въ предшествовавшемъ году предпріятія ¹⁾.

Необходимость полного обезпеченія путей сообщенія изъ Россіи въ Закавказье побуждала озаботиться окончательнымъ покореніемъ независимыхъ племенъ, обитавшихъ на сѣверныхъ покатостяхъ кавказскаго хребта и во внутреннихъ его котловинахъ. Какъ ни разнообразны были частныя цѣли экспедицій на театрѣ военныхъ дѣйствій, раскинувшихся почти на 1000 верстъ, во всякомъ случаѣ онѣ не могли не сообразоваться съ этою главною задачею, отчего степень важности каждаго предпріятія нашего на Кавказѣ опредѣлялась тѣмъ, въ какой мѣрѣ оно способствовало уничтоженію преградъ, проти-

---

¹⁾ Отношеніе главноком. кавк. арм. къ управляющему военнымъ министерствомъ, отъ 29-го сентября 1852 года № 32. Дѣло шт. отд. кавк. кор. по г.вер. шт. 2 го отдѣл. 1852 г. № 13, ч. 4.

вооставляемыхъ независимыми горцами сообщенію Россіи съ закавказскимъ краемъ. Эта общая задача придавала особенное значеніе владикавказскому военному округу, черезъ который проходила та часть военно-грузинской дороги—единственнаго пути сообщенія съ Закавказьемъ—которая наиболѣе была подвержена нападеніямъ горцевъ²⁾. Обеспеченіе ея составляло основную мысль, которою руководствовались при выборѣ цѣли и направленія военныхъ предпріятій въ этомъ округѣ. Рядъ усиленныхъ экспедицій, совершенныхъ въ теченіе послѣднихъ 7-ми лѣтъ въ Малой Чечнѣ, и устройство верхне-сунженской линіи хотя и лишили чеченцевъ обладанія равниною, обезпечивъ часть военно-грузинской дороги, проходившей по плоскости до Владикавказа, но полная безопасность, конечно, могла быть достигнута только приведеніемъ въ окончательную покорность жителей Малой Чечни, удалившихся теперь въ лѣсистыя и малодоступныя ущелья Черныхъ горъ. Преслѣдованіе ихъ по этому направленію, т. е. вверхъ по ущельямъ, стоило намъ огромныхъ потерь; здѣсь самые малые результаты куплены были дорогою цѣною. Безопасность другой части военно-грузинской дороги, шедшей отъ Владикавказа въ ущелье Терека, зависела отъ покорности жителей джераховскаго ущелья и ближайшихъ горныхъ обществъ, расположенныхъ по верховьямъ рѣкъ Ассы и Аргуна. Покорность ихъ оставалась неизмѣнною и во время движенія сына Шамиля въ этомъ направленіи, обнаружившись даже въ слишкомъ рѣзкихъ и неожиданныхъ чертахъ, но эти изъявленія преданности все-таки не могли служить залогомъ для будущаго. Опытъ показалъ, какъ мало слѣдовало полагаться на добровольную покорность горцевъ: измѣна нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ или взрывъ фанатизма могли внезапно превратить нашихъ приверженцевъ въ ожесточенныхъ враговъ. Допуская возможность переменъ въ располо-

---

²⁾ Военно-грузинская дорога начиналась тогда отъ Екатериноградской станицы.

женіи къ намъ джераховцевъ, мы въ то же время не могли не сознавать, что наступательныя дѣйствія въ ихъ предѣлы требовали многихъ трудовъ и крови, главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія удобопроходимыхъ дорогъ. Единственнымъ ередствомъ сообщенія здѣсь служила узкая тропа, по которой можно было пробираться поодинокѣ, ведя большею частью лошадей въ поводу, и то съ опасностью жизни при каждомъ неосторожномъ шагѣ. Для отвращенія зависимости отъ разнаго рода случайностей не было другого исхода, какъ утвердить и распространить наше владычество въ горныхъ обществахъ, ближайшихъ къ военно-грузинской дорогѣ. Въ описываемый періодъ времени расположеніе умовъ жителей особенно способствовало приведенію въ исполненіе этого важнаго предпріятія. Галгаевцы, цоринцы и милхинцы находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ; акинцы передались Шамилю потому только, что не видѣли для себя никакой опоры съ нашей стороны, но собственные выгоды побуждали ихъ покончить съ этимъ союзомъ. Жители Малой Чечни, лишившись плодородныхъ пажитей и сѣнокосовъ на плоскости, старались вознаградить себя насильственнымъ захватомъ богатыхъ сѣнокосовъ, принадлежавшихъ разнымъ горнымъ обществамъ, а утвержденіе наше и въ этихъ мѣстахъ лишило непокорныхъ чеченцевъ послѣднихъ средствъ къ процитанію. Опасность, сначала грозившая только ауламъ, расположеннымъ при входахъ въ ущелья Черныхъ горъ, внезапно перекинулась на противоположную ихъ сторону. Положеніе горцевъ въ скоромъ времени должно было сдѣлаться невыносимымъ: имъ предстояло или постепенно очистить ущелья, или безусловно покориться нашей власти. Чтобы приготовить здѣсь усцѣхъ, являлась необходимость въ предварительномъ проложеніи удобныхъ путей сообщенія по разнымъ направленіямъ отъ Владикавказа до Ассы. Это и составило главнѣйшую задачу военныхъ дѣйствій въ зимній періодъ съ 1852

на 1853 годъ, помимо предложенныхъ работъ внутри самого владикавказскаго военнаго округа ³⁾ лѣтомъ 1853 года.

Хотя половина плоскости Большой Чечни и была очищена отъ враждебнаго населенія, тѣмъ не менѣе непокорные чеченцы, принужденные уходить въ лѣсистыя ущелья горъ, сильно тревожили частыми набѣгами наши передовыя линіи, смущая мирныхъ чеченцевъ, аулы которыхъ раскинулись подъ защитою нашихъ укрѣпленій на плоскости, и вообще крайне стѣсняли наши дѣйствія на восточномъ Кавказѣ. Свои набѣги они совершали большими партіями, до 1000 человекъ, вслѣдствіе чего постоянно приходилось держать всѣ войска на большой чеченской линіи въ полной готовности къ своевременному отпору непріятеля и время отъ времени самимъ предпринимать такіе же набѣги съ цѣлью уничтоженія разбойничавшихъ ауловъ, истребленія хлѣбовъ, запасовъ сѣна и отбитія разнаго рода скота. Такими мѣрами мы рассчитывали принудить непокорныхъ выйти на плоскость и навсегда отказаться отъ усилій противостоятъ русскому оружію, или же искать для себя новыя мѣста жительства въ глубинѣ горъ ⁴⁾. Въ концѣ 1852 и въ началѣ 1853 годовъ въ Большой Чечнѣ обнаружались волненія, производимыя Шамилемъ съ намѣреніемъ поднять всю Чечню и, вновь укрѣпивши свое вліяніе на мирныхъ чеченцевъ, поселенныхъ на плодородной долиинѣ между Черными горами и главнымъ хребтомъ, дѣйствовать на общества, прилегающія къ военно-грузинской дорогѣ ⁵⁾. Такъ какъ всѣ попытки его въ этомъ отношеніи не имѣли никакого успѣха и кончились пораженіемъ собранныхъ имъ партій, то вся наша задача въ Большой Чечнѣ въ этотъ періодъ времени сводилась къ тому, чтобы проложить въ глубь ея удоб-

---

³⁾ Рапортъ, начальн. владикавказскаго военнаго округа г.-м. барона Вревскаго, отъ 31-го августа 1852 г. № 1606. Дѣл. шт. отд. кав. кор. по генер. шт. 2-го отдѣл. по оп. № 13, ч. IV.

⁴⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 1853 г. по оп. № 4.

⁵⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 годъ, по оп. № 13, ч. I.

ные пути сообщенія, свободные во всякое время года для доступа къ ея равнинамъ и полянамъ, препятствовать чеченцамъ обрабатывать поля и удерживать за нами подвинутую впередъ передовую линію. Главнокомандующій, сознавая всю необходимость для края путей сообщенія и водворенія въ немъ спокойствія, которое могло быть достигнуто лишь полнымъ покореніемъ горцевъ, представилъ въ концѣ сентября 1852 года управляющему военнымъ министерствомъ на высочайшее утвержденіе въ этомъ смыслѣ общія предположенія о занятіяхъ и дѣйствіяхъ войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ 1853 году ⁶⁾. Генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ отвѣтилъ:

„Государь Императоръ изволилъ усмотрѣть съ особеннымъ удовольствіемъ изъ отзыва вашей свѣтлости, отъ 29-го сентября № 32, объ успѣхѣ, коимъ на всѣхъ пунктахъ Кавказа увѣнчались въ текущемъ году дѣйствія наши противъ горцевъ, и о вашихъ на будущій годъ предположеніяхъ къ утвержденію нашему въ этомъ краѣ. Предначертанія ваши къ рубкѣ лѣсовъ, проложенію военныхъ сообщеній, водворенію русскаго поселенія на передовыхъ линіяхъ и возведенію башенъ для улучшенія ихъ обороны совершенно согласны съ общемою системою постепеннаго стѣсненія горцевъ; перестройка нѣкоторыхъ укрѣпленій и въ особенности продолженіе устройства удобныхъ для войскъ помѣщеній также вполне согласны съ видами Его Величества. По симъ уваженіямъ Государь Императоръ изволилъ совершенно одобрить составленный вашею свѣтлостью планъ дѣйствій на будущій 1853 годъ и предоставитъ вамъ, сообразно ходу дѣлъ и обстоятельствъ, сдѣлать въ ономъ тѣ измѣненія, какія вы признаете изволите нужнымъ“ ⁷⁾.

Предполагаемая занятія и дѣйствія войскъ, расположенныхъ подъ начальствомъ начальника владикавказскаго военного округа г.-м. барона Вревскаго въ Малой Чечнѣ, своди-

---

⁶⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по генер. шт. 2-го отд. 1852 г. по оп. № 13, ч. IV.

⁷⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по генер. шт. 2-го отд. 1852 г. по оп. № 13, ч. IV. Рапортъ кн. Долгорукова князю Воронцову, отъ 15-го октября 1852 года № 9170.

лись ⁸⁾ къ проложенію удобныхъ сообщеній въ горныя общества, куда удалились жители, вытѣсненные съ плоскости. Зимой надлежало вырубить просѣки по ущельямъ нетхойскому, галашевскому (отъ р. Алгусь-Али до р. Алкуна и оттуда къ р. Мереджѣ) и по прямому направленію отъ Владикавказа черезъ аулъ Мужичъ къ Датыху, а также произвести набѣги для наказанія горцевъ. Эти задачи возлагались на особый отрядъ изъ 2-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, 5-ти баталіоновъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, команды 3-го резервнаго сапернаго баталіона въ 50 человекъ, 2-хъ батарейныхъ, 4-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій, конно-ракетной команды, 2-хъ сотенъ Горскаго, 2-хъ сотенъ Владикавказскаго и 4-хъ сотенъ Сунженскаго казачьихъ полковъ и 3-хъ сотенъ милиціи владикавказскаго округа. Отрядъ долженъ былъ собраться къ 1-му декабря въ станицѣ Слѣпцовской и открыть свои дѣйствія съ 1-го по 25-е декабря 1852 года и съ 8-го по 25-е марта 1853 года.

Лѣтнія дѣйствія слѣдовало начать съ весны, причемъ предполагалось приступить: 1) къ устройству удобнаго выючнаго пути отъ Владикавказа по правому берегу Терека, затѣмъ по Джераховскому ущелью и далѣе до Ассы, въ галгаевское общество, 2) къ окончанію Бумутскаго укрѣпленія, съ переводомъ туда штаба кавказскаго линейнаго № 7 баталіона, 3) къ устройству башни на Алгусь-Али и укрѣпленнаго форштата для помѣщенія тамъ приставскаго управленія, 4) къ возведенію башенъ въ Балтѣ, на Ассѣ, подлѣ бывшаго аула Шельчихи и на Ачалукѣ и 5) къ продолженію устройства помѣщеній для войскъ. Выполненіе этихъ предпріятій возлагалось на отрядъ изъ 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, 6 баталіоновъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи ⁹⁾, 7-го и 8-го кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, команды въ 50 че-

⁸⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по генер. шт. 2-го отд. 1852 г. по оп. № 13, ч. IV.

⁹⁾ Изъ этого числа одинъ взводъ занималъ заканъ-юртовскій постъ.

ловѣкъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона, взвода кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 2-хъ сотень Горскаго, одной сотни Владикавказскаго казачьихъ полковъ и 14-ти сотень кавалеріи съ 9-ю сотнями милиціи изъ владикавказскаго округа, 20-ти легкихъ орудій подвижной гарнизонной артилеріи ¹⁰⁾ и 12-ти станковъ конной и пѣшей ракетныхъ командъ. Войска эти должны были собраться и распредѣлиться на отряды, согласно роду и мѣстамъ работъ, къ 1-му мая 1853 года. Въ декабрѣ изъ перечисленныхъ войскъ было взято четыре баталіона въ Большую Чечню, вмѣсто которыхъ присланъ 2-й баталіонъ Кубанскаго егерскаго полка, задержанный во Владикавказѣ до 10-го апрѣля 1853 года, т. е. приблизительно до возвращенія четырехъ баталіоновъ изъ крѣпости Грозной ¹¹⁾. Затѣмъ, сверхъ назначенныхъ 9-ти сотень милиціи, разрѣшено было собрать еще до четырехъ сотень на время движенія въ горы ¹²⁾.

Въ Большой Чечнѣ, подъ начальствомъ завѣдывающаго лѣвымъ флангомъ кавказской линіи генералъ-лейтенанта князя Барятинскаго, зимнія дѣйствія предполагалось ограничить вырубкою просѣкъ, чтобы совершенно очистить равнину отъ враждебнаго народонаселенія. Для этого назначались изъ войскъ владикавказскаго округа 4 баталіона, изъ войскъ лѣваго фланга 8 баталіоновъ ¹³⁾, 50 человекъ кавказскаго сапернаго и семьдесятъ 3-го резервнаго сапернаго баталіоновъ съ гальваническою командою, 4 эскадрона драгунъ, 5 сотень изъ кавалеріи лѣваго фланга, 3 сотни изъ казаковъ линейныхъ пол-

---

¹⁰⁾ Артилерія была въ такомъ составѣ, что, въ случаѣ необходимости, 8 легкихъ орудій могли бытъ замѣнены 8-ю горными орудіями.

¹¹⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. по оп. № 13, ч. I. Рапортъ начальн. владикав. воен. окр., отъ 6-го мар. 1853 г. № 376 и отношен. начальн. глав. шт. кавк. войскъ къ г.-м. барону Вревскому отъ 13-го мар. 1853 г. № 325.

¹²⁾ Отношеніе и. д. оберъ-квартир. въ дежурство корп. шт. отъ 9-го декабря 1852 года № 1640. Дѣло шт. отд. кавк. кор. по ген. шт. 2-го отдѣл. 1852 г. по оп. № 13, ч. IV.

¹³⁾ Въ числѣ этихъ 8-ми баталіоновъ заключались и части пѣхоты, расположенныя въ ст. Самашкинской и Алханъ-юртовской.

ковъ центра и праваго фланга, $\frac{1}{2}$ сотни милиціи, 12 батарейныхъ, 6 конныхъ и 6 легкихъ орудій, 10 зарядныхъ ящиковъ подвижнаго запаснаго парка 19-й артилерійской бригады и ракетныя команды изъ войскъ лѣваго фланга. Число пѣхоты и кавалеріи въ продолженіи экспедиціи мѣнялось, но на самое незначительное число, отъ 100 до 200 человекъ въ ту или другую сторону; число же ракетныхъ станковъ прибавилось на первыхъ же порахъ на 14 штукъ ¹⁴⁾. Дѣйствія предположено было продолжать около двухъ мѣсяцевъ, примѣрно съ 1-го января по 1-е марта, сосредоточивъ предварительно войска въ кр. Грозной.

Къ лѣтнимъ дѣйствіямъ относились: 1) продолженіе заселенія сунженской линіи водвореніемъ новой станицы у заканъ-юртовскаго поста на 200 казачьихъ семействъ и усиленіе Грозненской станицы 100 семействами, 2) устройство казачьяго поста на ур. Мамаханъ-юртѣ, 3) охраненіе передовой кумыкской линіи, 4) продолженіе устройства штабъ-квартиры егерскаго князя Чернышева полка въ Хасавъ-юртѣ и 5) постройка войсковыхъ помѣщеній въ крѣпостяхъ Грозной и Воздвиженской. Для этихъ цѣлей назначались особыя войска, въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ баталіона 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, 10 баталіоновъ 2-й бригады 20-й дивизіи, кавказскихъ линейныхъ №№ 9-го, 10-го, 11-го и 12-го баталіоновъ, 35-ти человекъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона, 22-хъ сотень линейныхъ и донскихъ казаковъ лѣваго фланга, 3-хъ сотень милиціи, 26-ти орудій подвижной гарнизонной артилеріи и ракетной команды отъ войскъ лѣваго фланга. Войска должны были быть собраны къ 1-му мая 1853 года и распределены на части по мѣстамъ работъ, сообразно ихъ количеству ¹⁵⁾. Измѣненія въ численности отряда по сдѣланнымъ дополнительно рас-

---

¹⁴⁾ Рапортъ начальн. чеченскаго отряда отъ 23-го января 1853 года № 161. Дѣло шт. отд. кавк. корп. по ген. штаб. 2-го отд. 1852 годъ по оп. № 13, ч. I, и въ томъ же дѣлѣ см. строевыя рапорты отряда въ Большой Чечнѣ.

¹⁵⁾ Дѣло шт. отд. кавк. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 годъ, по оп. № 13, ч. IV.

пораженіямъ выразились въ слѣдующемъ: 1) для зимнихъ дѣйствій вмѣсто полусотни назначена цѣлая сотня милиціи и съ 1-го февраля 1853 года разрѣшено усилить милицію еще одною сотнею, вслѣдствіе увеличивавшагося почти ежедневными переселеніями числа мирныхъ чеченцевъ, что было важно во многихъ отношеніяхъ, и 2) для зимнихъ дѣйствій вмѣсто 35-ти саперъ назначалось 60 ¹⁶⁾. Распоряженія о довольствіи войскъ, заготовленіи продовольственныхъ припасовъ для отрядовъ, по устройству госпиталей, заготовленіямъ по медицинской и артилерійской частямъ, вооруженію вновь возводимыхъ укрѣпленій и станицъ, снаряженію войскъ для дѣйствій, о перевозочныхъ средствахъ и передвиженіи войскъ въ соотвѣтствующіе отряды были сдѣланы заблаговременно, причемъ приказано было имѣть въ каждомъ пѣхотномъ баталіонѣ не менѣе 700 рядовыхъ въ строю ¹⁷⁾.

Дѣйствія въ Малой Чечнѣ начались сосредоточеніемъ войскъ къ укр. Ачхоевскому, 3-го декабря 1852 года, въ слѣдующемъ составѣ: 2-й баталіонъ Эриванскаго полка, 2-й и 4-й баталіоны Навагинскаго пѣхотнаго полка, 1-й баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 50 саперъ и гальванеровъ, 82 человека штуцерной и стрѣлковой командъ Тенгинскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2 сотни Горскаго линейнаго, 2 сотни Владикавказскаго и 4 сотни 1-го Сунженскаго казачьихъ полковъ, 4 горныхъ орудія легкой № 4 батареи 19-й артилерійской бригады, 2 орудія батарейной № 5 батареи 21-й артилерійской бригады, 4 подвижныхъ орудія № 8 полуроты 11-й

---

¹⁶⁾ Отнош. и. д. оберъ-квартир. въ дежурство корп. штаба отъ 9-го декабря 1852 года № 1640 и отношеніе командующ. войсками на кавк. линіи и въ Черноморіи къ и. д. начальн. главн. шт. кавк. войскъ отъ 15-го января 1853 г. № 111. Дѣло штаб. отдѣл. кавк. корп. по генеральн. шт. 2-го отд. 1852 г. по оп. № 13, ч. IV; докладная записка кн. Барятинскаго, № 88 отъ 14-го января 1853 г. и отношеніе и. д. начальн. глава. шт. кавк. войскъ къ кн. Барятинскому отъ 19-го января 1853 г. № 54. То же дѣло ч. I.

¹⁷⁾ Дѣла шт. отд. кавк. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 годъ, по оп. № 13, ч. I и IV и по оп. № 166 часть I (О предпріятіяхъ по военнымъ дѣйствіямъ на Кавказѣ въ 1853 г., о направленіи войскъ для предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ Большой и Малой Чечнѣ и о приготовительныхъ распоряженіяхъ для этихъ предпріятій).

гарнизонной артилерійской бригады, 2 орудія донской конно-артилерійской № 7 батареи и 3 сотни милиціи владикавказскаго округа. Начальство надъ всею пѣхотою было поручено командиру 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи генераль-маіору Линевичу, начальникомъ кавалеріи назначался командиръ Горскаго казачьяго полка полковникъ князь Чавчавадзе 2-й, а за неприбытіемъ его въ отрядъ по болѣзни, временно — командиръ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка войсковой старшина Предимировъ; начальство надъ отрядною артилеріею ввѣрено было командиру легкой № 4 батареи подполковнику Нейману, а надъ милиціею войсковому старшинѣ Гайтову. Общее командованіе отрядомъ принялъ на себя г.-м. баронъ Вревскій.

Расположеніе наше у Ачхоевскаго укрѣпленія, откуда въ нѣсколько часовъ можно было дойти до шалажинскаго, нетхойскаго и бумутскаго ущелій, поставило непріятели въ недоумѣніе насчетъ дѣйствительнаго направленія, которое избиралъ отрядъ. Жители готовились къ оборонѣ, устраивая засѣдки, увозили свои семейства и пожитки въ горы, но пока еще не собирались въ одну партію, опасаясь удаляться отъ своихъ домовъ. 4-го декабря отрядъ выступилъ изъ Ачхоя по прямой дорогѣ въ нетхойское ущелье мимо кургана Башамъ-юртъ. Достигнувъ опушки лѣса, генераль-маіоръ Вревскій приказалъ всей отрядной артилеріи выдвинуться впередъ и открыть огонь вдоль лѣваго берега Нетхоя по непріятельскимъ заваламъ, преграждавшимъ дорогу, которая здѣсь пролежала среди ряда кустовъ и была довольно затруднительна для движенія обозовъ и легкихъ орудій. Такъ какъ по ней ближе всего можно было пройти къ полямъ нетхойскихъ ауловъ, то жители обратили все свое вниманіе на ея оборону, устроивъ на ней нѣсколько перекоповъ и заваливъ ее во многихъ мѣстахъ срубленными деревьями. Съ приближеніемъ отряда къ опушкѣ лѣса и съ открытіемъ артилерійскаго огня, толпы вооруженныхъ горцевъ успѣшили занять завалы. Въ то время, какъ вниманіе ихъ

было обращено на отрядъ, расположенный на голой равнинѣ, 4 сотни казаковъ 1-го Сунженскаго полка, подъ начальствомъ войскового старшины Предимирова, двинулись влѣво, переправились черезъ Нетхой и понеслись по незанятой противникомъ аробной дорогѣ, тянувшейся версты двѣ по весьма густому лѣсу. Вслѣдъ за казаками двинулся туда же полнымъ шагомъ 1-й баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Непріятель едва успѣлъ произвести нѣсколько выстрѣловъ, какъ уже казаки и пѣхота очутились въ тылу всѣхъ заваловъ, на высокихъ холмахъ, замыкающихъ собою входъ въ ущелье, гдѣ тѣснилось непокорное населеніе. Дальнѣйшее противодѣйствіе движенію нашего отряда прекратилось само собою, потому что нетхойцы, думая только о спасеніи своихъ саклей и оставшагося въ нихъ имущества, спѣшили возвратиться въ дома, пробираясь черезъ самую чащу лѣса. Къ вечеру весь отрядъ съ обозомъ вытянулся на поляну и расположился лагеремъ по обоимъ берегамъ Нетхой. Несмотря на близость лѣса, выгоды избранной нами позиціи не позволили чеченцамъ отважиться на что нибудь противъ нашего расположенія, а отдѣльная перестрѣлка доставляла только развлеченіе нашимъ солдатамъ, не препятствуя имъ устраивать свое походное хозяйство. Къ вечеру того же дня лагерь былъ уже обезпеченъ со стороны лѣса высокой засѣвкой, вслѣдствіе чего въ продолженіи ночи не раздалось ни одного выстрѣла. 5-го декабря приступлено было къ рубкѣ лѣса, который росъ по правому берегу Нетхой, по сторонамъ аробной дороги, ведшей въ Ачхой. На рубку ежедневно назначалось по 200 человекъ съ топорами отъ каждаго баталіона, всего 800 топоровъ. Работы производились подъ наблюденіемъ корпуса инженеровъ путей сообщенія штабсъ-капитана Бениславскаго и инженеръ-поручика Подымова. Вмѣстѣ съ тѣмъ саперы, подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана Степанова, поручика Криницкаго и подпоручика Мейбаума, занялись улучшеніемъ дорогъ, уничтоженіемъ заваловъ и

устройствомъ нѣсколькихъ спусковъ по крутымъ берегамъ Нетхоя. Пѣхотныя команды и казаки, разсланные по окрестностямъ для фуражировокъ, безъ всякой потери собрали все сѣно и кукурузу, заготовленные непріателемъ. Вечеромъ явились въ лагерь старшины аула Тумси-юртъ и объявили, что населеніе этого аула, въ числѣ 19-ти семействъ, видя совершенную невозможность долѣе сопротивляться успѣхамъ нашего оружія, рѣшилось изъявить покорность. Въ залогъ вѣрности они въ ту же ночь доставили надежныхъ аманатовъ.

На слѣдующій день, съ цѣлью оказать содѣйствіе переселенію новыхъ русскихъ подданныхъ, изъ лагеря выступила колонна, подъ личнымъ начальствомъ г.-м. барона Вревскаго, въ составѣ 10-ти ротъ пѣхоты, дивизіона артилеріи, 4-хъ сотень кавалеріи, съ ракетами и всею милиціею. Для движенія былъ принятъ слѣдующій порядокъ. Наступленіе прикрывалось разѣздами отъ кавалеріи и милиціи, высланными впередъ вверхъ по Нетхою; центръ колонны составлялъ обозъ и сомкнутыя части (двѣ роты 2-го баталіона Эриванскаго полка), служившія общимъ резервомъ цѣпямъ, окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ; въ каждой сторонѣ застрѣльщики составлялись изъ 2-хъ ротъ—впереди отъ 2-го баталіона навагинцевъ, слѣва отъ 4-го навагинцевъ, справа отъ 2-го эриванцевъ, въ тылу отъ 1-го тенгинцевъ; орудія слѣдовали въ передней и задней цѣпяхъ. Едва войска наши вступили въ ущелье Нетхоя, какъ раздались частыя ружейныя выстрѣлы. Стрѣльба производилась непріателемъ издалека и торопливо, а потому не причинила вреда и не задержала быстрого движенія колонны. Достигнувъ аула Тумси-юртъ, мы встрѣчены были радостными привѣтствіями жителей, начавшими тотчасъ же укладывать свои пожитки въ дорогу. Между тѣмъ казаки, доскакавъ до мѣста, гдѣ густой лѣсъ замыкалъ собою съ обѣихъ сторонъ ущелье, охватили аулы Теипъ-юртъ, Катрой-юртъ и Ипаль-юртъ. Въ то же время подполковникъ Сулимовскій, пе-

рейдя съ двумя ротами 2-го баталіона Навагинскаго полка на правый берегъ Нетхоя, занялъ аулы Висынъ-Гирей и Гакимовъ, двѣ роты 2-го баталіона Эриванскаго полка, подъ начальствомъ маіора Чачикова, выбили непріятеля изъ аула Тецаль-юртъ, а тенгинская рота, подъ начальствомъ маіора Центиловича, овладѣла ауломъ Гати-юртъ. Всѣ эти аулы были сожжены. Штуцерные стрѣлки, разсыпанные по всему полю сраженія, и непрерывный огонь горной артилеріи, управляемой подполковникомъ Нейманомъ и капитаномъ Гальгреномъ, не позволяли непріятелю показываться изъ-за лѣсной гущи, а ракетные станки, разставленные по высотамъ лѣваго берега, разсѣивали горцевъ вездѣ, гдѣ только дѣлали они попытки къ совокушному дѣйствию. Вскорѣ подводы были нагружены скарбомъ тумси-юртцевъ и колонна двинулась назадъ. Движеніе это совершилось въ величайшемъ порядкѣ и безъ всякой почти потери, благодаря дѣйствию горныхъ орудій и хладнокровной распорядительности подполковника Моллера, остававшагося въ арьергардѣ съ двумя ротами командуемаго имъ 1-го баталіона Тенгинскаго полка. Передъ окончаніемъ дѣла войсковой старшина Предимировъ съ сотнями Горскаго и Владикавказскаго казачьихъ полковъ отправленъ былъ влѣво отъ ущелья Нетхоя для уничтоженія ауловъ Аки-юрта и Газалица. Предавъ ихъ пламени, Предимировъ отступилъ благополучно въ лагерь, поддержанный пѣхотою полковника Карева, такъ какъ непріятель завязалъ съ казаками жаркую перестрѣлку. Вся потеря наша въ дѣлѣ 6-го декабря заключалась въ двухъ убитыхъ и 12-ти раненыхъ. Въ этотъ день предано было пламени 10 непокорныхъ ауловъ, взято въ добычу значительное количество разнаго имущества и съѣстныхъ припасовъ, истреблены огромные склады кукурузы и все то, чего нельзя было взять съ собою.

День тезоименитства Государя Императора отпразднованъ былъ на Фортангѣ приведеніемъ въ покорность части тамош-

няго карабулакского населенія, до сихъ поръ отличавшагося самою ожесточенною къ намъ враждебностью. Въ этотъ же день датыхскіе старшины явились съ аманатами отъ имени 25-ти семействъ. Кромѣ того, гандыль-басовскій старшина привелъ съ собою 6 семействъ, а азъ-ирзинскій старшина 8. Эта перемиѣна въ расположеніи къ намъ ауловъ должна была на будущее время приготовить окончательное усмиреніе малоодушнаго Фортангскаго ущелья. 7-го декабря, въ 8 часовъ утра, отправлена была изъ лагеря на Фуражировку колонна изъ 6-ти сотень кавалеріи, 2-хъ ротъ 4-го Навагинскаго баталіона, 5-й мушкетерской Тенгинскаго полка и 2-хъ орудій Донской № 7 батареи. Начальство надъ колонной принялъ войсковой старшина Предимировъ. Фуражировку произвели по Шалажу и Валеріку и въ 1-мъ часу пополудни безъ выстрѣла возвратились назадъ. Того же числа командиръ 2-го баталіона Эриванскаго полка маіоръ Лузановъ двинулся съ 2-мя ротами прямо черезъ лѣсъ, лежащій впереди лагеря, на аулъ Цокли. Жители удалились изъ аула заблаговременно, оставленные же ими сѣно и кукуруза забраны были маіоромъ Лузановымъ или сожжены вмѣстѣ съ саклями. При обратномъ слѣдованіи завязалась перестрѣлка, въ которой непріятель лишился двухъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными; съ нашей стороны потеря ограничилась однимъ раненымъ нижнимъ чиномъ. 8-го числа, узнавъ, что 6 семействъ, изъ числа жившихъ въ раззоренныхъ аулахъ Ипаль-юртѣ и Данкли, изъявили желаніе покориться, генераль-маіоръ Вревскій отправилъ въ помощь переселяющимся полковника Карева съ 3-мя ротами командуемаго имъ полка, однимъ горнымъ орудіемъ, сотнею казаковъ и всею милиціею. Переселеніе этихъ семействъ было совершено съ полнымъ успѣхомъ и, несмотря на открывшуюся сильную перестрѣлку, полковникъ Каревъ отступилъ безъ всякой потери. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ отрядѣ отъ лазутчиковъ, наибы Малой Чечни Дуба и Саибдулла успѣли

между тѣмъ собрать довольно многочисленныя скопища и, для ободренія упавшихъ духомъ нетхойцевъ, обѣщали скоро прійти къ нимъ на выручку. Но, вмѣсто исполненія этого обѣщанія, Дуба двинулся къ самымъ верховьямъ Шалажа и Нетхоя, гдѣ только вооружилъ противъ себя жителей, истощивъ ихъ и безъ того скудные запасы, а Саибдулла, не думая приближаться къ Нетхою, отправилъ пришедшее къ нему подкрѣпленіе изъ Тавліи на Гойту. Чтобы доказать жителямъ, что присутствіе непріятельскихъ скопищъ не только не могло отклонить насъ отъ исполненія предположенной цѣли, но даже нисколько не стѣсняло насъ во второстепенныхъ задачахъ, генералъ-майоръ баронъ Вревскій отправилъ 11-го числа войскового старшину Предимирова съ 4-мъ Навагинскимъ баталіономъ, 7-ю сотнями казаковъ и легкимъ орудіемъ на фуражировку въ бакаевскій лѣсъ, лежащій на лѣвомъ берегу Гехи, гдѣ стоялъ въ то время Саибдулла. Фуражировка прошла безъ выстрѣла, потому что чеченцы, собравшіеся на правомъ берегу Гехи, только одними криками изъясляли свое негодованіе на хозяйничанье нашихъ фуражировъ. 13-го числа была совершенно окончена просѣлка по дорогѣ изъ Ачхоя въ нетхойскіе хутора, причемъ очищенное отъ лѣса пространство имѣло въ длину около 2-хъ верстъ и въ ширину 100 сажень. Устройствомъ этой просѣлки отнято было у непокорныхъ чеченцевъ нѣкоторое количество хлѣбородной земли, которая могла, по самому умѣренному исчисленію, ежегодно прокормить полуторатысячное населеніе.

По окончаніи всего того, что предположено было сдѣлать на Нетхоѣ, генералъ Вревскій обратился къ исполненію другого предпріятія, представлявшаго гораздо большую важность и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ первое. Утромъ 14-го декабря отрядъ снялся съ позиціи своей и, пройдя 6 верстъ, расположился на русской дорогѣ у Нетхоя. Расположеніе это обнаруживало намѣреніе идти въ Малую Чечню,

о чемъ заблаговременно былъ распущенъ слухъ; остановку же на Нетхоѣ можно было объяснить необходимостью запасти продовольствіемъ изъ Ачхой. Къ вечеру войска, снабженныя 4-хъ-дневнымъ продовольствіемъ, разложили огромныя костры, которые пылали всю ночь, а въ 9 часовъ, при соблюденіи величайшей тишины, отрядъ, назначенный для движенія на Гандыль-Басъ, перешелъ обратно на лѣвый берегъ Нетхоя и направился къ газы-юртовской переправѣ черезъ Фортангу. Отрядъ состоялъ изъ 2-го баталіона Эриванскаго, 1-го баталіона Тенгинскаго, 2-хъ ротъ 4-го баталіона Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 25-ти саперъ, 3-хъ сотень казаковъ, осетинской милиціи, 2-хъ горныхъ орудій и 2-хъ ракетныхъ станковъ, подъ общимъ начальствомъ извѣстнаго своею оытностью и распорядительностью генераль-маіора Линевича. Въ полночь выступилъ и самъ генераль-маіоръ Вревскій съ 3-мя сотнями казаковъ и ракетною командою, оставивъ на мѣстѣ 6 ротъ пѣхоты, 10 орудій, одну сотню казаковъ и часть милиціи, ввѣренныхъ полковнику Кареву. Последнему было предписано на другой же день выступить изъ лагеря въ Ачхой, оставить тамъ батарейныя и взводъ легкихъ орудій, а съ остальными войсками слѣдовать въ Бумуть. Узенькая тропа, по которой двигался генераль Вревскій, направляясь въ Гандыль-Басъ, сначала не представляла особыхъ затрудненій, но за урочищемъ Адиль-Гирея становилась съ каждымъ шагомъ труднѣе. Нужно было пробираться поодиночкѣ, ведя лошадей въ поводу. Къ 6-ти часамъ утра отрядъ достигъ совершенно отвѣснаго спуска. Далѣе идти было невозможно, а между тѣмъ до Гандыль-Баса оставалось еще версты четыре. Въ это время совершенно разсвѣло и войска, находясь на гребнѣ возвышенности, не могли долгое время оставаться незамѣченными, что, впрочемъ, и входило въ соображенія генерала Вревскаго, желавшаго привлечь на себя вниманіе горцевъ. Вскорѣ на противоположномъ берегу показалось нѣсколько абрековъ, которые своими

выстрѣлами распространили тревогу по окрестностямъ. Постепенно умножавшееся число вооруженныхъ людей доказывало, что движеніе отряда Линевица еще не замѣчено и цѣль диверсіи достигнута. Тогда генераль Вревскій началъ отступать къ Бумуту, увлекая непріятеля за собою. Вскорѣ перестрѣлка совершенно прекратилась и абреки внезапно вернулись назадъ, вѣроятно узнавши о движеніи другой колонны къ Гандыль-Басу. Дальнѣйшее отступленіе демонстрировавшаго отряда совершенно было безпрепятственно, а въ Бумутѣ Вревскій получилъ извѣстіе объ успѣшномъ занятіи Гандыль-Баса отрядомъ Линевица.

Генераль-маіоръ Линевицъ, двигаясь безостановочно всю ночь среди дремучаго лѣса, по дорогѣ, извиравшейся едва примѣтною полосой между глубокими пропастями, на разсвѣтѣ достигъ благополучно послѣдняго гребня, съ котораго начинался спускъ къ Гандыль-Басу ¹⁸⁾. Спускъ этотъ, тянувшійся версты двѣ, былъ совершенно безлѣсенъ и во многихъ мѣстахъ, по своей крутизнѣ, не допускалъ быстрого движенія. Полковникъ князь Чавчавадзе, достигнувъ аула, мигомъ охватилъ его двумя сотнями казаковъ, между тѣмъ какъ маіоръ Козловъ съ милиціей ворвался во внутрь его; жители успѣли заблаговременно перебѣжать на правый берегъ Фортанги, въ лѣсъ. Все обошлось безъ потерь, такъ какъ вооруженное населеніе въ то время было отвлечено извѣстіемъ о появленіи казаковъ со стороны Бумута. Когда горцы вернулись обратно къ аулу, то застали уже отрядъ расположеннымъ на позиціи въ самомъ Гандыль-Басѣ, а потому и не рискнули на него напасть. Только нѣсколько отважныхъ абрековъ, пользуясь знаніемъ мѣстности, подползали къ нашему расположенію и стрѣляли въ отдѣльныхъ людей, выведя изъ строя ранеными четырехъ рядовыхъ. Баронъ Вревскій, получивъ извѣстіе о занятіи Ган-

---

¹⁸⁾ Проводникомъ ему служилъ маіоръ Козловъ, заблаговременно изучившій до мельчайшихъ подробностей эту дорогу.

дыль-Баса, тронулся изъ Бумута съ 4-мя сотнями казаковъ и, слѣдуя по той же самой дорогѣ, по которой прошелъ Линевицъ, соединился съ нимъ часа въ 3 пополудни. На другой день прибылъ туда же полковникъ Каревъ съ 6-ю ротами вѣреннаго ему полка, 2-мя горными орудіями и выучнымъ обозомъ.

По занятіи Гандыль-Баса, прежде всего являлась необходимость въ скорѣйшемъ открытіи прямого сообщенія съ Бумутомъ. Для ускоренія работы Вревскій предписалъ воинскому начальнику Бумутскаго укрѣпленія подполковнику Зеньковскому начать рубку просѣки отъ самой крѣпости вверхъ по Фортангѣ на встрѣчу работамъ отряда. 16-го числа утромъ была произведена рекогносцировка, а 17-го приступлено къ разработкѣ дороги, особенно тѣхъ мѣстъ ея, на которыхъ сообщеніе прерывалось естественными преградами. Въ тотъ же день былъ произведенъ войсковымъ старшиною Предимировымъ поискъ вверхъ по Фортангѣ къ аулу Шоутъ-оху. Казаки на обратномъ пути имѣли сильную перестрѣлку, кончившуюся безъ значительныхъ для насъ потерь, такъ какъ рекогносцирующій отрядъ успѣлъ отступить подъ прикрытіе пѣхоты, горныхъ орудій и ракетныхъ станковъ, разставленныхъ по командующимъ высотамъ. Вблизи Гандыль-Баса сдѣлана была фуражировка, во время которой раненъ капитанъ 2-го баталіона Эриванскаго полка вн. Шаликовъ. Жители занятаго аула, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшились изъявить покорность и вечеромъ 17-го декабря выдали аманатовъ, послѣ чего имъ дозволено было вновь возвратиться въ свои дома. 18-го числа отрядъ нашъ выступилъ изъ Гандыль-Баса по направленію къ Бумуту и расположился эшелонами для удобнѣйшаго производства работъ. Ближайшій эшелонъ къ Гандыль-Басу состоялъ изъ 2¹/₂ баталіоновъ пѣхоты и одной сотни казаковъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ генерала Линевица.

Въ верстахъ $2\frac{1}{2}$ ниже расположился самъ баронъ Вревскій съ 6-ю ротами пѣхоты, 2-мя горными орудіями и сотней казаковъ; между двумя этими эшелонами находилась самая трудная для разработки часть дороги. Верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ далѣе, на открытой полянѣ, остановился полковникъ князь Чавчавадзе съ четырьмя сотнями казаковъ и двумя орудіями донской № 7 батареи. Подполковникъ Зеньковскій работалъ на остальномъ участкѣ. Для увеличенія рабочихъ рукъ на послѣдній участокъ были передвинуты съ верхне-сунженской линіи двѣ роты 3-го навагинскаго баталіона, а для охраненія станицъ, оставшихся совершенно безъ прикрытія, отправлены изъ отряда двѣ сотни сунженскихъ казаковъ. Работали неутомимо, отъ утреннихъ до вечернихъ сумерокъ. Каждый день сообщеніе съ Бумутомъ становилось свободнѣе, и вскорѣ представился случай показать жителямъ, какое вліяніе на будущую судьбу ихъ имѣла вновь устроенная дорога: когда непріятельское скопище, собранное въ верхне-аргунскихъ обществахъ, приблизилось къ Гандылъ-Басу со стороны Мереджи, вновь покоренные жители обратились къ намъ съ просьбою о защитѣ—и черезъ нѣсколько часовъ нашъ отрядъ уже явился въ Гандылъ-Басъ, однимъ появленіемъ своимъ заставивъ удалиться непріятеля. Между тѣмъ переговоры со старшинами непокорныхъ жителей не прерывались. Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ отсрочкамъ ихъ, генералъ-маіоръ Вревскій собралъ 23-го декабря весь отрядъ и двинулся съ нимъ въ Гандылъ-Басъ, а оттуда по прямой дорогѣ къ Датыху, мимо Шоутъ-оха. Быстрое движеніе отряда вынудило жителей ауловъ новаго Датыха и Шоутъ-оха изъявить покорность и выдать аманатовъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ скитающихся въ лѣсныхъ труппахъ абрековъ, было приведено къ покорности все фортангское населеніе, занимавшееся до этого времени разбоями, хищничествомъ и набѣгами на нашу линію. Съ покореніемъ этихъ ауловъ открылась возможность воспользоваться

обширнымъ пространствомъ земли, которое до тѣхъ поръ, благодаря сосѣдству съ ними, оставалось необработаннымъ и ненаселеннымъ. Прочное поселеніе здѣсь мирныхъ горцевъ, составлявшее затруднительную задачу по недостатку свободной земли, теперь значительно облегчилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность приступить къ исполненію другихъ цѣлей, столь же важныхъ для водворенія спокойствія и благосостоянія въ краѣ. 23-го декабря отрядъ вернулся на ночлегъ въ Бумуть по вновь устроенной дорогѣ и на другой день разошелся по зимнимъ квартирамъ. Потеря его съ 3-го по 24-е декабря заключалась въ 1 урядникѣ, 1 казакѣ и 1 рядовомъ убитыми, 1 оберъ-офицерѣ и 29-ти нижнихъ чинахъ ранеными; контужено 11 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито и упало съ кручь 50, ранено 23.

Такимъ образомъ наша зимняя экспедиція въ предѣлы Малой Чечни въ концѣ 1852 года была благополучно окончена и задача, возложенная на отрядъ, выполнена успѣшно¹⁹⁾.

Приведеніе къ покорности силою оружія верхне-фортангскаго народонаселенія и проложеніе удобнаго пути по направленію, которое почиталось вовсе недоступнымъ, распространили между жителями сосѣднихъ ущелій убѣжденіе, что дальнѣйшее упорство не обезпечитъ ихъ независимости²⁰⁾. На выборъ представлялись имъ два средства: переселиться въ глубь горъ, въ среду чуждаго имъ населенія, которое неохотно подѣлилось бы съ ними землею, или, выйдя изъ ущелій, прибѣгнуть къ милости завоевателей, въ рукахъ которыхъ находились необозримыя пространства земли, остававшейся необработанною по невозможности поселить на ней мирныхъ жителей. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что большинство населенія нетхоевскаго и шалажинскаго ущелій до нѣкоторой

---

¹⁹⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 года № 5.

²⁰⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I. Рапортъ ген. Вревскаго 24-го марта 1853 г. № 19.

стенени тяготѣло къ намъ, переселеніе ихъ въ наши предѣлы было сильно затруднено. Рознь поселилась между ними; взаимная недоувѣрчивость заставляла ихъ скрывать другъ отъ друга свои намѣренія; каждый дѣйствовалъ независимо отъ другихъ, въ пользу только самого себя и ближайшихъ своихъ родственниковъ; отложеніе отъ Шамяля не могло, слѣдовательно, принять характера общенароднаго дѣла. Притомъ, какъ ни старались жители скрыть втайнѣ свои сношенія съ нами, но слухи объ этомъ дошли до Шамяля, который строго приказалъ наибамъ Малой Чечни, при помощи тавлинцевъ, употребить самыя строгія мѣры для удержанія ихъ въ покорности. Наибы взяли аманатовъ отъ подозрительныхъ лицъ, разставили караулы и пикеты по ауламъ и грозили переселить насильно въ самую глубь горъ тѣхъ, которые не прекратятъ своихъ сношеній съ нами. Несмотря на это, каждую ночь шалажинскіе старшины тайно пробирались на линію, являлись къ приставу карабулаковъ и чеченцевъ маіору Козлову и убѣдительно просили двинуть въ ихъ предѣлы войска, подъ прикрытіемъ которыхъ надѣялись благополучно переселиться въ наши предѣлы. Баронъ Вревскій счелъ необходимымъ доказать имъ всегдашнюю готовность нашего правительства оказывать помощь ищущимъ у него защиты, тѣмъ болѣе, что медленность могла измѣнить возникшее въ нашу пользу расположеніе шалажинцевъ и поколебать ихъ надежду на ожидаемое покровительство. Аманаты были выданы многими вліятельными лицами, а опасная для нихъ тайна могла не ускользнуть отъ подозрительности наибовъ. Вревскій послалъ приказанія собраться въ Ачхой разнымъ частямъ войскъ, находившимся на верхне-сунженской линіи и въ бумутскомъ укрѣпленіи. Къ 3-мъ часамъ утра тамъ сосредоточились три роты 2-го баталіона Эриванскаго, двѣ роты 2-го баталіона Тенгинскаго, три роты 2-го баталіона Кубанскаго пѣхотныхъ полковъ, рота Кавказскаго линейнаго № 7 баталіона, 5 сотень казаковъ съ ракетной командой и четыре

легкихъ орудія. На разсвѣтѣ отрядъ выступилъ въ шалажинское ущелье, прегражденное завалами и рвами тамъ, гдѣ р. Шалажъ сближается съ р. Валерикомъ. Проведя казаковъ черезъ заваль, генералъ Бревскій пустилъ ихъ рысью вверхъ по лѣсистому ущелью. На встрѣчу намъ немедленно выѣхало нѣсколько шалажинскихъ старшинъ, но въ то же время слышались и выстрѣлы съ непріятельскихъ пикетовъ, расположенныхъ по боковымъ выступамъ горъ. Казаки полною рысью неслись впередъ до тѣхъ поръ, пока мѣстность не сдѣлалась крайне затруднительною для движенія конныхъ. Верхняя часть ущелья была покрыта высокимъ и довольно рѣдкимъ лѣсомъ, въ которомъ устроено было множество заваловъ; сверхъ того, бревна и груды хвороста, затрудняя на каждомъ шагу движеніе даже пѣшихъ людей, на много облегчали оборону. Просѣка, сдѣланная нами въ прошломъ году, заставила шалажинцевъ выстроить аулы въ самомъ лѣсу, который они разрѣдили нѣсколько, но для безопасности своей оставили нерасчищеннымъ. У опушки лѣса двѣ сотни 1-го Сунженскаго полка спѣшились и смѣло бросились впередъ съ войсковымъ старшиною Предимировымъ во главѣ. Въ это время былъ убитъ храбрый штабсъ-ротмистръ князь Бесланъ Маршани и ранено нѣсколько казаковъ. Спѣшившіеся казаки, перелезая черезъ завалы и почти не отвѣчая на выстрѣлы, дружно заняли небольшой аулъ. Жители тотчасъ же вышли къ намъ на встрѣчу и, подъ прикрытіемъ цѣпи, выбрались изъ саклей съ своимъ имуществомъ. Двигаться впередъ слабою казачьею цѣпью противъ все болѣе и болѣе увеличивавшагося въ числѣ непріятеля было неосторожно, вслѣдствіе чего казаки остановились, продолжая оживленную перестрѣлку и поджидая пѣхоту, спѣшившую на мѣсто боя. Капитанъ кн. Шаликовъ со 2-ю карабинерною ротою Эриванскаго полка двинулся по гребню праваго берега Шалажа, чтобы прикрыть справа движеніе 2-й карабинерной роты Кубанскаго егерскаго полка, направленной

по обращенному въ нашу сторону скату. Двѣ роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка заняли лѣвый берегъ Валерика, а два легкихъ орудія начали обстрѣливать пространство влѣво отъ пути наступленія кубанскихъ егерей. Всѣ остальные части, усиленные прибывшими 2-мя ротами Эриванскаго полка, сотнею казаковъ изъ Самашки и 2-хъ горныхъ орудій, расположились въ видѣ общаго резерва между Шалажемъ и Валерикомъ. Бой становился все жарче и жарче. Князь Шаликовъ опрокинулъ противника и, увлекшись преслѣдованіемъ, бросился за бѣгущимъ непріателемъ на противоположный скатъ и здѣсь, въ чащѣ лѣса, вступилъ съ нимъ въ рукопашную схватку. 2-я рота кубанцевъ штыками очистила отъ непріателя весь внутренній склонъ гребня, затѣмъ поднялась вверхъ, заняла высоты и, соблюдая въ самомъ пылу боя примѣрный порядокъ въ цѣпяхъ своихъ, удержалась тамъ, несмотря на всѣ отчаянные натиски превосходнаго въ силахъ непріателя. Чтобы подкрѣпить передовыя части, отступленіе которыхъ было затруднено необходимостью нести убитыхъ и раненыхъ, генералъ Вревскій повелъ на встрѣчу имъ спѣшенныхъ сунженскихъ казаковъ. Одушевленные примѣромъ командира своего, войскового старшины Предимирова, казаки дружно бросились въ шашки и поддержали карабинеровъ въ жаркой ихъ схваткѣ съ непріателемъ. Подъ прикрытіемъ выдвинутыхъ эриванской и кубанской ротъ, отступленіе по гребню и скату произведено было въ порядкѣ. Непритель, по своему обычаю, насѣдалъ на арьергардъ, но всѣ его попытки были отбиты. Къ 2-мъ часамъ пополудни бой, продолжавшійся цѣлые 9 часовъ, совершенно прекратился и отрядъ расположился бивакомъ по обѣ стороны завала, устроеннаго между Шалажемъ и Валерикомъ. Потеря наша въ этомъ упорномъ дѣлѣ состояла изъ 1-го оберъ-офицера (штабсъ-ротмистръ князь Бесланъ Маршани) и 11-ти нижнихъ чиновъ убитыми, 1-го оберъ-офицера (Кубанскаго егерскаго полка капитанъ Борзенко) и 42-хъ нижнихъ чиновъ ранеными и

2-хъ безъ вѣсти пропавшими. По показаніямъ лазутчиковъ, потеря непріятеля убитыми, сгорѣвшими и ранеными была весьма значительна. Перешедшіе на нашу сторону жители съ величайшимъ самоотверженіемъ сражались противъ прежнихъ своихъ сосѣдей и кровью доказали намъ искренность своей преданности. Число перешедшихъ семействъ въ продолженіи боя простиралось до 25-ти, между которыми находились почти всѣ старшины ауловъ этого ущелья. Результаты дѣла 8-го марта были для насъ весьма выгодны. Оно еще болѣе убѣдило горцевъ, что единственное средство къ спасенію заключалось въ переселеніи въ наши предѣлы. Въ ту же ночь, съ 8-го на 9-е марта, еще 10-ти семействамъ удалось перебраться къ намъ изъ ущелья. Кромѣ того, ежедневно являлись аульные старшины съ предложеніями переселиться при первой возможности и съ просьбою отвести имъ землю, на которой могли бы они водвориться въ безопасности отъ Шамиля.

9-го марта отрядъ, къ которому подоспѣли еще 13-я мушкетерская рота Тенгинскаго и 5-я гренадерская Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, оставался на Шалажѣ, занимаясь уничтоженіемъ устроеннаго въ прошломъ году завала. 10-го числа отрядъ перешелъ на Нетхой и въ ту же ночь предпринялъ движеніе противъ тавлинцевъ, расположенныхъ у выхода рѣки Гехи изъ горъ. Такъ какъ по прибытіи на нурикойскую поляну пришло извѣстіе, что партіи тавлинцевъ удалились въ самую глубь ущелій, то отрядъ возвратился на прежнее мѣсто своего расположенія. На слѣдующій день часть его была возвращена на линію, а для устройства окоповъ и производства работъ по укрѣпленію ауловъ на р. Нетхой и на ур. старомъ Ачхоѣ, въ видахъ обезпеченія предполагавшагося поселенія въ этихъ мѣстахъ мирныхъ чеченцевъ, былъ оставленъ тамъ отрядъ изъ 6-ти ротъ пѣхоты, команды саперъ, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ батарейныхъ орудій, подъ командою подполковника Наумова. Послѣднему

было предписано, по окончаніи возложеннаго порученія, присоединиться къ отряду, оставивъ на Нетхоѣ для дальнѣйшаго прикрытія переселенцевъ двѣ роты пѣхоты ²¹⁾. Выдѣливъ упомянутыя части войскъ, отрядъ выступилъ обратно. 22-го марта онъ прибылъ въ укр. Ачхоевское, на слѣдующій день пришелъ къ уроч. Алхастъ-тхы и 24-го числа расположился лагеремъ на Ассѣ, поблизости аула Мужичъ. По присоединеніи къ нему нѣкоторыхъ частей изъ Владикавказа и съ верхне-сунженской линіи, онъ состоялъ изъ 2-го баталіона Эриванскаго, 2-го баталіона и 2-хъ ротъ 5-го баталіона Тенгинскаго, 2-го баталіона и 1-й роты 5-го баталіона Навагинскаго, и 2-го баталіона Кубанскаго полковъ, команды саперъ въ 25 человекъ, взвода Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 2-хъ сотенъ Владикавказскаго казачьяго полка (прочія сотни были оставлены позади, на линіи, по причинѣ затруднительности продовольствія ихъ въ галашевскомъ ущельи), 4-хъ горныхъ орудій легкой № 4 батареи, 2-хъ подвижныхъ орудій съ верхне-сунженской линіи, тагаурской, алагирской, вуртатинской и карабулакской милиціи ²²⁾.

Съ 25-го по 31-е марта войска, расположенныя въ лагерѣ у Мужича, занимались рубкою лѣса и проложеніемъ дороги между Цоки-юртомъ и Мужичемъ, гдѣ встрѣчались наибольшія препятствія къ движенію вверхъ по галашевскому ущелью. По окончаніи этихъ работъ генералъ Вревскій рѣшилъ проложить новое сообщеніе отъ Фортанги къ хребту Каре-Ламъ —ключу для входа въ обширную и плодородную равнину, простирающуюся между Черными горами и главнымъ хребтомъ, отъ Аргуна до военно-грузинской дороги, куда укрылись непокорные горцы, вытѣсненные съ плоскости Малой Чечни. Всѣ предварительно сдѣланныя къ этому походу распоряженія

---

²¹⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I. Репортъ г.-м. бар. Вревскаго отъ 27-го марта 1853 года № 30.

²²⁾ Тамъ же.

были рассчитаны такъ, чтобы поселить убѣжденіе, что главная и единственная цѣль наша заключалась въ занятіи мереджинскаго ущелья, въ покореніи тамошнихъ ауловъ и вырубкѣ лѣса отъ Алкуна къ верховьямъ Фортанги, по направленію къ нагорнымъ чеченскимъ обществамъ ²³⁾. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Непрiятель, предполагая продать намъ это новое прiобрѣтеніе дорогою цѣною, собралъ въ мереджинскихъ ущельяхъ значительныя скопища, устроилъ по всей дорогѣ черезъ лѣсъ завалы и выставилъ пикеты. Генералъ Вревскій всѣми мѣрами поддерживалъ заблужденіе непрiятеля и для этого даже приблизилъ 29-го марта къ Алкуну два баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Мезенцева, которому приказалъ заняться тамъ устройствомъ дороги, рубкою лѣса и производствомъ рекогносцировокъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ косвенныхъ внушеній и обѣщаній со стороны пристава Козлова, прибыла въ лагерь на Мужичѣ депутація отъ вновь покорившихся намъ жителей новаго Датыха съ просьбою возобновить для нихъ разрушенныя башни стараго Датыха и окопать аулъ рвомъ, по примѣру того, какъ недавно было сдѣлано для вновь поселенныхъ нами ауловъ на р. Нетхоѣ и на ур. ст. Ачхоѣ. Въ виду этой просьбы, утромъ 31-го марта отправлены были къ старому Датыху 6 ротъ пѣхоты, 2 сотни казаковъ Владикавказскаго полка и два горныхъ орудія. Передвиженіе ихъ на Фортангу не возбудило въ непрiятелѣ никакихъ опасеній, такъ какъ слухъ о возобновленіи датыхскихъ башенъ распущенъ былъ заблаговременно. Въ ту же ночь генералъ Вревскій съ частью милиціи скрытно отправился къ Датыху, приказавъ войскамъ сняться съ позицій у Мужича и Алкуна. Новый Датыхъ былъ избранъ исходнымъ пунктомъ нашей новой операціонной линіи.

Верстахъ въ 7-ми къ юго-востоку отъ Датыха, перпен-

---

²³⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I. Рапортъ г.-м. Вревскаго 1853 г. № 63.

дикулярно теченію Фортанги, на правомъ берегу ея, поднимается весьма высокій горный хребетъ, называемый Каре-Ламъ. Скаты его, обращенные къ сѣверу, были покрыты густымъ лѣсомъ, но самый гребень и южные склоны были безлѣсны. Хребетъ этотъ, дѣлая нѣсколько изломовъ, подъ названіями Дзугуръ-Лама, Мередони-Лама, Ялхорей-Лама и Булай-Лама, тянется непрерывно до самой Гехи, огибая съ южной стороны ущелья Нетхоя, Шалажа, Валерика и западную половину гехинскаго ущелья. Къ югу отроги его тянутся по краю акинскаго и другихъ верхне-чеченскихъ обществъ къ самымъ источникамъ Аргуна, до предѣловъ тушино-пшаво-хевсурскаго округа. На всемъ своемъ протяженіи гребень этого хребта, будучи вездѣ удобопроходимъ и безлѣсенъ, служитъ водораздѣломъ, не прерывается никакими оврагами и постоянно командуетъ надъ прилежащими къ нему глубокими долинами, въ которыхъ обитало враждебное намъ народонаселеніе. Чтобы приготовить движеніе къ этому хребту, приходилось дѣйствовать внезапно. Генераль Вревскій, прибывъ въ старый Датыхъ во 2-мъ часу пополуночи, немедленно отправилъ часть милиціи и сотню владикавказскихъ казаковъ, подъ начальствомъ маіора Козлова, на правый берегъ Фортанги; за ними послѣдовали и всѣ прочія части, расположенныя у Датыха. Дорога отъ Фортанги до каре-ламскихъ высотъ тянулась верстъ на 8 непрерывно вверхъ по болѣе или менѣе густому лѣсу, слѣдуя большею частью по направленію отрога, отходящаго къ сѣверу. Это направленіе, доставляя намъ выгоды командованія, предохраняло отъ значительной потери, ибо, несмотря на скрытность движенія, оно скоро было замѣчено абреками, жившими пососѣдству, въ ущельи Чольхи. Непрерывный огонь ихъ началъ сопровождать колонну. Часовъ въ 9 утра передовыя части достигли вершины Каре-Лама, съ которой при ясной погодѣ открывалась безконечная панорама на плоскость Малой Чечни, а у ногъ были глубокія и до тѣхъ

поръ неизвѣстныя намъ ущелья притоковъ Фортанги и Нетхоя, эти гнѣзда хищниковъ и абрековъ. Вслѣдъ затѣмъ прибыла милиція изъ лагеря у Мужича съ полковникомъ Агаевымъ и казаки съ войсковымъ старшиною Предимировымъ, а въ продолженіи 2-го и 3-го апрѣля достигли Каре-Лама и всѣ остальные части, за исключеніемъ 2-го баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, оставленнаго въ новомъ Датыхѣ, и трехъ ротъ при 4-хъ легкихъ орудіяхъ, которыя были расположены со всѣми тяжестями у аула Асланъ-юртъ, на Ассѣ, подъ командой подполковника Саунова. При движеніи на Каре-Ламъ мы потеряли ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ (Владикавказскаго казачьяго полка есауль Тимашевскій и переводчикъ штабсъ-капитанъ Афико-Фидаровъ), 1 убитаго и 12 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Такая незначительная потеря съ нашей стороны объяснялась удачнымъ выборомъ направленія и въ особенности тѣмъ, что всѣ непріятельскія скопища стояли на Мереджѣ, а жители успѣли перевести семейства и имущество въ глубь лѣсовъ. Отрядъ расположился лагеремъ частью на гребнѣ Каре-Лама, отчасти, нѣсколькими эшелонами, по дорогѣ къ новому Датыху, къ разработкѣ которой было уже приступлено со всевозможною поспѣшностью. Такъ какъ доставка продовольствія кавалеріи представляла въ то время года весьма большія затрудненія, то ее передвинули въ галашевское ущелье, въ лагерь у Асланъ-юрта, откуда она могла прибыть на Каре-Ламъ по первому требованію. Подполковникъ Сауновъ тѣмъ временемъ разработалъ дорогу отъ Асланъ-юрта до стараго Датыха и сталъ лагеремъ на Фортангѣ съ 3-мя ротами, 2-мя легкими орудіями и полсотнею казаковъ.

Шайки абрековъ, укрываясь за скалистыми выступами покатостей Каре-Лама, производили стрѣльбу по лагерю, но безъ всякаго для насъ вреда. 4-го апрѣля часть пѣхоты была передвинута по гребню на нѣкоторое разстояніе отъ прежняго мѣста. Непріятель, замѣтивъ это движеніе и полагая, что мы от-

ступаемъ, бросился густою толпой на оставшіяся войска — роту 2-го баталіона Эриванскаго полка, подъ командою капитана князя Шаликова, и двѣ роты 2-го навагинскаго баталіона, подъ командою маіора Свищева. Эта дерзость не дешево обошлась горцамъ. Встрѣченные огнемъ артилеріи, ракетами, залпами и штыками пѣхоты, они лишились до 30-ти человекъ убитыми и были опрокинуты съ такою стремительностью, что оставили на мѣстѣ много тѣлъ. Съ нашей стороны потеря заключалась въ двухъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Неожиданное извѣстіе о появленіи отряда Вревскаго на каре-ламскихъ высотахъ быстро разнеслось по всѣмъ ущельямъ нагорной Чечни. Сознавая всю важность результатовъ, которые пріобрѣтались дѣйствіями въ этомъ направленіи, Шамиль употребилъ величайшія усилія, чтобы отвлечь насъ съ Каре-Лама и воспрепятствовать устройству пути оттуда къ Фортангѣ. Повинуясь его призывамъ, чеченскіе и тавлинскіе наибы собрали многочисленныя скопища, часть которыхъ расположилась со стороны плоскости у входовъ въ ущелья Черныхъ горъ, въ надеждѣ появленіемъ своимъ заставить нашъ отрядъ сняться съ каре-ламской позиціи и поспѣшить на охрану верхне-сунженской линіи. Одна изъ этихъ партій произвела нападеніе 4-го апрѣля на небольшой отрядъ, расположенный, подъ начальствомъ маіора Тенгинскаго полка Центиловича, на Нетхоѣ, возлѣ вновь устраиваемаго аула. Встрѣченная ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, она потерпѣла значительный уронъ и скрылась въ нетхойскомъ ущельи. Одновременно съ этимъ, для наблюденія за нашимъ отрядомъ, постепенно собралось въ виду каре-ламской позиціи 7 набовъ съ болѣе или менѣе значительными партіями.

Между тѣмъ наступила весьма ненастная и холодная погода. На гребнѣ Каре-Лама почти непрерывно свирѣпствовали снѣжныя метели и стоялъ густой туманъ. Хотя распутица сдѣлала совершенно невозможными какія бы то ни было на-

ступательныя дѣйствія, тѣмъ не менѣе разработка дороги къ новому Датыху велась весьма успѣшно, благодаря неутомимой энергіи войскъ и ихъ руководителей. 9-го апрѣля погода разъяснилась и работа пошла успѣшнѣе. По всему протяженію дороги, слишкомъ на 8 верстъ, сдѣлана была довольно широкая просѣка, чтобы затруднить горцамъ устройство заваловъ. Для дальнѣйшаго движенія въ ущелье Мереджи и къ предѣламъ акинскаго общества Вревскій притянулъ всѣ части отряда къ гребню Каре-Лама, за исключеніемъ небольшого эшелона, оставленнаго на Фортангской переправѣ противъ Датыха. Но къ вечеру 11-го апрѣля густой туманъ покрылъ окрестности, холодный порывистый вѣтеръ, сопровождавшійся дождемъ и снѣгомъ, сдѣлалъ движенія по горамъ крайне изнурительными, а потому пришлось отказаться отъ всякаго наступленія, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, полученныя отъ генералъ-маіора Бакланова и съ верхне-сунженской линіи объ увеличившихся непріятельскихъ сборахъ въ Большой и Малой Чечнѣ, указывали на необходимость присутствія войскъ на плоскости. Около полудня 12-го апрѣля сдѣланы были всѣ распоряженія къ обратному движенію съ каре-ламскихъ высотъ. Въ прикрытіе отступленія на позиціи оставлена была только пѣшая милиція, подъ начальствомъ маіора Казбека, и сборная снѣпенная сотня казаковъ съ ракетами, подъ начальствомъ капитана Шанъ-Гирея. На спускѣ съ крутыхъ высотъ лошадей вели въ поводу, поодиночкѣ; вьючныя лошади скользили на каждомъ шагу; пѣхота пробиралась по краямъ дороги, надъ обрывами. Туманъ наконецъ нѣсколько разъяснялся и горцы, замѣтивъ наше отступление, начали собираться густыми толпами на возвышенностяхъ. 3-й навагинскій баталіонъ, подъ командою подполковника Наумова, съ однимъ орудіемъ, штуцерными стрѣлками и ракетной командой, занявши выгодную позицію, пропустилъ всѣ прочія части и, только принявъ на себя казаковъ и милицію, прикрывавшихъ на гребнѣ отступление, началъ медлен-

но отходить. Горцы словно ждали этого момента, чтобы толпами хлынуть вниз и разсыпаться по лѣсистымъ окраинамъ скатовъ. Завязался жаркій и упорный бой. Подполковникъ Намумовъ, выдерживая сильнѣйшій огонь съ обоихъ фланговъ и опрокидывая штыками непріятеля, осмѣливавшася появляться у него въ тылу, отступилъ въ величайшемъ порядкѣ къ мѣсту, гдѣ было расположено одно изъ горныхъ орудій, обстрѣливавшее дорогу. Въ облегченіе отступавшихъ Вревскій вернулъ двѣ роты 2-го баталіона Эриванскаго полка, пріостановившія натискъ противника. Затѣмъ двѣ роты 2-го баталіона Кубанскаго полка съ однимъ орудіемъ, занявъ выгодную позицію, пропустили сквозь ряды свои утомленный боемъ и обремененный значительнымъ числомъ раненыхъ 3-й навагинскій баталіонъ. Отдохнувъ отъ жаркой схватки, навагинцы вмѣстѣ со 2-мъ баталіономъ Эриванскаго полка заняли снова позицію, уже ближе къ Датыху. Здѣсь только прекратилось ожесточенное преслѣдованіе горцевъ, которые съ огромнымъ урономъ скрылись отъ насъ на днѣ глубокихъ лѣсныхъ балокъ, изрѣзывающихъ скаты Каре-Лама.

Нельзя не назвать этого отступленія замѣчательнымъ, принимая во вниманіе, что отрядъ отступалъ на протяженіи цѣлыхъ 8-ми верстъ въ лѣсу, по дорогѣ, едва проходимой для отдѣльнаго пѣшехода за десять дней назадъ, и что цѣлыя тысячи горцевъ со всѣхъ сторонъ окружали войска, которыя не могли иначе тянуться какъ длинною узкою колонною. Потеря наша состояла изъ 7-ми убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ 1-го штабъ-офицера, 5-ти оберъ-офицеровъ и 77-ми нижнихъ чиновъ. Потеря малочисленная, если взвѣситъ затрудненія, среди которыхъ происходилъ бой.

Спустившись внизъ, отрядъ прошелъ новый Датыхъ и, переправясь черезъ Фортангу, расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу ея, возлѣ бывшаго аула Датыха. Всю ночь на лѣсистомъ скатѣ Каре-Лама мелькали огоньки, при свѣтѣ кото-

рыхъ горцы отыскивали по балкамъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

13-го апрѣля отрядъ уменьшился на баталіонъ Кубанскаго полка, отправленный въ Нальчикъ ²⁴⁾). Въ этотъ же день и утромъ 14-го числа часть отряда, расположившагося на лѣвомъ берегу Фортанги лагеремъ, занималась приведеніемъ стараго Датыха въ оборонительное состояніе, обнося его рвомъ и возобновляя полуразрушенныя башни. Въ то же время жители новаго Датыха, построеннаго недавно на правомъ берегу Фортанги, перевозили все свое имущество на лѣвый берегъ, къ старому аулу, гдѣ, подъ защитою устроенныхъ нами укрѣпленій, могли жить въ безопасности отъ нападенія непокорныхъ горцевъ. 14-го апрѣля отрядъ продолжалъ обратное движеніе, а 15-го всѣ части его расположились по квартирамъ. Этимъ закончилась зимняя экспедиція въ Малую Чечню. Результаты, достигнутые ею, видны изъ приказа по отдѣльному кавказскому корпусу, 10-го мая 1853 года:

„Въ продолженіи періода военныхъ дѣйствій съ 8-го марта по 14-е апрѣля сего года со стороны владикавказскаго округа достигнуты весьма важные результаты. Несмотря на упорное противодѣйствіе преданной Шамилю партіи, часть шалажинскихъ жителей переселена въ наши предѣлы. Для безопаснаго водворенія какъ этихъ переселенцевъ, такъ и тѣхъ, которые ждутъ только благопріятнаго случая, чтобы послѣдовать ихъ примѣру, произведены земляныя работы для укрѣпленія большаго аула на Нетхоѣ и на урочищѣ старомъ Ачхоѣ.

Разработка дороги между Цоки-юртомъ и Мужичемъ и далѣе къ Алкуну окончательно сдѣлала галашевское ущелье совершенно удобо-проходимымъ для войскъ и всякаго рода тяжестей; противъ аула Асланъ-юрта устроена черезъ Ассу переправа и уничтожены всѣ препятствія, представляемыя на мѣстѣ высокими и крутыми краями рѣчной долины. Отъ Асланъ-юрта до Датыха, по направленію, гдѣ передъ этимъ

---

²⁴⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. отд. 2-е. 1852 г. № 13, ч. I. Рапортъ генерала Вревскаго отъ 18-го апрѣля 1853 г. № 860.

едва могли проходить одни горныя орудія, проведена дорога, удобная для движенія всѣхъ тяжестей. Черезъ Фортангу, между старымъ и новымъ Датыхомъ, устроена также переправа. Занятіе каре-ламскаго гребня, гдѣ не появлялись до сихъ поръ наши отряды, открываетъ намъ новую операціонную линію отъ Бумута по направленію, которое горцы почитали невозможнымъ для насъ и которое прямо идетъ въ сердце нагорной Чечни, минуя ущелья Черныхъ горъ со всѣми ихъ препятствіями. Устройство этого пути совершено, несмотря на непогоду, затрудненія мѣстныя и краткость времени. Отступленіе 12-го апрѣля, исполненное на протяженіи 8-ми верстъ въ совершенномъ порядкѣ, безъ значительной потери, посреди упорнаго боя противъ скопищъ, приведенныхъ 7-ю наибамы, доказываетъ, какихъ успѣховъ достигли мы уже въ отношеніи къ открытію сообщенія по этому направленію.“

II.

Зимнія дѣйствія въ Большой Чечнѣ. Составъ отряда. Сборы непріятеля и планы военныхъ дѣйствій. Движеніе нашего отряда на р. Мичиѣ. Занятіе хоби-шавдонскихъ высотъ 6-го февраля. Ошибка непріятеля. Выгода занятой нами позиціи. Работы. Кровопрлитное дѣло 17-го февраля у Мичика. Работы и дѣйствія войскъ послѣ 17-го февраля. Роспускъ отряда.

Войска, назначенныя для дѣйствія въ Большой Чечнѣ, въ составѣ 11-ти баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, 8-ми сотень казаковъ и милиціи и 24-хъ орудій, находились въ сборѣ съ 5-го января 1853 года, располагаясь частью въ крѣпости Грозной, частью на кумыкской плоскости. Въ Грозной стояли 1-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго, 1-й и 4-й Навагинскаго, 2-й, 3-й и 4-й князя Воронцова полковъ, 1-й сводный линейный баталіонъ, команды отъ 3-го резервнаго сапернаго и Кавказскаго стрѣлковаго баталіоновъ, ракетныя команды—пѣшая отъ князя Воронцова и конная отъ казачьихъ полковъ—по одной сотнѣ отъ 4-й, 5-й и 6-й бригадъ линейнаго

казачьяго войска, сотня Моздокскаго и сотня Гребенскаго казачьихъ полковъ, сотня грозненскихъ казаковъ и сотня чеченской милиціи, по дивизиону отъ батарейныхъ №№ 5-й и 3-й и легкой № 5-й батареи, взводъ батарейной № 4 батареи, взводъ легкихъ орудій отъ той же батареи, взводъ донской конно-артилерійской № 7 батареи и 6 орудій конно-артилерійской казачьей № 15-й батареи. На кумыкской плоскости, въ укр. Хасавъ-юртъ, стояли 2-й, 3-й и 5-й баталіоны князя Чернышева полка съ принадлежащею этому полку ракетною командою; въ укр. Куринскомъ—сотня Донскаго казачьяго № 17 полка; въ станицѣ Шелкозаводской—два дивизиона драгунскаго принца Виртембергскаго и сотня Кизлярскаго казачьяго полковъ. Такое расположеніе войскъ было выгодно въ томъ отношеніи, что, ставя непріятеля въ неизвѣстность насчетъ пункта, къ которому будетъ устремленъ нашъ первый ударъ, повсемѣстно держало его въ тревожномъ состояніи. Сборы непріятеля для противодѣйствія намъ начались ранѣе. Постоянно получались свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о возрастающемъ прибытіи партій отъ всѣхъ подвластныхъ Шамилю племенъ въ сосѣдніе съ нами аулы; въ ночь же съ 3-го на 4-е января самъ Шамиль явился туда съ главными силами, сиѣша поправить свои сильно пошатнувшіяся дѣла послѣ нашей прошлогодней экспедиціи. Съ другой стороны, недостатокъ у непріятеля продовольственныхъ запасовъ, истребленныхъ во время движенія нашихъ войскъ по Чечнѣ еще въ августѣ прошлаго года, подалъ мысль князю Барятинскому пріостановить на нѣкоторое время открытіе военныхъ дѣйствій. Времени для окончанія предположенныхъ просѣкъ имѣлось вполне достаточно, а между тѣмъ затрудненія непріятеля и неудовольствія, начавшіяся между чеченцами и пришедшими на защиту ихъ племенами, прогрессивно увеличивались, что несомнѣнно было намъ на руку. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, князь Барятинскій оставался на мѣстѣ, пока не выбралъ выгоднаго момента

для открытія дѣйствій ²⁵⁾). Дѣйствительно, затрудненія непріятеля день-отодня увеличивались ²⁶⁾). Шамиль, желая, вѣроятно, поднять духъ своихъ войскъ, упавшій отъ бездѣйствія и разныхъ невзгодъ, задумалъ напасть на вновь населенный аулъ Исти-су. Предупрежденный объ этомъ лазутчиками, князь Барятинскій сообщилъ извѣстіе командующему войсками на кумыкской плоскости г.-м. Бакланову и выслалъ въ ночь на 14-е января колонну изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 5-ти сотень казаковъ и 12-ти орудій, подъ начальствомъ г.-м. Линевица, къ мѣсту расположенія нашего лагеря на Аргунѣ. Вслѣдъ за этой колонной онъ думалъ двинуться самъ, для чего сдѣлалъ нужныя распоряженія.

Выступивъ изъ Грозной въ 2 часа пополудни 14-го, Линевицъ къ 5-ти часамъ утра прибылъ къ названному мѣсту. Выстрѣлы его колонны и слухъ о приближеніи войскъ, подъ начальствомъ самого Барятинскаго, дошедшій до Шамиля черезъ его лазутчиковъ, распространили тревогу по всему непріятельскому расположенію. Съ разсвѣтомъ замѣчены были вдали значительныя непріятельскія партіи, стягивавшіяся изъ различныхъ мѣстъ на встрѣчу колоннѣ. Убѣдившись, что цѣль движенія достигнута и непріятель обратилъ все свое вниманіе въ эту сторону, войска повернулись назадъ и въ тотъ же день благополучно возвратились въ Грозную. 27-го января Барятинскій, оставивъ вмѣсто себя г.-м. Форстена ²⁷⁾ съ 4-мя баталіонами пѣхоты, 8-ю сотнями казаковъ и 8-ю орудіями, выступилъ съ 5½ баталіонами пѣхоты, 7-ю сотнями казаковъ и милиціи и 22-мя орудіями ²⁸⁾ на ночлегъ къ сел. Новый-

---

²⁵⁾ Рапортъ начальника чеченскаго отряда отъ 9-го января 1853 года № 51. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I.

²⁶⁾ Рапортъ начальника чеченскаго отряда отъ 17-го января 1853 г. № 113. Тамъ же.

²⁷⁾ Рапортъ начальника чеченскаго отряда кн. Барятинскаго отъ 2-го февраля 1853 г. № 228. Тамъ же.

²⁸⁾ 2-й, 3-й и 4-й баталіоны егерскаго генераль-адъютанта кн. Воронцова полка, 1-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго, двѣ роты Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, команды отъ 3-го резервнаго сапернаго и Кавказскаго стрѣлковаго баталіоновъ, по одной сотнѣ отъ 4-й, 5-й и 6-й бригады линейнаго казачьяго войска, сотни Моздокскаго, Гребенскаго казачьихъ полковъ, грез-

юртъ. 28-го онъ прибылъ въ укр. Умаханъ-юртъ, гдѣ посвятилъ часть этого и слѣдующаго дня на переправу пѣхоты, артилеріи и обоза, а также на постройку у себя въ тылу моста черезъ Сунжу.

Рѣка Мичикъ составляла въ то время послѣднюю преграду нашему наступленію въ Чечню, дни которой, казалось, были сочтены. Дорога, по окончаніи просѣкъ, упиралась въ Мичикъ самымъ неудобнымъ для насъ образомъ. Вся мѣстность противоположнаго берега этой рѣки на разстояніи ружейнаго выстрѣла образовывала гребень, укрѣпленный вѣвикою засѣкою со рвомъ, за которыми скопище Шамиля, имѣя въ тылу крупный и безконечный лѣсъ, могло упорно держаться и обстрѣливать сильнымъ перекрестнымъ огнемъ рѣчную переправу. Чтобы завладѣть этою постоянною переправою, находившеюся на пути всѣхъ нашихъ движеній за Мичикъ, князь Барятинскій считалъ необходимымъ проложить новую дорогу. Съ этою цѣлью онъ сосредоточилъ въ укр. Куринскомъ 1-й, 3-й и двѣ роты 1-го баталіона кн. Чернышева, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны князя Воронцова, 1-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго, 2 роты Навагинскаго, 3-й баталіонъ графа Паскевича-Эриванскаго и двѣ роты Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, по одной сотнѣ отъ 4-й, 5-й и 6-й бригадъ линейнаго казачьяго войска, по одной сотнѣ Гребенскаго, Моздокскаго и Кизлярскаго казачьихъ полковъ, весь Донской казачій № 17 полкъ, по сотнѣ грозненскихъ казаковъ, чеченской и кумыкской милиціи, два дивизіона драгунскаго принца Виртембергскаго полка, по одному дивизіону отъ батарейныхъ №№ 3 и 5 батарей и легкой № 5 батареи, взводъ отъ батарейной № 4 батареи, взводъ легкихъ орудій отъ той же батареи, 6 орудій конно-артилерійской казачьей № 15 батареи, дивизіонъ № 7 батареи и 6 орудій

венскихъ казаковъ и чеченской милиціи, по одному дивизіону отъ батарейныхъ № 3 и 5 батарей, одинъ дивизіонъ легкой № 5 батареи, взводъ орудій отъ батарейной № 4 батареи, взводъ легкихъ орудій той же батареи, 6 орудій конно-артилерійской казачьей № 15 батареи, ракетныя команды—пѣшая отъ князя Воронцова и сборная отъ казачьихъ полковъ.

отъ батареіной № 4 батареи, команды отъ 3-го резервнаго сапернаго и Кавказскаго стрѣлковаго баталіоновъ, а также ракетныя команды отъ кн. Чернышева и Воронцова полковъ и сборныя отъ казачьихъ полковъ,—всего 10½ баталіоновъ пѣхоты, 14 сотень казаковъ и милиціи, 32 орудія и 4 ракетныхъ и прочихъ командъ. Для того же, чтобы до полнаго сосредоточенія войскъ къ сборному пункту предупредить непріятеля и не дозволить ему раньше занять намѣченныя нами мѣста, Барятинскій безъ замедленія двинулся съ легкимъ отрядомъ изъ кавалеріи и 6-ю конными орудіями къ укр. Куринскому. Прибывъ туда 29-го января, онъ уже нашелъ тамъ колонну полковника барона Николаи, пришедшую наканунѣ. На слѣдующій день ожидалась остальная пѣхота отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Линевича. Въ 7 часовъ утра 30-го января Барятинскій направилъ г.-м. Бакланова, съ Донскимъ казачьимъ № 17 полкомъ, 2-мя сотнями 5-й бригады линейнаго казачьяго войска и Гребенскаго казачьяго полка, дивизиономъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, двумя ротами Самурскаго пѣхотнаго полка, 1½ взводами донской № 7 батареи и 6-ю орудіями конно-артилерійской казачьей № 15 батареи, къ описанному выше спуску на Мичивѣ, чтобы привлечь сюда вниманіе непріятеля, а съ остальными войсками, бывшими подъ рукой—3-мя баталіонами пѣхоты, 10-ю сотнями казаковъ, дивизиономъ драгунъ и 6-ю орудіями—двинулся ко вновь населенному аулу Исти-су, у котораго и встрѣтился съ колонною г.-м. Линевича. Оставивъ тутъ обозъ, отрядъ въ полномъ составѣ своемъ двинулся по ущелью Гасанъ-винъ къ Гурдалю. Направленіе это считали самымъ удобнымъ для проложенія новаго перевала черезъ качкалыковскій хребетъ къ Мичику²⁹⁾. Гасанъ-винское ущелье было покрыто до самаго хребта

---

²⁹⁾ По этой дорогѣ ходилъ г.-м. Баклановъ, бывши еще полковникомъ, 23-го марта 1852 года, къ ауламъ Гурдалой и Мазлыгашъ для вывода желавшихъ перейти на нашу сторону чеченцевъ, изъ которыхъ и составилъ аулъ Исти-су.

довольно густымъ лѣсомъ; сначала шелъ орѣшникъ, потомъ весьма крупный лѣсъ, сгущавшійся у перевала до непроходимости. Постепенно возвышающіяся высоты, которыми образуется ущелье, были покрыты также густымъ лѣсомъ и командовали надъ дорогою. Дойдя до верхней части ущелья, князь Барятинскій остановилъ войска, занялся рубкою лѣса и, по прошествіи 4-хъ часовъ, разрѣдилъ его до того, что возможно было провезти три легкихъ орудія на вершину перевала. Работа продолжалась еще часа три, послѣ чего князь Барятинскій возвратился въ укр. Куринское съ убѣжденіемъ, что новая дорога станетъ для насъ удобною только тогда, когда мы завладѣемъ переправою черезъ Мичикъ и расположимся на противоположной сторонѣ рѣки. Диверсія г.-м. Бакланова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Непріятель, сосредоточившись и открывъ канонаду, чтобы не дать русскимъ занять переправу, остался въ совершенномъ незнаніи того, что дѣлалъ князь Барятинскій. Потеря отряда Бакланова заключалась въ 3-хъ убитыхъ лошадяхъ.

Между тѣмъ лазутчики дали знать, что Шамиль прибылъ съ девятнадцатью наибами и 4-мя орудіями, имѣя въ виду во что бы ни стало удержатъ за собою переправу и воспрепятствовать намъ вторгнуться съ этой стороны въ Большую Чечню. Онъ сознавалъ, что власть его здѣсь сопряжена съ успѣхомъ этой защиты. 1-го февраля была послана колонна изъ 5-ти баталіоновъ, дивизіона драгунъ, 3-хъ сотень казаковъ и 6-ти легкихъ орудій, подъ начальствомъ барона Николаи, на рубку просѣки и расчистку дороги въ гасанъ-винскомъ ущельи³⁰⁾. Непріятель слабо мѣшалъ этимъ работамъ. Хотя перестрѣлка и возобновлялась нѣсколько разъ, но потеря наша въ продолженіи всего дня состояла изъ 1-го раненаго рядового. 2-го числа войскамъ данъ былъ отдыхъ, причемъ одинъ

---

³⁰⁾ Рапортъ начальника чеченскаго отряда отъ 10-го февраля 1853 года, № 301. Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I.

баталіонъ ходилъ на рубку дровъ для всего отряда. 3-го и 4-го февраля продолжалась рубка той же просѣки колоннами такого же состава, подъ начальствомъ полковниковъ Ляшенко и Левина. Въ эти дни мы не имѣли потерь. 5-го люди снова отдыхали. Слабое сопротивленіе, оказываемое непріателемъ при рубкѣ этого лѣса, и извѣстія, приносимыя лазутчиками о томъ, что горцы съ каждымъ днемъ усиливали свою крѣпкую позицію на старой нашей переправѣ, давали основаніе предполагать, что работы въ гасанъ-винскомъ ущельи Шамиль принялъ за диверсію, а отдыхъ 5-го числа за приготовленіе къ штурму. Онъ почти угадалъ: 6-е февраля начальникъ чеченскаго отряда назначилъ для овладѣнія непріятельскою укрѣпленною позиціею.

Въ то время, какъ обѣ стороны готовились къ встрѣчѣ, князь Барятинскій направилъ въ 8 часовъ утра на прежнюю переправу одинъ баталіонъ пѣхоты, 7 орудій и всю кавалерію, подъ начальствомъ Бакланова, приказавъ всѣмъ остальнымъ войскамъ быть готовыми къ движенію. Генералу Бакланову приказано, по занятіи спуска противъ непріятельскихъ заваловъ, открыть канонаду. Горцы тотчасъ же стянулись для защиты своей позиціи, а князь Барятинскій, безъ обоза, на легкахъ, быстро двинулся съ остальными войсками въ противоположную сторону, къ гасанъ-винскому ущелью, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе генералу Бакланову сняться съ занятой имъ позиціи и спѣшить къ нему на соединеніе. Такимъ образомъ была безъ выстрѣла занята нами столь сильно укрѣпленная природою высота Хоби-Шавдонъ, на которой отрядъ и расположился бивакомъ. Единственное неудобство ея состояло въ недостаткѣ воды, но саперы, пользуясь текущими вблизи ручьемъ и ключами, устроили запруды и доставили воду въ избыткѣ. Непритель, замѣтивъ свою ошибку, вывезъ орудія и началъ стягиваться въ ближайшій къ позиціи лѣсъ. Слабыя попытки его оттѣснить насъ не имѣли успѣха. Наша

кавалерія занимала голову позиціи, такъ какъ мѣстность до самаго Мичика была совершенно открыта, представляя удобное мѣсто для дѣйствія кавалеріи; пѣхота стояла въ густомъ лѣсу, который рѣдѣлъ подъ топорами; артилерія расположилась на командующихъ высотахъ и господствовала не только надъ всѣми ущельями и доступами къ позиціи, но и надъ ближайшими переправами черезъ Мичикъ. Занимая такую выгодную позицію, князь Барятинскій оставался на ней до тѣхъ поръ, пока все ущелье не было совершенно расчищено. 7-го числа колонна, посланная въ Куринское укрѣпленіе, въ тотъ же день привезла обозъ и лагерь. Милиція имѣла съ непріятелемъ небольшую перестрѣлку, причемъ захватила двухъ плѣнныхъ. 7-го, 8-го и 9-го февраля производилась рубка лѣса. Трехдневныя работы всего отряда наконецъ до того очистили ущелье, что сообщеніе между частями войскъ и укр. Куринскимъ стало почти безопаснымъ, а завладѣніе переваломъ черезъ качкалыковскій хребетъ упрочило навсегда за нами Мичикъ и стоило намъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Познакомившись съ мѣстностью, начальникъ чеченскаго отряда вполнѣ оцѣнилъ важность занимаемаго имъ пункта и убѣдился, что постоянное занятіе его было связано съ многосторонними для насъ выгодами въ дѣлѣ покоренія Большой Чечни. Однако, несмотря на открытіе черезъ вѣковыя дебри качкалыковскаго хребта новыхъ широкихъ воротъ въ непокорный край, намъ еще предстоялъ трудный подвигъ³¹⁾. Надобно было овладѣть крутыми, слывущими за неприступные, берегами рѣвки Мичикъ, чтобы еще болѣе развить результаты нашихъ первыхъ успѣховъ. Мѣстность эта служила всегда оплотомъ враждебному намъ воинственному племени, заселявшему лѣвый берегъ рѣвки, а теперь, когда Шамиль созвалъ всѣ свои полчища и на крутизнахъ Мичика явились безчисленные и весьма

---

³¹⁾ Рапортъ начальника чеченскаго отряда отъ 21-го февраля 1853 г. № 419. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I.

искусно расположенные завалы, форсированіе переправы черезъ рѣку не могло обойтись безъ значительныхъ потерь. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, князь Барятинскій предпринялъ 11-го февраля рекогносцировку береговъ Мичика. Генераль Баклановъ, прикрывая своимъ летучимъ отрядомъ эту рекогносцировку, приблизился на картечный выстрѣлъ къ заваламъ, устроеннымъ у Гурдалоя прямо противъ фронта нашего расположенія, и 4-мя конными орудіями ослабилъ настолько дѣйствія непріятельскихъ пушекъ, что представилась возможность подробно изслѣдовать берега. Рѣки Мичикъ и Гансоль, вытекающія изъ Ичкеріи, сливаются въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ аула Гурдалой, образуя при своемъ сліяніи мысъ съ семисаженными крутыми и обрывистыми берегами. Этотъ мысъ составлялъ опорный пунктъ непріятельской позиціи, какъ по своей неприступности, такъ и потому, что въ случаѣ атаки на Гурдалой, гдѣ, несмотря на трудную мѣстность, была сносная переправа, непріятель могъ безнаказанно дѣйствовать отсюда фланговымъ огнемъ по атакующимъ колоннамъ. Кромѣ того, атака съ фронта прямо на Гурдалой представляла еще то неудобство, что исходящее положеніе угла, образованнаго изгибомъ рѣки, доставляло горцамъ выгоды перекрестнаго огня. Переправа ниже Гурдалоя, между этимъ ауломъ и Мазлыгашемъ, гдѣ берега нѣсколько понижались и изгибъ рѣки образовывалъ входящій къ намъ уголъ, была легче прочихъ пунктовъ, но дѣйствія въ этомъ направленіи не носили стратегическаго характера, такъ какъ оставляли путь отступленія противника совершенно свободнымъ. Последнее обстоятельство указывало на необходимость атаковать ключъ непріятельской позиціи, важность занятія котораго могла искупить приносимыя жертвы. Дѣло обѣщало быть кровопролитнымъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ лазутчиковъ, было извѣстно, что Шамиль для спасенія Большой Чечни и удержанія за собою обнажаемаго Дагестана, дѣлалъ послѣднія

усилія и собиралъ всѣ средства, которыми могъ располагать. Подъ значки многочисленныхъ его набовъ стеклось до 8000 конницы и до 12000 пѣхоты какъ отъ чеченцевъ, такъ и отъ самыхъ отдаленныхъ племенъ Дагестана.

13-го февраля при рубкѣ лѣса, которая мѣстами приближалась уже къ Мичику и въ этотъ день производилась отчасти на берегу его выше устья Гансоля, непріятель истощалъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать нашимъ работамъ, дѣйствуя изъ своихъ орудій и высылая впередъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ. Канопада и перестрѣлка продолжались до вечера, но, несмотря на это, мы не прерывали работъ и потеря наша состояла только изъ 1-го убитого и 5-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. 14-го, 15-го и 16-го февраля горцы, вѣря Шамилю, разглашавшему среди нихъ, что рекогносцировка наша 11-го февраля кончилась неудачною попыткою съ нашей стороны перейти Мичикъ, непрерывно усиливались, умножая число своихъ батарей и заваловъ. Они весьма часто, въ особенности ночью, открывали артилерійскій огонь по лагерю. Выстрѣлы ихъ были дѣйствительны—всѣ снаряды, не смотря на значительное разстояніе, ложились въ лагерь, но, по счастью, потеря наша состояла только изъ 1-го убитого и 1-го раненаго нижнихъ чиновъ и одной убитой лошади.

17-го числа все было готово для штурма береговъ Мичика. Густой туманъ, почти постоянный здѣсь по утрамъ, скрывалъ движенія нашихъ войскъ. Въ 10 часовъ утра 10 батарейныхъ и 4 легкихъ орудія съ прикрытіемъ изъ 3-го баталіона пѣхотнаго графа Паскевича-Эриванскаго и 2-го баталіона егерскаго кн. Чернышева полковъ, спустились, подъ начальствомъ полковника Левина, съ лагерныхъ высотъ и, усиленно обстрѣливая окружающую мѣстность, постепенно приблизились къ Мичику по направленію къ Гурдалю. Непріятель отвѣчалъ огнемъ изъ 5-ти орудій, а когда наша артилерія подошла на картечный выстрѣлъ—всѣ завалы на лѣвомъ

берегу задымились отъ ружейныхъ выстрѣловъ, заглушаемыхъ дикими криками горцевъ. Влѣво отъ колонны полковника Левина были расположены 3-й и 5-й баталіоны егерскаго генераль-адъютанта кн. Чернышева полка съ 4-мя орудіями легкой № 5 батареи 20-й артилерійской бригады, подъ начальствомъ полковника барона Николаи. Войска эти, снабженныя фашинами и штурмовыми лѣстницами, предназначались для занятія заваловъ и ожидали только сигнала атаки.

Непріятель 2 часа терпѣлъ сильную потерю отъ нашего массоваго артилерійскаго огня, но выдерживалъ его съ твердостью и ожидалъ нападенія, совершенно увѣренный въ неприступности своей позиціи. Множество значковъ развѣвалось на завалахъ, а значительныя, но нестройныя партіи толпились на мысѣ, готовясь осыпать фланговымъ огнемъ атакующія колонны. Скоро, впрочемъ, увѣренность горцевъ поколебалась: вмѣсто надежды на побѣду они внезапно увидѣли, что пораженіе ихъ неизбежно, а вслѣдъ затѣмъ поняли, что только въ бѣгствѣ заключается ихъ спасеніе отъ неминуемой гибели и совершеннаго истребленія. Причиною этого неожиданнаго смятенія, обнаружившагося преимущественно въ толпахъ, расположенныхъ между Мичикомъ и Гансолью, было появленіе колонны генераль-маіора Бакланова на мѣстѣ сраженія. Время приближалось къ полудню. Вѣтеръ разогналъ туманъ и горцы, ожидая преимущественно атаки на Гурдалой, съ ужасомъ увидѣли всю кавалерію Бакланова, устремившуюся на нихъ полнымъ карьеромъ съ верховьевъ Мичика, а за нею спѣшившую бѣглымъ шагомъ роту егерей князя Воронцова полка, предводимую храбрымъ и опытнымъ полковникомъ Ляшенко.

Князь Барятинскій, замѣтивъ усилившееся сосредоточеніе непріятеля противъ нашей позиціи и предполагая по нѣкоторымъ его маневрамъ, что прежняя вѣпкая позиція имъ оставлена, послалъ урядника Донского № 17 полка Скопина тайно осмотрѣть ее. Принесенное извѣстіе подтвердило эти предполо-

женія. Демонстрація привела къ желаннымъ результатамъ, а потому начальникъ отряда направилъ рано утромъ 17-го февраля г.-м. Бакланова со всею кавалерією отряда, 3-мя баталіонами егерскаго кн. Воронцова полка и 8-ю казачьими орудіями въ обходъ непріятеля съ праваго его фланга. Бакланову предстояло перевалить черезъ качкалыковскій хребетъ южнѣе укр. Куринскаго, слѣдуя по дорогѣ, еще ни разу не пройденной нашими войсками, переправиться черезъ Мичикъ и, пройдя вдоль оставленныхъ непріятелемъ заваловъ на этой рѣкѣ, устремиться внизъ по теченію къ мѣсту сліянія ея съ Гансолью. Дойдя до этого пункта, онъ долженъ былъ выставить батарею и тѣмъ способствовать штурму. Не мало препятствій представлялъ этотъ обходъ, но самая трудность дороги, оставленной непріятелемъ безъ наблюденія, ручалась за скрытность движенія, чему еще болѣе повровительствовалъ густой туманъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ все вниманіе горцевъ было устремлено на артилерію и войска, ее прикрывавшія, генераль Баклановъ совершенно неожиданно появился на флангѣ непріятельскаго расположенія. Въ этотъ моментъ князь Барятинскій двинулъ всѣ войска на приступъ. Полковникъ Николай, во главѣ своихъ храбрыхъ егерей, былъ направленъ на пунктъ, назначенный для переправы черезъ Мичикъ. Неустрашимо бросился онъ на штурмъ позиціи, укрѣпленной самою природою и завалами. По штурмовымъ лѣстницамъ и канатамъ взбирались егеря на неприступный берегъ Мичика, куда на плечахъ своихъ втащили и горныя орудія. Перекрестный огонь батарей Бакланова и Левина облегчалъ приступъ, и вскорѣ громкое ура! огласило лѣвый берегъ Мичика. Баронъ Николай вошелъ первымъ на завалы. По слѣдамъ егерей бросилась милиція и, овладѣвъ завалами у Гурдалоя, облегчила переправу 3-му баталіону пѣхотнаго графа Паскевича полка. Быстрота натиска и одновременная фронтальная атака, облегченная обходомъ, привела непріятеля въ совершенное разстрой-

ство. Отдѣльныя партіи его, отрѣзанныя въ углу между Мичикомъ и Гансолю, притиснутыя къ отвѣснымъ берегамъ и поражаемыя сосредоточеннымъ огнемъ нашей артилеріи, терпѣли страшное пораженіе. Непрiятель обратился въ поголовное и безпорядочное бѣгство. Первыми умчались орудія, а затѣмъ и вся остальная масса хлынула назадъ, стараясь укрыться въ дебряхъ дѣвственнаго лѣса, замыкавшаго тылъ позиціи. Огромное число непріятельскихъ труповъ покрывало поле битвы, нѣсколько значковъ, множество лошадей и оружія всякаго рода стали нашею добычею. Мы овладѣли бродами, но всѣ подъемы и спуски съ непріятельской стороны были такъ испорчены, что переправа остальныхъ войскъ могла начаться не ранѣе, какъ черезъ 3 часа. Для преслѣдованія непріятеля была послана кавалерія, подъ начальствомъ Бакланова, въ поддержку которому двинуты два баталіона кн. Чернышева полка. Кавалерія гнала непріятеля до самыхъ горъ, а баталіоны истребили на пути аулъ Аки-юртъ, гдѣ Шамиль имѣлъ пребываніе во время сраженія вмѣстѣ съ Даніель-бекомъ и сыномъ своимъ Кази-Магометомъ. Остальныя войска, т. е. 3 баталіона егерскаго кн. Воронцова полка, принимавшіе участіе въ обходномъ движеніи, и 2-й баталіонъ кн. Чернышева полка, расположились по обѣимъ сторонамъ Мичика и Гансоля и немедленно приступили къ уничтоженію безчисленныхъ непріятельскихъ укрѣпленій, а саперы—къ разработкѣ спусковъ. Чтобы не утомлять войска устройствомъ новаго лагеря, начальникъ отряда оставилъ для наблюденія за устраиваемыми переправами три баталіона пѣхоты и шесть легкихъ орудій, а самъ съ остальными войсками возвратился на мѣсто прежняго расположенія. Со всѣхъ сторонъ доходили слухи о чрезвычайныхъ потеряхъ, понесенныхъ горцами въ этомъ дѣлѣ, и о глубокомъ уныніи, овладѣвшемъ даже самыми энергичными людьми. Привести въ извѣстность потери противника было трудно, потому что большая часть павшихъ и плѣнныхъ пришлась на долю

дагестанцевъ, а нашими лазутчиками были чеченцы, которые не могли узнать ничего положительнаго. Достоверно было однако извѣстно, что Эски, одинъ изъ отважнѣйшихъ сподвижниковъ Шамиля, раненъ смертельно въ голову картечью, два дагестанскихъ наиба убиты, третій наибъ, также дагестанскій, пропалъ безъ вѣсти, вѣроятно тоже убитъ. Общее число убитыхъ лазутчики простирали до 500, чему легко можно было повѣрить, такъ какъ оставленныхъ труповъ на полѣ битвы насчитывалось болѣе 200; число раненыхъ лазутчики показывали столь огромнымъ, что трудно было и вѣрить. Однимъ словомъ—пораженіе непріятеля было полное и ужасное.

Нашъ отрядъ, несмотря на достигнутый значительный успѣхъ, потерялъ въ теченіи всего дня только 11 человекъ ранеными, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ.

Значеніе дѣла 17-го февраля ярко выясняется въ донесеніи главнокомандующаго военному министру ³²⁾:

„Изъ журнала военныхъ дѣйствій чеченскаго отряда съ 10-го по 18-е февраля ваше сіятельство изволили усмотрѣть успѣшный ходъ предположенныхъ зимою нынѣшняго года предпріятій на лѣвомъ флангѣ. Не могу не прибавить съ своей стороны, что успѣхъ этотъ я считаю весьма важнымъ и что онъ долженъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія на положеніе Большой Чечни. Нынѣ открытъ входъ въ эту сторону отъ р. Мичика, въ этотъ уголь, гдѣ наиболѣе скопилось враждебное народонаселеніе, которое принуждено будетъ нынѣ или поселиться въ нашихъ предѣлахъ, или уйти въ горы. За нимъ обширная равнина, гдѣ огромныя поляны, расчищенныя самими жителями, соединены широкими просѣками, прорубленными нами съ 1848 года, открывавшія свободный доступъ даже для небольшихъ отрядовъ отъ кумыкской плоскости до кр. Воздвиженской. Эти важные результаты достигнуты съ самой малой съ нашей стороны потерей, какъ вы изволили усмотрѣть изъ журнала дѣй-

---

³²⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I. Отношеніе кн. Воронцова военному министру отъ 28-го февраля 1853 г. № 5.

ствующаго отряда, благодаря распоряженіямъ генераль-адъютанта кн. Барятинскаго и мужеству войскъ, которыя нигдѣ не давали непріятелю времени останавливаться.“

По овладѣніи Мичикомъ, 17-го февраля, ежедневно назначались части войскъ на рубку просѣкъ, разработку дорогъ и на работы по уничтоженію многочисленныхъ непріятельскихъ заваловъ, что требовало большихъ усилій. Сознавая всю важность для себя обороны Мичика, непріятель не щадилъ ничего для укрѣпленія береговъ: камни, бревна, фашины, плетни, двери отъ саклей и даже арбы—все свозилъ онъ сюда. Фортификаціонныя работы его превосходили всякое ожиданіе; берега на протяженіи 7-ми верстъ унизаны были завалами самаго разнообразнаго вида и устройства ³³⁾. Войска въ продолженіи десяти дней, съ 18-го по 28-е февраля, успѣли уничтожить большую часть ихъ. Пользуясь разстройствомъ и упадкомъ духа непріятеля, князь Барятинскій посылалъ колонны для истребленія богатыхъ ауловъ и безчисленныхъ хуторовъ, покрывавшихъ плодородную долину Мичика. Эти аулы и хутора всегда служили непріятелю оплотомъ для вторженія въ наши предѣлы, а въ послѣднее время были населены Шамилемъ самыми воинственными и наиболѣе враждебными намъ горцами.

Послѣ уничтоженія ближайшихъ ауловъ, 18-го февраля была послана, подъ начальствомъ г.-м. Веревкина, колонна изъ 1-го и 3-го баталіоновъ Тенгинскаго, 3-го и 4-го баталіоновъ егерскаго кн. Воронцова полковъ, дивизіона драгунъ принца Виртембергскаго полка, 4-хъ сотень отъ Хоперскаго, Волгскаго, Моздокскаго и Гребенскаго казачьихъ полковъ, дивизіона батарейной № 3 батареи 19-й артилерійской бригады, 2-хъ орудій донской № 7 батареи и 2-хъ орудій конно-казачьей № 15 батареи, для истребленія аула Мазлыгашъ и бли-

---

³³⁾ Дѣло шт. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 г. № 13, ч. I. Репортъ нач. чеченскаго отряда отъ 1-го марта 1853 г. № 513.

жайшихъ его хуторовъ. Непрiятель, пользуясь закрытою мѣстностью, прилегавшею къ аулу, и еще неуничтоженными завалами, собрался оказать сильное сопротивленiе, но, благодаря распорядительности г.-м. Веревкина, былъ скоро выбитъ изъ заваловъ, послѣ чего аулъ и хутора были взяты и сожжены. Обратное отступленiе сопровождалось обычными попытками горцевъ затруднить движенiе нашихъ войскъ, но картечные выстрѣлы и кавалерiйскiя атаки нанесли непрiятелю еще большее пораженiе. 25-го февраля отправлена новая колонна изъ 1-го и 3-го баталiоновъ Тенгинскаго, 3-го баталiона графа Паскевича и 5-го баталiона егерскаго кн. Чернышева пѣхотныхъ полковъ, дивизиона драгунскаго принца Виртембергскаго полка, сводно-линейнаго казачьяго полка, дивизиона батарейной № 3 батареи 19-й бригады, дивизиона конно-артилерiйской казачьей № 15 батареи, подъ общимъ начальствомъ г.-м. Линевица. Цѣль движенiя колонны заключалась въ истребленiи ауловъ Денги-юртъ, Али-юртъ и прилежащихъ къ нимъ хуторовъ. Окруженные густымъ кустарникомъ, аулы эти находились на лѣвомъ берегу Мичика, вблизи одного изъ болотистыхъ его притоковъ. Колонна Линевица была замѣчена непрiателемъ тотчасъ же по переправѣ черезъ Мичикъ, у разореннаго 18-го числа аула Мазлыгашъ. Завязалась перестрѣлка, во время которой значительныя партiи начали стягиваться со всѣхъ сторонъ, а когда войска приблизились къ болотистому притоку, то были встрѣчены выстрѣлами изъ 2-хъ орудiй. Преодолевая всѣ препятствiя, генераль Линевицъ постепенно занялъ оба аула и совершенно истребилъ ихъ. Опрокинутый съ большимъ урономъ, непрiятель былъ преслѣдуемъ до самой рѣчки, причемъ кавалерiя наша навела на него такой страхъ, что при отступленiи, несмотря на всѣ благопрiятныя ему обстоятельства, онъ не успѣлъ нанести намъ большого вреда. Горцы рѣшились перейти черезъ рѣчку и собраться въ значительномъ числѣ только тогда, ког-

да войска прошли кустарникъ и вступили на поляну; но здѣсь они не могли и думать о преслѣдованіи, такъ какъ противъ нихъ была уже выставлена батарея изъ 6-ти орудій, картечь которой тотчасъ же нанесла имъ большой уронъ.

Послѣ пораженія 17-го февраля непріятель не только не показывался вблизи лагеря и не препятствовалъ рубкѣ, но даже и не беспокоилъ колоннъ, отправляемыхъ изъ лагеря въ мѣста расположенія складовъ. Изрѣдка, и то большею частью по ночамъ, чеченцы подкрадывались къ нашей цѣпи, чтобы дать безвредный залпъ и затѣмъ быстро скрыться въ дебри лѣса. Орудій своихъ они не вывозили, и наши войска пользовались на занятой ими позиціи совершеннымъ спокойствіемъ и удобствами, крайне необходимыми въ виду усиленныхъ работъ, которыя еще предстояли отряду. Потеря наша съ 18-го по 28-е февраля, считая тутъ дѣла 18-го и 25-го, состояла изъ двухъ убитыхъ, одиннадцати раненыхъ и двухъ контуженыхъ; лошадей убито 8 и ранено столько же.

Съ 28-го февраля по 9-е марта войска продолжали рубку просѣки, разработку дороги и уничтоженіе непріятельскихъ заваловъ ³⁹⁾. Просѣка совершенно обезпечивала двигавшіяся колонны, дорога шла по срединѣ ея и, несмотря на крутизну подъемовъ, была проходима для всѣхъ видовъ обоза. Къ 9-му марта работы были кончены и войска, занимавшія лѣвый берегъ Мичика, переправились обратно черезъ рѣку. Горцы, пользуясь густымъ туманомъ, приблизились къ отступавшей колоннѣ и сдѣлали нѣсколько ружейныхъ залповъ, причемъ ранили состоявшаго при князѣ Барятинскомъ штабсъ-капитана Арцу-Чермоева и одного рядового. Штабсъ-капитанъ Чермоевъ, родомъ чеченецъ, уже болѣе десяти лѣтъ съ особеннымъ усердіемъ и самоотверженіемъ служилъ во всѣхъ походахъ и былъ намъ полезенъ, какъ вѣрный переводчикъ, храбрый ми-

³⁹⁾ Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. отд. 2-е. 1852 г. № 13, ч. I. Рапортъ нач. чеченскаго отряда отъ 12-го марта 1853 г. № 653.

лиціонеръ и проводникъ, въ совершенствѣ знающій край. Во время отступленія онъ былъ посланъ кн. Барятинскимъ для передачи приказанія въ передовую линію. Вслѣдствіе густого тумана, Арцу нѣсколько сбился съ дороги и вмѣсто того, чтобы подѣхать къ тылу войскъ, къ которымъ былъ посланъ, очутился передъ ихъ фронтомъ. Наши, принявъ его за непріятельскаго всадника, сдѣлали залпъ, отъ котораго лошадь Чермоева была убита, а самъ онъ сильно раненъ въ ногу. Думая только объ исполненіи порученія, Чермоевъ все-таки передалъ приказаніе. Когда князь Барятинскій высказывалъ ему свое искреннее сожалѣніе по поводу случившагося, Арцу со свойственнымъ горцамъ равнодушіемъ отвѣчалъ: „Дѣйствительно, было бы жаль, еслибы меня убили, потому что тогда я не могъ уже передать вашего приказанія.“

По отступленіи чеченскаго отряда отъ хоби-шавдонскихъ высотъ, входившія въ составъ его войска владикавказскаго округа были немедленно отправлены во Владикавказъ, а 14-го марта 1853 г. послѣдовалъ роспускъ прочихъ частей отряда, которыя размѣстились по прежней своей дислокаціи ⁴⁰⁾).

Этимъ и окончился періодъ зимнихъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Большой Чечнѣ. Результаты, пріобрѣтенные усиліями нашихъ войскъ, превышали всякое ожиданіе. Какъ преграда, качкалыковскій хребетъ для насъ не существовалъ. Широкая просѣка или, правильнѣе говоря, обширная поляна, открытая послѣ мѣсячнаго упорнаго труда въ вѣковыхъ лѣсахъ гасанъ-винскаго ущелья и хоби-шавдонскихъ высотъ, обезпечивала навсегда свободное сообщеніе между кумыкскими владѣніями и Большою Чечнею даже для малыхъ отрядовъ. Позиція наша на хоби-шавдонскихъ высотахъ и вся прилегающая мѣстность представляли неоспоримыя во всемъ выгоды въ сравненіи съ переваломъ у Куринскаго укрѣпленія, который

⁴⁰⁾ Рапортъ нач. чеченскаго отряда отъ 20-го марта 1853 г. № 938. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1852 года № 13, ч. I.

мы съ большими трудами и великими пожертвованіями столько лѣтъ безуспѣшно оспаривали у непріятеля. Утвердившись здѣсь, мы какъ бы господствовали надъ всею Большою Чечнею, а до сихъ поръ грозный для насъ Мичикъ уже не представлялъ никакой преграды. Многочисленное, доведенное до крайности населеніе всей Большой Чечни, начиная отъ Аргуна и Сунжи до качкалыковскаго хребта и Черныхъ горъ Ичкеріи, должно было или покинуть обитаемыя имъ мѣста и искать спасенія въ нашихъ предѣлахъ, или пріютиться въ неприступныхъ и лѣсистыхъ тѣснинахъ, оставивъ пустынными свои богатая пастбища и плодородныя поля. Открытіе просѣки черезъ качкалыковскій хребетъ, не позволяя непокорнымъ чеченцамъ оставаться на Мичикѣ, Гансоли и на правомъ берегу Гудермеса, стѣсняло ихъ въ пространствѣ между Джалкою и Гудермесомъ. Здѣсь природа не представляла намъ особыхъ препятствій ни для рѣшительнаго наступленія, ни для внезапныхъ набѣговъ летучими отрядами, разумѣется, еслибы цѣли дѣйствій были не особенно удалены въ глубь страны и соотвѣтственно обезпечены. Коренные жители Большой Чечни, опасаясь за будущность своихъ семействъ, пришли въ уныніе и тайные переговоры ихъ главнѣйшихъ старшинъ съ княземъ Барятинскимъ о переселеніи въ наши предѣлы усилились. Шамиль, надѣясь на скорое наше отступленіе съ качкалыковскаго хребта, а также на возможность частнаго успѣха, еслибы мы углубились далѣе въ Большую Чечню, не произносилъ еще своего приговора о будущности края; но вмѣстѣ съ весною наступала пора полевыхъ работъ—и надобно было на что нибудь рѣшиться. Князь Барятинскій съ своей стороны показывалъ видъ и распространялъ слухи, что онъ намѣренъ устроить укрѣпленіе на Мичикѣ. Наконецъ Шамиль созвалъ на совѣщаніе почетнѣйшихъ чеченцевъ и, признавая ихъ положеніе затруднительнымъ, сознаваясь даже, что они не могутъ жить на прежнихъ мѣстахъ своихъ, предлагалъ для ихъ спасенія два

средства: покориться русскимъ или переселиться далѣе въ Черныя горы. Переговоры, руководимые хитрымъ дипломатомъ, имѣли въ конечномъ результатѣ рѣшеніе старшинъ, можетъ быть и не желательное для большинства, откочевать въ Черныя горы. Исполненіе этой мѣры не заставило себя ждать. Расположивъ сильныя караулы по Джалкѣ, Сунжѣ и Гудермесу, чтобы никого не выпустить въ наши предѣлы, Шамиль послалъ сильныя партіи въ чеченскіе аулы выселять всѣхъ въ горы, а сопротивляющихся приказалъ предавать смерти. Переселеніе началось 7-го марта. Цвѣтущая многочисленнымъ населеніемъ и богатая произведеніями природы плоскость Большой Чечни обратилась въ пустыню и все пространство отъ большой русской дороги до Аргуна и Сунжи, по объявленію самого Шамиля, добровольно предоставлено нашей власти.

Легко понять, какъ тяжела была для чеченцевъ эта мѣра и сколько упрековъ, неудовольствій и ропота она навлекла на Шамиля. Переселеніемъ жителей въ горы онъ отнялъ у нихъ увѣренность въ неприступность ихъ жилищъ, вселилъ въ нихъ сомнѣніе къ своему могуществу и этимъ сдѣлалъ для насъ гораздо болѣе, чѣмъ сдѣлала бы иная наша громкая побѣда. Чеченцамъ становилось очевидно, что часъ нашего торжества неизбѣженъ, но только отдаленъ его срокъ.

М. Егоровъ.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМЪ КАВКАЗѢ

съ 1824 по 1834 годъ

въ связи съ мюридизмомъ.

(Продолженіе).

XXII.

Зимнее затишье. Противоположныя впечатлѣнія чукмескентскаго боя. Награды, полученныя почетными туземцами. Свѣдѣнія о Кази-муллѣ. Наши союзники и друзья. Присяга шамхальскихъ кумыковъ и дѣла въ Койсубу. Неповиновеніе ахтынцевъ. Усиленіе кубинскаго гарнизона. Составъ и расположеніе войскъ въ Дагестанѣ въ началѣ марта. Выборъ Темиръ-Ханъ-Шуры опорнымъ пунктомъ и полковою штабъ-квартирою. Доудиль-Магома гимринскій старшина. Наемные убійцы. Умерщвленіе Доудиль-Магомы. Неудача Кази-мудлы въ Гоцатлѣ. Его воззванія. Тревога шамхала. Асланъ-ханъ. Мѣры, принятыя барономъ Розеномъ для сохраненія спокойствія въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Зимнее время года не могло не ослабить неутомимой энергіи Кази-мудлы и во всякомъ случаѣ не приостановить военныя дѣйствія въ Дагестанѣ. Снѣга занесли тропы и дороги, сообщенія стали въ высшей степени затруднительны, а сборы большихъ партій, особенно для отдаленныхъ предпріятій, невозможны. Но зима имѣла свои удобства для распространенія новаго ученія, неизмѣнно соединеннаго съ непримиримою враждою къ намъ и съ безусловнымъ продолженіемъ начатой съ нами борьбы. Въ продолжительное зимнее бездѣлье горецъ не зналъ, куда дѣвать свои досуги. Онъ запасся хлѣбомъ, сытъ, имѣетъ много времени, чтобы помолиться и еще болѣе, чтобы поболтать, особенно о политикѣ, къ толкамъ о

которой въ высшей степени склонны всѣ вообще простолюдины Востока. Онъ чувствуетъ, какъ и всегда, избытокъ силъ, но остается неудовлетвореннымъ, прикованный къ своему аулу, далеко за предѣлы котораго не разъ вводила его причудливая воля имама. И вотъ, вмѣсто зимней сказки, приходятъ къ нему слухи о новыхъ замыслахъ учителя, рассказы о блаженствѣ страдальцевъ, умирающихъ за вѣру, о безпримѣрномъ могуществѣ ихъ единовѣрца и союзника падишаха, передъ которымъ все тлѣніе и прахъ, о добрыхъ намѣреніяхъ персіянъ, ожидающихъ только единодушнаго движенія Дагестана, чтобы вторгнуться въ наши предѣлы и отомстить за поражение 1827 года. Имамъ имѣетъ свои виды, онъ воспользуется выгодами этихъ обстоятельствъ, чтобы сдѣлать Кавказъ могучимъ и непобѣдимымъ. Утвердится истинная вѣра и наступитъ неизъяснимое счастье, изъ котораго каждый участникъ войны возьметъ свою долю. Пробуждается въ горцѣ фанатизмъ, жажда жизни и дѣятельности, желаніе участвовать на пиру, обильномъ и славою, и земными благами. И снятся ему сны Шахерезады, и томится онъ своимъ бездѣйствіемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, когда снадутъ снѣга и откроютъ ему дорогу для подвиговъ.

Чукмескентскій бой произвелъ на обѣ стороны впечатлѣніе побѣды, хотя горцы были разбиты и разсѣяны. Каждый противникъ смотрѣлъ на это кровопролитное побоище съ своей точки зрѣнія и, кажется, горцы ошибались менѣе насъ. Мы одолѣли—это правда—и намъ казалось, что эта громкая побѣда умалитъ обаяніе Кази-муллы, возвыситъ наше значеніе въ горахъ и усилитъ число нашихъ сторонниковъ. Кази-мулла разсуждалъ правильнѣе—въ его глазахъ эта побѣда ни къ чему не вела. Былъ бой съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ, особенно съ нашей; горцы удалились съ поля битвы, оставили его своему врагу, не имѣя возможности сопротивляться, и чукмескентская позиція перешла въ наши

руки. Но развѣ это шагъ къ завоеванію, развѣ русскіе утвердятся въ горахъ и эта позиція увеличитъ ихъ силу? Развѣ Дагестанъ не изобилуетъ на каждомъ шагу твердынями, гдѣ горсть рѣшительныхъ людей можетъ останавливать цѣлые русскіе отряды? Народная война въ еле доступныхъ горахъ имѣетъ свои законы, которые лучше насъ понималъ Кази-мулла. Онъ зналъ, что успѣхъ, не сопровождаемый прочнымъ занятіемъ той или другой части края, остается безплоднымъ, ничего не даетъ побѣдителю, кромѣ чести побѣды, и потому съ непонятнымъ для насъ равнодушіемъ переносилъ наносимые ему удары, напередъ увѣренный въ нашемъ безсиліи окончательно овладѣть страной. Съ другой стороны, какъ истинный горецъ, онъ придавалъ особенно важное значеніе потерямъ. Солдата, даже такому большому государству какъ Россія, нужно создать, обучить и содержать, онъ на счету. у русскаго падишаха, его не скоро замѣнишь; а горцевъ—безчисленное множество, какъ песку въ морѣ, и каждый изъ нихъ природный воинъ, одушевленъ фанатизмомъ, дерется отчаянно и ничего не стоитъ своему повелителю. Отсюда вытекалъ естественный выводъ: та сторона проигрывала, которая, не достигая никакого результата, кромѣ побѣды, имѣла больше потерь.

Кавказское начальство иначе понимало дѣло. Для него на первомъ планѣ стояла личность имама и то обаяніе, которымъ окружено было его имя въ горахъ. Стоило только разсѣять это обаяніе, разбить гдѣ-нибудь Кази-моллу, наконецъ убить его—и все поколеблется, расшатается, станетъ преклоняться передъ побѣдителемъ, благо онъ такой щедрый и милосердный. Успѣхи нашего оружія не заставили себя долго ждать. Даже въ самый счастливый для Кази-моллы 1831 годъ мы нанесли ему нѣсколько ударовъ, но они прошли какъ-то мимо, и нерѣдко послѣ пораженія имамъ выступалъ противъ насъ съ большими силами, увлекая въ свои скопища нашихъ

вчерашихъ подданныхъ и друзей, словно наши удары разсѣвали воздухъ и только обезсиливали насъ самихъ. И точно, мы били въ пустое пространство. Мы видѣли передъ собою бунтовщиковъ, предводимыхъ талантливымъ „мошенникомъ,“ и не замѣчали какъ противъ насъ грозно поднималась настоящая народная война и на нашихъ глазахъ грубо, первобытно, но прочно и цѣпко сколачивался въ горахъ государственный организмъ. Для борьбы съ этими новыми явленіями требовались новыя силы, а ихъ не давали, и этимъ естественно играли въ руку горцамъ, до безконечности затягивая войну. А тутъ еще скудность нашихъ географическихъ свѣдѣній и слабая оцѣнка лицъ, которыхъ мы имѣли основаніе считать своими сторонниками.

Обрадованный чукмескентской побѣдой, баронъ Розенъ, по представленію генерала Панкратьева, нашелъ возможнымъ и необходимымъ вознаградить лицъ послѣдней категоріи, какъ бы въ доказательство того, что побѣда осталась за нами, а не за горцами. Прежде всего главнокомандующій вспомнилъ о дѣйствительныхъ заслугахъ своекорыстно, но нелицемѣрно преданнаго намъ эрпелинскаго Улубея. Посылая ему цѣнный подарокъ, онъ коснулся трагической смерти его матери, убитой мюридами Кази-муллы въ предшествовавшемъ году, и въ письмѣ своемъ собственноручно приписалъ слѣдующія строки:

„Не могу не присовокупить и того, что славная смерть почтенной изъ женщинъ, матери вашей, есть мнѣ полнымъ удостовѣреніемъ, что храбрый сынъ и все потомство ея навсегда будутъ вѣрными и преданными великому Государю нашему.“

Аварское ханство попрежнему приковывало къ себѣ исключительное вниманіе главнокомандующаго, вслѣдствіе чего щедро были осыпаны милостями лица аварскаго владѣтельнаго дома: Абу-Муселимъ возвращался изъ ссылки, Нуцаль-ханъ получилъ богатые подарки; особенное вниманіе, подкрѣпленное подарками, оказано было матери послѣдняго, знаменитой хан-

шѣ Паху-Беке, участвовавшей во всѣхъ политическихъ интригахъ Дагестана и обыкновенно игравшей въ нихъ видную и коварную роль. Любопытно то мѣсто письма барона Розена къ ханшѣ, въ которомъ упоминается о Гамзатъ-бекѣ, будущемъ убійцѣ Паху-Беке и безжалостномъ истребителѣ ея рода:

„При семъ считаю нужнымъ присовокупить, что до меня дошли слухи о неблагонамѣренномъ поведеніи Гамзатъ-бека, сына Александерова, который, будучи обласканъ здѣсь, въ Тифлисѣ, и отпущенъ единственно во уваженіе ходатайства сына вашего, нынѣ преступилъ долгъ свой и, набравъ шайку легкомысленныхъ людей, старается нарушать спокойствіе между мирными жителями. Вмѣстѣ съ богопротивнымъ измѣнникомъ Кази-муллою онъ уже испыталъ безразсудность таковыхъ замысловъ при Чумкисенѣ, гдѣ сообщники его совершенно были разбиты и самъ онъ спасся постыднымъ бѣгствомъ; но, несмотря на сіе, онъ продолжаетъ свои злонамѣренныя дѣйствія.

Столь предосудительные поступки Гамзатъ-бека я поставляю вамъ на видъ единственно для того, что увѣренъ, по благороднымъ мыслямъ вашимъ, что вы примете съ своей стороны всевозможныя мѣры въ обузданію сего измѣнника, который, воспользовавшись ходатайствомъ вашего сына, ведетъ себя такъ постыдно и тѣмъ поставляетъ вашего сына въ непріятное положеніе предъ правительствомъ.

Я совершенно увѣренъ, что отъ васъ и сына вашего зависитъ опять обратить Гамзатъ-бека на путь истины; въ случаѣ же непослушанія—наказать его достойнымъ образомъ. Вотъ для васъ случай показать, сколь вы чувствуете оказываемыя вамъ правительствомъ милости и сколь готовы служить великому и всемилостивѣйшему Государю Императору нашему.“

Насколько свойственно было такой женщинѣ руководствоваться благороднымъ образомъ мыслей и принимать совѣты русскаго главнокомандующаго—покажетъ послѣдующій рассказъ; здѣсь же можно замѣтить, что на Востокѣ люди живутъ, думаютъ и дѣйствуютъ посвоему, что пріемы ихъ не измѣняются изъ вѣка въ вѣкъ и что, несмотря на безчислен-

ное множество горькихъ опытовъ, они съ какимъ-то роковымъ отупѣніемъ продолжаютъ держаться въ своихъ поступкахъ системы лжи, низости, измѣны и лукавства. Въ томъ же духѣ было написано письмо Нуцаль-хану, которому рекомендовалось, къ сожалѣнію, слушаться совѣтовъ его матери въ отношеніи Гамзатъ-бека. Оба письма показываютъ, что въ Тифлисѣ достаточно познакомились съ Гамзатъ-бекомъ, и если не предвидѣли той роли, которая ожидала его въ недалекомъ будущемъ, то во всякомъ случаѣ придавали ему не малое значеніе, всемѣрно стараясь вернуть его „на путь истины“, т. е. отклонить отъ участія въ смутахъ, распространяемыхъ Казимуллою. Не забыты были и другіе приверженцы наши въ Дагестанѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ произведены полковникъ Сулейманъ-мирза тарковскій въ генералъ-маіоры и Джамовъ-бекъ каракайтагскій въ поручики, съ производствомъ содержанія обоимъ по грузинскому положенію. Ежегодное жалованье въ 150 червонцевъ назначалось Мамедъ-кадію акушинскому, Джамалу старшинѣ черкейскому, Османъ-кадію унцукульскому и Сеидъ-эфенди кадію араканскому. Гимринскій старшина Доудиль-Магома получилъ пенсію въ 100 червонцевъ¹⁾.

Всѣ эти лица, отчасти изъ чувства самохраненія, отчасти изъ ненависти, старались слѣдить за дѣятельностью Казимуллы и Гамзатъ-бека, то пользуясь слухами, то подсылая къ нимъ своихъ довѣренныхъ людей. Свѣдѣнія, получаемыя такимъ образомъ, сосредоточивались у разныхъ начальствующихъ лицъ, преимущественно у генерала Каханова въ самомъ Дагестанѣ, у генерала Вельяминова на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, у генерала Реутта въ Закаталахъ, у дербентскаго коменданта маіора Шнитникова и у маіора Циклаурова, стоявшаго съ отрядомъ сѣвернаго Дагестана въ Карабудахкентѣ, ближе всего къ Гимрамъ, излюбленной резиденціи имама. Удалившись сю-

---

¹⁾ Журналъ подробный исходящій генеральнаго штаба 2-го отдѣленія 1832 г. № 66. №№ документовъ 13, 14, 15, 16 и 17.

да послѣ чукмескентскаго пораженія, Кази-мулла не столько предавался молитвамъ и чтенію душеспасительнаго корана, сколько заботился о закрѣпленіи своей власти и духовнаго авторитета, рассылая своихъ мюридовъ съ воззваніями и письмами по разнымъ угламъ Чечни и Дагестана. Ревностнымъ сотрудникомъ его попрежнему являлся Гамзатъ-бекъ, посѣтившій Аварію, свою родину, въ то время, когда мюршидъ предавался своему уединенію въ Гимрахъ. Отсюда съ 5-ю или 6-ю товарищами онъ отправился въ Араканы къ Сеидъ-кадію, котораго приглашалъ участвовать въ набѣгѣ на мехтулинское владѣніе. Осторожный кадій, имѣвшій кромѣ того личные счеты съ Гамзатомъ, наотрѣзъ отказался и тотчасъ сообщилъ о затѣяхъ его маіору Циклаурову, поясняя, что только строгія наставленія удержали араканцевъ отъ мятежа. Тутъ же онъ доносилъ, что аварскіе, андаляльскіе, каргильскіе (гергебильскіе?) и гидскіе жители рѣшили предпринять съ Кази-муллою походъ по окончаніи зимы, и дѣлалъ вѣское предостереженіе по нашему адресу: „Не будьте безпечными и слабыми.“ 6-го или 8-го января Кази-мулла съ Гамзамъ-бекомъ, перейдя тавлинскую гору, отдѣлявшую койсубулинскія земли отъ шамхальскихъ владѣній, нѣсколько дней находились въ Чолпу-талѣ, между Чукмескентомъ, Топою и Эрпели, и 11-го или 13-го перешли въ Чечню, въ с. Зубуть, что вполне соответствовало донесеніямъ Вельямина, дѣйствовавшаго въ это время противъ Ауха. Въ одномъ изъ донесеній генерала Каханова, основаннаго на свѣдѣніяхъ шамхала тарковскаго, говорилось, что имамъ велъ за собою партію въ 700 человекъ, чему, конечно, нельзя повѣрить, имѣя въ виду ту слабую поддержку, которую онъ оказалъ чеченцамъ. Но не это обстоятельство обращаетъ на себя главное вниманіе военнаго историка. Кромѣ разницы въ числахъ и цифрахъ, свѣдѣнія, добываемыя всѣми этими Сулейманами, Ахметами, Асланами и ихъ агентами, всегда почти несвоевременно приходили по назначенію, сильно

опаздывали, точно каждый изъ нихъ выгадывалъ себѣ время для размышленія. Появленіе мюршида на границахъ Койсубу и шамхальства расшевелило Сулейманъ-мирзу и онъ, выставивъ три значка, „пошелъ съ нимъ сражаться,“ а потомъ отправился съ побѣдными лаврами въ Параулъ, гдѣ принялъ присягу на русское и свое собственное подданство отъ шамхальскихъ кумыковъ. Какъ происходило „сраженіе“ съ Казимуллою, у котораго, вѣроятно, не имѣлось подъ рукою и 7-ми нукеровъ, и кому присягали кумыкскіе жители шамхальства, лучше всего видно изъ донесенія самого Сулейманъ-мирзы генералу Каханову:

„Пишу сіе къ вашему превосходительству, дабы изъяснить вамъ причину замедленія моего письма къ вамъ. Получивъ извѣстіе о прибытіи извѣстнаго возмутителя Казимуллы въ окрестности Эрпели, мы, съ тремя знаменами, пошли съ нимъ сражаться; но какъ скоро мы приблизились, то онъ, боясь насъ, убѣжалъ явнымъ или безстыднымъ образомъ. Потомъ и мы, возвратившись въ Параулъ, посоветовались и переговорили со всѣми кумыкскими жителями (шамхалова владѣнія) о соединеніи и согласіи ихъ между собою, которые и согласились на все, что я имъ предложилъ, и дали присягу о вѣрности Государю Императору, военно-окружному въ Дагестанѣ начальнику и мнѣ, а я совершенно раскаялся во всемъ, что тамъ доселѣ сдѣлалъ—я былъ обманутъ. Также они обязались для меня дать изъ каждой деревни по 100 человѣкъ для карауловъ въ Эрпели, Каранаѣ и Казанище, каковыя уже я поставилъ въ упомянутыхъ деревняхъ. По окончаніи всѣхъ дѣлъ съ желаемымъ успѣхомъ, я возвратился на мѣсто своего пребыванія (Тарки), а Казимулла поѣхалъ въ Зубуть“²⁾.

Приведенное посланіе какъ нельзя болѣе опредѣляетъ личность Сулейманъ-мирзы, человѣка ничтожнаго и никуда не годнаго. И совсѣмъ не онъ выставилъ караулы въ указанныхъ трехъ пунктахъ, а этого потребовалъ отъ него генералъ Ка-

---

²⁾ Дѣло архива окружнаго штаба 1832 года № 3, ч. I, стр. 124.

хановъ ³⁾. Это одинъ союзникъ, притомъ такой, отъ котораго нечего было требовать, благодаря его личнымъ качествамъ. Другому нашему союзнику, Абу-Султану-Нуцаль-хану аварскому мы могли предъявлять требованія съ большей надеждой на ихъ исполненіе, но корпусный командиръ почему-то очень деликатно обходился съ этой особой, иногда ставилъ ему то или другое „на видъ“, подавалъ странные совѣты слушаться матери и никогда не прибѣгалъ къ дѣйствительнымъ мѣрамъ. Вельяминовъ не понималъ такихъ отношеній. Когда ему дали знать, что Гамзатъ-бекъ вербуетъ себѣ людей въ аварскомъ ханствѣ, онъ просилъ барона Розена предупредить Нуцаль-хана, что если послѣдній не въ силахъ воспретить всякое вооруженное сборище „въ землѣ, ввѣренной его управленію“, не будетъ удерживать народъ въ повиновеніи и не смиритъ Гамзатъ-бека и его сообщниковъ, то лишится своего жалованья и по билетамъ его никого не будутъ принимать въ другихъ частяхъ кавказскаго края. Противъ акушинцевъ, вступившихъ въ сношенія съ Кази-муллою послѣ чукмескентскаго дѣла, Вельяминовъ рекомендовалъ крутыя мѣры. Онъ вспомнилъ, что 500 цудахарцевъ съ небольшимъ числомъ людей изъ самой Акуши участвовали въ осадѣ Внезапной, а потому совѣтовалъ корпусному командиру, не прибѣгая противъ нихъ зимою къ силѣ оружія, воспретить имъ въ это время года пасти стада на земляхъ шамхальскихъ, мехтулинскихъ и во владѣніяхъ Асланъ-хана кюринскаго и казикумухскаго. Не довольствуясь этимъ, Вельяминовъ предлагалъ запретить акушинцамъ вѣздъ и торговлю во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали наши власти.

„Сія мѣры строгости—заканчивалъ свое донесеніе барону Розену Вельяминовъ—значительно уменьшать средства Кази-муллы, и предпринятый имъ мятежъ тѣмъ скорѣе прекращенъ будетъ“ ⁴⁾.

³⁾ Письмо барона Розена 1-го военному министру, 14 января 1832 года № 28. Дѣло архива окружнаго штаба № 3, ч. I.

⁴⁾ Тамъ же. Рапортъ генерала Вельяминова № 1205, 31 декабря 1831 года.

Корпусный командиръ со свойственнымъ ему великодушіемъ взялъ подъ свою защиту и Нуцаль-хана, и акушинцевъ. По его мнѣнію, вѣрность Абу-Муселима достаточно оправдалась въ 1830 году, когда онъ вступилъ въ бой съ Гамзатъ-бекомъ подъ Хунзахомъ, затѣмъ всегда удалялся отъ всякихъ сношеній съ нимъ въ бытность генерала Панкратьева въ Дагестанѣ и принималъ мѣры къ огражденію своихъ владѣній отъ мятежниковъ; если же нѣкоторые изъ его подвластныхъ и находились при Кази-муллѣ, то это было неотвратимо, ускользало отъ всякой власти и не могло быть поставлено въ вину аварскому владѣтелю. Что же касается Акуши, то число мятежниковъ въ ней такъ невелико, что все общество ни въ какомъ случаѣ нельзя подозрѣвать въ измѣнѣ и примѣнять къ нему столь строгія мѣры. Кромѣ того, баронъ Розенъ не желалъ ссориться съ единственной общиной, которая не склонялась передъ духовною властью имама, твердо отстаивая свои адаты и не желая знать постоянно навязываемаго ей шаріата. Ко всему этому присоединялась увѣренность, что Кази-мулла не имѣетъ уже прежняго значенія въ Дагестанѣ.

Такую увѣренность внушило барону Розену отчасти поведеніе койсубулинцевъ. Постоянно участвуя въ предпріятіяхъ Кази-муллы, они вдругъ почувствовали влеченіе къ мирнымъ занятіямъ и стали жаловаться, что, благодаря своей необдуманности, лишились торговыхъ сношеній съ русскими и съ шамхальствомъ, чѣмъ привели себя въ бѣдственное положеніе. Что койсубулинцы терпѣли сильную нужду — не подлежало сомнѣнію, но чтобы причина такой нужды заключалась въ прекращеніи торговли съ русскими и шамхальцами, — въ этомъ позволительно было сильно сомнѣваться. Къ тому же дѣло велось ими какъ-то келейно, неопредѣленно и мы нѣкоторое время не понимали, чего собственно они желаютъ и какія могутъ намъ дать обязательства. Такъ по крайней мѣрѣ доносилъ Циклауровъ Каханову, а этотъ послѣдній барону Розену.

Вельяминовъ, не стараясь проникнуть въ истинныя намѣренія койсубулинцевъ, прямо и просто опредѣлилъ главнѣйшую ихъ обязанность:

„Если генераль-маіоръ Кахановъ думаетъ, что народъ койсубулинскій въ самомъ дѣлѣ затрудняется изыскать средство, какимъ образомъ выйти изъ стѣсненнаго положенія, въ которое онъ приведенъ участіемъ въ замыслахъ Кази-муллы, то предположеніе это весьма ошибочно. Койсубулинцы весьма знаютъ, что, изгнавъ отъ себя Кази-муллу, они выйдутъ изъ своего стѣсненнаго положенія. Кази-мулла ни по знатности своего происхожденія, ни по родственнымъ связямъ съ койсубулинцами не можетъ имѣть между ними никакого вліянія, слѣдовательно легко могъ бы ими быть изгнанъ, еслибы они того захотѣли. Но гимрынцы, надѣясь на неприступность своего мѣстоположенія, которое, какъ говорятъ, непроходимо для артилеріи, держатъ его у себя совершенно по своей доброй волѣ. Послѣднія происшествія въ салатавскихъ деревняхъ могутъ служить тому доказательствомъ: по приказанію моему, сначала селеніе Гуни, а потомъ и селеніе Зубуть выгнали отъ себя Кази-муллу какъ скоро увидѣли приближеніе нашего отряда и возможность лишиться своихъ домовъ“⁵⁾.

Щекотливая сторона дѣла заключалась въ томъ, что койсубулинцы желали получить отъ насъ деньги, за которыя готовы были продать даже своего имама. Первый намекъ, къ сожалѣнію оставленный нами безъ должнаго вниманія, проскользнулъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ шамхала къ Каханову, въ которомъ Сулейманъ-мирза, жалуюсь на свое безденежье, говорилъ:

„Я навѣрно знаю, что ежели бы были у меня деньги, то все койсубулинское и заримское общества собрались бы ко мнѣ, и тогда дѣла шли день ото дня лучше.“

Позднѣе о томъ же сообщилъ намъ Улубей въ слѣдующихъ немногихъ, но характерныхъ выраженіяхъ:

„Койсубулинцы приходили ко мнѣ заключить миръ на такомъ ос-

---

⁵⁾ Тамъ же. Репортъ генерала Вельяминова барону Розену, 7 февраля 1832 года № 31.

нованіи, на какомъ мы желаемъ. Еслибы я могъ согласить ихъ деньгами, то, надѣюсь, что они поймають Кази-муллу съ семействомъ и съ завязанными руками намъ отдадутъ его“ ⁶⁾.

Покуда мы вели безплодную переписку, шамхаль приступилъ къ дѣлу. 9-го февраля онъ пріѣхалъ въ Эрпели и объявилъ сборъ, на который собралось: изъ Гимръ 120 человекъ, изъ Унцукуля 500, всѣ араканцы и часть жителей Балакана, Аргуна и Ирганая—всѣхъ вообще 1100 человекъ; сюда же почему-то явились 105 акушинскихъ и цудахарскихъ кадиевъ и почетныхъ людей. Сборище присягнуло на вѣрность и подданство Государю Императору, условилось дѣйствовать общими силами противъ Кази-муллы и рѣшило пойти въ Гимры и разорить его домъ при первомъ покушеніи мюршида на ихъ земляхъ ⁷⁾. Въ благодарность и въ залогъ ненарушимости принятой присяги каждый получилъ отъ шамхала по рублю серебромъ и съ миромъ отправился восвояси. Самъ шамхаль такъ описывалъ генералу Каханову свой дипломатическій подвигъ:

„18-го рамазана или 9-го февраля я поѣхалъ въ Эрпели и собралъ всѣ койсубулинскія общества, какъ то: Араканъ, Унцукуль и Гимры, которыя вообще дали присягу никогда съ извергомъ Кази-Магометомъ не соединяться и не идти въ походъ, даже выгнать сего проклятаго отъ себя. Я увѣренъ, что изъ сихъ обществъ никто не послѣдуетъ за Кази-Магометомъ и не дастъ ему никакой помощи, кромѣ людей Гамзата, которые, можетъ быть, помогутъ ему. Я взялъ отъ сихъ обществъ аманатовъ и раздалъ имъ сто пятьдесятъ тумановъ серебромъ (1500 рублей). Если на сихъ дняхъ (Кази-мулла?) не убѣжитъ куда-нибудь, то они учинятъ ему какую нибудь бѣду“ ⁸⁾.

Дипломатическое искусство Сулеймана, какъ и слѣдовало ожидать, дало блистательные результаты: койсубулинцы безъ

⁶⁾ Дѣло то же, стр. 161. Письмо Улубея къ генералу Каханову, 18 января 1832 года.

⁷⁾ Рапортъ генерала Вельямнова корпусному командиру, 2 марта 1832 года № 75. Дѣло то же.

⁸⁾ Письмо отъ 21 февраля 1832 года.

особеннаго труда получили все, чего такъ страстно домогались, скудная казна шамхала уменьшилась на 1500 рублей, мы остались съ присягою и аманатами, т. е. съ пустыми руками, а Кази-мулла спокойно продолжалъ пребывать въ Гимрахъ, занимаясь не только чтеніемъ корана, но и раздачею наградъ находившимся при его особѣ лезгинамъ.

Въ такомъ же розовомъ свѣтѣ обрисовалъ дѣла наши въ Койсубу и генералъ Кахановъ въ одномъ изъ донесеній своихъ барону Розену въ концѣ февраля ⁹⁾:

„Ахметъ-ханъ мехтулинскій въ письмѣ своемъ изъясняетъ, что койсубулинцы, собравшіеся въ селеніи Казанищахъ ¹⁰⁾, приняли присягу и обѣщались шамхалу тарковскому непременно или убить Кази-муллу, или, захватя въ плѣнъ, представить къ нему, и въ доказательство, что они послѣ данной ими присяги будутъ служить всегда вѣрно, добровольно выдали шамхалу аманатовъ. Кази-мулла съ немногими приверженцами своими находится нынѣ въ с. Гимрахъ и не иначе намѣренъ дѣйствовать противъ насъ, какъ съ наступленіемъ весны.

Сеидъ-кадій араканскій въ письмѣ своемъ прописываетъ, что онъ неуспѣшно старается удержать народъ свой въ спокойствіи и употребляетъ всевозможныя средства вооружить оный противъ Кази-муллы, и что жители араканскіе обѣщались истребить возмутителя; онъ въ этомъ имѣетъ несомнѣнную надежду. Сеидъ-кадій, послѣ полученія увѣдомленія о пожалованной ему отъ правительства нашего пенсіи, еще болѣе усугубилъ стараніе поселить въ народѣ своемъ всегдашнюю преданность къ правительству и, напротивъ, ненависть къ Кази-муллѣ.

Наконецъ, гимрынскій старшина Магометъ увѣряетъ, что онъ, по извѣстной съ давняго времени ненависти своей къ Кази-муллѣ, всѣми мѣрами старается вмѣстѣ съ преданными ему койсубулинцами истребить Кази-муллу. Для сего онъ намѣренъ собрать войско и вмѣстѣ съ шамхаломъ тарковскимъ, Ахметъ-ханомъ мехтулинскимъ и Сеидъ-кадіемъ араканскимъ, раззоря сего мошенника домъ, хочетъ семейство его взять

⁹⁾ Рапортъ отъ 29 февраля № 64. Тамъ же.

¹⁰⁾ Очевидно, ошибка — въ Эрпели.

въ плѣнъ. Объ успѣхахъ въ семь предпріятіи онъ нисколько не сомнѣвается со стороны койсубулинцевъ, ибо они явно видятъ изъ всѣхъ поступковъ Кази-муллы одни лишь нелѣпыя и несбыточныя его обольщенія, влекуція за собою для послѣдователей неминуемую гибель.“

Если въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ страсти нѣсколько поулеглись и даже койсубулинцы почувствовали нѣкоторую склонность къ мирнымъ переговорамъ съ нами, то въ южномъ Дагестанѣ, въ селеніи, которому суждено было впослѣдствіи играть весьма бойкую роль въ войнѣ, обнаружилось явное неповиновеніе нашимъ властямъ. Еще въ январѣ генералъ Кахановъ получилъ свѣдѣніе, что Кази-мулла, имѣя въ виду возвратить дювекскимъ жителямъ утраченное ими имущество, намѣренъ двинуться послѣ праздника оруча къ владѣніямъ Асланъ-хана казикумукскаго, а если этотъ послѣдній не приметъ его и не соединится съ нимъ, то, по усиленіи своего сборища, возьметъ направленіе на Кубу, Ширванъ и Карабахъ, гдѣ рассчитываетъ отыскать взятое у дювекцевъ добро. Умный имамъ отлично понималъ всю трудность проникнуть въ южный Дагестанъ черезъ кумукскія владѣнія при малѣйшемъ сопротивленіи Асланъ-хана, но онъ зналъ также, что русскіе, имѣя весьма смутныя представленія о краѣ, найдутъ это предпріятіе весьма вѣроятнымъ, и въ то время, когда они отвлекутъ свое вниманіе къ южному и западному Дагестану, онъ бросится въ другую, противоположную сторону и тамъ захватитъ ихъ болѣе или менѣе врасплохъ. Но этого мало. Замѣшивая имя Асланъ-хана въ свои затѣи, Кази-мулла могъ думать, что наше естественное неудовольствіе на этого хитраго и далеко не преданнаго намъ человѣка поведетъ къ взаимному охлажденію и, конечно, облегчитъ ему доступъ въ южный Дагестанъ, когда представится удобный случай прибѣгнуть къ такого рода маневру. А чтобы придать своей демонстраціи болѣе вѣскій видъ, поднять свое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ соз-

дать опорный пунктъ въ южномъ Дагестанѣ, онъ рѣшилъ по-сѣять смуту въ нѣдрахъ кюринскаго ханства, во владѣніяхъ самого Асланъ-хана. Въ началѣ февраля наибъ докузъ, алты и ахты-паринскихъ магаловъ Хамбутаѣ-бекъ, освѣдомившись, что жители с. Ахты вступили въ дѣятельныя сношенія съ Кази-муллою, распускаютъ слухи о скоромъ прибытіи къ нимъ имама и призываютъ сосѣдніе магалы къ неповиновенію русскимъ, отправился въ это селеніе, чтобы на мѣстѣ удостовѣриться въ настроеніи ахтынцевъ и, кстати, собрать съ нихъ слѣдующія намъ подати. Возбужденіе было настолько велико, что наибъ, опасаясь за свою особу, благоразумно остановился въ селеніи Джеби, а вмѣсто себя отправилъ въ Ахты довѣренное лицо. Ахтынцы встрѣтили посланнаго камнями и прогнали вонъ съ угрозою выпроводить и самого наѣба изъ предѣловъ магала. На обратномъ пути Хамбутаѣ неоднократно слышалъ, что ахты-паринскіе жители разѣзжаютъ по мирнымъ деревнямъ прочихъ магаловъ, совѣтуя имъ, въ виду ожидаемаго прибытія Кази-муллы послѣ праздника урушъ-дага (въ февралѣ), со взносомъ податей и вообще съ выраженіемъ повиновенія русскимъ властямъ пообождаютъ.

Выборъ Ахтовъ указывалъ на необыкновенную дальновидность имама. Для насъ это былъ географическій терминъ, а для него—пунктъ, удобный для быстрого сбора многочисленныхъ партій и дѣйствія по тремъ направленіямъ: къ Кахетіи, къ кубинской провинціи и къ казикумухскимъ владѣніямъ, занимающимъ центральное положеніе въ Дагестанѣ. Послѣдующія событія, въ эпоху Шамиля и даже въ наши дни, во время возстанія 1877 года, какъ нельзя лучше оправдали расчеты прозорливаго имама. Но баронъ Розенъ иначе понималъ дѣло. Не придавая значенія волненію ахты-паринскаго магала, неспособнаго по своей малочисленности къ существенной роли въ военныхъ событіяхъ Дагестана, и полагая, что причиною безпорядковъ могли послужить злоупотребленія самого

наиба, а также отяготительный размѣръ податей, которыя и ранѣе затрудняли жителей этого магала, онъ предписалъ генералу Каханову произвести „дознаніе,“ смѣстить Хамбутаибека и представить свое мнѣніе относительно податей. Неодобрительно отнесся корпусный командиръ и къ намѣренію Каханова вызвать въ Кубу изъ отряда сѣвернаго Дагестана двѣ роты Апшеронскаго полка и собрать необходимое число мѣстной конницы, еслибы донесеніе Хамбутаия подтвердилось. Онъ не находилъ нужнымъ безъ особенной надобности усиливать кубинскій гарнизонъ, состоявшій изъ внушительной силы 4-хъ ротъ съ 4-мя орудіями, притомъ войсками изъ сѣвернаго Дагестана, гдѣ присутствіе ихъ могло оказать намъ гораздо болѣе пользы. Кахановъ справился объ ахтынцахъ у Асланъ-хана и послалъ своего лазутчика въ Ахты. Оба донесли, что ахтынское общество дѣйствительно ведетъ съ Кази-муллою тайные переговоры, вслѣдствіе чего Кахановъ предписалъ маіору Циклаурову поспѣшно командировать въ Старую Кубу двѣ роты Апшеронскаго полка со взводомъ 5-й резервной батареи 22-й артилерійской бригады, о чемъ и донесъ корпусному командиру. Изъ донесенія Каханова не видно, чтобы Асланъ-хана беспокоило волненіе въ Ахтахъ. Онъ отнесся къ нему съ полнымъ равнодушіемъ и даже извлекъ для себя пользу, покрасовавшись передъ нами лишній разъ своимъ значеніемъ и вѣрностью. Асланъ-ханъ

„увѣдомилъ меня—писалъ Кахановъ барону Розену—что упомянутое общество дѣйствительно ведетъ съ Кази-муллою тайные переговоры, и ежели Кази-мулла не можетъ прибыть къ нимъ въ теперешнее время для приведенія въ дѣйствіе вредныхъ своихъ замысловъ противъ правительства нашего, то потому единственно, что нѣтъ никакой другой дороги прибыть къ нимъ съ своимъ скопищемъ какъ черезъ владѣніе Асланъ-хана кюринскаго; а какъ сей послѣдній, по извѣстной съ давняго времени преданности своей къ правительству нашему, гласно передъ всѣми горскими народами изъявляющій готовность свою споспѣше-

ствовать оному противу возмутителей, то Кази-мулла и не надѣется, чтобы могъ успѣть склонить на свою сторону подвластныхъ ему жителей, а потому рѣшился по окончаніи праздника отправиться въ Джарскую область, а потомъ, прямою дорогою, будто бы намѣревается прибыть къ нимъ непременно¹¹⁾.

Отчего ханъ, изъяслявшій громогласно „передъ всѣми горскими народами,“ о своей готовности споспѣшествовать намъ противъ возмутителей не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію волненія въ Ахтахъ и даже своевременно не сообщилъ о нихъ Каханову—остается неразгаданнымъ. Неизвѣстно также, по какимъ причинамъ онъ не пренебрегалъ сношеніями съ повѣренными Кази-моллы и одному изъ нихъ, на предложеніе присоединиться къ имаму, далъ очень уклончивый и двусмысленный отвѣтъ: „пустъ они возьмутъ кр. Дербентъ, тогда самъ онъ отниметъ отъ русскихъ прочіе города и отдастъ имъ“¹²⁾.

Не придавая серьезнаго значенія покушеніямъ Кази-моллы въ южномъ Дагестанѣ и продолжая недовѣрять донесеніямъ Каханова о волненіи среди жителей Ахтовъ, корпусный командиръ ограничился противъ нихъ одною лишь административною мѣрою—приказалъ задержать ихъ стада, пасшіяся въ шекинской провинціи, впредь до уплаты слѣдуемыхъ съ нихъ податей. Затумшевая, такимъ образомъ, участіе ахтынцевъ въ замыслахъ имама и подавая имъ осязательный предлогъ къ неудовольствію, онъ вселялъ въ нихъ надежду на безнаказанность всякаго мятежнаго движенія и этимъ широко открывалъ новому ученію двери въ южный Дагестанъ. Съ совершившимся фактомъ перемѣщенія апшеронскихъ ротъ и артилеріи въ Дербентъ баронъ Розенъ легко примирился, имѣя въ виду собрать къ веснѣ въ сѣверномъ Дагестанѣ зна-

---

¹¹⁾ Рапортъ генераль-маіора Каханова барону Розену, 16-го февраля 1832 года № 51. Дѣло то же.

¹²⁾ Донесеніе нухинскаго полицеймейстера, представленное при рапортѣ в. д. шекинскаго коменданта 27-го марта 1832 г. № 6.

чительный отрядъ, присоединивъ къ нему оба баталіона 42-го егерскаго полка—одинъ, сводный, временно находившійся на линіи въ распоряженіи генерала Вельяминова, другой, состоявшій цова изъ слабаго кадра и расположенный въ Шушъ. Кромѣ того, зимнее время, исключавшее дѣйствія со стороны Кази-муллы, перемѣщеніе однихъ частей войскъ по хозяйственнымъ надобностямъ и удержаніе на мѣстѣ другихъ по военнымъ соображеніямъ, вопреки квартирнаго расписанія, пріучили корпуснаго командира снисходительно относиться къ нарушенію отдѣльными начальниками его дислокаціонныхъ распоряженій. Благодаря этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, къ началу марта расположеніе наше въ Дагестанѣ значительно измѣнилось. 31-го января отрядъ маіора Циклаурова, состоявшій изъ 5-ти ротъ Куринскаго, 4-хъ ротъ Апшеронскаго полковъ и 5-ти орудій 3-й роты 21-й артилерійской бригады, за истощеніемъ фуража у окрестныхъ жителей, перешелъ изъ Карабудахвента въ с. Даргали. По той же причинѣ этотъ отрядъ принужденъ былъ передвинуться 26-го марта изъ Даргали въ Озень. Сводный баталіонъ 42-го егерскаго полка съ 2-мя орудіями 5-й резервной роты 22-й артилерійской бригады, выступившіе 20-го декабря предшествовавшаго года на линію и задержанные генераломъ Вельяминовымъ въ крѣпости Внезапной на время экспедиціи его въ Чечнѣ, облегчивъ операціи наши въ Салатавіи и Аухѣ, возвратились въ Дагестанъ 22-го февраля. Войдя въ составъ отряда маіора Циклаурова, они заняли сс. Джемикентъ и Берикей, но такъ какъ и здѣсь не оказалось достаточнаго количества фуража, то Кахановъ приказалъ перевести ихъ въ сс. Отемишъ и Мюрага. Къ 5-му марта составъ и расположеніе войскъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Каханова, были слѣдующіе: въ Таркахъ стояли 1-й баталіонъ Куринскаго пѣхотнаго полка (одна гренадерская и три мушкетерскихъ роты) и одно орудіе 3-й легкой роты 21-й артилерійской бригады; въ Дербентѣ—три ро-

ты 3-го баталіона Апшеронскаго полка и одно орудіе 3-й легкой роты 21-й бригады; въ с. Ньюгедахъ—двѣ роты 2-го баталіона Апшеронскаго полка (2-я гренадерская и 4-я мушкетерская); въ Старой Шемахѣ, Ширванской провинціи—двѣ роты того же баталіона (5-я и 6-я мушкетерскія); въ Новой Кубѣ и въ еврейской слободѣ—3-й баталіонъ апшеронцевъ; въ Старой Кубѣ—5 орудій 3-й легкой роты 21-й бригады и въ сс. Отемишъ и Мюрага, подвуротно, сводный баталіонъ 42-го егерскаго полка съ двумя орудіями 5-й резервной батарейной роты 22-й артилерійской бригады. 25-го февраля начальнику 21-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанту барону Розену 4-му предписано было отправить въ Дербентъ всѣхъ чиновъ, въ томъ числѣ и рекрутъ, остававшагося въ Шушѣ баталіона 42-го егерскаго полка. Туда же корпусный командиръ пожелалъ притянуть и сводный баталіонъ этого полка для образованія двухъ полныхъ баталіоновъ и для болѣе успѣшнаго ихъ обмундированія.

Неблагопріятныя климатическія условія сѣвернаго Дагестана, вредно отражавшіяся на здоровьи нашихъ солдатъ, ютившихся въ грязныхъ обывательскихъ сакляхъ, а также постоянный недостатокъ фуража, заставлявшій части перекочевывать съ мѣста на мѣсто, внушили корпусному командиру мысль поискать болѣе удобный въ этихъ отношеніяхъ и, конечно, соотвѣтствующій военнымъ требованіямъ пунктъ для устройства въ немъ постоянной штабъ-квартиры на одинъ пѣхотный полкъ. Выборъ его палъ на деревушку Темиръ-Ханъ-Шуру, населенную горстью бѣдныхъ и раззоренныхъ прошлогоднимъ возстаніемъ туземцевъ. Въ началѣ февраля генераль Панкратьевъ, по порученію барона Розена, потребовалъ у шамхала свѣдѣній о положеніи, въ которомъ находилась эта деревня. Шамхаль отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

„Ваше превосходительство изволили писать ко мнѣ о водвореніи полка въ Шурѣ. Нынѣ тамъ находится 50 семействъ, а остальные жи-

тели сей деревни, изъ числа прежнихъ 200 семействъ, находятся въ разныхъ мѣстахъ по случаю ограбленія ихъ имущества, не имѣя средствъ собраться на прежнемъ мѣстѣ жительства. Ваше превосходительство, деревня Шура имѣетъ большое пространство земли, изобилующей сѣнокомъ, хлѣбопашествомъ (?), лѣсомъ и водою; и климатъ въ оной весьма отличный. Тамъ можно удобно помѣститься полку, и деревня сія, какъ ключъ койсубулинскаго округа, весьма нужна для нахождения полка. Для 50-ти семействъ, нынѣ тамъ находящихся, я намѣренъ назначить мѣстожительство въ Казанищахъ“¹³⁾.

Этотъ нескладный, но ясный по своимъ даннымъ документъ послужилъ окончательнымъ основаніемъ для образованія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ твердаго опорнаго пункта и учрежденія въ немъ два года спустя столь извѣстной въ лѣтописяхъ кавказской войны штабъ-квартиры Апшеронскаго пѣхотнаго полка. 15-го марта баронъ Розенъ, извѣстивъ Сулейманъ-мирзу о предстоящемъ сосредоточеніи въ Шурѣ значительнаго отряда, предписалъ ему очистить отъ жителей эту деревню:

„Для обезпеченія спокойствія во владѣніяхъ вашихъ—писалъ онъ шамхалу—съ наступленіемъ подножнаго корма имѣетъ собраться значительный отрядъ войскъ при Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Такъ какъ войска наши, сообразно съ желаніемъ вашимъ, изъясненнымъ въ письмѣ къ господину генераль-адъютанту Панкратьеву, постоянно будутъ находиться въ семъ селеніи до совершеннаго возстановленія спокойствія въ Дагестанѣ, то и нахожу нужнымъ, чтобы оныя для большаго сохраненія здоровья людей были помѣщены въ самомъ селеніи, почему, сообразно съ предложеніемъ вашимъ, прошу оставшихся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ жителей перевести въ другое удобное для нихъ мѣсто“¹⁴⁾.

Въ началѣ того же марта случилось само по себѣ самое обычное на Кавказѣ, но тѣмъ не менѣе встревожившее

---

¹³⁾ Письмо отъ 22-го февраля 1832 г. Дѣло штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса по ген. шт. 2-го отд. № 3, ч. I. 1832 года.

¹⁴⁾ Тамъ же. Предписаніе Сулейманъ-мирзѣ № 184.

барона Розена происшествіе. Изъ всѣхъ нашихъ приверженцевъ, удостоившихся наградъ и вниманія со стороны высшаго начальства въ краѣ, особенное рвеніе обнаружилъ пылкій, самоувѣренный и недалекій Додилъ-Магома. Освѣдомившись, что это начальство не прочь сбыть съ рукъ какимъ бы то ни было способомъ Кази-муллу, гимрынскій старшина, руководимый, кромѣ того, своими личными счетами съ имамомъ, рѣшилъ избавить насъ отъ опаснаго и неугомоннаго врага. О своемъ намѣреніи онъ не замедлилъ сообщить корпусному командиру въ благодарственномъ письмѣ по случаю назначенія ему пенсіи. Вотъ этотъ любопытный, ярко обрисовывающій характеръ горцевъ того времени, документъ:

„Предписаніе ваше, въ коемъ изъяснены были милости Государя Императора и вашего высокопревосходительства, я имѣлъ счастье получить и на оное отвѣтствую, что я оказываю Государю Императору вѣрную службу и вы увидите оную въ скоромъ времени. Не только не произойдетъ отъ меня ни мало сопротивленія и вреда въ краѣ Великаго Государя пока я живъ, но обязываюсь служить Великому Государю и вооружиться противу Кази-муллы, какъ измѣнника, возмутителя и вреднаго въ російской землѣ человѣка, который имѣетъ быть убитъ или выгнанъ изъ нашей деревни. Всему дагестанскому народу стали извѣстны моя искренность во всѣхъ случаяхъ и вражда ко мнѣ Кази-муллы, также ложный обманъ сего измѣнника, отчего уменьшились его товарищи и преданные люди и усилились, при помощи Божіей, мои единомышленники. Доказательствомъ же моего усердія служить то, что я постарался нынѣ собрать ополченіе, въ коемъ находится Сулейманъ-ханъ шамхаль и вали дагестанскій, Сеидъ-эфенди, Ахметъ-ханъ и другіе, для разоренія дома Кази-муллы и для поимки какъ самого, такъ и семейства его. Когда уже приблизилась смерть Кази-муллы, то заключено между шамхаломъ и койсубулинскимъ народомъ условіе, съ представленіемъ отъ сего народа аманатовъ и приведеніемъ ихъ къ присягѣ. Но я, за всѣмъ тѣмъ, не оставляю по возможности своей гнать того измѣнника, и истребленіе его, при помощи Божіей, имѣетъ случиться отъ меня. Если же

вы окажете мнѣ помощь войскомъ и имѣніемъ, то я несомнѣнно убью его, раззорю домъ и захвачу семейство его, по милости Бога. Итакъ, прошу васъ вспомоществовать мнѣ въ семь случаѣ.

При этомъ нужнымъ считаю я донести вашему высокопревосходительству, что хотя Кази-мулла пять разъ приходилъ съ ополченіемъ своимъ и желалъ убить меня, похитить мое имущество и раззорить домъ мой, но, благодаря Бога, не имѣлъ никакого успѣха и даже былъ разсѣянъ съ урономъ. Теперь онъ не выходитъ изъ своего дома, а я намѣренъ сдѣлать на него нападеніе, и не буду покоенъ, пока не лишу его жизни и имущества“¹⁵⁾.

Изъ приведеннаго письма видно, что Доудиль-Магома, понимая всю трудность добратся до имама, окруженнаго немногими, но весьма рѣшительными людьми, собирався противъ него въ настоящій походъ, составлялъ цѣлую коалицію, въ которую имѣлъ честь попасть даже его высочество вали дагестанскій, и отчасти рассчитывалъ на поддержку со стороны нашихъ войскъ, слѣдовательно дѣйствовалъ открыто, какъ на войнѣ, и притомъ безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ. Съ своей стороны, Кази-мулла неоднократно прибѣгалъ къ тѣмъ же мѣрамъ, стараясь уничтожить своего врага. Такимъ образомъ, было очевидно, что два медвѣдя не могли ужиться въ одной берлогѣ и что вражда этихъ людей рано или поздно поведетъ къ катастрофѣ. Къ несчастью для доброй памяти Доудиль-Магомы, котораго старались обезславить сторонники Кази-муллы прозвищемъ подкупленнаго убійцы, въ то же самое время шныряли около имама настоящіе, наемные убійцы, вступавшіе въ торгъ изъ-за его головы. Такъ, генералъ Кахановъ доносилъ барону Розену¹⁶⁾, что одинъ изъ гимрынскихъ жителей добровольно заявилъ шамхалу тарковскому о своей готовности убить Кази-муллу, за что Сулейманъ-мирза обѣщалъ ему 3000 рублей или 4 пастбищныхъ мѣста, удосто-

¹⁵⁾ Письмо помѣчено 25-мъ февраля 1832 года. Дѣло то же.

¹⁶⁾ Рапортъ отъ 8-го января 1832 г. № 12. Тамъ же.

вѣривъ это обѣщаніе распискою и выдачею въ аманаты малолѣтняго сына каранайскаго вадія. Другой убійца, мюрагинскій житель Алибекъ-Амировъ, представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Этому горца подсылалъ къ Кази-муллѣ Миръ-Абдуль-Баги дербентскій, полагая, что „ревностное усердіе“ его, бека, а также издержки, на которыя онъ рѣшилъ не скупиться, будутъ зачтены нашими властями. Алибекъ подкарауливалъ Кази-муллу три недѣли, проживая въ Гимрахъ, но, не найдя случая совершить убійство безъ риска за свою собственную шкуру, благоразумно вернулся къ своему благородному патрону, сообщивъ ему между прочимъ, что при Кази-муллѣ находятся только 30 преданныхъ ему нукеровъ изъ разныхъ деревень Дагестана, днемъ и ночью охранявшихъ его особу. Убѣдившись въ невозможности безнаказаннаго убійства, Алибекъ отложилъ свое „предпріятіе“ до похода, который замышлялъ Кази-мулла на праздникъ Пасхи, увѣренный въ приверженности къ себѣ дагестанцевъ, „коихъ, несмотря на присягу, данную русскимъ и шамхалу, множество.“ Имамъ нерѣдко писалъ и пишетъ во „всѣ“ дагестанскія деревни, возбуждая народъ къ возстанію. „У русскихъ—говорилъ онъ—теперь нѣтъ силы. Будьте готовы нанести имъ рѣшительный ударъ. Какъ выйдетъ трава, я явлюсь между вами.“ Собравъ скопище койсубулинцевъ въ Хирбакъ, Кази-мулла намѣренъ ударить черезъ Сюргу на владѣнія Асланъ-хана, а потомъ перерѣзать ему дорогу и напасть на Кубу.

„Алибекъ—доносилъ дербентскій комендантъ маіоръ Шнитниковъ генералу Каханову¹⁷⁾—вполнѣ довѣряя обѣщаніямъ Миръ-Абдуль-Багіа и желая быть полезнымъ Россіи, хотя бы съ потерей собственной жизни, хочетъ исполнить свое намѣреніе когда Кази-мулла придетъ въ Хирбаки, и для сего, чтобы быть готовымъ къ походу, просить исправное ружье, добраго коня и пару платья. Миръ-Абдуль-Баги съ своей стороны просить на сей счетъ вашего превосходительства приказанія и при-

¹⁷⁾ Рапортъ его отъ 22-го февраля 1832 г. № 6. Дѣло то же.

томъ увѣряетъ, какъ Алибекъ имѣетъ дѣло съ однимъ имъ для истребленія Кази-муллы, то онъ не пожалѣетъ, пока живъ и въ Дагестанѣ, ни денегъ, ни стараній, надѣясь, что вы не забудете его ревностнаго усердія.“

Какъ хотѣлъ жертвовать своею жизнью Алибекъ, тщательно избѣгая опасности и цѣлко держась за свою шкуру—про то исторія умалчиваетъ. Всякое убійство внѣ честнаго боя омерзительно, ничѣмъ и никогда не можетъ быть оправдано, и всѣ эти скорбныя страницы могутъ вызвать въ русскомъ повѣствователѣ давнопрошедшихъ событій одно лишь чувство досады и крайняго сожалѣнія. Наша власть на Кавказѣ никогда не нуждалась въ подобнаго рода мѣрахъ и фактически ни разу къ нимъ не прибѣгала: не таковы наши нравы и не таково русское сердце, умѣющее даже въ самомъ злѣйшемъ врагѣ признавать человѣка съ его правомъ на жизнь и существованіе. Очевидно, кавказское начальство не знало, что дѣлать и, приравнивая Кази-муллу къ государственнымъ преступникамъ, лишеннымъ покровительства законовъ, не считало грѣхомъ его „истребленіе.“ Къ счастью, обстоятельства сложились такъ, что Кази-мулла погибъ не отъ руки убійцы, а въ бою съ русскими войсками, простымъ воиномъ, не осѣненный ореоломъ мученическаго вѣнца.

Во второй разъ Алибекъ отправился въ Гимры съ тѣмъ же замысломъ 18-го февраля, но что онъ тамъ дѣлалъ—намъ неизвѣстно.

Между тѣмъ Додудиль-Магома, какъ свидѣтельствуютъ донесеніе генерала Каханова корпусному командиру ¹⁸⁾ и письмо шамхала тарковскаго Каханову ¹⁹⁾, энергически приступилъ къ осуществленію своего плана. Онъ уговаривалъ жителей Эрпели и Караная оставаться вѣрными русскимъ и оказывать ему помощь противъ Кази-муллы. Съ своей стороны,

---

¹⁸⁾ Отъ 9-го марта № 74. Дѣло то же.

¹⁹⁾ Отъ 10-го марта, безъ №. Дѣло то же.

шамхаль отправился склонять къ миру койсубулинскія общества, имѣя въ виду закрѣпить соглашеніе обоюдною присягою и взаимнымъ обмѣномъ аманатовъ. Оба сошлись въ Эрпели, откуда вели переговоры съ жителями. Среди этихъ переговоровъ, далеко не безуспѣшныхъ, судя по сообщеніямъ Сулеймана, Доудиль-Магома получилъ, 7-го марта, извѣстіе, что Кази-мулла сжегъ домъ одного изъ его родственниковъ. Пылкій горецъ, не задумываясь, поскакалъ съ нѣсколькими приверженцами въ Гимры, отбился на дорогѣ отъ высланныхъ противъ него Кази-муллою людей, явился въ родной ауль, укрѣпился въ немъ и, послѣ сильной перестрѣлки, продолжавшейся нѣсколько часовъ, палъ подъ ударами мюридовъ. Съ самаго начала гимрынцы раздѣлились—одни примкнули къ Кази-муллѣ, другіе стали за Доудиль-Магому. Результатъ схватки указалъ имъ сторону, которой необходимо было держаться: старшина палъ, родственники его, а также важнѣйшіе изъ приверженцевъ взяты въ плѣнъ—значить сила осталась за имамомъ, которому и слѣдовало подчиниться. Не долго размышляя, гимрынцы присоединились къ Кази-муллѣ. Послѣдній не побрезгалъ принять личное участіе въ дѣлѣ вмѣстѣ съ Гамзатъ-бекомъ, откуда-то явившимся къ своему учителю въ нужную минуту. Надо полагать, что мюршидъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Доудиль-Магомы и посѣщилъ предупредить его, прибѣгнувъ къ его же оружію—кровавой расправѣ.

Покончивъ съ гимрынцами, Кази-мулла широко расправилъ свои крылья. Онъ разослалъ возмутительныя воззванія въ ближайшія общества, призывая ихъ подъ свои значки и угрожая въ случаѣ отказа силою, а самъ съ 30-ю мюридами отправился въ Гоцатль, рассчитывая на хорошій пріемъ у земляковъ Гамзата. Гоцатлинцы, однако, встрѣтили его недружелюбно, окружили домъ въ которомъ онъ помѣстился, послали къ Сеидъ-кадію араканскому за помощью и отъ угрозъ перешли къ выстрѣламъ. Сеидъ не заставилъ себя долго ждать, а Су-

лейманъ-мирза, извѣщенный о случившемся, направилъ въ Эрпели 300 вооруженныхъ шамхальцевъ. Положеніе Кази-муллы было крайне опасное, почти безвыходное, но судьба на этотъ разъ сохранила ему жизнь: въ то время, какъ одни изъ его единомышленниковъ вступили въ переговоры съ противною стороною, „вошли въ посредничество,“ по выраженію документа, другіе переодѣли его въ женское платье и вывели изъ аула. Въ такомъ нарядѣ онъ отправился въ Игали.

Неудача ничуть не поколебала желѣзной энергіи этого неутомимаго человѣка. Убійствомъ Доудиль-Магомы онъ далъ предостереженіе приверженцамъ нашей власти и, конечно, желалъ воспользоваться впечатлѣніемъ своего кроваваго подвига въ возможно широкой мѣрѣ. Кромѣ того, наступала весна — пора для открытія враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ войскъ — надо было сбить съ толку врага и напасть на него тамъ, гдѣ его не ожидали. Чтобы приковать наше вниманіе къ Дагестану, а тѣмъ временемъ попытать счастья за его предѣлами, ему стоило только поселить тревогу своими властолюбивыми домогательствами среди владѣтелей и вліятельныхъ лицъ, отъ которыхъ мы исключительно почерпали свѣдѣнія объ его замыслахъ. За этихъ людей онъ и принялся, разославъ имъ послѣ гоцатлинской неудачи свои угрожающія посланія. Такую крупную личность, какъ Улубея, нельзя было пройти молчаніемъ. Кази-мулла ему написалъ:

„Отъ бѣднаго раба Божьяго Кази-Магомета къ начальнику Эрпели Улубею — да будетъ вамъ миръ; аминь. Будь мусульманиномъ, ибо ты потеряешь время мусульманства. На тебя, какъ и на насъ, распространяется польза отъ религіи и на тебѣ, какъ и на насъ, лежатъ обязанности, возлагаемыя ею. Исламъ есть правовѣріе. Оно возьметъ верхъ и не уничтожится — или ты погибнешь наравнѣ съ погибшими. Если же примешь исламъ, то въ пользу твою настоящая и будущая жизнь, и мы услужимъ тебѣ, чѣмъ только можемъ. Впрочемъ, ты скоро увидишь, чѣмъ рѣшится твоя участь.“

Встревоженный этимъ посланіемъ, имѣя, кромѣ того, свѣдѣнія о задуманномъ Кази-муллою „походѣ“ противъ насъ, Улубей отправилъ письмо имама къ Циклаурову съ просьбою поспѣшнѣе передать его въ руки генерала Каханова. Въ такомъ же духѣ, съ приправою неизбѣжныхъ разсужденій о шариатѣ, получилъ письмо отъ мюршида и Сеидъ-кадій араканскій. Сеидъ забилъ настоящую тревогу. Онъ сообщилъ объ этомъ Каханову, Циклаурову, шамхалу, Паху-бике и Ахметъ-хану, приказавъ своимъ людямъ, находившимся въ Унцукулѣ и Казанищахъ, быть насторожѣ. Считая Кази-муллу единственнымъ виновникомъ замѣшательства въ краѣ, Сеидъ-кадій выразилъ Циклаурову свою мысль въ весьма энергичныхъ и опредѣленныхъ словахъ:

„Знайте, что возмущеніе не утихнетъ, ибо онъ (Кази-мулла) еще не умеръ, какъ я о семъ неоднократно вамъ сообщалъ“²⁰⁾.

Каханову онъ доносилъ, что койсубулинцы находятся въ безпокойствѣ, волнуются и не знаютъ къ кому примкнуть. О своихъ намѣреніяхъ Кази-мулла никому не сообщаетъ. Его уже нѣтъ въ Дагестанѣ, но куда онъ направился—толкуютъ различно. Одни думаютъ, что онъ въ Чечнѣ, другіе—что намѣренъ напасть на Ахметъ-хана и русскихъ, находившихся въ Таркахъ²¹⁾. Извѣстіе о движеніи Кази-муллы въ Чечню, быть можетъ, заимствовано было Сеидъ-кадіемъ отъ аварской ханши, имѣвшей, какъ оказалось впоследствии, точныя свѣдѣнія о ближайшихъ намѣреніяхъ имама, несмотря на непроницаемую тайну, въ которую облекались всѣ его военныя предположенія.

„Почтенное письмо ваше—писала Паху-бике Сеиду—черезъ родственника вашего Гасанъ-хаджія я получила, за что приношу вамъ чувствительную благодарность. Да будетъ Богъ вами доволенъ. Если вамъ угодно узнать о нашемъ состояніи, то, слава Богу, мы съ полной ра-

²⁰⁾ Тамъ же.

²¹⁾ Дѣло то же. Письмо помѣчено 10-мъ марта.

дости, удовольствіи и благополучіи. Что же касается до Кази-Магомета гимрынскаго, то онъ съ малочисленнымъ войскомъ, состоящимъ изъ разныхъ племенъ, какъ-то кувяра (?) и проч., отправился въ Чечню со стороны Гигела (Игали?). Народъ говоритъ, что онъ намѣренъ напасть на крѣпость Бровъ (Владикавказъ) изъ числа русскихъ крѣпостей, а впрочемъ—Богъ знаетъ, какъ будетъ впоследствии.

Днемъ позже Сеидъ-кадій доносилъ Циклаурову, что Кази-мулла, находясь въ Игали, довольно успѣшно собираетъ „войска“ изъ людей прибывающихъ къ нему со всѣхъ сторонъ, и весьма опредѣленно заявилъ, что потерялъ довѣріе къ койсубулинскому народу. Араканцы, собравшись, предложили прочимъ койсубулинскимъ деревнямъ общими силами дѣйствовать противъ Кази-моллы, но унцуккульцы и другіе, подъ разными предлогами, уклонились отъ ихъ намѣренія.

Если Паху-бике находилась въ полной радости, удовольствіи и благополучіи, то далеко не въ такомъ прекрасномъ настроеніи почувствовалъ себя шамхаль тарковскій, получивъ посланіе отъ духовнаго совѣта, состоявшаго при Кази-моллѣ:

„Отъ уповающаго на Всевышняго Бога Магометъ-эфендія яраглинскаго, Кази-мирзы и другихъ помощниковъ Кази-моллы къ высокостепенному шамхалу Сулейманъ-пашѣ—да направитъ его Всемогущій Богъ на путь истины и непоколебимой вѣры въ честь святѣйшаго пророка; аминь.

Слушай съ должнымъ вниманіемъ приказанія возобновителя закона Кази-Магомета о повиновеніи твердымъ правиламъ шаара, покорности Богомъ поставленной вѣрѣ, о моленіи Создателю и дружбѣ съ нашимъ Кази-Магометомъ; тогда ты будешь въ числѣ правовѣрныхъ и счастливъ какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни.

Перестань быть дружнымъ съ русскимъ народомъ, безпутнымъ и сбивающимъ другихъ съ пути истины; старайся удалить русскихъ отъ нашихъ владѣній и по мѣрѣ возможности очистить отъ нихъ мусульманскій край. Тогда Всевышній Богъ облачитъ тебя въ одежды чести и величія и утвердитъ твое владычество, доколѣ не совратишься съ пути истины. О,

благородный юноша, когда ты предстанешь предъ Богомъ въ день страшнаго суда Его, то Онъ спроситъ тебя: отчего ты былъ въ дружбѣ съ врагами Моими и просилъ ихъ помощи для утвержденія своего могущества, между тѣмъ какъ, владычествуя землею и небомъ, Я даю власть тому, кого нахожу достойнымъ, и унижаю, кого захочу. Весь свѣтъ, добро и зло, зависятъ отъ произвола Моего. Для чего же ты не вель себя какъ должно, не помогаль поборникамъ закона и не заставляль своихъ подданныхъ повиноваться шаріату и поддерживать вѣру, будучи обязанъ отвѣтственностью за ихъ поведеніе? Будешь ли ты тогда имѣть какое либо оправданіе? Да внушитъ же Богъ тебѣ желаніе поддерживать шаріатъ и распространять священную Его вѣру между твоими подвластными, поставляя правосудныхъ кадіевъ и вѣрныхъ имъ помощниковъ.

Если ты сего не сдѣлаешь и не будешь вести себя, какъ тебѣ объявлено, то мы непремѣнно пойдёмъ противъ тебя, раззоримъ деревни и убьемъ тебя, при помощи Всемогущаго. Мы знаемъ безсиліе твое и русскихъ, клянемся Богомъ, что придемъ къ тебѣ и сдѣлаемъ то же самое, что сдѣлали подъ Тарками. Мы знаемъ, что у васъ нѣтъ ни могущества, ни силы, и вы будете унижены, милостью Всевышняго ²²).

Въ эпохи религіозно-политическаго возбужденія люди менѣе чѣмъ когда нибудь справляются съ законами Творца. Они безпрестанно всуе призываютъ Его имя и, ослѣпленные увѣренностью въ непогрѣшимость своихъ цѣлей и поступковъ, думаютъ, что Господь участвуетъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ, даже преступленіяхъ. При помощи Бога Кази-мулла надѣялся уничтожить своихъ политическихъ враговъ; съ помощью того же Бога Додилъ-Магома рассчитывалъ покончить съ Кази-муллою. Религія въ такихъ случаяхъ сплошь и рядомъ прикрываетъ честолюбіе и самые реальные политическіе виды. Руководители движеній большею частью хорошо понимаютъ цѣли, къ которымъ стремятся, и качество средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ. Тщательно скрывая свои житейскія побужденія, они любятъ указывать своимъ противникамъ на будущую жизнь,

---

²²) Дѣло то же; числа не имѣется.

какъ на вѣнецъ стремленій, и, стараясь оторвать ихъ отъ земли, постоянно сулятъ имъ небо. Простосердечные увлекаются заманчивою перспективою загробной жизни и гибнутъ, оставляя свое наслѣдіе на землѣ болѣе хитрымъ и пронырливымъ, но прозорливые и власть имущіе имѣютъ прекрасное обыкновеніе не отказываться отъ земного, основательно полагая, что оно не мѣшаетъ небесному и зная, что наслѣдниками ихъ власти и достоянія въ этой жизни явятся именно тѣ люди, которые съ такою убѣдительною проповѣдуютъ имъ блаженство царства небеснаго. Въ результатъ такого движенія, съ религіозными цѣлями для однихъ и политическими для другихъ, выработывались крѣпкіе государственные организмы, свѣтскіе у культурныхъ народовъ и теократическіе у болѣе или менѣе первобытныхъ племенъ.

Потомокъ Магомета, преемственный вали древнѣйшаго калифата, шамхаль почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ притязаніями какого-то плебея, говорившаго съ нимъ языкомъ повелителя и угрожавшаго ему наказаніемъ въ случаѣ неповиновенія его волѣ. Быть можетъ, въ послѣдній разъ проснулась въ этомъ ничтожномъ человѣкѣ гордость—и онъ приказалъ Улубею убить того, кто отважится привезти ему оскорбительное письмо мюршида. Но злоба дня и безсиліе передъ „проклятымъ“ Кази-муллою быстро охладили пылъ шамхала, и онъ въ томъ же письмѣ, въ которомъ жаловался на дерзость имама, съ дѣловитостью подчиненнаго изложилъ генералу Каханову о своихъ распоряженіяхъ по оборонѣ шамхальскихъ владѣній и представилъ свѣдѣнія, имѣвшіяся у него о намѣреніяхъ Кази-муллы. По его словамъ, койсубулинцы не рѣшались присоединиться къ имаму, но онъ успѣлъ привлечь къ себѣ андійцевъ и другія племена верхняго Дагестана. Въ Эрпели и Каранаѣ Сулейманъ-мирза поставилъ для содержанія карауловъ 300 человѣкъ своихъ подвластныхъ. Въ шамхальствѣ все было спокойно.

Зашевелился и Ахметъ-ханъ мехтулинскій. Онъ донесъ генералу Каханову, что часть койсубулинцевъ, желая остаться въ повиновеніи, продолжаетъ обращаться къ нему, но остальные „сего не желаютъ.“ Кази-муллы нѣтъ „въ здѣшнихъ горахъ;“ съ малымъ числомъ товарищей, онъ куда-то удалился — въ Джары или во Владикавказъ — неизвѣстно. Ходили слухи, что онъ намѣренъ былъ идти въ Аварію, на владѣльцевъ, но, узнавъ о готовящемся сопротивленіи, отказался отъ задуманнаго предпріятія. Очевидно, и Ахметъ-ханъ находился, подобно Паху-бике, въ полномъ благополучіи и довольствіи. Нельзя, однако, не обратить вниманія на послѣднее его сообщеніе. Очень возможно, что истребленіе аварскаго владѣтельнаго дома уже тогда было задумано Кази-муллою, и Гамзатъ-бекъ, совершившій два года спустя это злодѣйское дѣло, былъ не инициаторомъ его, а исполнителемъ завѣтной мечты своего неразборчиваго, но дальновиднаго предшественника. Покушеніе 1830 года на Хунзахъ еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. Новому властителю, всюду заявлявшему свои притязанія на первенствующую роль въ краѣ, необходимѣе всего было овладѣть аварскимъ плоскогорьемъ, чтобы господствовать надъ большею частью малодоступнаго и грознаго нагорнаго Дагестана. Въ 1843 году Шамиль, при болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, успѣшно разрѣшилъ эту важную, намѣченную Кази-муллою и подготовленную потомъ Гамзатъ-бекомъ задачу. Тѣ же твердыни нагорнаго Дагестана послужили послѣднею ареною борьбы нашей на восточномъ Кавказѣ.

Спокойнѣе всѣхъ отнесся къ новымъ затѣямъ Кази-муллы Асланъ-ханъ. Ему удалось придумать безподобную комбинацію, по которой и волки могли быть сыты, и овцы цѣлы. Письмомъ отъ 11-го марта ²³⁾ онъ увѣдомлялъ генерала Каханова, что не можетъ препятствовать покушеніямъ Кази-

---

²³⁾ Репортъ генерала Каханова корпусному командиру, 19-го марта 1832 г. № 96. Дѣло то же.

муллы на Кубу, но встрѣтитъ его вооруженною рукою, если онъ нападеть на его владѣнія. Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ, представленномъ Кахановымъ корпусному командиру 6-го апрѣля, онъ сообщалъ, что Кази-мулла отправился въ Чечню и, послѣ остановки въ с. Алды, двинулся съ своими „бродягами“ въ Назрань и къ ингушамъ. Свѣдѣнія эти были вѣрны, соответствуя уже совершившимся фактамъ, но слишкомъ позднія и потому ненужныя ни Каханову, ни барону Розену, никому. Далѣе сообщалось, что ингуши и назрановцы пригласили имама, чтобы производить безпокойства на дорогѣ изъ Гори къ Тифлису и что Кази-мулла намѣренъ пробраться черезъ Гори въ Константинополь ²⁴).

Таковы были наши союзники и друзья—въ лучшемъ случаѣ не по разуму усердные, вообще же безтолковые и двоедушные, отчасти коварные и жестокіе, всегда плохо освѣдомленные о противной сторонѣ и пребывавшіе, когда не угрожала имъ опасность за стѣною русскихъ штыковъ или за сциною мюршида, въ полной радости, удовольствіи, благополучіи и, надо прибавить—близорукой простотѣ.

Въ убійствѣ Додиль-Магомы баронъ Розенъ не могъ не видѣть удара, направленнаго противъ нашей власти, а изъ получаемыхъ донесеній, нельзя было не заключить, что ближайшая опасность угрожала Дагестану. Озабоченный и встревоженный неблагоприятно сложившимися для насъ обстоятельствами, онъ писалъ въ концѣ марта Каханову:

„Вашему превосходительству извѣстно, что непринятіе въ самомъ началѣ возмущенія Кази-муллы довольно дѣятельныхъ противъ него мѣръ наиболѣе способствовало его успѣхамъ; почему долженъ замѣтить вамъ, что, по полученіи извѣстій, сообщенныхъ въ рапортѣ вашемъ, отъ 11-го сего марта за № 79, вамъ бы слѣдовало самимъ отправиться въ

---

²⁴) Не имѣетъ ли это свѣдѣніе прямую связь съ извѣстными словами Кази-муллы: „Пойду на Константинополь, свергну султана и возстановлю тамъ истинную вѣру.“ Аслапъ-ханъ нерѣдко лувавилъ, но пелѣостей никогда не доносилъ.

Тарки, дабы, находясь вблизи мѣста происшествій, имѣть возможность дѣйствовать по обстоятельствамъ. Ваше прибытіе ободрило бы преданныхъ намъ людей, коихъ смерть Давидъ-Магомета ²⁵⁾, какъ видно, привела въ большое безпокойство. Почему предлагаю вашему превосходительству съ полученіемъ сего отправиться въ сѣверный Дагестанъ и принять тамъ нужныя, по обстоятельствамъ, мѣры. Усердіе шамхала тарковскаго полковника Сулейманъ-мирзы и капитана Ахметъ-хана мехтулинскаго вамъ извѣстно; ободрите и поддерживайте ихъ сколько возможно; съ Сеидъ-кадіемъ араканскимъ и другими преданными намъ лицами будьте въ частыхъ сношеніяхъ. Они испытали уже, какое вниманіе правительство обратило на заслуги ихъ; теперь должны они оправдать оказанныя имъ милости и усердіемъ и постоянствомъ сдѣлаться достойными новыхъ наградъ“ ²⁶⁾.

Для сохраненія спокойствія въ сѣверномъ Дагестанѣ въ теченіе лѣта, а также для обезпеченія этой части края и на будущее время онъ приказалъ генералу Каханову привести въ исполненіе слѣдующія распоряженія:

1) Съ появленіемъ подножнаго корма отрядъ, находившійся въ Даргали, перевести въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

2) Всѣ войска въ сѣверномъ Дагестанѣ поручить командованію полковника Мищенко, которому состоятъ подъ общимъ начальствомъ Каханова.

3) Два дѣйствующихъ баталіона 42-го егерскаго полка, подъ командою Эриванскаго карабинернаго полка полковника Майбороды, назначить въ отрядъ сѣвернаго Дагестана.

4) Полковнику Гофману выступить со всѣми частями Куринскаго пѣхотнаго полка въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ въ Дербентѣ двѣ роты, всѣ лишнія тяжести и лазаретъ этого полка.

5) Отрядъ сѣвернаго Дагестана расположить отчасти въ

---

²⁵⁾ Доудиль-Магомы.

²⁶⁾ Предписаніе корпуснаго командира генералу Каханову, 22-го марта № 198. Журналь подробный исходящій ген. шт. 2-го отд. № 66, 1832 г.

Темиръ-Ханъ-Шуръ, частью же въ лагеръ въблизи этого селенія.

б) Немедленно приступить къ исправленію строеній, необходимыхъ для долговременнаго пребыванія полка въ Шуръ, ибо „онъ во всякомъ случаѣ не будетъ выведенъ изъ сего мѣста до совершеннаго возстановленія спокойствія въ сѣверномъ Дагестанѣ“²⁷⁾.

Покуда велась вся эта переписка, изъ которой мы вышли съ пустыми руками, и покуда собирались войска въ отрядъ, Кази-мулла успѣлъ спуститься въ Чечню, побывать у Владикавказа, Назрана и Грозной и вернуться обратно въ Дагестанъ.

XXIII.

Назрановскіе ингуши. Тревога, произведенная внезапнымъ появленіемъ Кази-моллы въ окрестностяхъ Владикавказа и Назрановскаго укрѣпленія. Загадочность его цѣлей. Движеніе отрядовъ кн. Бековича-Черкаскаго и генерала Вольховскаго. Покушеніе имама противъ Грозной и возвращеніе въ Дагестанъ. Новыя безпокойства въ Чечнѣ. Совѣты и воззванія Кази-моллы. Набѣгъ Засса у Албуль-юрта. Заблужденія Каханова. Каранайскіе измѣнники и Мищенко. Невзбѣжные результаты неопредѣленности, въ которой держалъ Кази-мулла край. Отрядъ сѣвернаго Дагестана. Виды имама на даргинскій союзъ. Измѣна цудахарцевъ. Прибытіе Кази-моллы въ Бушпу. Магометъ-кадіи акушинскій.

Въ началѣ марта генералъ Вельяминовъ обратилъ особенное вниманіе на ингушей, поселенныхъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на рѣчкѣ Назранѣ, впадающей въ Сунжу съ лѣвой стороны. Ингуши сами просили принять ихъ подъ наше покровительство и позволенія выйти изъ горъ на плоскость. Для защиты ихъ построено было небольшое укрѣпленіе, подчиненное вмѣстѣ съ поселившимися около его ингушами владикавказскому коменданту. Такое подчиненіе мотивировалось очень просто: мѣсто находилось въ 30-ти приблизительно верстахъ

---

²⁷⁾ Предписаніе корпуснаго командира генералу Каханову, 15-го марта № 185. Журналъ подробный исходящій ген. шт. 2-го от. 1832 г. № 66.

отъ Владикавказа и у Сунжи, на которой, кромѣ этого пункта, не существовало тогда ни одного поста. Ингуши вышли изъ горъ въ небольшомъ числѣ и въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Населеніе быстро увеличилось, отчасти естественнымъ путемъ, частью новыми выходцами изъ горъ. Пользуясь плодородною землею и не участвуя ни въ какихъ повинностяхъ, народъ оправился, разбогатѣлъ и въ описываемое время могъ выставить около 1000 всадниковъ. Въ знакъ признательности за благосостояніе, которымъ пользовались назрановскіе ингуши подъ защитою и покровительствомъ русской власти, они принимали къ себѣ разбойниковъ, укрывавшихся въ далекихъ чеченскихъ деревняхъ и отправлявшихся оттуда для хищничествъ на военнo-грузинскую дорогу, между Ардонскимъ укрѣпленіемъ и Владикавказомъ.

Неизвѣстно, имѣлъ ли Вельяминовъ въ своемъ распоряженіи положительныя свѣдѣнія объ укрывательствѣ ингушей, но въ единственномъ документѣ, касающемся этого предмета, онъ указалъ лишь на то обстоятельство, что безъ содѣйствія назрановцевъ набѣги не имѣли бы мѣста на указанномъ пространствѣ. Чтобы держать въ рукахъ назрановское населеніе и прекратить разбои, Вельяминовъ просилъ барона Розена передать начальство надъ укрѣпленіемъ назрановскимъ, съ находившимися тамъ войсками и окрестнымъ населеніемъ, командующему сунженскою линіею генералъ-маіору кн. Бековичу-Черкасскому ²⁸⁾. Послѣдній, по мнѣнію Вельяминова, имѣлъ болѣе средствъ держать ингушей и сосѣднихъ съ ними покорныхъ карабулаковъ въ должномъ повиновеніи, слѣдить за связями ихъ съ непріязненными племенами и, коротко зная нравы горцевъ, скорѣе находить способы для достиженія цѣли, не прибѣгая къ силѣ оружія, „если только это

---

²⁸⁾ Рапортъ генералъ-лейтенанта Вельяминова корпусному командиру, 9-го марта № 98. Дѣло шт. отд. кавк. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

возможно.“ Надзоръ за назрановцами былъ слабъ, и вотъ по какой причинѣ:

„Сколько мнѣ извѣстно—доносилъ тутъ же Вельяминовъ корпусному командиру—владикавказскіе коменданты никогда не имѣли военныхъ способностей и достаточнаго количества войскъ въ своемъ распоряженіи, чтобы принудить вѣроломный народъ сей исполнять обязанности свои противъ благодѣтельствующаго имъ правительства и прервать связи съ хищниками.“

Ходатайство Вельяминова не имѣло успѣха. Баронъ Розенъ отказалъ ему, ссылаясь на Высочайшее повелѣніе, по которому назрановцы подчинены были владикавказскимъ комендантамъ. Вельяминовъ замолчалъ.

Въ то же время тѣ же самые назрановскіе ингуши понадобились и Кази-муллѣ. Невозможно съ точностью сказать, чего желалъ онъ отъ этого разбогатѣвшаго и потому тяжелаго на подъемъ населенія, но есть основаніе предполагать, что имамъ задумалъ вторгнуться въ Кабарду, овладѣвъ предварительно Владикавказомъ или Назраномъ и заручившись преданностью къ себѣ назрановскихъ ингушей ²⁹⁾. Впослѣдствіи, 14 лѣтъ спустя, этотъ въ высшей степени смѣлый и крайне опасный для насъ планъ осуществленъ былъ, хотя и неудачно, Шамилемъ.

Въ серединѣ марта непроницаемая завѣса, за которою таились намѣренія Кази-муллы, начала мало по малу раскрываться. 13-го числа генералу Вельяминову донесли, что имамъ будетъ черезъ 2 дня на Мичикѣ, куда вызываетъ жителей изъ окрестныхъ деревень. Хотя командующій войсками на линіи и не допускалъ значительнаго сбора партій въ такое время года, тѣмъ не менѣе въ обезпеченіе нижней Сунжи и владѣній кумыковъ онъ приказалъ князю Бековичу-Черкасскому расположить баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка въ ст. Старогладковской, а Херсонскаго гренадерскаго—

---

²⁹⁾ Репортъ генераль-маіора князя Бековича-Черкасскаго барону Розену, 3-го апрѣля № 204. Дѣло то же.

въ Кизлярѣ ³⁰⁾). Надо полагать, что вслѣдъ затѣмъ Вельяминовъ получилъ новыя и болѣе важныя свѣдѣнія, указывавшія на Кабарду, какъ на конечную цѣль движенія Кази-муллы, такъ какъ уже 22-го марта находимъ части довольно сильнаго отряда кн. Бековича-Черкаскаго на походѣ съ сунженской линіи къ Моздову ³¹⁾). Направленіе сюда этихъ частей не можетъ быть иначе объяснено, какъ опасеніемъ Вельяминова за Кабарду, покушеніе противъ которой, по странному противорѣчію съ первоначальными распоряженіями, онъ ставилъ въ узкія рамки ничтожной задачи, которую едва ли преслѣдовалъ Кази-мулла. За участь Владикавказа, онъ не тревожился. Назрановское укрѣпленіе могло, пожалуй, сдѣлаться добычею горцевъ, но лишь въ крайнемъ случаѣ, при полной оплошности коменданта, чего не допускалъ Вельяминовъ, основываясь на постоянныхъ предписаніяхъ, отдаваемыхъ имъ всѣмъ вообще воинскимъ начальникамъ, находиться въ полной готовности противъ нападеныя. Кромѣ того, онъ сильно рассчитывалъ на отрядъ кн. Бековича-Черкаскаго и ни на одну минуту не сомнѣвался въ его успѣхѣ. Последнее обстоятельство не помѣшало ему, впрочемъ, сдѣлать распоряженіе командующему кабардинскою линіею генералъ-маіору Горихвостову—отклонять кабардинцевъ отъ сношеній съ мятежниками и отъ участія въ мятежѣ, а екатериноградскому воинскому начальнику маіору Алехину—пріостановить отправленіе денегъ, посылокъ, обозовъ и транспортовъ, слѣдующихъ изъ Екатеринограда въ Грузію, какъ только военно-грузинской дорогѣ станетъ угрожать серьезная опасность отъ партій Кази-муллы. Барону Розену онъ доносилъ:

„Вообще я полагаю, что сіи слухи о намѣреніи Кази-муллы на-

---

³⁰⁾ Рапортъ его барону Розену I-му, 13-го марта № 114. Дѣло то же.

³¹⁾ Невѣроятно, чтобы кн. Бековичъ-Черкасскій, подчиненный генералу Вельяминову, предпринялъ это движеніе по собственному побужденію. Кромѣ того, по характеру донесеній кн. Бековича-Черкаскаго начальнику линіи объ этомъ движеніи и о послѣдующихъ дѣйствіяхъ видно, что онъ поступалъ по указаніямъ Вельяминова, которыхъ, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ архива окружнаго штаба не оказалось.

пасть на Владикавказъ, Назрановское укрѣпленіе и военно-грузинскую дорогу распускаются ложно, а вѣроятнѣе всего, что онъ сдѣлаетъ нападеніе въ Малую Кабарду, и собственно для раззоренія имѣнія князя Бековича, въ оной находящееся“ ³²⁾).

Гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на новое предпріятіе Кази-муллы кн. Бековичъ-Черкаскаго. 3-го апрѣля, когда гроза пронеслась мимо и представилась возможность собрать болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о происшествіи, которое не могло повториться въ ближайшемъ будущемъ снова, онъ доносилъ корпусному командиру: ³³⁾

„Намѣреніе Кази-муллы было, какъ онъ увѣрялъ чеченцевъ, сперва взбунтовать ингушей и, усиливши какъ ими, такъ и чеченцами своихъ сообщниковъ, истребить крѣпость Владикавказъ и Назрановское укрѣпленіе, чтобы тѣмъ пресѣчь всякое сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ, потомъ дѣйствовать въ Кабардѣ и на чеченскія деревни, по Тереку населенныя.“

Когда имамъ тронулся съ мѣста и откуда выступилъ— трудно опредѣлить. Вѣроятнѣе всего, онъ вышелъ изъ Гимръ въ промежутокъ между 10-мъ и 12-мъ марта, быстро прошелъ Андю и появился въ Чечнѣ 13-го числа. Партія, съ которой онъ перевалилъ въ Чечню была, „ничтожна. Она состояла изъ койсубулинцевъ, кудалинцевъ, гумбетовцевъ и андійцевъ; въ ней попадались жители Чирката, Дануха, Сіуха, Анкидатля, Ансальты, Унцукуля, Игали и другихъ селеній, счетомъ до 29-ти ³⁴⁾).

17-го марта полковнику Сорочану, командиру 40-го егерскаго полка и старшему начальнику въ кр. Грозной, дали знать, что Кази-мулла прибылъ въ с. Чахкири-Варандой, лежащее въ верховьяхъ Аргуна. 18-го съѣхались къ имаму всѣ почти нерасположенные къ намъ старшины чеченскихъ дере-

---

³²⁾ Репортъ его корпусному командиру, 23-го марта № 149. Дѣло то же.

³³⁾ № 204. Дѣло то же.

³⁴⁾ Тамъ же.

вень, упрашивая его приблизиться къ Грозной, отрѣзать отъ нея и наказать преданное русскимъ населеніе и, если возможно, прервать сообщенія этой крѣпости съ линіею. Такому намѣренію, пожалуй, соотвѣтствовало скопище, быстро возросшее до 2000 человекъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Гамзатъ-бека, Шейхъ-Абдулы и кабардинскаго князя Хамурзина, присоединившаго къ толпамъ мятежниковъ до сотни своихъ кабардинцевъ, но Кази-мулла, преслѣдовалъ, повидимому, другія, болѣе широкія цѣли. Не обращая никакого вниманія на просьбы чеченскихъ старшинъ, мюршидъ того же числа вечеромъ повернулъ къ с. Чинагой-Гойтѣ и на другой день, усилившись вновь сбѣжавшимися толпами чеченцевъ, прибылъ въ с. Ачхой. Отсюда, имѣя въ виду поднять противъ насъ карабулаковъ ³⁵⁾ и вмѣстѣ съ ними напасть на Назрановское укрѣпленіе или на Владикавказъ, онъ двинулся вверхъ по р. Арштой-Мартану и 21-го числа вступилъ въ с. Галашки. 22-го скопища его появились въ с. Закхи, въ 7-ми верстахъ отъ Владикавказа.

Владикавказскій комендантъ г.-м. Оранскій былъ извѣщенъ о движеніи горцевъ только наканунѣ, 21-го марта. Ему донесли, что огромное скопище раскинулось бивакомъ у Пханъ-кичу, покушаясь на преданные намъ аулы; о самомъ же Кази-муллѣ не имѣлось достовѣрныхъ извѣстій: одни говорили, что онъ находился при скопищѣ, но „еще не показывается открыто народу,“ другіе утверждали, что онъ скоро прибудетъ къ Урусъ-Мартану. Полагая, что горцы имѣли „другое“ намѣреніе и тревожась за Владикавказъ, укрѣпленія котораго находились въ самомъ жалкомъ состояніи, а форштаты и вовсе не укрѣплены, Оранскій приказалъ завалить чѣмъ попало бреши и устроить на бастіонныхъ насыпяхъ завалы изъ бревень, приготовленныхъ для постройки церкви. Вмѣстѣ съ

---

³⁵⁾ Надо думать, что Кази-мулла больше рассчитывалъ на галашевцевъ, къ которымъ и направился, оставляя нѣсколько въ сторонѣ карабулаковъ.

тѣмъ онъ отправилъ ингушевскаго пристава подполковника Щелкачева съ конвоемъ изъ 32-хъ человекъ на развѣдки къ Назрановскому укрѣпленію. Къ разсвѣту слѣдующаго дня пришло извѣстіе, что Кази-мулла приблизился къ Арчи-юрту съ намѣреніемъ напасть на крѣпость. Тревога распространилась по окрестностямъ Владикавказа. Жители ближайшаго къ нему осетинскаго аула поспѣшили укрыться съ своимъ имуществомъ подъ защиту крѣпостныхъ валовъ; гарнизонъ сталъ въ ружье. Пять офицеровъ милиціи, изъ осетинъ, посланные Оранскимъ къ сторонѣ Арчи-юрта, встрѣтились у деревни Шальхи, въ 4-хъ верстахъ отъ Владикавказа, съ тремя горцами изъ скопища мятежниковъ. Одного изъ нихъ они убили, прочіе умчались. Свѣдѣнія, полученныя затѣмъ отъ Сорочана изъ Грозной и отъ Щелкачева изъ Назрана, подтверждали извѣстія о намѣреніи горцевъ овладѣть, при содѣйствіи ингушей, Назраномъ и Владикавказомъ. Карабулакское населеніе, жившее по Ассѣ, присоединилось къ мятежникамъ, но ингуши, болѣе всего нужные Кази-муллѣ, колебались. Въ тотъ же день развѣзды, безпрестанно высылаемые изъ крѣпости, донесли что кавалерія Кази-муллы отчасти разсыпалась по ингушевскимъ равнинамъ, частью же потянулась по Камбилескѣ; пѣхота мятежниковъ свернула на тарскую дорогу и заняла с. Закхи, жители которой разбѣжались. Густой туманъ, покрывавшій окрестности Владикавказа, не позволялъ хорошенько разглядѣть движеній скопища и опредѣлить его численность.

Такъ прошелъ день 22-го марта. Гарнизонъ ожидалъ нападенія и находился въ полной готовности встрѣтить горцевъ, но въ чемъ заключалась эта готовность—документы не объясняютъ. Еще менѣе извѣстно, кого посылалъ генералъ Оранскій на развѣдки и какія онъ принялъ мѣры въ защиту окрестнаго, преданнаго намъ населенія. Надо думать, что, по обычаю стараго времени, онъ замкнулся въ крѣпости, приготовился, какъ могъ и какъ умѣлъ, къ отцору и, не желая рисковать

ни однимъ солдатомъ изъ своего гарнизона, посылалъ на развѣдки служившихъ у насъ осетинъ, кистинъ и ингушей. Еще меньшую предприимчивость обнаружилъ онъ на слѣдующій день, узнавъ, что вся плоскость между Камбилеевкою и Сунжею покрыта толпами горцевъ, численность которыхъ, по донесеніямъ, простиралась до 4000 человекъ. Цифру эту онъ, конечно, считалъ болѣе или менѣе преувеличенною, но не сомнѣвался въ томъ, что скопища Кази-муллы значительны. По свѣдѣніямъ, ингуши съ верховьевъ Сунжи и Камбилеевки, а также нѣкоторые карабулаки отправились съ неизвѣстною цѣлью къ мюршиду, но семейства ихъ остались дома. Въ отношеніи жителей Кази-мулла держалъ себя осторожно и съ большимъ тактомъ. Никого не притѣсняя и не насилуя ничьей воли, онъ объявилъ имъ, что ожидаетъ отъ нихъ содѣйствія только въ томъ случаѣ, если одолѣетъ русскихъ: „васъ не трону, а держитесь тогда меня, когда будетъ мой верхъ“ ³⁶⁾. Носились слухи, что онъ ожидаетъ царевича Александра, съ войсками котораго думаетъ соединиться и открыть дѣйствія выше Дарьяла. Прибытію царевича Александра, конечно, могли вѣрить одни только простодушные горцы, но мысль проникнуть въ дарьяльскія тѣснины была зрѣлая, вполне стратегическая, грозила намъ большою опасностью и могла прійти только въ голову умнаго имама. Въ 1846 году Шамиль, вторгнувшись въ Кабарду, предпринялъ такой маневръ, поручивъ для этого большое скопище лучшимъ своимъ наибамъ, но предпріятіе не имѣло успѣха, вслѣдствіе чего, быть можетъ, Шамиль и потерпѣлъ неудачу въ самой Кабардѣ. Развѣздъ высланный 23-го марта къ Назрановскому укрѣпленію, не обнаружилъ присутствія горцевъ въ этомъ направленіи вплоть до деревни Судіевой. По рассказамъ жителей, мятежники „ужинами“ подлѣ с. Кита, а въ 10-мъ часу вечера внезапно

---

³⁶⁾ Рапортъ генераль-маіора Оранскаго корпусному командиру, 23-го марта № 841. Дѣло шт. отд. кавк. кор. во ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

удалились въ ущелье Ассы, къ галашевцамъ. Свѣдѣнія эти согласовались съ донесеніемъ Щелкачева, извѣщавшаго, кромѣ того, о неудачной попыткѣ Кази-муллы вступить въ сношенія съ назрановскими ингушами. Щелкачевъ еще разъ подтверждалъ, что мятежники готовы ударить на Назрань, но владикавказскій комендантъ не нашелъ никакой возможности въ данное время оказать ему помощь, ссылаясь на слабость владикавказскаго гарнизона, на обширность пространства, охватывавшаго крѣпость съ форштатомъ, и на жалкое состояніе крѣпостныхъ верковъ. Но еслибы Кази-мулла бросился со всѣми своими силами на это укрѣпленіе, то генераль Оранскій обѣщаль отправить къ Назрану сильный отрядъ. Совсѣмъ не сложная, но довольно тонкая тактика почтеннаго коменданта, надо полагать, была въ достаточной мѣрѣ понята и Щелкачевымъ, и корпуснымъ командиромъ, которому Оранскій ежедневно посылалъ свои донесенія.

Самымъ нагляднымъ признакомъ того, что скопища ушли и опасность миновала, могло служить воинственное настроеніе, вдругъ охватившее жителей селеній, находившихся по кабардинской плоскости, Камбилеевскаго, Ново-Осетинскаго и Киржинскаго. Явившись къ Оранскому, они заявили о своемъ намѣреніи устроить въ Камбилеевкѣ укрѣпленіе, чтобы дать въ немъ отпоръ Кази-муллѣ въ случаѣ новаго покушенія, и просили коменданта снабдить ихъ патронами. Оранскій приказалъ отпустить имъ изъ артилерійскаго парка „до 620“ патроновъ.

Одновременно съ появленіемъ скопищъ Кази-муллы у Владикавказа, мятежники заняли окрестности Назрановскаго укрѣпленія, расположившись въ виду ауловъ Кирей-юртъ, Базыръ-юртъ и селенія Хасаева. Старшины этихъ деревень приближали къ поручику Кардановичу, остававшемуся начальникомъ укрѣпленія во время отсутствія Щелкачева, и объявили, что Кази-мулла отнимаетъ у нихъ скоть для продоволь-

ствія и фуражъ для лошадей, угрожая полнымъ раззореніемъ, если въ теченіе двухъ дней они не присоединятся къ его скопищу. Кардановичъ донесъ Оранскому, что жители „рѣшительно“ просятъ помощи, иначе поставлены будутъ въ необходимость уступить требованіямъ бунтовщиковъ.

„Я далъ отвѣтъ—такъ доносилъ владикавказскій комендантъ корпусному командиру—что это пустой страхъ и что, можетъ, они сами желаютъ къ нимъ присоединиться. Ежели они хотятъ доказать вѣрность, то пусть выберутся съ имуществомъ подъ защиту Назрановскаго укрѣпленія (хотя это трудно на 25 верстѣ), а коли передадутся—будутъ строго наказаны. Я далъ такое наставленіе, какое нашелъ нужнымъ, но, осмѣливаюсь доложить, что съ крѣпости никакой имъ помощи дать нельзя, на разстояніи 50-ти верстѣ, и эти люди въ критическомъ положеніи: передадутся—отвѣчаютъ передъ правительствомъ, не передадутся—мятежники ихъ раззорятъ“³⁷⁾.

Страхъ ингушевскихъ старшинъ былъ не совсѣмъ напрасенъ. Горцы Кази-муллы уже сожгли четыре деревни—Талиюртъ, Джурджи-юртъ, Цолите и Тарги-юртъ—въ 15-ти верстахъ за Назрановскимъ укрѣпленіемъ, и, конечно, не задумались бы надъ остальными, еслибы ихъ повелитель продолжалъ нуждаться въ повиновеніи ингушей, а они почему либо вздумали упорствовать. Къ счастью для назрановцевъ, Кази-мулла поторопился своимъ смѣлымъ, далеко еще не созрѣвшимъ предпріятіемъ и, замѣтивъ свою ошибку, тотчасъ же, не давая времени судить о постигнувшей его неудачѣ, повернулъ свои скопища назадъ, въ горы.

Такимъ образомъ все кончилось благополучно не только для Владикавказа, покушеніе противъ котораго едва ли обѣщало успѣхъ, но и для назрановскаго укрѣпленія, разнести которое не представляло, повидимому, особеннаго труда. Пользуясь такимъ исходомъ, верхне-сунженскіе и верхне-камбилевскіе ингуши, вздившіе къ Кази-муллѣ, постарались придать

³⁷⁾ Репортъ отъ 24-го марта № 854. Дѣло то же.

своей поѣздкѣ развѣдочный характеръ, за что удостоились вниманія высшаго начальства, а передъ однимъ изъ нихъ мы даже остались въ долгу за описаніе особы имама, избѣгавшаго, на манеръ восточныхъ деспотовъ, безъ надобности показываться народу:

„А Асланука говоритъ—доносилъ Оранскій Вельяминову ³⁸⁾—что видѣлъ самого Кази-муллу, описываетъ его небольшой ростъ, рыжую бороду, чалму, обернутую ситцемъ, синюю (?) бурку, на хорошей лошади, вооруженнаго весьма отлично.“

Насколько соотвѣтствовалъ этотъ туманный портретъ оригиналу—судить не беремся.

Въ послѣдующихъ донесеніяхъ генерала Оранскаго корпусному командиру, попадаются указанія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на причины, заставившія Кази-муллу отказаться отъ своего рискованнаго предпріятія и вообще на все это невыясненное дѣло. Такъ, въ донесеніи владикавказскаго коменданта отъ 25-го марта ³⁹⁾ читаемъ: „Когда Кази-мулла былъ близъ Владикавказа, то ожидалъ въ себѣ галгаевъ, но тѣ не успѣли.“ Тѣмъ менѣе могли поспѣть акинцы и цоринцы, запрятанные въ самой глубинѣ горъ, а между тѣмъ вмѣстѣ съ галгаевцами ихъ могло собраться до 800 человѣкъ. Если эта толпа въ 800 человѣкъ составляла до того крупную единицу въ расчетахъ имама, что остановила его у самой цѣли, то скопища его были далеко не такъ многочисленны, какъ сообщалось объ этомъ со всѣхъ сторонъ. Съ ними трудно было подѣйствовать на назрановцевъ, увлечь которыхъ могла только одна внушительная сила или удачный набѣгъ, напримѣръ, на Назрановское укрѣпленіе. Очевидно, Кази-мулла не располагалъ этой силой даже настолько, чтобы овладѣть Назраномъ. За исключеніемъ четырехъ деревень, сожженныхъ въ первоначаль-

---

³⁸⁾ Рапортъ его отъ 24-го марта № 857. Дѣло то же.

³⁹⁾ Рапортъ его за № 866. Дѣло то же.

номъ чаду заманчивыхъ плановъ и надеждъ ⁴⁰⁾, онъ не тронулъ назрановцевъ, не наказалъ ихъ даже за убійство по крайней мѣрѣ 25-ти чеченцевъ и за угонъ лошадей изъ его скопища, о чемъ свидѣтельствовали донесенія кн. Бековича-Черкаскаго. Онъ ушелъ неслышно и мирно, оставивъ послѣ себя ничтожный слѣдъ и не озлобивъ назрановскихъ ингушей, мирная развязка съ которыми могла пригодиться ему впоследствии для обезпеченія тыла при движеніи въ Кабарду. Наоборотъ, еслибы цѣль его заключалась въ нападеніи на Назранъ или Владикавказъ, онъ не остановился бы передъ крутыми мѣрами, чтобы потомъ, при вторичномъ покушеніи на эти укрѣпленные пункты, найти въ ингушахъ большую склонность къ повиновенію. Эта мысль косвенно подтверждается также донесеніемъ Оранскаго отъ 14-го апрѣля ⁴¹⁾. Одинъ изъ его лазутчиковъ отправился къ извѣстному по своимъ связямъ съ Кази-муллою цоринцу Бехо Аміеву и, безъ труда овладѣвъ его довѣріемъ, узналъ, что „первое ихъ покушеніе на Владикавказъ было неудачно потому, что преждевременно предпринято, какъ о семъ написано было въ книгѣ святой, о чемъ объявилъ имъ Кази-мулла.“ Такъ какъ имамъ имѣлъ прекрасную привычку скрывать свои намѣренія даже отъ самыхъ преданныхъ и близкихъ ему людей, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ тогдашніе документы, то тѣмъ менѣе могъ знать о планахъ его какой-то цоринецъ, Бехо Аміевъ, пожалуй, человѣкъ ему извѣстный и у себя вліятельный, но ограниченный и жившій въ страшной трущобѣ; поэтому въ „книгѣ святой“ приблизительно было сказано слѣдующее: „Бехо, какъ человѣкъ болтливый, долженъ думать, что имамъ покушался противъ Владикавказа; объ этомъ полезно знать и русскимъ.“

Главнѣйшимъ препятствіемъ, остановившимъ развитіе дѣй-

---

⁴⁰⁾ Вельяминовъ полагалъ даже, что сожжены были не деревни, а саран, иначе не обошлось бы безъ перестрѣлки.

⁴¹⁾ Рапортъ его корпусному командиру, № 1064. Дѣло то же.

ствій Кази-муллы, слѣдуетъ считать быстрый сборъ нашихъ войскъ къ Моздоку, въ прикрытіе Кабарды, и движеніе отряда кн. Бековича-Черкаскаго къ Назрановскому укрѣпленію. По роспускѣ войскъ, участвовавшихъ въ зимней экспедиціи генерала Вельяминова въ Чечнѣ, кн. Бековичъ-Черкасскій пріѣхалъ изъ Грозной въ Червленную станицу. Узнавъ о движеніи Кази-муллы къ Владикавказу, онъ поскакалъ 22-го марта въ Моздокъ, чтобы соединить въ немъ баталіоны Московскаго, Бутырскаго, Херсонскаго и Эриванскаго полковъ съ артилерією и, переправившись съ ними черезъ Терекъ, слѣдовать къ назрановскому укрѣпленію, которое, по донесеніямъ, могло быть атаковано уже ночью 20-го числа. 1-й и 2-й баталіоны 40-го егерскаго полка онъ оставилъ на мѣстѣ, имѣя въ виду усилить ими въ случаѣ надобности гарнизоны Ташъ-кичу или Внезапной и обезпечить амиръ-аджи-юртовскую переправу, а 3-й баталіонъ этого полка отправилъ въ ночь съ 19-го на 20-е въ Грозную, по просьбѣ полковника Сорочана. Всѣ полученныя имъ до того времени извѣстія подтверждали слухи о намѣреніи Кази-муллы напасть на Владикавказъ или Назрановское укрѣпленіе и прервать сообщенія по военно-грузинской дорогѣ съ линією. Спустившись въ Чечню черезъ с. Чахкири, онъ радостно встрѣченъ былъ населеніемъ и ежедневно увеличивалъ свое скопище чеченцами и карабулаками. Его пѣхота собралась въ прежнемъ укрѣпленіи Преграднаго Стана, который и думалъ атаковать кн. Бековичъ-Черкасскій, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ успѣховъ мюршида ⁴²⁾. 24-го числа Бековичъ прибылъ въ Моздокъ и немедленно, не ожидая прочихъ войскъ, переправилъ Московскій и Бутырскій полки на правый берегъ Терека, а съ разсвѣтомъ 25-го марта послалъ баталіонъ Эриванскаго полка съ 3-мя орудіями батарейной № 1 роты 20-й артилерійской бригады внизъ по правому берегу рѣки къ наурской переправѣ, гдѣ они должны были рас-

⁴²⁾ Рапортъ его генералу Вельяминову, 22 марта № 507. Дѣло № 29.

положиться лагеремъ и поступить въ распоряженіе полковника Сорочана. Утромъ того же числа, съ отрядомъ изъ Московскаго и Бутырскаго полковъ, одного баталіона Херсонскаго полка, 4-хъ орудій донской № 3 роты и взвода батарейной № 1 роты 20-й артилерійской бригады, онъ тронулся къ Назрановскому укрѣпленію, на полпути остановился переночевать и 26-го вечеромъ прибылъ въ Назрань. Здѣсь онъ узналъ что Казимулла, извѣщенный объ его движеніи, спустился къ Сунжѣ, занялъ деревню Кулларъ, въ 25-ти верстахъ отъ Грозной, и отбилъ 700 барановъ у галашевскихъ жителей. Не находя возможнымъ перенести дѣйствія на Сунжу по совершенному недостатку фуража ⁴³⁾ и надѣясь на силу грозненскаго гарнизона, который могъ быть усиленъ 40-мъ егерскимъ полкомъ и баталіономъ Эриванскаго полка, кн. Бековичъ-Черкасскій отправилъ обратно свой отрядъ за Терекъ, а самъ прибылъ въ Грозную.

Предпріятіе Казимуллы не обѣщало успѣха еще потому, что ему не удалось, по невыясненнымъ обстоятельствамъ, организовать дѣйствія въ дарьяльскомъ проходѣ или въ одномъ изъ сосѣднихъ съ нимъ ущелій для перерыва военно-грузинскаго пути. Быть можетъ, случайныя причины, вродѣ снѣжныхъ обваловъ, прекратившихъ сообщенія горныхъ обществъ съ этими тѣснинами, разстроили здѣсь его смѣлый замыселъ, но, вѣроятнѣе, неудача произошла отъ неготовности самихъ обществъ, еще не привыкшихъ къ единодушнымъ дѣйствіямъ и къ повиновенію дагестанскому повелителю. Такъ какъ въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ высшимъ кавказскимъ начальствомъ о покушеніи противъ Назрана и Владикавказа вовсе не упоминалось о намѣреніи Казимуллы пробиться въ дарьяльскія тѣснины, то оно и приняло мѣры, необходимыя только къ сохраненію свободныхъ сообщеній по

---

⁴³⁾ Допесеніе корпуснаго командира графу Чернышеву, 31-го марта 1832 г. № 227. Дѣло то же.

военно-грузинской дорогѣ между Кайшауромъ и Владикавказомъ. О безопасности расположенныхъ на этомъ протяженіи постовъ позаботился генераль Вельяминовъ, предписавъ владикавказскому коменданту при первомъ извѣстіи о большихъ скопищахъ у военно-грузинской дороги свести команды изъ редута невинскаго, а также съ постовъ архонскаго и балтинскаго во Владикавказъ, съ ларскаго поста въ Дарьялъ и съ казбекскаго въ Коби. Баронъ Розенъ получилъ первое извѣстіе о движеніи Кази-муллы къ Владикавказу 24-го марта ⁴¹⁾. Не теряя времени, онъ предписалъ подполковнику Челяеву собрать въ Квишетѣ пѣшихъ и конныхъ хорошо вооруженныхъ осетинъ, принять нужныя мѣры къ обезпеченію военно-грузинской дороги и разузнать, что дѣлалось вокругъ Владикавказа. Въ тотъ же день предписано было двумъ ротамъ, 1-й гренадерской и 9-й мушкетерской, Херсонскаго гренадерскаго полка слѣдовать изъ Гори къ Квишету, а 2-мъ орудіямъ 2-й легкой роты кавказской гренадерской артилерійской бригады поспѣшно двинуться на соединеніе съ ними изъ Гомборъ; туда же направлена была и конвойная сотня корпуснаго командира. Командованіе этимъ отрядомъ, а также частями, разбросанными по военно-грузинской дорогѣ, баронъ Розенъ поручилъ оберъ-квартирмейстеру генераль-маіору Вольховскому, отъ котораго ожидалъ тѣмъ большей пользы, что генераль Оранскій, недавно прибывшій на Кавказъ, не успѣлъ еще познакомиться съ краемъ. Послѣднему предписывалось вполнѣ сообразовать свои дѣйствія съ словесными приказаніями, преподанными барономъ Розеномъ генералу Вольховскому ⁴⁵⁾.

Челяевъ безъ труда набралъ въ теченіе двухъ дней до 150 человекъ горской милиціи, но не двигался далѣе, даже не собиралъ эту милицію въ сборный пунктъ, такъ какъ про-

⁴¹⁾ Первый рапортъ генераль-маіора Оранскаго.

⁴⁵⁾ Предписаніе корпуснаго командира генераль-маіору Вольховскому, 24-го марта № 209 и донесеніе его гр. Чернышеву того же числа № 210. Журн. подробн. исход. ген. шт. 1832 г. № 66.

тивъ военно-грузинской дороги никто никакихъ покушеній не предпринималъ. Вольховскій, прибывшій 25-го числа въ Квишетъ, могъ убѣдиться, что проѣздъ по дорогѣ вплоть до Владикавказа дѣйствительно свободенъ. Не зная, однако, въ какомъ положеніи находятся дѣла у этой крѣпости, онъ приказалъ командѣ изъ 40 человекъ Кавказскаго линейнаго № 6 баталіона направиться изъ Кайшаура въ Коби, а милиціи Челяева и конвойной сотнѣ, усиленной казаками, взятыми въ Кайшаурѣ, собраться къ 27-му числу въ с. Казбекъ. Хотя вечеромъ ему доподлинно стало извѣстно, что въ окрестностяхъ Владикавказа уже нѣтъ скопищъ, тѣмъ не менѣе, допуская возможность вторичнаго покушенія горцевъ, находившихся между Сунжею и Ассою, онъ не нашелъ нужнымъ остановить движеніе командъ. Онъ полагалъ также, что джераховцы сообщать о слѣдованіи нашихъ войскъ кистинамъ и галгаевцамъ и этимъ удержать послѣднихъ отъ всякаго покушенія на военно-грузинской дорогѣ, еслибы, „сходно съ прежними извѣстіями они имѣли сіе намѣреніе.“ Изъ этихъ словъ видно, что Вольховскому уже были извѣстны поползновенія Кази-муллы на дарьяльскій проходъ. Галгаевцы, однако, не шевелились, а люди, посланные Челяевымъ на развѣдки къ Владикавказу, донесли, что Кази-мулла окончательно удалился въ Чечню, посѣбно слѣдуя съ конною партіею впереди своего скопища. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, Вольховскій приостановилъ 9-ю мушкетерскую роту Херсонскаго полка и собранныхъ Челяевымъ осетинъ въ Кайшаурѣ, а 1-ю гренадерскую роту того же полка—въ Душетѣ. Конвойную сотню онъ рѣшилъ провести далѣе, „дабы убѣдить жителей, что войска дѣйствительно были въ движеніи“ ⁴⁶⁾. 27-го числа, узнавъ уже во Владикавказѣ о приближеніи отряда кн. Бековича-Черкаскаго къ Назрановскому укрѣпленію, онъ распустилъ осетинъ Челяева,

⁴⁶⁾ Рапорты его барону Розену, 25-го и 26-го марта №№ 7, 9 и 12. Дѣло шт. отд. кав. мор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

отправилъ конвойную сотню въ Тифлисъ, а ротамъ Херсонскаго полка приказалъ оставаться на мѣстахъ до особаго распоряженія корпуснаго командира. На другой день баронъ Розенъ приказалъ взводу 2-й легкой роты кавказской артиллерійской бригады, задержанной въ Тифлисъ, возвратиться въ свою штабъ-квартиру.

Далеко не отрадное впечатлѣніе произвело на Вольховскаго состояніе владикавказской крѣпости и оборонительныхъ постовъ, содержимыхъ на военно-грузинской дорогѣ. Во Владикавказѣ, по заложеніи бревнами слабѣйшихъ мѣстъ полуразвалившихся укрѣпленій, кое-гдѣ устраивались полисады и штурмфалы изъ дровяного лѣса, приготовленнаго для госпиталя, и, гдѣ можно, насыпался валъ. Форштаты генераль Оранскій рассчитывалъ обнести плетнемъ, для котораго уже заготовлялся хворостъ. Строенія дарьяльскаго поста окружены были каменною кладкою, которую предполагалось поднять на высоту, достаточную для защиты противъ нечаяннаго нападенія. Въ прикрытіе трехъ мостовъ, имѣвшихся въ дарьяльскомъ ущельи, рѣшено „выложить“ три каменныхъ башни ⁴⁷⁾.

Въ тотъ же день, 27-го марта, получивъ извѣстіе о прибытіи кн. Бековича-Черкаскаго въ Назрановское укрѣпленіе, Вольховскій выѣхалъ туда, чтобы обстоятельнѣе донести о всемъ случившемся барону Розену.

Оставляя окрестности Владикавказа и Назрана, Кази-мулла не сразу потянулъ въ горы. Раззоривъ с. Закху за то, что жители ея разбѣжались, онъ направился къ карабулакамъ и провелъ у нихъ два дня. Скопище его нуждалось въ продовольствіи и фуражѣ, но онъ его еще не распускалъ. Въ ночь съ 25-го числа на 26-е онъ передвинулся въ с. Дауть-юртъ, въ 20-ти верстахъ отъ Грозной. Пѣшія толпы расположились по деревнямъ и забивакировали въ лѣсу, а конныя готовились переправиться у с. Куллара на лѣвый берегъ Сунжи для болѣе

⁴⁷⁾ Рапортъ г.-м. Вольховскаго корпусному командиру, 27-го марта № 16. Дѣло то же.

удобнаго продовольствія лошадей. Окрестное населеніе удалилось съ своимъ добромъ частью въ с. Старый-юртъ, отчасти подъ защиту Грозной. Полковнику Сорочану донесли, что скопище доходитъ до 10-ти слишкомъ тысячъ человекъ, вслѣдствіе чего онъ приказалъ 3-му баталіону Эриванскаго полка, оставленному кн. Бековичемъ-Черкасскимъ у наурской переправы, прибыть въ Грозную. Между тѣмъ Кази-мулла перешелъ въ с. Дикинъ-Кажъ, оставивъ скопище на прежнихъ мѣстахъ и выдвинувъ конные ведеты на лѣвый берегъ Сунжи. О предположеніяхъ его нельзя было узнать, такъ какъ, кромѣ самыхъ ревностнѣйшихъ послѣдователей, у него никто не бывалъ и не говорилъ съ нимъ. Къ нему везли изъ чеченскихъ деревень много печенаго хлѣба ⁴⁸⁾. 28-го утромъ Сорочанъ получилъ извѣстіе, что мятежники тянутся внизъ по Сунжѣ къ Грозной и что деревни Амиръ-ханъ-кичу и Бурунъ-юртъ уже ими заняты. Сильный туманъ, препятствовавшій видѣть движеніе горцевъ, держалъ гарнизонъ за крѣпостными валами. Къ 11-ти часамъ туманъ очистился, причемъ оказалось, что Кулиева деревня, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, занята значительными силами непріятеля и зажжена. Горѣли также Амиръ-ханъ-кичу и Бурунъ-юртъ. Конныя и пѣшія толпы не переставали стягиваться къ Кули-юрту, останавливались тамъ и располагались въ его окрестностяхъ. Горцы сдѣлали попытку зажечь Сарачанъ-юртъ, но выстрѣлами изъ крѣпостныхъ орудій и ружейнымъ огнемъ съ полуострова были прогнаны. Смѣлость наѣздниковъ доходила до того, что они подѣзжали почти на ружейный выстрѣлъ къ крѣпостнымъ валамъ.

Замѣтивъ, что горцы усиливаются свѣжими партіями и намѣрены, повидимому, утвердиться въ деревнѣ, Сорочанъ рѣшилъ дѣйствовать. Въ часъ пополудни онъ приказалъ капитану 40-го егерскаго полка Невѣровскому, съ 400-ми егерями 43-го полка при 3-хъ орудіяхъ, выгнать непріятеля изъ дерев-

⁴⁸⁾ Рапортъ полковника Сорочана барону Розену, 31-го марта № 105. Дѣло № 9.

ни. Лишь только отрядъ вышелъ изъ злобненскихъ воротъ и двинулся вверхъ по лѣвому берегу Сунжи, какъ мятежники, не желавшіе принимать боя, начали стягиваться къ оконечности селенія, подалше отъ крѣпостныхъ валовъ, къ сторонѣ Ханъ-кала. Тогда Сорочанъ послалъ Невѣровскому приказаніе ускорить движеніе колонны. Пѣхота взяла ружья на-перевѣсъ и тронулась бѣгомъ, а орудія, рысью подскочавъ на близкую картечь, обдали ею горцевъ. Въ то же время открыла стрѣльбу крѣпостная артилерія изъ люнета. Мятежники, поражаемые удачными выстрѣлами артилеріи, менѣе чѣмъ въ четверть часа оставили деревню и поспѣшно потянулись къ ханъ-кальскому ущелью. У входа въ это ущелье они остановились, но минутъ черезъ пять Кази-мулла съ аргунцами пустился въ путь черезъ Ханъ-калу, а карабулаки и чеченцы съ дихійскихъ полей повернули олушкою лѣса къ с. Алды и затѣмъ разошлись по домамъ. Со стороны мятежниковъ были убитые и раненные; мы же потерь не имѣли ⁴⁹⁾).

По объясненію кн. Бековича-Черкаскаго, располагавшаго всегда довольно вѣрными свѣдѣніями, Кази-мулла приблизился къ Грозной съ тѣмъ, чтобы направиться отъ Кули-юрта на Терекъ и выселить оттуда всѣ деревни въ Чечню. Но едва ли Кази-мулла имѣлъ такое намѣреніе. Послѣ неудачи у владикавказскихъ ингушей, растроившихъ до нѣкоторой степени его главный, еще не назрѣвшій планъ, ему ничто не мѣшало побывать у Грозной, распространить тревогу въ окрестныхъ аулахъ и лишній разъ посмотрѣть, какъ русскія войска замкнутся передъ нимъ въ крѣпость. Такіе маневры, кромѣ того, пріучали чеченцевъ къ повиновенію, къ сборамъ и переходамъ, закрѣпляли связи съ имамомъ и, безъ всякаго риска, давали ему обильный матеріалъ для соображеній на будущее

---

⁴⁹⁾ Репорты полковника Сорочана кн. Бековичу-Черкасскому, 29-го марта № 94, и барону Розену, 31-го марта № 105. Репортъ г.-л. Вельяминова корпусному командиру, 3-го апрѣля № 181. Дѣло шт. от. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9 и дѣло 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 38.

время. Покончивъ съ совершенно второстепеннымъ дѣломъ у Грозной и не рассчитывая на успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ, онъ искалъ случая возвратиться назадъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Энергическое дѣйствіе грозненскаго гарнизона какъ нельзя лучше соотвѣтствовало его намѣренію — и онъ также быстро ушелъ съ плоскости, какъ и появился на ней. Чеченцамъ онъ говорилъ, что войска его терпятъ большой недостатокъ въ продовольствіи, лошади его лезгинъ изнурены, корма въ скоромъ времени не предвидится, а между тѣмъ чеченцы не исполняютъ своихъ обѣщаній и не во всемъ оказываютъ ему содѣйствіе. По свѣдѣніямъ кн. Бековича-Черкаскаго, чеченцы поссорились съ Кази-муллою и разошлись, а тавлинцы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, отправились большими партіями по разнымъ дорогамъ обратно къ себѣ въ горы. Самъ Кази-мулла, нигдѣ не останавливаясь, шелъ черезъ мичиковскія деревни на Мискитъ и оттуда черезъ Алмакъ въ Игали, къ своему учителю и тестю Кази-Магомету яраглинскому. Гамзатъ-бекъ съ 29-го на 30-е марта отправился черезъ Ичкерію прямо въ Аварію. Дорогою Кази-мулла не переставалъ увѣрять чеченцевъ, что непременно явится къ нимъ къ 10-му числу будущаго луннаго мѣсяца ⁵⁰⁾.

Чеченцы, конечно, не могли питать благодарности къ дагестанскому имаму за безплодный исходъ предпріятія, да не безъ того, чтобы и лезгины ихъ порядкомъ не объѣли, но до крупной ссоры было еще далеко. Наоборотъ, судя по многимъ документамъ, есть основаніе думать, что Кази-мулла въ этотъ мимолетный и неуспѣшный походъ еще болѣе закрѣпилъ свои связи съ чеченцами, внушилъ имъ довѣріе къ себѣ, водворилъ у нихъ своего ставленника и преподалъ имъ такіе совѣты, которые неизбежно вели къ упорной и продолжитель-

---

⁵⁰⁾ Рапортъ г.-м. кн. Бековича-Черкаскаго корпусному командиру, 3-го апрѣля № 204. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

ной борьбѣ. 8-го апрѣля Сорочанъ доносилъ генералу Велляминову ⁵¹⁾):

„Сего числа пріѣзжалъ ко мнѣ заканъ-юртовскій житель Сара-Али и объявилъ, что въ Гойтѣ остался изъ скопища Кази-муллы какой-то ученый закубанецъ, который увѣряетъ чеченцевъ съ клятвою на алкоранѣ, что онъ оставленъ здѣсь для того, чтобы имѣть наблюденіе за ними и поддерживать ихъ своими совѣтами; имѣетъ съ Кази-муллою переписку, который обѣщаетъ якобы послѣ курбанъ-байрама непременно быть въ Чечнѣ; до того же, чтобы чеченцы не покорялись русскимъ, а старались выгонять покорныхъ изъ домовъ, жили бы непременно въ лѣсахъ и занимались посѣвомъ кукурузы, чтобы въ случаѣ истребленія русскими посѣяннаго на поляхъ хлѣба можно было замѣнить недостатокъ онаго. Что дѣйствительно Кази-мулла писалъ о семъ чеченцамъ подтверждаетъ сіе алдинскій житель Кузубаки, на сихъ дняхъ прибывшій изъ Кубачи. Слухъ о семъ разнесся до самаго Назрана, и народъ, по глупой легковѣрности своей, не перестаетъ думать, что Кази-мулла доставитъ ему всѣ выгоды.“

Совѣты Кази-муллы имѣли чрезвычайную важность для обѣихъ враждующихъ сторонъ. Ими опредѣлялись условія дальнѣйшаго существованія народа и новые способы его борьбы съ нами. Отнынѣ чеченцы будутъ селиться въ глубинѣ еле проходимыхъ лѣсовъ, устраиваться слѣдовательно кое-какъ, отвыкая отъ прочнаго крова и осѣдлой жизни и ограничивая свои скудныя потребности до послѣдняго предѣла. Они ничего не станутъ терять въ случаѣ уничтоженія своихъ жилищъ и пріобрѣтутъ споровку быстро возобновлять эти бивачныя постройки на прежнихъ или на другихъ мѣстахъ. Тѣ же лѣса легко укроютъ бѣжавшія отъ опасности семейства, спасутъ скотъ и тотъ ничтожный домашній скарбъ, которымъ, при рекомендуемомъ образѣ жизни, обзаведется чеченское населеніе. Такимъ образомъ въ обширномъ, неизслѣдованномъ, труднопроходимомъ по своей могучей растительности краѣ, съ полу-

⁵¹⁾ Рапортомъ № 115. Дѣло то же.

милліоннымъ населеніемъ, возникнетъ безчисленное множество таборовъ, одичавшихъ, бдительныхъ, всегда готовыхъ сражаться или бѣжать, и мало чувствительныхъ къ раззореніямъ, которыя будутъ причинять имъ мимолетныя экспедиціи нашихъ отрядовъ. Уже одно это обстоятельство могло затянуть войну на цѣлые десятки лѣтъ. Переходъ отъ пшеницы къ кукурузѣ былъ, конечно, рассчитанъ на сохраненіе недоступности края, ограничивая размѣры культурныхъ полосъ. Богатые урожаи кукурузы на дѣвственной почвѣ расчищенныхъ лѣсовъ съ лихвою могли прокормить населеніе и даже возмѣстить потерю хлѣбовъ, подвергавшихся уничтоженію на болѣе доступныхъ и обширныхъ поляхъ. Противъ насъ организовывалась незамысловатая, но вѣрно задуманная система народной войны, какъ нельзя лучше отвѣчавшая мѣстнымъ условіямъ, а также выносливости и первобытному складу жизни чеченскихъ племенъ, система, не обѣщавшая близкаго исхода войны и тѣмъ болѣе опасная, что, недовольствуясь самозащитою и хищническими набѣгами, подготавливала непокорныхъ къ нападеніямъ на примирившееся съ нами населеніе, прикрывать которое, благодаря предначертаніямъ князя Паскевича, мы были не въ силахъ. Она грозила постоянными неожиданностями и отпаденіями, стремилась къ пріобрѣтенію потеряннаго, слѣдовательно имѣла наступательный характеръ, и логически вела къ послѣдней цѣли мюридизма — намѣренію сбить насъ съ Кавказа. Кази-мулла понималъ, что Чечня представляла обширную авангардную позицію Дагестана со стороны главнаго средоточія нашихъ средствъ и силъ, понималъ, что съ паденіемъ ея наступитъ конецъ главному источнику и оплоту борьбы на восточномъ Кавказѣ — самому Дагестану, и потому не пренебрегалъ ничѣмъ, не отступалъ ни передъ какими средствами, чтобы сдѣлать Чечню неуязвимой. Отсюда же, только изъ Чечни и представлялась возможность протянуть руку Кабардѣ и къ закубанскимъ народамъ, соеди-

нить восточный и западный Кавказъ въ одномъ дружномъ усилии противъ нашей власти. Недаромъ въ Гойтѣ сидѣлъ ученый закубанецъ и недаромъ посадилъ его въ Чечню Кази-мулла.

О дальнѣйшихъ намѣреніяхъ мюршида ходило много толковъ, часто противорѣчивыхъ. Извѣстный уже намъ Бехо Амиевъ продолжалъ таинственно напѣвать лазутчику генерала Оранскаго все ту же пѣсню. Будутъ атакованы два пункта: Бехо съ горными племенами покажется у Дарьяла или Ларса, а Кази-мулла съ главными силами вторгнется въ окрестности Владикавказа и нападетъ на эту крѣпость. Игривая фантазія Амиева не допускала и мысли о новой неудачѣ, а разъ Владикавказъ вырванъ у русскихъ—осетины и кабардинцы присоединятся къ мятежнымъ горцамъ, и край перейдетъ въ ихъ руки ⁵²). Послѣдняя вариация указывала, что въ горахъ быстро усваивали планы имама, придавали имъ огромное значеніе, ласкали себя его заманчивыми мечтами, но для успѣха находили нужнымъ предварительно овладѣть Владикавказомъ. Въ 1846 году Шамиль обошелся и безъ этой болѣе чѣмъ трудной операціи. Съ линіи сообщалось совсѣмъ другое. Сорочанъ доносилъ Вельяминову, что Кази-мулла обѣщаетъ прибыть послѣ курбанъ-байрама къ черкеевскому мосту, откуда начнетъ дѣйствовать на салатавскія деревни и вмѣстѣ съ ними проникнетъ къ кумыкамъ. Салатавцамъ онъ грозилъ вѣчнымъ истребленіемъ, если они откажутся присоединиться къ нему, но не гнѣвался на одну только деревню Алмакъ, въ которой проживалъ андреевскій бѣглець Тома-Важи, орудовавшій, вѣроятно, съ большимъ успѣхомъ въ пользу имама. Надо думать, что Тома-Важи бросилъ здѣсь тѣ первыя сѣмена непримиримой вражды къ русскимъ, которыя таилась въ алманскихъ жителяхъ болѣе четверти вѣка и обнаружилась даже въ наши

---

⁵²) Репортъ генераль-маіора Оранскаго барону Розену, 14-го апрѣля № 1054 и 20-го апрѣля № 1174. Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

дни, во время чеченскаго возстанія 1877 года. Недаромъ князь Меликовъ, глядя на это послѣднее возмущеніе, указывалъ начальнику терской области на алмакцевъ какъ на исконныхъ и закоренѣлыхъ бунтовщиковъ. Салатавцы, собравшись близъ с. Міатлы, рѣшительно объявили посланнымъ Кази-муллы, что не послѣдуютъ за нимъ и при насиліи съ его стороны единодушно возьмутся за оружіе ⁵³⁾. Благимъ намѣреніямъ сала-тавцевъ не суждено было, однако, осуществиться. Уже 29-го апрѣля кн. Бековичъ-Черкасскій увѣдомилъ Вельяминова, что въ Салатавіи партія Кази-муллы оказалась настолько сильной, что парализовала всѣ попытки людей осторожныхъ, желавшихъ держаться въ сторонѣ отъ всякаго мятежа ⁵⁴⁾. Въ Кишень-Аухѣ читалась „бумага“ мюршида, приготовлявшая ауховцевъ къ встрѣчѣ его послѣ курбанъ-байрама. „Бумага“ читалась не въ одномъ Аухѣ, а повсемѣстно въ Чечнѣ, о чемъ единогласно доносили Вельяминовъ, Сорочанъ и Оранскій. Вообще кратковременное пребываніе Кази-муллы у чеченцевъ оставило, повидимому, глубокой слѣдъ. Онъ всюду встрѣчалъ покорность, поучалъ и наказывалъ, какъ власть имущій. Въ одномъ изъ воззваній Кази-мулла требовалъ, чтобы чеченцы откровенно сознались, какъ приняты ими „всѣ роды наказаній, которые онъ для общаго блага производилъ во время своего пребыванія въ Чечнѣ“ ⁵⁵⁾. Вѣроятно, наказанія пришлись по вкусу, такъ какъ ичкеринцы, не колеблясь, заявили посланнымъ Кази-муллы, что готовы во всемъ повиноваться его волѣ, а герменчукцы пошли еще дальше. Они избрали изъ своей среды тургаковъ, которымъ вручили отъ каждой фамиліи лучшее оружіе и вещи въ залогъ вѣрности Кази-муллѣ и условились не только лишить этого залога, но и наказать цѣлымъ обществомъ всякого, кто измѣнитъ своему обѣту. Любо-

⁵³⁾ Рапорты полковника Сорочана генералу Вельяминову, 15-го апрѣля № 261 и 22-го апрѣля № 301. Дѣло шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

⁵⁴⁾ Рапортъ отъ 29-го апрѣля № 533. Дѣло то же.

⁵⁵⁾ Рапортъ г.-л. Вельяминова барону Розену, 26-го апрѣля № 292. Дѣло то же.

пытны мысли воззванія, которое до такой степени воодушевило герменчукцевъ: если чеченцы будутъ соблюдать во всей точности наставленія имама, то и съ малымъ числомъ войскъ, при Божьей помощи, истребятъ русскихъ; въ противномъ же случаѣ и съ большими силами не нанесутъ намъ вреда. Очевидно, Кази-мулла стремился сплотить этотъ сырой, разбросанный и съ разбойничьими задатками матеріалъ воедино, приучить чеченцевъ къ единодушнымъ дѣйствіямъ, къ пренебреженію личными выгодами для общаго дѣла и безтрепетнымъ жертвамъ во славу того ученія, въ туманномъ мистицизмѣ котораго отчетливо обрисовывалось государство, обѣщавшее навсегда сохранить за каждымъ его привычки и первобытный, полудикій строй жизни. Непокойно было у тагаурцевъ и въ Мискигѣ. Костековскій Ханъ-Актоллоивъ собиралъ къ 5-му мая изъ разныхъ мѣстъ чеченцевъ.

Изъ Игали имамъ отправился въ Гимры. Здѣсь онъ поднялъ на своей саклѣ значекъ, но окружилъ себя одними только учениками. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ Унцукуль. Ичкеринцамъ, салатавцамъ, чеченцамъ съ Мичика и непокорнаго Ауха онъ приказалъ слѣдовать прямо въ эту деревню, забирая преданныхъ намъ жителей и ихъ имущество. Чеченцы потянулись, увѣренные, что имъ предстоитъ дѣло по окончаніи курбанъ-байрама (10-го мая), но не зная, куда ихъ поведетъ мудреный имамъ. Не знали и мы, въ какую сторону онъ направитъ этотъ сборъ. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ собирался прибыть въ Чумлы, по другимъ—намѣренъ былъ вторгнуться въ тарковскія владѣнія. Утверждали также, что онъ отправилъ изъ Унцукуля 40 человекъ для набѣга на покорныя деревни жарской области. 8-го мая кн. Бековичъ-Черкасскій представилъ Вельяминову цѣлую массу поистинѣ невѣроятныхъ извѣстій, которыя Вельяминовъ изложилъ барону Розену въ слѣдующемъ рапортѣ:

„Командующій сунженскою линіею генераль-маіоръ кн. Бековичъ-

Черкасскій рапортомъ отъ 8-го мая за № 598 доноситъ мнѣ, что посланные имъ къ койсубулинцамъ лазутчики возвратились и довели, что Кази-мулла съ учениками и тестемъ своимъ въ первыхъ числахъ сего мая, расположась на горѣ Крехъ, лежащей подъ деревнею Балаканомъ, разсылалъ по всѣмъ мѣстамъ съ приглашеніемъ къ себѣ войска, но число ихъ не превышало 500 человекъ до отправленія его въ деревню Хутчатль ⁵⁶⁾, принадлежащую ченкѣ Амзату аварскому, куда прибылъ онъ 5-го мая, и что отъ сей деревни имѣеть намѣреніе отправиться къ чарскимъ ⁵⁷⁾ лезгинамъ для присоединенія къ себѣ горныхъ деревень нухинскаго ханства, называемыхъ Кабаля. Генераль-маіоръ кн. Бековичъ-Черкасскій присовокупляетъ къ тому, что нѣкоторыя правдоподобныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что народы акушинскій, зудакаринскій ⁵⁸⁾, каракайбакскій ⁵⁹⁾ и табасаранскій готовы уже присоединиться къ Кази-муллѣ; жители же ханствъ кубинскаго, шемахинскаго и нухинскаго, принадлежащіе къ сектѣ омаровой, имѣють съ нимъ сношенія, и письма, полученныя изъ сихъ ханствъ, были показываемы Кази-муллою его сообщникамъ ⁶⁰⁾.

Если не все, приписываемое Кази-муллѣ, принадлежало его изобрѣтательному уму, то, надо сознаться, что въ горахъ уже существовали люди, мечтавшіе о громадномъ возстаніи на всемъ протяженіи восточнаго Кавказа и въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья. Все подготовлялось, все назрѣвало и все вело къ необычайнымъ успѣхамъ Шамиля, облегчая ему борьбу съ нами и труды по организаціи его удивительнаго, небывалаго государства въ горахъ, бокъ-о-бокъ и среди войны съ могущественнѣйшею имперіею въ мірѣ. Немного спустя воинскій начальникъ крѣпости Внезапной донесъ кн. Бековичу-Черкасскому, что Кази-мулла, ожидавшійся въ Чумлахъ, намѣренъ идти на андрееву деревню. Андреева! Какъ не припомнить

---

⁵⁶⁾ Гоцатль.

⁵⁷⁾ Джарскимъ.

⁵⁸⁾ Цудахарскій.

⁵⁹⁾ Каракайтагскій.

⁶⁰⁾ Рапортъ отъ 28-го мая № 378. Дѣло то же.

отчаянные приступы Шамиля въ 1843 году на эту деревню и его торжествующій крикъ, когда ему показалось, что онъ одолѣлъ: „Андреева моя!“ И тутъ Кази-мулла былъ настоящимъ предтечею Шамиля. Андреева нужна была обоимъ, чтобы держать въ повиновеніи кумыковъ.

Переходя отъ Чечни къ событіямъ въ Дагестанѣ, нельзя не упомянуть объ удачномъ набѣгѣ полковника Засса къ албуль-юртовской деревнѣ. Этотъ набѣгъ стоялъ особнякомъ, не имѣлъ прямой связи съ описываемыми событіями и совершенно не согласовался съ знаменитыми предначертаніями Паскевича, но въ общей войнѣ на восточномъ Кавказѣ занималъ свое небольшое, скромное мѣсто. 30-го мая Зассу донесли, что горскіе хищники, находясь въ большомъ сборѣ, намѣрены отбить у теречныхъ деревень скотъ. Ничуть не стѣсняясь какими бы то ни было предначертаніями, Зассъ выступилъ 1-го іюня изъ Червленной съ „двумястами пѣхоты Московскаго полка,“ 3-мя конными орудіями и 550-ю казаками на гребни „первыхъ горъ.“ Здѣсь онъ оставался цѣлый день 2-го числа, укрываясь въ ущельи и развѣдывая о непріятелѣ. Узнавъ, что сборъ наполовину разошелся, а между тѣмъ жители Албуль-юрта занимаются по сю сторону Сунжи полевыми работами, имѣя при себѣ на пастбищѣ скотъ, онъ перешелъ на вторую гряду горъ, оставилъ на нихъ пѣхоту съ орудіями и сотнею казаковъ, а съ остальными сотнями спустился къ Сунжѣ. Движеніе его по открытой мѣстности скоро было замѣчено. Работавшіе чеченцы убѣжали въ лѣсъ, но не успѣли спасти своего скота, который, въ количествѣ 150-ти отборныхъ быковъ и до 400 барановъ, отбитъ былъ у самой опушки лѣса. При отступленіи чеченцы сначала малыми, а потомъ большими партіями, сбѣгавшимися со всѣхъ сторонъ, слѣдовали за отрядомъ. Не рискуя вступать съ нами въ бой, они шли съ выстрѣлами, вслѣдствіе чего Зассъ отрядилъ сто пѣхотинцевъ, одно орудіе и сотню казаковъ въ арьергардъ. Въ такомъ по-

рядкѣ отрядъ отступалъ около 12-ти верстѣ. Но вотъ мѣстность измѣнилась не въ нашу пользу, а между тѣмъ къ непріятелю прибыли значительныя конныя подкрѣпленія. Не долго думая, чеченцы бросились въ шашки на цѣпь, но приняты были ружейнымъ огнемъ и отброшены назадъ. Нѣсколько разъ они повторяли свои атаки, но ихъ опрокидывали мѣткими выстрѣлами и штыками. Офицеры подавали примѣръ храбрости солдатамъ, а штабсъ-капитанъ Козловскій ⁶¹⁾, командуя пѣхотою, обратилъ на себя особенное вниманіе Засса своею исполнительностью и хладнокровіемъ. Казаки отчаянно вступали въ рукопашный бой. Наконецъ горцы отстали, и колонна благополучно вернулась домой. Непріятель бросилъ на мѣстѣ 19 тѣлъ; ихъ оружіе и „болѣе 10-ти лошадей“ съ сѣдлами достались казакамъ. Съ нашей стороны убиты Моздокскаго полка, которымъ командовалъ Зассъ, хорунжій Назаровъ и 1 казакъ; легко ранены 7 казаковъ; Московскій пѣхотный полкъ потерялъ ранеными 6 нижнихъ чиновъ. По свѣдѣніямъ, скопище состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, но Зассъ этому не вѣрилъ; по его мнѣнію, за нимъ слѣдовало не болѣе полуторы тысячи, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ кабардинскихъ абрековъ. Уронъ непріятеля простирался до 40 человѣкъ только убитыми. Добросовѣстный Зассъ представилъ даже кн. Бековичу-Черкасскому именной списокъ нѣкоторымъ изъ убитыхъ чеченцевъ ⁶²⁾.

До конца апрѣля въ Дагестанѣ все было спокойно. Казимулларзаняты чеченскими дѣлами, не имѣлъ ни времени, ни наличныхъ силъ, состоявшихъ изъ немногочисленныхъ учениковъ, для дѣятельной пропаганды въ другихъ мѣстахъ, даже въ ближайшихъ къ себѣ районахъ Дагестана. Это обманчи-

---

⁶¹⁾ Тотъ самый, который отстоялъ отъ Шамилля Андрееву деревню, скоро послѣ того командиръ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, а въ концѣ службы—начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи.

⁶²⁾ Рапортъ подполковника Засса князю Бековичу-Черкасскому, 4-го іюня № 156. Дѣло то же.

вое затишье ввело прежде всего въ заблужденіе генерала Каханова. 19-го апрѣля, не зная гдѣ находился и что дѣлалъ Кази-мулла, онъ писалъ корпусному командиру:

„Вашему высокопревосходительству честь имѣю почтительнѣйше донести, что въ сѣверномъ Дагестанѣ нынѣ между жителями совершенно спокойно. Они ведутъ себя хорошо и занимаются обработываніемъ полей своихъ къ посѣву хлѣба. Владѣльцы и прочіе беки, правительству нашему преданные, стараются всѣми мѣрами обуздывать народы свои, и послѣдніе, разувѣрившись вполнѣ въ мнимыхъ обольщеніяхъ возмутителя Кази-муллы, примѣтно раскаиваются въ своихъ преступленіяхъ. Одни только неблагодарные каранайскіе кадій и житель Улубей, бывше облагодѣтельствованные по окончаніи прошедшей экспедиціи господиномъ генераль-лейтенантомъ Панкратьевымъ, первый—денежнымъ награжденіемъ, а послѣдній, кромѣ денегъ, еще золотою медалью на георгиевской лентѣ, по увѣренію здѣшнихъ владѣльцевъ, оказались сомнительными въ вѣрности къ правительству нашему, и еслибы легковѣрные люди сіи рѣшились вполнѣ предпринять что либо вредное къ разрушенію народнаго спокойствія, возстановляемаго нынѣ въ Дагестанѣ, то я съ симъ вмѣстѣ же отнесся къ шамхалу тарковскому генераль-маіору Сулейманъ-мирзѣ заарестовать ихъ, какъ неблагонадежныхъ людей.“

О каранайскомъ кадїи Кази-Шихъ-Магометѣ и его зятѣ Улубей даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія командующій отрядомъ войскъ въ сѣверномъ Дагестанѣ полковникъ Мищенко. Донесеніе его, заключающае въ себѣ второстепенный историческій матеріалъ, имѣетъ цѣну лишь въ бытовомъ отношеніи. Многое заставляетъ думать, что это ничто иное какъ забавный шаржъ храбраго чудака, иронія надъ канцелярскимъ слогомъ того времени и надъ официальными прозвищами Кази-муллы, которыя, какъ видно, не усваивались войсками, привыкшими по достоинству оцѣнивать своихъ враговъ. Сама личность Мищенко, человѣка оригинальнаго, умнаго, отважнаго, отмѣченнаго еще Ермоловымъ и принадлежавшаго первой генераціи кавказскихъ храбрецовъ, стоитъ того, чтобы остановиться на его канцелярскомъ произве-

деніи. Въ мастерскихъ разсказахъ Бриммера ⁶³⁾ онъ вышелъ какъ живой; на этихъ страницахъ пусть онъ заговоритъ самъ, своимъ стародавнимъ, вышедшимъ уже и тогда изъ употребленія официальнымъ языкомъ.

„Изъ рапорта моего вашему превосходительству отъ 1-го мая за № 26 извѣстно — доносилъ Мищенко Каханову ⁶⁴⁾ — что каранайскій Кази-Шихъ-Магометъ выпустилъ съ намѣреніемъ кумыкскихъ абрековъ, при Кази-муллѣ находящихся, убившихъ и ограбившихъ на пашнѣ казанищенскихъ жителей, что все не только Улубеемъ эрпелинскимъ и Юсуфомъ каранайскимъ, но и многими изъ жителей тѣхъ и деревни Ахатъ, мною по прибытіи въ Темиръ-Ханъ-Шуру опрашиваемыми, совершенно подтверждено; и сверхъ сего, всѣ единодушно, не только означенные беки, но Абу-Муселимъ казанищенскій и Ахметъ-ханъ дженгутайскій и многіе изъ жителей эрпелинскихъ, каранайскихъ и акотскихъ (?) объявили, что онъ, имѣя родственниковъ своихъ въ Гимрахъ, Кази-муллѣ приверженныхъ, имѣетъ безпрестанныя съ ними и съ прочими мошенниками сношенія ко вреду нашему, увѣдомляя о всѣхъ нашихъ движеніяхъ и о расположеніи къ нимъ здѣшнихъ народовъ; также зять его, уроженецъ гимрынскій, имѣющій тамъ всѣхъ своихъ родственниковъ, но, по случаю женитьбы на его дочери, живущій въ Каранай — Улубей-Султанъ-бекъ-оглы — дѣйствуетъ съ нимъ заодно въ пользу Кази-муллы и его приверженцевъ; и какъ Улубей эрпелинскій, по приказанію превосходительнаго шамхала тарковскаго, убилъ родного брата Улубея каранайскаго, привезшаго отъ Кази-муллы соблазнительныя письма, то сей измѣнникъ уже нѣсколько разъ тайно, въ ночное время, приводилъ къ Эрпелямъ по нѣскольку человекъ гимрынцевъ, дабы убить Улубея эрпелинскаго; и хотя они, неизвѣстно по чьей рекомендаціи, не только за злодѣянія въ прошломъ 1831 году, ими творимыя (ибо они первые изъ кумыкцевъ приняли къ себѣ Кази-муллу и склонили къ тому народъ, вездѣ сопутствовали ему и участвовали во всѣхъ его злодѣяніяхъ), по-

---

⁶³⁾ См. XV т. „Кавказскаго Сборника.“

⁶⁴⁾ Рапортъ его 6-го мая № 48. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3. Ч. I.

лучили отъ бывшаго здѣсь начальника корпуснаго штаба господина генераль-адъютанта Панкратьева не только во всемъ прощеніе, но, сверхъ того, и награждены, первый 100 рублями серебромъ, а послѣдній—золотою на георгіевской лентѣ медалью, но и послѣ того отъ прежнихъ измѣнническихъ и злодѣйскихъ своихъ дѣлъ не отстали, а продолжаютъ оныя, попрежнему безпрестанно настраиваютъ противъ насъ народъ, наклоняя его въ пользу мошенника Кази-муллы. Почему я, дабы положить таковымъ измѣнническимъ ихъ дѣламъ конецъ и избавить край сей отъ таковыхъ усердныхъ сотрудниковъ Кази-муллы и тѣмъ заставить и другихъ подобныхъ имъ злодѣевъ раскаяться и отстать отъ оныхъ, также дабы сохранить въ цѣлости извѣстнаго вашему превосходительству усердіемъ и преданностію къ правительству нашему, неоднократно доказавшаго то на дѣлѣ, хотя съ большимъ для себя вредомъ эрпелинскаго Улубея, на жизнь котораго посягалъ уже неоднократно Улубей каранайскій,—призналъ необходимостью вышеупомянутаго Кази-Шихъ-Мамеда и зятя его Улубея-Султанъ-бекъ-оглы подъ разными предлогами вызвать къ себѣ въ лагерь и, заарестовавъ сего числа, отправилъ для содержанія подъ строгимъ карауломъ въ крѣпость Бурную. О чемъ донося вашему превосходительству, прошу покорнѣйше сихъ злодѣевъ предать военному суду, дабы они получили достойное за дѣла свои наказаніе, по всей справедливости ими заслуженное, и чтобы не только не были они возвращены на прежнее ихъ жилище, но были бы вовсе удалены изъ своего края куда либо въ край сибирскій, на поселеніе; въ противномъ же случаѣ, если они будутъ отпущены съ наказаніемъ или безъ онаго въ свои дома, то никогда не достигнемъ мы столь желаннаго въ ономъ спокойствія. Селеніе же Каранай я поручилъ въ смотрѣніе коренному беку Юсуфу, на вѣрность и преданность его, доказанныя имъ въ прошедшемъ годѣ, весьма положиться можно и коего имѣть начальникомъ народъ желаетъ; но Кази-Шихъ-Мамедъ совершенно было власть отъ него отнялъ и управлялъ народомъ по своему желанію, во вредъ намъ и въ пользу мошенника Кази-муллы.“

Недаромъ артиллеристы, соратники этого чудака, назвали его—„Задонскія орды непобѣдимымъ ханомъ.“ Мищенко зама-

нилъ каранайскихъ измѣнниковъ въ лагерь и посадилъ въ Бурную подъ замокъ. Такъ и слѣдовало поступить всякому рѣшительному и толковому начальнику.

По 27-е апрѣля Кази-мулла находился въ Гимрахъ. Отсюда онъ угрожалъ Аваріи, Мехтулѣ и шамхальству; отсюда не трудно было проникнуть въ Чечню, на Аргунъ или въ Ичкерію черезъ горныя общества Андїи и Гумбета, а также къ кумыкамъ, въ Тарки, къ Бурной и Внезапной; отсюда же направлялись, минуя Кумухъ и кюринскія владѣнія, доступныя въ лѣтнее время тропы къ границамъ Кахетїи, въ долины Іоры и Алазани. Тутъ же, подъ бокомъ, находилась Салатавія, а въ сторонѣ, пройдя владѣнія даргинскаго союза, прибрежный Дагестанъ — Каракайтагъ съ Табасаранью. Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить малую доступность гимрынскаго ущелья и невозможность провезти по немъ артилерію, въ чемъ, однако, сомнѣвался Вельяминовъ. Мюршидъ никогда не держалъ при себѣ значительныхъ сборищъ, окружая себя большею частью ближайшими учениками, но вездѣ старался находить приверженцевъ, которымъ приказывалъ держать своихъ людей наготовѣ. Такая система вполне соответствовала народной войнѣ и характеру всѣхъ вообще народныхъ ополченій. Только немногіе партизаны имѣютъ возможность во всякое время и повсюду слѣдовать за своимъ предводителемъ; остальныхъ удерживаютъ на мѣстѣ обычныя занятія и работы, которыя опытный вождь не станетъ безъ надобности нарушать. Изъ этой массы людей не трудно составлять большія скопища, но держать ихъ въ продолжительномъ сборѣ нельзя. На сборные пункты вдали отъ родины горецъ шелъ неохотно, но легко присоединялся къ партїи, проходившей черезъ его аулъ, и нерѣдко увлекался ею даже въ далекія предпрїятія. Крайне воздержанный въ пищѣ, онъ шелъ всегда налегкахъ, бралъ съ собою нѣсколько чурековъ, довольствовался у жителей, когда истощался этотъ запасъ, или выходилъ мелкими партїями на грабежъ, если находился въ

нашихъ предѣлахъ. Какъ всякаго партизана, его не могла не томить неизвѣстность, и потому онъ всегда желалъ знать, съ какою цѣлью зовутъ его въ сборище и куда направятъ. Съ этою стороною дѣла не могъ не считаться Кази-мулла и, быть можетъ, она долго причиняла ему много хлопотъ; но въ концѣ концовъ онъ ловко справился съ нею, даже извлекъ изъ нея огромныя выгоды, рѣшивши держать край въ постоянномъ, ежеминутномъ ожиданіи призыва къ оружію. Въ донесеніи Мищенко 6-го мая читаемъ: собравъ до 500 разныхъ бѣглецовъ и гимрынцевъ, Кази-мулла поднялся вмѣстѣ съ Гамзатъ-бекомъ, Кази-Магометомъ яраглинскимъ и кадїемъ каранайскимъ ⁶⁵⁾ на гору Арактау; Гамзатъ сзываетъ людей, чтобы двинуться въ Джарскую область, Кази-мулла намѣренъ идти въ кумыкскія владѣнія, принадлежащія шамхалу, Магометъ яраглинскій—въ Кюринское ханство, а кадїй каранайскій—въ Аварію; не желая уступить другъ другу, они рѣшили бросить жребій—куда идти всѣми силами прежде и, конечно, жребїемъ не торопились. Такимъ образомъ власть какъ будто раздѣлялась, затушевывая волю имама, а рѣшеніе второстепенныхъ вопросовъ отдавалось на произволъ судьбы. Отчего же при такихъ условїяхъ и не попытать счастья тому, кто имѣлъ досугъ и чье отсутствіе не могло существенно отразиться на благосостояніи семьи? Кахетія манила къ себѣ дидойца, чеченецъ не прочь былъ поживиться шамхальскимъ добромъ, аварцу не всегда прїятно было оставаться стриженной овцой своихъ хановъ и ханшъ, наконецъ вѣсть о походѣ въ кюринскія владѣнія могла взволновать не только жителей ахтынскихъ магаловъ, но даже кое-кого изъ союзниковъ самой Акуши. А между тѣмъ эта неопредѣленность, при обилїи цѣлей, держала повсемѣстно людей наготовѣ, соединяя сначала cadaго для самого себя, а затѣмъ cadaго для всѣхъ. Въ наши дни одинъ изъ величайшихъ дипломатовъ находилъ нужнымъ держать мо-

---

⁶⁵⁾ До арестованія послѣдняго.

гущественное и высоко культурное государство подъ ружьемъ, чтобы приучить составныя части его къ единодушнымъ дѣйствіямъ и закрѣпить въ немъ единство, достигнутое трудомъ нѣсколькихъ поколѣній и кровавой войной.

Расположеніе Кази-муллы на плоскости Арактау демонстративно указывало на возможность вторженія въ Аварію или движеніе къ кахетинскимъ предѣламъ. Говорили, что Гамзатъ-бекъ уже тронулся въ путь къ Джарской области, а ко многимъ свѣдѣніямъ о готовящемся покушеніи на эту область присоединилось извѣстіе о появленіи партіи хищниковъ на горѣ Акималъ, въ 30-ти верстахъ отъ Белаганскаго укрѣпленія. Баронъ Розенъ началъ стягивать войска къ Царскимъ-Колодцамъ, но Кази-мулла вернулся назадъ, преслѣдуя, повидимому, совсѣмъ другія, болѣе близкія цѣли. Прежде всего онъ хотѣлъ избавиться отъ эрпелинскаго Улубея такимъ же способомъ, какъ и отъ Доудиль-Магомы. По словамъ Сеидъ-кадія, нѣсколько эрпелинцевъ обѣщали выдать Улубея живымъ или мертвымъ Кази-муллѣ, если онъ займетъ „въ лѣсу крѣпкое мѣсто“ близъ Эрпели. Самъ мюршидъ тайно осмотрѣлъ лѣса, но, кажется, съ другимъ намѣреніемъ. Затѣмъ онъ вернулся въ Гимры, изъ которыхъ тотчасъ же вышелъ со значкомъ и расположился у подошвы койсубулинской горы, приглашая къ себѣ жителей окрестныхъ деревень. Узнавъ отъ Улубея, что самымъ крѣпкимъ мѣстомъ между Эрпели и Чувмескентомъ считается Чалпу-тала, Мищенко приказалъ Абу-Муселиму и Ахметъ-хану немедленно отправить туда достаточное число людей, чтобы вырубить и сжечь окружающій лѣсъ и проложить къ нему удобныя для проѣзда нашей артилеріи дороги. На особенную ревность обоихъ лицъ Мищенко, конечно, не рассчитывалъ, такъ какъ наиболѣе дѣятельный изъ нихъ Абу-Муселимъ послалъ къ Чалпу-талѣ всего лишь 50 вооруженныхъ людей съ топорами.

Еще менѣе могъ полагаться Мищенко на вѣрность свѣ-

дѣній, доставлявшихся ему о Кази-муллѣ. Въ этомъ отноше-
ніи заслуживаетъ вниманія слѣдующая выдержка изъ его до-
несенія генералу Каханову ⁶⁶):

„О предпріятіяхъ или намѣреніяхъ мошенника Кази-муллы ваше
превосходительство изъ представляемыхъ при семъ въ оригиналѣ писемъ
отъ Абу-Муселима, Ахметъ-хана дженгутайскаго и Сеидъ-кадія аракан-
скаго усмотрѣть соизволите все различное, ибо сіе есть ничто иное какъ
пойманные слухи, самимъ Кази-муллою распушенные; настоящаго же
его намѣренія никто узнать не можетъ, ибо онъ, какъ извѣстно, весьма
тщательно оныя и отъ самыхъ близкихъ и преданныхъ ему людей скры-
вать старается. Другою въ тому препоною есть то, что никто изъ здѣш-
нихъ жителей, которымъ можно довѣрить, изъ опасенія быть узванными
и истребленными, ни за какія деньги и обѣщанія въ мѣстопребываніе
мошенника Кази-муллы идтить не соглашается; почему здѣшніе беки по-
лучаютъ извѣстія черезъ посылаемыхъ ими въ Унцукуль и Гимры по-
жилыхъ женщинъ, которыя доставляютъ имъ слышанное отъ таковыхъ
же изъ молвы народной.“

Въ числѣ многочисленныхъ свѣдѣній къ Мищенко попа-
дали, разумѣется, и вѣрныя, но для безошибочной оцѣнки ихъ
требовалось основательное знаніе края, чѣмъ даже и Мищенко
не могъ похвалиться. Впрочемъ, боевая опытность ему тот-
часъ же подсказала, гдѣ слѣдуетъ ожидать Кази-муллу, когда
пришло донесеніе, что имамъ простираетъ свои виды на Аку-
шу. Онъ пожалѣлъ, что не вступалъ до тѣхъ поръ въ сно-
шенія съ Магометъ-кадіемъ акушинскимъ и доложилъ Ка-
ханову:

„На случай же если сіи мошенники, согласясь, хотя и не скло-
нивъ на свою сторону акушинцевъ, пойдутъ, пробираясь черезъ ихъ вла-
дѣнія, въ Каракайтагъ или въ Кюринское ханство, то покорнѣйше про-
шу ваше превосходительство одинъ разъ навсегда предварительно раз-
рѣшить мнѣ повелѣніемъ своимъ, долженъ ли я со всѣмъ отрядомъ или,
оставя какую часть при Шурѣ (разумѣется, по присоединеніи къ оному

⁶⁶) Репортъ 6-го мая № 44. Дѣло то же.

егерскихъ баталіоновъ, безъ чего я здѣсь ничего уже оставить не могу), идтить къ Дербенту, или же оставаться со всѣмъ отрядомъ здѣсь“⁶⁷⁾).

Дѣло выходило сложнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Задача отряда заключалась въ сохраненіи спокойствія въ сѣверномъ Дагестанѣ, границы котораго были весьма растяжимы и не поддавались даже приблизительному опредѣленію, а между тѣмъ мятежники, пользуясь согласіемъ акушинцевъ, могли пройти черезъ ихъ земли въ западный Дагестанъ и даже проникнуть къ Дербенту. Мищенко не хотѣлъ пропустить случая напасть на нихъ во время движенія и, очевидно, боялся, чтобы дѣйствія его за предѣлами сѣвернаго Дагестана не приравнивали къ частнымъ экспедиціямъ, которыя были строго запрещены. Кахановъ отвѣчалъ уклончиво — разрѣшилъ Мищенко „оказать въ случаѣ надобности помощь Дербенту или другому атакованному пункту,“ подъ которымъ, вѣроятно, подразумѣвалъ Тарки или Бурную. Въ Таркахъ находился 1-й баталіонъ Куринскаго полка, а въ Бурной квартировали 3 роты Грузинскаго линейнаго № 11 баталіона. По расчету Каханова, отрядъ сѣвернаго Дагестана имѣлъ возможность прибыть къ послѣднему изъ этихъ пунктовъ въ одинъ переходъ. Не менѣе осторожный отвѣтъ получилъ Кахановъ отъ барона Розена на донесеніе свое объ этомъ предметѣ:

„По рапорту къ вашему превосходительству Апшеронскаго пѣхотнаго полка полковника Мищенко, отъ 6-го мая за № 44, одобряю сдѣланное вами распоряженіе, чтобы въ случаѣ надобности подать помощь Дербенту или другому атакованному пункту, слѣдовалъ къ оному *весь отрядъ*, находящійся въ с. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, не останавливаясь предположенными тамъ работами, изъ коихъ нынѣ можно производить только самыя необходимыя для помѣщенія людей.“

Къ 3-му мая собрался отрядъ сѣвернаго Дагестана. Онъ состоялъ изъ 5-ти ротъ Куринскаго пѣхотнаго полка (579 наличныхъ строевыхъ н. ч.), 4-хъ ротъ Апшеронскаго пѣхотнаго

---

⁶⁷⁾ Тамъ же.

полка (377 стр. н. ч.), 2-хъ баталіоновъ 42-го егерскаго полка (1118 стр. н. ч.), 5-ти орудій 3-й легкой роты 21-й артилерійской бригады, 4-хъ орудій 5-й резервной батарейной № 5 роты 22-й артилерійской бригады и Донского казачьяго № 13 полка (248 стр. каз.). Съ такими силами не трудно было обойти опасный запросъ о частыхъ экспедиціяхъ, главное же — одержать успѣхъ и побѣдою оправдать уклоненіе отъ воли Государя. Все чего могъ добиться Мищенко въ смыслѣ активныхъ дѣйствій, заключалось въ разрѣшеніи дѣйствовать рѣшительно, частью или всѣмъ отрядомъ, еслибы непріятель вздумалъ укрѣпиться у Чалпу-талы. Немного спустя, этимъ разрѣшеніемъ воспользовался подполковникъ Клюки-фонъ-Клюгенау, разбившій Кази-муллу въ тѣхъ же мѣстахъ, у Голь-Сустава.

Съ возвращеніемъ Кази-муллы въ Гимры, Мищенко неустанно слѣдилъ за нимъ и ежедневно сообщалъ Каханову о получавшихся извѣстіяхъ, стараясь очищать ихъ отъ клеветъ и противорѣчій. Наши туземные союзники не жалѣли бумаги и чернилъ. Они переписывались между собою, доносили Каханову, увѣдомляли Мищенку и сносились съ дербентскимъ комендантомъ маіоромъ Шнитниковымъ. Каждому изъ нихъ казалось, что главная опасность угрожаетъ ему, хотя бы ближайшія цѣли Кази-муллы, даже по ихъ понятіямъ, и были другія. Замѣтное исключеніе изъ этого дружнаго концерта составляли аварскіе ханы съ Паху-бике и отчасти Сулейманъ-мирза тарковскій. Почтеннѣйшая ханша перешла въ это время къ примирительной политикѣ съ Гамзатъ-бекомъ, а шамхаль пользовался благопріятной минутой, чтобы поживиться на чужой счетъ. Сулейманъ приказалъ отогнать скотъ черкейскихъ жителей за то, что они ограбили каранайцевъ, посланныхъ имъ же самимъ для ограбленія учениковъ и приверженцевъ Кази-муллы. Такъ какъ черкейцы не имѣли счастья находиться въ числѣ подвластныхъ шамхала, то наскокъ его на чужую соб-

ственность прежде всего не понравился Каханову, который и попросилъ его воздержаться на будущее время отъ дѣйствій, несовмѣстныхъ ни съ видами нашего правительства, ни съ его собственными правами ⁶⁸⁾. Черезъ нѣсколько дней Мищенко доносилъ Каханову, что черкейцы рѣшили овладѣть стадами кумтаркалинскихъ жителей и напасть на скотъ, принадлежавшій нашему отряду, у Темиръ-Ханъ-Шуры.

Изъ обычныхъ извѣстій, относящихся къ этому времени, обращаютъ на себя вниманіе рапорты и. д. дербентскаго коменданта генералу Каханову. Въ одномъ изъ нихъ говорится, что Кази-мулла ожидаютъ на курбанъ-байрамъ въ Акушѣ. Толпы его состоятъ изъ чеченцевъ, аварцевъ, дагестанцевъ и осетинъ, обращенныхъ въ мусульманство. Народъ убѣжденъ, что Асланъ-ханъ казикумухскій дѣйствуетъ заодно съ имамомъ и охотно вѣритъ что Тифлисъ уже занятъ войсками двухъ турецкихъ пашей ⁶⁹⁾. Послѣднее живо напоминаетъ 1877 годъ, когда такіе же точно слухи поддерживали горцевъ восточнаго Кавказа въ безумной борьбѣ съ нами. Кази-мулла собирается въ Цудахаръ и Акушу, откуда думаетъ проникнуть черезъ Мюрагу въ Кайтагъ. Каракайтагскіе беки рѣшили ѣхать ему на встрѣчу. Имамъ говоритъ:

„Акушинцы болѣе всѣхъ мнѣ преданы, а въ прочихъ деревняхъ Дагестана мало кто меня не желаетъ; большая же часть меня любитъ“ ⁷⁰⁾.

Кажется, Кази-мулла не ошибался въ своихъ скромныхъ выводахъ, за исключеніемъ, пожалуй, однихъ только общинъ Акуши, туго подчинявшихся ученію, съ которымъ соединялась идея главенства надъ ними имама. Но на нихъ-то въ настоящую минуту и обратилъ свое особенное вниманіе Кази-мулла. Спустившись въ концѣ апрѣля съ Арактау, онъ оста-

---

⁶⁸⁾ Рапортъ г.-м Каханова барону Розену, 7-го мая № 169. Дѣло шт. отд. кав. кор., по ген. шт. 1832 г. № 3. Ч. 1.

⁶⁹⁾ Рапортъ его отъ 30-го апрѣля № 23. Дѣло то же.

⁷⁰⁾ Рапортъ и. д. дербентскаго коменданта генералу Каханову, 29-го апрѣля № 29. Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3. Ч. 1.

новился на короткій срокъ въ Балаканахъ, затѣмъ передвинулся къ Араканамъ и наконецъ появился въ Унцукулѣ. Араканцы, присягнувъ своему кадю, единодушно рѣшили встрѣтить возмутителей съ оружіемъ въ рукахъ, но это не успокоило Сеида, опасавшагося ненависти къ себѣ Кази-муллы. Онъ предложилъ Абу-Муселиму, Ахметъ-хану и Улубею эрцелинскому воспользоваться отсутствіемъ имама изъ Гимръ, собрать подвластныхъ и ударить съ ними на эту твердыню. Этотъ планъ, однако не удался, благодаря равнодушію владѣтелей и особенно Улубея, роль котораго въ данномъ случаѣ остается совсѣмъ непонятной. Между прочимъ Улубей увѣрялъ, что Кази-мулла вель за собою ничтожную партію, состоящую изъ однихъ только гимрынцевъ, тогда какъ изъ многихъ источниковъ было извѣстно, что у него подъ рукою имѣется отъ 200 до 300 человѣкъ. Направленіе, принятое имамомъ, ясно указывало на поползновенія его противъ владѣній Акуши.

Магометъ-кадіи акушинскій находился въ это время на зимнихъ пастбищахъ, въ кишлакахъ. Получивъ извѣстіе, что Кази-мулла съ Кази-Магометомъ яраглинскимъ и Гусейнъ-Аликадіемъ башлынскимъ рѣшили посвятить смуты въ даргинскихъ владѣніяхъ и, пройдя ихъ, вторгнуться въ Каракайтагъ, онъ быстро спустился съ горъ и ночью 29-го апрѣля прибылъ въ д. Акушу. На другой день утромъ гонцы его полетѣли въ Цудахаръ, Мекягу, Усушу, Меге и къ „другимъ маленькимъ деревнямъ, заключающимся въ Даргѣ.“ На сборѣ кадіевъ, старшинъ и почетныхъ людей Магометъ-кадіи держалъ пылкую рѣчь, предостерегалъ ихъ отъ губельныхъ увлеченій, призывалъ къ оружію противъ бунтовщиковъ и грозилъ отказаться отъ своей власти, если они не послѣдуютъ его совѣтамъ.

„Когда я говорилъ сіи слова—доносилъ почтенный кадіи генералу Каханову—они, посовѣтовавшись между собою, приняли ихъ и дали слово, повинувшись моему велѣнію, драться съ Кази-муллою, если онъ прійдетъ въ сіи деревни.“

Представители обществъ тутъ же положили штрафъ въ пользу даргинскихъ шурути (есауловъ) по 22 руб. сер. съ каждаго, кто не явится на битву, и по 44 руб. сер. съ тѣхъ, кто перейдетъ къ возмутителямъ ⁷¹⁾. О такомъ постановленіи свидѣтельствовалъ также и Сулейманъ-мирза, отправившій акушинцамъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ держаться присяги, если они не желаютъ навлечь на себя бѣдствій. Само собою разумѣется, что достигнутый результатъ шамхаль приписалъ самому себѣ, увѣряя, что посланные его нашли кадія въ большомъ смущеніи. Въ свою очередь дербентскій комендантъ, извѣщенный о замыслахъ Кази-муллы противъ Кайтага, послалъ къ наиболее склоннымъ къ мятежу башлыицамъ своего переводчика Лаврилева, какъ видно, человѣка русскаго, хорошо знакомаго съ горцами и неразъ уже съ успѣхомъ исполнявшаго трудныя порученія. Лаврилевъ дѣйствовалъ смѣло, не стѣсняясь, прибѣгалъ къ угрозамъ и добился согласія кабардинскихъ магаловъ не участвовать въ мятежѣ ⁷²⁾.

Между тѣмъ Кази-мулла продолжалъ подвигаться впередъ. Существуетъ извѣстіе, по которому онъ направился изъ Унцукуля не прямо къ акушинскимъ владѣніямъ, а сначала сдѣлалъ попытку провизнуть къ укрѣпленной деревнѣ Салты. Жители этого прогрѣвшаго впоследствии аула, своевременно предупрежденные противъ измѣны, не допустили его къ себѣ. Тогда онъ повернулъ назадъ и явился къ цудахарской деревнѣ Купца-Макхи, приблизивъ Гамзатъ-бека съ другой стороны къ самому Цудахару ⁷³⁾. Въ Купцѣ образовалась партія въ пользу Кази-муллы, которая и призвала его въ свою деревню, а въ Цудахарѣ обнаружилъ свою вредную дѣятельность единомышленный ему кадій, увѣрявшій до тѣхъ поръ Магометъ-кадія, что онъ давно отказался отъ всякихъ связей съ

⁷¹⁾ Дѣло шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3, ч. I, стр. 519 и 553.

⁷²⁾ Дѣло то же. Рапортъ г. Каханова барону Розену, 12-го мая № 181.

⁷³⁾ Тамъ же.

своимъ бывшимъ учителемъ. Къ счастью, сила была на сторонѣ Магометъ-кадія, и затѣя Кази-муллы не удалась. Едва приблизились акушинцы къ Кушѣ, какъ имамъ вышелъ оттуда и удалился въ Гергебиль, которому также суждено было пріобрѣсти въ недалекомъ будущемъ громкую извѣстность. Полный успѣхъ повидимому, увѣнчалъ рѣшительный образъ дѣйствій акушинскаго кадія.

О послѣдствіяхъ, которыя грозили намъ въ случаѣ удачи Кази-муллы въ обществахъ даргинскаго союза, можно до нѣкоторой степени судить по донесенію шамхала, умѣвшаго, несмотря на всю его безхарактерность, довольно вѣрно оцѣнивать положеніе дѣлъ въ ближайшихъ къ себѣ районахъ. Онъ писалъ генералу Каханову ⁷⁴⁾:

„Если акушинцы соединятся съ ними ⁷⁵⁾ и сдѣлаютъ покушеніе на крѣпость Бурную, то для русскаго войска невыгодно будетъ оставаться въ Шурѣ, ибо за измѣною акушинцевъ всѣ жители сей страны и даже другіе глупцы соединятся съ ними, невзирая на послѣдствія. Тогда прекратится и сообщеніе между Тарками и Шурою, затрудненіе встрѣтится въ доставленіи провіанта и дѣла пойдутъ дурно.“

Положимъ, Сулейманъ-мирза болѣе всего опасался за свои Тарки, о чемъ свидѣтельствуется то же письмо его къ Каханову, но во всякомъ случаѣ измѣна даргинцевъ дѣйствительно могла повернуть наши дѣла въ дурную сторону. Угрожая нашему положенію въ предѣлахъ сѣвернаго Дагестана, она открывала Кази-муллѣ свободный путь въ прибрежный Дагестанъ и ставила его у воротъ Кумуха. При своихъ географическихъ условіяхъ, сильная своимъ стародавнимъ союзомъ, Акуша могла считаться завиднымъ и желательнымъ сторонникомъ не только для Кази-муллы, но даже и для насъ. Впослѣдствіи Шамиль неустанно добивался признанія своей власти этимъ союзомъ, но склонилъ его на свою сторону лишь послѣ долгихъ усилій и

---

⁷⁴⁾ 3-го мая. Дѣло то же.

⁷⁵⁾ Съ мятежниками.

осторожно подготовленнаго труда. Эти же свободолюбивые общины въ числѣ первыхъ и отпали отъ него при окончательномъ покореніи восточнаго Кавказа, что, впрочемъ, не помѣшало Цудахару разыграть весьма выдающуюся роль въ событіяхъ 1877 года на почвѣ посѣяннаго Кази-муллою и Шамилемъ мюридизма. Баронъ Розенъ благодарилъ акушинскіе общества за вѣрность и обѣщалъ имъ наше особое покровительство, если они и впредь будутъ вести себя такимъ образомъ. Осыпая похвалами Магометъ-кадія, онъ донесъ о случившихся графу Чернышеву, а военный министръ доложилъ Государю. Его Величество приказалъ объявить Магометъ-кадію и акушинскому народу монаршее благоволеніе и дозволилъ барону Розену войти съ представленіемъ въ наградамъ тѣхъ, кто удержалъ общества въ повиновеніи нашей власти. Ровно черезъ двѣ недѣли Государь, всегда отзывчивый и благодарный къ дѣйствительнымъ заслугамъ, вторично приказалъ запросить корпуснаго командира, считаетъ ли онъ нужнымъ наградить акушинскаго кадія, но баронъ Розенъ, ссылаясь на пенсію, недавно полученную кадіемъ, нашелъ болѣе удобнымъ наградить его лишь послѣ новыхъ заслугъ ⁷⁶⁾. Причину отрицательнаго отвѣта великодушнаго и щедраго на награды барона Розена слѣдуетъ искать въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ самого кадія. Дѣло въ томъ, что выгнать Кази-муллу изъ Куппы было гораздо легче, чѣмъ справиться потомъ съ его довольно многочисленными приверженцами въ цудахарскихъ деревняхъ. По удаленіи мятежниковъ, Магометъ-кадій рѣшилъ оштрафовать куппинцевъ, согласно постановленію обществъ, правда, не всѣхъ и собранныхъ на скорую руку, второпяхъ. Жители Куппы, въ которой сидѣлъ тогда Кази-мулла, не участвовали въ этомъ собраніи и потому находили необязательнымъ для себя его приговоръ. Они отказались отъ уплаты штрафа за измѣнвшихъ

---

⁷⁶⁾ Отношенія военнаго министра барону Розену, 9-го іюня № 821 и 23-го іюня № 866. Дѣло то же, ч. II.

односельчанъ и объявили себя вышедшими изъ даргинскаго союза. Конечно, сама Купца не въ силахъ была отказать требованіямъ большинства союзныхъ обществъ и, оторвавшись отъ нихъ, не смѣла и думать объ отдѣльномъ существованіи, но ее поддерживалъ сильный Цудахаръ, отъ котораго въ это время трудно было добиться какого нибудь толку, такъ какъ въ немъ царила внутренняя смута. По словамъ Магометъ-кадія, сынъ не шелъ за отцомъ, младшій братъ за старшимъ; никто не повиновался почетнымъ людямъ и старшинамъ; раздоръ дошелъ до того, что цудахарцы чуть не убивали другъ друга. Дѣло обѣщало затянуться и врядъ ли могло прійти къ благопріятнымъ для насъ результатамъ безъ особенныхъ усилій со стороны акушинскаго кадія и его единомышленниковъ. Съ Купцою онъ кое-какъ поладилъ, разумѣется, отказавшись отъ неумѣстнаго штрафа, но цудахарцы продолжали отбиваться отъ его рукъ.

Ф. фонъ-Климанъ.

(Продолженіе будетъ).

СОДЕРЖАНІЕ

первыхъ пятнадцати томовъ Кавказскаго Сборника.

Томъ I.

Воспоминаніе изъ кавказской старины. *В. Андреева.*

Отрывокъ изъ „Исповѣди.“ *Лачинова.*

Ермоловъ и Паскевичъ. *В. Андреева.*

Отступленіе изъ Хунзаха. *Пассека.*

Нашествіе скопищъ Шамиля на Кахетію въ 1854 году. *Кн. Баратова.*

Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ въ сраженіи при Кюрюкь-Дара. „*Нижегородскій драгунъ.*“

Воспоминаніе о кампаніи 1855 года въ Азіятской Турціи (съ картами въ текстѣ). *Князя Дондукова-Корсакова.*

Лезгинская экспедиція (въ Дидойское общество) въ 1857 году. *Н. Волконскаго.*

Томъ II.

Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ съ начала 1838 до конца 1842 года.

Отрывокъ изъ „Исповѣди.“ *Лачинова.*

Экспедиція въ Дарго (1845 г.). *Николая Горчакова.*

Воспоминанія 1855 года. *Маіора Османъ-бея.*

Лезгинская экспедиція (въ Дидойское общество) въ 1857 году (окончаніе). *Н. Волконскаго.*

Послѣдняя борьба съ горцами на западномъ Кавказѣ. *Н. Дроздова.*

Томъ III.

Походныя записки на Кавказѣ съ 1835 по 1842 годъ. *М. Ф. Федорова.*

1845 годъ. Воспоминанія *В. А. Геймана.*

1858 годъ въ Чечнѣ. *Н. Волконскаго.*

Томъ IV.

Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія въ 1840 году. *Иосифа Мирославскаго.*

Вторженіе Шамиля въ Кабарду въ 1846 году. *Н. Горчакова.*

Экспедиція въ Салатавію въ 1858 году. *Графа Добровольскаго-Евдокимова.*

Изъ боевыхъ воспоминаній. *И. II.*

Окончательное покореніе восточнаго Кавказа (1859-й г.). *Н. А. Волконскаго.*

Томъ V.

Погромъ Чечни въ 1852 году. *Н. А. Волконскаго.*

Гурійскій отрядъ въ 1855 году. *Услара.*

Ингурскій бой 25-го октября 1855 года.

Военныя дѣйствія въ Кубанской области съ 1861 по 1864 годъ. *В. Солтана.*

Томъ VI.

1843 годъ на Кавказѣ. *А. Юрова.*

1845 годъ на Кавказѣ. *А. Ржевускаго.*

Трехлѣтіе въ Дагестанѣ. 1847 годъ. Осада Гергебиля и взятіе Салты. *Н. А. Волконскаго.*

Изъ кавказской жизни. 1848 годъ въ Дагестанѣ. *Графа Добровольскаго-Евдокимова.*

Томъ VII.

Генераль Вельяминовъ и его значеніе для исторіи кавказской войны. *Н. III.*

1844 годъ на Кавказѣ. *А. Юрова.*

1845 годъ на Кавказѣ (окончаніе). *А. Ржевускаго.*

Трехлѣтіе въ Дагестанѣ. 1848 годъ. Взятіе Гергебиля и геройская защита укрѣпленія Ахты. *Н. А. Волконскаго.*

Экспедиція 1850 года на лезгинской линіи (переводъ съ французскаго).

Томъ VIII.

Три года на Кавказѣ. 1837—1839 г. *А. Юрова.*

Трехлѣтіе въ Дагестанѣ. 1849 годъ. Осада укрѣпленія Чохъ. *Н. А. Волконскаго.*

Экспедиція 1854 года на правомъ флангѣ кавказской линіи.
Графа Добровольскаго-Евдокимова.

Занятіе Салатавіи въ 1857 году. *В. Солтана.*

Пшехскій отрядъ. *К. Гейнса.*

Томъ ІХ.

Три года на Кавказѣ. 1837—1839 г. *А. Юрова.*

Трехлѣтіе на лезгинской кордонной линіи. 1847—1849 г. *Н. А. Волконскаго.*

Лѣвый флангъ кавказской линіи въ 1848 году. *К.*

Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1852 и 1853 годахъ.
В. Солтана.

Дѣйствія охотничьей команды Кабардинскаго полка въ Кубанской области 6-го іюня 1862 года.

Томъ Х.

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 годъ въ связи съ мюридизмомъ. *Н. А. Волконскаго.*

1840, 1841 и 1842 годы на Кавказѣ. *А. Юрова.*

Лѣвый флангъ кавказской линіи въ 1848 году (продолженіе). *К.*

Обзоръ военныхъ дѣйствій на западномъ Кавказѣ съ 1848 по 1856 годъ. *И. Дроздова.*

По поводу возстанія въ Закатальскомъ округѣ въ 1863 году.

Томъ ХІ.

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ (продолженіе). *Н. А. Волконскаго.*

1840, 1841 и 1842 годы на Кавказѣ (продолженіе). *А. Юрова.*

Лѣвый флангъ кавказской линіи въ 1848 году (окончаніе). *К.*

Обзоръ военныхъ дѣйствій на западномъ Кавказѣ съ 1848 по 1856 годъ (окончаніе). *И. Дроздова.*

Вторженіе Шамиля въ джаро-белаканскій округъ въ 1853 году.
С. Порембскаго.

Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1854 году. *В. Солтана.*

Высадка въ 1857 году на черкесскій берегъ польско-англійскаго десанта.

Томъ XII.

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 годъ въ связи съ мюридизмомъ (продолженіе). *Н. А. Волконскаго.*

1840, 1841 и 1842 годы на Кавказѣ (продолженіе). *Н. В.*

Летучій отрядъ въ 1850 и 1851 годахъ. *К.*

Обзоръ событій въ Дагестанѣ въ 1855 и 1856 годахъ. *В. Солтана.*

Томъ XIII.

Окончательное покореніе осетинъ. *В. Чудинова.*

Утвержденіе наше въ Абхазіи.

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 годъ въ связи съ мюридизмомъ (продолженіе). *Н. А. Волконскаго.*

1840, 1841 и 1842 годы на Кавказѣ (продолженіе). *Н. В.*

Зимняя экспедиція 1852 г. въ Чечнѣ. *К.* (Воспоминанія очевидца).

Томъ XIV.

Кавказъ въ 1787—1799 годахъ.

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ (продолженіе). *Н. А. Волконскаго.*

Возстаніе гурійцевъ въ 1841 году. *В. Чудинова.*

1840, 1841 и 1842 годы на Кавказѣ (продолженіе). *Н. В.*

Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1846 году. *К.*

Томъ XV.

Кавказъ въ 1787—1799 годахъ. *Н. А. Волконскаго.*

Служба артилерійскаго офицера, воспитывавшагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году. *Э. В. Бриммера.*

Имеретинская неурядица въ 1809 и 1810 годахъ. *В. Чудинова.*

Кавказская линія подъ управленіемъ генерала Емануеля. *С. Филонова.*

Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1846 году (продолженіе). *К.*

Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 годъ въ связи съ мюридизмомъ (продолженіе). *Ф. фонъ-Климана.*

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Кавказскомъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Военно-Историческій Отдѣлъ при Штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Форма изложенія, форма и видъ рукописи не должны стѣснять автора или владѣльца ея; необходимо только, при высылкѣ или при личномъ представленіи сочиненій, дѣлать указанія: кѣмъ, а если это заслуживаетъ вниманія—то и при какихъ условіяхъ они составлены.

Редакція проситъ подъ статьями *четко* подписывать свои имена и адреса; причемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики. Статьи *неподписанныя* печатаемы не будутъ.

Если авторы пожелаютъ, то имѣется возможность за высылаемыя статьи опредѣлить слѣдующее вознагражденіе: за переводы—15 руб. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи—20 руб., за оригинальныя статьи—50 руб., за приложенія къ нимъ—30 руб. и за документы—25 рублей.

Авторы имѣютъ право на полученіе 20-ти отдѣльныхъ оттисковъ своихъ статей; желающіе получить ихъ приглашаются обозначать объ этомъ на рукописяхъ.

Подписка на «Кавказскій Сборникъ» принимается въ Тифлисѣ, въ Военно-Историческомъ Отдѣлѣ. Каждый томъ отдѣльно стоитъ 2 руб.; пересылочныхъ за два фунта.

Редакторъ «Кавказскаго Сборника»

Начальникъ Военно-Историческаго Отдѣла,

Генераль-лейтенантъ *Чернявскій.*

